

ВНѢШНІЙ
БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при кор. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

ТОМЪ I-

ИСТОРІЯ ОДЕЖДЫ, ВООРУЖЕНІЕ, ПОСТРОЕКЪ, И УТВАРІ
НАРОДОВЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

Съ 1945 отдѣльными изображеніями по рисункамъ сочинителя.

ЧАСТЬ I-я.

ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ.

Съ нѣмецкаго В. Чаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Копп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1873.

ВНѢШНІЙ
БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

~~~~~  
СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Проессора и преподавателя при Берлинской Академіи Художествъ.

~~~~~  
ТОМЪ I.

Съ 1945 отдѣльными изображеніями по рисункамъ сочинителя.

~~~~~
МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1873.

ИСТОРІЯ
ОДЕЖДЫ, ВООРУЖЕНІЯ, ПОСТРОЕКЪ и УТВАРИ
НАРОДОВЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при корол. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

„Vestis virum reddit.“

Quintilian.

„Kleider machen Leute (по наряду и почету). Въ этихъ словахъ скрыта неисчерпаемая мудрость. Ими объясняются удивительнѣйшія событія чедовѣческой жизни, событія, которыя столь многимъ, и философамъ всего болѣе, кажутся непонятными“.

Рабенеръ.

Часть 1-я.

ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ.

Съ нѣмецкаго В. Чаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1873.

Рисунки дозволены цензурой. Москва. Декабря 2 дня 1872 г.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Настоящая книга есть переводъ 1-й части 1-го тома недавно оконченнаго *) большого сочиненія г. Вейса, профессора и преподавателя при Берлинской Академіи Художествъ: *Kostümkunde*.

Чтобы съ-разу ознакомить читателя съ содержаніемъ сочиненія г. Вейса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точнѣе опредѣлить для него смыслъ заглавія, выставленнаго на нашемъ переводѣ, приводимъ здѣсь начальныя строки изъ предисловія автора къ 1-му тому: „Слово *Kostüm* **) — сказано тамъ — употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Иногда, принимая его въ самомъ точномъ и вмѣстѣ самомъ обширномъ его смыслѣ, разумѣютъ подъ нимъ вообще всё требуемое извѣстнымъ временемъ, весь его обычай (*das Zeitübliche überhaupt*); иногда, ограничивая смыслъ слова, обозначаютъ имъ одну какую нибудь частность этого обычая и въ такомъ случаѣ обыкновенно — обычай въ одеждѣ, нарядахъ и украшеніяхъ. Настоящее руководство, ***) какъ это видно и изъ его заглавія, не имѣло въ

*) Въ Маѣ нынѣшняго года.

**) Какъ условный терминъ, техническое выраженіе, прилагаемое преимущественно къ произведеніямъ искусства, это слово принято и во Французскомъ языкѣ (*le Costume*) и значить, по Словарю Французскаго языка Ляттрэ: 1) правдивое воспроизведеніе нравовъ и обычаевъ поэтами, писателями и артистами. „*Cette louange vous est due d'avoir appris le costume aux Français*“ писалъ Вольтеръ извѣстной австрійскій Клеронъ; 2) въ живописи — точность въ изображеніи зданій, мебели, оружія извѣстнаго времени; 3) костюмъ собственно — Слово костюмъ итальянское — *il Costume*, собственное значеніе котораго совершенно одинаково съ нашимъ: обычай, въ смыслѣ: старый обычай, русскій обычай, обычай страны. Пер.

***) *Kostümkunde* г. Вейса выходило выпусками въ продолженіе 16 лѣтъ (съ 1856 по 1872). Первые выпуски вышли подъ названіемъ Руководства, согласно первоначальному плану автора. Это названіе осталось и за первымъ томомъ, тогда какъ второй и третій названы Исторією. Но такъ какъ авторъ, въ предисловіи къ 3-му тому (въ примѣчаніи) даетъ названіе Исторія и первому тому, то мы въ своемъ переводѣ послѣдовали этому авторскому указанію и озаглавили первый томъ Исторією, а не Руководствомъ.

виду разсматривать „Kostüm“ ни въ его широкомъ, ни въ его тѣсномъ смыслѣ: оно ограничило или, если угодно, расширило свою задачу, предположивъ представить (сначала по отношенію къ народамъ древняго міра) въ историческомъ развитіи всё то, что составляетъ внѣшнюю сторону жизни, ея, такъ сказать, пластическое выраженіе, ея наружную форму, и лишь насколько эта форма, въ своихъ видоизмѣненіяхъ у разныхъ народовъ и въ разные эпохи, обуславливалась ихъ культурнымъ развитіемъ, коснуться и исторіи ихъ культуры. Но въ продолженіе работы надъ нимъ, оно приняло такіе размѣры, что, оставаясь преимущественно исторіею пластической формы древней жизни, стало вмѣстѣ и какъ-бы иллюстрированную исторіею древней культуры. Такой объемъ его не входилъ, однакожъ, въ первоначальный планъ автора: онъ данъ внимательнымъ изученіемъ самого предмета.“ (Предисл. къ 1 тому).

Опрелѣляя содержаніе сочиненія г. Вейса, эта выписка даетъ возможность русскому читателю рѣшить удачно ли выбранное нами заглавіе. Мы же съ своей стороны замѣтимъ, что при выборѣ его руководились не желаніемъ перевести болѣе или менѣе близко нѣмецкое заглавіе (что было бы и трудно), а имѣя въ виду, главнымъ образомъ, содержаніе переводимаго сочиненія, прискивали такое выраженіе, которое обнимало бы собою, вмѣщало бы въ себя, это содержаніе. Поэтому, намъ кажется умѣстнымъ, для большей точности, объяснить здѣсь наше заглавіе. Подъ „внѣшнимъ“ бытомъ мы разумѣемъ ту матеріальную обстановку, которую вырабатываетъ себѣ жизнь народа подъ вліяніемъ условій мѣстныхъ, климатическихъ, экономическихъ, историческихъ. Какъ произведеніе жизни народа, внѣшній бытъ его тѣсно связанъ съ его „внутреннимъ“ — умственнымъ и нравственнымъ — бытомъ, т. е. его повѣрьями, обычаями, обрядами и т. д. Въ силу этой связи онъ приобретаетъ право на изученіе и становится предметомъ культурно-историческихъ изслѣдованій.

Сочиненіе г. Вейса распадается на три отдѣла: первый изъ нихъ посвященъ древнему міру; второй — среднимъ вѣкамъ до начала 14-го столѣтія; третій — продолженъ до нашего времени. Всё содержаніе внѣшняго быта авторъ подводитъ подъ четыре рубрики: одежду, вооруженіе, постройки и утварь. Постройки онъ разсматриваетъ, впрочемъ, только въ первомъ отдѣлѣ; во второмъ и третьемъ эта рубрика имъ уничтожена (по причинамъ чисто внѣшнимъ, какъ онъ говоритъ въ коротенькомъ предисловіи ко 2-му тому) и оставлены только три, или вѣрнѣе, двѣ: одежда и утварь, но такъ какъ онъ соединяетъ одежду и вооруженіе подъ одну рубрику: die Tracht, что допускаетъ нѣмецкій языкъ и чего не позволяетъ русскій, то мы должны были изъ этой одной рубрики сдѣлать двѣ. Вообще не лишнимъ будетъ здѣсь

замѣтить, во избѣжаніе недоумѣній, которыя могутъ возникнуть въ русскомъ читателѣ, что авторъ даетъ своимъ рубрикамъ очень широкій объемъ. Въ первую рубрику, кромѣ вооруженія, какъ мы уже говорили, вмѣстѣ съ уборами и украшеніями вошло и убранство волосъ и косметическія средства; вторая—постройки (*der Bau*), обнимаетъ у него не только всякаго рода зданія, но и мосты, дороги, каналы, судостроеніе, даже военный стаць,—словомъ, всё, къ чему только приложимо понятіе стройки. Еще шире третья рубрика: утварь (*das Geräth*). Въ неё входятъ и такіе предметы, которые, на первый взглядъ, какъ-то не вжуются съ остальными; напр. боевыя колесницы, осадныя машины, вмѣстѣ съ сосудами, мебелью, храмовою утварью, музыкальными инструментами, игральными приборами и пр. Такое сопоставленіе въ нѣмецкомъ сочиненіи оправдывается самымъ значеніемъ слова: *Geräth*, очень широкимъ, и его употребленіемъ какъ *Kriegs—Kultus—Spielgeräth* и т. д.; но въ русскомъ переводѣ оно можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Совсѣмъ тѣмъ, мы не рѣшились измѣнить принятаго авторомъ порядка въ размѣщеніи предметовъ, тѣмъ болѣе, что, по крайнему нашему разумѣнію, слово „утварь“, въ общеупотребительномъ его значеніи не убранства только (црк.-сл. утваріе, отъ утваряти), а вообще движимыхъ принадлежностей дома, хозяйства, производства (утварь домашняя, хозяйственная и т. п.), могло быть примѣнено и къ такимъ принадлежностямъ древняго военнаго ремесла, какъ колесницы, машины, знамена, трубы, о которыхъ только и идетъ здѣсь рѣчь, такъ какъ оружіе и вооруженіе отдѣлены подъ особую рубрику.

Рядомъ съ предисловіемъ автора къ 1-му тому мы приложили и другое его предисловіе, напечатанное въ послѣднемъ выпускѣ его сочиненія. Соединенныя вмѣстѣ, эти два предисловія представляютъ какъ-бы исторію сочиненія г. Вейса, отъ самаго его начала до конца. Изъ нихъ читатель узнаетъ, что побудило автора приступить къ работѣ, какое спеціальное назначеніе имѣлъ онъ для нея въ виду, какія трудности долженъ былъ преодолевать чтобы довести до конца трудъ, содержаніе котораго, а вмѣстѣ и объемъ, разрастались, такъ сказать, у него подъ перомъ, почти противъ его воли, и наконецъ, собственное его мнѣніе о своемъ уже оконченномъ трудѣ. Второе предисловіе переведено у насъ вполне; изъ перваго мы выпустили, для избѣжанія повторенія, начало, уже приведенное выше, и еще одно мѣстцъ, содержащее въ себѣ обѣщаніе автора, не останавливаться на первомъ томѣ, а продолжать и далѣе свою работу. Теперь, когда обѣщаніе исполнено и работа закончена, мѣсто это, очевидно, потеряло свое значеніе.

Не считая себя въ правѣ братья за оцѣнку научнаго достоинства сочиненія г. Вейса, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что оно, несомнѣнно трудъ добросовѣстный, богатый фактами, богатый библиографическими

указаніями, и уже по одному этому заслуживающій полнаго вниманія всѣхъ занимающихся или интересующихся предметомъ, которому онъ посвященъ.

Переводъ второй части перваго тома:—классическіе народы и первобытные жители Сѣверной Европы—выдетъ въ теченіе будущаго года.

Декабрь, 1872.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ АВТОРА КЪ 1-МУ ТОМУ.

Задумавъ написать настоящее руководство *) , я имѣлъ преимущественно въ виду только крайнюю необходимость такой книги для художниковъ, и потому, планъ для него составилъ на основаніи записокъ приготовленныхъ мною для лекцій въ здѣшней Академіи художествъ. Согласно съ предполагаемой цѣлью, я намѣренъ былъ изложить въ сжатомъ очеркѣ всё касающееся исторіи одежды и обстановки вообще. Но уже при составленіи проекта, который долженъ былъ извѣстить публику о моей книгѣ, предложенный планъ ея показался мнѣ до такой степени узкимъ въ виду того положенія, которое занимаетъ относительно другихъ наукъ общее костюмовѣденіе (Kostümwissenschaft) **) преимущественно въ Германіи, а древнее костюмовѣденіе — вездѣ, что я тогда же заявилъ о намѣреніи обработать выбранный мною предметъ съ болѣе широкой точки зрѣнія. Выставленная въ программѣ сочиненія цѣль автора—„вывести развитіе вѣшняго быта изъ мѣстныхъ условій и взаимныхъ отношеній народовъ, и придти этимъ путемъ къ результатамъ, которые имѣли бы значеніе для исторіи культуры“ — эта цѣль и усилія достигнуть ея, вмѣстѣ съ желаніемъ автора быть въ тоже время полезнымъ и художникамъ — и были главною причиною, заставившею его расширить свой трудъ до такого объема, какого онъ самъ сначала не предвидѣлъ. Въ какой мѣрѣ удалось ему оправдать ожиданія, которыя не безъ основанія могли быть возбуждены подобною работою — всего менѣе осмѣливается рѣшать онъ самъ. Судить объ этомъ онъ долженъ предоставить тѣмъ свѣдущимъ въ дѣлѣ людямъ, которые захотятъ изучить его трудъ съ такимъ же серьезнымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ работалъ надъ нимъ; ибо имѣть сомнѣнія,

*) См. нашу замѣтку, въ прим. Пер.

**) По совершенному неизвѣстнѣю слова, соответствующаго слову Kostüm въ томъ значеніи, какое ему придаетъ здѣсь авторъ, мы рѣшились перевести Kostümwissenschaft, костюмовѣденіемъ.

что такое изученіе не будетъ лишнимъ для правильной оцѣнки опыта, перваго въ своемъ родѣ: изобразить въ одной исторической картинѣ всю совокупность виѣшнихъ явленій жизни, исходя изъ разсмотрѣнія ея матеріальной обстановки (*aus dem Gesichtspunkte des Kostüms*). Что же касается другого, болѣе практическаго назначенія этого сочиненія — служить руководствомъ и пособіемъ для художниковъ, то да будетъ позволено сказать о немъ свое мнѣніе и автору, которому, какъ художнику, необходимость такого пособия извѣстна по личному многолѣтнему опыту. Не скрывая отъ себя, что сочиненіе его, въ настоящемъ своемъ объемѣ, будетъ слишкомъ пространно для тѣхъ художниковъ, которымъ для костюмовъ и обстановки довольно лишь одного чисто проиллюстрированнаго подыскиванія рисунковъ, — авторъ полагаетъ, однакожь, что именно принятый имъ способъ изложенія и можетъ скорѣе всего противодѣйствовать этому весьма распространенному недостатку. Онъ надѣется, что книга его заставитъ художниковъ, по крайней мѣрѣ благоразумнѣйшихъ изъ нихъ, убѣдиться въ необходимости изучить и этотъ предметъ такъ же основательно, какъ и всякую другую нужную для нихъ вспомогательную науку, для того, чтобы черезъ изученіе общаго достигнуть пониманія частныхъ. Благодаря этому пониманію, они постепенно усвоятъ себѣ въ сочиненіи обстановку ту законную свободу, которая не удовлетворяется робкимъ копированіемъ подобранныхъ для каждаго даннаго случая рисунковъ, а побуждаетъ художника, вмѣстѣ съ главнымъ сюжетомъ, создавать самостоятельно и его обстановку, не выходя при этомъ изъ границъ культурно-исторической дѣйствительности.

Какъ важно для каждаго художника знаніе „обстановки“ *) — въ этомъ наименее чувствительнѣйше убѣждаютъ насъ не одні только художественныя выставки, но и театръ, перѣдко также и наши новѣйшіе повѣствователи и романисты. Я говорю „наименее чувствительнѣйше“ съ намѣреніемъ, потому что ошибки противъ исторической вѣрности „обстановки“, какъ настоящіе анахронизмы, нарушаютъ гармоничность впечатлѣнія и непріятно затрогиваютъ чувства зрителя или читателя, хотя по незнакомству съ предметомъ (какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ) онъ и не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, что именно ему не нравится и почему.

Если, по вѣрному замѣчанію одного изъ остроумнѣйшихъ современныхъ историковъ искусства, и человѣческая физиогномія имѣетъ свою собственную исторію (къ чему мы съ своей стороны прибавили бы, что то же самое и съ такимъ же правомъ можно сказать и о жестѣ), то тѣмъ болѣе приложимо

*) Для краткости и ясности мы этимъ словомъ переводимъ *Kostüm*, въ широкое его значеніе, объясненномъ выше въ нашей замѣткѣ.

это замѣчаніе къ вѣщностямъ жизни вообще, такъ какъ онѣ такія же проявленія духовной личности человѣка, какъ его физиогномія и тѣлодвиженія. И такъ какъ, далѣе, одежда, утварь и т. п. извѣстнаго народа въ извѣстную эпоху находятся всегда въ тѣсной внутренней связи съ современнымъ культурнымъ состояніемъ того народа и той эпохи и имъ опредѣляются, то общій культурный характеръ даннаго народа и времени выразится въ этихъ предметахъ лишь въ томъ случаѣ, если они не будутъ въ противорѣчій съ ходомъ культурнаго развитія. Поэтому, каждый художникъ, желающій воспроизвести извѣстную эпоху во всей ея дѣйствительности, необходимо долженъ обращать строгое вниманіе на вѣрную передачу свойственной выбранному имъ времени „обстановки“, иначе онъ не достигнетъ желаемаго впечатлѣнія.

На это мы могутъ, конечно, возразить, что художники прежнихъ вѣковъ очень мало заботились объ исторической вѣрности своихъ произведеній и что, несмотря на это, многіе изъ нихъ остаются и до сихъ поръ несравненными мастерами своего искусства. Отрицать это было бы цѣлѣпо. Разсмотримъ, однакожь, картины голландскихъ и нѣмецкихъ живописцевъ 15 и 16 вѣковъ, представляющія сцены изъ священной или древней исторіи, но постоянно въ современной обстановкѣ, и спросимъ себя, могутъ ли эти сцены, несмотря на высокое искусство съ какимъ онѣ исполнены, заставить насъ почувствовать съ нѣкоторою силою, что онѣ исторически вѣрны? Мы должны будемъ отвѣчать отрицательно. Какъ бы ни было живо наше воображеніе, мы всё таки не можемъ, смотря на нихъ, перенестись за предѣлы того столѣтія, въ которомъ онѣ написаны. Можно сказать, что, по отношенію къ исторической правдѣ, всѣ эти картины несутъ на себѣ печать внутренней ограниченности, которою страдало то время вслѣдствіе недостатка знаній и которая понуждала художника, если онъ хотѣлъ быть понятымъ современниками, переносить, такъ сказать, въ его собственное настоящее сюжетъ взятый изъ времени давно протекшаго. Если подобные анахронизмы, причиною которыхъ было главнымъ образомъ незнаніе, нисколько не уменьшаютъ чисто художественнаго значенія этихъ произведеній, то навѣрное они не составляютъ и ихъ достоинства и еще менѣе могутъ быть допущены въ наше время.

Полобную же обработку „обстановки“ находимъ мы и у итальянскихъ художниковъ 15 и 16 столѣтій. Однакожь у итальянцевъ и именно у художниковъ римской школы, преимущественно же у Рафаэля, анахронизмы въ „обстановкѣ“ на картинахъ изъ древней исторіи встрѣчаются гораздо рѣже. Это зависѣло съ одной стороны оттого, что благодаря многочисленнымъ остаткамъ древнихъ скульптуръ уцѣлѣвшихъ въ Италіи, тамъ долѣе сохранились

отголоски истинно античнаго міросозерцанія, съ другой стороны оттого, что и въ самой тогдашней „обстановкѣ“ удержалось еще достаточно древнихъ элементовъ, чтобы отвѣчать требованіямъ художниковъ.

Приблизительно со времени Рафаэля—если не считать попытокъ нѣкоторыхъ предшествовавшихъ ему мастеровъ—начинаютъ однакожь и итальянскіе художники внимательнѣе заботиться о болѣе строгомъ изученіи „обстановки“. Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ самимъ Рафаэлемъ: онъ и его лучшіе ученики, во всѣхъ своихъ картинахъ, содержаніе которыхъ было взято изъ древней исторіи или міоологій, постоянно старались воспроизводить обстановку представляемыхъ сценъ исторически вѣрно, разумѣется, насколько это позволяло тогдашнее состояніе науки о древностяхъ, исключительно занимавшейся древнеримскимъ бытомъ. Затѣмъ, съ наступленіемъ эпохи Возрожденія, стали мало по малу склоняться къ изученію древнебытовой обстановки и сѣверные художники. И хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Албрехтъ Дюреръ и Лука Лейденскій, примѣняли это изученіе на практикѣ съ нѣкоторою робостью и не такъ свободно какъ итальянцы, тѣмъ не менѣе, благодаря имъ, оковы старинной рутины были разбиты и на сѣверѣ. Съ тѣхъ поръ до появленія Рубенса и его школы, изученіе античнаго быта усовершенствовалось до такой степени, что художникамъ не прощали почти ни одной ошибки противъ исторической вѣрности античной „обстановки“.

Послѣдовавшее затѣмъ быстрое увеличеніе свѣденій по исторіи Среднихъ Вѣковъ и единовременное съ нимъ развитіе такъ называемой исторической живописи указали на необходимость распространить изученіе „обстановки“ и за предѣлы античнаго міра. Въ концѣ XV вѣка явились такъ называемые *Trachtenbücher* — описанія одежды и нарядовъ, конечно не отличавшіяся особенною вѣрностью, особенно относительно древнѣйшихъ эпохъ.—Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени, число подобныхъ сочиненій, и притомъ составленныхъ на основаніи научныхъ данныхъ, постоянно возрастало, но вмѣстѣ съ этимъ и художественная критика становилась всё требовательнѣе, такъ что при современномъ состояніи исторической науки и при распространенности историческихъ свѣденій въ обществѣ, художникъ, посвятившій себя исторической живописи, прямо обязанъ не только прилежно изучать исторію собственно, но такъ же обстоятельно ознакомиться и со всѣми входящими въ ея область науками—особенно съ исторією культуры, куда относится и изученіе „обстановки“. Отъ нынѣшнихъ художниковъ можно ожидать, и притомъ съ полнымъ правомъ, чтобы они были уже не только хорошими художниками, но вмѣстѣ и художниками своего времени. Къ тому же, значительнѣйшіе изъ французскихъ и нѣмецкихъ художниковъ уже показали такіе примѣры воспроизведенія „обстановки“, которые не только не допускаютъ въ этомъ отношеніи поворота назадъ, но напротивъ того ука-

зываютъ на необходимость болѣе обширнаго и подробнаго изученія этого предмета. Подвинуть впередъ это изученіе—составляетъ главную задачу этого руководства.....

Относительно помѣщенныхъ въ текстѣ рисунковъ, я долженъ замѣтить, что въ выборѣ ихъ я строго сообразовался съ тою цѣлью, для которой я назначалъ свой трудъ. „Характеръ рисунковъ—сказано въ моемъ проспектѣ—опредѣляется главнымъ образомъ практическою пользою изученія предметовъ обстановки, а эта польза можетъ лишь въ томъ случаѣ быть достигнута, когда относящіяся къ предмету изученія памятки будутъ переданы въ своемъ настоящемъ видѣ, безъ всякихъ прибавокъ и передѣлокъ“. Согласно съ этимъ, всѣ рисунки скопированы съ величайшею тщательностью и источники, откуда они взяты, подробно обозначены въ особомъ Указателѣ. Число рисунковъ приведено въ такое точное соотвѣтствіе съ объемомъ сочиненія, что одинъ только настоящій томъ его содержитъ въ себѣ около 2000 отдѣльныхъ изображеній.

Берлинъ, въ Февралѣ 1860.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 3-МУ ТОМУ *).

Во всей литературѣ не было до сихъ поръ ни всеобщей исторіи одежды, ни всеобщей исторіи утвари со включеніемъ исторіи ремесленности. И та и другая, изложенныя въ связи, появляются въ первый разъ въ настоящемъ сочиненіи; а потому, при оцѣнкѣ его, это обстоятельство должно быть прежде всего принято во вниманіе.

Когда, 17 лѣтъ тому назадъ, я взялся за перо, чтобы привести въ исполненіе давно лелѣмый планъ—мои изслѣдованія по исторіи названныхъ отраслей культуры обработать въ одно связное, законченное цѣлое и въ такомъ видѣ издать въ свѣтъ,—я (говорю это прямо) еще нисколько не сознавалъ съ полною ясностью всѣхъ трудностей, какія могло представить по своему объему подобное предпріятіе. Но начавъ работу, я на первыхъ же порахъ увидѣлъ, что для яснаго и основательнаго изложенія цѣляго, какъ въ его сущности, такъ и въ его развитіи, необходимо сначала узнать и установить отношеніе къ нему каждой частности отдѣльно. Это заставило меня тотчасъ же выступить за предположенныя первоначально рамки и дать своей работѣ такой объемъ, что, по выходѣ первыхъ выпусковъ моего сочиненія, многіе, ознакомившись съ нимъ, усумнились въ его окончаніи—и не совѣтъ безъ основанія. Другіе совершенно не поняли моей цѣли и, не обративъ даже вниманія на все содержаніе моего сочиненія, не нашли въ немъ почти ничего, кромѣ набора голыхъ фактовъ, сгруппированныхъ въ взвѣстномъ порядкѣ, или даже одного только „портигяжества“ (какъ это было заявлено и печатно, хотя и изъ одного только мѣста). Впрочемъ, кто беретъ на себя смѣлость—предметъ, считавшійся до тѣхъ поръ второстепеннымъ, поднять до того значенія, которое по его мнѣнію этому предмету подобааетъ,—тотъ долженъ быть заранѣе готовымъ на всѣ подобныя недоразумѣнія и порицанія. Теперь дѣло

---

*) Прилож. къ послѣднему выпуску.

едѣлано; скептики высказали свои сомнѣнія, а другіе, какъ я покрайней мѣрѣ позволяю себѣ надѣяться, уже давно отказались отъ своего прежняго мнѣнія.

Всякій, кому хоть нѣсколько знакомо даже одно только количество матеріала, который предстояло разработать, съумѣетъ оцѣнить и безъ дальнѣйшихъ разъясненій, какая рѣшимость и настойчивость нужны были лишь для того, чтобы овладѣть имъ. Къ этому нужно прибавить неравномѣрность распредѣленія источниковъ относительно различныхъ отдѣловъ: въ одномъ мѣстѣ подавляющее изобиліе, въ другомъ—бѣдность, даже совершенный недостатокъ. Вслѣдствіе этого, мнѣ приходилось или дѣлать строгій, тщательнѣйшимъ образомъ провѣренный выборъ, какъ въ первомъ случаѣ, или же—какъ въ послѣднемъ—разыскивать, сравнивать, даже изслѣдовать и опредѣлять самому. При этомъ главною моею задачею было, слѣдя за общимъ ходомъ развитія однородныхъ предметовъ, отдѣлять вездѣ случайное и измѣнчивое отъ основнаго и необходимаго, всюду отыскивать законъ. Удалось ли мнѣ выполнить её и въ какой мѣрѣ—судить, конечно, не мнѣ. Но что такова была моя цѣль и что я постоянно имѣлъ её въ виду, это замѣтитъ, вѣроятно, всякій внимательный читатель. Покрайней мѣрѣ, въ продолженіе работы, я имѣлъ удовольствіе не разъ получать заявленія въ этомъ смыслѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы мнѣ пришлось начинать свою работу теперь, при моемъ настоящемъ взглядѣ на предметъ,—то она вышла бы зрѣлѣе. Но и такъ, какъ онъ есть, со всеми его недостатками, которыхъ никто не видитъ яснѣ автора,—мой трудъ, серьезно задуманный и настойчиво выполненный, все-таки пока лучшее сочиненіе по своему предмету,—лучшее, конечно, только потому, что до сихъ поръ оно единственно е.

Многіе желали бы, можетъ быть, большей одинаковости въ изложеніи. Но во-первыхъ, всё сочиненіе распадается на три, совершенно самостоятельныя и законченныя отдѣла *), и каждый изъ нихъ обработанъ такъ, какъ того требовало его содержаніе; во-вторыхъ, одинаковости изложенія не допускала и указанная выше неравномѣрность въ распредѣленіи матеріаловъ; въ-третьихъ, наконецъ, едва ли и возможно требовать совершенной одинаковости изложенія отъ работы, которая продолжалась цѣлые годы и должна была подвигаться впередъ, несмотря ни на какія перемѣны обстоятельствъ и условій.—Если бы между строками каждой книги можно было читать, подъ какими впечатлѣніями она писалась, то навѣрное много сочиненій вызвали бы себѣ приговоры болѣе снисходительныя, чѣмъ тѣ, какіе были надъ ними про-

*) Первый отдѣлъ: „Исторія одежды и т. д. народовъ древности, съ 1945 фиг., вышелъ въ 1860 г.; второй—Исторія и т. д. въ Среднія Вѣка, съ 873 фиг.—въ 1864 г.

изнесены; мало этого, многіе заставили бы даже подивиться, что они вообще могли быть дописаны до конца.

Съ другой стороны, однимъ можетъ показаться, что я далъ слишкомъ много, другимъ—что данное мною слишкомъ недостаточно. И тѣ и другіе будутъ, пожалуй, правы, смотря потому, что кому нужно. Но кто же въ состояніи удовлетворить всѣхъ одинаково. Мое желаніе и намѣреніе принести пользу не только наукѣ, но и искусству, въ особенности практикѣ искусства, художникамъ, предписывало мнѣ именно такое, а не иное изложеніе. Какъ бы ни было, то, что я сдѣлалъ, досталось мнѣ нелегко; но почти еще тяжеле была для меня, конечно, невозможность сообщить много такого, что, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, заслуживало сообщенія. Но всякое дѣло должно же быть когда-нибудь окончено; а нигдѣ болѣе, какъ въ настоящемъ дѣлѣ, исчерпывающая обработка каждой подробности могла бы быть продолжена до безконечности.

И такъ, пусть же мой трудъ будетъ найденъ пока достаточнымъ, хотя какъ первый фундаментъ для дальнѣйшей исторической обработки предмета. Теперь, вѣроятно, скорѣе и съ меньшими усиліями, чѣмъ до сихъ поръ, можетъ удасться выработать въ науку предметъ, который былъ разработанъ съ нѣкоторою основательностью въ однѣхъ частностяхъ, въ общемъ же только поверхностно и въ формѣ собраній рисунковъ. Пусть же займуться имъ люди болѣе способные, чѣмъ авторъ; а ему да позволено будетъ окончить словами великаго поэта, которыя были для него, въ продолженіе всей его работы, и указаніемъ и поощреніемъ: „Настойчивая, добрая воля есть великое, прекраснѣйшее качество человѣческаго духа. Успѣхъ лежитъ въ высшей, невидимой рукѣ; только намѣреніе придаетъ цѣну усиліямъ. Сознаніе этого ставитъ насъ выше людской хвалы и людскихъ порицаній“.

Берлинъ, въ Маѣ 1872.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-Й ЧАСТИ.

Введение. (Человѣкъ на низшихъ ступеняхъ культуры) Стр. 1—19.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ДРЕВНѢЙШІЕ НАРОДЫ АФРИКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Египтяне. Стр. 20—95.

Одежда 24. Украшенія 33. Символ. значеніе одежды 35.—Вооруженіе 42. Оружіе 43. Дѣленіе войска 47. — Постройки 49. Жилыща 51. Дворцы фараоновъ 56. Сфинксы, колоссы и обелиски 58. Пилонъ. 59. Дворы и предвѣрія храмовъ. 60. Пялястръ и колонна 61. Размѣщеніе колоннъ 62. Большой храмъ въ Карнахъ 64. Небольшие храмы 66. Гробницы 67. Военная архитектура 72. Судостроеніе 73.—Утварь. 75. Ремесленные инструменты 76. Орудія и снаряды земледѣльческіе и др. 78. Посуда 80. Мебель 83. Муз. инструм. 87. Игральные приборы 90. Царскій тронъ. 90. Царская колесница 91. Храмовая утварь 93.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эфиопяне. Стр. 96—110.

Одежда 98. Украшенія 101.—Постройки 103.—Утварь 106.
Сосѣднія племена стр. 107.
Общій взглядъ на движеніе древнеафриканской культуры стр. 109.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ДРЕВНѢЙШІЕ НАРОДЫ АЗИИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Аравитяне. Стр. 111—126.

Одежда 112.—Оружіе 119.—Постройки 120.—Утварь 123.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народы западной Азии (во 2-мъ тысячелѣтіи до Р. Х.). стр. 127—136.

Одежда 129.—Оружіе 133.—Постройки 134.—Утварь 136.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ассирияне и Вавилоняне. Стр. 138--186.

Одежда 142. Царская одежда 147. Одежда жрецовъ 149. Обувь 151. Украшения 153.—Вооружение 155. Оружие 157. Вооружение войска 159.—Постройки 162. Городские дома 166, Царские дворцы 167. Гробницы 171. Общественныя сооружения 172. Укрѣпленія и военныя постройки 173. Судостроение 174.—Утварь 175. Сосуды 176. Мебель 178. Музыка. инструменты и игральныя приборы 181. Военныя снаряды и орудія 183. Жреческая утварь и куиры 186.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мидяне и Персы. Стр. 187—229.

Одежда 190. Пародн. одежда Персовъ 192. Мидійская одежда 193. Одежда царей 194. Украшения 198. Одежда Маговъ 205. Женская одежда 206.—Вооружение 198. Оружие 200. Составъ и дѣленіе войска 202.—Постройки 209. Жилища 210. Дворцы 211. Гробницы 218. Укрѣпленія 221. Капница 223. Сады и парки 224.—Утварь 225. Сосуды 226. Мебель 227. Военная утварь 228. Священная утварь 229.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Евреи и Финикіяне. Стр. 229—279.

Одежда 220. Женская одежда 235. Царская одежда 239. Облечение первосвященника 241.—Вооружение 243. Оружие 244.—Постройки 246. Царскіе чертоги 249. Свинія 252. Храмъ Соломоновъ 253. Сиро-финикійскія капища 256. Новый храмъ Иерусалимскій 258. Укрѣпленія 260. Финикійскія корабли 262. Каравансарай 264. Гробницы 264.—Утварь 265. Посуда 267. Мебель 268. Военная утварь 269. Храмовая утварь 270. Музыкальные инструменты. 276.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Народы Малой Азіи. Стр. 279—316.

Одежда 280.—Вооружение 290.—Жилища 296. Гробницы 300. Храмы 304.—Утварь 308. Музыка. инструм. и игры 313.—Боевыя колесницы 315. Жертвенная утварь 316.

(Прибавленіе):

Понтійскіе народы 317.—Каппадокійцы 319.—Жители Арменіи 321.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Индусы. Стр. 324—369.

Одежда 330. Украшения 334. Оружие 338. Царская одежда 343. Одежда браминновъ 345. Постройки 347.—Утварь 360.—Музыкальные инструменты. 365. Военныя снаряды 366. Богослужебная утварь 367.

Китай стр. 369.

Обзоръ предшествоваващаго стр. 372.

Планъ большого храма въ Карнаѣ стр. 377.

Указатель рисунковъ стр. 379—387.

ВВЕДЕНІЕ.

Человѣкъ

на

низшихъ ступеняхъ культуры.

Вѣкъ. I.

ВВЕДЕНІЕ.

Человѣкъ ¹

тѣсно связанъ со всѣми элементами природы: на нихъ зиждется его существованіе, ими опредѣляется его образъ жизни, его тѣлесное и духовное развитіе. Дарованная ему божественная искра сдѣлала его свободнымъ. — Одаренный разумомъ, человѣкъ вступилъ въ міръ какъ сознающее себя существо. Но Устроитель вселенной повелѣлъ мірамъ развиваться изъ хаоса генетически и органически. Онъ подчинилъ ихъ одному вѣчному закону творенія. Въ силу этого же единственнаго закона, и человѣкъ долженствовалъ сдѣлаться впредъ своимъ собственнымъ воспитателемъ, своимъ собственнымъ образователемъ. Господицъ земли, онъ сталъ ея ученикомъ; пользуясь ея произведеніями, онъ учился цѣнить и почитать её.

Истиннкъ самосохраненія есть коренной законъ для всѣхъ существъ. Для одареннаго божественною искрою человѣческаго рода, онъ служитъ исходною точкою культуры. — Нагъ вступилъ человѣкъ въ роскошно убранный храмъ природы, но ему дана была способность любоваться ея красотою и чувствовать ихъ. Потребности его тѣлеснаго существованія породили въ немъ стремленіе къ матерьяльному удовлетворенію ихъ разсыпанными вокругъ него дарами, а его духовная природа побудила его къ изслѣдованію этихъ даровъ. Его рука сдѣлалась надежнымъ орудіемъ его воли.....

Влеченіе къ расчлененію — къ сохраненію рода — породило влеченіе къ общительности, а это послѣднее вызвало въ человѣкѣ потребность сообщать свои мысли — потребность языка. Вызванный чувствомъ взаимности, усовершенствованный подражаніемъ и разумомъ, языкъ сдѣлался главнымъ источникомъ всѣхъ наукъ и искусствъ. Только съ образованіемъ языка на-

¹ Сравн. Herder's Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. 4-te Aufl. Lpzg. 1841.—K. Schmidt, Anthropologische Briefe. Dessau 1852;—A. v. Humboldt, Kosmos. Stuttgart, 1845 I. S. 378 ff.

чался собственно процессъ развитія человѣческаго духа. — Нѣтъ народа, который бы совѣтъ обходился безъ языка.

Надѣленный такимъ образомъ всѣми элементами высшей культуры, человѣкъ уже рано занялъ среди окружающей его природы мѣсто единственно способнаго къ духовному развитію существа. Но слишкомъ крѣпко прикованъ онъ къ землѣ и не въ силахъ подняться выше ея и ея условій; «всѣ, что лежитъ внѣ круга его ощущеній, ему непонятно; онъ не въ состояніи усвоить себѣ ни одной изъ силъ, которыя ему не врождены и никогда не можетъ оставить мѣста, отведеннаго ему природою». «Но тутъ (т. е. на отведенномъ ему мѣстѣ) человѣкъ становится наставникомъ своей школы и развиваетъ всѣ, что онъ въ состояніи развитъ». *) — Всякій народъ, по мѣткому замѣчанію А. Гумбольта, носитъ на себѣ ливрею обитаемой имъ страны.

И такъ, не всѣ племена человѣческія получили способность совершенствовать свое познаніе вселенной. Тогда какъ одна группа ихъ не поднялась выше грубаго удовлетворенія своихъ потребностей, другая, одаренная болѣе счастливыми способностями и побуждаемая влеченіемъ къ образованію, развила въ себѣ техническую ловкость въ ремесленныхъ занятіяхъ; а этическій элементъ третьей группы возвелъ её на еще высшую ступень культуры, воспитавъ въ ней стыдливость, симпатію и юморъ. Наконецъ, группѣ племенъ, яшедшихъ изъ послѣдняго, высшаго образовательнаго процесса творчества, достался даръ эстетическаго разумнія, какъ сила дарованная имъ Творцомъ для ихъ дальнѣйшаго духовнаго развитія. Искусство въ вышемъ своемъ значеніи стало конечною цѣлью ихъ земной дѣятельности.

Но и эта, такъ щедро одаренная Творцомъ, человѣческая раса должна была, подчиняясь вѣчному закону, развиваться изъ самой себя и только постепенно, ступень за ступенью, подняться до полнаго своего развитія. Какъ ни отличалась она по своимъ культурнымъ задаткамъ отъ остальныхъ расъ, она всё-таки вмѣстѣ съ ними принадлежала къ одному и тому же человѣческому роду, происшедшему отъ одного Отца и жила на той же землѣ, какъ и онѣ. — Пока она находилась еще въ младенческомъ состояніи, она не предчувствовала своего высшаго назначенія. Самосохраненіе и размноженіе было точно также сначала ея единственною и важнѣйшею задачею. Пока не ударилъ часъ ея умственнаго пробужденія, пока владычество разума не одержало побѣды надъ чувственностью, до тѣхъ поръ и эта раса пребывала, безъ сомнѣнія, въ такомъ же состояніи, какъ и остальные, высшія по способностямъ племена земнаго шара. Но такъ какъ эти послѣднія были не въ состояніи выдти сами собою за тѣсныя предѣлы, указанныя Творцомъ ихъ совершенствованію, то они остаются и до сихъ поръ на самой первоначальной ступени культурнаго развитія, представляя намъ, какъ бы въ копн, первобытное состояніе человѣческаго рода.

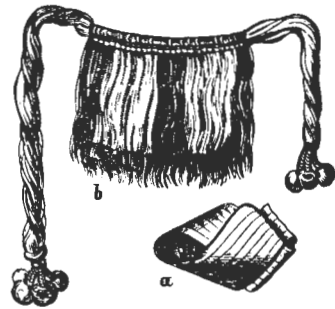
*) Мѣста въ навывчкахъ обозначены ими и у автора, безъ указанія однакожь сочиненій, откуда эти мѣста заимствованы. Пр. пер.

Человѣкъ на низшихъ ступеняхъ культуры.

«Коренной обитатель страны (автохтонъ) принадлежитъ ей всецѣло». Точно также и южно-американскій лѣсной индѣецъ ¹ весь принадлежитъ своимъ дѣвственнымъ лѣсамъ. Они даютъ ему кровь, пищу и всё нужное для полного удовлетворенія его потребностей. Почти постоянная мягкость климата дѣлаетъ для него ненужною одежду: онъ натираетъ себѣ кожу жиромъ и, подобно первому человѣку по грѣхопадению, прикрываетъ свою наготу листкомъ, какъ напр. Ботокуды (фиг. 1. а).

Единственную одежду индѣйскихъ женщинъ составляетъ передникъ, сплетенный, иногда очень красиво, изъ снурковъ, свитыхъ изъ лыкъ. Такіе передники носятъ женщины племени Камаканъ (фиг. 1. б). Въ этомъ уже видно первое проявленіе врожденной человѣку склонности къ наряду, къ украшеніямъ. Эта же склонность научила индѣйца подмѣшивать къ жиру, которымъ онъ натиралъ свою кожу, различныя красящія вещества, обмѣшивать себя разными шривѣсками изъ панизаныхъ снуркомъ ягодъ,

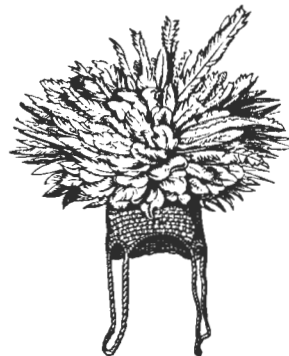
Фиг. 1.

корней, фруктовыхъ косточекъ и т. п.; мало того, она заставила его подвергаться даже и такимъ болѣзненнымъ операціямъ, какъ напр. татуировка или просверливаніе нѣкоторыхъ частей тѣла для прикрывленія украшеній. Но что важнѣе всего — склонность къ наряду была первымъ поводомъ къ развитію у этихъ племенъ, вообще очень лѣнивыхъ, нѣкоторыхъ рукотѣлій, какъ напр. изготовленіе плетеныхъ и украшенныхъ перьями головныхъ уборовъ у племени Мундруковъ (фиг. 2).

Всѣ лѣсные индѣйцы равны между собою; ни личнаго отличія, ни какихъ либо знаковъ для его обозначенія — у нихъ нѣтъ и слѣда.

Фиг. 2.

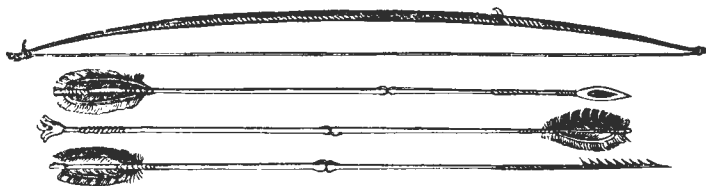

Истинный самохраненія далъ человѣку въ руки оружіе. «Но человѣческое тѣло приспособлено болѣе къ оборонѣ, чѣмъ къ нападенію: человѣкъ призвалъ себѣ на помощь искусство». Крѣпкій древесный сукъ удвоилъ силу его руки. — Это самое древнѣйшее и самое безыскусственное оружіе: лѣсной индѣецъ еще и до сихъ поръ не знаетъ иного. Но человѣкъ примѣтилъ также и упругость свѣжихъ вѣтвей: онъ воспользовался ею и вооружился лукомъ и стрѣлами. Это оружіе обще вѣтъ племенамъ; благодаря постоянному употребленію, оно выработалось

¹ Reise des Prinzen Maximilian von Neuwied nach Brasilien in den Jahren 1815 bis 1817; mit Bilderatlas.—G. Klemm. Allgemeine Kulturgeschichte d. Menschheit. Leipzig 1843. I. S. 231—279.

окончательно. Большіе, выше человѣческаго роста, луки лѣсныхъ индѣйцевъ дѣлаются изъ твердаго дерева, а стрѣлы къ нимъ изъ легкаго дерева или тростника, и какъ тѣ, такъ и другія отличаются красивою отдѣлкой. Тупой конецъ стрѣлы украшенъ пучкомъ цестрыхъ перьевъ, а наконечники сдѣланы изъ кости, иногда съ зазубринами, на подобіе пилы (фиг. 3).

Фиг. 3.

Первобытный лѣсъ для индѣйца—его міръ, его жилище. Привѣшенная къ двумъ деревьямъ койка, прикрытая навѣсомъ изъ пальмовыхъ листьевъ, служитъ ему покойнымъ ложемъ (фиг. 4). Онъ спитъ въ ней, какъ птица

Фиг. 4.

въ своемъ гнѣздѣ. Только во время періодическихъ проливныхъ дождей ищетъ онъ защиты подъ крышею, которую дѣлаетъ себѣ изъ листьевъ и укрѣпляетъ на древесныхъ шпяхъ. Другихъ построекъ не знаетъ блуждающій въ чащѣ лѣсовъ индѣецъ.

«Человѣкъ рожденъ для сообщества себѣ подобныхъ». Его влечетъ къ нимъ потребность общительности. Такимъ образомъ возникаютъ семейства, отдѣльныя группы, — орды (Horden). Союзы такого рода есть и у индѣйцевъ: племя Короадосовъ дѣлится на нѣсколько ордъ. Въмѣстѣ съ этимъ является потребность въ общемъ для всѣхъ членовъ группы убѣжищѣ. Но увеличеніе объема жилища требуетъ бѣльшей его прочности. Хижина становится

необходимую. Строительная дѣятельность начинается. Мѣстность доставляетъ матеріалъ для построекъ.

Семейныя хижины Короадосовъ имѣютъ отъ 30 до 40 футовъ длины и отъ 12 до 15 фут. вышины, при соответствующей ширинѣ. Стѣны ихъ сдѣланы изъ плетня, который прикрѣпляется къ древеснымъ пнямъ, врытымъ по угламъ. Входъ закрывается досками и рогожами. Крыша, покатая съ одной стороны, дѣлается изъ соломы или листьевъ.

«Какъ природа должна разрушать для того, чтобы создавать, такъ и человѣкъ долженъ разрушить естественный продуктъ для того, чтобы превратить его въ соответствующее своимъ потребностямъ, самостоятельное нѣчто».

Какъ ни незначительны потребности лѣснаго индѣйца, но чтобы имѣть возможность удовлетворить имъ, ему всё-таки необходимы извѣстные матеріалы и орудія — утварь. Но и тутъ природа является ему на помощь. Она предлагаетъ ему плоскія камни, которые послужатъ ему вмѣсто молотка, и острые для рѣзанья и долбленья; она научаетъ его извлекать пользу и изъ другихъ предметовъ — заостренныхъ костей, острыхъ стеблей камыша и т. п. — Разнообразно переплетенныя растенія первобытнаго лѣса, яркая пестрота перьевъ его крылатыхъ обитателей, пробудили въ дикомъ индѣйцѣ инстинктъ подражанія. Онъ выучился плести и достигъ извѣстнаго искусства въ этомъ рукодѣльи. Имъ занялись преимущественно женщины. На долю мужчины оставалась забота о пропитаніи: — индѣецъ сталъ охотникомъ.

При помощи описанныхъ снарядовъ и механически пріобрѣтенной сноровки въ употребленіи ихъ, индѣецъ изготовляетъ всю свою несложную домашнюю утварь. Она состоитъ изъ упомянутой выше койки, плетеной корзинки, имѣющей видъ мѣшка съ ручкой (фиг. 5) и корзинки, въ родѣ короба. Скорлупа плодовъ, черепа животныхъ, служатъ ему посудой, а полный тростниковый стебель, отрѣзанный подъ колѣнцемъ, замѣняетъ ему стаканъ. Огонь и добываніе его посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева — ему извѣстны, и онъ жаритъ себѣ мясо, воткнувъ его на заостренную палку. — Какъ ни простъ, однакожъ, образъ жизни этихъ индѣйцевъ, имъ уже знакомы нѣкоторыя игры. При своихъ пляскахъ они потрясаютъ въ тактъ пучками связанныхъ вмѣстѣ костей изъ ноги тапира; они играютъ въ мячъ, сдѣланный изъ набитой шкурки какого нибудь маленькаго звѣря.

Фиг. 5.

«Миоологія каждаго народа есть выраженіе свойственнаго этому народу способа воззрѣнія на природу—т. е. находилъ-ли онъ въ ней, сообразно съ своимъ климатомъ и своимъ духомъ, больше добра, чѣмъ зла, или наоборотъ, и какъ онъ пытался объяснить себѣ одно другимъ». — Охота и ея случайности пробудили въ индѣйцѣ чувство властвующей надъ нимъ невидимой силы. Во мракѣ лѣсовъ онъ предчувствуетъ бѣду и его пугаетъ грохотъ

грома. Чтобы защитить себя отъ чаръ, онъ носитъ на себѣ извѣстные коренья, плоды, зубы нѣкоторыхъ животныхъ—амулеты.

Чувство собственного достоинства при совершении мужественнаго поступка ему не чуждо. Онъ высушиваетъ черепа убитыхъ непріателей и выставляетъ ихъ на показъ, убравъ перьями.

Не одинъ только климатъ, но и множество другихъ невидимыхъ вліяній, вытекающихъ изъ мѣстности и ею обусловливаемыхъ, опредѣляютъ образъ жизни человѣка и споспѣшествуютъ, болѣе или менѣе, его тѣлесному и духовному совершенствованію. ¹

У жителей морскихъ побережій долженъ былъ сложиться быть совершенно не похожій на бытъ уроженцевъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Безпрестанная смѣна и разнообразіе явленій должны были уже рано пробудить въ обитателя морского берега болѣшую умственную энергію. Передъ его взоромъ, котораго не ограничивалъ листованой кровъ лѣса, открывалась безконечная даль. Береговой житель чувствовалъ себя свободнѣе, но въ то же время и беззащитнѣе и безпомощнѣе жителя лѣсовъ....

Самую вѣрную картину этой ступени развитія человѣка представляютъ, какъ уже замѣчено, коренныя племена Австраліи ². Ихъ хотя еще и низкая культура представляетъ однакожъ замѣтный прогрессъ сравнительно съ культурою лѣсныхъ индѣйцевъ. Такое же отношеніе существуетъ и между костюмомъ тѣхъ и другихъ.

Переменчивость береговаго климата, съ его туманами, рѣзкими вѣтрами и холодными ливнями, а также и голые, песчаные или скалистые берега заставили обитателей этихъ береговъ защищать свое тѣло одеждою. Охота доставляетъ Нов-о-Голландцу матеріалъ для его одежды. Изъ шкуръ кенгуру и опоссума изготовляетъ онъ себѣ поясъ и плащъ. Этотъ послѣдній носится шерстью внутрь и покрываетъ тѣло отъ плечъ до колѣнъ. Проходя подъ мышкою правой руки и застегиваясь на груди, онъ нисколько не стѣсняетъ движеній. Чтобы защитить голову отъ сильныхъ дождей, ново-голландцы надѣваютъ родъ шляпы, сдѣланной изъ древесной коры. — Оба пола одѣваются одинаково; только женщины прибавляютъ иногда къ описанному костюму передникъ изъ травы или изъ древесной коры.

Такъ же какъ и лѣсной индѣецъ, австралиецъ любитъ рядиться. И онъ также натираетъ себѣ тѣло жиромъ, расписываетъ его бѣлою и красною землею и хладнокровно пореноситъ различныя уродованья членовъ. Всѣ естественныя произведенія его прибрежья служатъ для него предметами наряда. Изъ зубовъ, хвостовъ маленькихъ животныхъ, изъ рыбьихъ костей, раковинъ улитокъ, кусочковъ дерева и пр., онъ дѣлаетъ себѣ ожерелья; изъ рыбьихъ кишекъ онъ свиваетъ кольца и носитъ ихъ, какъ браслеты, на рукахъ и на ногахъ.

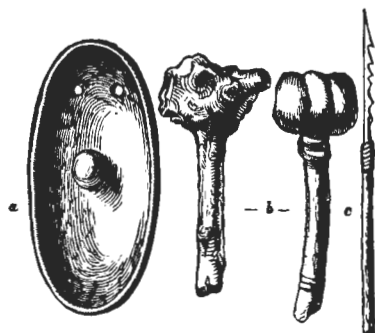
¹ G. v. Herder, Ideen u. s. w. I. S. 222. —

² C. E. Meinicke, das Festland Australien. Bunzlau. 1837. — G. Klemm, Allg. Culturgesch. I. S. 280 ff. — M. Eugène Delessert, Voyage dans les deux Océans atlantique et pacifique 1844—47. Paris 1849. Съ рисунки.

Потребность дѣйствовать сообща для добыванія себѣ средствъ къ существованію охотою и рыбною ловлею, заставила ново-голландцевъ соединиться въ замкнутыя группы—орды. А вслѣдъ за этимъ явилась у нихъ необходимость обозначать какимъ нибудь признакомъ принадлежность къ той или другой ордѣ. Отсюда возникъ обычай раскрашивать себѣ тѣло разноцвѣтными красками.

Сообразно съ мѣстностью, назначенною ему Творцомъ для жительства, лѣсной индѣецъ остался почти при одномъ только лукѣ, какъ единственномъ оружіи, которое ему служитъ для охоты. Напротивъ того, ново-голландецъ, не пользующійся кровомъ первобытнаго лѣса, научился защищать себя собственными силами. Онъ изобрѣлъ оборонительное оружіе—щитъ; онъ дѣлаетъ его изъ куска дерева, которому, при

Фиг. 6.

Фиг. 7.

помощи острыхъ, клинообразныхъ камней, даетъ форму овальной доски (фиг. 6. а). Трость, согнутая индѣйцемъ въ лукъ, обратилась въ рукахъ ново-голландца въ дротикъ. Завостривъ её зазубринами или усаливъ острыми раковинами, онъ сталъ употреблять её и на охотѣ и какъ страшное нападательное оружіе (фиг. 6. б.). Но онъ не упустилъ также увеличить силу своей руки тяжелой дубиною и научился замѣнять лукъ в стрѣлы пращою.

Пещеры и разсѣлины въ скалистыхъ берегахъ служатъ для прибрежныхъ жителей естественнымъ жилищемъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ ни тѣхъ ни другихъ, дикари устриваютъ себѣ пещеровидныя логовища изъ древесныхъ шей и коры, листьевъ, моха и морскихъ водорослей.

Свойство моря поддерживать на своей поверхности твердыя тѣла было подмѣчено прибрежнымъ жителемъ и онъ выучился имъ пользоваться. Австралиецъ еще и нынѣ плаваетъ по морю,

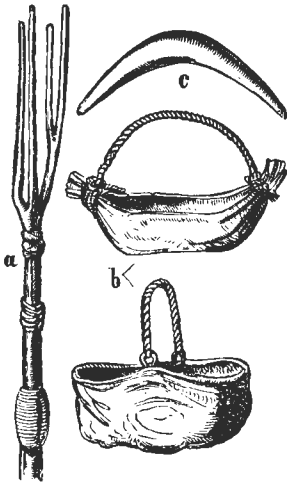
Фиг. 8.

сядя верхомъ на бревнѣ и гребя руками какъ веслами. По онъ дѣлаетъ себѣ также и лодки изъ выдолбленныхъ шей или изъ связанныхъ вмѣстѣ длинныхъ полосъ древесной коры.

Въ выбрасываемыхъ моремъ камняхъ, сглаженныхъ прибоемъ, прибрежный житель нашелъ себѣ весьма полезныя и какъ бы уже наполовину обдѣланныя орудія.

Фиг. 9.

Разбивая и обтачивая эти камни, ново-голландецъ приготовляетъ себѣ изъ нихъ инструменты, замѣняющіе ему ножъ и долото. Обточенные и расколотыя раковины служатъ ему ножницами, а рыбы кости—шиломъ и иглою. Изъ лыка и морской травы онъ вьетъ себѣ веревки, а смола нѣкоторыхъ деревьевъ доставляетъ ему превосходное связывающее вещество. При помощи этихъ матеріаловъ, ему удается наконецъ изготовить самое необходимое для его цѣлей оружіе—топоръ (фиг. 8).

Обладая этими орудіями, онъ чувствуетъ себя вполне свободнымъ и довольнымъ. При помощи ихъ, онъ увеличиваетъ свое имущество, преимущественно снастями для рыбной ловли. Онъ дѣлаетъ себѣ длинныя вилы (фиг. 9. а), остроги, остріе которыхъ, прикрѣпленное снуркомъ,

можетъ быть легко отвязано, удочки и деревянное орудіе странной формы, которое служитъ ему для охоты (фиг. 9 с.). Изготовленіемъ сѣтей изъ морской травы и корзиночекъ изъ коры (фиг. 9. б) занимаются преимущественно женщины. Австралиецъ не знаетъ косякъ; онъ спитъ на землѣ, подославъ подъ себя циновку или просто травы.

Пляску свою онъ сопровождаетъ постукиваніемъ другъ объ друга двухъ кусковъ дерева и никакой другой музыки не знаетъ.

Коренныя африканскія племена ¹ образуютъ отдѣльную замкнутую въ самой себѣ группу, представляя однакожъ значительныя различія какъ въ физическихъ такъ и въ умственныхъ качествахъ, обусловленныя характеромъ обитаемой каждымъ племенемъ мѣстности. Такъ называемые Бушмены, племя блуждающее по безводнымъ и безлѣснымъ равнинамъ и пустыннымъ возвышенностямъ, лежащимъ на востокъ отъ Капской колоніи, — было не въ состояніи перейти самой низшей ступени человѣческаго развитія. Главное занятіе ихъ, также какъ и лѣсныхъ индійцевъ и австралийцевъ, составляетъ охота: она же доставляетъ имъ и матеріалъ для необходимой въ ихъ климатѣ одежды.—Болѣе благоприятная мѣстность, обитаемая Готтентотами, — Капская Земля, обусловила у нихъ и болѣе высокую степень

¹ C. Ritter, Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Gesch. des Menschen. I. Afrika. 2 Aufl. Berlin 1822.—G. Klemm, Allgem. Kulturgeschichte. III. (1844) S. 215. ff.

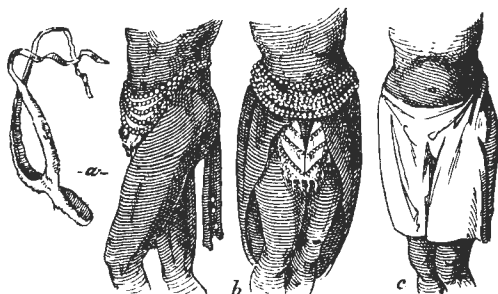
развитія сравнительно съ Бушменами. Къ Готтентотамъ примыкають, въ свою очередь превосходя ихъ развитіемъ, племена Кафровъ—восточныя и западныя. Наконецъ, племя Негровъ, живущее по сѣверозападному прибрежью Африки, повидимому, соединяетъ въ себѣ культурныя способности всей чернокожей расы. Покрайней мѣрѣ отдѣльныя группы этого племени, какъ напр. Ашанти, достигли такой ступени развитія, которая заставила нѣкоторыхъ ученыхъ путешественниковъ видѣть въ нихъ потомковъ древнихъ египтянъ и эоіопянъ¹.

Всѣ эти племена, за исключеніемъ, можетъ быть, одичавшихъ Бушменовъ, доразвились уже частію до кочевой пастушеской жизни, частію до осѣдой земледѣльческой.

Какъ различны степеня культуры названныхъ племенъ, такъ же различна и ихъ одежда. Всѣ они правда употребляютъ для нея преимущественно звѣриныя шкуры, но способъ употребленія постоянно совершенствуется — отъ грубо выдѣланной шкуры, въ которую завертывается Бушменъ, до красиво отдѣланныхъ плащей, носимыхъ Каффрами и Неграми. Негры, и изъ нихъ преимущественно племя Ашанти, знакомы даже съ изготовленіемъ шерстяныхъ матерій, изъ которыхъ они дѣлаютъ себѣ очень удобную одежду.

Костюмъ африканскихъ туземцевъ состоитъ изъ тѣхъ же главныхъ частей, какъ и костюмъ австралийцевъ, т. е.: пояса, передника и плаща; но въ изготовленіи его и ношеніи замѣчается существенная разница сравнительно съ костюмомъ послѣднихъ. Уже въ простомъ передникѣ готтентота, состоящемъ изъ ременнаго пояса съ небольшою полукруглою лапкою (фиг. 10 а)

Фиг. 10.

замѣтно поползновеніе соединить удобство съ парядностью. Это стремленіе еще явственнѣе высказывается въ широкихъ передникахъ изъ звѣриныхъ шкуръ или шерстяной матеріи, носимыхъ Каффрами и негритянскими племенами (фиг. 10. б, в): расшитые симметрическими узорами, эти передники кажутся нарядными даже и цивилизованному глазу.

Сказанное о передникѣ вполне приложимо и къ плащу (фиг. 11). Искусно сшитый изъ выдѣланныхъ шкуръ различныхъ дикихъ звѣрей и нерѣдко снабженный откиднымъ воротникомъ, или же сдѣланный изъ куска шерстяной ткани и придерживаемый перекрещивающимися на груди ремнями, плащъ негровъ показываетъ положительно, что въ изготовленіи его они руково-

¹ C. Ritter, Erdkunde I. S. 230.—

дятся несомненнымъ чувствомъ цѣлесообразности. О неграхъ Ашанти разсказываютъ даже, что ихъ манера носить плащъ напоминаетъ римскую тогу.

Только въ рѣдкихъ случаяхъ африканцы покрываютъ себѣ голову кожанымъ, острокошечнымъ колпакомъ съ шнурками, или шерстяною шапкою;

Фиг. 11.

но обувь носятъ почти постоянно, для защиты ногъ отъ горячаго песку. Готтентоты и Кафры дѣлаютъ себѣ обувь изъ кусковъ кожи вырѣзанныхъ по ступнѣ и прикрѣпляемыхъ къ ней ремнями (фиг. 12). Негры носятъ сандалии—дощечки подвязанныя подъ подошву.

Фиг. 12.

И у африканцевъ еще нѣтъ никакого рѣзительнаго различія между одеждою мужчинъ и женщинъ. Впрочемъ, большая плотность и ширина передника у женщинъ (фиг. 10. в), въ особенности же большая тщательность, съ которою негритянки обвертываютъ имъ свое тѣло, показываетъ, что этимъ племенамъ уже не чуждо этическое чувство. Свойственная женщинѣ склонность къ нарядамъ заставила и африканскую женщину заботиться болѣе объ украшеніи собственной одежды, чѣмъ одежды мужчины. Что касается самихъ украшеній, то въ расположеніи ихъ проглядываетъ нѣкоторое чувство симметрической правильности. Даже и въ обычномъ у Кафровъ и Негровъ расписываніи тѣла красными, бѣлыми или синими фигурами, въ отчетливости, съ какою они накалываютъ себѣ на кожу разные узоры, видно уже положительное пониманіе соответствія между украшаемымъ предметомъ и украшеніемъ.

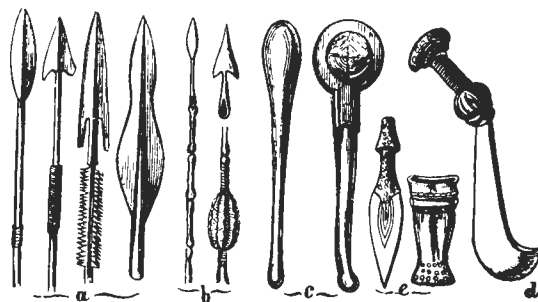
Особенное вниманіе обращаютъ они на прическу волосъ. Нѣкоторыя племена украшаютъ себѣ голову, выстригая на ней разные фигуры, или связывая себѣ волосы въ пучки и косы; тогда какъ другія, напр. племя Ашра, стригутся до-гола. Страсть ридиться одинаково сильна у обоихъ половъ. Какъ мужчины, такъ и женщины чрезвычайно любятъ обвѣшивать себя раз-

ными привѣсками. Въ ухахъ они носятъ или панизанныя на проволоку раковинки, (Готтентоты) или большія металлическія кольца, костяныя пуговицы (Каффы и Негры); на шеѣ и на груди — ожерелья изъ яичныхъ скорлупъ, раковинъ улитокъ, кусочковъ пахучаго дерева, и т. п., а иногда металлическія очень красиво сдѣланныя цѣпочки, бусы изъ пестрыхъ камешковъ. Такими же подвѣсками убираютъ и нижнюю часть живота. На руки, на ноги, на пальцы рукъ и ногъ, надѣваютъ различной величины кольца, которыя Готтентотъ свиваетъ себѣ изъ твердой кожи, а болѣе развитые Каффы и Негры дѣлаютъ изъ слоновой кости, или даже изъ металла (мѣди или желѣза), съ переработкою котораго въ проволоку, полосы и листы они знакомы съ незапамятныхъ временъ.

Знакомство со свойствами металловъ (которое мы находимъ у Негровъ, стоящихъ еще на низшей ступени культуры) составляетъ одинъ изъ главныхъ моментовъ въ исторіи развитія челоуѣчества. «Употребленіе желѣза, своими магнитными силами какъ бы управляющаго всѣмъ земнымъ шаромъ», замѣчаетъ Гердеръ ¹ «почти одно подняло нашъ родъ съ одной ступени быта на другую».

Обработка металловъ упомянутыми африканскими племенами хотя еще и очень первобытная, не осталась, однакожь, безъ замѣтнаго вліянія на ихъ бытъ. Преимущественно же она дала имъ возможность довести до нѣкотораго совершенства ихъ оружіе, именно нападательное, такъ какъ оборонительное свое оружіе они и до сихъ поръ продолжаютъ изготовлять изъ матеріала болѣе удобнаго для обдѣлки, именно — изъ крѣпкой кожи. Оборонительное оружіе негровъ состоитъ изъ щита; ихъ вооруженіе — изъ шапки и широкаго пояса. Щитъ обыкновенно дѣлается изъ овальнаго куска воловьей шкуры, слегка вогнутаго, съ прикрѣпленною къ нему внутри деревянною поперечиною, которая служитъ рукоятью; рѣже употребляются большіе (въ 5 фут. вышины и 4 ф. ширины) щиты, плетеные изъ толстыхъ прутьевъ и обитые досками и металлическими пластинками. Шкура, цѣликомъ снятая съ головы какого нибудь звѣря, или шапка изъ

Фиг. 13.

крѣпкой кожи крокодила служитъ для защищенія головы. Этотъ родъ шлема унижается для прикрасы рядами раковинъ, зубовъ животныхъ, иногда къ

¹ Ideen zur Philosoph. der Gesch. d. Menschheit. I. S. 35 ff.

нему привѣшиваютъ пукъ ярко выкрашенныхъ конскихъ волосъ, или хвостъ леопарда, а для большей прочности обиваютъ его металлическими бляхами.

Гораздо разнообразнѣе пападательное оружіе негровъ. Оно уже распадается у нихъ на два разряда: метательное и ударное. Къ первому разряду принадлежатъ во первыхъ: длинныя (отъ 4-хъ до 5-ти фут.) копыя, съ желѣзными жалами различной формы и обтянутыми кожей древками (фиг. 13. а); во вторыхъ — пращи (впрочемъ, у нѣкоторыхъ только племень), и наконецъ, — луки въ 5 или 6 фут. длины, съ соответствующими ихъ величинѣ стрѣлами изъ легкаго дерева или тростника, съ правиломъ и металлическимъ наконечникомъ (фиг. 13, в).—Главное ударное оружіе составляютъ тяжелыя деревянные палицы, болѣе или менѣе красиво обдѣланныя (фиг. 13. с); тяжелыя булавообразныя желѣзные мечи въ 1½ фут. длины (фиг. 13. d), и короткіе желѣзные ножи въ кожаныхъ ножнахъ (фиг. 13. е). — У нѣкоторыхъ негритянскихъ племень есть даже военные музыкальные инструменты; такъ напр. у племень западнаго берега каждый свободный имѣетъ сверхъ своего особаго военного значка, свой барабанъ, сдѣланный изъ большаго выдолбленнаго шия, и свои военные рога изъ слоновыхъ бивней, убранныя разными причудливыми украшеніями.

Какъ «не однѣ только матеріальныя потребности поражаютъ культуру—ибо, приращенная человѣку лѣность не дала бы ему подняться выше удовлетворенія самыхъ существенныхъ его нуждъ» — такъ точно не однѣ эти потребности побуждаютъ его къ дальнѣйшему развитію его способностей и съ тѣмъ вмѣстѣ къ усовершенствованію его быта. Тогда какъ лѣсной индѣецъ коснѣетъ въ самодовольной лѣни, австраліецъ же былъ вынужденъ къ дѣятельности только необходимостью поддерживать свое существованіе, — африканецъ, болѣе мысленный, благодаря естественнымъ условіямъ обитаемой имъ страны, стоитъ уже на границѣ исключительно чувственной жизни первобытнаго человѣка. Негръ уже способенъ чувствовать то, что его окружаетъ: въ немъ таятся зародыши сочувствія и отвращенія, зачатки всѣхъ страстей, хорошихъ и дурныхъ; но для развитія ихъ ему необходимо руководство высшихъ, духовно превосходящихъ его, человѣческихъ силъ. Самъ изъ себя развиваться онъ не въ состояніи. Его тѣло еще слишкомъ порабощено почвою, которая его произвела.

Поэтому при взглядѣ на африканскія племена и прежде всего на ихъ одежду, нельзя не замѣтить, что, несмотря на ихъ еще чисто чувственную жизнь, на образованіе ихъ костюма дѣйствовали болѣе глубокія вліянія. Кромѣ упомянутыхъ выше, хотя и слабыхъ, указаній на различіе половъ, въ одеждѣ африканскихъ племень обозначились уже явственно всѣ основныя черты, обуславливающія ея дальнѣйшее развитіе. Она является у нихъ уже не однимъ только средствомъ для защищенія и украшенія тѣла, но въ тоже время превосходно приспособляется для выраженія различныхъ чувствованій (ощущеній) и состояній. Въ этомъ послѣднемъ значеніи, она находитъ себѣ примѣненіе, хотя сравнительно и грубое, въ различныхъ житейскихъ обстоятельствахъ уже и на этой низкой ступени культуры. ¹ Эта, нѣкоторымъ образомъ символическая черта костюма проявляется

¹ Подробнѣе въ Н. Weiss, Geschichte des Kostüms, Berlin I. (I). S. 53 ff.

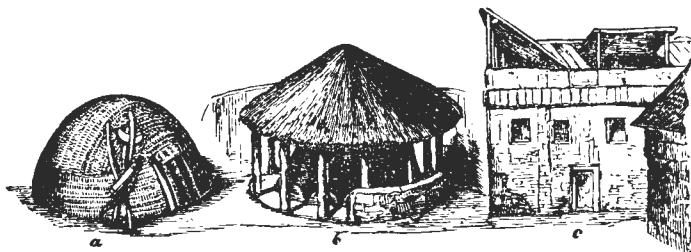
у африканскихъ племенъ особенно въ тщательномъ отличеніи одеждою различныхъ семейственныхъ отношеній и положеній, какъ-то — траура, беременности, состоянія невесты и т. п. Подобнымъ же образомъ обозначаются у негровъ одеждою различныя общественныя положенія. Болѣе богатый нарядъ отличаетъ предводителя или владѣтеля отъ свободнаго и знатнаго, а эти послѣдніе такъ же наглядно отличаются отъ низшихъ или рабовъ. Жрецы, или вѣриѣ — колдуны (ибо для негра эти понятія однозначущи), обвѣшиваютъ себя разными вещами, которыя имъ кажутся наиболѣе соответствующими ихъ званію; впрочемъ у племени Аганта, поклоняющагося фетишамъ, жрецы одѣваются только въ бѣлое, такъ какъ это племя считаетъ бѣлый цвѣтъ символомъ чистоты ¹.

Изложенныя выше общія указанія на различные моменты развитія костюма, прилагаются, въ существенныхъ чертахъ своихъ, также и къ развитію построекъ и утвари; ибо все проявленія дѣятельности народа находятся въ одинаковомъ отношеніи къ степени его культуры а слѣдовательно и другъ къ другу.

Естественныя условія страны опредѣлили образъ жизни ея обитателей, а образъ жизни обусловилъ въ свою очередь устройство жилищъ. Съ усовершенствованіемъ культуры — съ развитіемъ понятія о семьѣ и собственности — совершенствуются соотвѣтственно ей и постройки, какъ въ объемѣ, такъ и въ формѣ. Съ расширеніемъ житейскихъ отношеній онѣ получаютъ большее разнообразіе, вслѣдствіе большаго разнообразія цѣлей, для коихъ онѣ назначаются. — Когда же въ народѣ пробуждается эстетическое чувство, то и оно начинаетъ оказывать свое вліяніе, — и изъ простой первобытной хижины вырастаетъ изящное зданіе. — Но и не доходя еще до предѣловъ этой высшей ступени строительной дѣятельности, мы можемъ наблюдать у африканскихъ племенъ постепенное совершенствованіе построекъ.

Самая простѣйшая форма жилищъ встрѣчается у Готентотовъ. Какъ племя кочующее, они живутъ въ шалахахъ, которые такъ же легко и скоро устраиваются, какъ и разбираются. Эти шалаши, обыкновенно круглой или овальной формы, дѣлаются изъ переплетенныхъ гибкихъ вѣтвей и покрываются или циновками, или звѣриными шкурами (фиг. 14. а). Величина

Фиг. 14.

ихъ зависить единственно отъ большей или меньшей многочисленности семьи, вышина же рѣдко превосходитъ 5 футовъ. Вырытая посрединѣ ша-

¹ С. Ritter. Erdkunde I. (I.) S. 315.

лаша яма служить очагомъ. Въ подобныхъ же хижинахъ, только нѣсколько прочіе построенныхъ, живутъ нѣкоторыя кочующія племена Каффровъ, между тѣмъ какъ осѣдлыя изъ нихъ строятъ себѣ постоянныя жилища. По окружности, иногда въ 20 фут. въ діаметрѣ, вбивается рядъ столбовъ (устоевъ), которыя иногда соединяются между собою стѣною изъ плетня, обмазаннаго глиною. Внутри этой ограды, доходящей до 9 ф. вышины, и на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, устраивается другая такая же ограда повыше и въ центрѣ ея вбивается высокій столбъ, который служитъ подпорю для конической, опирающейся на вѣшнюю стѣну, соломенной крыши (фиг. 14. b). Входы, продѣланные въ стѣнѣ, и отверстіе между стѣною и крышею, пропускаютъ въ хижину дневной свѣтъ и служатъ въ то же время для отвода дыма.

Гораздо прочіе этихъ хижинъ жилища нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ на западномъ берегу. Они строятся изъ глиняныхъ кирпичей, но не обожженныхъ, а высушенныхъ, и имѣютъ видъ сравнительно очень просторныхъ четверугольных домиковъ съ плоскими крышами (фиг. 14. e).— Самыя же прочныя постройки встрѣчаются у племени Ашанти. Стѣны ихъ домовъ состоятъ изъ двойнаго плетня, въ промежуткѣ наполненнаго глиною; бамбуковая крыша прикрыта вѣтвями и пальмовыми листьями. Эти дома отличаются отъ жилищъ другихъ племенъ не одною только прочностью, но и особенною опрятностью. Отверстія, замѣняющія двери и окна, запираются у нихъ досчатыми ставнями, которые нерѣдко бывають раскрашены и позолочены. Стѣны снаружи обмазаны глиною, чисто выбѣлены и украшены грубыми орнаментами изъ тростника. А у знатныхъ, для обозначенія ихъ званія, къ передней части дома пристраивается даже родъ преддверія. Внутренность этихъ жилищъ такъ же опрятна, какъ и ихъ наружность: полъ, изъ красной, плотно убитой глины, содержится въ большой чистотѣ.

Кромѣ собственно жилыхъ строеній, у африканскихъ племенъ встрѣчаются и другія постройки, какъ ближайшее и естественное послѣдствіе обладанія и вызванныхъ послѣднимъ потребностей. Смотра по степени развитости каждаго племени, постройки эти болѣе или менѣе совершенны. Тогда какъ Готентоты для сбереженія своихъ стадъ ограничиваются только тѣмъ, что ставятъ свои шалаши одинъ подлѣ другого кругомъ, въ средину котораго и загоняютъ стадо,—Каффы устраиваютъ для той же цѣли особыя загороды изъ вбитыхъ въ землю кольевъ. Осѣдлый негръ идетъ еще дальше и запираетъ свой скотъ въ обнесенный глиняными стѣнами и со всѣхъ сторонъ закрытый загонъ.

Въ постройкахъ этихъ болѣе развитыхъ осѣдлыхъ племенъ точно такъ же выразились различныя житейскія отношенія, какъ и въ ихъ одеждѣ и нарядахъ. Какъ жилище знатнаго вѣшнимъ своимъ видомъ отличается отъ жилища низшаго или раба (о чемъ говорено выше), такъ жилище предводителя племени превосходитъ всѣ остальные своимъ объемомъ и богатствомъ. Точно также и постройки, имѣющія отношенія къ ихъ торжествамъ, отличаются особымъ характеромъ, сообразнымъ ихъ назначенію. Потребность культа вызвала у нихъ изготовленіе идоловъ и особыхъ для нихъ помѣщеній—капищъ, а необходимость оберегать свое имущество отъ

вооруженнаго нападенія научило ихъ обносить его земляными насыпями и крѣпкими оградами изъ свай.

Развитіе утвари, какъ самое рѣшительное выраженіе разнообразія въ потребностяхъ, опредѣляетъ степень культуры народа почти еще точнѣе, чѣмъ его одежда и постройки, ибо какъ та, такъ и другія, возникли единственно изъ естественнаго побужденія защитить себя отъ неблагоприятныхъ вѣтшинихъ, климатическихъ вліяній; утварь же — за исключеніемъ принадлежностей охоты и рыбной ловли, которыя должны были возникнуть изъ потребности самосохраненія — слѣдуетъ разсматривать какъ результатъ болѣе утонченнаго чувства. И звѣрь умѣетъ защитить себя отъ стужи и устроить себѣ жилище, одинъ только человекъ могъ дойти до изготовленія утвари. «Своей, болѣе утонченной смышленности человекъ главнымъ образомъ обязанъ удобствами жизни, изобрѣтеніями и искусствами». Степень развитія этой способности, также какъ и всѣхъ остальныхъ, опредѣляется болѣе или менѣе благоприятными мѣстными и климатическими условіями и болѣе или менѣе продолжительнымъ и частымъ упражненіемъ. Обзоръ утвари, употребляемой африканскими племенами подтвердить намъ это.

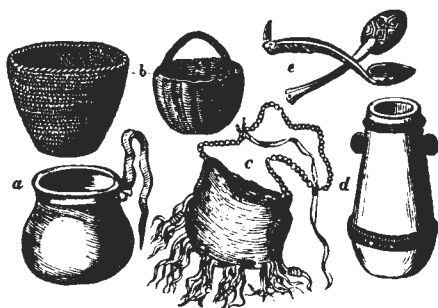
Самую первобытную утварь встрѣчаемъ мы у обитателей южной оконечности Африки — Готентотовъ; гораздо совершеннѣе она у Каффровъ и Негровъ западнаго берега. Первые довольствуются, для изготовленія ея, болѣею частью естественными произведеніями въ сыромъ видѣ — лыками, листьями, твердою скорлупою нѣкоторыхъ плодовъ, звѣриными шкурами, слоновыми клыками и т. п.; — Каффы и Негры употребляютъ, сверхъ этихъ предметовъ, металлы и глину. Вслѣдствіе этого утварь ихъ гораздо разнообразнѣе чѣмъ у Готентотовъ: вмѣсто листа или скорлупы, которая замѣняетъ послѣднему посуду, негръ дѣлаетъ себѣ изъ глины хотя и грубые, но болѣе пригодныя для цѣли сосуды. Они состоятъ болѣею частью изъ глиняныхъ, обожженныхъ или просто высушенныхъ на солнцѣ плоскихъ или урнообразныхъ горшковъ (фиг. 15. а), или чашекъ различной величины, иногда снабженныхъ ручками и нерѣдко украшенныхъ нацарапанными на нихъ фигурами. Кромѣ такой посуды, Каффы и Негры употребляютъ еще кожаные, крѣпко сшитые кошель (фиг. 15. с.), плотно сплетенныя, не пропускающія воду корзины (фиг. 15. в), и для сбереженія и переноски жидкостей — деревянные боченки (фиг. 15. d). Деревянная различной величины блюда и нѣсколько деревянныхъ же, нерѣдко красиво вырѣзанныхъ ложекъ (фиг. 15. е), дополняютъ ихъ домашній скарбъ.

Такъ какъ всѣ эти народы живутъ болѣе вѣ-дома, на открытомъ воздухѣ, то собственно мебели у нихъ нѣтъ никакой, кромѣ принадлежностей для сна. У Каффровъ постелью служитъ циновка, которую они разстилаютъ просто на полу; Негры снятъ или въ койкахъ, прикрѣпляемыхъ къ

Вейсъ. 1.

2

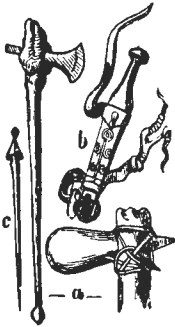
Фиг. 15.

угловымъ столбамъ хижины, или на деревянныхъ скамьяхъ съ полукруглымъ изголовьемъ.

Употребленіе металловъ дало Неграмъ возможность значительно усовершенствовать свои ремесленническія орудія (кромѣ металлическихъ топоровъ

Фиг. 16.

фиг. 16. а), пожей (фиг. 16. б) и игль (фиг. 16. с), у нихъ попадаются иногда—молотки, клещи и желѣзные буравы) — а при помощи ихъ и свои охотничьи и рыболовные снаряды. Къ первымъ принадлежитъ, кромѣ обыкновеннаго охотничьяго оружія, топоръ—постоянный спутникъ охотящагося негра; къ послѣднимъ — разнообразно заостренныя остроги, большіе и малые крючья, сѣти и т. п.

Съ выработкою всѣхъ этихъ снарядовъ и вообще съ развитіемъ быта негровъ связано и развитіе ихъ игръ и музыкальныхъ инструментовъ. Эти послѣдніе, при всей своей первобытности, распадаются однакожь на ударныя, духовныя и струнные. Бабарацъ, который у Готентотовъ состоитъ изъ овечьей кожи натянутой на пустую тыкву или на выдолбленный чурбанъ, является

у Негровъ въ болѣе усовершенствованномъ видѣ, различной величины и формы — овальной, круглой и съ перехватомъ посрединѣ, на подобіе стклянки въ солнечныхъ часахъ. Рога изъ слоновыхъ бивней и длинныя тростниковыя дудки съ тремя отверстіями—ихъ духовыя инструменты. Главный струнный инструментъ Готентотовъ состоитъ изъ лука съ натянутой на немъ струной, которую приводятъ въ колебаніе перомъ; у Негровъ онъ имѣетъ уже нѣкоторое подобіе скрипки: на выдолбленную тыкву или деревянный ящикъ натягиваются нѣсколько струнъ, на которыхъ играютъ смычкомъ.

Менѣе всего выработана у африканскихъ племенъ утварь, имѣющая отношеніе къ общественной и религіозной жизни. Возвышенное сидѣнье или покрытая леопардовой шкурой дерновая скамья замѣняетъ ихъ властителямъ тронъ, къ которому подданные дерзаютъ приближаться не иначе какъ ползкомъ. Представители культа—колдуны и жрецы—пользуются полною свободою въ выборѣ одежды для себя и утвари для своихъ церемоній. Племя Ашанти составляетъ однакожь и въ этомъ отношеніи исключеніе. У нихъ уже установилась извѣстнаго рода обрядность, и употребляемая при жертвоприношеніяхъ утварь—какъ-то ножи, чашп—получила опредѣленную форму и символическое значеніе.

Отдѣлъ первый.

Древнѣйшіе народы Африки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Египтяне ¹.

Предварительныя замѣчанія.

«Пирамиды Мемфиса суть порубежные знаки исторіи». Съ именами ихъ строителей, царей Хуфу (Хеопсъ), Шафера (Хефренъ, Суфисъ) и Менхереса (Микериносъ), связываются первыя историческія извѣстія. Хронологическія изслѣдованія относятъ время царствованія этихъ царей, основавшихъ четвертую мемфисскую династію, къ началу четвертаго тысячелѣтія до Р. Х. За предѣлами этой эпохи начинается область мѣра.

Египтяне считали себя первобытными обитателями своей страны (автохтонами); но между тѣмъ кажется несомнѣннымъ, что въ незапамятныя времена нѣкоторыя изъ племенъ, населявшихъ переднюю Азію, переселились въ Нильскую долину и отчасти смѣшались съ тамошними туземцами. Въ пользу этого предположенія свидѣлствуютъ сохранившіеся на древнѣйшихъ памятникахъ изображенія представителей господствующихъ расъ, отличающихся одна отъ другой цвѣтомъ кожи, складомъ тѣла, типомъ лица и т. п.

¹ Description de l'Égypte, par C. L. F. P a n c k o u e k e Paris, 1820 T. I.—H. v. M i n u t o l i, Reise z. Tempel des Jupiter Ammon etc. Berlin, 1824. Atlas.—F. C a i l l i a u d, Recherches sur les arts et metiers etc. Paris, 1831.—C. L e m a n s, Monum. Égyptiens etc. Leyde, 1839.—E. P r i s s e d' A v e n n e s. Monum. Égyptiens, Bas-Reliefs etc. Paris, 1842.—I. R o s e l l i n i, I Monumenti dell' Egitto e della Nubia. Pisa, 1834—44.—G. W i l k i n s o n, Manners and Customs of the ancient Egyptians, London, 1837—41. (Второе изданіе: A popular Account of the ancient Egyptians, London, 1854).—R. L e p s i u s, Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Berlin, 1849.—M. d u C a m p, Égypte, Nubie, Palestine et Syrie. Dessins photographiques etc. Paris, 1852.—P. T r e m a u x, Voyage au Soudan oriental etc. pendant les années 1847—48. Paris.—R. L e p s i u s, Einleitung in die Chronologie der Aegypter; Briefe aus Aegypten etc. Berlin 1852.—M. D u n c k e r, Geschichte des Alterthums. Berlin, 1852 (2 Aufl. 1855).—H. W e i s s, Geschichte des Kostüms. I. Theil, Afrika. Berlin, 1853.—H. B r u n g s c h, Reiseberichte aus Aegypten. Leipzig, 1855.

Мѣстныя естественныя условія опредѣлили съ самаго начала ходъ развитія египетской культуры. Ежегодное разлитіе Нила и зависящее отъ него плодородіе страны принудили побережное населеніе къ усиленной дѣятельности, какъ для того, чтобы отвратить отъ себя опустошенія наводненія, такъ и для того, чтобы защитить плодотворный нильскій плъ отъ пескѡвъ, наносимыхъ съ окружающихъ степей. Периодичность разливовъ пробудила и развила въ Египтянахъ чувство порядка. Замкнутость ихъ страны, окруженной песчаными степями и скалистыми кряжами, уединяла ихъ отъ остальнаго міра. Почти постоянно ровный климатъ способствовалъ установленію у нихъ простаго и правильнаго образа жизни. Такимъ образомъ, заключенные въ предѣлахъ обитаемой ими страны и поставленные виѣ всякихъ виѣшнихъ вліяній, Египтяне необходимо должны были развиваться односторонне. Гордые результатами своей неутомимой дѣятельности, они до самаго позднѣйшаго времени смотрѣли съ презрѣніемъ на «жалкіе» и «извращенные» чужестранныя народы.

Подъ вліяніемъ этихъ условій и въ теченіе продолжительнаго періода невозмутимаго спокойствія египетская культура достигла блестящаго развитія. Объ этомъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшіе до сихъ поръ памятники того времени. Древнѣйшіе изъ нихъ—пирамиды, хотя на нихъ и нѣтъ никакихъ изображеній, указываютъ однакожь своеобразностью постройки на высокую степенъ практическаго образованія своихъ строителей, на совершенство ихъ техническихъ приѣмовъ въ кладкѣ и обработкѣ огромныхъ каменныхъ массъ, на послѣдовательное стремленіе къ замкнутой въ самой себѣ формѣ. Но еще очевиднѣе, чѣмъ въ этихъ памятникахъ, выражается характеръ народа и степенъ его тогдашней развитости въ современныхъ пирамидахъ и окружающихъ ихъ гробницахъ, высѣченныхъ въ скалахъ. Стѣны этихъ гробницъ въ изобиліи покрыты гіероглифами и скульптурными изображеніями разнообразныхъ занятій народа. И въ нихъ также проявляются основныя черты характера Египтянъ—законность и любовь къ порядку.

Стѣнныя скульптуры въ гробницахъ шестой династіи не указываютъ ни на какое замѣтное улучшеніе въ бытѣ народа, сравнительно съ эпохою, изображенною въ скульптурахъ древнѣйшихъ гробницъ. Однакожь, въ началѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х. египетская культура достигла уже значительной высоты. Дошедшія до насъ извѣстія о громадныхъ плотинахъ для сдержанія разливовъ Нила, о постройкѣ лабиринта, приписываютъ эти сооруженія Аменемѣ III (у грековъ—Möris), фараону двѣнадцатой династіи. Несомнѣнное же свидѣтельство о процвѣтаніи египетскаго государства въ эту эпоху даютъ современныя ей гробницы въ Бени-Гассахъ. Стѣны ихъ сплошь покрыты раскрашенными барельефами, на которыхъ съ чрезвычайною точностью представлены все подробности народнаго быта—занятія различными ремеслами и искусствами, общественныя игры, разныя увеселенія и т. п. Между тѣмъ какъ содержаніе изображеній на древнѣйшихъ гробницахъ составляетъ преимущественно добываніе естественныхъ произведеній—земледѣльческія занятія и скотоводство, на гробницахъ Бени-Гассахъ представлены различныя способы переработки сырыхъ продуктовъ и спокойное обладаніе и пользованіе приобрѣтеннымъ. Но какъ древнѣйшія, такъ и позднѣйшія изображенія говорятъ еще о жизни умѣренной, незна-

комой съ роскошью. Видно, что сознательное стремленіе къ чисто внѣшней пышности еще чуждо народу, и что онъ умѣетъ вопліть удовлетворять своимъ потребностямъ самыми простыми средствами.

Политическія сношенія Египта въ теченіе этой счастливой эпохи ограничивались въ сущности однѣми приливскими странами. Войны Сезостриса (Сезуртаза) I съ народами «Кушь», съ Эѳіопянами и другими туземцами засвидѣтельствованы надписями. О побѣдахъ, одержанныхъ египетскою арміею, о ея правильной организаціи, свидѣлствуютъ изображенія на нѣкоторыхъ гробницахъ близъ Сіута, относящихся ко времени 13-й династіи. На гробницахъ Бени-Гассанъ встрѣчаются уже фигуры азіатскаго типа. Онѣ представляютъ людей, принадлежащихъ къ племени «Ааму» или семитовъ — по всей вѣроятности купцовъ, пришедшихъ въ Египетъ съ караваномъ, какъ даетъ право предполагать упоминаемый въ объяснительной надписи, и теперь еще весьма распространенный на Востокъ, косметикъ — «местемъ» или притиранье для глазъ.¹ — Признаютъ вѣроятнымъ, что переселеніе Авраама съ женою его Сарою относится ко времени двѣнадцатой династіи.²

Наплывъ чужеземцевъ изъ передней Азіи долженъ былъ помѣшать са мостоятельному развитію египетской культуры. Нѣтъ сомнѣній, что рассказы иностранцевъ, посѣщавшихъ Египетъ, о его плодородіи, о благосостояніи его жителей, были однимъ изъ главныхъ поводовъ, заставившихъ владителей Аравіи и средней Азіи предпринять покореніе его. — Съ послѣднимъ фараономъ 14-й династіи (около 2000 до Р. X.) померкъ блескъ древняго египетскаго царства, подпавшаго игу азіатскихъ завоевателей. Подъ именемъ Гиксосовъ (гикъ-шасу, гикъ-шусъ) они господствовали надъ Египтомъ въ теченіи 500 лѣтъ. Время ихъ владычества темно и составляетъ какъ-бы пробѣлъ въ исторіи Египта³.

Фараоны, удержавъ за собою одиѣ только южныя области своего прежняго царства, вступили въ союзъ съ Эѳіопіею и мало по малу успились снова, такъ что пятому фараону 18-й династіи, Тутмесу III, удалось одержать надъ Гиксосами побѣду (ок. 1600), а двѣсти лѣтъ спустя, при Сети I, они потерпѣли рѣшительное пораженіе и Египетъ сталъ снова самостоятельнымъ государствомъ.

Со временъ Тутмеса III, положившаго основаніе новому царству, начинается также и новая эпоха въ развитіи египетской культуры. Можно предполагать, что завоеванныя Египтянами сокровища существенно способствовали этому движенію. Передняя Азія была издавна странюю изобилія и пышности. Царство Гиксосовъ было конечно тоже богато, и покоренные

¹ Если бы, какъ принимаетъ г. Бругшъ (H. Brugsch, Reiseberichte. S. 98) эти фигуры представляли посольство отъ какаго-нибудь семитическаго племени, покореннаго Египтянами, то нѣтъ сомнѣній, что такое важное для Египта событіе было бы отмѣчено особою обстоятельною подписью; а потому предложенное мною объясненіе этого интереснаго барельефа кажется мнѣ самымъ вѣроятнымъ. Рисункъ его см. у K. Lepsius, Denkmäler u. s. w. Abthlg. II. Blatt 133. Grab 2.

² H. Brugsch. Reise. S. 92.

³ Мнѣніе, что Гиксосы были кочевыя арабскія племена, опровергается новѣйшими учеными, которые считаютъ ихъ то израильянами, то финиціанами и т. д.

Египтянами и терпимые ими въ своей странѣ остатки этихъ племенъ могли стать во многихъ отношеніяхъ наставниками своихъ властителей.

Особенно плодотворны для преобразованія всего строя египетской культуры были побѣдоносныя войны, вѣденыя фараонами по востановленіи самостоятельности государства. Онѣ начались велѣдъ за изгнаніемъ Гиксо-совъ. Уже засвидѣтельствованныя надписями завоеванія Тутмеса III, освободителя Египта, не только простирались глубоко на югъ, внутрь Эѳіопіи, но и захватывали всѣ части передней Азіи вплоть до Месопотаміи.¹ Полнаго же своего развитія достигло могущество Египта только при фараонахъ 19-й династіи (около 1400 — 1200). Рамзесиды, — особенно Рамзесъ II, великій (Сезострисъ, Сеть), — упрочили надолго славу по ваго царства. При отцѣ Рамзеса II-го, Сети I, настоящимъ покорителѣ Гиксосовъ, начинается въ Египтѣ необыкновенная строительная дѣятельность. Въ продолженіи его царствованія было воздвигнуто множество храмовъ, изъ которыхъ большая часть была однакожъ окончена только при его сынѣ. Въ надписяхъ и на барельефахъ, покрывающихъ стѣны этихъ храмовъ, названы и представлены длинныя ряды разноплеменныхъ данниковъ, несущихъ дань своему побѣдителю.² Тутъ есть и Халдеи, и жители «Пахарайшы» или Месопотаміи, «Іаваны» (Іонійцы), «Ретенну» (Каппадокійцы) и т. д.; говорится также о крѣпости «Аскаленѣ» (Аскалонѣ) и о городѣ «Хали-ба» (Халибонѣ). А въ надписи, относящейся къ прежде одержаннымъ побѣдамъ (при Аменготепѣ II-мъ), упоминается даже «крѣпость Шеніи» т. е. Нипивія.

Войны съ народами передней Азіи, оказавшіяся большею частью удачно для Египтянъ, обогатили ихъ несмѣтною добычею. Сокровищницы государства были переполнены даями отъ покоренныхъ фараонами народовъ. Въ нихъ стекались драгоцѣннѣйшія произведенія Эѳіопіи и Азіи, какъ естественныя, такъ и искусственныя. Въ надписяхъ той эпохи,³ перечисляющихъ эти богатства, на первомъ мѣстѣ стоятъ «серебро, золото, мѣдъ, олово, драгоцѣнные камни, слоновая кость, черное дерево» и т. д.; затѣмъ слѣдуютъ — драгоцѣнная утварь прекрасной работы, богатые сосуды — какъ «произведенія святой земли»,⁴ роскошно убранныя колесницы⁵ и оружіе различныхъ родовъ⁶.

Вліяніе, которое имѣли на Египтянъ эти войны и порожденные ими частыя сношенія съ богатою Азіею, отразилось уже на самыхъ древнихъ памятникахъ той эпохи. Костюмы, на нихъ представленные, нышны и роскошны, и нисколько не похожи на простую одежду прежняго періода. При осмнадцатой династіи, въ обычаи и образъ жизни Египтянъ начинается вводиться азіатская утонченность. Вліяніе ея простирается не на одну только внѣшнюю обстановку жизни, но касается даже и культа. Уже около 1550 г., фараонъ 18-й династіи, Аменофисъ III (Аменготепъ), возсталъ противъ тузем-

¹ H. Brugsch, Reise. S. 48. — ² Id. op. cit. S. 116, 123, 155, 186 ff.

³ H. Brugsch, Reise. S. 116; 123 ff; 150 ff. Ср.: E. de Rougé, Mémoire sur l'inscript. du Tombeau d'Ahmes etc. Paris, 1851 u. S. Birch, Observations on the statistical Tablet of Karnak. London. (Transactions of the R. Soc. of Literat. Vol. II. new ser.).

⁴ H. Brugsch, Reise S. 154. — ⁵ S. Birch op. cit. — ⁶ Ср. R. Lepsius, Denkmäler u. s. w. Abthlg. III рсс. 64 a. Grab XIII.

наго культа и замѣнилъ его поклоненіемъ солнцу. Съ тѣхъ поръ фараоны, послѣдователи новой религіи, стали называться «Бех-ен-атеиъ (отраженіе солнца)». ¹

Со времени распространенія въ Египтѣ роскоши, туземная ремесленная дѣятельность теряетъ мало по-малу свою самостоятельность и переходитъ въ руки побѣжденных иноплеменниковъ. Что фараоны употребляли для своихъ построекъ военнопленныхъ и данниковъ — это подтверждаютъ древніе писатели и даже надписи на памятникахъ. ²

Ремесленники и художники принадлежали къ низшимъ, служебнымъ (?) сословіямъ. Господствующее населеніе состояло только изъ жрецовъ или ученыхъ, и воиновъ. — Кривой посохъ и бичъ — въ старину бывшіе знаками царскаго достоинства — обратились, съ возстановленіемъ царства, въ простыя символы первобытныхъ занятій народа — земледѣлія и скотоводства.

Однакожь уже при послѣднихъ царяхъ 19-й династіи (около 1200) стало обнаруживаться губительное вліяніе иноземной культуры. Государство утратило свою первоначальную силу, впало въ разслабленіе, и постепенно близилось къ окончательному распаденію подъ напоромъ постоянно усиливавшагося наплыва азіатскихъ элементовъ. Попытки нѣкоторыхъ государей изъ послѣдовавшихъ династій возвратитъ ему прежнюю стойкость остались безуспѣшными. Побѣдоносный походъ Сезонхиса (Шешонкъ I, Сизакъ; около 940—917) противъ Палестины не имѣлъ никакихъ прочныхъ послѣдствій для политическаго положенія Египта — и двѣсти лѣтъ спустя царство фараоновъ было покорено эоіопскимъ властителемъ Шабакомъ (Сабаконъ). Однакожь около половины седьмого столѣтія до Р. Х., въ дипломатическое царствованіе Псамметиха, дѣятельнаго государя 26-й династіи (675—525), Египетъ будто снова ожилъ. Но тѣсныя сношенія съ Греціею, которыя удалось установить этому монарху, и насильственное перенесеніе на египетскую почву элементовъ греческой культуры остановили снова его самостоятельное развитіе. Нехо, сынъ и преемникъ Псамметиха, шелъ по слѣдамъ своего отца. При немъ и при Псамметихѣ II (Псамисъ; 593 — 588), Египетъ лишился почти всѣхъ завоеванныхъ имъ владѣній, и, доведенный до крайняго истощенія, слѣдался наконецъ добычею Персовъ. Впродолженіе пяти династій (отъ 27 до 32-й, отъ 525 до 332 до Р. Х.) Египетъ переходилъ нѣсколько разъ — но всегда на короткое время — изъ подъ верховнаго господства Персовъ подъ владычество туземныхъ монарховъ, которымъ удавалось завоевывать себѣ самостоятельность. Нѣтъ сомнѣнія, что въ это время населеніе страны значительно уменьшилось. Въ нижнемъ Египтѣ могли удержаться развѣ только слабыя остатки первоначальной культуры; всѣ, кто жилъ и думалъ по-старинному, вѣроятно уже давно удалились въ верхній Египетъ, въ Нубію и Эоіопію. При Даріѣ III (335 — 332), мечъ Александра Великаго полагаетъ конецъ персидскому господству. Династія Птолемеевъ прославляетъ еще разъ имя Египта въ исторіи — возвышеніемъ

¹ R. Lepsius, Briefe S. 365, u. H. Brugsch, Reiseberichte S. 238.

² 2. Мопс. V. 6; Діодоръ I. 56. Рисунки: Cailliaud, Recherches, Pl. 9. A. Rosellini II (т. с.) XLIX I. Wilkison S. 99. R. Lepsius Denkmäler.

Александрии Съ 30 г. до Р. Х. древнее царство фараоновъ становится бѣдною провинціею всемірной Римской имперіи, — и загадкою для послѣдующихъ поколѣній.

О д е ж д а.

Чтобы составить себѣ по возможности точное представленіе объ одеждѣ Египтянъ по изображеніямъ ея на памятникахъ, нужно прежде всего понять свойственную этому народу художественную форму.

По всей вѣроятности, изобразительное искусство Египтянъ развилось изъ бывшаго у нихъ въ употребленіи образнаго письма или гіероглифики, съ которою оно и оставалось въ тѣснѣйшей связи до самаго позднѣйшаго времени. Всѣ фигурныя изображенія на монументахъ суть какъ-бы переложеніе на общепонятный языкъ гіероглифическихъ надписей, сопровождающихъ и поясняющихъ эти изображенія.¹ Поэтому величайшая точность въ изображеніи отдѣльныхъ предметовъ, строгое сохраненіе разъ принятой и всѣми понятой формы, стали обязательны для египетскихъ художниковъ. Они могли производить лишь подчиняясь извѣстнымъ, предписаннымъ правиламъ. Вслѣдствіе этого, во всё время существованія египетскаго государства, искусство Египтянъ удержало, почти безъ всякихъ измѣненій, свой первоначальный, какъ-бы дѣтскій характеръ. Онъ выражается рѣзче всего въ изображеніяхъ человѣческихъ фигуръ, отчасти намалеванныхъ, отчасти изваянныхъ рельефомъ: онѣ похожи на фигуры, начерченные неумѣлою рукою ребенка, безъ всякаго чувства перспективы и ракурса.

И въ египетскихъ фигурахъ оконечности и голова представлены постоянно въ профиль, а грудь и плечи спереди (en face). Только упомянутое уже выше строгое удержаніе установленной формы, въ соединеніи съ нѣкоторою естественностью въ замыслѣ и представленіи, добытою трезвымъ наблюденіемъ природы и непрерывнымъ упражненіемъ, придаютъ этимъ изображеніямъ достоинство самостоятельныхъ произведеній искусства.

Для египтянина имѣли значеніе и вещи повидному не важныя, если только онѣ касались его страны, а тѣмъ болѣе — его личности. Поэтому египетскіе художники прилагали всевозможное стараніе, чтобы на ихъ картинахъ и рельефахъ и самая одежда была воспроизведена съ величайшею точностью и со всѣми подробностями. Но, желая быть обстоятельными въ изображеніи одежды, они представляли еѣ почти всегда съ передней стороны, не обращая вниманія на профильное положеніе фигуры. Поэтому расположеніе одежды у нихъ почти всегда противорѣчитъ указанной выше своеобразной постановкѣ фигуръ.

Мелочная тщательность въ изображеніи разныхъ подробностей одежды напр. складокъ и т. п., обуславливалась также правилами египетскаго искусства. Живая природа не терпитъ подобной неподвижности; но преимущес-

¹ Съ тою же самою цѣлью прилагались къ средневѣковымъ рукописямъ и книгамъ рисунки и пометки: они наглядно поясняли содержаніе книги или рукописи тѣмъ, кто не умѣлъ читать.

твенно практической смысл Египтянъ связалъ ихъ искусство и въ этомъ отношеніи, предписавъ ему неизмѣнную норму. Неуклонное стремленіе къ одной лишь внѣшнимъ образомъ дѣйствующей, одному разсудку говорящей формѣ, не дало имъ подняться до художественной свободы.

Древніе Египтяне изготовляли свою одежду отчасти изъ животныхъ, отчасти изъ растительныхъ матеріаловъ. Изъ послѣднихъ они употребляли преимущественно хлопчатую бумагу и ленъ, которые перерабатывались ими въ ткани различной доброты, отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ тончайшихъ. Изъ которыхъ второстепенныя принадлежности одѣжды изготовлялись изъ твердыхъ волоконъ различныхъ растений, чаще же всего изъ кожи. Въ древнѣйшія времена одѣвались, кажется, преимущественно въ хлопчатобумажныя матеріи. Такого рода одѣжды считались «ненастоящими» и назывались «шенти» (сплетенное) Имъ противопоставались «настоящія» одѣжды, которыя назывались «пекъ» и шились вѣроятно изъ полотна.¹ Первое названіе встрѣчается уже въ надписяхъ 19-й династіи (2000 до Р. X.), гдѣ имъ обозначень египетскій передникъ.

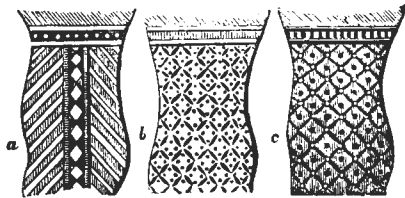
Начало ткацкаго ремесла въ Египтѣ теряется въ мнѣ. Изобрѣтательницею его считалась богиня Нейоъ (Аиша, Минерва). Высшей степени развитія оно достигло однакоже не ранѣе начала новаго царства, когда стали изготовлять ткани, тонкостью своею не уступавшія нашимъ тюлямъ и тончайшимъ батистамъ. — Точно также совершенствовалось крашеніе матерій и другія производства, относящіяся къ изготовленію платья. Въ древнѣйшія времена ткани красились въ красный, голубой, или зеленый цвѣтъ. Позднѣе стали красить ихъ во всѣ цѣльные цвѣта. Вошло въ употребленіе украшать одѣжду разноцвѣтными узорами (фиг. 17. а — с), и металлическими вышивками. Но несмотря на это, во все время существованія египетскаго царства, натуральная, блестящая близна полотна оставалась любимымъ цвѣтомъ Египтянъ.

Особенною извѣстностью пользовались, въ періодъ новаго царства, египетскіе кожевники и башмачники. Въ Оивахъ они населяли даже особую часть города. Остатки ихъ издѣлій, во множествѣ разбѣянные въ музеяхъ и коллекціяхъ, оправдываютъ еще и нынѣ ихъ репутацию какъ искусныхъ ремесленниковъ.

Передникъ, эта древнѣйшая и, первоначально, единственная одежда, былъ настоящею національною одеждою Египтянъ. Тѣмъ же остался онъ и до сихъ поръ у коренныхъ жителей Нильской долины.

1. Одежда мужчинъ, на изображеніяхъ древнѣйшихъ египетск. памятниковъ, заключается почти въ одномъ только передникѣ. Матерія, изъ кото-

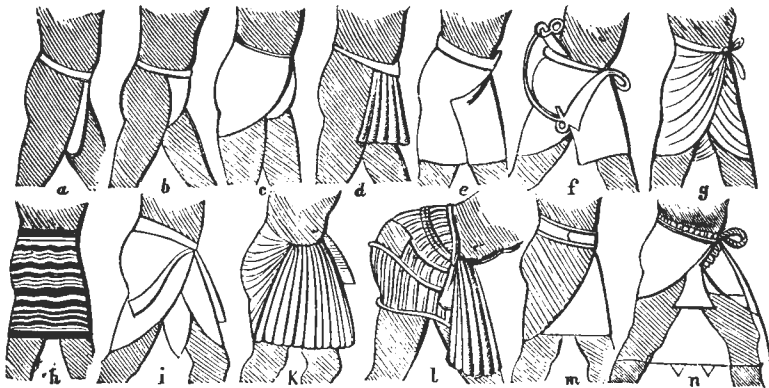
Фиг. 17.

¹ Н. Brugsch, Über die aegyptischen Benennungen für Sindon u. Bissus (въ Allgem. Monatsschrift für Wissensch. und Lit. Braunschweig, August 1854).

рой онъ дѣлался, и большая или меньшая величина его были различны смотря по сословіямъ и званію носившихъ. Позніе классы или рабы прикрывали свою наготу кускомъ кожи или бумажной матеріи, какъ это и теперь еще водится въ Африкѣ ¹ (фиг. 18. а—d). Одежда знатныхъ, напро-

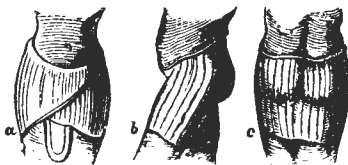
Фиг. 18.

тивъ того, состояла изъ большого продолговатаго куска матеріи, который плотно обертывался вокругъ поясицы и верхней части ногъ и придерживался поясомъ (фиг. 18. е). Жрецы и ученые поверхъ этого передника носили иногда другой, изъ матеріи болѣе цѣнной и сложенный въ красивыя складки, падавшія либо спереди, либо сзади (фиг. 18. m). ² Кромѣ передника, они носили и верхнее платье: или родъ узкаго плаща, который набрасывался на плечи, или выдѣланную (тигровую или леопардовую) шкуру, ³ которая охватывала спину, пропускаясь подъ мышку и на плечѣ связывалась ремнями.

Этотъ чрезвычайно несложный мужской костюмъ оставался во всеобщемъ употребленіи даже и въ цвѣтущую эпоху стараго царства. Даже и знатныя сословія носили одинъ только простой, гладко обернутый вокругъ тѣла передникъ (фиг. 18. е). Но въ то же время стали входить въ употребленіе и другія формы передника. Въ сущности это былъ тотъ же продолговатый и такъ же плотно охватывав-

Фиг. 19.

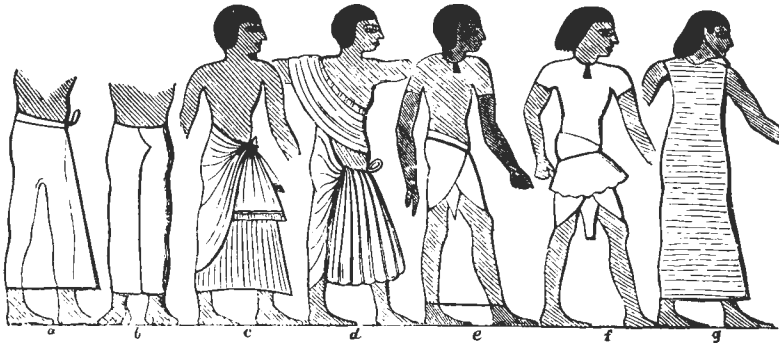

шій поясицу кусокъ матеріи, но только сложенный въ мелкія и правильныя складки (фиг. 19. а—с). Въ послѣдствіи, знатныя лица стали однакожъ носить передники самыхъ разнообразныхъ формъ и гораздо большихъ противу прежняго раз-

¹ См. фиг. 10. — Ср. Weiss, *Gesch. d. Kostüms*, I. S. 41 ff. — ² Ср. Lepsius, *Denkmäler; Ates Reich*. Abthlg II. Листъ 21. — ³ См. Kugler, *Handbuch d. Kunstgesch.* S. 34; Lepsius, *Abthlg II*. Листъ 3—9.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ увеличеніемъ размѣровъ передника, начали входить въ употребленіе, въ періодъ процвѣтанія стараго царства, одежды похожія на сорочку и болѣе или менѣе полно покрывавшія верхнюю часть тѣла. Однакожь онѣ долго были большою рѣдкостью, и только послѣ войнъ съ Азією, по возстановленіи царства, стали распространяться болѣе и болѣе, преимущественно между высшими сословіями. Сорочки же изъ тончайшихъ матерій носили одни только знатные. ¹

Фиг. 20.

Съ возстановленіемъ царства (около 1600 до Р. Х.) установилось рѣзкое различіе въ одеждѣ различныхъ сословій. Мужская половина рабочаго и немущаго населенія осталась при своемъ старинномъ передникѣ, котораго форма и особенно матерія нѣсколько измѣнялись сообразно съ занятіями носившаго, такъ напр. мясники носили кожаный передникъ, съ привѣшеннымъ къ нему на ремнѣ металлическимъ брускомъ для оттачиванія ножа (фиг. 18. f). У высшихъ классовъ эта часть костюма была доведена до чрезвычайнаго разнообразія и роскошной отдѣлки, чему много способствовали появившіеся около того времени различные сорта матерій. Такъ напр. поверхъ передника изъ плотной матеріи, плотно обтягивавшаго бедра, надѣвали передникъ изъ прозрачной матеріи, имѣвшій форму недлинной юбки, спускавшейся складками (фиг. 18. n). Иногда носили передники, составленные изъ двухъ или нѣсколькихъ кусковъ плотной матеріи, наложенныхъ одинъ на другой и различно свернутыхъ (фиг. 18. i — l; фиг. 20. c; фиг. 23. b). Наконецъ, большой кусокъ матеріи складывался такъ, что одной половиною охватывалъ бедра, спускаясь ниже колѣнъ, а другою закрывалъ грудь и спину (фиг. 20. d). Этотъ родъ одежды явился однакожь только въ позднѣйшее время и перешолъ въ Египетъ изъ Эіюпіи. Туземцы Нубіи и Абиссиніи употребляютъ его въ такомъ же точно видѣ и до сихъ поръ. ²

Фиг. 21.

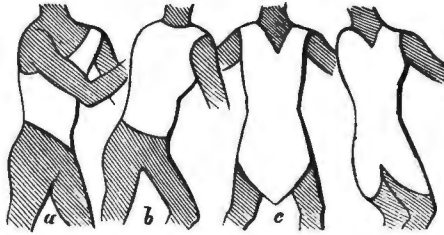
Выснія сословія носили кромѣ передника, который даже и имъ часто служилъ единственною одеждою, верхнее платье изъ цѣнныхъ матерій. Оно дѣлалось изъ болѣе или менѣе плотныхъ

¹ См. наше опис. 33; 36; 38; 39.

² В. Lepsius, Briefe etc. S. 182.

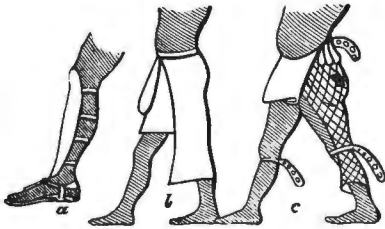
тканей и имѣло форму или сорочки, или просто накидки. Подъ одежды такого рода, когда онѣ дѣлались изъ прозрачныхъ тканей, или даже изъ плотныхъ, но не доходили до колѣна (нѣсколько образчиковъ такой одежды сохранились и донынѣ — фиг. 21), обыкновенно надѣвали передникъ (фиг.

Фиг. 22.

20. e, f, g). Низшіе и рабочіе классы были менѣе строги относительно соблюденія приличія: они носили родъ фуфаекъ изъ грубой ткани, которыя едва прикрывали бедра, а иногда доходили только до поясицы (фиг. 22. a—d).

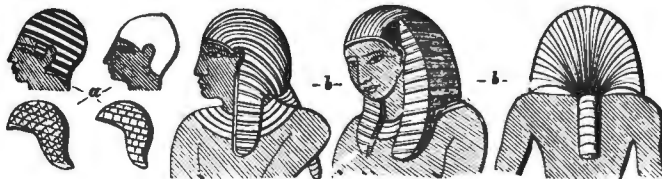
Фиг. 23.

Для ногъ Египтяне не знали никакой другой одежды, кромѣ описанныхъ выше длинныхъ передниковъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. при торжественныхъ церемоніяхъ, принято было обвертывать вокругъ ноги и подвязывать подъ колѣномъ заднюю длинную половину передника (фиг. 23. b, c). Иногда надѣвали также наколѣнники изъ кожи (фиг. 23. a); но вѣроятно только при извѣстныхъ ремесленныхъ занятіяхъ, съ цѣлью предохранить ногу отъ пораненія.

Обычай покрывать голову и носить обувь сталъ распространяться между мужскимъ населеніемъ Египта не ранѣе новаго періода царства. Простонародье носило обыкновенно родъ круглой, плотно прилежавшей къ головѣ

Фиг. 24.

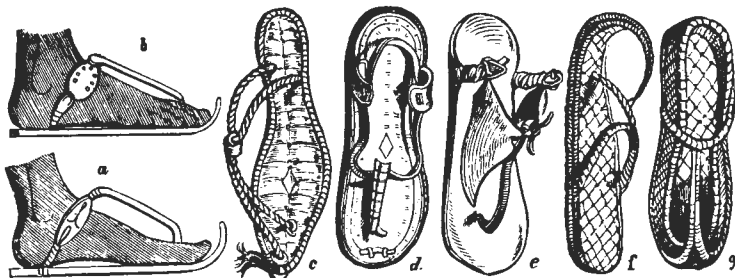

шапки, вѣроятно изъ кожи или бумажной матеріи, а иногда сплетенной изъ твердыхъ листьевъ и стеблей растений. Шапки высшихъ сословій были такой же формы, но выкрашены или въ одинъ какой нибудь цвѣтъ или разноцвѣтными полосами (фиг. 24. a). Знатнѣйшіе сановники, и особенно фа-

раоны, носили однакожь уже съ-искови ¹ особый головной уборъ, имѣвшій видъ чепца (фиг. 24. b, b). Онъ состоялъ изъ большаго квадратнаго куска матеріи (обыкновенно полосатой), который складывался пополамъ треугольникомъ и длинною своею стороною (складкою) накладывался на лобъ такъ, чтобы середина складки приходилась по срединѣ лба, и прекрѣплялся лентою, пропущенною подъ висячіе концы куска и за уши; задіе, висячіе вдоль спины концы куска скручивали въ пучокъ и обматывали тою же лентою. ²

Египтяне носили двоякаго рода обуви: сандалии и полу-башмаки. Какъ тѣ, такъ и другія либо дѣлались изъ кожи, либо плелись изъ разрѣзанных на узкія полоски листьевъ папируса (фиг. 25. f, g). Судя по изображеніямъ на памятникахъ, въ исключительномъ употребленіи между знатыми сословіями былъ только первый родъ обуви — сандалин, но за то всегда съ золотыми или позолоченными украшеніями на нихъ (фиг. 25. a, b). Сандалин

Фиг. 25.

прикрѣплялся къ ногѣ посредствомъ двухъ ремней—широкаго, охватывавшаго подъемъ ноги, и узкаго, прикрѣпленнаго къ носку сандали; узкій ремень пропускался между большимъ и вторымъ пальцами и пристегивался къ широкому (фиг. 25. c). Иногда эти ремни связывались наглухо, и тогда сандалию можно было прямо надѣвать на ногу, какъ башмакъ или туфлю (фиг. 25. f, g). По дошедшимъ до насъ въ значительномъ количествѣ и хорошо сохранившимся египетскимъ сандалиямъ видно однакожь, что описанный простой способъ прикрѣпленія ихъ впоследствии усложнился и сдѣлался разнообразнѣе (фиг. 25. c—g). Эти же уцѣлвшія сандалии доказываютъ, что пошеніе обуви было гораздо болѣе распространено въ Египтѣ, покрайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, чѣмъ это можно заключить по изображеніямъ на памятникахъ. Во всякомъ случаѣ, однакожь, надобно предполагать, что сандалин надѣвались только при выходѣ изъ дому.

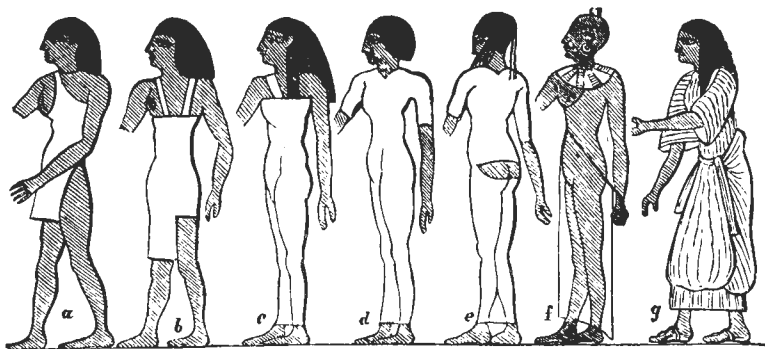
¹ Въ такомъ головномъ уборѣ представленъ волосальный свингъ близъ Мемфиса, изъ временъ 4-й династіи.

² Повязанный такимъ образомъ платокъ какъ нельзя вѣрнѣе передаетъ даже монументальную форму египетскаго головнаго убора. Отъ скручиванья заднихъ концовъ платка образуются на немъ точно такія же продольныя и поперечныя складки, какія египетскіе художники, всегда правда слишкомъ условно и симметрично, высѣкали на своихъ статуяхъ. Здѣсь будетъ кстати замѣтить однажды навсегда, что какъ это, такъ и всѣ прочія описанія формы одежды, способа ея пошенія и т. п. проверены нами лично, тщательными опытами съ настоящимъ платьемъ на живыхъ моделяхъ или манекенахъ.

2. Одежда женщин значительно различалась от мужской, особенно в древнейшей эпохе. Этическое чувство Египтян требовало, чтобы женщины закрывали свое тело полнѣе, чѣм мужчины своимъ передникомъ; и только не ранѣ конца стараго царства, когда египетская культура подпала вліянію азіатской, появились и въ женскомъ костюмѣ уклоненія отъ стариннаго обычая. Танцовщицы и актрисы, вѣроятно захватившія въ Египетъ изъ Азіи, стали публично показываться одѣтыми или въ однѣ только короткія раздутыя юбки, или же въ тонкія, прозрачныя сорочки.

Древнейшая національная одежда египтянокъ состояла изъ тканаго (можетъ быть растяжимаго) платья, которое, плотно прилегая къ тѣлу, закрывало его отъ груди до ступней ногъ и держалось на помочахъ (фиг. 26. с). Иногда оно покрывало и грудь и плечи, и въ такомъ случаѣ ткалось съ короткими и узкими рукавами (фиг. 26. d. e). Женщины низшихъ классовъ, для большаго удобства при работахъ, подтыкали или подворачивали свое платье иногда очень страннымъ образомъ, не оскорбляя, однакожъ, чувства стыдливости (фиг. 26. a—b).

Фиг. 26.

Это же платье было общеупотребительнымъ и между высшими классами и оставалось такимъ до позднейшей эпохи. Съ развитіемъ роскоши и страсти къ нарядамъ, его стали украшать разноцвѣтными узорами, о которыхъ было говорено выше (фиг. 17. a—c). Но въ то же время, знатныя женщины стали носить и тонкія, прозрачныя матеріи. Онѣ дѣлали себѣ изъ нихъ накидки, которыя надѣвали сверхъ нижняго плотнаго платья, а иногда и прямо на тѣло, какъ единственную одежду (фиг. 26. f). Въ блестящую эпоху новаго царства, богачи и знать особенно любили щеголять этими тонкими, полупрозрачными тканями. Костюмъ этихъ классовъ состоялъ въ то время изъ широкой сорочки и короткой юбки, которыя обѣ надѣвались, и большаго, четырехугольнаго съ округленными краями плаща, который накидывался сверху и, несмотря на свою простую форму, могъ быть сложенъ и задрапированъ самымъ различнымъ образомъ.¹ Любовь къ пышности и сластолюбіе доходили до того, что въ богатыхъ домахъ женскую прислугу одѣвали въ такія же прозрачныя одежды; чаще же всего, особенно при шествіяхъ,

¹ Сравни. фиг. 35. с, d; фиг. 39. d.

прислужницы являлись безъ всякаго платья, но за то обремененныя украшеніями.

Описанная выше одежда египетскихъ женщинъ удержалась почти безъ всякаго измѣненія до послѣднихъ временъ египетскаго царства. Геродотъ, путешествовавшій по Египту около половины пятаго столѣтія до Р. Х., говоритъ, правда (II, 36), что тамошнія женщины носятъ только одно платье, но тутъ онъ разумѣетъ вѣроятно только женщинъ простаго класса и ихъ національный костюмъ, состоявшій, какъ было выше сказано, изъ одной только плотно облегающей тѣло сорочки. Въ другомъ мѣстѣ описанія своего путешествія (II, 81) онъ нарочито упоминаетъ о верхней одеждѣ, «казазирись», которая обертывалась вокругъ тѣла наподобіе передника. Такой способъ ношенія верхней одежды былъ, въ позднѣйшее время, въ большомъ употребленіи и у женщинъ (фиг. 26. g), и сохранился между высшими классами даже до временъ Лагидовъ, чему служатъ свидѣтельствомъ нѣкоторыя статуи изъ времени царствованія этой династіи, работанныя греческими и римскими художниками (фиг. 27).

Женская обувь ничѣмъ не отличалась отъ мужской: она состояла тоже изъ сандалій, болѣе или менѣе богато украшенныхъ, которыя пристегивались къ ногѣ ремнями или надѣвались на неё, какъ башмакъ.

Напротивъ того, женскій головной уборъ во многомъ разнился отъ мужскаго. Женская повязка была вообще наряднѣе мужской, а иногда превосходила её и объемомъ и въ такомъ случаѣ спускалась съ головы на подобіе покрывала; главныя же особенности женскаго и мужскаго головнаго убора обуславливались прическою того и другаго пола.

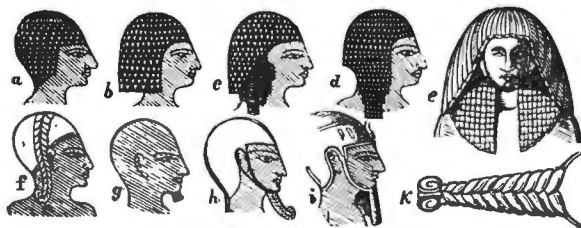
Уже на самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ египетскаго искусства соблюдено во всей строгости естественное различіе, свойственное волосамъ обоимъ поламъ—т. е. болѣе короткіе и плотные волосы у мужчинъ, длинныя и пышныя у женщинъ. Поэтому, кажется очень вѣроятнымъ, что Египтяне, именно въ древнѣйшія времена, очень заботились о своихъ натуральныхъ волосахъ.

1. Судя по нѣкоторымъ изображеніямъ на древнѣйшихъ памятникахъ и женщины того времени (фиг. 28. a—e) убрали головные волосы совершенно такъ же, какъ ихъ убираютъ и теперь тамошніе туземцы. По другимъ изоб-

Фиг. 27.

Фиг. 28-

раженіямъ, одинаково древнимъ, видно, однакожь, что уже и тогда существовалъ обычай брить голову совершенно гладко. Со времени возстановленія царства обычай этотъ, какъ сообразный климату, получилъ значеніе правила, предписываемаго чистоплотностью. ¹ Геродотъ рассказываетъ (II, 36; III, 12), что и дѣтямъ обривали голову. Волосы отпускали только во время путешествія, изъ религіозныхъ основаній. ²

Однакожь и древніе Египтяне слишкомъ хорошо знали нѣну волосамъ, чтобы легко отказаться отъ этого природнаго украшенія ради гигиеническихъ соображеній. Они замѣнили его искусственнымъ, ³ и парикъ сталъ обычнымъ головнымъ уборомъ высшихъ, господствующихъ сословій. Явились высокіе парики съ свернутыми въ трубку локонами, большія накладкі съ пучками и съ длинными, спускающимися вдоль спины косами, парики гладкіе по срединѣ и завитые кудрями по сторонамъ и т. д. Мода на парики принялась такъ, что даже мужчины носили по два парика одинъ на другомъ, какъ это показываютъ нѣкоторыя найденныя фигуры съ подвижными накладками (фиг. 28. е).

Такъ какъ и борода не уцѣляла отъ бритвы, то въ замѣнъ были выдуманы искусственныя бороды. Форма ихъ послужила въ то же время знакомъ для различенія сословій. Знатные, а также и нѣкоторые изъ жрецовъ, носили маленькія бородки, обстриженныя кубикомъ (фиг. 28. г.); фараоны же, напротивъ того, предоставили себѣ право украшать свой подбородокъ

или сплетеннымъ въ косу и на концѣ загнутымъ пучкомъ волосъ (фиг. 28. h, k), или особенной формы болѣе или менѣе широкою бородою (фиг. 28. i). Дѣти носили вмѣсто париковъ, накладныя косы, какъ отличительный признакъ дѣтства (фиг. 28, f). ⁴

2. Женщины стали брить голову и носить парики, повидимому, гораздо позже, чѣмъ мужчины; но и то однѣ женщины высшихъ классовъ рѣшились послѣдовать новой модѣ (фиг. 26. f, g), женщины же средняго и рабочаго сословій до самыхъ позднѣйшихъ временъ царства держались стариннаго обычая носить природные волосы, просто расчесанные (фиг. 26. а—d). Большая длина и пышность женскихъ волосъ, какъ природныхъ, такъ и фальшивыхъ, обусловили различіе между мужскимъ и женскимъ головнымъ уборомъ. Круглая шапочка,

которую мужчины покрывали свою коротко обстриженую или совсѣмъ обриту голову, замѣнилась у женщинъ большимъ платкомъ, который наки-

Фиг. 29.

¹ Бытіе XII, 14.—² Di o d. I, 18; 83.

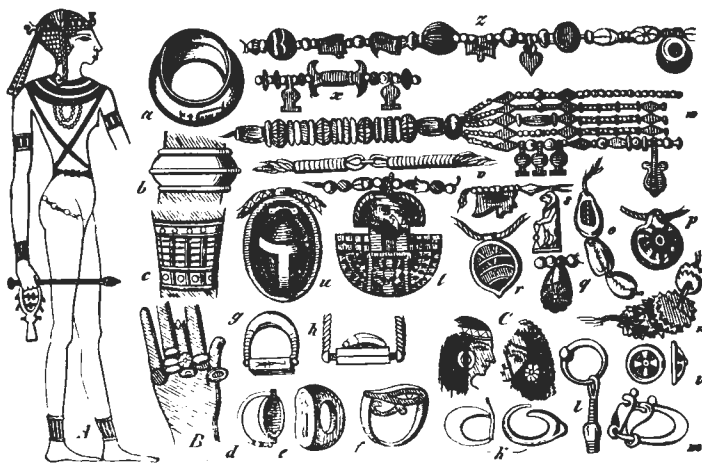
³ Что парикъ былъ занесенъ въ Египетъ изъ Азии, можно заключить изъ того, что онъ появляется впервые на памятникахъ изъ временъ новаго царства. До какой степени доходила мода на парики въ Средней Азии будетъ сказано ниже. Въ музеяхъ Берлинскомъ и Лондонскомъ есть нѣсколько очень хорошо сохранившихся париковъ. — ⁴ Сравни. Herodot. III, 65.

дывался на голову, и своими концами, собранными въ складки и связанными, охватывалъ волосы на подобіе чехла. Этотъ простой головной уборъ обратился въ послѣдствіи, черезъ прибавленіе къ нему различныхъ головныхъ украшеній (фиг. 29. а — d), въ особаго рода нарядъ. Египтяне были вообще пристрастны къ нарядамъ; особенно же сильно была развита страсть къ нимъ между высшими классами населенія.

Украшенія.

Украшенія небогатыхъ людей естественно должны были быть просты и малоцѣнны и состояли безъ сомнѣнія изъ разнаго рода подвѣсокъ, вѣроятно малымъ чѣмъ отличавшихся отъ носимыхъ и теперь тамошними туземцами бездѣлушекъ (Ср. фиг. 30. п — р). Кромѣ того было въ обычаѣ, даже и между рабочимъ населеніемъ, окрашивать себѣ нѣкоторыя части тѣла для большей нарядности. — Украшенія знатныхъ и богатыхъ, напротивъ, отличались большимъ разнообразіемъ и цѣнностью. Кромѣ золотыхъ вещей, которыя выдѣлывались изъ эіопійскаго золота уже въ періодъ стараго царства, богатые люди носили уборы изъ драгоценныхъ камней и металловъ, которые, по возстановленіи царства, привозились изъ Азіи и, по всей вѣроятности, обрабатывались азійскими же мастерами. Изображенія ювелировъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и эмальернаго производства встрѣчаются въ первый разъ на гробницахъ Бенигассана и позднѣйшихъ памятникахъ.¹ Въ драгоценныя мази и благовонія, до которыхъ Египтяне были такіе охотники, вывозились вѣроятно изъ передней Азіи, откуда, по свидѣтельству надписей, получалась и краска для глазъ.

Фиг. 30.

Обычай подкрашивать себѣ лицо, и понынѣ еще распространенный на всемъ Востокѣ, былъ искони извѣстенъ въ Египтѣ. Первоначально тамъ

¹ Рисунки см. у Wilkinson (2 изд.) №. 403 и 404.

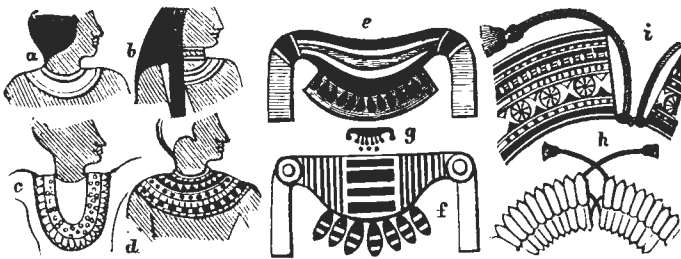
употребляли для этой цѣли три краски: черную, зеленую и бѣлую. Черной краской подкрашивали брови и рѣсицы; зеленой — проводили подъ глазами широкую полосу, ¹ бѣлой красили ногти. Впослѣдствіи, вмѣсто зеленой стали употреблять орашжевую краску, которою иногда красили себѣ также и кисти рукъ и ступни ногъ (а окрашивание ногтей бѣлою краскою было оставлено).

Женщины носили украшенія почти на всѣхъ частяхъ тѣла, гдѣ только это было возможно—даже на бедрахъ (фиг. 30. А.).

1. Мужскія украшенія состояли изъ однихъ только широкихъ колець или обручей, которые надѣвались (также и женщинами) на руки выше локтя и на запястье, и на ноги вокругъ щиколки. Эти обручи дѣлались изъ разныхъ металловъ и были, или круглые безъ всякихъ украшеній, или плоскіе съ узоромъ изъ цвѣтной эмали (фиг. 30. а, b, c), но всегда тщательно пригнаны къ той части тѣла, для которой назначались. Кромѣ обручей, мужчины носили разной формы перстни — металлическіе, съ неподвижнымъ или поворачивающимся гнѣздомъ (фиг. d, g, h), и изъ глазурованной каменной массы, въ формѣ какого нибудь гіероглифическаго знака (фиг. 30. f). Безъ сомнѣнія, отъ средствъ и личной прихоти каждаго зависѣло носить большее или меньшее количество такихъ колець, такъ какъ попадались муміи, у которыхъ на каждомъ пальцѣ рукъ было надѣто по одному, а иногда и по нѣскольку колець (фиг. 30 В.).

2. Къ собственно женскимъ украшеніямъ принадлежали: ожерелья и серьги. Въ древнѣйшія времена на шею навязывали пеструю тесьму (фиг. 31, b), потомъ стали носить различной длины шнуры и цѣпочки (фиг. 31. c),

Фиг. 31.

составленныя изъ металлическихъ фигурокъ и шариковъ изъ цвѣтнаго стекла, камня или глазурованной глины, со вкусомъ подобранныхъ (фиг. 30. v, z). Иногда къ этимъ цѣпочкамъ привѣшивали разной формы ладонки (амулеты), въ богатыхъ оправахъ (фиг. 30. g — n). Серьги, какъ видно по изображеніямъ на памятникахъ, имѣли форму кружка или колеса (фиг. 30. C, i), но въ гробницахъ найдены серьги другихъ формъ, съ подвѣсками и безъ оныхъ (фиг. 30. k—m). Кромѣ ожерельевъ и серегъ, богатыя Египтянки носили

¹ E. de Rougé: Extrait du *Moniteur univers.* du 7 et 8 mars 1851. p. 14
его же: Notice des monuments au Musée du Louvre. p. 13.

на головѣ обручи изъ драгоценныхъ металловъ (діадемы), узорочныя повязки, сѣтки, плотно охватывавшія волосы, а также вѣнки и букеты изъ живыхъ цвѣтовъ (фиг. 29).

3. Национальнымъ украшеніемъ Египтянъ, общимъ обоимъ поламъ и всѣмъ сословіямъ, за исключеніемъ самыхъ низшихъ, былъ широкій воротникъ (пелерина), закрывавшій плечи и верхнюю часть груди. На изображеніяхъ древнѣйшихъ гробницъ ширина его еще незначительна (фиг. 31 а), но въ эпоху новаго царства какъ объемъ этого убора, такъ и цѣнность его увеличились. Дѣлались такіе воротники, сообразно съ средствами каждаго, или изъ куска подклееннаго и расписаннаго полотна (фиг. 31. е, f, i), или изъ крупно-вязанной сѣтки (фиг. 31, h), по которымъ нашивались рядами и въ симметрическомъ порядкѣ разнаго цвѣта и формы символическія фигурки, бусы и т. п. Такіе воротники были очень нарядны и вѣроятно носились преимущественно женщинами. Но не менѣе роскошны были и мужскіе воротники. Они изготовлялись изъ благородныхъ металловъ (іероглифъ, обозначающій «золото», имѣетъ форму такого воротника (фиг. 31, g) — съ украшениями изъ разноцвѣтной эмали. Въ роскошной отдѣлкѣ, они принадлежали даже къ почетнѣйшимъ царскимъ подаркамъ,¹ и вслѣдствіе этого получили особый, символическій характеръ.

Символическое значеніе одежды

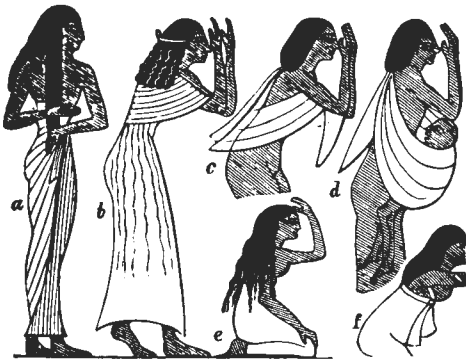
обусловливалось въ Египтѣ всею совокупностью внѣшнихъ бытовыхъ отношеній народа. Стремленіе изображать каждое понятіе наглядно, соответствующимъ ему графическимъ знакомъ (іероглифомъ), легшее въ основу развитія египетской письменности, уже рано навело Египтянъ на мысль обозначать одеждою, какъ внѣшнимъ знакомъ, не одно только общественное положеніе но, въ извѣстной степени, и различные моменты внутренней жизни.

1. Какъ ни просты были элементы, изъ коихъ слагалась частная жизнь Египтянъ, въ ней выработалось однакожъ много своеобразностей и относительно занимающаго насъ предмета. Кромѣ приведеннаго выше обычая обозначать особою причесою дѣтскій и юношескій возрасты, у нихъ существовалъ обычай выражать свою горестъ по умершимъ родственникамъ внѣшними знаками и между прочимъ — ношеніемъ особаго рода платья. Объ этомъ обычаѣ сохранились извѣстія у нѣкоторыхъ древнихъ писателей о Египтѣ,² а его глубокая древность доказывается изображеніями на памятникахъ. За его древность говоритъ и то обстоятельство, что принятый образъ выраженія печали (какъ видно на изображеніяхъ) отличался такою же крайностью, какою отличаются вообще выраженія душевныхъ движеній у всѣхъ первобытныхъ народовъ, живущихъ болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ. Распространенные по всему Востоку и до сихъ поръ еще обычные у туземцевъ Пильской долины печальные обряды живо напоминаютъ собою древ-

¹ E. de Rougé, Mémoire sur l'inscription du tombeau d'Ahmès. Paris, 1851. S. Birch. Observat. on the statistic. Tablet of Karnak. p. 10.—² Геродотъ, II, 36, 85. Діодоръ I, 72, 91.

не-египетскіе. Эти послѣдніе заключались главнымъ образомъ въ самоистязаніи. При первомъ взрывѣ горести, обсыпали себѣ голову землею, били себя въ грудь и по лицу, или рвали ихъ себѣ ногтями. Затѣмъ надѣвали длинное, до-полу доходившее платье, которое завязывалось по-ниже груди, и въ этомъ нарядѣ бѣгали съ плачемъ по улицамъ (фиг. 32, а—f). Кромѣ того, въ продолженіе извѣстнаго срока не носили никакихъ украшеній и даже не причесывали волосъ.

Фиг. 32.

Подобнымъ выраженіямъ печали предавались даже и послучаю смерти нѣкоторыхъ животныхъ, особенно священныхъ. Геродотъ (II, 66) и Діодоръ (I, 84) увѣряютъ, что когда въ чьемъ-либо въ домѣ издыхала кошка или собака, то обитатели этого дома сбивали себѣ, въ первомъ случаѣ—брови, а во второмъ—всѣ волоса на тѣлѣ.

2. Гораздо рѣшительнѣе было вліяніе государственной жизни на развитіе церемональнаго значенія одежды. Положеніе или санъ фараоновъ и ихъ супруговъ, какъ представителей и представительницъ высшихъ божествъ — Озириса и Изиды, опредѣлялъ и всѣ внѣшніе знаки и атрибуты верховной власти. Члены фараонова семейства, придворные, чиновники, даже и самые жрецы, были лишь слугами намѣстника высшаго божества, «властителя обоихъ міровъ», а потому и внѣшнія отличія, присвоенныя этимъ сановникамъ, устанавливались фараономъ; одни только его собственные атрибуты считались высшимъ, божественнымъ установленіемъ.

а. Знаки царскаго достоинства были такъ же разнообразны, какъ и самые придворные обряды. Каждая часть царскаго церемональнаго наряда была такимъ знакомъ. Важнѣйшими же считались головной уборъ и скипетръ.

Одежда фараоновъ, по всему вѣроятію, опредѣлялась, такъ же какъ и повседневный порядокъ ихъ жизни, ¹ стариннымъ придворнымъ церемоналіомъ. Сообразно съ правилами этого церемоналіа, «вѣчноживущій» появлялся или въ одномъ только передникѣ, которому давались самыя разнообразныя формы, или одѣтымъ, сверхъ передника, въ длинную одежду изъ

¹ Діодоръ I, 70.

драгоценных прозрачных тканей (фиг. а — d), и съ эмблемами своего достоинства. Въ известныхъ случаяхъ, опредѣлить которые мы теперь уже не можемъ, онъ надѣвалъ особаго рода передникъ въ формѣ треугольника (фиг. 33. b). Какъ и весь царскій костюмъ, этотъ передникъ дѣлался изъ драгоценнаго матеріала — золота или позолоченной кожи, и иногда бывалъ украшенъ символическими изображеніями. Другую, не менѣе существенную принадлежность царскаго костюма составлялъ широкій поясъ, обыкновенно расписанный эмалью по золотому полю (фиг. 33. а, b, с, d).

Фиг. 33.

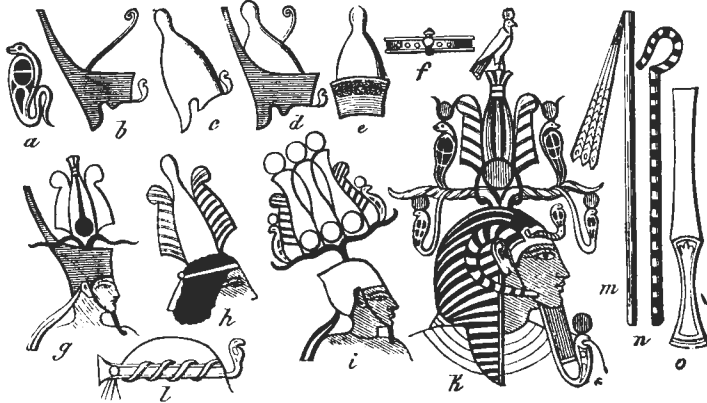

Этотъ богатый парядъ оставался царскою одеждою туземныхъ фараоновъ, вѣроятно, до самыхъ позднѣйшихъ временъ. Напротивъ того, персидскіе и греческіе властители Египта, даже и во время своего тамъ пребыванія, носили свою національную одежду. Это доказывается, съ одной стороны, скульптурнымъ изображеніемъ Кира, на развалинахъ близъ Персеполя, а съ другой — единственнымъ въ своемъ родѣ изображеніемъ Птолемея Эвергета (фиг. 33. е), руки египетскаго художника. О первомъ мы будемъ говорить при описаніи одежды Персовъ, а о послѣднемъ замѣтимъ, что въ немъ видно стремленіе египетскаго искусства передать въ свойственныхъ ему условныхъ формахъ новое для него греческое одѣяніе. — Что же касается до знаковъ царскаго достоинства въ собственномъ смыслѣ — короны и скипетра, то ихъ носили и чужестрашные государи Египта, по крайней мѣрѣ при коронаціи и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Какъ вышеозначенныя изображенія, такъ и знаменитая надпись, найденная въ Розеттѣ,¹ подтверждаютъ это.

¹ См. между прочимъ: Recueil des Inscriptions grecques et latines de l'Égypte par M. Letronne. I. Paris 1842. Inscript. dite de Rosette съ синономъ.

Въ цвѣтущую эпоху древняго Египетскаго царства, главнѣйшимъ символомъ царской власти былъ знакъ въ видѣ змѣи (Uraeus), обозначавшій власть фараоновъ надъ жизнью и смертью (фиг. 34, а). Онъ дѣлался изъ золота и эмали и былъ обычнымъ украшеніемъ вышеописаннаго царскаго пояса и необходимою принадлежностью царскаго головного убора.

Фиг. 34.

Головные уборы были разныхъ цвѣтовъ и формъ. Самый простой — діадема, состояла изъ золотого, усаженнаго разноцвѣтными камнями или расписаннаго эмалью, обруча, который на затылкѣ завязывался узкими лентами съ висящими концами. Иногда этотъ обручь обвить спирально уреемъ (фиг. 34. l. f).

Гораздо разнообразнѣе и знаменательнѣе были короны. Значеніе короны, какъ символа «верхней» и «нижней» сферы, земнаго и надземнаго, идеальнаго царства (?), восходитъ до древнѣйшей эпохи существованія Египетскаго государства. Корона нижней сферы была краснаго цвѣта, и иногда сплошь усажена небольшими металлическими (?) пластинками; * цвѣтъ короны верхней сферы былъ бѣлый. Въ столѣтнее царствованіе Амануса (Пеши), во время шестой мемфиской династіи (около 3000 л. до Р. X.), обѣ короны были соединены¹, и въ новой своей формѣ (фиг. 34, d, e), получившей названіе «пшентъ», стали обозначать «повелителя обоихъ міровъ».

Каждая изъ двухъ частей шента убиралась, однакожь, сообразно съ предписаніями церемоніала, различными эмблемами божествъ (фиг. 34. g, h); а иногда даже однѣ эти эмблемы употреблялись какъ чрезвычайно фантастическое, но тѣмъ не менѣе знаменательное и всегда богато отдѣланное головное украшеніе (фиг. 34. i, k). Самое видное мѣсто между ними занималъ урей; въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ фараоны носили его даже на бородѣ (фиг. 34. k).

Скипетры, какъ символы первобытныхъ занятій Египтянъ — скотоводства и земледѣлія — удержали старинную форму загнутаго посоха (фиг. 34. n)

* Вопросительные знаки поставлены авторомъ. Пр. пер.

¹ Lepsius, Briefe. S. 365.

и трехвостного бича (фиг. 34. m). Кривой посох носили также и ближайшіе родственники фараона. Особеннымъ же знакомъ ихъ сана, равно какъ

Фиг. 35.

и всѣхъ знатнѣйшихъ придворныхъ чиновъ, былъ такъ называемый «пять» (фиг. 34, o), тоже родъ скипетра.

б. Одежда царицъ была вѣроятно различна и, такъ же какъ и одежда фараоновъ, подчинена придворному церемоніалу. Въ общемъ она походила на одежду женщинъ высшихъ сословій и состояла или изъ длиннаго платья, сшитаго изъ прозрачной ткани, или изъ одной только національной женской рубашки, пли же изъ рубашки и надѣтаго поверхъ нея драгоцѣннаго, шитаго золотомъ одѣянія (фиг. 35 d, e).

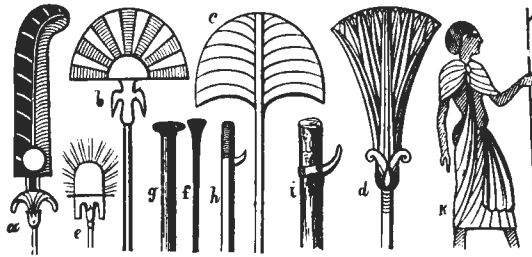
Такъ какъ царица была представительницею высшаго женскаго божества — Изиды, то она носила на себѣ, вмѣстѣ съ уреемъ, и символы этой богини, какъ знаки своего достоинства. Эти символы были: лиліеобразный скипетръ (фиг. 35. b) и золотой головной уборъ въ формѣ ястреба (фиг. 35. a, d). Кромѣ этой характеристической короны, форма которой видоизмѣнялась различными символическими прибавками, царицы носили иногда также и простую діадему. Эта послѣдняя въ соединеніи съ «локономъ юности» составляла обычный головной уборъ молодыхъ царевенъ (фиг. 35. c).

Фиг. 36.

б. Принцы царствующаго дома, равно какъ и все вообще придворные, отличались богатствомъ и пышностью своего костюма. Придворные, стоявшіе ближе другихъ къ фараону, носили особый блестящій головной уборъ— богато украшенную повязку, которая съ теменн спускалась до плечъ (фиг. 36. а, б); другимъ знакомъ ихъ званія былъ уже описанный выше—паты. Но вообще, одежда придворныхъ сановниковъ была чрезвычайно разнообразна, смотря по должности каждаго изъ нихъ, опредѣлявшей не только самый костюмъ, но и малѣйшія его подробности. ¹ Указать, въ чемъ состояли эти различія, мы теперь конечно уже не въ состояніи. — Одною изъ важныхъ должностей была должность царскаго опахало-носца. Само опахало, которое этотъ сановникъ долженъ былъ носить за фараономъ, придавало особый блескъ его костюму. Оно состояло изъ драгоценныхъ разноцвѣтныхъ перьевъ, прикрепленныхъ листообразно къ такой же богато изукрашенной ручкѣ, которая бывала различной длины (фиг. 37 а — е). Другою почетною должностью было ношеніе за фараономъ длиннаго загнутаго посоха (фиг. 37. f—k).

Фиг. 37.

в. Посредниками между высшею государственною властью фараоновъ и постановленіями туземныхъ законовъ были судьи. Они принадлежали къ сословію жрецовъ. ² Паружнымъ знакомъ ихъ званія было носимое ими на головѣ перо—символь правосудія (фиг. 36. с). Только верховный судья, и то лишь во время исправленія своей должности, надѣвалъ себѣ на шею цѣпь, на которой висѣла широкая плитка изъ лаписъ-лазури, съ вырѣзанными на ней іероглифами, обозначавшими слова: «истина» и «правосудіе» (фиг. 36. d).

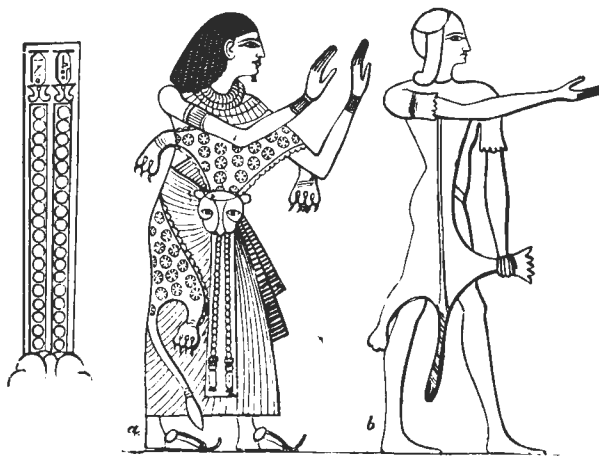
3. Общественный культъ, а вмѣстѣ съ нимъ и жреческое сословіе въ Египтѣ, были всегда въ тѣсномъ единеніи съ государствомъ. Жрецы составляли отдѣльную, замкнутую корпорацію, сила которой заключалась въ ея умственной развитости. Вся жизнь членовъ этой корпораціи была подчинена, даже въ мелочахъ, предписаніямъ стариннаго устава. Этимъ уставомъ предписывалось жрецамъ строго соблюдать величайшую опрятность и дозволялось носить только полотняную одежду и лишь плетеную изъ библуса обувь. Въ остальномъ же одежда жрецовъ была различна смотря по степени, занимаемой каждыиъ отдѣльнымъ лицомъ въ жреческой іерархіи. Роскошь, начавшая распространяться въ Египтѣ въ позднѣйшую эпоху цар-

¹ H. Weiss, *Gesch. des Kostüms* I. S. 201 ff.

² M. Uhlemann, *das Todtengericht bei den alten Aegyptern*. Berlin 1854.

ства, коснулась и жреческого сословія. Въмѣсто обычнаго въ старину передника, какъ единственной одежды, теперь и жрецы стали носить прозрачныя ткани, вошедшія въ употребленіе у знатныхъ, и удержали завѣтный передникъ лишь для нѣкоторыхъ совершенно исключительныхъ случаевъ. Но шкура леопарда или пантеры, искони составлявшая необходимую принадлежность одежды высшихъ сословій, оставалась до самого конца египетскаго государства существеннымъ знакомъ отличія высшихъ жреческихъ должностей, какъ одѣяніе освященное древностью (фиг. 28. а — б).

Фиг. 38.

Богато украшенная, эта шкура служила одеждою верховнымъ жрецамъ, которые при извѣстныхъ церемоніяхъ надѣвали на себя кромѣ нея еще длинныя вышитыя пояса и разныя другія украшенія (фиг. 28. а). Въ такомъ же

Фиг. 39.

одѣяніи исправляли свои жреческія обязанности и фараоны, принявшіе со вступленіемъ на престолъ 21-й династіи (около 1000 до Р. X.) названіе «первыхъ пророковъ Амонъ-ра-сонтера». ¹

¹ Н. Brugsch. Reise S. 141.

Служебный костюмъ остальныхъ жрецовъ (фиг. 39. а — с) былъ очень разнообразенъ. Онъ видоизмѣнялся не только для каждой отдѣльной степени жреческой іерархіи, но и въ предѣлахъ этихъ степеней былъ различенъ для различныхъ церемоній. Впрочемъ, нѣкоторые разряды жрецовъ отличались особыми, только имъ однимъ присвоенными знаками. Такъ напр. главные жрецы (прорицатели) въ храмѣ божества Фта носили особымъ образомъ заплетенныя головныя косы, писцы или толкователи священныхъ письменъ— два пера и письменный приборъ (фиг. 39. с), а сфрагисты (прикладывавшіе печати къ жертвеннымъ животнымъ) — перстень, съ вырѣзаннымъ на немъ символомъ человѣческой жертвы.

Кромѣ жрецовъ, при нѣкоторыхъ египетскихъ храмахъ были также и жрицы. Дѣятельность ихъ была, однакожь, повидимому, довольно ограничена и можно предполагать, что жрицами бывали лишь ближайшія родственницы жрецовъ, которыя, будучи разъ посвящены въ мистеріи, не могли быть совершенно отстранены отъ нихъ. Костюмъ жриць вѣроятно мало отличался отъ костюма женщинъ высшихъ сословій.

Вліяніе религіознаго культа отражалось, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, даже и на собственно національной одеждѣ. Плутархъ (Изида и Озирисъ, гл. 30) рассказываетъ, что жители городовъ Бузириса и Ликонолиса не позволяли поклонникамъ солнца носить золотыхъ украшеній; Діодоръ (I, 85) же сообщаетъ, что когда умиралъ священный быкъ (Аписъ), то народъ одѣвался въ траурное платье и ходилъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока не находили цоваго Аписа.

Вліяніе жрецовъ на государственную жизнь Египта уравнивалось въ политическомъ смыслѣ сословіемъ воиновъ. Это была самая сильная часть населенія и составляла тоже замкнутую корпорацію. Могущество ея опиралось на силу ея оружія, въ которомъ одинаково нуждался и фараоны и сами жрецы. Но и военное сословіе, также какъ и жреческое, въ свою очередь нуждался въ могуществѣ главы государства, для укрѣпленія своего собственнаго вліянія. Какъ то, такъ и другое владѣли извѣстнымъ надѣломъ государственныхъ земель и потому были близко заинтересованы въ общемъ благосостояніи государства. Символическимъ знакомъ военнаго сословія былъ (покрайней мѣрѣ въ позднѣйшее время) перстень съ фигурою скарабея (жука).

Военный бытъ ¹.

Египетское войско имѣло нѣкотораго рода организацію уже въ древнѣйшія времена царства. На гробницахъ 12-й и 13-й династій—за 2500 л. до Р. Х.—изображены войска, построеныя стройными колоннами, какъ будто на парадномъ смотру. ²—Но особенно сильно подвинулось развитіе египетскихъ военныхъ силъ только по изгнаніи Гиксосовъ, во время войнъ съ

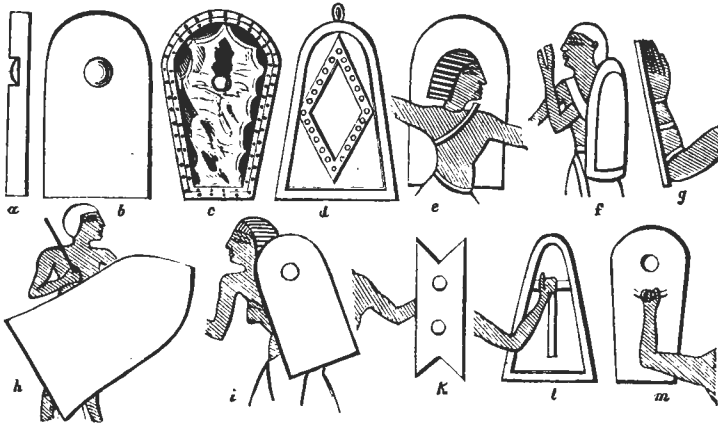
¹ F. v. Minutoli, *der Wehrstand in dem alten Aegypten etc.* Berlin 1838 — книга, составленная по сочин. Вильямсона и Роселлина и снабженная хорошими рисунками.—² H. Brugsch, *Reiseberichte.* S. 103.

Азією, при 18-й и 19-й династіяхъ (1700 — 1200 до Р. Х.). Эти войны повліяли также и на вооруженіе. Оно стало вопервыхъ разнообразіе, вслѣдствіе чего армія была раздѣлена, по роду оружія, на нѣсколько частей, изъ коихъ каждая состояла изъ людей одинаково вооруженныхъ; во вторыхъ, — доброкачественіе, такъ какъ Египтяне начали употреблять для своего войска частію оружіе азійское (завоеванное или полученное въ дань), частію сдѣланное по его образцу египетскими оружейниками. На одной изъ гробницъ Абд-эль-Курна, въ Оивахъ, представлено полное вооруженіе азійскихъ войскъ: оно до мелочей схоже съ вооруженіемъ, которое, какъ видно по памятникамъ, было въ употребленіи въ Египтѣ, особенно въ періодъ новаго царства.

О р у ж і е.

Древнѣйшее оборонительное оружіе Египтянъ состояло изъ щита и покрывки для защиты головы. Но со времени упомянутыхъ выше войнъ съ Азією, вошло въ употребленіе защищать грудь и спину латами, оставляя однакожь ноги и руки открытыми. Только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, напр. при занятіи извѣстными работами, или при нѣкоторыхъ военныхъ играхъ, надѣвали наколѣнники и налокотники (фиг. 23, а; фиг. 40, g). Даже и сандалии употреблялись очень рѣдко простыми воинами.

Фиг. 40.

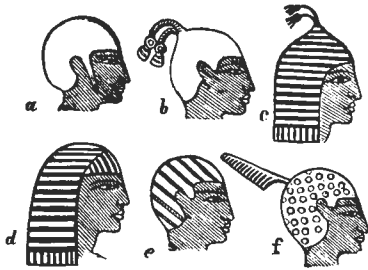
1. Древнѣйшіе египетскіе щиты (изъ временъ 12-й династіи—цвѣтущей эпохи стараго царства) имѣли основу деревянную или сплетенную изъ крѣпкаго тростника, были обтянуты кожей и для крѣпости обиты металлическими полосами (фиг. 40. d, k, l). Ими управляли при помощи простой рукоятки (фиг. 40. k, l); носили ихъ безразлично на правой и на лѣвой сторонѣ, какъ было удобнѣе. Вмѣстѣ съ этими ручными щитами (неболѣе $2\frac{1}{2}$ фут. вышины) стали употреблять, во время слѣдующей династіи, щиты большіе (вѣроятно кожаные), которые совершенно закрывали воина (фиг. 40. h).

По возстановленіи царства, форма щитовъ стала разнообразіе. Простые, старинные ручные щиты замѣнились для тяжеловооруженныхъ щитами бѣль-

шихъ размѣровъ, сдѣланными изъ кожи и металлическихъ полосъ, и сверхъ того снабженными толстою металлическою бляхою (фиг. 40. а — с), которую, вѣроятно, закрывалось отверстіе, сдѣланное въ щитѣ для того, чтобы можно было, не открываясь, наблюдать за движеніями своего противника. Въ походѣ, эти щиты вѣшались на ремнѣ черезъ плечо, а во время сраженія иногда закидывались на спину (фиг. 40, е). Рѣже употреблялись щиты выпуклые (фиг. 40. f.) а большіе круглые щиты, обитые металлическими бляхами (фиг. 47, с), составляли исключительное вооруженіе азіатскихъ войскъ, служившихъ въ египетской арміи.

Металлическіе шлемы считались въ Египтѣ большою рѣдкостью даже и въ позднѣйшее время. Для защиты головы, воины носили простую круглую шапку (фиг. 41, а, в, е, f), которая дѣлалась, вѣроятно, изъ крѣпкой кожи, и потомъ окрашивалась, въ одинъ цвѣтъ или полосами (фиг. 41, е),

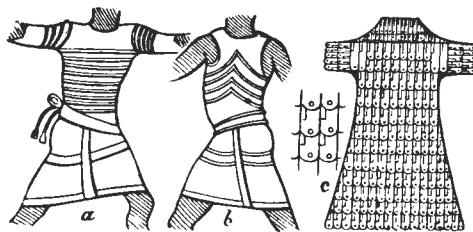
Фиг. 41.

или обивалась круглыми металлическими бляхами. Такого рода полуметаллическія шапки употреблялись преимущественно начальствующими и отличались отъ шапокъ простыхъ воиновъ перомъ, къ нимъ прикрѣпленнымъ (фиг. 41. f); но со времени 18-й династіи и начальники войскъ стали носить головныя повязки изъ цвѣтныхъ матерій (фиг. 41. с, d).

Панцири и чешуйчатая кольчуга (фиг. 42. а—с) составляли одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ предметовъ дани, которую Египтяне брали съ покоренныхъ ими передне-азійскихъ областей. Особенно красивою отдѣлкою отличались кольчуги, сдѣланныя изъ разноцвѣтныхъ металловъ; желтыя, сіяя, красныя и зеленыя чешуи чередовались въ нихъ симметрическими рядами, подобранными съ большимъ вкусомъ. Понятно, что такія кольчуги (фиг. 42. с)

Фиг. 42.

становились собственностью фараоновъ и нѣкоторыхъ главнѣйшихъ военачальниковъ.—Гораздо болѣе были распространены въ египетскомъ войскѣ (особенно въ позднѣйшую эпоху) нагрудники (фиг. 42, а, b). Первоначально, они дѣлались вѣроятно изъ кожи, но въ послѣдствіи на кожу стали накладывать и металлическія полосы.

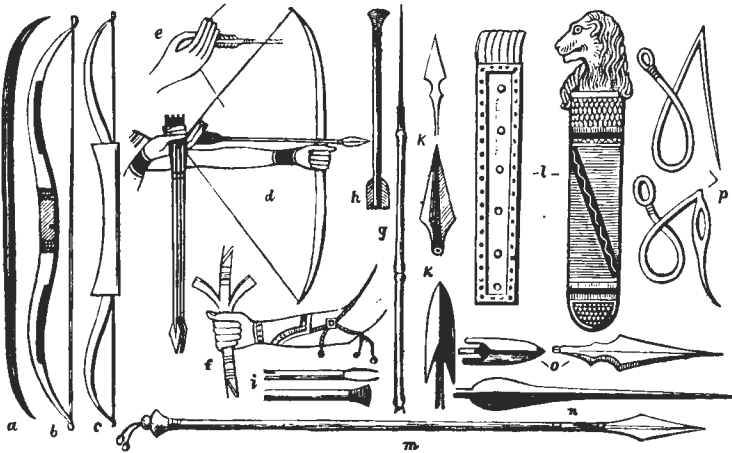
Нападательное оружіе Египтянъ было также весьма разнообразно. Усовершенствованію его въ значительной степени способствовало желѣзо, которое, со времени войнъ съ Азіею, Египтяне стали получать въ

дань изъ Арменіи.¹ Рядомъ съ старинными бронзовыми клинками, начали появляться и входить въ употребленіе мечи, выкованные изъ желѣза и стали (?).

2. Во всё время стараго царства, египетскіе воины были вооружены почти исключительно однимъ метательнымъ оружіемъ: простыми деревянными луками, копьями различной длины съ металлическими наконечниками, и пращами разныхъ видовъ (фиг. 43, р). Всѣ эти три рода метательнаго оружія удержались въ египетскомъ войскѣ и до поздѣйшаго времени, но къ нимъ присоединено было въ послѣдствіи оружіе болѣе цѣлесообразной формы и болѣе красивой отдѣлки.

Лукъ остался главнымъ метательнымъ оружіемъ египетскаго войска. Величина его была отъ 4 до 5 футовъ, а отдѣлка соотвѣтствовала званію его владѣтеля.—Рядовые воины остались при старинномъ деревянномъ лукѣ (фиг. 43. а); луки высшихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе фараоновъ, отличались красивою формою и богатою отдѣлкою: они были обиты золотомъ и выложены наборомъ изъ рѣдкихъ сортовъ дерева (фиг. 43. б; фиг. 46). Для предохраненія лука отъ порчи во время похода, дѣлался особаго рода чохоль или футляръ (фиг. 43. с). Стрѣлы, съ одного конца оперенныя разноцвѣтными перьями, были снабжены частію каменными (по Геродоту, VII, 69), частію бронзовыми остриями различной формы (такія острія найдены при раскопкѣ гробницъ) (фиг. 43. d, g, h, i, k). Колчаны дѣлались вѣроятно изъ кожи, иногда раскрашивались (фиг. 43. l) и для прочности оби-

Фиг. 43.

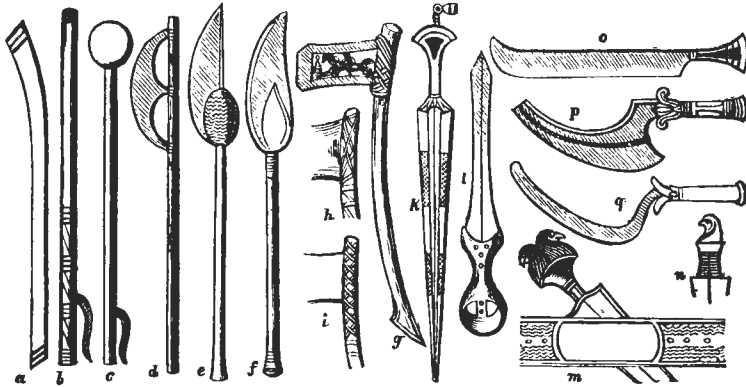
вались металлическими пластинками. Колчаны важнѣйшихъ начальниковъ войска были отдѣланы золотомъ и цвѣтною эмалью. Изъ надписей видно, что такіе роскошные колчаны получались тоже изъ Азіи, или какъ военная добыча, или какъ предметъ дани отъ покоренныхъ народовъ.—Для удобства и большей скорости при стрѣльбѣ изъ лука, вынимали изъ колчана разомъ

¹ S. Birch. Statistical Tablet of Karnak. p. 13.

нѣсколько стрѣлъ и клали ихъ передъ собою на землю, или держали въ правой рукѣ между большимъ и указательнымъ пальцами (фиг. 43, d. e). Чтобы предохранить руку отъ удара тетивой, её обматывали около кисти тесьмою, а начальники носили металлическія наручни (фиг. 43, f).

Копье, составлявшее главное оружіе простаго воина, замѣнялось у военачальниковъ дротикомъ (фиг. 43, m) изъ легкаго дерева или изъ округленной по краямъ полосы изъ кожи бегемота (Геродотъ II, 71), съ бронзовымъ наконечникомъ различныхъ формъ (фиг. 43. m. n. o). Древко дротика украшалось позолотою и разноцвѣтными узорами.

Фиг. 44.

3. Древнѣйшимъ ударнымъ оружіемъ Египтянъ были—палица и сѣкира. Последняя, въ своей простѣйшей формѣ (фиг. 44, d), встрѣчается уже на гробницахъ, относящихся къ концу стараго царства. Въ послѣдствіи, форма палицъ и сѣкиръ усложнилась и стала разнообразнѣе и сверхъ того, вооруженіе войска пополнилось различными сортами остраго оружія, замѣнованными большею частью у азіатскихъ народовъ (фиг. 44, k—q).

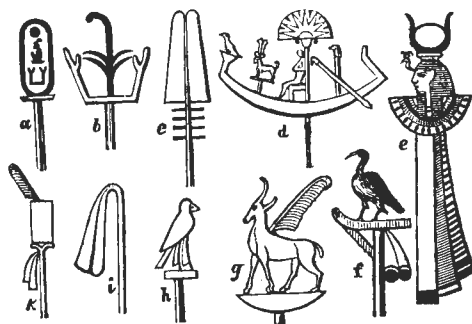
Кромѣ старинныхъ, болѣе или менѣе тяжелыхъ деревянныхъ палицъ (фиг. 44, a), которыя удобно замѣняли и метательное оружіе, употреблились преимущественно начальствующими и какъ знакъ отличія, круглыя красиво обдѣланныя палицы въ видѣ жезла (булавы). Одинъ конецъ ихъ былъ обитъ металломъ, а другой снабженъ эфесомъ для защиты руки (фиг. 44, b). Иногда, для большей тяжести, металлическая обивка булавы замѣнялась тяжелымъ металлическимъ же шаромъ (фиг. 44, c). Изъ соединенія этой булавы съ сѣкирою образовалось самое страшное египетское оружіе—(тэмъ)—родъ бердыша (фиг. 44, e, f). Оно было однакожъ оружіемъ высшихъ военачальниковъ и самихъ фараоновъ. Начальствующіе низшихъ степеней были вооружены, вмѣсто бердыша, топорами разныхъ формъ. Самые красивые и богато отдѣланные топоры получались изъ Азіи. Они были продолговатой, долотообразной формы, иногда прорѣзные или съ награвированными на нихъ узорами, и прикрѣплялись къ топорщику ремнями (фиг. 44, g—i); топорщикъ было обыкновенно слегка выгнуто и на концѣ обдѣлано на подобіе ноги какого нибудь животнаго. Изъ Азіи же вывозились длинныя ножи (фиг. 44, o), болѣе или менѣе цѣпной отдѣлки, и боевыя серпы

(фиг. 44. р, q), названные такъ по причинѣ ихъ серповидной формы. Въ эти сорты оружія, особенно серпы, составляли собственно вооруженіе иностранныхъ войскъ, служившихъ въ Египтѣ. Пожъ сталъ, кромѣ того, главнымъ оружіемъ фараоновъ.

4. Къ острому оружію принадлежали также мечъ и кинжалъ. Этотъ послѣдній былъ тотъ же мечъ, но меньшихъ размѣровъ; его носили на поясѣ въ ножнахъ, которые закрывали только одну сторону клинка, охватывая оба его лезвія. Главнымъ украшеніемъ кинжала была рукоятка, на которой обыкновенно вырѣзывалось какое нибудь символическое изображеніе. Мечъ (фиг. 44. к) бывалъ рѣдко длиннѣе $2\frac{1}{2}$ футовъ, но и такая длина встрѣчалась не часто. Кажется, что мечи употреблялись въ сраженіи только въ исключительныхъ случаяхъ: Египтяне вообще предпочитали бой издала съ помощью копій и метательнаго оружія, бою рукопашному на мечахъ.

5. Знамена и военные значки ¹ были извѣстны въ египетскомъ войскѣ съ незапамятныхъ временъ (Діодоръ I, 86). — Воины каждаго округа (номос) имѣли одинъ общій штандартъ и, сверхъ того, у каждой части, на которыя дѣлилась вся масса областного войска, былъ свой особый военный значокъ. Въ эти штандарты, число которыхъ соответствовало числу областей (номос) и принадлежавшимъ каждой изъ нихъ частямъ войска, имѣли совершенно гіероглифическій характеръ: это были изваянныя эмблематическія фигуры, прикрѣпленныя къ длиннымъ шестамъ и иногда украшенныя пучками разноцвѣтныхъ лентъ (фиг. 45, а — к). Ношеніе ихъ поручалось¹ храбрѣйшимъ изъ высшихъ военачальниковъ.

Фиг. 45.

6. Движеніе войскъ во время битвы направлялось сигналами, которые подавались на трубахъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ барабаномъ и другими сильно звучащими инструментами (см. ниже) военный оркестръ Египтянъ.

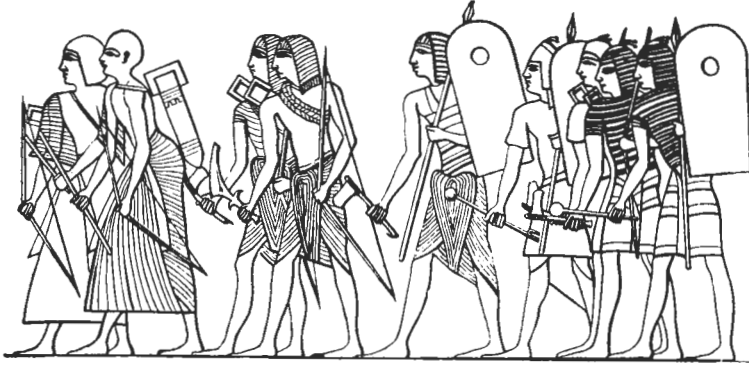
Дѣлсніе египетскаго войска.

Египетское войско раздѣлялось по роду оружія на «Гермотибіевъ» и «Каласиріевъ», какъ ихъ называетъ Геродотъ II, 164). Каласиріи были вѣро-

¹ S. A. C. Harris. Hieroglyphical Standards representing places in Egypt etc. London, 1852.

ятно стрѣлки изъ лука.—¹ До войнъ съ Азією, египетское войско состояло изъ двухъ главныхъ частей: пѣхоты и сражавшихся съ колесницъ. Въ послѣдствіи, къ нимъ присоединена была значительная конница. (На памятникахъ, древнѣе 18-й династіи, изображеніе лошади не встрѣчается ни разу). Конную службу несли однакожь, по всей вѣроятности, одни азіійскія вспомогательныя войска. ² Точно также и для морской службы брали, безъ сомнѣ-

Фиг. 46.

нія, большею частію иностранцевъ. Пѣшіе воины раздѣлялись на легковооруженныхъ и тяжелооруженныхъ. Низшій разрядъ первыхъ составляли пращники, одежда которыхъ заключалась въ одномъ только передникѣ.

Фиг. 47.

¹ H. Weiss. *Gesch. d. Kostüms*, I S. 205 ff.—² Cp. Movers. *Die Phöniciers*, II. (1.) Berlin. 1849. S. 420.

Остальные разряды легковооруженных имѣли каждый свой опредѣленный, отличный отъ другихъ разрядовъ костюмъ. Такъ же точно и тяжеловооруженные (фиг. 46.). — Ядро войска составляли сражавшіеся съ колесницъ. Большею частью это были люди, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, а потому и вооруженіе ихъ было значительно богаче вооруженія пѣхотинцевъ, не говоря уже о ихъ колесницахъ и конской сбруѣ, которыя тоже отличались богатою отдѣлкою (см. ниже: утварь).

Начальствующие отличались отъ простыхъ воиновъ перьями на шапкахъ (какъ было уже замѣчено выше) и дорогимъ оружіемъ, большею частью жалованнымъ фараонами за военные заслуги.¹

Верховное начальство надъ всѣми военными силами государства принадлежало царю: Онъ лично принималъ участіе въ битвахъ, сражаясь съ великолѣпной своей боевой колесницы, одѣтый въ блестящій военный костюмъ и обыкновенно вооруженный большимъ лукомъ, а иногда какимъ нибудь ударнымъ оружіемъ. Его голову покрывалъ, присвоенный однимъ только фараонамъ, стальной (?) шишакъ, отдѣланный золотомъ (фиг. 47. В; b—d), или усаженный металлическими бляхами (фиг. 47, a); на груди была налѣта крѣпкая, разноцвѣтная перевязь (фиг. 47. А, В)—можетъ быть тотъ особаго рода бумажный или полотняный цавцыръ, который описанъ у Геродота (III, 47).

Блестящей и вмѣстѣ воинственной внѣшности фараона вполне соответствовали богатыя одежды и вооруженіе его тѣлохранителей. Судя по ихъ костюму (фиг. 47, С), а особенно по украшенію на шапкѣ — въ которомъ не трудно узнать соединенныя изображенія солнца и луны, — можно заключить, что они набирались изъ заложниковъ покоренныхъ народовъ. Шишаки другихъ приближенныхъ царя, сражавшихся тоже съ колесницъ рядомъ съ нимъ, формою своею мало отличались отъ простой круглой шапки (фиг. 47, e; фиг. 41, b).

Постройки²

Изъ произведеній египетскаго зодчества сохранились остатки однихъ только храмовъ и гробницъ, слѣдовательно зданій, посвященныхъ культу. Что же касается до частныхъ построекъ Египтянъ, то мы знаемъ о нихъ лишь по описаніямъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей древности, и по изображеніямъ на памятникахъ. Эти изображенія отличаются тою же условностью, какъ и изображенія фигуръ, и похожи на геометрическіе чертежи безъ всякой перспектivy и безъ всякаго соблюденія соразмѣрности съ остальными предметами рисунка; тѣмъ не менѣе въ нихъ сказалось стремленіе египетскихъ художниковъ къ вразумительности, ясности изображенія: не упущена ни одна изъ существенныхъ частей строенія,

¹ S. Birch, Statistical Tablet of Karnak. p. 10.

² G. Erbkam, Über den Gräber- und Tempelbau der alten Aegypter. Berlin 1852. О зодствѣ Египтянъ: F. Kugler, Gesch. der Baukunst (1854); тамъ же в лyтературѣ предмета.

особенно же тщательно обозначены входы—двери и ворота; послѣднія, всё, почти безъ исключенія, представлены на лицевой сторонѣ зданія, каково бы ни было ихъ дѣйствительное расположеніе въ немъ.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ строительной дѣятельности Египтянъ, засвидѣтельствованнымъ исторіей, принадлежатъ: пирамиды въ Мемфисѣ, со- сѣднія съ ними гробницы, высѣченныя въ скалахъ, и такія же гробницы на лѣвомъ берегу Нила, относящіяся ко времени 6 династіи. Всѣ эти памятники показываютъ, что строители ихъ были уже и тогда превосходными техниками въ обработкѣ и кладкѣ громадныхъ камней. Извѣстія объ обширныхъ гидравлическихъ сооруженіяхъ, воздвигнутыхъ при 12-й династіи, для регулированія разливовъ Нила, указываютъ на практическую сторону строительной дѣятельности Египтянъ, а представителями ея художественной стороны служатъ гробницы въ Бени-Гассанѣ—памятникъ лучшей поры египетской архитектуры въ блестящую эпоху стараго царства.

Съ основаніемъ новаго царства строительная дѣятельность Египтянъ получила небывалое дотолѣ оживленіе. Съ этого времени фараоны стараются превзойти другъ друга въ постройкѣ громадныхъ храмовъ. И званіе «служащаго при царскихъ постройкахъ» становится однимъ изъ почетнѣйшихъ придворныхъ званій. Развалины, которыми теперь покрыта нильская долина, принадлежатъ всё, кромѣ названныхъ выше, зданіямъ, воздвигнутымъ въ эту позднѣйшую продолжительную эпоху существованія Египетскаго государства.

Успѣхи египетскаго оружія въ Азіи пробудили въ народѣ историческое чувство. Оно выразилось въ сооруженіи памятниковъ. Это — монументальные архивы въ собственномъ смыслѣ слова. Они увѣковѣчиваютъ, въ изображеніяхъ и письменахъ, всё важнѣйшія событія государственной и религіозной жизни народа. Каждая стѣна ихъ есть какъ-бы страница изъ его лѣтописи. Черты изъ частной его жизни записаны такъ же неизгладимо на стѣнахъ погребальныхъ гротовъ.

Существенное различіе въ постройкѣ религіозныхъ и частныхъ зданій вытекало изъ особаго, религіознаго воззрѣнія Египтянъ. Они смотрѣли на дома, какъ на временный пріютъ, а на гробницы, какъ на вѣчныя жилища, такъ какъ по ихъ понятіямъ, умершіе пребывали въ могилѣ безконечное время (Дюдоръ I, 51). Точно также и храмы — какъ жилища вѣчнаго божества — должны были быть вѣковѣчными.

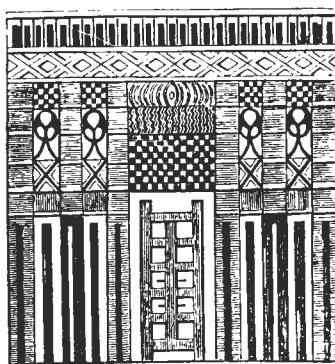
Поэтому при постройкѣ частныхъ зданій не слишкомъ заботились о прочности; храмы же и гробницы, напротивъ того, строились какъ будто на вѣки. Для частныхъ зданій употребляли отчасти дерево, отчасти высушенные на огнѣ или на солнцѣ кирпичи изъ нильскаго ила; для храмовъ—исключительно камень, который ломали въ сосѣднихъ горахъ. Внутренность частныхъ домовъ раздѣлялась перегородками изъ брусьевъ; религіозныя зданія состояли изъ гротовъ, высѣченныхъ въ скалѣ, и изъ массивно-сложенныхъ, каменныхъ залъ и галлерей. Образъ постройки зданій обуславливался въ значительной степени также и климатомъ: высокая температура воздуха требовала пространныхъ покоевъ и защищенныхъ отъ солнца галлерей, а постоянная его сухость дѣлала излишними сплошныя крыши. — Въ колоссальныхъ каменныхъ зданіяхъ Египтянъ удержались основныя формы ихъ

первоначальных, простых деревянных строений. Развитие культа определило архитектуру посвященных ему зданий, а потребности частной жизни установили архитектуру жилых строений. На устройство этих последних имело влияние, сверх того, и то обстоятельство, что Египтяне жили больше вне дома, чем внутри его, и дом служил им только местом отдохновения, ночлега, потому-то и внутреннее убранство его ограничивалось лишь самым необходимым. Только в период нового царства, когда пышность сделалась общою страстью высших и богатых классов, роскошь проникла и во внутренность их домовъ.

Ж и л и щ а.

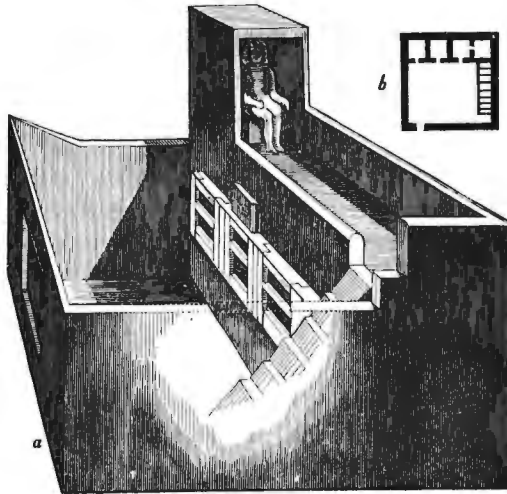
О древнейшем способе постройки египетских жилищ мы можем составить себе понятие по гробничным камерам мемфисских гробниц из времени династии строителей пирамид. Камеры эти, высеченные в скалах, обдѣланы съ наружной стороны на подобіе бревенчатой постройки. Каждая изъ нихъ имѣетъ форму продолговатаго четырехсторонника, слегка суживающагося къверху, на подобіе пирамиды, и покрытаго плоскою, горизонтальною крышею. Во внутренность камеры ведетъ узкая четырехугольная дверь; надъ дверью положенъ круглообтесанный каменный брусъ (tambour cylindrique), обоими концами вдѣланный въ стѣны. Онъ служитъ притолокою и въ то же время опорой для крыши. Потолокъ камеры представляетъ подражаніе накату изъ бревенъ, плотно положенныхъ одно подлѣ другого; а на стѣнахъ высѣчены, въ родѣ украшеній, рейки, расположенныя параллельно и въ рѣшетку. Средину стѣны обыкновенно занимаетъ, тоже высѣченная на ней, фальшивая дверь, какъ намекъ на соединеніе камеры съ соседними покоями. — Подобнымъ же образомъ, какъ стѣны камеръ, обдѣлывались и старинные деревянные саркофаги знатныхъ (фиг. 48), съ тою разницею, что вырубленное на первыхъ выпукло изъ камня, на послѣднихъ было намалѣвано (большею частью) голубою краскою по желтоватому фону. Поэтому кажется несомнѣннымъ, что такая обдѣлка была точною коніею съ египетскихъ жилищъ, какъ они строились въ эпоху стараго царства. Прекрасный образецъ устройства небольшихъ египетскихъ домовъ сохранился намъ въ деревянной модели (въ 17 дюймовъ ширины и 21 л. вышины), которая была найдена въ одной гробницѣ, открытой въ Оивахъ (фиг. 49. а). По ней видно, что въ такія жилища входили дверью, которая была пробита въ стѣнѣ окружающей жилище и притомъ довольно высоко отъ земли (вѣроятно по причинѣ разливовъ Нила). Дверь эта вела въ непокрытое пространство передъ домомъ или дворъ; со двора поднимались по ступенямъ на галлерею, тоже открытую и служившую крышею расположеннымъ подлѣ нею

Фиг. 48.

жилымъ покоемъ и кладовымъ. — Подобнымъ образомъ строятся и до сихъ поръ дома туземцовъ нильской долины, какъ это можно видѣть изъ приложеннаго плана (фиг. 49, b); а дома нынѣшнихъ арабовъ-феллаховъ внѣшнимъ своимъ видомъ напоминаютъ выше-описанныя гробничныя камеры Египтянъ. ¹

Фиг. 49.

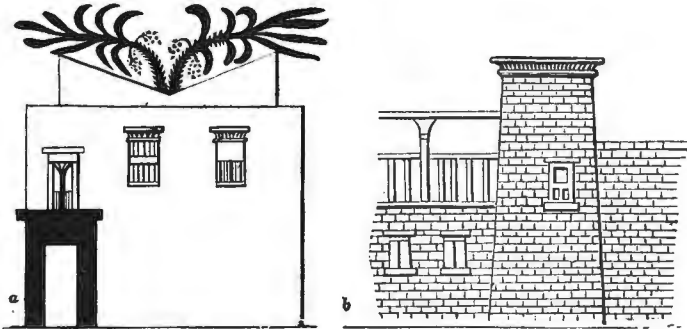
Диодоръ рассказываетъ (I, 45), что въ Египтѣ уже въ самыя древнѣйшія времена строили дома въ 4 и 5 этажей. Хотя на памятникахъ нигдѣ не видно домовъ, которые бы имѣли больше двухъ этажей, однакожъ вѣроятно, что съ увеличеніемъ населенія и умноженіемъ числа храмовъ, занимавшихъ съ принадлежащими къ нимъ зданіями значительныя пространства, многоэтажные дома стали необходимы въ такой небольшой странѣ, какою былъ Египетъ. Арабскій путешественникъ Абдалатифъ ², посѣтившій Египетъ въ XIII в. по Р. Х., видѣлъ тамъ дома въ нѣсколько этажей.

Однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что даже и во время новаго царства, большая часть городскихъ домовъ были невелики и немногимъ отличались отъ домовъ нынѣшнихъ восточныхъ народовъ. Они имѣли видъ четырехугольника, обнесеннаго стѣною съ пробитою въ ней невысокою дверью. Внутри четырехугольникъ дѣлился на дворъ и жилое двухъ-этажное строеніе, раздѣленное на отдѣльные покои. Верхняя галлерей, или плоская крыша дома уставлялась иногда цвѣтами и на ней устраивался родъ вентилятора, сообщавшагося съ однимъ изъ верхнихъ покоевъ и проводившаго въ него свѣжій и прохладный воздухъ (фиг. 50. а).

Довольно просторный, непокрытый дворъ составлялъ вообще необходимую принадлежность каждаго частнаго жилища. Въ немъ, по мѣрѣ потребности, или по своей прихоти, хозяинъ дома размѣщалъ отдѣльныя помѣщенія.

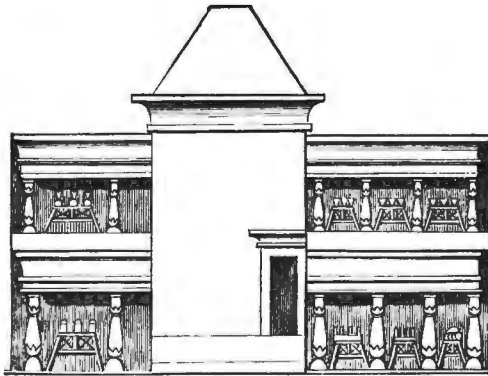
¹ Н. Brugsch, Reiseberichte, S. 38. ff. — ² Denkwürdigkeiten Egyptens, Übersetzt u. erläutert von G. Wahl, Halle 1790. S. 267.

Фиг. 50.

Они занимали или одну только сторону двора, или двѣ, даже три его стороны, или строились по срединѣ. Расположеніе нижняго этажа определяло расположеніе верхнихъ этажей. — Сообразно съ климатомъ, большіе дома прорѣзывались прохладными корридорами и обстраивались открытыми галлереями. Первые выходили на дворъ и шли между рядами отдѣльныхъ комнатъ; послѣднія тянулись вокругъ крыши, а иногда окружали фасадъ каждаго этажа (фиг. 50. b; фиг. 51). На галлереяхъ проводили прохладные часы дня, обѣдали (Геродотъ II, 35), и на нихъ же выставляли для освѣженія нильскую воду въ сосудахъ изъ пористой глины (фиг. 51).—Особенность

Фиг. 51.

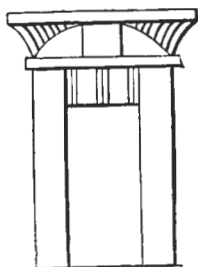

домовъ, удаленныхъ отъ принильскихъ низменностей, составляли, какъ разсказываетъ Геродотъ (II, 95), башнеобразныя пристройки (фиг. 50. b). Въ нихъ устраивались спальные покои, гдѣ жители дома могли спать не тревожимые комарами, рои которыхъ не поднимались высоко отъ земли.

Окна египетскихъ зданій были невелики и большею частью обращены на сѣверъ. Они закрывались досчатыми ставнями или занавѣшивались коврами и занавѣсами. — Смотря по величинѣ дома, въ немъ былъ одинъ или нѣсколько входовъ. Облицовка ихъ дѣлалась изъ дерева или камня въ господствующемъ архитектурномъ стилѣ (фиг. 52). Входъ запирался деревянною дверью, объ одномъ или о двухъ створахъ. Дверные замки были

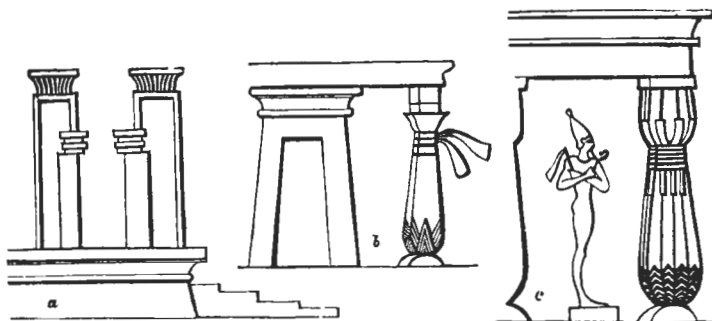
вѣроятно такіе же, какіе и нынѣ употребляются повсемѣстно на Восто-
кѣ. ¹ — Дома знатныхъ отличались богатыми порталами, открытыми свер-
ху и поднятыми отъ земли на нѣсколько ступеней (фиг. 53, а), или съ павѣсами, утвержденными на стол-
бахъ (фиг. 53, б), между которыми ставились иногда (вѣроятно только у жрецовъ и т. п.) статуи бо-
жествъ и царей (фиг. 53, с).

Фиг. 52.

Внутреннее убранство домовъ соответствовало, ра-
зумѣется, званію и состоянію хозяевъ, но, безъ сом-
нѣнія, оно было въ высшей степени опрятно, такъ какъ
чистоплотность строго соблюдалась Египтянами. За-
мѣченный у нихъ Геродотомъ (II, 35) обычай исправ-
лять естественныя нужды въ комнатахъ, нисколько
не противорѣчитъ этому. — Въ эпоху стараго царства, стѣны комнатъ
расписывались въ томъ же родѣ, какъ и упомянутыя выше деревян-
ные саркофаги. Но по изображеніямъ на памятникахъ новаго цар-
ства ² видно, что рисунокъ стѣнныхъ украшеній значительно измѣнился:

Фиг. 53.

вмѣсто общеупотребительнаго прежде рѣшетчатаго узора, на стѣнахъ ста-
ли писать тонкія колонки, которыя какъ бы поддерживали на своихъ капи-
теляхъ, въ формѣ лotosовыхъ листьевъ, богато украшенный карнизъ потоло-
ка. Окаймленное ими пространство стѣны на половину обшивалось деревян-
ными панелями, которыя, равно какъ и незакрытая часть стѣны, окаймля-
лись тоже цвѣтными полосами, на подобіе ковровъ. Въ позднѣйшую эпоху
внутренность домовъ расписывалась вообще гораздо цвѣтнѣе и пестрѣе чѣмъ
въ старину.

Жрецы и воины, особенно знатные, владѣвшіе наследственной позе-
мельною собственностью, ³ жили обыкновенно въ своихъ помѣстьяхъ
или усадьбахъ, которыя были снабжены всѣмъ необходимымъ для сель-
скаго хозяйства. Деревяскіе дома землевладѣльцевъ отличались отъ город-
скихъ тѣмъ, что строились болѣе въ ширину, чѣмъ въ вышину, и включали

¹ См. Н. Weiss, *Geschichte des Kostüms*, I, 227.

² Rosellini II (m. c.) XXII, 2; LXVIII.

³ Сравн. Діод. I, 73, 74 и Герод. II, 168. —

въ себѣ большее число и болѣе просторныхъ покоевъ, чѣмъ тѣ. Открытыя галлеи, усаженные деревьями, полутемные корридоры и вѣроятно также подземные прохладные покои, и теперь еще любимые на Востокѣ, были ихъ существенною принадлежностью. Передъ домомъ, или близь него, находился садъ, окруженный особою каменною стѣною. Въ немъ чередовались, посаженные отдѣльными симметрическими курттинами, огородныя и цвѣтниковыя растенія; аллея и крытые ходы прорѣзывали его въ разныхъ направленіяхъ; выложенныя камнемъ бассейны, съ растущимъ въ нихъ лотосомъ, небольшіе красявые кіоски изъ досокъ, доставляли посѣтителямъ сада прохладу и тѣнь. ¹ Орошеніе садовъ производилось посредствомъ каналовъ, которыми была изрѣзана вся нильская долина. Вода накачивалась изъ колодцевъ, совершенно такого же устройства, какъ и нынѣшніе, въ подвижные жолоба, а оттуда разливалась по небольшимъ канавкамъ по саду и всей усадьбѣ. Кромѣ того, нѣкоторыя растенія поливались особо изъ леекъ.

Помѣщенія для скота и амбары, гдѣ сохранялись припасы, строились обыкновенно позади дома. Какъ и всѣ вообще хозяйственные постройки (службы), они были по большей части безъ крышъ. Амбары состояли изъ четырехугольныхъ дворовъ, обнесенныхъ стѣною и раздѣленныхъ перегородками на длинныя параллельныя отдѣленія, выходившія на одинъ или нѣсколько перекрещивавшихся между собою широкихъ проходовъ или корридоровъ. Иногда эти корридоры обсаживались деревьями. Съ особенною заботливостью хранили хлѣбные запасы. Ихъ или складывали конусообразными скирдами на огороженныхъ дворахъ, или ссыпали въ закромы, которые съ виду походили на хлѣбную печь, устраивались въ нѣсколько рядовъ и были обнесены каменною стѣною. — Помѣщенія для скота отличались чрезвычайною опрятностью и удобствомъ. Помость, на которомъ стояла скотина, была нѣсколько приподнята отъ земли; животныя ставились на немъ рядами, такъ же какъ и въ нынѣшнихъ скотныхъ дворахъ; каждое животное стояло привязанное къ своему мѣсту ремнемъ и т. п. Въ большихъ помѣстьяхъ скотные дворы были безъ сомнѣнія очень обширны. Такъ напр. въ папиуси на гробницѣ одного номарха Элейтея, въ числѣ богатствъ покойнаго упомянуты и его стада, состоявшія изъ 122 воловъ, 1200 козъ, 1500 свиней и т. д. ² — Разведеніе домашнихъ птицъ составляло также предметъ особой заботливости египетскихъ хозяевъ. Уже Діодоръ (I, 74) упоминаетъ о приборахъ для искусственнаго высиживанія яицъ; эти приборы остались и до сихъ поръ въ употребленіи въ Египтѣ.

Все пространство, занимаемое усадьбою, обносилось каменною стѣною, наружная сторона которой была сложена откосомъ. Въ усадьбу вели нѣсколько воротъ, объ одномъ и о двухъ полотнахъ; на воротныхъ столбахъ ставились иногда цвѣты, а по ребру стѣны насаживались ланцетообразныя острія изъ дерева или металла.

¹ Рисунковъ такого сада у Wilkinson I. no 43 и Rosellini II (m. c.) LXIX.

² Н. Brugsch. Reiseberichte. S. 221 ff.

Дворцы фараоновъ

отличались отъ всѣхъ прочихъ зданій своимъ великолѣпиемъ и своими размѣрами. Уже самое значеніе фараоновъ, какъ видимыхъ представителей божества, требовало, чтобы жилища ихъ не уступали въ великолѣпнн жилищамъ самого божества. Храмъ и дворецъ имѣли одинаковое значеніе и, во всё время существованіе Египетскаго государства, оба строились по одинаковому плану. Это обстоятельство и было причиною, почему и до сихъ поръ еще не удалось установить, на основаніи уцѣлѣвшихъ памятниковъ, достаточно опредѣленнаго и характеристическаго различія между архитектурою дворцовъ и архитектурою храмовъ. Впрочемъ, только одно зданіе и могло повести къ отысканію этого различія. Это — остатки такъ называемаго дворца или «навильона» Рамзеса III, въ Медшетъ-Абу.¹

Онъ отличается отъ прочихъ зданій въ сущности лишь тѣмъ, что гораздо меньше ихъ и что его лицевая сторона или пилоны (рулон) иначе построены. Различіе заключается въ томъ, что обѣ башнеобразныя половины пилона, или оба его крыла, соединены между собою до самаго верха промежуточною стѣною, такъ что передній фасадъ зданія представляется сплошною стѣною, съ зубчатымъ верхомъ и отлогими боками, образующею, подобно пилоны, выступы по обѣимъ сторонамъ входа и средней соединяющей части. Въ стѣнѣ пробиты окна, которыя выходятъ изъ разныхъ этажей, а отлогія ея поверхности покрыты изображеніями подвиговъ фараона, фигуръ коего даны колоссальныя размѣры. Къ фасаду примыкаютъ нѣсколько обвалившихся покоевъ съ остатками изображеній изъ частной жизни фараоновъ на стѣнахъ и двумя входами — сѣвернымъ и южнымъ. Ю одной сторонѣ покоевъ тянется пристройка въ родѣ балконовъ, которые выходятъ на открытый дворъ, обнесенный каменною стѣною, теперь разрушенною. Поверхность, занимаемая дворомъ и строениями, имѣетъ форму четырехсторонника. — Какъ ни отличается это зданіе отъ другихъ уцѣлѣвшихъ построекъ Египтянъ своею архитектурою, его всё таки должно, кажется, считать скорѣе пристройкою къ большому дворцу, нежели самостоятельнымъ дворцомъ. Оно было, можетъ быть, частнымъ жилищемъ царской семьи и стояло не подальше отъ главнаго дворца и въ связи съ нимъ.

Архитектура храмовъ-дворцовъ. *

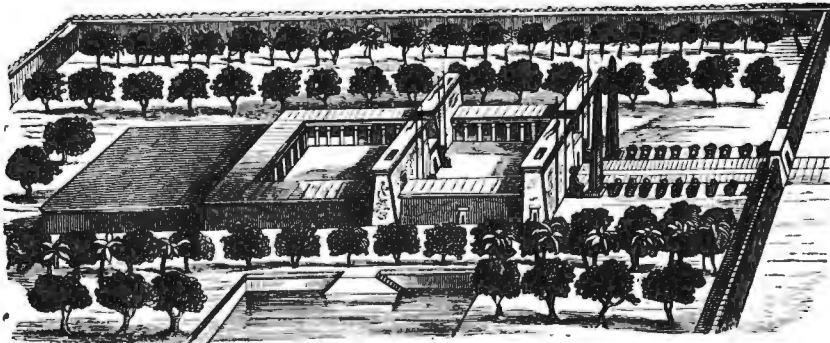
сооруженіе которыхъ началось съ эпохи новаго царства, оставалась неизмѣнною до самаго конца послѣдняго. Она развивалась, какъ мы уже говорили выше, изъ первоначальныхъ деревянныхъ и тростниковыхъ построекъ Египтянъ. Подражаніе этимъ постройкамъ, составляющее, какъ мы видѣли, основной характеръ древнѣйшихъ гробничныхъ камеръ, замѣтно еще и въ колоссальныхъ каменныхъ дворцахъ, — хотя въ послѣднихъ, сход-

¹ Description de l'Égypte Ant. II. Pl. 16. — R. Lepsius, Denkmäler. Abthlg I. Taf. 93. H. Brugsch, Reisebericht. S. 351.

* Tempel Paläste или Palast-Tempel и наз. ихъ авторъ, на томъ (выше-приведенномъ) основаніи, что, по его мнѣнію, между архитектурою храмовъ и дворцовъ не было существенной разницы, или же если была, то до сихъ поръ еще не удалось опредѣлить, въ чемъ она заключалась.

ныя черты и приняла размѣры соответствующіе объему зданія. Потребности культа и сопряженная съ нимъ торжественность опредѣлили внутреннее расположеніе храмовъ-дворцовъ и величину покоевъ. Для отправленія религиозныхъ обрядовъ потребовались болѣе или менѣе обширные залы, устройство которыхъ было невозможно безъ опоръ — пилястръ и колоннъ. Украшенія тѣхъ и другихъ были заимствованы изъ туземныхъ растений — пальмы и лотоса. Но религиозныя воззрѣнія и потребности культа прибавили къ этимъ естественнымъ украшеніямъ другія, искусственныя формы. Живущее въ народѣ стремленіе—увѣковѣчивать событія своей жизни въ изображеніяхъ и письменахъ, побудило его обратить и ихъ въ украшенія для зданій, а для этого въ свою очередь потребовались пространныя и гладкія поверхности на стѣнахъ. Твердость строительнаго матерьяла (камня), нелегко поддававшегося обдѣлкѣ, способствовала усовершенствованію техники. Такимъ образомъ, подъ совокупнымъ вліяніемъ мѣстныхъ условий, требованій культа и особенностей народнаго характера съ одной стороны, и узкости воззрѣній и ограниченной творческой способности Египтянъ — съ другой, возникла эта своеобразная архитектура, произведенія которой дошли до насъ въ многочисленныхъ развалинахъ, покрывающихъ нильскую долину. Въ развалинахъ видѣны еще и до сихъ поръ не только общій планъ зданій во всѣхъ его подробностяхъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ удивительною цѣлостью сохранилось и относительное расположеніе отдѣльныхъ частей зданія и даже первоначальный характеръ особыхъ, декоративныхъ членовъ его. Страбонovo описаніе египетскихъ храмовъ (кн. XVII) не точнѣе того, какое въ состояніи мы сдѣлать теперь, хотя и по однимъ лишь развалинамъ ихъ.

Фиг. 54.

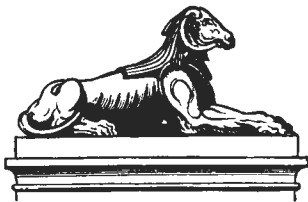
Почти всѣ дворцы-храмы строились по одинаковому плану (фиг. 54) — продолговатымъ, иногда очень обширнымъ, четырехсторонникомъ, на массивномъ фундаментѣ изъ кирпича. Ядромъ всего зданія было святилище съ примыкавшими непосредственно къ нему покоями. Эта часть храма была покрыта плоскою крышею, сложенною изъ огромныхъ плитъ. Передъ святилищемъ открывались пространныя дворы и галереи съ колоннадами, обнесенныя снаружы каменными стѣнами. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (напр. храмъ въ Карнакѣ — см. ниже), вмѣсто средняго открытаго двора устраивали крытый залъ. Дворы отдѣлялись одинъ отъ другаго высокою построй-

кою (пилонъ), состоявшею изъ двухъ пирамидальныхъ половинъ или крыльевъ, между которыми помѣщались, какъ бы вдвинутые межъ ними, главные ворота. По обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ стояли колоссальныя статуи божествъ или царей, обыкновенно въ сидячей позѣ; иногда, передъ статуями божествъ, ставились принесенныя имъ въ даръ царями высокіе остроконечные столбы — обелиски. Особымъ украшеніемъ самаго передняго пилона, имѣвшимъ можетъ быть символическое значеніе, были мачты съ флагами. Къ воротамъ этого пилона вела широкая мощеная дорога, обставленная съ обѣихъ сторонъ рядами колоссальнымъ сфинксовъ. Вся священная окружность храма, нерѣдко заключавшая въ себѣ правильно разбитыя плантаціи тѣнистыхъ деревьевъ¹ и бассейны наполненный нильскою водою, была обнесена каменною зубчатою стѣною, съ лѣстницами для входа на неё.

Сфинксы,

которыми, какъ сказано выше, были обставлены мощенныя дороги передъ входами въ храмы, дѣлались постоянно, за весьма рѣдкими исключеніями, мужескаго пола.² Это были колоссальныя монолиты изъ базальта, порфира или сіенита, представлявшіе лежачихъ барановъ или львовъ. (фиг. 55) Иногда къ туловищу льва приставлялась голова барана или человѣчья, и въ послѣднемъ случаѣ чаще всего голова какого нибудь фараона или голова Озириса. Сфинксы ставились на продолговатыхъ четырехугольных цоколяхъ изъ одинаковаго съ ними матеріала.

Фиг. 55.

Колоссальныя статуи и обелиски,

составлявшіе главнѣйшее украшеніе храмовыхъ воротъ, были тоже монолиты, какъ и сфинксы. Обелиски ставились на невысокихъ плитусахъ (фиг. 56. b) и, суживаясь отъ основанія къ вершинѣ, оканчивались небольшою пирамидою; на плоскихъ сторонахъ ихъ высѣкали посвятельную надпись. — Колоссальныя статуи должны были служить какъ бы олицетвореніемъ всемогущества властителей Египта (фиг. 56, a); поэтому египетское ваяніе истощало все свои средства, чтобы достойно исполнить эту задачу; но строгія предписанія условнаго стила стѣсняли свободу ваятелей и только въ отлѣлкѣ подробностей могли они въ нѣкоторой степени проявить свое художественное чувство. Потому-то все эти статуи представлены сидящими въ спокойной, какъ-бы оцѣпенѣлой позѣ, съ плотно прижатыми къ тѣлу руками и вмѣстѣ сдвинутыми ногами. Эта, нѣкоторымъ родомъ архитектурно-техническая, неподвижность ихъ вполне соответствовала прямымъ, спокойнымъ линіямъ зданій, для украшенія коихъ онѣ назначались.

Фиг. 56.

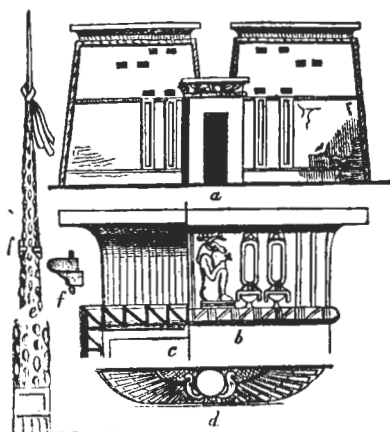

¹ Герод. II, 91; 112; 138. — ² R. Lepsius, Briefe S. 43.

Пило́нъ,

лицевая сторона дворовъ и вмѣстѣ передній фасадъ самого зданія—состоялъ изъ двухъ совершенно одинакихъ полови́нъ, въ видѣ невысокихъ, пирамидально суживающихся къ верху, массивныхъ башенъ, и воротъ, занимавшихъ средину между ними (фиг. 57, а). Высота его была довольно значительна, но никогда не равнялась длинѣ основанія. Архитектурныя украшенія его состояли изъ карниза, окаймлявшаго его плоскую крышу, и обода по краямъ стѣнъ. Тотъ и другой намекаютъ на первоначальныя деревянныя постройки съ листовыми украшеніями. Въ карнизахъ древнѣйшихъ зданій видно подражаніе пальмовымъ листьямъ, поставленнымъ рядомъ и сверху загнутымъ такъ, что ихъ изгибъ образуетъ впадину или жолобъ карниза. Такой карнизъ встрѣчается уже на саркофагахъ 4-й династіи (фиг. 57, с), форма которыхъ есть, можетъ быть, вѣрная копія съ наружности древнѣйшихъ храмовъ. Въ послѣдствіи, однообразныя пальмовыя украшенія на карнизахъ замѣнились различными, уже чисто символическими фигурами, но основная форма карниза удержалась (фиг. 57, b). Круглый ободокъ (астргалъ) вокругъ стѣнъ напоминалъ собою жерди и поперечины, служившія остовомъ первобытнымъ жилищамъ; а его украшенія—связи, скрѣплявшія отдѣльныя части остова. (фиг. 57. b, c). — Внутренность пило́на заключала въ себѣ лѣстницу, которая вела на крышу, и два небольшія покоя, по обѣимъ сторонамъ лѣстницы. Они получали свѣтъ черезъ небольшія четырехугольныя отверстія, которыя служили для прикрѣпленія упомянутыхъ выше мачтъ съ флагами (фиг. 57. f), къ желѣзнымъ скобамъ (фиг. 57. g), вѣланнымъ въ стѣну пило́на. — Ворота ведущія въ храмъ, состоятъ изъ двухъ вертикальныхъ столбовъ и поперечной перекладины (притолоки) съ символическимъ орнаментомъ представляющимъ окрѣпленный солнечный дискъ между двухъ уреевъ (фиг. 57.d). Это изображеніе осталось неизмѣненнымъ и постояннымъ украшеніемъ храмовыхъ входовъ до самого конца египетскаго государства. — Двери были деревянныя, навѣшенныя на металлическія петли. Онѣ дѣлались, по словамъ надписей, ¹ изъ туземнаго вида акаціи (*akacia nilotica*); для украшенія и прочности, ихъ обивали золотыми скобами и желѣзными гвоздями, а также и бронзовыми львиными головами, какъ разсказываетъ Плутархъ (*Isis u. Osir. c. 38*).

Фиг. 57.

¹ Descript. de l'Egypte. A. Vol. I. pl. 52.—H. Brugsch, Reiseberichte. S. 130.

Дворы и преддверія храмовъ.

Число и величина ихъ опредѣлялась обширностью самого храма. Это были непокрытыя площади, образуемая стѣнами, которыми соединялись между собою расположенные одинъ передъ другимъ пилоны. Вдоль стѣнъ шли столбы или колонны, обыкновенно въ одинъ рядъ, а иногда и въ два ряда (какъ въ большомъ храмѣ въ Филахъ (фиг. 58), образуя такимъ об-

Фиг. 58.

разомъ вокругъ гипертрона (открытой части) крытый портикъ. Нерѣдко дворы раздѣлялись только невысокою стѣною, выведенною въ промежуткахъ между колоннами. Кровля портика обводилась такимъ же карнизомъ, какъ и пилонъ. Она была плоская, сложена изъ каменныхъ плитъ и лежала на каменныхъ брусьяхъ, которые шли надъ рядами колоннъ, подобно архитравамъ, пересѣкаясь подъ прямыми углами. Небольшіе кубической формы цоколи, утвержденные на капителяхъ колоннъ, служили опорой балкамъ. Внутренность этихъ портиковъ, устройство которыхъ наиболѣе способствовало архитектурическому усовершенствованію колонны, была сплошь покрыта различными узорами и фигурами, ярко раскрашенными.

С в я т и л и щ е,

съ примыкавшими къ нему, часто весьма пространными, покоями, составляло самую заднюю и, сравнительно, самую меньшую часть всего зданія. Въ немъ, въ болѣе или менѣе глубокихъ нишахъ, были разставлены идолы — обыкновенно монолиты изъ самаго твердаго камня.

Вышина отдельных частей дворца-храма была неодинакова, а понижалась, как бы перспективно, по направлению къ святилищу—самой низкой части всего зданія, такъ что верхняя профильная линия послѣдняго шла постепенно опускаясь къ его концу. Откосныя снаружи стѣны придавали зданію видъ крѣпости. Для нагляднаго поясненія сказаннаго прилагается рисунокъ большаго храма въ Филахъ, сохранившагося лучше всѣхъ другихъ египетскихъ храмовъ, снятый со стороны святилища (фиг. 59).

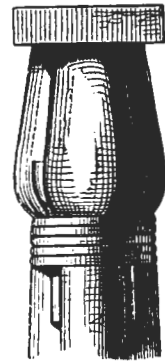
Фиг. 59.

Пилластръ и колонна ¹

—самоважѣйшій элементъ въ развитіи декоративной стороны египетской архитектуры—появились впервые въ гробницахъ Бени-Гассана (около 2000 до Р. X). Первый встрѣчается здѣсь въ двойной формѣ—собственно пилластра и отдельно стоящаго столба. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ, какъ украшеніе гробничнаго портика, онъ представляетъ осмигранную подпорку съ плоскимъ, по краямъ закругленнымъ основаніемъ и кубическою верхушкою. На пилластрахъ при входѣ въ другую гробницу число граней удвоено. Во внутренности гробничныхъ гrotтовъ, къ пилластрамъ присоединяется и колонна въ формѣ четырехъ связанныхъ вмѣстѣ цвѣтковъ лотоса, стебли которыхъ образуютъ стержень колонны, а чашечки—ея капитель (фиг. 60). Красиво утончающійся верху стержень стоитъ на закругленной базѣ и вся колонна расписана.

Фиг. 60.

Эта первоначальная форма колонны, вѣроятно имѣвшая отношеніе къ символическому значенію лотоса, осталась навсегда господствующею въ египетской архитектурѣ, хотя и была значительно измѣнена и усовершенствована. Самой высшей степени своего декоративнаго развитія она достигла въ обширныхъ дворцахъ-храмахъ, построенныхъ во время 18-й династіи. Колонны древнѣйшаго изъ нихъ—Луксорскаго, еще тяжелы и, несмотря на дробное расчлененіе, массивны (фиг. 61, а); легче и красивѣе ихъ колонны храма, выстроеннаго Аменхотепомъ III, близъ Солеба (фиг. 61, б). Дальнѣйшее преобразование привело къ замѣнѣ рубча-

¹ Ср. F. Kugler, *Gesch. der Baukunst* S. 19 ff; отсюда же заимствованы фиг. 60—65, планъ храма въ Карнаѣ и фиг. 66.

той капители, подражавшей лепесткам лотоса, гладкою, которая представляла удобную поверхность для иероглифических изображений. Таковы капители колоннъ въ Карнакѣ (фиг. 62).

Одновременно съ лotosовою формою приняты были для украшенія капителей формы пальмы и папируса. Пальмообразная колонна, въ простѣйшемъ своемъ видѣ, является уже въ названномъ выше храмѣ близъ Солеба: круглый стержень ея завершается восьмью слегка загнутыми наружу листьями; на нихъ лежитъ кубической формы плита, служащая опорой архитраву (фиг. 63). Въ то же время рубчатый столбъ Бенигассанскихъ гробницъ вы-

Фиг. 61.

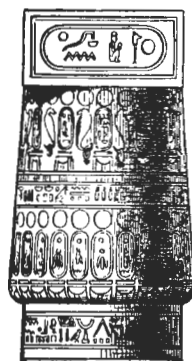
Фиг. 62.

а

б

Фиг. 63.

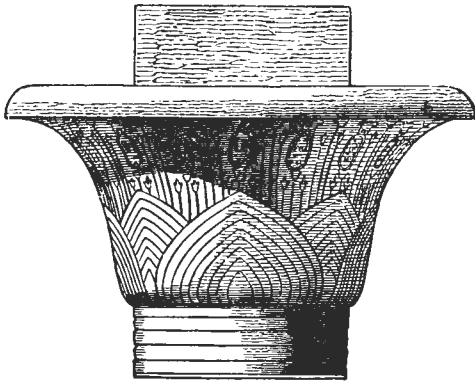
работался въ совершенную колонну чрезъ прибавленіе къ нему новаго члена, соответствующаго эхипу дорійской капители, причемъ самый стержень перехватывался въ нѣсколькихъ мѣстахъ поперечными полосами. Шестнадцатигранныя колонны встрѣчаются также и между развалинами храма въ Эль-Кабѣ, не подалеку отъ древней Элеоин (Eleithyia); но лицевыя стороны ихъ капителей украшены рельефно изваянною головою египетской Венеры (Гаоры).

Во время 19-й династїи, къ существовавшимъ формамъ капители прибавились новыя, замѣчательныя тоже изъ растительнаго царства. Образчики такихъ капителей сохранились въ развалинахъ Карнакскаго храма, именно тѣхъ его частей, постройка которыхъ относится къ названной эпохѣ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ видъ раскрытой цвѣточной чашечки съ листвоподобными на ней узорами (фиг. 64); другія, съ гладкою поверхностью, похожи на опрокинутый колоколь. Рядомъ съ этими капителями встрѣчаются въ тѣхъ же частяхъ храма и описанныя выше формы: пальмовидная, папирусовая и замкнутая лotosоподобная (фиг. 61); въ новѣйшихъ частяхъ храма—конца

этой эпохи — появляется еще новая форма капителя, составленная из рельефнаго изображенія головы Гаоры и храмовидной надставки надъ нимъ.

Эта форма осталась любимой формою и въ позднѣйшее время, при Птоломеяхъ, и постоянно совершенствовалась. Мы находимъ ее въ развалинахъ храма въ Дендера: круглый стержень колонны оканчивается четырехстороннею надставкою, нижнюю половину которой составляютъ головы Гаоры, изваянныя рельефомъ, а верхнюю — кубъ, которому данъ видъ храма (фиг. 65). Такая двойная капитель ставилась иногда даже поверхъ капителей растительной формы. Эта послѣдняя форма выработалась до чрезвычайнаго разнообразія и сдѣлалась совершенно произведеніемъ скульптуры, которая истощила въ ней всевозможныя сочетанія листьевъ, стеблей, геометрическихъ фигуръ и пр. Что эти комбинаціи часто не лишены живописнаго эффекта, можно судить по развалинамъ храмовъ въ Эсне, Эдфи, Филахъ (фиг. 58) и др.

Фиг. 64.

Фиг. 65.

Столбъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи удержалъ первоначальную свою форму четырехсторонняго, болѣе или менѣе массивнаго, бруса, вертикально поставленнаго на плоской базѣ и накрытаго плитою. Однакожъ, при 19-й династіи, къ нему стали иногда прибавлять, въ родѣ украшенія, стоячія статуи Озириса или статуи жрецовъ. Эти статуи приставлялись всегда къ лицевой сторонѣ столбовъ, но не касались головами перекладины, а потому не назначались служить имъ опорою.

Размѣщеніе колоннъ

не подчинялось какому либо определенному архитектурному закону, а было напротивъ того довольно произвольно. Иногда все колонны зданія имѣли одинаковыя капители, иногда различныя; въ этомъ послѣднемъ случаѣ соблюдалась однакожъ извѣстная симметрія въ размѣщеніи колоннъ: колонны съ одинаковыми капителями ставились по очередно то рядомъ, то одна напротивъ другой. Въ крытыхъ галереяхъ, окружавшихъ дворы, противу ряда колоннъ, поддерживавшихъ крышу, шолъ иногда вдоль стѣны рядъ ниластръ.

Большой храмъ въ Карнакѣ

(на мѣстѣ древнихъ Оивъ, въ верхнемъ Египтѣ) представляетъ еще и нынѣ, въ своихъ развалинахъ, великолѣпный образчикъ величавыхъ египетскихъ дворцовъ-храмовъ (см. планъ). Онъ былъ посвященъ Аммоу, высшему божеству Египтянъ. Основаніе его относится ко времени предшествовавшему завоеванію нижняго Египта Гиксосами. По изгнаніи ихъ началось возстановленіе этого храма, въ отстройкѣ и украшеніи котораго участвовали всѣ царствовавшіе затѣмъ фараоны, такъ что въ барельефахъ, которыми покрыты его стѣны, разсказаны всѣ важнѣйшіе моменты государственной и религіозной исторіи Египта до послѣднихъ временъ греческаго и римскаго владычества надъ нимъ.

Всё зданіе было построено на террасѣ, сложенной изъ кирпичей, и въ окружности имѣло около 2500 туазовъ или три четверти географической мили. Лицевая сторона зданія была обращена къ Пилу; широкая дорога, обставленная двумя рядами колоссальныхъ сфинксовъ, вела отъ рѣки къ главному portalу (а), имѣвшему 60 фут. вышины и дававшему проходъ между двухъ крыльевъ передняго пилона (1, 1). Длина послѣдняго была 336 фут., а высота 180. Бронзовыми дверями о двухъ створахъ, запиравшими главный порталъ, входили въ открытій дворъ, занимавшій четырехугольную площадь въ 260 ф. ширины и 320 ф. длины. Вдоль боковыхъ стѣнъ двора шли два ряда колоннъ въ 42 ф. вышины, по 18 колоннъ въ каждомъ ряду (b, b,). Южная стѣна была впоследствии пробита для пристройки небольшого храма (с). Открытая колонада, посреди двора (d), вела къ portalу втораго пилона (2, 2), превосходившаго первый и объемомъ и богатствомъ скульптурныхъ украшеній. Широкииъ закрытымъ крыльцомъ о 27 ступеняхъ (e) поднимались къ проходу (f), которымъ входили въ огромный крытый залъ въ 320 ф. ширины и 164 ф. глубины (g). Плоскую крышу зала поддерживали 134 колонны, разставленныя правильными рядами и раздѣленныя на двѣ равночисленныя и одна другой противуположныя группы, колонадою изъ 12 колоннъ, шестью посредиъ зала. Высота среднихъ 12 колоннъ, считая отъ основанія до антаблемента, равнялась 66 футамъ, а окружность каждой изъ нихъ — 36 фут.; между тѣмъ какъ высота каждой изъ остальныхъ составляла только 40 фут., а окружность — 27 фут. Плоская крыша зданія лежала непосредственно на огромныхъ каменныхъ брускахъ въ 22 ф. длины, 6 ф. вышины и 4 ф. толщины каждый. Два такіе бруса замѣняли архитравъ и въ свою очередь опирались на каменные плиты въ 28 ф. длины, $3\frac{2}{3}$ ф. толщины и 4 ф. ширины. Средняя часть крыши лежала настолько же выше боковыхъ ея частей, на сколько среднія 12 колоннъ были выше остальныхъ. Пролеты между выдающимися частями колоннъ и обѣими крышами служили для освѣщенія этого громаднаго зала. Капителы среднихъ колоннъ имѣли описанную выше форму раскрытой цвѣточной чашечки (фиг. 64).

Въ глубинѣ зала, прямо противъ колонады, было устроено обнесенное стѣною преддверіе (h), изъ котораго черезъ проходъ третьяго пилона (3, 3) входили въ узкій некрытый дворъ (i, i), составлявшій какъ бы границу

между новыми частями храма и древнѣйшею его частью — святилищемъ. Передъ входомъ стояли два обелиска (К) изъ гранита, одинъ въ 99 ф., другою въ 69 ф. вышины. Они были принесены въ даръ храму Тутмосисомъ III. Позади пилона (4, 4), за каждымъ его крыломъ, были устроены двѣ галлерей (I, I) съ колоннами и пилястрами. Мировавъ проходъ между галлерейми и двумя примыкавшими къ нимъ небольшими покоемъ (m, m), входили наконецъ въ самое святилище (n) съ окружавшими его залами и другими покоемъ различной величины, вѣроятно назначенными для помѣщенія жрецовъ (o, o). Но этотъ громадный храмъ не оканчивался святилищемъ, какъ другіе храмы. Тутмосисъ III и его сестра окружили святилище новыми пристройками, которыя, какъ видно по грудамъ развалинъ, далеко тянулись по направлению къ востоку. Цѣлѣ другихъ сохранились остатки пространнаго зала (p), по всей вѣроятности тоже крытаго, какъ и описанный выше. Около 50 пилястръ и колоннъ поддерживали его массивную крышу. Лежащія вблизи обломки—колонны, пилястры, колоссальныя фигуры въ родѣ каріатидъ, заставляютъ предполагать, что къ залу примыкали еще другіе покои².

Неподалеку отъ Карнакскато храма находятся развалины другого не менѣе обширнаго храма-дворца, который былъ построенъ тоже въ честь Амона, фараонами Аменготепомъ III и Рамзесомъ II. Это такъ называемый нынѣ Луксорскій храмъ. Почти сходный по расположенію съ Карнакскимъ храмомъ, онъ былъ сверхъ того украшенъ колоссальными статуями фараоновъ. По обломкамъ колоссальныхъ сфинксовъ, покрывающимъ пространство между обоими храмами, можно заключить, что отъ одного храма къ другому вела дорога, обставленная двумя рядами сфинксовъ.

Вѣроятно, что вообще все храмы, лежавшіе неподалеку одинъ отъ другого, соединялись между собою такими аллеями, а построенные мѣстами на аллеяхъ ворота, въ родѣ храмовыхъ порталовъ, должны были, безъ сомнѣнія, служить архитектурическою связью между храмами. Множество развалинъ, разбѣянныхъ по обѣимъ сторонамъ Нила, достаточно убѣждаютъ въ этомъ. Та же аллея сфинксовъ, которая соединяла храмы Карнакскій и Луксорскій, захватывала и лежащій между ними небольшой храмикъ.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе обширныхъ сооруженийъ на поверхности земли, Египтяне устроивали не менѣе пространныя храмы во внутренности ея—именно въ скалахъ. Одинъ изъ такихъ подземныхъ храмовъ находится между прочимъ и въ Оивахъ, въ долинѣ Эль-Азизифъ. Онъ весь высѣченъ въ скалѣ и заключаетъ въ себѣ разнот величины покои, залы и дворы, съ порталами и лѣстницами ведущими въ верхніе этажи. Средній дворъ окруженъ внутри рядомъ колоннъ полигональной формы. Со стороны входа былъ выстроенъ передъ скалою свободный фасадъ съ порталомъ. Отъ него шла широкая, обставленная сфинксами аллея, соединявшая этотъ подземный храмъ съ большимъ храмомъ въ Карнакѣ. Слѣды аллеи и теперь ясно видны.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ развалинахъ дворца Рамзеса II въ Оивахъ, уцѣлѣли нѣсколько кирпичныхъ сводовъ, на кирпичачъ которыхъ оттиснуто имя этого фараона.¹

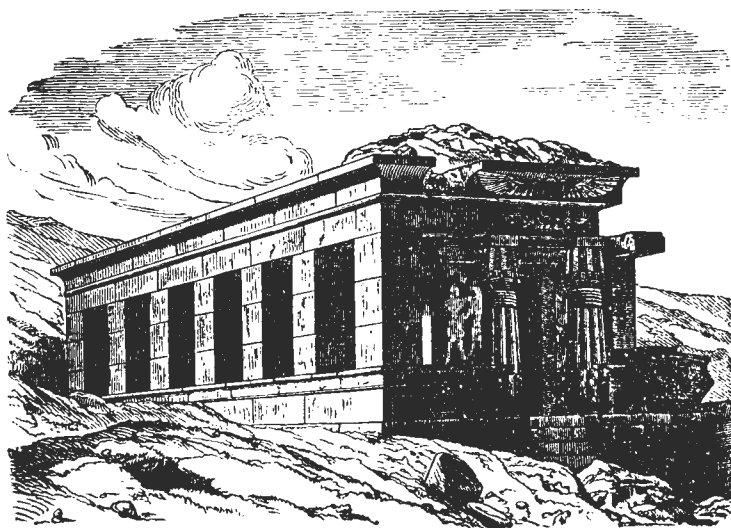
¹ H. Brugsch, Reiseberichte, S. 296. — * Планъ храма см. въ концѣ книги.

Небольшіе храмы.

Кромѣ великолѣпныхъ храмовъ-дворцовъ, подобныхъ выше описаннымъ, въ Египтѣ было множество небольшихъ храмовъ. Число египетскихъ божествъ было значительно и для каждаго божества требовалось особое мѣсто поклоненія. Тѣсная связь культа съ государственною жизнью, проникновеніе имъ всѣхъ житейскихъ отношеній вообще, усилили власть и вліяніе жрецовъ. Это вліяніе распространялось до отдаленнѣйшихъ предѣловъ страны. Уже въ доисторическое время было основано жрецами особое жреческое государство на оазисѣ Сива. Средоточіемъ этой общины было прорицалище Амона, отъ котораго остались теперь лишь едва замѣтные слѣды.— Въ самомъ Египтѣ было также нѣсколько прорицалищъ, устроенныхъ болѣе или менѣе богато. Отвѣты оракула давались между прочимъ и въ большомъ Карнакскомъ храмѣ-дворцѣ въ Оивахъ.

По уцѣлѣвшимъ остаткамъ небольшихъ храмовъ изъ времени 18-й династїи, видно, что существенное отличіе ихъ отъ храмовъ-дворцовъ заключалось въ отсутствїи пилоновъ и дворовъ. Они имѣли форму продолговатаго четырехсторонника; внутри были раздѣлены на нѣсколько различной величины покоевъ, а снаружи обнесены рядомъ колоннъ, или столбовъ, которые поддерживали выступъ плоской крыши зданія. По сторонамъ входа ставились обыкновенно, вмѣсто пилястръ, красивыя колонны съ лотосовыми капите-

Фиг. 66.

лями. Зданіе возводилось на прочномъ фундаментѣ, поднимавшемся выше поверхности земли; ко входу вела широкая каменная лѣстница. — Образцами такихъ храмиковъ могутъ служить — небольшой отдѣльно стоящій храмъ въ Элюиѣ, ¹ и два совершенно похожіе на него храма на островѣ Элефантинѣ (фиг. 66).

¹ Description de l'Égypte. Ant. Vol. I. Pl. 71, 2.

Къ этому разряду зданій принадлежатъ и такъ называемые тифоніи или мамизи. Кажется, однакожь, что ихъ стали строить только въ позднѣйшую эпоху царства, при Птоломеяхъ.

И здѣсь тоже главная часть зданія, или собственно святилище, окружена колоннами, поддерживающими плоскую крышу; но угловыя колонны замѣнены толстыми столбами пирамидальной формы, въ родѣ пилоновъ, и всѣ промежутки между окружающими зданіе столбами, за исключеніемъ промежутка, лежащаго противу входа, забраны до трети ихъ вышины отвѣсными каменными стѣнами. Капители кубической формы съ рельефнымъ изображеніемъ Тифона составляютъ главное и вмѣстѣ характеристическое украшеніе этихъ храмиковъ.

Промежуточные стѣны между колоннами встрѣчаются особенно часто въ зданіяхъ позднѣйшей эпохи египетской архитектуры. Онѣ сложены отвѣсно, гладки и завершены обыкновеннымъ египетскимъ карнизомъ, выгнутымъ желобообразно. Плоскія поверхности этихъ стѣнъ покрывались скульптурными изображеніями.

Небольшія четырехугольныя зданія, въ родѣ перистилія, состояція изъ крыши поддерживаемой колоннами въ одинъ рядъ, обносились тоже такими промежуточными стѣнами.—Назначеніе этихъ зданій, стоящихъ обыкновенно близъ большихъ храмовъ, какъ напр. на островѣ Филахъ (фиг. 59), неясно.

Какъ ревностно продолжалось сооруженіе религіозныхъ зданій даже и въ теченіи этой послѣдней эпохи Египетскаго царства, доказываютъ, кромѣ множества небольшихъ храмиковъ, разбѣянныхъ по всей странѣ, построенные въ это время обширные и богатые храмы въ Эдфу (Apollinopolis magna), въ Дендера (Tenhyris), на о. Филахъ и многіе другіе. ¹ И въ этихъ храмахъ колонны нѣкоторыхъ залъ и дворовъ соединены между собою промежуточными стѣнами, а угловые наружныя столбы похожи на пилоны.

Строительная дѣятельность Египтянъ не прекращалась даже и подъ римскимъ владычествомъ; напротивъ того, она кажется еще болѣе усилилась, такъ что постройки ихъ доходили въ то время далеко въ глубь страны — до самыхъ границъ Эіоііи. ²

Послѣ величественныхъ храмовъ-дворцовъ и другихъ зданій, посвященныхъ культу, важнѣйшими сооруженіями Египтянъ были гробницы. Устройство ихъ развило въ Египтѣ особое искусство—каменнѣе (Hau-Kunst) въ собственномъ смыслѣ. За исключеніемъ пирамидъ, гдѣ погребались фараоны, и громаднаго храма-дворца на западной окраинѣ Оивъ, который считается, безъ достаточныхъ впрочемъ основаній, гробницею царя Озимандіаса и подробно описанъ Діодоромъ (I, 47 и слѣд.) и Страбономъ (XVII), всѣ сохранившіяся египетскія гробницы состоятъ изъ подземныхъ гротовъ, чрезвычайно искусно вытѣченныхъ въ скалахъ.

Гробницы фараоновъ на поверхности земли — пирамиды Мемфиса ³ — похожи на искусственно нагроможденные скалы, съ гrotами и ходами внутри. Прототипомъ ихъ была куча пирамидально

¹ Подробнѣе о нихъ въ F. Kugler's *Gesch. der Baukunst*, S. 65. ff., тамъ же и рисунки. — ² R. Lepsius *Briefe*, S. 151.

³ Howard Vyse, *The Pyramids of Gizeh*. London 1839. Съ атласомъ in fol.

сложенныхъ камней. Египтяне дали этому первобытному памятнику архитектурическую правильность и законченность и создали пирамиду. Назначенныя служить мѣстомъ вѣчнаго успокоенія владыкамъ Египта, пирамиды должны были громадностью своею напоминать величіе тѣхъ, кого онѣ скрывали въ своихъ нѣдрахъ, а своею прочностью, недоступностью никакимъ разрушительнымъ вліяніямъ, обезпечивать имъ невозмутимый покой на вѣчныя времена. И вотъ уже болѣе трехъ тысячелѣтій пережили эти гигантскіе монументы. Любознательности удалось проникнуть въ ихъ внутренность. Цѣлыя поколѣнія налагали на нихъ разрушительную руку и утомлялись разрушеніемъ, а онѣ стоятъ еще и теперь, какъ упрекъ варварству разрушителей и какъ несокрушимое свидѣтельство изумительной энергіи и силы воли своихъ едва не доисторическихъ строителей.

Пирамиды, о которыхъ идетъ рѣчь, всѣ громаднѣйшихъ размѣровъ. Самая большая изъ нихъ — по надписи, царя Хуфу (Хеопса) — имѣетъ еще и теперь 764 фут. шир. съ каждой стороны основанія, и 480 ф. вышины. Масса ея вычислена въ нѣсколько мѣсте 90 милл. куб. футовъ. Немного меньше другая, болѣе древняя пирамида, называемая гробницею царя Шафры (Хефренъ). Вышина ея равнялась 454 фут., ея объемъ нѣсколько болѣе 71 милл. куб. фут. — Вышина третьей и самой меньшей пирамиды — царя Менхереса (Микериноса) — не превосходитъ 218 футовъ.

Какъ эти, такъ и вообще всѣ египетскія пирамиды, лежащія группами на лѣвомъ берегу Нила — этомъ кладбищѣ Египтянъ — обращены своими сторонами прямо противъ четырехъ странъ свѣта. Всѣ онѣ сложены изъ гладко обтесанныхъ четырехугольныхъ камней и снаружи покрыты плитами твердаго камня — «вѣчными» какъ называютъ ихъ очевидцы Геродотъ (II, 124 и слѣд.) и Діодоръ (I, 63 и слѣд.), разумѣя гранитныя плиты. — Во внутренности этихъ крѣпко сплоченныхъ каменныхъ массъ продѣланы, сравнительно очень узкіе, поднимающіеся и опускающіеся проходы (корридоры) и вертикальныя шахты (Stollen). Корридоры ведутъ въ четырехугольный покой съ отвѣсными стѣнами, тоже обложенными гранитными плитами. Это — гробничная камера. Величина ея въ Хеопсовой пирамидѣ равняется 32 фут. въ длину, 10 ф. въ ширину и 19 фут. въ высоту. Для противодѣйствія давленію верхней части, потолокъ камеры подпиертъ пирамидальными столбами, сложенными изъ обтесанныхъ же четырехугольныхъ камней. — Входъ въ пирамиды тщательно запирался и закладывался плитами такъ, что его нельзя было отличить отъ остальной облицовки. — При каждой пирамидѣ, съ восточной ея стороны, выстраивался небольшой храмикъ, иногда въ связи съ пирамидою, иногда отдѣльно.

Къ замѣчательнымъ остаткамъ древняго Мемфиса принадлежитъ также и извѣстный колоссальный сфинксъ. Настоящее его назначеніе и до сихноръ еще не уяснено. Между протянутыми передними его лапами возвышается также небольшой храмъ. Можно предполагать, что этотъ храмъ служилъ входомъ въ подземные гробничныя покои, которые въ свою очередь соединялись ходами съ внутренностью пирамидъ. ¹ Недавно открытые

¹ S. Birch. On Excavations by Capt. Caviglia in 1816, behind, and in the neighbourhood of the great Sphinx. Съ гравюрами.

(французскимъ ученымъ Мариеттомъ) на юговостокъ отъ сфинкса остатки столбовой постройки безъ крыши, принадлежали безъ сомнѣнія тоже къ одному изъ зданій посвященныхъ культу мертвыхъ.

Остальныя египетскіе пирамиды уступаютъ описаннѣмъ выше какъ объемомъ, такъ и вышиною. Иныя изъ нихъ—правда значительно разрушенныя—поднимаются едва ли выше 20 фут. надъ поверхностью земли. Часто пирамиды одной и той же группы значительно разнятся между собою какъ размѣрами, такъ и матеріаломъ, изъ котораго онѣ построены. Однѣ изъ нихъ—сложены изъ простыхъ неотесанныхъ камней, болѣе или менѣе искусно сплоченныхъ; другія выведены изъ кирпичей и только снаружи обложены плитами изъ болѣе твердаго камня; третьи, наконецъ, — изъ однихъ только высушенныхъ плитъ нильскаго ила безъ всякой обшивки. — По нѣкоторымъ оставшимся неоконченнымъ пирамидамъ видно, что онѣ клались уступами, которые потомъ постепенно расширялись обкладкою изъ камней. — Прибавимъ въ заключеніе, что по словамъ Геродота (II, 149) и Діодора (I, 52), на вершинѣ большихъ пирамидъ ставилась иногда колоссальная сидячая статуя фараона, вѣроятно, въ видѣ божества.

Подземныя царскія гробницы ¹

Принадлежатъ исключительно фараонамъ 18-й, 19-й и 20-й династій. Всѣ онѣ лежатъ на лѣвой сторонѣ Нила, неподалеку отъ Курны (Qurnah), въ узкой, раскаляемой солнцемъ и совершенно пустышной скалистой ложбинѣ, которая и названа по нимъ Бибан-эль-молюкъ «ворота царей». Ложбина раздвояется на восточный и западный рукавъ. Въ послѣднемъ расположены большую часть гробницы 18-й династіи, и въ числѣ ихъ гробницы фараоновъ Ли и Аменготепа III.

Всѣ гробницы устроены по одинаковому плану. Передъ каждою находится довольно большое пространство въ родѣ двора. На него выходитъ высѣченная въ скалѣ, четырехугольная дверь — первоначально плотно закрытая. Надъ дверью высѣчено символическое украшеніе подземныхъ гробницъ: бараньеголовой богъ Амонъ въ солнечномъ дискѣ и подлѣ — священный жукъ. За дверью начинается постепенно опускающійся проходъ, къ которому примыкаютъ другіе узкіе и широкіе проходы, то идущіе въ глубь, то поднимающіеся вверхъ; мѣстами эти корридоры перерываются комнатами и залами разной величины, которые иногда соединяются боковыми ходами съ меньшими камерами. Другіе проходы или корридоры, опускающіеся въ низъ какъ колодцы или шахты, ведутъ въ нижніе покои и залы, соединенные между собою такими же переходами, какъ и верхніе. Углубляясь далѣе во внутрь скалы, приходятъ наконецъ въ главный залъ, заключающій въ себѣ каменный саркофагъ. Потолокъ этого зала высѣченъ сводообразно и подпертъ толстыми, четырехугольными столбами. Такіе столбы попадаются иногда и въ другихъ большихъ покоехъ, гдѣ, кромѣ того, потолоки подперты для большей прочности сводами изъ нильскаго кирпича.

¹ Belzoni. Descript. of the Egypt. Tombs. London. 1822.

Главное убранство этихъ гробницъ, изъ коихъ каждая представляетъ отдѣльное и законченное цѣлое, составляютъ ярко расписанныя рельефныя изображенія частью историческаго, частью мифологическаго содержанія, которыми почти до излишества покрыты всѣ стѣны. Кромѣ того, на потолкахъ нѣкоторыхъ комнатъ представлены небесныя свѣтила. Особенно богато расписаны стѣны покоя, въ которомъ хранилась мумія фараона. Основной цвѣтъ стѣнъ былъ золотисто-желтый, такъ что весь покой казался какъ бы вызолоченнымъ. — Иногда позади его устраивались еще другіе корридоры и комнаты. Повидимому, отстройка пирамиды оканчивалась лишь со смертью царя, которому она должна была служить гробницею.

Г р о б н и ц ы ц а р и ц ы

принадлежать тоже, какъ и гробницы фараоновъ, 18-й 19-й и 20-й династіямъ, и также высѣчены въ скалахъ. Онѣ занимаютъ особую часть обширнаго египетскаго некрополя и называются по арабски Бибан-э-султанатъ. Устройство ихъ малымъ чѣмъ отличается отъ устройства описанныхъ гробницъ, только онѣ гораздо меньше тѣхъ. Изображенія на стѣнахъ, тоже большею частью мифологическія, натурально относятся здѣсь къ особѣ царицы. Главную роль въ нихъ играетъ Изиды, какъ первенствующая богиня египетскаго Олимпа.

Г р о б н и ц ы з н а т н ы х ъ

только въ древнѣйшее время существенно отличались отъ царскихъ; по крайней мѣрѣ по своей внѣшности онѣ были нисколько не похожи на громадные пирамидальные памятники фараоновъ. — Гробницы царскихъ чиновниковъ, на мемфискомъ некрополѣ, относящіяся къ эпохѣ постройки пирамидъ, состоятъ изъ высѣченной въ скалѣ камеры съ низкою пристройкою, на подобіе пилона, передъ входомъ. Много такихъ камеръ сохраняется въ Берлинскомъ музее. Всѣ онѣ имѣютъ форму прямоугольнаго четырехсторонника, съ пирамидально суживающеюся кверху переднею стѣною, на которую опирается плоская крыша, обведенная простымъ желобовиднымъ карнизомъ. Надъ дверью, пробитою посрединѣ стѣны, лежитъ круглый каменный брусъ — намекъ на первобытныя деревянныя постройки. Стѣны этихъ камеръ снаружи и внутри покрыты очень плоскими рельефными изображеніями, на которыхъ еще замѣтны слѣды окраски. Надписи объясняютъ содержаніе изображеній и называютъ имя погребеннаго, съ полнымъ его титуломъ. Входы этихъ гробницъ обращены всѣ на востокъ. Крутой спускъ ведетъ въ гробничный покой, гдѣ лежитъ мумія умершаго; къ этому покою примыкаютъ нѣсколько другихъ помѣщеній, въ которыхъ отправлялись поминки по умершемъ. На стѣнахъ боковыхъ камеръ высѣчены тоже различныя изображенія, между прочимъ важнѣйшія событія изъ жизни покойнаго, жертвоприношеніе и кромѣ того — во всѣхъ гробницахъ безъ исключенія — таблица жертвоприношеній. — Другія гробницы той же эпохи, которыми какъ ячейками изрыты уступы скалъ, проще и меньше вышеописанныхъ. Онѣ состоятъ изъ одной только главной камеры, съ рельефными фигурами семейства покойнаго на стѣнахъ и крутымъ спускомъ въ глубь скалы, къ мѣсту, гдѣ положена му-

мія. — Но возстановленіи египетскаго царства, когда любовь къ пышности замѣнила прежнюю простоту жизни, знатные тоже стали строить себѣ, не щадя издержекъ, обширныя гробницы съ длинными и широкими корридорами, сходами, камерами и залами, даже съ пространными преддверіями и галлеями. Передъ входами въ гробницы устраивали иногда цвѣтники, наполненные рѣдкими цвѣтами и растеніями. Особенное вниманіе было обращено на скульптурное убранство покоевъ и ходовъ. Въ паллежущихъ мѣстахъ были поставлены жертвенные столы, нужная для жертвоприношеній утварь, поминальные доски съ молитвами за умершаго и пр. Входъ запирался тяжелою, массивною дверью, отворять которую могли только владѣтель гробницы и приставленный къ ней караульщикъ. — Вычислено, что подобныя гробницы частныхъ лицъ изъ времени 26-й династіи (675—525 до Р. Х.) занимаютъ площадь почти въ 24000 кв. футовъ.

Собственно простонародныя гробницы

были разумѣется гораздо проще. Каждый городъ имѣлъ свое собственное подземное кладбище, состоявшее изъ камеръ и гротовъ, соединенныхъ между собою перекрещивающимися ходами, и расположенныхъ одинъ надъ другимъ въ нѣсколько этажей. Муміи, большею частью безъ саркофаговъ, въ однихъ только полотняныхъ оболочкахъ, складывались въ каждомъ этажѣ одна подлѣ другой до самого верха. Нижніе этажи брали себѣ люди болѣе зажиточные, а въ верхнихъ хоронили бѣдныхъ. Едва ли впрочемъ вѣроятно, чтобы всѣ труны были бальзамируемы и складываемы въ эти подземныя гробницы. Еслибы такъ было на самомъ дѣлѣ, то скалы нильской долины должны были бы хранить въ своихъ нѣдрахъ всѣ поколѣнія Египтянъ, смѣнявшіяся въ теченіе тысячелѣтій.

Если по уцѣлѣвшимъ гробницамъ и развалинамъ храмовъ мы имѣемъ возможность съ достаточною полнотою возстановить эти зданія въ ихъ первоначальномъ видѣ, то свѣдѣнія наши о другихъ сооруженіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ государственной и общественной жизни Египтянъ, крайне скудны.

О самомъ замѣчательнѣйшемъ изъ нихъ — о колоссальномъ баесейнѣ и шлюзахъ Аменемге III, которые были построены около 2500 до Р. Х. — мы знаемъ лишь по разсказамъ древнихъ писателей. Другія гидравлическія сооруженія, въ томъ числѣ начатыя при Нехо и при Даріѣ еще неоконченный громадный каналъ, который долженъ былъ соединить Нилъ съ Чернымъ моремъ, исчезли подъ пескомъ пустыни, оставивъ по себѣ мѣстами едва замѣтные слѣды. Что же касается до уцѣлѣвшихъ и до сихъ поръ въ значительномъ количествѣ иломѣровъ,¹ къ которымъ спускались по ступенямъ, то они относятся къ позднѣйшей эпохѣ.

О постройкѣ дорогъ и мостовъ въ Египтѣ или о какихъ либо особыхъ учрежденіяхъ по отношенію къ торговлѣ, развившейся тамъ въ позднѣйшее время — у насъ тоже нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній.

¹ Рисунки въ Panckoucke Descript. de l'Égypt. Vol. I. Pl. 33.

Отъ колоссальнаго лабиринта, который былъ построенъ на мѣстѣ старинной пирамиды при фараонахъ 26-й династии, уцѣлѣли только развалины подземнаго этажа, да и тѣ занесены пескомъ пустыни, такъ что отъ этого нѣкогда величественнаго зданія остались теперь одни лишь едва замѣтные слѣды. ¹ Геродотъ (II, 148), Диодоръ (I, 61, 66), Страбонъ (XVII) и другіе путешественники, еще видѣвшіе лабиринтъ, единогласно ставятъ его «выше всякихъ описаній». Ихъ рассказы о немъ, впрочемъ, такъ же сбивчивы, какъ вѣроятно были сбивчивы для посѣтителей лабиринта тѣ безчисленные ходы, камеры и залы, которые во всѣхъ направленіяхъ прорѣзывали его верхній и нижній этажи.

Особый родъ строительной дѣятельности составляла постройка и расширение городовъ и мѣстечекъ внутри Нильской долины. По причинѣ періодическихъ разливовъ Нила, города приходилось строить на искусственныхъ твердыхъ насыпяхъ. Постройка насыпей была тяжелою, но необходимою работою, на которую Египтяне съ самаго начала были обречены мѣстными условіями. При позднѣйшихъ фараонахъ стали употреблять на неѣ преимущественно военноплѣнныхъ, рабовъ и т. п. Такія насыпи могли при случаѣ служить городу и надежною защитою отъ непріятельскихъ нападений, какъ напр. насыпь древняго Мемфиса, который, по Геродоту (II, 99) и Диодору (I, 50), былъ окруженъ вдобавокъ еще рвами.

Военная архитектура

возникла въ Египтѣ однакожь не ранѣе, какъ по изгнаніи Гиксосовъ, въ періодъ новаго царства, но никогда не достигала значительнаго развитія, которому скорѣе препятствовало, чѣмъ помогало самое положеніе страны. Огражденный съ востока и запада скалами и пустынею, Египетъ пуждался лишь въ нѣсколькихъ укрѣпленіяхъ на сѣверной и южной границахъ, чтобы воплію обезопасить себя отъ вѣдшихъ нападений.

Первое укрѣпленіе въ Египтѣ восходитъ ко временамъ Тутмосиса III. Изгнавъ Гиксосовъ изъ Египта и чтобы предохранить страну отъ дальнѣйшихъ вторженій ихъ, этотъ фараонъ построилъ крѣпость на перешейкѣ соединяющемъ Африку съ Азією. Рамзесъ II замѣнилъ эту крѣпость громадною стѣною, которая пересѣкала весь перешеекъ, отъ Пелузіума до Геліополиса.

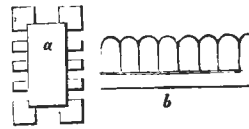
Впослѣдствіи, Египтяне начали строить свои укрѣпленія вѣроятно по образцу передне-азійскихъ (ибо только эти послѣднія встрѣчаются на египетскихъ памятникахъ), но гораздо массивнѣе и прочнѣе, такъ какъ строительнымъ матеріаломъ въ Египтѣ былъ камень, а въ малой Азіи преимущественно кирпичъ.

Немногія уцѣлѣвшія остатки древнеегипетскихъ укрѣпленій, особенно развалины нагорныхъ крѣпостей близъ Сіене (Syene—нынѣшн. Ассуанъ), показываютъ необыкновенную прочность постройки. Эти крѣпости лежатъ

¹ Г. Эрбьямъ (Erbkamm) могъ еще сдѣлать, подъ руководствомъ Лепсіуса, попытку возстановить планъ лабиринта по уцѣлѣвшимъ остаткамъ подземнаго этажа (Denkmäler. Abhdlg I, Taf. 46); но Бругшъ (Brugsch) уже едва могъ открыть кое-какія слѣды его.

на вершинахъ двухъ горныхъ кражей, близко сходящихся въ этомъ мѣстѣ. Подземные этажи ихъ выведены изъ гранита, а стѣны сложены изъ большихъ плитъ песчаника и, какъ вообще въ египетскихъ зданіяхъ, съ наружной стороны отлоги. По гіероглифу соответствующему слову «крѣпость — укрѣпленіе — замокъ» (фиг. 67, а) можно заключить, что на углахъ крѣпостей были выступы въ родѣ башень, а на гребнѣ стѣны — зубцы, или простой кубической формы, или же — и вѣроятно большею частью — закругленные (фиг. 67, б), подобно зубцамъ на стѣнахъ вышеописаннаго дворца Рамзеса III въ Мединетъ-Абу.

Фиг. 67.

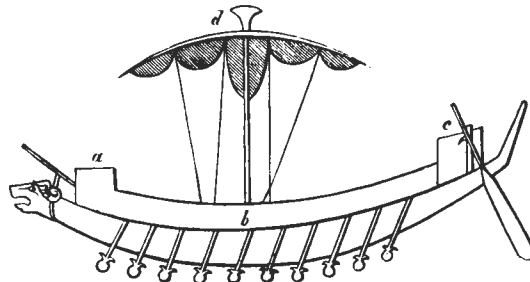

Свойственное Египтянамъ пристрастіе къ симметріи и правильности обнаруживалось и въ расположенія ихъ ратнаго става. Мѣсто подъ него назначенное отбивалось правильнымъ квадратомъ и обносилось тыномъ. Внутри этой ограды размѣщались ставки для воиновъ, по роду ихъ вооруженія, ставка военачальника и склады военныхъ снарядовъ. Сверхъ того отводилось мѣсто для военныхъ упражненій и религиозныхъ обрядовъ. — Слѣды оконцовъ, замѣтные на восточной сторонѣ Нила, недалеко отъ Оивъ, принимались нѣкоторыми за остатки древнеегипетскаго постояннаго лагеря. — Покоривъ страну, фараоны оставляли въ ней на память о побѣдѣ или собственное свое изображеніе въ полномъ вооруженіи, высѣченное на скалѣ, или колонну съ надписью.

Военно-морскія сооруженія Египтянъ, по всей вѣроятности, не шли далѣ постройки судовъ. Уже въ самомъ началѣ новаго царства, — около половины 17-го столѣтія до Р. Х., — Тутмосисъ I сдѣлалъ начальника морскихъ силъ высшимъ сановникомъ государства. Военный флотъ Рамзеса II состоялъ изъ 400 судовъ, снабженныхъ значительнымъ экипажемъ. Изображенія морскихъ сраженій, встрѣчаемая на египетскихъ памятникахъ доказываютъ несомнѣнно, что Египтянамъ были знакомы битвы на морѣ.

Были ли египетскія суда плоскодонныя или килевыя — опредѣлить трудно на основаніи изображеній; такъ же мало можно узнать по нимъ что нибудь

Фиг. 68.

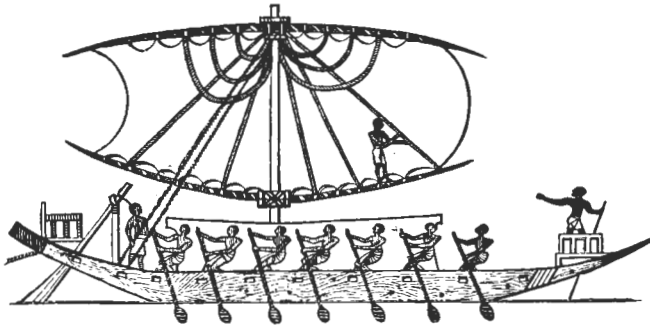
положительное и о величинѣ судовъ, такъ какъ въ размѣрахъ фигуръ не соблюдено никакой пропорціи. Видно только (фиг. 68), что это были большею частью довольно длинныя галеры, въ которыхъ гребцы занимали ниж-

нюю часть. Какъ гребцы, такъ и помѣщавшіеся на палубѣ стрѣльцы были защищены отъ непріятельскихъ стрѣлъ толстыми загородками (b). Мѣсто рулевого было выше остальной палубы (e). На носу былъ устроенъ родъ парашета (a) для прикрытія стрѣльцовъ, которые защищали переднюю часть корабля. На мачтѣ (d) помѣщался обыкновенно пращникъ. Эти суда были, кажется, только объ одной мачтѣ съ однимъ реемъ. Фигура на носу отличала ихъ отъ невоенныхъ судовъ.

Судостроеніе

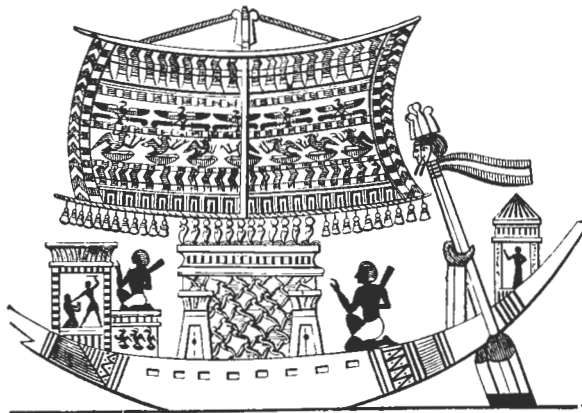
развилось въ Египтѣ очень рано. Частыя наводненія, которымъ подвергалась страна, безъ сомнѣнія не мало способствовали его развитію. Уже на стѣнахъ древнѣйшихъ мемфисскихъ гробницъ встрѣчаются изображенія,

Фиг. 69.

представляющія изготовленіе лодокъ изъ папируса, которыми такъ славились Египтяне; а на позднѣйшихъ памятникахъ мы уже видимъ плывущія съ грузомъ большія рѣчныя суда, со снастями, каютами, словомъ — со всею принадлежностью настоящаго судна (фиг. 69). Обыкновенныя перевозныя

Фиг. 70.

суда, такъ подробно описанія Геродотомъ (II, 36; 96), не смотря на первобытность ихъ постройки, могли однакожь поднимать грузы въ нѣсколько

тысяч талантовъ. Они плавали по всей судоходной части Нила и поддерживали весьма оживленныя сношенія между разными мѣстностями государства.

Кромѣ этихъ полезныхъ судовъ, по священнымъ струямъ Нила плавали роскошныя суда знатныхъ и богачей, блиставшія позолотой, яркими красками и пестрыми парусами изъ дорогихъ матерій. Лодки или шлюпки фараоновъ и верховныхъ жрецовъ превосходили великолѣпіемъ все остальные и сверхъ того отличались отъ нихъ соответственными символическими и гіероглифическими изображеніями (фиг. 70). Къ этимъ судамъ какъ нельзя ближе подходитъ описаніе роскошныхъ тирійскихъ судовъ, сдѣланное Езекилемъ (XXII); а потому можно не безъ основанія предположить, что тирійскія суда, можетъ быть уже издавна славившіяся роскошью убранства, послужили образцомъ и для судовъ фараоновъ.

Утварь.

Изображенія различной утвари встрѣчаются во множествѣ на египетскихъ памятникахъ. Со свойственной египетскому искусству условностью, эти изображенія представляютъ каждый предметъ въ одномъ линейномъ очеркѣ, безъ всякой перспективы, но за то безъ малѣйшаго искаженія свойственной ему формы, и съ разныхъ сторонъ — то спереди, то сбоку, то сверху, такъ что, соединяя эти отдѣльныя начертанія, можно составить себѣ полное представленіе о формѣ предмета.

Вліяніе восточной культуры на образъ жизни Египтянъ нигдѣ такъ не очевидно, какъ именно въ умноженіи и усовершенствованіи различныхъ принадлежностей и потребностей комфорта и роскоши. — Во все время существованія стараго царства, — какъ видно изъ надписей и изображеній на памятникахъ той эпохи, — Египтяне ограничивались въ домашней обстановкѣ только самымъ необходимымъ. Занятые преимущественно воздѣлываніемъ естественныхъ произведеній для обезпеченія своего существованія, они не имѣли времени заботиться объ удобствахъ жизни. Только послѣ того, какъ имъ удалось обработать свои земли, упрочить ихъ плодородіе и доходность, обратились они къ собственно ремесленнымъ занятіямъ. Возникновенію ихъ вѣроятно способствовала мѣновая торговля, которую вели Египтяне съ переднею Азіею. Но нѣсколько значительная ремесленная дѣятельность начала развиваться въ Египтѣ только передъ концомъ стараго царства, — въ періодъ процвѣтанія послѣдняго. Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ этого служатъ для насъ барельефы на гробницахъ Бени-Гасана. На нихъ очень обстоятельно представлены различныя производства, по которымъ можно заключить, что въ Египтѣ существовало правильно организованное сословіе ремесленниковъ. Остается нерѣшеннымъ только одно — какія ремесла принадлежали исключительно туземцамъ и какія перешли къ нимъ отъ другихъ народовъ. Позднѣйшіе Египтяне, любившіе относить все къ своей странѣ, приписывали изобрѣтеніе очень многихъ ремеселъ Изидѣ и Озирису (Дюд. I, 14 и слѣд.).

Не смотря однакожь на развитіе, котораго достигла египетская промышленность передъ паденіемъ стараго царства, она ограничивалась производствомъ однихъ только предметовъ первой необходимости; всѣ же предметы роскоши, которыми блистали дворцы и казнохранилища фараоновъ и жилища знатныхъ и богатыхъ въ эпоху новаго царства, получались изъ Азіи, большею частью въ видѣ дани отъ побѣжденныхъ Египтянами народовъ. По крайней мѣрѣ ни на одномъ египетскомъ памятникѣ нѣтъ даже и малѣйшаго указанія на изготовленіе туземными ремесленниками такой блестящей утвари, какая поименована и изображена въ сохранившихся спискахъ полученной отъ азіатскихъ народовъ дани. Такъ мы видимъ, что «Кѣфа» (жители о. Кира) ¹ и «Ретенну» (Каппадокійцы) присылали роскошные сосуды иныя народы платили дань золотомъ, другіе богатыми коврами и т. п. ² — Важную статью дани составляло также оружіе и военныя колесницы самой роскошной отдѣлки. ³

Изображенія различныхъ производствъ, вызванныхъ роскошью, встрѣчаются впервые на памятникахъ, относящихся къ новому царству (кромѣ золотыхъ-дѣлъ-мастерства, которое попадаетъ и на древнѣйшихъ памятникахъ). Здѣсь мы уже видимъ столяровъ, пищиковъ, живописцевъ, камнетесовъ, колесничниковъ, а также башмачниковъ, дѣлателей сандалій и т. п.; тогда какъ на гробничныхъ барельефахъ Бени-Гассана представлены только ткацкое, валяльное, кожевенное, горшечное и другія простыя мастерства. Нѣкоторыя изъ нихъ повторены и на новѣйшихъ памятникахъ, но уже въ усовершенствованномъ видѣ, какъ напр. литейное и золотыхъ дѣлъ, и особенно ткацкое, развившееся до изготовленія тонкихъ тканей и матерій для одежды.

Ремесленническіе инструменты

были разнообразны, но вообще очень просты. Сложнѣе и совершеннѣе остальныхъ были кажется инструменты для деревянныхъ работъ — плотничные и столярные. Они состояли изъ разнаго вида топоровъ (фиг. 71, l), круглыхъ, плоскихъ и остроконечныхъ долотъ (фиг. 71. b — c), и большихъ и малыхъ пилъ (фиг. 71. m). Топоры и долота были издавна извѣстны Египтянамъ; пилы же, какъ видно по памятникамъ, стали входить во всеобщее употребленіе только въ эпоху новаго царства, также какъ линейка, наугольникъ (фиг. 71, i) и — какъ можно заключить по гіероглифу — отвѣсъ (фиг. 71. k). Другіе гіероглифы указываютъ на употребленіе разной величины рѣзцовъ, небольшихъ клещей и иныхъ мелкихъ инструментовъ. Буравъ (фиг. 71, a) принадлежалъ, кажется, тоже къ числу позднѣйшихъ инструментовъ.

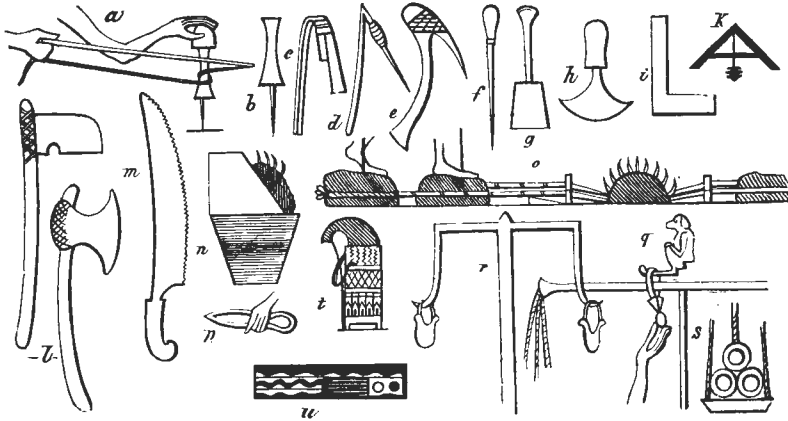
Живописцы, маляры и лакировщики, расписывавшіе, красившіе и покрывавшіе лакомъ издѣлія столяровъ, работали кистями, обыкновенно плоскими; краски разводили въ небольшихъ сосудахъ, примѣшивая къ нимъ клею, который, во время работы, держали на огнѣ въ небольшомъ тигель.

¹ См. рисунокъ у Rosellini II (mon. stor.) Табл. CLIX. — ² H. Brunsch Reiseberichte, стр. 327.

³ Birch, Statistical Tablet of Karnak.

Писцы, расписывавшіе гіероглифами ящики и т. п. носили всё принадлеж-ности своего ремесла, важнѣйшею изъ коихъ была продолговатая палитра (фиг. 71, и), въ красивой корзинкѣ съ ручкой (фиг. 71. l).

Фиг. 71.

Вышеописанными инструментами пользовались и другіе ремесленники, преимущественно же кожевники и колесничники. Кожевники, къ которымъ причислялись вѣроятно и башмачники, употребляли кромѣ того: шило, иглу, кривой рѣзакъ (фиг. 71, h), совсѣмъ похожій на пылѣшній, а также плоскій скобель, металлическія и деревянные колотушки разной величины (фиг. 71, g) и закругленные сверху деревянные станки для скобленія, выколачиванія и сгибанія кожъ. Инструменты камнетесовъ и ваятелей походили на пылѣшніе и состояли изъ молотковъ, рѣзцовъ, отвѣса и шлифовальныхъ камней; у кирпичниковъ имѣлись особыя, штемпелеванныя формы, въ которыя они вдавливали смѣшанный съ соломой нильскій илъ; образовавшіеся кирпичи высушивали или на солнцѣ или на огнѣ.

Глиняные сосуды — бывшіе въ общемъ употребленіи, кажется, уже и въ старомъ царствѣ — дѣлались на низенькихъ деревянныхъ станкахъ, которые приводились въ движеніе лѣвою рукою, между тѣмъ какъ правую лѣпили сосудъ. Обжигали эти сосуды въ высокихъ, продолговатыхъ печахъ, куда ихъ ставили рядами. — Стекланную посуду выдували съ помощію длинныхъ трубокъ изъ тростника.

Изъ принадлежностей металлическихъ производствъ — молотковъ, клещей, щипчиковъ (фиг. 71), тигелей и пр. особенно замѣчательны по своему разнообразію горны и вѣсы. Горны были или ручные (фиг. 71, n), или настоящія кузнечныя горны съ мѣхами. Мѣхи были большіе кожаные мѣшки съ привѣшанными къ нимъ длинными трубками, доходившими до огня въ горнѣ. Дѣйствовали ими, попеременно нажимая одинъ мѣхъ ногами и поднимая другой посредствомъ снуровъ (фиг. 71. o). Древнѣйшіе вѣсы состояли съ простаго двулучнаго коромысла на подставкѣ (фиг. 71. r); впоследствии, коромысло дѣлали иногда подвижнымъ посредствомъ кольца, которое

придерживалось крючкомъ, обыкновенно имѣвшимъ форму обезьяны—эмблемы равновѣсія (фиг. 71. q). ¹ Къ большимъ вѣсамъ придѣлывали стрѣлку, остриемъ обращенную внизъ.

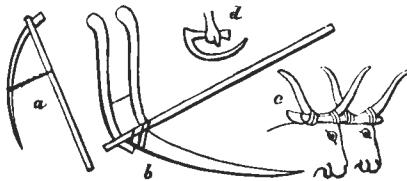
Старишние ткацкіе станки Египтянъ имѣли видъ простыхъ рамъ, положенныхъ горизонтально на очень низкіе подставки, и потому были крайне неудобны. Только по возстановленіи царства вошли въ употребленіе болѣе удобные и усовершенствованныя станки, чрезвычайно облегчившія занятія ткачей. Они ставились перпендикулярно и, какъ видно по изображенію въ Элиои, приводились въ движеніе посредствомъ нѣкотораго механизма. ²— Для вязанья и плетенья употреблялись четверугольныя рамы; а для пряденья веретена. Нѣсколько веретень, красиво сплетенныхъ изъ тростинокъ, были найдены въ египетскихъ гробницахъ. — Для очистки льна и хлопчатой бумаги были въ употребленіи деревянные гребни, потомъ сосуды для мочки сырья, подставки съ вилками, черезъ которые пропускали пряжу, острые камни, которыми её гладили и т. д. Во время Геродота (II, 35) ткачествомъ занимались преимущественно мужчины и ткали сидя; по изображеніямъ на древнѣйшихъ памятникахъ видно однакожь, что въ старину оно было также однимъ изъ главныхъ занятій женщинъ. — Канатчики работали особымъ инструментомъ въ видѣ трубки съ тяжелымъ привѣсомъ. Эту трубку канатчикъ привязывалъ себѣ къ поясу; къ одному концу ея прикрѣплялъ шнуры назначенные для веревки, натягивалъ ихъ и давалъ сильный размахъ привѣсу, отчего трубка приходила въ быстрое вращательное движеніе и шнуры скручивались. ³

Орудія и снаряды для добыванія естественныхъ произведеній, —

земледѣльческіе, охотничьи, рыболовные, — удержали до самаго конца египетскаго государства свою первоначальную простоту и несложность. Цѣлесообразное устройство ихъ было указано въ самомъ началѣ потребностями тѣхъ занятій, для которыхъ они служили, а послѣдующее распространеніе роскоши не могло имѣть на нихъ никакого вліянія.

Какъ видно по многочисленнымъ изображеніямъ на памятникахъ стараго и новаго царства, главными земледѣльческими орудіями Египтянъ были: деревянная мотыга, плугъ и серпъ (фиг. 72. a, b, d). Мотыгой

Фиг. 72.

взрывали и разрыхляли почву, а потому она дѣлалась иногда съ широкимъ концомъ, на подобіе лопаты. Плугъ былъ, собственно говоря, та же мотыга, только увеличенная и снабженная двумя рукоятками. Его употребляли лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда почва (плодоносный шильскій пня) была слиш-

¹ H. Brugsch, Reiseberichte, стр. 313. (Изъ этого несовсѣмъ яснаго описанія и приложеннаго рисунка, можно кажется заключить, что второй родъ вѣсовъ былъ нѣчто подобное безвѣну на подставкѣ. Пер.) ² Wilkinson II, p. 84 seq. — ³ Rosellini II (mon. eg.) Табл. LXX, 11.

комъ суха и мотыга еѣ не брала. Пахали отчасти людьми, отчасти быками, которыхъ пристегивали къ дышлу посредствомъ ярма, навязаннаго имъ на лбы (фиг. 72, с). Серпы были безъ сомнѣнія металлическіе. Срѣзанный хлѣбъ собирали въ кучи или сгребая длинными тростями съ развилиною на концѣ, или же сметая метлами. Молотьба производилась быками, которыхъ заставляли вытантывать сжатые колосья; въялп, взбрасывая вытоптаннаго зерна въ небольшихъ деревянныхъ ночвахъ.

Снаряды для выдѣлки вина, ячменнаго сока (Дюд, I, 20) и масла—давильные чаны и тиски — принадлежать уже позднѣйшему времени, эпохѣ новаго царства. По гробничнымъ картинамъ въ Бенигассапѣ, выжимка винограда производилась въ старомъ Египтѣ въ большихъ яйцеобразныхъ мѣшкахъ, повѣшенныхъ горизонтально между двухъ вертикальныхъ столбовъ. Одинъ конецъ мѣшковъ былъ прикрѣпленъ неподвижно, а другой закручивался посредствомъ рукояти, постепенно сжимая содержимое мѣшка. Выдавливаемый сокъ стекалъ въ поставленные сосуды. Но со времени 18-й династіи стали устраивать большіе давильные чаны кубической формы, иногда съ надстроенымъ надъ ними плоскимъ балахиномъ, такъ что такой чанъ часто имѣлъ видъ красиваго павильона. Съ потолка балахища спускались въ чанъ веревки, за которыя держались рабочіе, давившіе виноградъ ногами. ¹— Масло добывалось посредствомъ толченія маслянистыхъ сѣмянъ и зеренъ въ большомъ ступахъ (фиг. 73, i).

Врожденная Египтянамъ любовь къ животнымъ и уваженіе, которое они питали къ нѣкоторымъ изъ нихъ по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, побуждали ихъ, даже ставили имъ въ обязанность, заботливо печься объ охраненіи здоровья домашнихъ животныхъ; а потому, они съ одинаковою тщательностью воспитывали и свой скотъ и свою птицу. Каждый хозяинъ отмѣчалъ принадлежащихъ ему четвероногихъ особымъ знакомъ, который выжигался раскаленнымъ желѣзомъ. Заболѣвшихъ на пастбищѣ, или тамъ родившихся животныхъ, носли за стадомъ въ корзинахъ. У пастуховъ были посохи и бичи, у гусятниковъ — и теперь еще повсемѣстно употребляемыя длинныя хворостины съ крючкомъ на концѣ.

Охота была одною изъ любимѣйшихъ забавъ знатныхъ Египтянъ, а бѣднѣйшіе классы занимались ею какъ промысломъ. Охотничьи снаряды и оружіе были различны, смотря по роду охоты. Самымъ употребительнымъ на охотѣ оружіемъ былъ большой египетскій лукъ съ остроконечными и тупыми стрѣлами. Последнія спускали когда хотѣли только оглушить дичь. Для охоты за бегемотами и крокодилами употреблялись особые снаряды и орудія — багры, толстые канаты, металлическія палицы и т. д. Особенно любима была охота за птицами. Ихъ или били, бросая въ нихъ особаго рода снарядъ, состоявшій изъ изогнутаго куска дерева, или ловили въ западни на приманку. ²

Не меньше охоты была любима и рыбная ловля. И ею также промышленляли бѣдные и забавлялись богачи. Рыболовные снаряды первыхъ были

¹ RoseHini II (mon. civ.) Табл. XXXVIII 2.

² H. Weiss Gesch. d. Kostüms (I) 1. стр. 356.

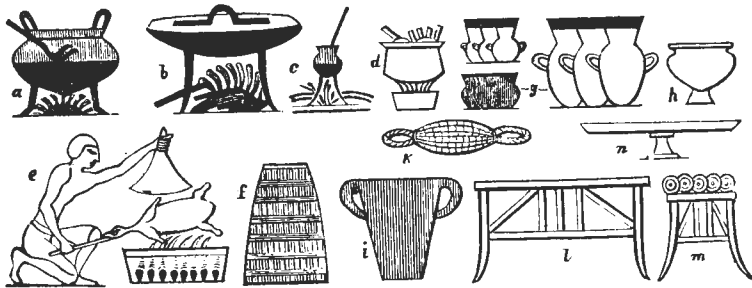
чрезвычайно просты и незатѣливы, у богачей же они отличались и прекрасною отдѣлкою и украшеніями, обыкновенно разноцвѣтными. Главнымъ рыболовнымъ снарядомъ была длинная острога съ одинокимъ или двойнымъ остріемъ. Иногда двѣ такихъ остроги связывались вмѣстѣ шнурками, такъ что ихъ можно было бросить или рядомъ, или на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Кромѣ острогъ, употребляли удочки, съ одной или нѣсколькими лесами, и разной величины и формы сѣти—невода и мережи, съ полавками и грузилами. Сѣти плели изъ пальмовыхъ лыкъ, библуса и камыша.

Домашняя утварь Египтянъ была чрезвычайно разнообразна. Объ изобиліи ея въ домахъ знатныхъ и богачей—ибо только однимъ имъ былъ доступенъ домашній комфортъ—мы можемъ судить по изображеніямъ на зданіяхъ, воздвигнутыхъ во время новаго царства. Особенная тщательность, съ какою сдѣланы эти изображенія, показываетъ, что Египтяне особенно дорожили этими принадлежностями удобной жизни. Всѣ, даже, повидимому, незначительныя предметы нашли собѣ мѣсто въ этихъ изображеніяхъ, а потому мы видимъ на нихъ и простую кухонную посуду и драгоценныя сосуды, роскошную мебель и всю пышную обстановку палатъ богачей и царскихъ дворцовъ. — Съ такою же тщательностью и точностью представлены на нихъ всѣ принадлежности мясниковъ, хлѣбопековъ, поваровъ и т. д.

Кухонная посуда.

Судя по изображеніямъ на древнѣйшихъ гробницахъ, она была первоначально очень не сложна. Пищу варили надъ небольшими очагами въ котлахъ, вѣроятно металлическихъ (фиг. 73, d), и разнаго вида сосудахъ, которые

Фиг. 73.

могли быть изъ глины (фиг. 23: h). Но вертелъ былъ извѣстенъ уже и въ ту раннюю пору: на немъ жарили птиць, надъ особымъ, воронкообразнымъ колпачкомъ (фиг. 73, e). Кушанье подавали на подносахъ съ низкими краями и на маленькихъ одноножыхъ столикахъ; въ последнемъ случаѣ кушанье ставилось передъ обѣдающими вмѣстѣ со столикомъ. Широкій ножъ служилъ для разрѣзыванія мяса. — Въ послѣдствіи, когда Египетъ вошелъ въ болѣе тѣсныя сношенія въ Азію, кухонная посуда значительно усовершенствовалась и пополнилась, какъ это и видно на очень подробномъ изображеніи на гробницѣ Рамзеса III (около 1200 до Р. X.). Явились разной величины

котлы и сковороды на высоких и низких ножкахъ, смотря потому нужно ли было держать кушанье ниже надъ огнемъ или выше (фиг. 73. a, b, c); далѣе, сосуды съ ручками (фиг. 73, g), деревянныя и каменныя ступки, плоскія и круглыя корзинки, воронки, мѣшки для выжиманья (фиг. 73, k), особыя печи и формы для хлѣбнаго. Вся эта многосложная утварь, замѣнившая старинныя котлы и горшки, заставляетъ предполагать, что знакомство съ Азіею не осталось безъ вліянія и на кулинарное искусство Египтянъ. При этомъ и отдѣлка посуды усовершенствовалась — стала красивѣе и наряднѣе. Прежніе подносы, на которыхъ обѣдали, замѣнились для бѣльшаго удобства настоящими столами (фиг. 73 l. m), которые иногда дѣлались изъ дорогого чернаго дерева. Для пира столы украшали цвѣтами, гирляндами и т. д. и самыя кушанья старались убрать какъ можно красивѣе, а иногда ставили на столъ, какъ украшеніе, поддѣльныя блюда.

П о с у д а.

Обыкновенная кухонная посуда дѣлалась большею частью изъ глины, на гончарномъ кругѣ, и потомъ или просто высушивалась на солнцѣ, или же обжигалась на огнѣ и наводилась цвѣтною глазурью. Кромѣ горшечной глины, для дѣланія посуды употребляли также нильскій илъ. Для храненія и переноски сухихъ припасовъ служили разной величины плетенныя кораба и корзины, а для жидкостей — мѣхи изъ шкуръ (бурдюки). По предметамъ, найденнымъ въ нѣкоторыхъ гробницахъ, можно заключить, что и стеклянная посуда не была рѣдкостью въ Египтѣ. Особенно дорогіе и красивыя сосуды приготавливались изъ камня разныхъ дорогихъ породъ, и изъ благородныхъ и простыхъ металловъ.

Большая часть сосудовъ собственно египетскаго изготовленія (много сосудовъ привозили въ Египетъ изъ чужихъ земель) имѣетъ форму страусова яйца. Очень вѣроятно, что первоначально сами эти яйца употреблялись вмѣсто сосудовъ и впоследствии послужили образцомъ для нихъ. Только со времени 18-й династїи появляются сосуды другой формы, напоминающей круглую разрѣзанную тыкву, что уже указываетъ на болѣе сѣверное, азіатское происхожденіе этой формы. Она впрочемъ встрѣчается гораздо рѣже первой; по крайней мѣрѣ въ глиняныхъ сосудахъ, найденныхъ въ древнѣйшихъ гробницахъ, яйцеобразная форма преобладаетъ.¹

Съ увеличеніемъ богатства страны и съ распространеніемъ въ ней роскоши, естественно увеличилось и число, и разнообразіе, и самое качество сосудовъ.

1. Для храненія и перевозки жидкостей употребляли частью большіе кожаные мѣшки — какъ было сказано выше, — частью большіе глиняные кувшины или также деревянныя и металлическія сосуды съ рукою, похожіе на вѣдра. Воду для питья держали въ необожженныхъ кувшинахъ изъ нильскаго ила, какіе еще и теперь употребляются въ Египтѣ для той же цѣли и вѣроятно были извѣстны тамъ съ незапамятныхъ временъ. Эти кувшины ставились въ деревянныя станки, отчасти потому, что этого требовала ихъ

¹ Сравни. Rosellini, II (mon. civ. табл. LIII — LIX — R. Lepsius. Denkmäler etc. Altes Reich. Abthlg II. Табл. 153.

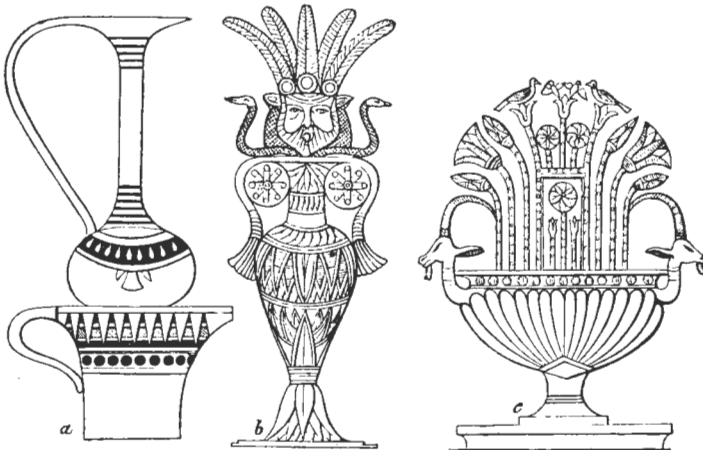
форма, главнымъ же образомъ для того, чтобы воздухъ могъ обвѣвать ихъ со всѣхъ сторонъ и способствовать испаренію, а слѣдовательно и охлажденію воды (фиг. 74. g; фиг. 51). Небольшіе стеклянные сосуды, въ родѣ бутылки, оплетали для прочности камышемъ. Вино, масло и т. д. хранились въ глиняныхъ кувшинахъ яйцевидной формы, снабженныхъ ручками (фиг. 74. a, b, k).

Фиг. 74.

2. Важную, а часто и весьма цѣнную, статью египетскаго хозяйства составляла собственно столовая посуда. При Геродотѣ (II, 37), и вѣроятно гораздо раньше его пребыванія въ Египтѣ, были въ употребленіи мѣдные стаканы или кубки, которые ежедневно очень тщательно вымывали. Пантки подавались въ каменныхъ, стеклянныхъ и металлическихъ кружкахъ раз-

Фиг. 75.

ной величины и формы (фиг. 74. c — f, h, i); или изъ чашекъ, стакановъ и кубковъ, приготовленныхъ изъ тѣхъ же матеріаловъ (фиг. 74. l — n, q). Кубкамъ давали часто очень красивыя формы, напр. раскрытой цвѣтковой чашечки съ круглымъ дномъ; такіе кубки ставились на небольшіе деревянные поддоны (фиг. 74, l). Кубки болѣе затѣливыхъ формъ — въ видѣ головы какого нибудь животнаго (фиг. 74, o, p), сдѣланные изъ глины или благо-

родныхъ металловъ, небольшіе золотые стаканчики съ ручками (фиг. 74—m), а также и сосуды похожіе на плоскую чашку, съ простыми, но красвыми узорами на нихъ (фиг. 74. q), были, какъ видно по изображеніямъ, издѣліемъ азійскихъ мастеровъ.

3. Вообще можно сказать, что передняя Азія не только снабжала Египтянъ въ обширныхъ размѣрахъ различною посудою, какъ глиняною, такъ и металлическою, но что оттуда же Египтяне переняли красивѣйшія формы для сосудовъ домашняго изготовленія. Что же касается драгоценныхъ сосудовъ, наполнявшихъ сокровищницы фараоновъ, то они все шли изъ Азіи, а именно—присылались въ дань жителями Кипра и Кападокіи. Сосуды эти были большею частью золотыя вазы значительной величины (фиг. 75, b, c), съ украшеніями изъ разноцвѣтной эмали. Сосуды Кападокійцевъ отличались особенно натуральностью своихъ украшеній — животныхъ, растений и человѣческихъ фигуръ, но стиль самыхъ сосудовъ былъ до крайности вычуренъ.¹

4. Къ столовой посудѣ Египтянъ принадлежали бронзовыя и деревянныя черпала въ видѣ разной формы ложекъ, чарокъ и ковшей. Особенно затѣливыми формами отличались ложки и ковши: имъ давали иногда видъ плавающей или летящей птицы, при чемъ тѣло птицы служило сосудомъ, а ея шея и голова рукоятію къ нему; иногда только одна ручка ложки или ковши обдѣлывалась въ формѣ человѣка или какого нибудь животнаго. Все подобныя сосуды, — которые найдутся въ каждомъ музеѣ, — вошли въ употребленіе, кажется, только въ позднѣйшую эпоху Египта — при грекахъ и римлянахъ.

5. Въ заключеніе скажемъ, что твердыя кушанья подавались на столъ обыкновенно палочными на длинныхъ подносахъ или на большія блюда; только рѣдко, и то уже въ позднѣйшее время, накладывали ихъ въ плоскія чаши и блюда съ кощическими крышками. Эти чаши и блюда, какъ видно на изображеніяхъ, оплетались камышемъ, окрашеннымъ въ два цвѣта. При ѣдѣ не употребляли ни пожей, ни вилокъ; кушанье подавалось на столъ уже разрѣзаннымъ на куски, которые брали и клали въ ротъ пальцами правой руки.

М е б е л ь.

Самую дорогую и красивѣйшую мебель Египтяне получали тоже изъ передней Азіи. Объ этомъ свидѣлствуютъ и надписи, и сходство стѣля мебели и сосудовъ, ихъ украшеній и пр.

Для изготовленія мебели главными матеріалами служили дерево и металлы, а для украшеній на ней — дерево рѣдкихъ породъ, слоновая кость, можетъ быть черепаха и т. д., особенно же золото и эмаль.

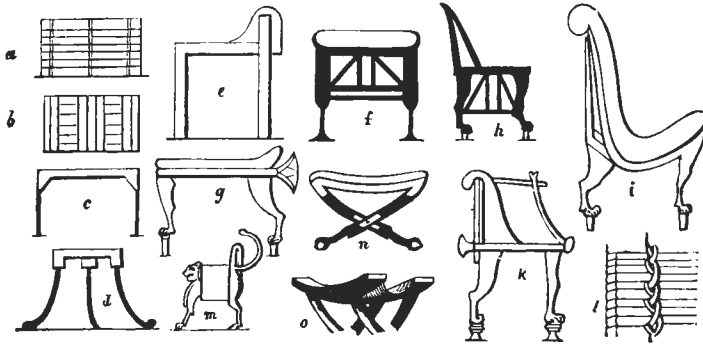
Обтягивали мебель красивыми узорчатыми матеріями, тисненою кожею и даже шкурами животныхъ. Въ рамы сидѣній и кроватей вставляли переплеты изъ тростника и камыша (фиг. 76. 1).

1. Древнѣйшими и простѣйшими сидѣньями были камышевыя циновки или толстыя подстилки въ родѣ матрацовъ и кубической формы стулья —

¹ Подробнѣе о нихъ сказано ниже. См. Азія, гл. II.

массивные (фиг. 76, e), или связанные из тростника (фиг. 76. a, b). Сношенія съ переднею Азією познакомили Египтянъ съ болѣе красивою и удобною мебелью: и у нихъ явились низкіе, вѣроятно металлическіе, табуреты (фиг. 76. c, d), разныхъ формъ стулья съ подушками и фигурными ножками (фиг. 76. f, g, m), небольшіе складные стулья, совершенно похожіе на нынѣшніе, съ подушкою или кожанымъ сидѣньемъ (фиг. 76, n, o), и

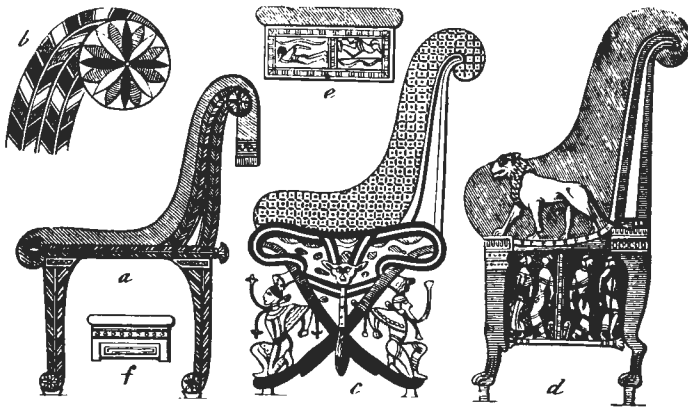
Фиг. 76.

наконецъ, кресла съ высокою спинкою (фиг. 76. h — k). Такія кресла составляли главную мебель въ домахъ богатыхъ и отдѣлялись обыкновенно очень роскошно. Были кресла широкія, похожія на софу, вѣроятно для двухъ особъ—можетъ быть родъ домашняго трона для хозяина и хозяйки дома.

Мебель во дворцахъ фараоновъ новаго царства была такъ же роскошна и богата, какъ и всё остальное въ нихъ. Покойныя кресла блистали золотою рѣзбою и богато вышитыми подушками яркихъ цвѣтовъ. Стулья, хотя и простой формы, были обложены золотомъ и расписаны эмалью (фиг. 77. a и b). Но еще большею роскошью отличались тронныя кресла, которыя фараоны получали изъ Азіи въ дань отъ покоренныхъ ими народовъ

Фиг. 77.

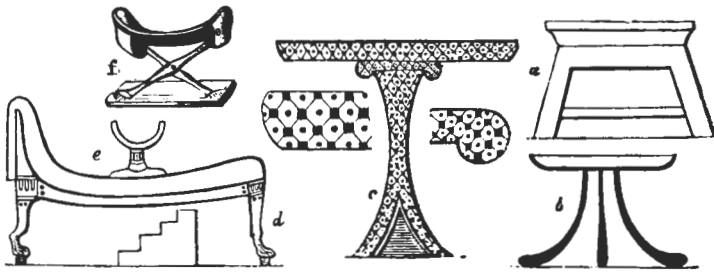
(фиг. 77. c, d). Такъ же какъ и на некоторыхъ присылаемыхъ въ дань сосудахъ и другихъ предметахъ, на нихъ были представлены сами данники въ

видѣ плѣнныхъ. Такими же изображеніями были украшены и не менѣе богато отдѣланныя скамейки къ этимъ кресламъ (фиг. 77. е, ф).

2. Столы были различной величины и самыхъ разнообразныхъ формъ, начиная отъ массивныхъ каменныхъ или деревянныхъ (фиг. 78. а) до металлическихъ столиковъ объ одной, о трехъ и четырехъ ножкахъ, самой легкой работы (фиг. 78. б). Древнѣйшіе столы состояли большею частью изъ круглой или четырехугольной доски на низкой подставкѣ; въ послѣдствіи, когда вошли въ употребленіе стулья и другія сидѣнья, тогда, сообразно съ ними, стали дѣлать и столы выше. Не рѣдко ихъ обкладывали мозаикою изъ слоновой кости и черного дерева.

3. Богатые Египтяне спали на очень покойныхъ кроватяхъ или кушеткахъ (фиг. 78, d), со спинкою и безъ спинки. Подъ голову ставилось (какъ и теперь еще у туземцевъ восточной и западной Африки) особое изголовье (фиг. 78. е, ф). Оно дѣлалось изъ камня, дерева или ме-

Фиг. 78.

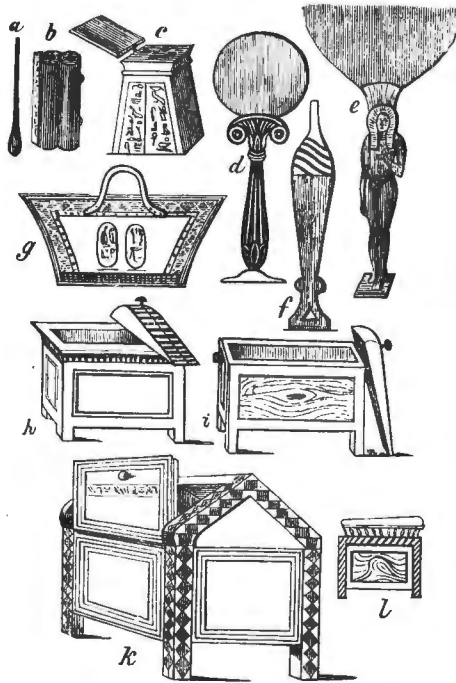

талла, съ кожаной подстилкою для головы. Кровати были обыкновенно очень высоки, такъ что на нихъ всходили по нарочию для того устроенной лѣсенкѣ. Ложась спать, задергивали навѣшенный вокругъ кровати пологъ изъ прозрачной матеріи, для защиты отъ комаровъ и мошекъ (Герольдъ II, 95).

4. Для храненія одежды и разныхъ уборовъ служили сундуки и ящики съ замками (фиг. 79, н — л). Ящики для драгоценностей отличались особенно богатою отдѣлкою: они были выложены красивою мозаикою изъ разноцвѣтнаго дерева, слоновой кости и проч. съ металлическими орнаментами¹, а иногда дѣлались изъ чистаго золота въ видѣ небольшой корзинки съ ручкою (фиг. 79. з).—Туалетныя принадлежности сберегались въ деревянныхъ, украшенныхъ рѣзбою ящикахъ съ перегородками. Въ музеяхъ Берлина, Лондона, Турина и Лейдена есть нѣсколько подобныхъ ящиковъ прекрасной работы. Тамъ же хранится множество вещей, относящихся къ туалету древнихъ Египтянъ. Вещи эти, согласно съ изображеніями на памятникахъ, показываютъ, что попеченіе о тѣлѣ составляло для древнихъ Египтянъ предметъ особенной заботливости.

¹ Cp. S. Birch. One remarkable object of the reign of Amenophis III (Archeol. Journ., No 32.).

Фиг. 79.

5. Главнѣйшими предметами служившими для этой цѣли, были: ванны и умывальники каменные и металлическіе — у фараоновъ даже золотые (Герод. II. 172);—приборы для румянъ и притираний, деревянные и костяные гребни, зеркала и широкія бритвы. Особеннымъ разнообразіемъ формы и тонкостью отдѣлки отличаются коробочки для глазной краски, и иглы, которыми её накладывали (фиг. 79. b, c, a). Такъ же красивы и разнообразны были флаконы для мазей и благовоній (фиг. 79, f) и туалетные зеркала (фиг. 79. d, e). Флаконы вырѣзывались изъ самыхъ дорогихъ и твердыхъ камней, зеркала были литыя металлическія, съ чрезвычайно гладко отполированной, слегка-выпуклою поверхностью, и съ металлическою же рѣзною, иногда расписанною, ручкою. Для предохраненія отъ порчи, они вкладывались въ кожаные чехлы или футляры.

6. Но что заботливость древнихъ Египтянъ о тѣлѣ не ограничивалась однакожъ однимъ только внѣшнимъ холеніемъ и прикрашиваніемъ его, а имѣла въ виду главнымъ образомъ сохраненіе его въ здоровомъ состояніи, — это доказывается, кромѣ свидѣтельства древнихъ писателей, которые нарочито упоминаютъ объ этомъ, и множествомъ медицинскихъ и хирургическихъ приборовъ, равно какъ и нѣсколькими манускриптами медицинскаго содержанія, найденными въ раскопкахъ. Въ числѣ подобныхъ предметовъ, сохраняющихся въ Берлинскомъ музеѣ, находится полная походная аптека одного изъ фараоновъ новаго царства. ¹

¹ Passalacqua, Catalogue raison. No. 506; срисована у Wilkinson (II) No. 92.

7. Что касается приборовъ для освѣщенія, то до греческой эпохи они ограничивались вѣроятно одиѣми лампами въ видѣ плоской чашки на подставкѣ. Впрочемъ, по одной стѣнной картинѣ можно предположить, что кромѣ лампъ были въ употребленіи и ручные небольшіе фонари. Когда же Египетъ подпалъ вліянію Грековъ, а можетъ быть даже и со временъ Псамметиха I (663—609 до Р. X), туда перешли, вмѣстѣ съ другими принадлежностями греческаго быта, и греческія глиняныя и бронзовыя лампы различныхъ формъ.

Въ какой степени вліяніе малоазійской культуры развило въ Египтянахъ склонность къ уточеннымъ удовольствіямъ жизни — объ этомъ ни письменныя, ни монументальныя памятники не даютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній и позволяютъ одиѣ лишь догадки. Несомнѣннымъ кажется только то, что удовольствія эти были у Египтянъ преимущественно чувственнаго, а не умственнаго свойства. Постепенно усиливавшееся развитіе ихъ, повлекшее за собою совершенное уничтоженіе Египетской національности, можно прослѣдить наглядно по изображеніямъ на памятникахъ.

Картинныя на гробницахъ Бени-Гассана представляютъ намъ египетскую жизнь въ блестящую эпоху стараго царства, жизнь веселящуюся и наслаждающуюся, противоположную той простой старинной жизни, которая начертана во внутренности пирамидъ. На картинахъ Бени-Гассана мы видимъ уже, рядомъ съ трудящимися ремесленниками, плясунновъ, музыкантовъ и разныхъ забавниковъ, потѣшающихъ народъ (въ числѣ послѣднихъ даже карлика). Люди эти, безъ сомнѣнія добывавшіе себѣ хлѣбъ своимъ ремесломъ, были, кажется, большею частью пришельцы изъ Азии; по крайней мѣрѣ фигуры ихъ не соответствуютъ египетскому національному типу. Поэтому можно полагать, что черезъ нихъ же стали извѣстны Египтянамъ и вошли у нихъ въ употребленіе различнаго рода игральные приборы и

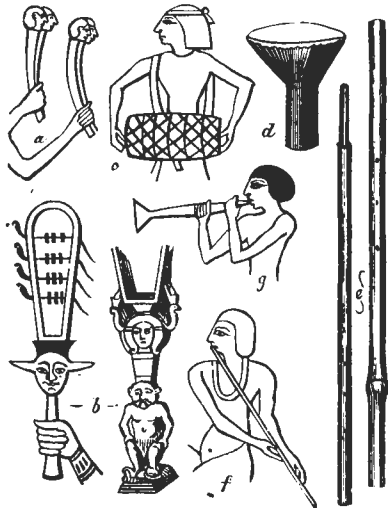
Музыкальные инструменты.

Хотя, по словамъ Діодора (I, 81), Египтяне и не были особенными любителями музыки, однакожъ кажется вѣроятнымъ, что это искусство было извѣстно имъ издревле и можетъ быть даже развилось у нихъ самостоятельно, подъ руководствомъ жрецовъ, для религіозныхъ цѣлей. Покрайней мѣрѣ изображенія на памятникахъ очень ясно доказываютъ, что уже въ концѣ стараго царства тамъ были въ употребленіи всѣ тѣ музыкальные инструменты, какъ ударные, такъ и духовые и струнные, какіе и теперь еще обычны въ Египтѣ. Ударные инструменты были извѣстны даже гораздо ранѣе и только два послѣдніе рода инструментовъ относятся къ названной эпохѣ и еще болѣе къ эпохѣ новаго царства, когда они выработались окончательно.

1. Древѣйшими ударными инструментами были: деревянныя колотушки, которыми били тактъ; первоначально эти колотушки были просто грубо обдѣланныя деревяшки, въ послѣдствіи онѣ получили красивую форму и рѣзныя украшенія (фиг. 80, а); барабаны разной величины и формы:

одни, похожіе на нынѣшніе такъ наз. дарабуко (фиг. 80, d), въ которые били рукою или кривыми палками; другіе—круглые и продолговатые, на которые съ обѣихъ сторонъ натягивалась кожа посредствомъ шнурковъ, обвивавшихъ барабанъ на подобіе сѣти (фиг. 80, c).

Фиг. 80.

Такой барабанъ, металлическія тарелки и главное, круглый или четырехугольный тамбуринъ, были обычными инструментами, которыми египетскія танцовщицы сопровождали свою пляску.

Особеннаго рода инструментъ, употреблявшійся преимущественно при богослуженіи, былъ—систра (фиг. 80, b). Онъ обыкновенно дѣлался изъ бронзы и носилъ на себѣ изображеніе бога Тифона или богини Гагоры; но въ красивой формѣ и богатой отдѣлкѣ онъ является однакожь не раньше эпохи новаго царства.

2. Изъ духовыхъ инструментовъ въ Египтѣе знали только флейты разной величины, простыя и двойныя, и трубы (фиг. 80, e, f, g). Первые, судя по нѣсколькимъ хорошо сохранившимся экземплярамъ, были деревянные, а послѣднія—какъ видно изъ 4-й кн. Моисея (X, 2)—металлическія.

3. Тѣмъ разнообразіе были за то струнные инструменты Египтянъ. Арфа, лира и гитара составляли, вмѣстѣ съ флейтою, египетскій оркестръ, въ которомъ держали тактъ нарочно для того приставленныя женщины, ударяя въ ладони или стуча въ колотушки.

Древнѣйшимъ струннымъ инструментомъ Египтянъ была арфа; на гробницахъ Мемфиса она представлена въ первобытной своей формѣ, т. е. въ видѣ лука, на которомъ натянуто нѣсколько струнъ (фиг. 81, a, b). Эта

Фиг. 81.

форма указываетъ на происхожденіе арфы, выработавшейся изъ боеваго лука съ гудящею тетивою. Дальнѣйшія усовершенствованія этого инструмен-

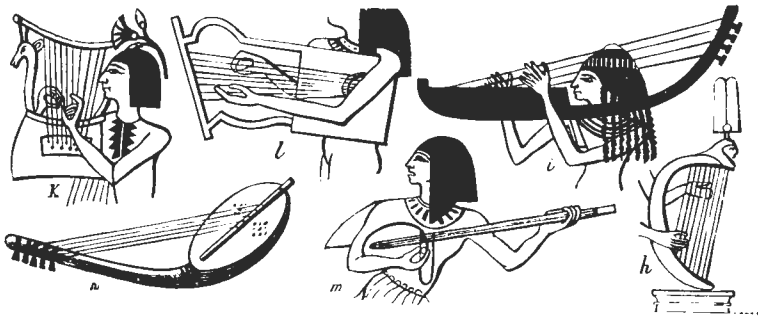
та состояли въ прибавленіи къ луку подложки (фиг. 81. b), а въ послѣдствіи и резонанса (Resonanz-Boden). Въ такомъ усовершенствованномъ видѣ представлена арфа на гробницахъ Бени-Гассана (фиг. 81. e). Не смотря однакожь на эти усовершенствованія и на болѣе красивую отдѣлку, арфа была всё-таки еще инструментомъ неуклюжимъ и тяжелымъ, и оставалась такою до начала новаго царства. Съ этихъ поръ большія старинныя арфы отчасти уступаютъ мѣсто инструментамъ меньшихъ размѣровъ (фиг. 81. d), отчасти же получаютъ лучшее устройство черезъ присоединеніе къ нимъ резонанснаго ящика (фиг. 81. c). Въ это же время является новый родъ арфы, образовавшейся изъ соединенія литаивры съ арфою изъ волосяныхъ струнъ (фиг. 81. f). Форма и устройство обыкновенныхъ арфъ становится тоже разнообразнѣе: вмѣстѣ съ лукоподобными арфами дѣлаются арфы трехугольныя разныхъ величинъ (фиг. 81. g); число струнъ также увеличивается и отъ шести доходитъ до двадцати-двухъ. Особеннымъ разнообразіемъ струнныхъ инструментовъ отличалось позднѣйшее время, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ картины на гробницахъ въ Дендера; на нихъ представлены рядомъ съ большими лироподобными арфами, маленькія новыя арфы съ выгнутымъ деревомъ и подставкою, на которыхъ играли стоя (фиг. 83. h).

Арфы приготовлялись большею частью изъ дерева и обтягивались иногда тисненою кожей. Отдѣлка ихъ была, разумѣется, различна. Особою роскошною отдѣлкою отличались арфы, назначавшіяся для храмовъ и дворцоваго оркестра фараоновъ. Такія арфы, обыкновенно украшались позолотою, живописью и различными символическими фигурами чеканной работы (фиг. 82). Но тошъ этихъ арфъ, по всей вѣроятности, далеко не соответствовало ихъ видѣнному великолѣбію, потому что и у нихъ, какъ и вообще у всѣхъ египетскихъ арфъ, не было передней деревянной вѣтви, такъ безусловно необходимой для полноты тона.

Фиг. 82.

Фиг. 83.

Лира вошла въ употребленіе со времени 12 й династїи. На картинахъ гробницъ Бени-Гассана на ней играютъ азіійскіе выходцы изъ племени

«Ааму». Дальнейшее ее усовершенствование относится къ эпохѣ новаго царства (фиг. 83, k, l.). До насъ дошли нѣсколько египетскихъ лиръ, очень тщательно сдѣланныхъ изъ дерева и совершенно соответствующихъ изображеніямъ на памятникахъ. Одинъ экземпляръ, нѣсколько неповрежденный, сохраняется въ Берлинскомъ музеѣ. Кромѣ лиры, у Египтянъ были струнные инструменты, похожіе на гитару и лютию (фиг. 83, i, m, n), изъ которыхъ нѣсколько было найдено въ гробницахъ. На всѣхъ этихъ инструментахъ играли большею частью костяною палочкою или плектрономъ.

Приборы для общественныхъ игръ

были такъ же разнообразны, какъ и музыкальные инструменты. Египтяне играли въ мячи, въ обручи, въ городки, (Stecken-Spiel), шашки и т. п. Любимою игрою у знатныхъ, а также и при дворѣ фараоновъ, была игра подобная шахматной. Играли въ нее двое, на доскѣ разбитой на кѣтки, деревянными фигурками или разноцвѣтными камешками. Найденныя въ гробницахъ игральныя кости, совершенно похожія на цыпѣшнія, доказываютъ, что и эта игра была знакома Египтянамъ.

Но найденнымъ при дѣтскихъ муміяхъ игрушкамъ видно, что Египтяне заботились и о забавахъ своихъ дѣтей. Игрушки эти большею частью состоятъ изъ куколъ съ подвижными и неподвижными членами, изъ деревянныхъ фигурокъ животныхъ, кожаныхъ и каменныхъ мячей, кубарей, кеглей и т. д. Плутархъ (de Iside et Osiride o. 14) говоритъ, что дѣтямъ позволялось играть даже въ оградѣ храмовыхъ дворовъ.

Утварь, находившаяся въ ближайшемъ отношеніи къ государственной жизни, имѣла большею частью символическое значеніе, которымъ преимущественно и обуславливалась ее форма и украшенія.

Царскій тронъ,¹

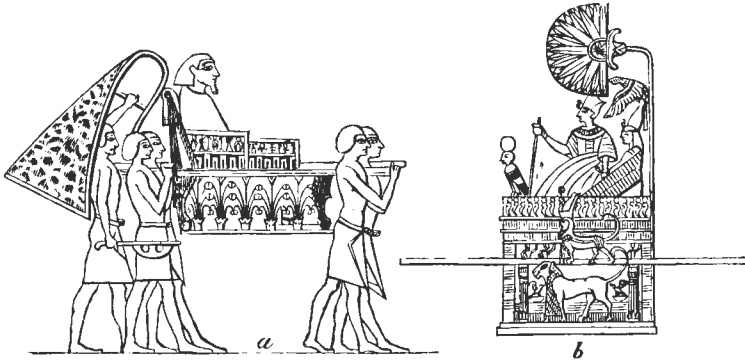
какъ наибольшая принадлежность власти, сохранилъ въ древнемъ Египтѣ свою простую, освященную вѣками форму равносторонняго куба, но пышностью своего убранства превосходилъ всю остальную утварь. Обитое золотыми листами и расписанное разноцвѣтною финифтью сидѣнье, съ богато вышитою подушкою, стояло на широкомъ возвышеніи также роскошно отдѣланномъ. Главнѣйшія украшенія трона состояли изъ іероглифическихъ знаковъ, имѣвшихъ отношеніе къ особѣ царя и его божественному сану. Надъ трономъ возвышался, на четырехъ стройныхъ колонкахъ съ лотосовыми капителями, плоскій, къ переди слегка покатый балдахинъ, дополнявшій убранство этого сѣдалища, которое должно было символизировать собою могущество возсѣдающаго на немъ фараона.

Такъ же великолѣпны, какъ и тронъ, были тронные носилки, въ которыхъ появлялись фараоны въ торжественныхъ процессіяхъ, несомые знат-

¹ A. Lepsius. Tödenbuch der Aegypter. 125. - Rosellini II (mon. civ.) LXXV. 7; XC, 6; CXXXV, 2.

нѣшими сановниками государства. Сдѣланные изъ золота или вызолоченные, эти носилки были украшены символическими фигурами священнаго ястреба — какъ эмблемы мудрости, сфинкса съ двойною короною — эмблемы владычества надъ обоими мірами, и льва — эмблемы мужества и силы, — неизбѣжными уреями и т. д. Надъ сидѣльемъ былъ утверждѣнъ родъ зонта въ видѣ распущеннаго онахала, которое замѣняло балдахинъ и освѣяло фараона и его суругу (фиг. 84. б).

Фиг. 84.

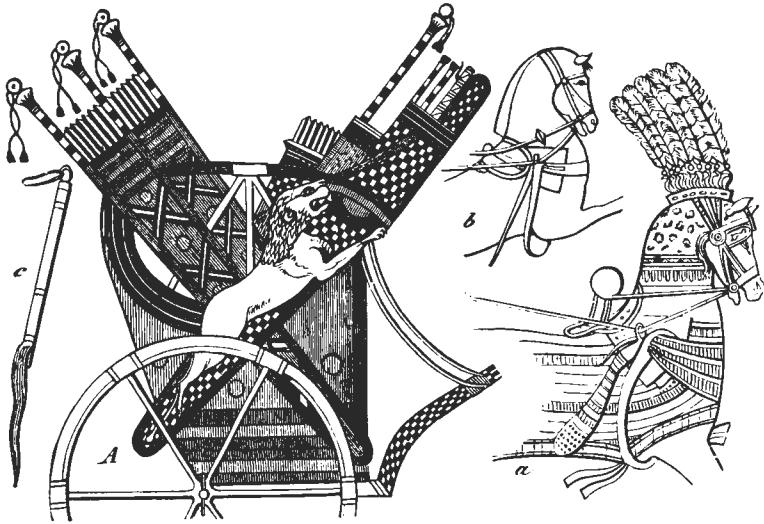

Посылки или паланкины придворныхъ сановниковъ были также украшены символическими знаками (фиг. 84. а), соответствовавшими сану и должности каждаго лица. Въ концѣ стараго царства, подобные паланкины служили богатымъ людямъ вмѣсто экипажа; служитель, шедшій сзади, держалъ наготовѣ родъ чехла, который по желанію надѣвался на посылки для защиты сидѣвшаго въ нихъ отъ солнца, дождя и т. п.

Болѣе обыкновеннымъ средствомъ перемѣщенія были однакожь повозки на колесахъ, перешедшія въ Египетъ изъ Азіи, при первыхъ фараонахъ 18-й династіи. Оттуда же заимствованы были Египтянами и военныя колесницы, съ которыхъ сражались отборнѣйшія воины египетской арміи, болѣею частью принадлежавшіе къ богатѣйшимъ и знатнѣйшимъ семействамъ государства, высшіе военачальники и сами фараоны.

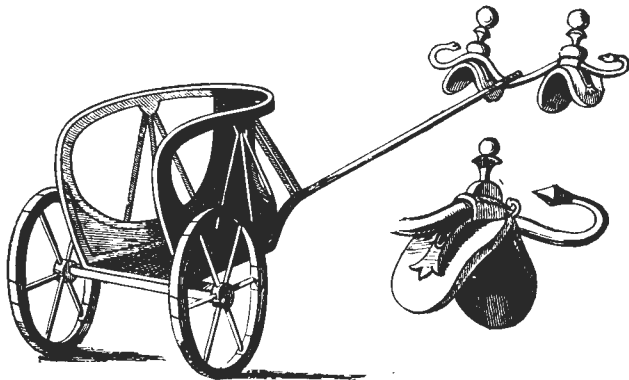
Царская боевая колесница была конечно великолѣпнѣе всѣхъ остальныхъ. Она отличалась отъ нихъ своими символическими украшеніями, написанными яркими красками по золотому фону, великолѣпною упряжью (фиг. 85. а) и отборнымъ оружіемъ, какъ-то стрѣлами, дротиками, палицами и т. п., которые были разложены въ футляры, прикрѣпленные по обѣимъ сторонамъ кузова (фиг. 85. А). Устройство этихъ колесницъ было очень просто. Но нѣсколькимъ хорошо сохранившимся экземплярамъ видно, что онѣ дѣлались частью изъ металла, частью изъ твердаго дерева, которое обтягивали кожей или обивали тонкими металлическими листами. Кузовъ лежалъ недвижно на осей, къ которой придѣлано было дышло. Колеса были о четырехъ или о шести единицахъ и прикрѣплялись къ осей чеками. Упряжь, обыкновенно для двухъ лошадей, состояла изъ ярма, (фиг. 85. б) которое накладывалось животнымъ на плечи и пристегивалось груднымъ

Фиг. 85.

ремнемъ, а къ дышлу прикрѣплялось или тоже ремнемъ, или металлическимъ штифтомъ (фиг. 86). Чтобы удобнее было управлять лошадьми, возжи пропускали черезъ петли и кольца прикрѣпленные къ нагрудникамъ, и, во время боя, концы возжей обвязывали себѣ вокругъ тѣла. — Эти колесницы были очень легки и могли помѣстить въ себѣ не болѣе двухъ человекъ — воина и возницу. У послѣдняго на правой рукѣ висѣлъ однохвостный или двуххвостный бичъ или кнутъ съ красиво расписаннымъ кнутовищемъ (фиг. 85. с).

Фиг. 86.

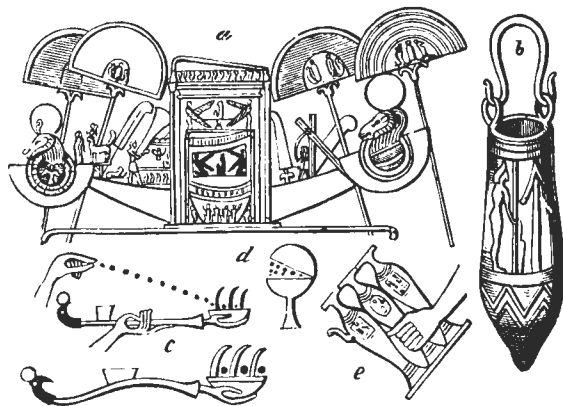
Въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ двухколесными новозками стали употреблять и четырехколесныя. Онѣ служили главнымъ образомъ для перевозки большихъ кладей, а на войнѣ — для перевозки военныхъ снарядовъ. Но эти послѣдніе даже и въ самую воинственную эпоху Египта были очень несложны и вѣроятно изготовлялись на самомъ мѣстѣ, гдѣ въ нихъ оказывалась надобность. Такъ напр. осадные снаряды Египтянъ состояли преимущественно

изъ камышевыхъ щитовъ, большихъ и тяжелыхъ копій, длинныхъ деревянныхъ лѣстницъ и тыннику, изъ котораго устроивали родъ шанцевъ, которые покрывали вѣроятно щитками или звѣриными шкурами.

Нѣтъ сомнѣнія, что отиравленіе религіозныхъ обрядовъ вызвало въ самомъ началѣ потребность въ нѣкоторыхъ виѣшнихъ предметахъ, которые должны были служить какъ бы чувственнымъ олицетвореніемъ или воплощеніемъ религіозныхъ воззрѣній. Эти предметы составили то, что можно назвать богослужебною утварью въ собственномъ смыслѣ. Въ Египтѣ, эта утварь была первоначально очень проста, но съ распространеніемъ въ странѣ богатства и любви къ роскоши, приняла скоро характеръ крайней пышности. Жрецы, пользуясь развивавшеюся въ народѣ склонностью къ виѣшнему блеску, съ цѣлѣугодною расточительностью наполняли храмы различными принадлежностями богослуженія. Торжественныя религіозныя процессіи и церемоніи сдѣлались выставками ихъ богатства, которыми они хотѣли поразить толпу и показать ей свое могущество. Но и таинственные обряды, совершавшіеся во внутренности храмовъ, сопровождались кажется не меньшею пышностью, по крайней мѣрѣ во время 18 й династіи.

Съ особеннымъ великолѣніемъ убирали различныхъ идоловъ, которыхъ носили въ торжественныхъ процессіяхъ. Особые прислужники называвшіеся «одѣвателями» идоловъ (гіеростолы или столісты) обязаны были одѣвать ихъ въ драгоценныя одежды и уборы. Въ храмахъ, идолы стояли на деревянныхъ подножіяхъ съ богатыми орнаментами, а въ процессіяхъ ихъ носили въ роскошно убранныхъ кивотахъ, имѣвшихъ форму храма и укрѣпленныхъ на шестахъ, которые были позолочены. — Замѣчательнѣйшею утварью этого рода были большія, переносныя лодки или барки (фиг. 87, а).

Фиг. 87.

Діодоръ (I, 57) описываетъ одну такую барку громадныхъ размѣровъ, пожертвованную Рамзесомъ II въ храмъ Аммои въ Оивахъ. Она имѣла въ длину 280 локтей и была сдѣлана изъ драгоценнаго кедроваго дерева. Внут-

реиность ея была высеребрена, а наружная сторона вызолочена и убора серебряными украшениями. Идолъ, которому она служила посланками, былъ весь усыпанъ драгоценными камнями.

Такія же барки употреблялись и при процессіяхъ на волѣ. Напр. новаго Аписа привозили въ Мемфисъ постоянно на баркѣ и въ сопровожденіи блестящей свиты (Дюд. I. 85).

Утварь для жертвоприношеній была чрезвычайно разнообразна, такъ какъ и самый способъ жертвоприношенія и церемоніи, соблюдавшіяся при этомъ, были очень различны. Необходимую принадлежностью каждаго жертвоприношенія были жертвенники и жертвенные столы. Тѣ и другіе дѣлались или массивные — изъ камня, или съвозные, на подобіе этажерки, — изъ дерева, а иногда изъ камышевыхъ тростей. На деревянныхъ жертвенникахъ приносились сухія жертвы: плоды, хлѣбныя зерна и т. п., а на каменныхъ закалывали и сжигали животныхъ; первые расписывали гіероглифами, изрѣченіями, молитвами и т. д.; а на послѣднихъ высѣкали рельефныя изображенія разныхъ жертвенныхъ даровъ.

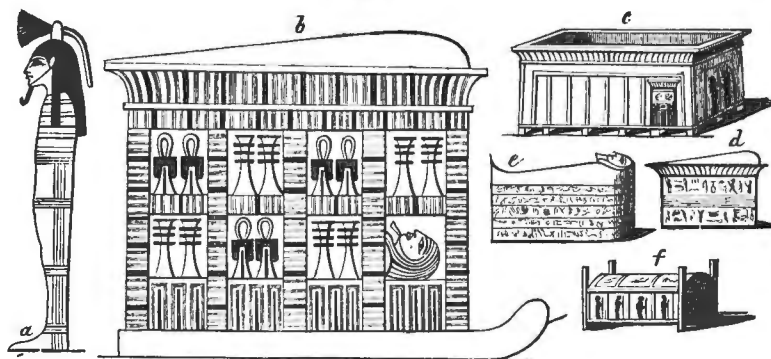
Жертвенные печи, чаши и сосуды для возлѣній дѣлались большею частью изъ драгоценныхъ металловъ. Форма сосудовъ была различна, смотря по жидкости, для возлѣнія которой они назначались. Были сосуды двойные и тройные (фиг. 87. е), другіе, поменьше, круглые и съ плоскою крышкою, и т. д. — Пильскую воду, безъ которой жертвоприношеніе было невозможно, приносили въ небольшихъ, обыкновенно бронзовыхъ, ведеркахъ съ символическими фигурами (фиг. 87. б); для куреній употреблялись курильницы съ золотыми ручками (фиг. 87. в); въ нихъ сжигали ароматическіе шарики, которые хранили въ небольшихъ круглыхъ коробочкахъ (фиг. 87. д).

Храмовая утварь дополнялась музыкальными инструментами въ самой роскошной отдѣлкѣ и различными принадлежностями богослуженія, имѣвшими символическое значеніе, которое однакожь нельзя съ точностью объяснить по изображеніямъ на памятникахъ.

Особый, пространный отдѣлъ утвари обнималъ собою все относившееся къ погребенію. Уже одно бальзамированье труновъ (имъ занимались низшіе жрецы) требовало особаго очень сложнаго прибора, въ которомъ каждая вещь имѣла символическое значеніе и священный характеръ. Такъ напр. пожъ для вскрытія труновъ былъ непременно каменный, изъ эоіопскаго камня, и притомъ въ древнѣйшей своей формѣ, которая передавалась по преданію и удержалась неизмѣнно до самаго конца Египетскаго государства.

Погребеніе стоило въ Египтѣ очень дорого. По Геродоту (II, 86) и Дюроду (I, 92), издержки на бальзамированье труна и его пеленаніе (фиг. 88. а) простирались (на наши деньги) отъ 427 р. до 1280 р., а это составляло только часть вѣхъ расходовъ на погребеніе. Слѣдовали за тѣмъ издержки на жертвоприношенія, на погребальную процессію и т. д. Вѣрили, что чѣмъ пышнѣ похороны, тѣмъ довольнѣе будетъ покойникъ въ своемъ «вѣчномъ жилищѣ». — Когда трунъ былъ надлежащимъ образомъ оплаканъ домашними и затѣмъ посвященъ жрецами подземному міру наложеніемъ на него собачьей маски Анубиса, его клали въ пестрораскрашенный ящикъ

Фиг. 88.

(фиг. 88. b) и, поставивъ на полозья, отвозили на священныхъ быкахъ и въ сопровожденіи длинной процессіи жрецовъ, родственниковъ и пр. къ Нилу. Переправившись черезъ рѣку на западный ея берегъ, тѣмъ же порядкомъ доходили до приготовленной гробницы. Здѣсь жрецы держали надъ покойникомъ судъ, и, объявивъ свой приговоръ, опускали гробъ въ могилу.

Египтяне считали особенно важнымъ, чтобы муміи ихъ покойниковъ и отдѣльно набальзамированныя внутренности послѣднихъ, были уложены въ прочныя и по возможности богатые гробы. Саркофаги дѣлались частью изъ обожженной глины, частью изъ камня или дерева. Въ древности имъ давали форму или маленькихъ храмовъ (фиг. 88. c), или продолговатыхъ ящиковъ въ покатою крышкою (фиг. 88. d), бока которыхъ расписывались разноцвѣтными полосами (фиг. 48). Позднѣ явились деревянные саркофаги въ видѣ сундуковъ, съ металлическими украшеніями (фиг. 88. f), и большіе массивные гробы изъ гранита, съ крышками высѣченными въ формѣ муміи (фиг. 88. e). Каменные саркофаги, какъ самыя дорогіе, назначались исключительно для муміи фараоновъ и высшихъ сановниковъ; на бокахъ ихъ нерѣдко высѣкали длинныя гіероглифическія надписи, говорившія о странствованіяхъ души умершаго и т. п.

Для муміи знатныхъ людей, одна оболочка изъ клеенаго холста и одинъ саркофагъ считались недостаточными. Поэтому ихъ заворачивали въ нѣсколько холщевыхъ, разрисованныхъ оболочекъ, и первый саркофагъ, хотя бы и каменный, вставляли въ другой, другой въ третій и такъ иногда доходили до четырехъ саркофаговъ, болѣе или менѣе богато отдѣланныхъ. — Вокругъ саркофага разставляли въ могилѣ часть утвари, служившей на погребальномъ торжествѣ, въ томъ числѣ нѣсколько любимыхъ вещей покойнаго, далѣе — эмблемы его званія и занятій при жизни, четыре шарообразныхъ сосуда съ крышками, наполненныхъ нильскою водою, и остатки принесенной при погребеніи жертвы. — Покончивъ съ жизнью, правотѣрный Египтянинъ достигалъ высшей цѣли своихъ желаній: ему, правда, приходилось разстаться съ веселыми пирами, на которыхъ заботливый хозяинъ возбуждалъ своихъ гостей къ веселью, показывая имъ муміеподобное изображеніе Озириса (Герод. II, 78); но за то онъ вступалъ въ свою «вѣчную обитель» съ твердою вѣрою, что по смерти онъ самъ уподобится этому божеству.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эоіопіе. ¹

Узкое ущелье близ Сіене (нынѣши. Ассуан), образуемое двумя сходящимися горными краями, отдѣляло территорию древняго Египта отъ соседней Эоіопіи — библейской «земли Кушъ». Страна эта, обнимавшая собою нынѣшнюю Нубію, Кордофанъ и часть Абиссиніи (Габешъ), была искоши обитаема разными бродячими племенами, которыя или скитались по песчанымъ равнинамъ вдоль подошвы горъ, или жили въ пещерахъ и горныхъ ущельяхъ, пока наконецъ не возникли по берегамъ Нила центры ослѣдлаго населенія.

Первое вооруженное столкновение Египтянъ съ жителями Эоіопіи произошло за 2000 л. до Р. Х., въ блестящую пору стараго Египетскаго царства. Царствовавшей тогда фараонъ Сезострисъ (Сезуртазень) побѣдилъ Эоіопіянъ ² и — какъ можно заключить по развалинамъ храма въ Семнэ — отодвинулъ границу своего государства за водопады Вади-Хальфа. ³ Вторженіе Гиксосовъ въ нижній Египетъ заставило фараоновъ сблизиться съ Эоіопянами и даже скрѣпить это сближеніе брачными союзами съ дочерьми эоіопскихъ государей. Съ этого времени, на египетскихъ памятникахъ начинаютъ появляться и темнокожія женщины, т. е. эоіопянки, ⁴ тогда какъ на древнѣйшихъ памятникахъ, до самой 18-й династїи, представлены почти исключительно одиѣ только бѣлокожія женщины. Съ этихъ же поръ названіе «царевичъ Куша» становится почетнымъ титуломъ египетскихъ принцевъ крови. ⁵

Вліяніе египетской культуры, которому вельдствие этихъ отношеній подпала Эоіопія, усилилось еще болѣе при фараонахъ 18-й и 19-й династїи. При Тутмосиѣ III (около 1600 г. до Р. Х.) и Рамзесѣ II, оно проникло въ самую глубь Нубіи. Остатки храмовъ въ Калабшехъ, Даккехъ, Инсамбуль, Сансъ и еще далѣе въ Селебѣ, на границѣ Донголы, построенныхъ ими, показываютъ, какъ ревностно заботились они о распространеніи въ этихъ странахъ египетской цивилизаціи.

Но еще далѣе на югъ существовала, кажется, самостоятельная культура, хотя и развившаяся на основахъ египетской. Средоточіемъ ея была сначала Папата — древняя столица Эоіопіи — въ самой южной части Нубіи, а потомъ Мероэ — замкнутое жреческое государство, основанное Эоіопскими государями на островѣ, образуемомъ двумя рукавами Нила и лежащемъ южнѣе Папаты. Усиливаясь постепенно, Эоіопія уже около 700 г. до Р. Х. достигла такого могущества, что ему не въ силахъ было противостоять само египетское государство.

¹ Кромѣ источниковъ, указанныхъ для Египта, см.: Heeren, Ideen über Politik etc. II (1) стр. 301 и слѣд. — Hoskins, Travels in Ethiopia. — F. Caillaud, Voyage à Meroé etc. Paris 1823. — C. Gau, Antiquités de la Nubie. Paris 1824. — E. Rüppel, Reisen in Nubien, Kordofan etc. 1829. — ² H. Brugsch, Reise. Стр. 92.

³ Q. Lepsius, Briefe. стр. 253. — ⁴ H. Brugsch Übersichtliche Erklärung, стр. 36. — ⁵ H. Brugsch, Reise, стр. 47; 155.

Три эіопскихъ царя одинъ за другимъ занимали тронъ фараоновъ въ теченіе полувѣка и образовали 25-ю династію египетскихъ государей. Последнимъ изъ нихъ былъ Тарака (Таркосъ), прославившійся побѣдами надъ Ассиріянами.

Время управленія этихъ государей было золотымъ вѣкомъ Эіопіи. Къ этому времени относятся остатки большого храма у подошвы «священной» горы Баркала и испещренныя скульптурами развалины въ Мединетъ-Габу. Съ этихъ же поръ, благодаря безъ сомнѣнія военнымъ успѣхамъ фараоновъ въ передней Азіи, начала развиваться въ Эіопянахъ и та склонность къ роскоши и внѣшнему блеску, о которой свидѣтельствуютъ барельефы въ Нага (изъ позднѣйшей эпохи).

При фараонахъ 26-й династіи, закоренѣлые приверженцы староегипетскихъ порядковъ начали отодвигаться всё далѣе на югъ, отступая передъ постоянно усилившимся въ Египтѣ наплывомъ иноземныхъ нововведеній. Уже при Псамметихѣ I (663—609), эта эмиграція къ югу достигла такихъ размѣровъ, что, по рассказамъ Геродота (II, 29 — 31) и Діодора (I, 67), вся военная каста, считавшая въ себѣ отъ 200000 до 240000 человекъ, покинула отечество и переселилась въ Эіопію. Этому смѣшенію древнеегипетскихъ культурныхъ элементовъ съ туземными и было, можетъ быть, обязано своимъ процвѣтаніемъ богатое государство Мероэ, о сокровищахъ котораго ходили баснословные слухи, побудившіе Камбиза предпринять противъ Мероэ свой неудачный походъ (Геродотъ III, 17—25). Царь Эргамень успѣлъ однакожъ проникнуть въ Мероэ и истребить тамъ жреческую касту. Въ послѣдствіи, Мероэ является еще разъ какъ самостоятельное государство при Августѣ, когда римское войско, подъ начальствомъ легата Петронія, овладѣло Напатою. Основываясь на Евсевіи, можно полагать, что и въ его время, въ IV вѣкѣ по Р. Х., существовало еще самостоятельное мероитское (или эіопское) царство, которымъ управляли царицы, носившія нарицательное имя «кандакэ». Это подтверждается и фигурами вооруженныхъ царицъ, изваянными на памятникахъ въ Мероэ и Нага, носящихъ на себѣ очевидные слѣды вліянія римской архитектуры позднѣйшаго періода. Кромѣ того, въ дѣяніяхъ Апостольскихъ (VIII, 27) упоминается также объ эіопійской царицѣ Кандакии.

Такъ какъ стиль эіопскихъ скульптуръ есть подражаніе стилю египетскому, то всё, сказанное выше относительно представленія различныхъ предметовъ на египетскихъ памятникахъ, вполне примѣняется и къ эіопскимъ.

Самые древніе изъ нихъ не восходятъ ранѣе царствованія Тараки; ¹ къ позднѣйшимъ принадлежатъ, какъ уже было замѣчено, развалины въ Нага. Поэтому, скульптуры ихъ, даже исполненныя изображениями на нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ новаго царства, даютъ намъ только отрывочную картину внѣшняго быта Эіопянъ въ различные, весьма отдаленные одинъ отъ другаго періоды ихъ исторической жизни.

¹ R. Lepsius, Briefe, стр. 247 и слѣд.

Одежда.

Обычный еще и нынѣ у большей части африканскихъ туземцевъ костюмъ, состоящій изъ шерстянаго передника и такой же накидки, былъ, по всей вѣроятности, первоначально общимъ костюмомъ Эоюпянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, а между бѣднѣйшими классами населенія оставался такимъ и въ послѣдствіи.

Одежда богатаго населенія, напротивъ того, стала значительно измѣняться съ тѣхъ поръ, какъ египетская культура перешла въ нижнюю Эоюпю, а можетъ быть и еще раньше — со времени войны съ Сезострисомъ I. Перенимая у Египтянъ ихъ обычаи, богачи и вельможи эоюпскіе переняли вѣроятно и ихъ одежду, или, по крайней мѣрѣ, сначала заимствовали изъ нея то, что имъ больше нравилось. Такъ напр. мужчины замѣнили свою простую опояску красивымъ египетскимъ передникомъ, а женщины, сверхъ того, прибавили къ ней и длинное древнеегипетское женское платье.

Еще позднѣе, при 18-й и 19-й династіяхъ, когда египетская культура окончательно утвердилась въ Эоюпю, или по крайней мѣрѣ въ Пубіи, египетскій костюмъ совершенно вытѣснилъ эоюпскій. Оттуда онъ распространился далѣе на югъ, гдѣ къ нему были прибавлены нѣкоторыя особенности, взятыя изъ мѣстнаго костюма. По этому видоизмѣненію подверглась лишь одежда мужчинъ; женщины же не замедлили принять вполне женскія моды новаго египетскаго царства.

Фиг. 89.

Упомянутыя особенности мужской эоюпской одежды (фиг. 89) состояли во первыхъ въ томъ, что Эоюпяне не оставляли, какъ Египтяне, верхней части туловища обнаженною, а носили родъ куртки или фуфайки, а во вторыхъ — и главнымъ образомъ — въ томъ, что они опоясывали себѣ грудь и поясницу широкою, обыкновенно очень богато и цестро украшенною перевязью, ¹ чего Египтяне въ ту пору не дѣлали. Кроме того, Эоюпяне носили острокопечныя шапки съ пучкомъ перьевъ наверху, большія, кольцеобразныя серьги и наконечъ, плащи изъ звѣриныхъ шкуръ. Эти плащи не выходили изъ употребленія до самаго позднѣйшаго времени; въ нихъ были одѣты Эоюпяне, служившіе въ войскѣ Ксеркса (Геродотъ VII, 69).

Изобиліе въ южной Африкѣ золота, дорогихъ звѣриныхъ шкуръ, страусовыхъ перьевъ, слоновой кости и тому подобныхъ естественныхъ произведеній, а можетъ быть также и рано начавшіяся торговыя сношенія съ Аравіею и Индіею, безъ сомнѣнія не мало содѣйствовали распространенію меж-

Изобиліе въ южной Африкѣ золота, дорогихъ звѣриныхъ шкуръ, страусовыхъ перьевъ, слоновой кости и тому подобныхъ естественныхъ произведеній, а можетъ быть также и рано начавшіяся торговыя сношенія съ Аравіею и Индіею, безъ сомнѣнія не мало содѣйствовали распространенію меж-

¹ Ср. Rosellini, I (mon. stor.) табл. LXIV.

ду Эоипянами любви къ роскоши. Много разсказовъ ходило о богатствахъ эоипскихъ царей и о драгоценныхъ даянхъ, которыя они должны были платить своимъ побѣдителямъ — египетскимъ фараонамъ.

Египетская культура привилась между тѣмъ и въ собственной Эоипіи—въ царствахъ Пашатъ и Мероэ, и укоренилась въ нихъ такъ прочно, что царствование трехъ эоипскихъ государей въ Египтѣ нисколько не измѣнило обычаевъ этой страны, потому что эти государи сами уже вполне усвоили себѣ египетскую культуру. Какъ Тарака самъ носилъ одежду и вооруженіе египетскихъ фараоновъ,¹ такъ точно, безъ сомнѣнія, одѣвались по-египетски и его приближенные, и вообще все знатные Эоипяне. Такимъ образомъ, съ этой блестящей эпохи эоипскаго царства, египетская одежда осталась въ немъ господствующею, подвергаясь въ теченіе времени различнымъ измѣненіямъ, какъ это показываютъ скульптурныя изображенія на упомянутыхъ выше, сравнительно позднѣйшихъ, памятникахъ Мероэ, Наги и др.

Одежда

знатныхъ, какъ она представлена на памятникахъ Асура (Мероэ) и Наги, отличается большею пышностью, нежели богатый египетскій костюмъ въ эпоху новаго царства. Изъ некоторыми своими частями она напоминаетъ даже древнеассирійскую одежду, и только египетскій передникъ вмѣстѣ съ символическимъ головнымъ уборомъ и атрибутами фараоновъ указываютъ на ея тѣсную связь съ египетскою одеждою.

Фиг. 90.

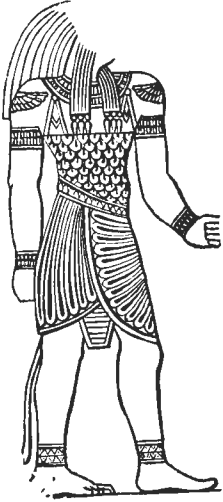

1. Мужская одежда состояла изъ плотно облегающаго тѣло передника и длинной сорочки изъ тонкой матеріи,² или просто накидки безъ рука-

¹ Рисунки у Rosellini. I (mon. stor.), табл. CI., и у Caillaud табл. XLIX — LXXIV. — ² Caillaud, Voyage etc. табл. XVII. 2.—

кавовъ. Накидку носили, оставляя правое плечо и правую сторону груди голыми. Концы ея — спускавшійся съ лѣваго плеча и пропущенный подъ правую мышку, связывали на груди, отчего происходили дугообразныя складки, которыя на скульптурныхъ изображеніяхъ переданы схематически, рядомъ кривыхъ линій (фиг. 90. b, c).

Фиг. 91.

Фараоны и высшіе сановники носили поверхъ этой длинной одежды широкую перевязь съ кистями, перепоясывавшую имъ наискось грудь и спину (фиг. 90. b). Эта перевязь, въ такомъ точно видѣ, встрѣчается часто на памятникахъ Нинивіи: ¹ она составляла принадлежность придворнаго ассирійскаго костюма и вѣроятно перешла въ Эоіюпію изъ Ассиріи.

Въ особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ, цари и жрецы надѣвали богато украшенныя передники и нагрудники (фиг. 90. a). Этотъ нарядъ былъ особенно роскошенъ у жрецовъ: къ дорогому чешуйчатому нагруднику они надѣвали двойной передникъ, узоръ котораго изяществомъ своимъ напоминаетъ греческіе и римскіе орнаментальныя формы (фиг. 91).

Фиг. 92.

2. Одежда знатныхъ женщинъ была очень проста даже и въ позднѣйшую эпоху. Онѣ носили длинное, плотно облегавшее тѣло, платье, ко-

¹ Подробнѣе см. ниже, Азія гл. III.

торое держалось на помочахъ и доходило до щиколки. Съ прибавкою въ-вторыхъ символическихъ принадлежностей и богатаго шитья, это платье было и церемональною одеждою царицъ и жрицъ. ¹ Въ остальномъ же, одежда царицъ мало отличалась отъ одежды царей. Главное отличие состояло въ головномъ уборѣ и скипетрѣ особой формы (фиг. 92. а, в).

Головной уборъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, былъ тоже очень похожъ на египетскій. Мужчины носили круглыя, плотно прилегавшія къ головѣ шапочки, а женщины или обвязывали себѣ голову платкомъ, какъ египтянки, или, какъ онѣ же, надѣвали на волоса родъ широкаго чехла или мѣшка.

Обувь въ Эіопяны была за то разнообразнѣе и богаче египетской. Эіопскіе щеголи пристегивали свои сандалии красиво вышитыми ремнями съ пряжками, золотыми застежками и дорогими кистями (фиг. 92. d. e).

Украшенія.

Изобиліе украшеній, которыя носили на себѣ знатные Эіопяне обоихъ половъ — какъ видно по изображеніямъ на памятникахъ, — указываетъ на ихъ чисто азіатскую склонность къ пышности и вмѣстѣ заставляетъ предполагать, что Эіопія была въ то время необыкновенно богата благородными металлами. Эіопяне носили тѣже украшения, какъ и Египтяне, но ихъ украшения уступали египетскимъ въ изяществѣ формы, были тяжелы, аляповаты, хотя и очень богаты; поэтому, за исключеніемъ ожерелій, мало отличавшихся отъ египетскихъ, и короны съ золотыми уреяи, эіопскія украшения разнились въ стилѣ отъ египетскихъ. Ихъ заястыя были такъ широки, что иногда доходили до локтя (фиг. 92. с). По найденному въ Мероэ запястью ² видно, что они состояли изъ нѣсколькихъ, соединенныхъ вмѣстѣ золотыхъ обручей, расписанныхъ эмалью. Обручи, которые носили на рукахъ выше локтя, дѣлали тоже изъ благородныхъ металловъ и украшали символическими фигурами. Особенно замѣчательна форма эіопскихъ перстней: гнѣздо перстня было такъ велико, что надѣтый на средній палецъ онъ закрывалъ половину руки (фиг. 90. в—d). Въ Берлинскомъ музеѣ есть нѣсколько такихъ перстней: почти все они изъ синяго глазурованнаго камня. Кромѣ перечисленныхъ украшеній, знатныя особы носили на себѣ крупныя бусы и разноцвѣтныя шнуры и камни (фиг. 90 и 92).

Египетская мода брить голову перешла и въ Эіопію, вмѣстѣ съ древне-египетскимъ обычаемъ окрашивать руки и ноги въ желтый или оранжевый цвѣтъ и чернить брови. Обыкновеніе знатныхъ эіопянокъ отращивать себѣ чрезвычайно длинные ногти, въ знакъ знатности своего происхожденія, ³ существовало уже и въ эпоху, о которой мы говоримъ (фиг. 92. с).

Оружіе.

Оно состояло изъ длинныхъ копій, короткихъ пожей, похожихъ на кинжалы, и большихъ продолговатыхъ щитовъ изъ шкуры гипопотама, какіе и

¹ См. Caillaud. Voyage etc. Табл. XVI: XVII, 2; XX. ² Оно найдено Ferlini и сохраняется въ берлинскомъ музеѣ.—³ R. Lepsius. Briefe, стр. 181.

нынѣ еще употребляются коренными жителями тѣхъ странъ. ¹ Объ эоіопскихъ щитахъ упоминается уже у Іереміи (XLVI, 6). По Діодору (III, 8) и Геродоту (VII, 69), Эоіопяне, кромѣ названнаго оружія, вооружались еще длинными луками изъ пальмоваго дерева съ тростниковыми стрѣлами, острія которыхъ были каменные, и тяжелыми, обитыми металломъ щитами.

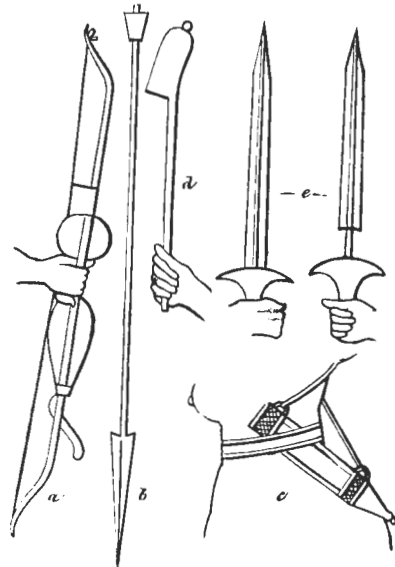
Съ распространіемъ въ Эоіопіи египетской культуры измѣнилось и вооруженіе Эоіопяпъ, чему, безъ сомнѣнія, болѣе всего способствовало переселеніе въ Эоіопію египетской военной касты, а также и войны съ Сирією, которыя вели овладѣвшіе Египтомъ эоіопскіе государи. Знатные Эоіопяне, перенимая отъ Египтянъ ихъ роскошную одежду, перенимали вмѣстѣ съ нею и богатое ихъ вооруженіе. Особенно роскошной отдѣлкѣ эоіопскаго оружія помогло можетъ быть и то обстоятельство, что эоіопскія царицы сами носили великолѣпное вооруженіе.

Все сказанное подтверждается и уцѣлѣвшими — правда, очень немногими — скульптурными изображеніями на эоіопскихъ памятникахъ. Тѣмъ не менѣе главная доля участія въ выработкѣ эоіопскаго вооруженія должна быть приписана Азіи, которая и въ этомъ случаѣ является исходною точкою африканской культуры. Мы видимъ, что тотъ же чешуйчатый панцирь, который носили египетскіе фараоны 18-й династіи, получавшіе, какъ сказано выше (стр. 44), свое оружіе въ дань отъ покоренныхъ ими азійскихъ народовъ, былъ военною одеждою и позднѣйшихъ эоіопскихъ царей,

Фиг. 93.

Фиг. 94.

отличаясь отъ египетскаго болѣе роскошною отдѣлкою и удлиненными до самой кисти руки рукавами (фиг. 93). Точно также и въ эоіопскомъ вой-

¹ Caillaud, Voyage etc. Vol. II. таб. LVI.

скѣ, неуклюжіе щиты простыхъ воиновъ были замѣнены круглыми средне-азіійскими щитами, какъ это видно на обломкѣ одного барельефа. ¹

Что касается до пападательнаго оружія Эоюнянъ, то оно осталось тоже, какимъ было изстари. Какъ цари, такъ и царицы ихъ вооружались тяжелою налицею (d), кошемъ (b), большимъ лукомъ (a) и короткимъ ножомъ. Последний носили въ ножнахъ, привѣшенныхъ на снуркахъ и заткнутыхъ спереди за поясъ (c). Изъ египетскаго пападательнаго оружія, Эоюняне заимствовали только мечъ, измѣнивъ его рукоять въ круглый, защищавшій руку эфесъ (фиг. 94. e).

Постройки.

О самостоятельномъ зодчествѣ древней Эоіюніи намъ ничего неизвѣстно. Развалины колоссальныхъ зданій, покрывающія обширныя пространства въ нижней Нубіи, суть остатки египетскихъ храмовъ, построенныхъ фараонами 18-й и 19-й династій. Даже и постройки изъ временъ Птолемеевъ и римскаго владычества оказались лишь поправками зданій, построенныхъ древними фараонами. ² Извѣстно, что постройки Рамзеса II доходили до горы Баркала. — Единственные памятники эоіюнскаго зодчества — развалины храмовъ и пирамидальныхъ царскихъ гробницъ, несутъ на себѣ слѣды того же вѣшняго вліянія, которое мы прослѣдили въ измѣненіяхъ эоіюнской одежды.

Частныя жилища были, по всей вѣроятности, очень сходны съ египетскими. Остатки зданій и кучи разбитыхъ кирпичей изъ шильскаго пла близь Кермана, на сѣверъ отъ острова Арго, заставляютъ предпологать, что на этомъ мѣстѣ существовало значительное египетское поселеніе, время основанія котораго восходить, можетъ быть, судя по египетскимъ скульптурамъ, къ эпохѣ владычества Гиксосовъ. ³ Какъ у Египтянъ, такъ и у Эоіюнянъ, жилые дома строились преимущественно изъ пальмоваго дерева и кирпича (Страбонъ, XVII), а общественныя зданія — изъ камня-песчаника.

Крѣпостныя постройки и ⁴ Эоіюнянъ, даже и въ позднѣйшую, римскую эпоху, совершенно походили на древне-египетскія. Уже при Сезострисѣ III и позднѣе, при Тутмосисѣ III, египетскіе храмы близь Семза и Кумма были сильно укрѣплены массивными стѣнами съ башнями. Остатки такихъ же укрѣпленій, позднѣйшей эоіюнской постройки, видны между прочимъ въ пустынѣ близь Нага. Наконецъ, выше-приведенному (стр. 73) египетскому гіероглифу, выражающему понятіе «укрѣпленіе», соответствуютъ и развалины древней римской крѣпости въ нижней Нубіи, состоящая изъ остатковъ толстой каменной стѣны съ четырьмя угловыми и четырьмя промежуточными башнями, обнимающей продолговатый четырехугольникъ во 175 шаговъ длины и 125 шаговъ ширины.

Расположеніе и архитектура эоіюнскихъ храмовъ представляютъ также близкое подражаніе египетскимъ. Древнѣйшіе, собственно эоіюнскіе храмы находятся (разумеется въ развалинахъ) близь древней Папаты, непо-

¹ Caillaud. Voyageur etc. I. табл. XXX. фиг. 6. ² R. Lepsius, Briefe. Стр. 113 — ³ Тамъ же, стр. 253. — ⁴ Тамъ же, стр. 114; 155: 289.

далеку отъ горы Баркала. Перенесеніе въ эти страны египетскаго культа, совершившееся уже весьма рано — на что указываетъ между прочимъ и разсказъ Геродота (II, 42) о постройкѣ храма Аммона на Оазисѣ Сива, въ Либіи, жрецами Мероэ въ союзѣ съ оивскими, — опредѣлило и сходство эоіопскихъ храмовъ съ египетскими. И только по изображеніямъ неегипетскихъ божествъ, встрѣчаемыхъ на позднѣйшихъ эоіопскихъ памятникахъ, можно догадываться, что и относительно культа Эоіонія не осталась нетронутою виѣафриканскимъ вліаніемъ.

Всѣ Баркальскіе храмы построены по одному образцу: они состоятъ изъ ряда покоевъ съ пристроенною спереди глухою галлереею на колоннахъ. У нѣкоторыхъ, передъ галлереею находится еще пристройка въ родѣ египетскаго пилона. Большое количество этихъ храмиковъ и ихъ незначительная величина, заставляютъ предполагать, что они были назначены для какихъ нибудь специальныхъ богослужебныхъ обрядовъ. Только одно большое зданіе изъ временъ Тарака, лежащее неподалеку отъ египетскаго храма Рамзеса II, было, кажется, храмомъ въ собственномъ смыслѣ. ¹ Отдѣлкою своею оно напоминаетъ такъ наз. тифоніи Египтянъ. Передъ его входомъ, заключеннымъ между двухъ пилоно-образныхъ башенъ, видны остатки колоннады. За входомъ открывается четвероугольная зала съ колоннами и пилястрами, за нею слѣдуетъ узкая глухая галлерей, которая выходитъ опять въ большой покой съ примыкающей къ нему камерой — вѣроятно святилищемъ. Эти два послѣднія помѣщенія высѣчены въ скалѣ, къ которой прислонено всё зданіе. На колоннахъ внутри зданія, капители замѣнены двойными надставками, представляющими голову Гафоры и надъ нею храмикъ, а на капителяхъ пилястръ въ передней залѣ высѣчены фигуры Тифона. Фигуры эти соединены съ потолкомъ полукруглыми надставками, а потому кажутся настоящими каріатидами, поддерживающими перекладыны потолка, — чего не встрѣчается въ египетскихъ храмахъ. Внутреннія стѣны покоевъ покрыты скульптурными фигурами. — Остатки другого храма лежатъ въ окрестностяхъ Бенъ-Нага: онъ вѣроятно былъ во всемъ сходенъ съ описаннымъ, но пилястръ съ фигурою Тифона было въ немъ больше. Слѣды чуждаго, виѣафриканскаго вліанія на эоіопскій культъ гораздо очевиднѣе на нѣкоторыхъ другихъ развалинахъ близъ Нага и Мезурать-э-Софра. Таковы, въ первой изъ названныхъ мѣстностей, хорошо сохранившіеся остатки довольно большаго храма. Его пилонъ и примыкающая къ нему галлерей выстроены въ египетскомъ стилѣ; но незначительность его размѣровъ и обработка украшеній заставляютъ предполагать въ его неизвѣстныхъ строителяхъ уже сильное ослабленіе религіознаго и художественнаго чувства. Въ другомъ соседнемъ зданіи съ перистилемъ, забраннымъ высокими промежуточными стѣнами, въ которыхъ продѣланы окна — круглодужные выступы надъ окнами и нѣкоторыя особенности въ орнаментовкѣ обличаютъ уже прямое (?) вліаніе греческаго и позднеримскаго искусства. ² Это же вліаніе замѣтно и въ самомъ обширномъ изъ эоіопскихъ храмовъ — въ Мезурать-э-Софра. Онъ состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ храмовъ, построенныхъ на террасахъ и со-

¹ Рисунки у Caillaud, Voyage etc. I. табл. I XVII и слѣд. ² См. F. Kugler, Gesch. d. Baukunst стр. 47 и слѣд.

единенныхъ между собою колоннадами, галлереями и лѣстницами. Здѣсь уже самое расположеніе, какъ цѣлаго такъ и частей его, указываетъ скорѣе на греческій (?), * чѣмъ на египетскій способъ постройки. А по нѣкоторымъ деталямъ колоннъ средней залы можно даже заключить о вліяніи азійскаго стиля. (Помянутый выше обломокъ барельефа, представляющій Нубійца, вооруженнаго круглымъ азіатскимъ щитомъ, былъ найденъ въ этой залѣ и составлялъ часть базы колонны).

То же смѣшеніе стилей замѣчается и въ развалинахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Напаты. Для какихъ особыхъ религіозныхъ отпращиваній были воздвигнуты всѣ эти зданія — этого развалины ихъ намъ не объясняютъ; но за то онѣ служатъ свидѣтельствомъ обширности и силы эоопскаго царства въ то время, когда Египетъ уже ослабѣлъ и клонился къ упадку.

Въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ лежатъ развалины храмовъ, видны остатки пирамидальныхъ гробницъ. Самыя обширныя изъ этихъ кладбищъ находятся въ окрестностяхъ Напаты и на островѣ Мероэ, близъ нынѣшняго Бер'эрави; далѣе — близъ Ташкасси, Нури и Зумы. Назначеніе этихъ построекъ объясняется высѣченными на нѣкоторыхъ изъ нихъ надписями и фигурами. Однѣ изъ нихъ — гробницы эоопскихъ царей, царствовавшихъ послѣ Тараки. Не смотря на очевидно египетское происхожденіе этихъ памятниковъ, они существенно отличаются отъ колоссальныхъ гробницъ древнихъ фараоновъ впервыхъ, своими незначительными размѣрами — самая большая изъ эоопскихъ пирамидъ имѣетъ не болѣе 80 ф. вышины; во вторыхъ тѣмъ, что только рѣдкія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ небольшую камеру съ куполообразнымъ потолкомъ, большая же часть совершенно массивны, лишь съ небольшимъ углубленіемъ, или нишею, пониже верхушки. Наконецъ, всѣ онѣ острѣе египетскихъ пирамидъ, и съ гладкими, а не уступчатыми поверхностями. У многихъ передъ входомъ выстроена небольшая пристройка (фиг. 95), всегда обращенная къ востоку, хотя сами пирамиды поставлены не вполнѣ соответвенно странамъ свѣта. Въ этой пристройкѣ совершались вѣроятно поминальные обряды, какъ и въ небольшихъ отдѣльно стоящихъ храмикахъ при египетскихъ пирамидахъ. — Эти различія въ постройкѣ гробницъ эоопскихъ царей и древнихъ повелителей Египта указываютъ, повидимому, на неодинаковое положеніе, которое тѣ и другіе занимали по отношенію къ народу и самому культу. Тогда какъ Египтяне въ лицѣ своихъ фараоновъ чествовали и высшее изъ своихъ божествъ, а потому и воздвигали имъ памятники, которые должны были существовать вѣчно, — эоопскіе государи были для своего народа лишь представителями высшаго человѣческаго могущества, и для нихъ считали достаточнымъ памятникъ, который, отличаясь своимъ видомъ отъ памятниковъ обыкновен-

Фиг. 95.

—

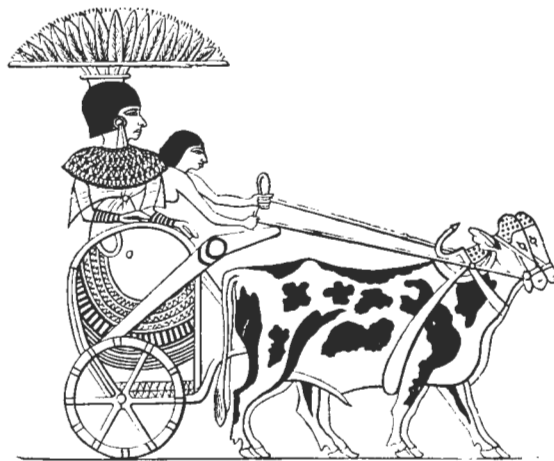
* Вопросительныя знаки поставлены въ нѣмецк. текстѣ. Пр. пер.

ных, могъ бы быть построенъ безъ чрезмѣрнаго напряженія физической силы. — У племени Донголави еще до послѣдняго времени существовалъ обычай ставить надъ могилами особенно уважаемыхъ людей высокіе (до 50 ф.) остроконечные курганы, сложенные изъ большихъ кирпичей. ¹

Утварь.

Какъ не было у Эіопянъ самобытнаго зодчества, такъ не было у нихъ и національной промышленности. Дань, платимая ими фараонамъ новаго царства, состояла большею частью въ сырыхъ, хотя и весьма цѣнныхъ, естественныхъ продуктахъ. Всѣ же произведенія ремеселъ и искусствъ они получали или прямо изъ Египта, или отъ переселившихся къ нимъ египетскихъ мастеровъ. Уже во время 19-й египетской династіи всѣ предметы домашняго комфорта, извѣстные въ Египтѣ, были знакомы и эіопскимъ богачамъ, и вскорѣ за тѣмъ дворцы эіопскихъ царей и палаты ихъ придворныхъ могли уже

Фиг. 96.

почти поспорить своею блестящею обстановкою съ дворцами фараоновъ и ихъ вельможъ. Эіопскіе цари ѣздили на такихъ же великолѣпныхъ колесницахъ и облекались въ такое же богатое вооруженіе, какъ и египетскіе фараоны (фиг. 96). Въ колесницы, однакожь, запрягали быковъ; лошадей стали запрягать гораздо позднѣе. Для верховой ѣзды употребляли, даже и въ позднѣйшее время, ² слоновъ, прирученіе которыхъ было извѣстно Эіопянамъ уже очень рано (Дюдоръ III, 26—27).

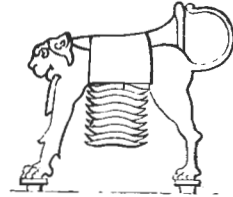
Если Плиніи (VI, 29) рассказываетъ о Мероѣ, что тамъ было 400000 мастеровъ разныхъ искусствъ и ремеселъ, то, не говоря уже объ очевидномъ преувеличеніи показаннаго числа, это извѣстіе доказываетъ только, что въ то время промышленные классы египетскаго населенія постепенно переселились на югъ. По немногимъ скульптурнымъ изображеніямъ на

¹ E. Rüppell, Reise durch Nubien etc. Стр. 61 и слѣд. — ² V. Lepsius, Briefe. 153.

эоюпскихъ памятникахъ, представляющимъ иѣкоторые предметы утвари, можно даже заключить, что она была прямо египетскаго происхожденія (фиг. 97).

Многія дошедшія до насъ извѣстія о способѣ погребенія мертвыхъ у иѣкоторыхъ эоюпскихъ племенъ такъ страшны, что кажутся невѣроятными. Такъ напр. Геродотъ (III, 24) и Діодоръ (III, 9) рассказываютъ о Макробахъ, что тѣла умершихъ они сначала высушиваютъ, потомъ, обмазавъ гипсомъ и раскрасивъ, кладутъ въ плотно закрытый, но прозрачный ящикъ и хранятъ дома. Что Эоюняне погребали своихъ мертвыхъ не такъ, какъ Египтяне, подтверждается впрочемъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ не было найдено ни одной эоюпской муміи.

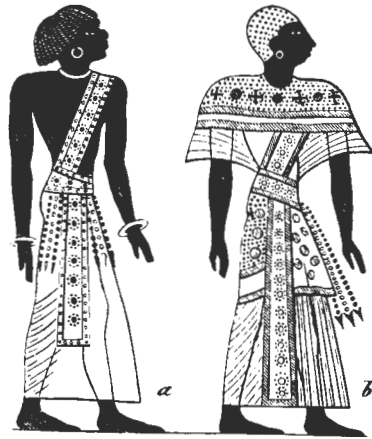
Фиг. 97.

Вліяніе Египта на вишнія формы быта въ юговосточной Африкѣ простиралось не на однихъ только Эоюнянъ въ собственномъ смыслѣ, но коснулось также и многихъ другихъ племенъ, издавна населявшихъ Эоюнію. У древнихъ ходило много разсказовъ о жившихъ въ ней Хтиофагахъ, Хелонофагахъ, Троглодитахъ, Киномологахъ и другихъ еще болѣе дикихъ племенахъ. Даже и горная часть южной Эоюніи — Абиссинія — была извѣстна древнимъ.

Египтяне не разъ сталкивались съ этими народами во время походовъ фараоновъ на югъ. На пьедесталѣ колоссальной статуи Аменофиса (въ парижскомъ музее) названы не менѣе 23 покоренныхъ народовъ африкайскаго происхожденія; ¹ точно также въ надписяхъ къ барельефамъ, изображающимъ побѣды Рамзеса II, поименованы 12 покоренныхъ имъ негритянскихъ племенъ; а на гробницахъ въ Бибан-эль-Молукъ они обозначены, какъ отдѣльная группа племенъ, подъ общимъ названіемъ «Махесъ». ² Изображенія отличаютъ эти племена отъ собственно Эоюнянъ, давая имъ характеристическій негритянской профиль, болѣе темный цвѣтъ кожи и своеобразную одежду, соответствующую степени культурнаго развитія каждаго племени. Въ однихъ фигурахъ напр. не трудно узнать дикихъ обитателей Эоюніи, какъ они описаны у древнихъ; въ одеждѣ другихъ, напротивъ того, замѣтно уже иѣкоторое приближеніе къ костюму болѣе цивилизованныхъ ея жителей.

Фиг. 98.

¹ E. Rougé Notices des Monuments. Стр. 5 (No. 18). ² H. Brugsch. Reiseberichte, стр. 155; 329. —

Судя по этимъ изображеніямъ, ¹ всю одежду эіопскихъ дикарей составлялъ короткій передникъ изъ шкуры тигра или леопарда (у женщинъ онъ былъ нѣсколько длиннѣе и закрывалъ нижнюю часть тѣла, на подобіе юбки). На головѣ они носили гладкія шапочки, сплетенныя изъ камыша, съ пучкомъ перьевъ на верхушкѣ. Браслеты и большія серьги грубой работы служили украшеніемъ какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ.

Одежда болѣе цивилизованныхъ негритянскихъ племенъ, или покрайней мѣрѣ представленныхъ на памятникахъ послѣвъ ихъ къ фараономъ 18-й и 19-й династій, отличалась пестротою. Матеріи для нея вѣроятно вывозились изъ Египта, а можетъ быть и прямо изъ Эіопіи, откуда безъ всякаго сомнѣнія получались и перевязи, которыя видны на негритянскихъ послѣхъ, (фиг. 98), и которыя совершенно похожи на описанныя выше эіопскія перевязи (ср. фиг. 89).

О значительномъ нѣкогда культурномъ развитіи самыхъ южныхъ прилившихъ земель свидѣтельствуютъ развалины, разсѣяныя въ окрестностяхъ древняго города Аксума, въ Абиссиніи. ² По поводу этихъ развалинъ, относящихся къ разному времени, было высказано предположеніе, что мѣстность, занимаемая ими, была мѣстомъ поселенія удалившейся изъ Египта при Псамметихѣ воинопой касты. ³ Характеръ развалинъ не подтверждаетъ этой догадки: всѣ уцѣлѣвшіе памятники носятъ на себѣ слѣды вліянія позднѣйшаго, нежели то, которое замѣтно даже въ наименѣе древнихъ сооруженіяхъ въ Мероз. Большую часть памятниковъ составляютъ гранитные монолиты, отъ 20 до 80 ф. вышины, въ формѣ обелисковъ, съ грубымъ орнаментомъ изъ гладкихъ и перекрещенныхъ валиками квадратовъ. ⁴ На нѣкоторыхъ изъ нихъ есть греческія надписи, изъ которыхъ видно, что жители Аксума находились въ сношеніяхъ не только со всеми народами южной Африки, но и съ Гомеритами (Гимъаритами)—обитателями Гемена (въ Аравіи).—Государство Аксумское процвѣтало еще въ IV в. по Р. Х. подъ управленіемъ туземныхъ царей, обратившихся въ христіанство. Дворъ этихъ государей славился своею пышностью, напоминавшею отчасти пышность владыкъ индійскихъ. По описанію послаивника императора Юстиніана II къ Аксумскому царю Архету (около 573 по Р. Х.), одежда царя состояла изъ вышитой жемчугомъ юбки, опоясанной протканнымъ золотомъ поясомъ, и высокой, тоже жемчугомъ унизанной шапки. На шеѣ у него висѣла золотая цѣпь, а на рукахъ были надѣты золотыя браслеты и кольца. Передъ народомъ царь являлся вооруженный круглымъ щитомъ и двумя золотыми копьями; онъ сидѣлъ въ обитомъ золотомъ паланкинѣ, который несли четыре богато убранныхъ слона.

¹ Cp. Rosellini (mon. stor.) табл. LXXXV и Д'одоръ III, 8.—² J. Bruce. Travels to discover the source of the Nil. Edinburgh. 1788.—Visc. Valentia, Voyages and travels to India, etc. London, 1811. vol. III. — H. Salt, Voyages en Abyssinie. Paris 1816. — Voyage en Abyssinie, exécuté pendant les années 1829—1843 par une commission scientifique composée de MM. T. Lefebvre, A. Petit et Quartin — Dillon, etc. Publié par ordre du Gouvernement etc. 34 livr. de planches et 6 vols.—³ C. Ritter, Erdbeschreibung. Afrika (2 Ausg.) стр. 220.—⁴ Рисунокъ у Куглера, Gesch. d. Baukunst. стр. 76., взятъ изъ Valentia, Voyages etc. vol. III.

Хронологическая послѣдовательность памятниковъ въ связи съ ихъ топографическимъ распредѣленіемъ даютъ достаточное основаніе предположенію, что культура распространялась въ нильской долинѣ съ сѣвера на югъ, вверхъ по теченію рѣки; а лингвистическія и этнографическія изслѣдованія доказываютъ, что мѣстомъ происхожденія этой культуры была Азія, и что она перешла оттуда въ Африку черезъ суецкій перешеекъ. Соответственно этому движенію культуры развивался и совершенствовался и бытъ африканскихъ народовъ со всеми вышними его принадлежностями. Принимая въ основаніе свидѣтельство памятниковъ, для этого развитія можно установить четыре—весьма, правда, обширныя—эпохи.

Первая эпоха доходитъ до 12-й египетской династии, т. е. почти до 2500 г. до Р. Х. Къ ней принадлежатъ пирамиды, колоссъ сфинкса и древнѣйшія мемфисскія гробницы, т. е. тѣ, на стѣнахъ коихъ представлены картины обыденной жизни. — Воздѣлыванье земель, лежащихъ при нижнемъ Нилѣ, было окончено. Обработка ихъ, потребовавшая крайняго напряженія рабочей силы, способствовала развитію въ народѣ склонности къ порядку и правильной дѣятельности. Въ одеждѣ и утвари ограничиваются лишь необходимымъ для удовлетворенія потребностей самой непритхотливой жизни. Эстетическое чувство еще ничтожно, но зато црвится всё колоссальное, массивное: строятся гигантскія пирамиды; высѣкаются въ скалахъ глубокіе могильные гроты. Мало по малу пластическое подражаніе произведеніямъ природы пробуждаетъ чувство формы; но скованное съ самаго начала практическими требованіями, возникшими изъ мѣстныхъ условій, оно подчиняется узкому схематизму и навсегда теряетъ способность освободиться отъ него.

Вторая эпоха характеризуется гробницами Бени-Гассана. Она продолжается, включая сюда и періодъ господства Гиксосовъ, не оставившій по себѣ никакихъ памятниковъ, отъ начала второго тысячелѣтія до половины 17-го вѣка до Р. Х. — Воздѣлываніе земель постепенно распространяется къ югу; между тѣмъ въ сѣверныхъ частяхъ страны, изъ земледѣльской дѣятельности выдѣляется дѣятельность ремесленная и становится самостоятельнымъ занятіемъ, разнообразясь по мѣрѣ умноженія потребностей. Государственная и городская жизнь развивается и упрочивается. Завязываются торговля сношенія, прежде всего съ среднею Азією, и порождаютъ новыя потребности. Одежда и домашняя обстановка становятся разнообразнѣе и красивѣе. Въ постройкахъ, колоссальность и массивность умѣряется примѣненіемъ колоннъ и пилястръ для разчлененія и подпоры. Безостановочное движеніе Египтянъ вверхъ по Нилу приводитъ ихъ во враждебныя столкновенія съ туземными племенами. Вслѣдствіе, этого значеніе вооруженной силы возвышается; начинается усовершенствованіе оружія. Побѣды надъ сосѣдними племенами обезпечиваютъ границы Египта, по слухи о его благосостояніи и естественныхъ богатствахъ возбуждаютъ въ народахъ средней и передней Азіи желаніе овладѣть имъ. Первые вторгаются въ него Гиксосы, и старое царство фараоновъ становится ихъ добычею.

Третья эпоха открывается основаніемъ новаго царства. Это эпоха высшаго политическаго и культурнаго развитія Египта. Продолжительныя войны съ преданными роскоши и богатыми народами передней и средней Азіи,

оканчивавшіяся побѣдами египетскаго оружія, и богатыя дани, платимыя побѣжденными, вносятъ въ бытъ Египтянъ небывалую дотолѣ пышность, которая съ этихъ поръ всё болѣе и болѣе усиливается. Но въ то же время интересы частной жизни отодвигаются на задній планъ и выступаютъ интересы политическіе. На памятникахъ, вмѣсто прежнихъ бытовыхъ сценъ, появляются изображенія историческихъ событій. Для помѣщенія этихъ обширныхъ картинъ, гладкія поверхности на стѣнахъ храмовъ получаютъ большіе противу прежняго размѣры, орнаменты переносятся на колонны, ряды которыхъ всё чаще и чаще замѣняютъ прежнія массивныя стѣны во внутренности зданій. Къ постройкамъ въ стилѣ мемфискихъ гробницъ присоединяются обширныя залы съ рядами колоннъ и сквозныя колоннады.

Эта эпоха постоянно усиливавшейся роскоши продолжалась до вступленія на престолъ египетскій династіи Псамметиховъ. Къ прежнимъ, на азійскихъ началахъ развившимся культурнымъ элементамъ прибавился новый элементъ—греческій, занесенный въ Египетъ сношеніями съ іоническими греками. Привнесеніемъ его обозначился переходъ къ четвертой эпохѣ въ бытовомъ развитіи Египтянъ.

Настоящее же начало этой эпохи совпадаетъ съ вступленіемъ на престолъ династіи Птолемеевъ. Съ этихъ поръ въ египетской культурѣ начинается преобладаніе элементовъ греческихъ и римскихъ надъ туземными, и отражается на высшихъ формахъ быта Египтянъ. Между греческими колонистами и туземцами нижняго Египта устанавливаются оживленныя торговыя сношенія и взаимное сближеніе.

Между тѣмъ уже при Псамметихахъ, около половины 7-го в. до Р. Х., приверженцы старо-египетскихъ обычаевъ начали удаляться всё далѣе и далѣе къ югу и наконецъ перешли за предѣлы египетскаго государства. Основавшись на новыхъ, избранныхъ ими мѣстностяхъ, они пытались было обратить ихъ въ разсадники припесенной съ собою стариной національной культуры, но оторванные отъ родной почвы, вдали отъ памятниковъ своихъ предковъ, они оказались слишкомъ слабыми, чтобы устоять противъ измѣнивагося духа времени и вторгавшихся отовсюду чужестранныхъ вліяній: для пріятаго ими дѣла пужны были свѣжія силы, которыхъ у нихъ не было.

Эоіонскіе памятники, въ которыхъ, хотя и слабо, отразилось величіе древняго Египта, показываютъ, что чужестранныя вліянія проникли и въ Эоіопію и придали высшимъ формамъ туземнаго быта такое разнообразіе, какого древніе Египтяне не знали. Этимъ разнообразіемъ характеризуется пятая и послѣдняя эпоха египетскаго бытоваго развитія.

Послѣднія развѣтвленія его теряются въ Абиссиніи, въ смѣси самыхъ разнородныхъ высшихъ вліяній. Торговыя сношенія съ давно уже огречившимся нижнимъ Египтомъ, съ Аравією и Индією были и здѣсь главнымъ факторомъ въ образованіи высшихъ формъ быта.

Отдѣлъ второй.

Древнѣйшіе народы Азіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Аравитяне.¹

Предварительныя замѣчанія.

Жители Аравіи принадлежатъ къ семитической вѣтви великаго кавказскаго племени, прародиною котораго считается нагорье Согдіаны, у истоковъ Океуса и Яксарта. Отсюда часть семитовъ спустилась въ плодородныя равнины, орошаемыя Евфратомъ и Тигромъ, другая часть направилась къ югозападу и проникла въ аравійскій полуостровъ. — Почти все преданія Арабовъ относительно ихъ происхожденія восходятъ къ патриархамъ Ветхаго Завета. Жители сѣверной и средней Аравіи считаютъ себя потомками Измаила, сына Авраамова, а Гимьяриты, въ южной части полуострова, ведутъ свое происхожденіе отъ Гебера, правнука Ноя, и его сына Юктана (Кахтана).

Естественныя условія Аравійскаго полуострова — его обширныя каменные пустыни, лишь изрѣдка прерываемыя полосами плодородной земли (оазисами), недостатокъ значительныхъ водныхъ потоковъ и крайняя сухость климата, — были мало способны возбудить въ переселенцахъ охоту промѣ-

¹ Th. Hartmann. Aufklärungen über Asien II. (Arabien). Oldenburg 1807. — Rühle v. Lilienstern. Zur Geschichte der Araber vor Muhammed. Berlin, 1836. — M. Duncker. Gesch. d. Alterthums. Berlin, 1852. I. Стр. 107 и слѣд. — Изъ множества путешествій по Аравіи, мы упомянемъ, какъ на наиболѣе важныя для нашего предмета, на слѣдующія: Arvioux. Die Sitten der Beduinen-Araber (пер. съ фр.) Leipzig 1789. — C. Niebuhr, Beschreibung von Arabien. Kopenhagen 1772; его же Reisebeschr. Arabien. Kopenhg. 1774—1778. II. — L. Burckhardt. Reisen in Arabien (съ англ.) Weimar. 1830.; его же: Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby. Weimar. 1831. — B. Wellsted's Reisen in Arabien (съ англ.) Halle 1872. — Léon de Laborde, Voyage en Arabie pétrée. Paris 1830. fol. — David Roberts, The Holy Land, Syria, Idumea, Arabia etc. London 1842, 2 vols. fol. — H. v. Ma yr u. Fischer. Genre-Bilder aus dem Orient. Stuttg. 1846—50 (съ превосходными рисунками) — Hor. Vernet, Voyage en Orient, rédigé par G. Fesquel av. 16 dess. col. Paris. — W. Lane, Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter (съ англ.) 3 vols. Leipzig 1852.

нять свой исконный кочевой бытъ на осѣдлый. Только немногимъ, небольшимъ группамъ ихъ, которыхъ странствованія завели къ южному побережью полуострова, покрытому богатою растительностью, удалось основаться въ постоянныхъ жилищахъ и мало по малу подняться до городской жизни. Главнымъ факторомъ въ культурномъ развитіи осѣдлыхъ Семитовъ была торговля мѣстными естественными произведеніями, которыя они обмѣнивали на эіопскіе и индійскіе товары. Торговля сношенія производились караванами, при помощи нѣкоторыхъ изъ кочевыхъ племенъ, снабжавшихъ караваны вьючными животными и охранявшихъ ихъ въ пути. Уже въ глубокой древности аравійскіе караваны доходили до Сиріи и нижняго Египта (Быт. XXXVII, 28).—Подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ условій возникло въ «счастливой» Аравіи царство Іоктанидовъ (Гимъяритовъ) — Савское, славное въ древности своимъ богатствомъ и своею царицею, пришедшею къ Соломону послушать его мудрости.

Населеніе «пустынной» и «каменистой» Аравіи было искони кочевымъ. Изъ того, что намъ извѣстно о немъ изъ исторіи и изъ живущихъ въ средѣ его преданій, можно заключить, что бытъ его нисколько не измѣнился со времени патріарховъ. Называя себя людьми пустыни (Бодауи, Бедуины), а пустыню своимъ отечествомъ, оно ни разу не теряло своей независимости и не только никогда не подчинялось чужеземцамъ, но постоянно брало съ нихъ дань за свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія, какъ продолжаетъ брать ее и до сихъ поръ. Нынѣшній образъ жизни пастушескихъ племенъ, кочующихъ въ Сиріи и сѣверной Аравіи, совершенно сходенъ съ патріархальнымъ бытомъ пастырей, описаннымъ въ Библии, а занятая войною и грабежемъ жизнь дикихъ бедуиновъ Омана напоминаетъ библейскія повѣствованія о грозныхъ и воинственныхъ Измаильтянахъ.

Что же касается до современныхъ намъ осѣдлыхъ жителей Аравіи, то бытъ ихъ представляетъ мало сходства съ бытомъ населенія древнеаравійскихъ царствъ. ¹ Впрочемъ, свѣденія наши объ этихъ царствахъ очень скудны и въ добавокъ основаны большею частью на разсказахъ купцовъ, которые посѣщали южную Аравію для торговыхъ цѣлей и можетъ быть умышленно преувеличивали ея богатства. Соображая эти извѣстія съ развитіемъ культуры на Востокѣ вообще, можно предположить, что населеніе аравійскихъ царствъ, перемѣнивъ свой первоначальный кочевой бытъ на осѣдлый, не оставило привычекъ и обычаевъ своей прежней жизни, но дало имъ мѣсто и въ своемъ общественномъ и государственномъ строѣ; ² что, живя подъ управленіемъ единовластныхъ царей и царицъ, оно рано вступило въ торговые сношенія съ сосѣдними народами, накопило богатства и пользовалось несравненно большимъ благосостояніемъ, чѣмъ его кочевыя единоплеменники въ средней и сѣверной Аравіи.

Одежда.

Живя въ странѣ, производящей мало растений, годныхъ на выдѣлку тканей, населеніе средней и сѣверной Аравіи должно было довольствоваться

¹ C. Niebuhr, Beschreibung v. Arabien. 271, 379. Wellsted, Reise in Arabien. I, 15 и слѣд. ² Wellsted, тамъ же стр. 252 и слѣд., 287 и слѣд.

для своей одежды тѣми матеріалами, которые доставляли ему его стада. Первоначально оно одѣвалось въ невыдѣланныя шкуры животныхъ, потомъ выучилось выдѣлывать эти шкуры и, наконецъ, начало перерабатывать шерсть своихъ верблюдовъ, овецъ и козъ въ грубое сукно и войлокъ. Далѣе этого оно не пошло, и всѣ остальные принадлежности своего костюма, особенно металлическія украшенія и оружіе, оно вымѣнивало у сосѣднихъ, болѣе промышленныхъ народовъ. Нынѣшніе Арабы, по крайней мѣрѣ кочевые, нисколько не опережали своихъ предковъ въ отношеніи ремесленной производительности: ихъ бродячая жизнь не дала развиться у нихъ никакому ремеслу; а въ грубыхъ, живущихъ преимущественно разбоемъ, бедуинахъ Омана воспитала даже презрѣніе ко всѣмъ вообще ремесленнымъ занятіямъ, какъ недостойнымъ свободныхъ воиновъ. ¹

Туземные продукты, составлявшіе главный предметъ торговли осѣдлаго населенія южной Аравіи, принадлежали болѣею частью къ разряду весьма цѣнныхъ, но мало полезныхъ произведеній природы. То были разнаго рода душистыя смолы—ладанъ, мирръ, алоэ, различныя пряности и ароматическія растенія. По берегамъ Краснаго моря и Персидскаго залива были устроены складочныя мѣста для товаровъ, привозившихся изъ Африки и Индіи. Въ замѣнъ произведеній своей страны, Аравитяне получали разное сырье, простые и благородные металлы, драгоценныя камни и пр. а также и различныя предметы роскоши, драгоценныя уборы, богато вышитыя хлопчатобумажныя одежды и тонкія полотна (Езекіиль XXVII, 20 — 25). Надобно полагать впрочемъ, что по мѣрѣ накопленія богатства и увеличенія роскоши въ арабійскихъ государствахъ, постепенно начала развиваться и въ нихъ нѣкотораго рода ремесленная дѣятельность. Изобиліе въ Іеменѣ и Оманѣ хлопчатника и индиговаго растенія, а также и богатые, по крайней мѣрѣ по отзывамъ древнихъ, рудники южной Аравіи, должны были, по всему вѣроятію, уже очень рано привлечь туземное населеніе къ переработкѣ этихъ продуктовъ на предметы употребленія. ²

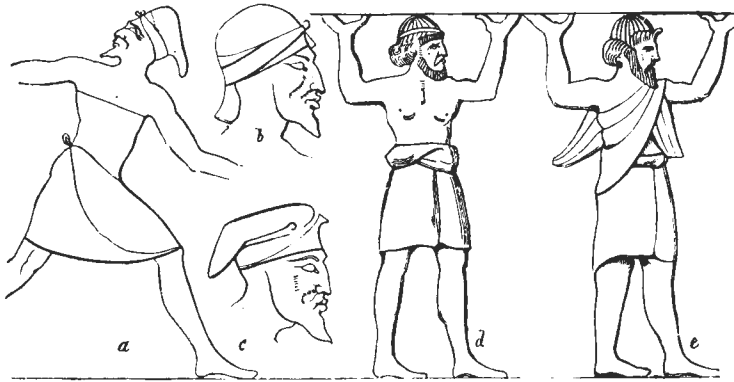
Охотничьи племена, кочующія въ пустышѣ Эль-Гаммадъ, и бѣднѣйшее населеніе Омана, Іемена и нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстностей, довольствуются еще и понынѣ скудною, едва прикрывающею наготу, одеждою изъ звѣриныхъ шкуръ, кожи и грубыхъ тканей. Одежда другихъ племенъ, болѣе развитыхъ и поставленныхъ въ лучшія условія, выработалась уже издавна до надлежащей полноты и цѣлесообразности.

По изображеніямъ на египетскихъ памятникахъ, современныхъ началу новаго царства, видно, что нѣкоторыя кочевыя племена Аравитянъ уже и тогда носили одежду, которая совершенно закрывала тѣло отъ начала груди до колѣнъ, а голову повязывали (фиг. 99. а—с). Къ этой одеждѣ, верхняя часть которой вѣроятно иногда спускалась и обвертывалась вокругъ пояса, былъ прибавленъ въ послѣдствіи, какъ показываютъ древнеперсидскіе памятники, родъ короткаго плаща или накидки (фиг. 99. е).

¹ Burckhardt, Reisen I. 580. -- ² О современномъ состояніи ремеслъ въ Аравіи см. Wellstedt, I, стр. 82; 90; 218 и слѣд.; II, стр. 334. О металлич. ея богатствѣ — Hartmann, Aufklärungen II. стр. 13 и слѣд. Rosenmüller, Handbuch der bibl. Alterthumskunde III, стр. 154; IV, стр. 50. О золотыхъ копяхъ въ Іеменѣ: Russegger, Reisen in Europa, Asien etc. Stuttgart 1841. II, стр. 23.

Этот несложный костюмъ былъ, повидимому, самымъ употребительнымъ въ Аравіи даже и въ позднѣйшее время. По свидѣтельству Страбона, (XVII;

Фиг. 99.

1, 3, 4) его носили и извѣстные своими обширными торговыми сношеніями Набатеи; о немъ же говоритъ и писатель конца IV в. по Р. Х., Аммианъ Марцеллинъ, въ своемъ описаніи воинственныхъ Сценитовъ, или обитателей шатровъ (XIV, 4; XXXI, 16).

Воспоминаніе объ этой древнѣйшей одеждѣ арабійскихъ номаловъ удержалось даже и донинѣ въ предписаніяхъ богомольцамъ, посѣщающимъ Мекку. Тамъ сказано, что каждый богомольецъ, во время своего пребыванія въ священномъ городѣ, вмѣсто своей обыкновенной одежды, долженъ носить «ирамъ» (фиг. 100, а), ¹ который въ сущности есть ничто иное, какъ вышеописанный первобытный костюмъ кочевыхъ арабійскихъ племенъ; такъ же какъ и тотъ, онъ состоитъ изъ короткой юбки, или передника, и широкой накидки (фиг. 99. е).

Шерстяныя рубашки, широкіе, тяжелые плащи и головныя повязки, составляющіе одежду большей части нынѣшняго мужскаго населенія Аравіи (фиг. 100. в, с), были, вѣроятно, заимствованы древними Аравитянами отъ сосѣднихъ народовъ и постепенно прибавлены ими къ ихъ обычной одеждѣ.

Рубашка, безъ сомнѣнія, предшествовала плащу, какъ одна изъ самыхъ древнѣйшихъ формъ одежды. Такою она была у древнихъ Египтянъ, у Халдеевъ и у Ассирійянъ. При рубашкѣ обыкновенно носили кожаный или плетеный поясъ. — Нынѣшняя арабская рубашка дѣлается изъ грубой бумажной или шерстяной матеріи, а иногда изъ шербленого холста. Она безъ швовъ, съ глухою грудью, длинными и широкими или же короткими и узкими рукавами. Бумажныя рубашки большею частью синяго, рѣже коричневаго цвѣта, а иногда полосатыя. — Кочевые народы сѣверной Африки, кочующіе Нумидійцы («номады») у Полиб. XXXVII, 3) одѣвались, по Страбону, въ широкія одежды безъ поясовъ, — но всему вѣроятно такія же широкія рубашки, какія и нынче еще носятъ Кабилы.

¹ Niebuhr, *Weisebeschreibg.* I. стр. 265. Burckhardt, *Reisen*, стр. 127 и слѣд.

О плащахъ изъ козьеѣ шерсти, какъ и вообще объ одеждѣ изъ грубыхъ шерстяныхъ матерій, упоминается не разъ въ библейскихъ повѣствованіяхъ.

Фиг. 100.

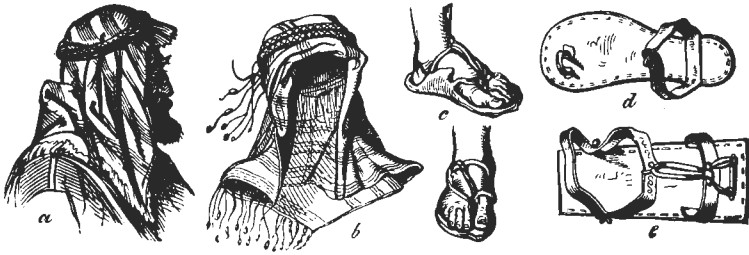
ваніяхъ. Эти плащи могли имѣть нѣкоторое сходство съ плащами Аравитянъ; изображенія ихъ однакожь не встрѣчается ни на ассирійскихъ, ни на древнеперсидскихъ памятникахъ. Плащи пустынныхъ бедуиновъ похожи «на широкій, распоротый сверху до-низу мѣшокъ, въ днѣ котораго сдѣлао отверстие для головы, а въ бокахъ проймы для рукъ». ¹ Они, также какъ и рубашки, ткуются большею частью изъ козьеѣ или верблюжьеѣ шерсти, и бываютъ одноцвѣтные и полосатые. Плащи бедуиновъ, кочующихъ въ Месопотаміи, почти всегда полосатые, съ черными и бѣлыми вертикальными полосами. (фиг. 100; b, c); ² у египетскихъ Арабовъ попадаются плащи совершенно черные или темно-коричневые, ³ иногда съ желтыми, синими и красными полосами въ клетку. ⁴ Шейхи племени Аль-эль-Шемаль носятъ черные плащи, протканные золотомъ. ⁵ На восточномъ берегу Аравіи, въ Оманѣ, цвѣтъ плащей обыкновенно желтовато-бѣлый, съ черными и коричневыми полосами. ⁶ Эта различная окраска плащей, вѣроятно такъ же стара, какъ и самое ихъ употребленіе и служила первоначально наружнымъ отличіемъ разныхъ племенъ. — Иногда плащи подпоясываютъ поясами изъ широкаго ремня или крѣпкаго шнурка, или же просто изъ куска какой нибудь матеріи; нѣкоторыя племена, живущія на югѣ Аравіи, носятъ длинные ремненные пояса, которые они двѣнадцатъ и болѣе разъ обвертываютъ вокругъ поясицы.

Бромъ старинной повязки, которая представлена на египетскихъ картинахъ (фиг. 99. а—с) и которую можетъ быть видѣть еще и Плиніи (VI,

¹ Niebuhr. Beschrg. стр. 340 Ср. еще: M. Prisse d'Avennes. Miroir de l'Orient ou tableau historique etc. de l'Orient musulman et chrétien. Paris 1852. стр. 5. Статьи—Abâh и слѣд. — ² Ср. Wellsted. Reise nach der Stadt der Kalifen стр. 122.— ³ Lane, Sitten etc, I, 26. — ⁴ Wellsted, назв. соч. стр. 72.— ⁵ Burkhart, Bemerkungen стр. 37.— ⁶ Wellsted, тамъ же.

28, 32), носили на головѣ, для защиты отъ солнца, большіе куски матеріи, сложенные треугольникомъ и придерживаемые обернутымъ вокругъ головы крѣпкимъ шнуркомъ (фиг. 101. а, в). Такіе платки Арабы носятъ еще и нынѣ; ихъ цвѣтъ и матерія, изъ которой они сдѣланы, различны у различныхъ племенъ.

Фиг. 101.

Хотя неприхотливыя «дѣти пустыни» очень легко могутъ обходиться безъ обуви, однакожь они умѣютъ цѣнить удобство, ею доставляемое. Нибуръ рассказываетъ,¹ что когда въ караванѣ, съ которымъ онъ ѣхалъ, палецъ одинъ изъ вьючныхъ ословъ, то хозяинъ животного тотчасъ же снялъ съ него шкуру, разрѣзалъ её на куски и распродалъ своимъ товарищамъ на обувь, которую тѣ сейчасъ же и изготовили: повернувъ по краямъ кусковъ кожи отверстія и вдернувъ въ нихъ веревки, они привязали ихъ себѣ подъ подошвы. Такого рода грубыя сандалии (фиг. 101. с), совершенно напоминающіе обувь Готтентотовъ (см. выше стр. 12), были вѣроятно самодревнѣйшею обувью жителей Аравіи. Такъ же древни и настоящія сандалии (фиг. 101. d, e), которыя и теперь еще во всеобщемъ употребленіи у Арабовъ. Покрайней мѣрѣ, своею формой и способомъ прикрѣпленія къ ногѣ, онѣ близко напоминаютъ древнѣйшую обувь Египтянъ (сравн. фиг. 25. с, d).

Женская одежда у кочевыхъ племенъ Аравіи въ древнія времена вѣроятно очень мало отличалась отъ мужской. Да и въ настоящее время, главное отличіе ея отъ послѣдней состоитъ лишь въ томъ, что она полнѣе закрываетъ всё тѣло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Сиріи, арабскія женщины закрываютъ себѣ и лицо болѣе или менѣе прозрачнымъ покрываломъ (фиг. 102. с).

Можно предполагать, что у арабскихъ племенъ, которыя съ незапамятныхъ временъ переселились въ сѣверную Африку и нашли тамъ себѣ второе отечество въ древнихъ царствахъ Нумидійскомъ и Мавританскомъ,² древнеарабскій женскій костюмъ удержался въ своемъ первоначальномъ видѣ гораздо долѣе, чѣмъ у номадовъ Аравіи, которыхъ, влѣдствіе торговыхъ сношеній, уже рано коснулось чужеземное вліяніе, и что поэтому одежда нынѣшнихъ арабскихъ женщинъ въ Африкѣ ближе подходитъ къ древнеарабской. Кабильскія женщины³ носятъ длинную и широкую синюю ру-

¹ Reisebeschreibg nach Arabien II, стр. 166. — ² Преданіе о переселеніи арабскихъ и свирійскихъ племенъ въ Картагенъ, Левъ Африканецъ нашолъ у Варварійцевъ.

³ Рисунки съ натуры въ великолѣпномъ изданіи: Galerie royale des costumes (Cost. Algériens).

башку, и особаго рода одежду, совершенно похожую на классическую одежду древних Греков. Въ своей простѣйшей, и безъ сомнѣнія древнѣйшей, формѣ, она состоитъ изъ двухъ неравной длины кусковъ матеріи, которые пристегиваются на плечахъ желѣзными запонками, а у поясицы поддерживаются поясомъ (фиг. 102. а). Подобную же одежду, только съ боковъ зашитую на глухо, носятъ женщины кочевыхъ бедуиновъ въ нижнемъ Египтѣ (фиг. 102. б).

Фиг. 102.

Плащи бедуинскихъ женщинъ бываютъ или бѣлые съ синими клѣтками и желтою или красною полосою по краямъ, или синіе, или совсѣмъ черные. Они имѣютъ около 9 фут. ширины и 5 ф. длины, и служатъ вмѣстѣ покрываломъ для головы, особенно на югѣ Аравіи.

Но есть также и особая головная повязка: у дѣвушекъ онѣ обыкновенно краснаго, а у замужнихъ чернаго цвѣта. Ихъ или обвиваютъ вокругъ головы, на подобіе тюрбана, или подвязываютъ подъ подбородкомъ.

Общій почти всѣмъ восточнымъ женщинамъ обычай завѣшивать себѣ лицо можно, кажется, объяснить свойственною восточнымъ народамъ склонностью къ строгой замкнутости семейнаго круга. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ возникъ первоначально въ городахъ и если существуетъ у нѣкоторыхъ кочевыхъ племенъ Аравіи, то лишь у тѣхъ, которыя живутъ вблизи городовъ и уже нѣсколько затронуты городскими обычаями. У независимыхъ бедуиновъ внутренней Аравіи, онѣ не соблюдается вовсе и вообще женщины ихъ пользуются большою свободою, чѣмъ у сѣверныхъ и сирійскихъ бедуиновъ. ¹

¹ Niebuhr, Beschreibung, стр. 65. Burckhardt, Bemerk. стр. 189. Wellsted, Reisen nach d. Stadt d. Kalifen. стр. 125; Reisen in Arabien I. стр. 105, 294. —

Бедуинки, такъ же какъ и бедуины, ходятъ большею частью босикомъ, даже и зимою. Только въ рѣдкихъ случаяхъ обуваются онѣ или въ кожаныя сандалии домашней работы, или въ туфли, которыя покупаютъ въ городахъ.

Для защиты себя отъ насѣкомыхъ и чтобы заглушить противный запахъ испарины, бедуины натираютъ себѣ тѣло благовонными мазями и пахучими маслами. ¹ У нѣкоторыхъ племенъ въ обычаѣ окрашивать извѣстныя части тѣла оранжевою краскою (хенне) и накалывать на нихъ узоры. ² По главною краскою мужчины у всѣхъ вообще бедуиновъ считаются густые волосы на головѣ и особенно на бородѣ. На челоуѣка съ рѣдкими и слабыми волосами, они смотрятъ какъ на обиженнаго судьбою. ³

Каждое племя носятъ волосы по своему; поэтому племена легко различаются по прическѣ волосъ. Такъ напр. племя Энезе отличается отъ другихъ сирійскихъ бедуиновъ тѣмъ, что мужчины никогда не стригутъ себѣ волосъ, а заплетаютъ ихъ въ длинныя косы, которыя распускаютъ по спинѣ. Иныя племена носятъ ихъ въ локонахъ; другія — обвертываютъ платкомъ и т. д. — Всѣ эти различныя прически существовали, безъ сомнѣнія, искони, и если Геродотъ (III, 8) рассказываетъ объ Аравитянахъ, что они выстригаютъ себѣ головныя волосы полосой, отъ одного виска до другого, то онъ разумѣетъ вѣроятно какое нибудь особое осѣдлое аравійское племя.

Подобно всѣмъ вообще восточнымъ народамъ, бедуины питаютъ большое уваженіе къ бородѣ. Посмѣяться надъ бородой бедуина значить оскорбить его самымъ чувствительнымъ образомъ. Уже въ Библии упоминается объ Аравитянахъ, какъ о народѣ, «который подстригаетъ себѣ волосы» (Иеремія IX, 25; XLIX, 32). Изъ Плинія видно (VI, 32), что въ его время нѣкоторыя аравійскія племена носили полную бороду, а другія только усы. Это различіе удержалось и до сихъ поръ.

Кромѣ поясовъ съ металлическимъ наборомъ, кисточками и т. п., бедуины не терпятъ на себѣ никакихъ украшеній, предоставляя ихъ женщинамъ, которыхъ любятъ видѣть наряженными. Поэтому украшенія бедуинокъ довольно разнообразны и, смотря по состоянію ихъ «повелителей», болѣе или менѣе цѣнны. Всѣ они ведутъ свое начало изъ глубокой древности. Металлическіе обручи для рукъ и ногъ (фиг. 102. a, b, i, h) и кольца, которыя вдѣваютъ въ носъ (фиг. 102. d, e), были извѣстны уже во времена патриарховъ: рабъ Авраамовъ вручилъ такой уборъ изъ золота Ревеккѣ (Быт. XXIV, 22) Неменѣе древняго происхожденія серьги и ожерелья; первыя имѣютъ обыкновенно форму кольца съ подвѣсками изъ коралловъ, бусъ, металлическихъ и камешныхъ шариковъ (фиг. 102, c, g); послѣднія бываютъ или металлическія, изъ свернутой въ нѣсколько разъ проволоки, или набранныя изъ камешковъ, бусъ и пр. нанизанныхъ на шнурки (фиг. 102 f).

¹ Niebuhr, Berchrhg. 131. Burckhardt, Reise. стр. 437 в Bemerkungen, стр. 186.—² Niebuhr, Beschreibg. стр. 66. Burckhardt, Bemerkungen, стр. 40, его же: Reisen. стр. 269. Wellsted, Reisen II стр. 165.—³ Burckhardt, Bemerkungen, стр. 76.

Къ женскимъ украшеніямъ слѣдуетъ причислить и болѣе или менѣе нарядные пояса изъ кожи или шерстяной матеріи.—Наравнѣ съ прочими восточными женщинами, бедуинки употребляютъ разныя косметическія средства для возвышенія своей красоты. Онѣ чернятъ себѣ брови и рѣсницы, красятъ ноги и руки въ оранжевый цвѣтъ — обычай, существовавшій, какъ мы уже знаемъ, и въ древнемъ Египтѣ. На лбу, на губахъ, даже на рукахъ и на ногахъ, онѣ накалываютъ себѣ синюю краскою разныя фигуры. Волосы убиваютъ различнымъ образомъ, смотря по племенамъ: то носятъ ихъ заплетенными въ косы; то собираютъ въ одинъ пучокъ на верхушкѣ головы, то завиваютъ въ локоны. Для украшенія, вплетаютъ въ нихъ красные кораллы, металлическіе шарики и т. п.

Простой патріархальный образъ жизни бедуиновъ, ихъ широкое понятіе о свободѣ и независимости личной, не дали развиваться у нихъ рѣзкимъ различіямъ въ одеждѣ и вообще во внѣшнихъ проявленіяхъ быта. Самый богатый шейхъ живетъ не роскошнѣ бѣднѣйшаго изъ его племени, и очень мало найдется такихъ, которые хвастались бы своимъ богатствомъ. ¹ Такая одинаковость въ образѣ жизни всѣхъ, безъ сомнѣнія еще въ высшей степени существовала у Аравитянъ съ самого начала. Извѣстно, что даже и цари богатаго торговаго племени Набатеевъ отличались отъ своихъ подданныхъ лишь пурпуровой оторочкой на передникѣ, который они носили наравнѣ со всѣми (Страбонъ XVI, 4).

О р у ж і е.

На древне-египетскихъ памятникахъ, ² обитатели Аравіи представлены вооруженными длинными копьями и кривыми деревянными дубинками. Эти дубинки вѣроятно служили имъ метательнымъ оружіемъ, и впоследствии были замѣнены лукомъ и стрѣлами, вошедшими у нихъ въ употребленіе вмѣстѣ съ разнаго рода ударнымъ оружіемъ. По свидѣтельству Страбона (XVI, 4), племена южной Аравіи были вооружены пращами и сѣкирами или топорами о двухъ лезвіяхъ. — Собственно оборонительное оружіе стало извѣстно жителямъ Аравіи не ранѣе христіанской эпохи ³ и перешло къ нимъ вѣроятно отъ Нубійцевъ. ⁴

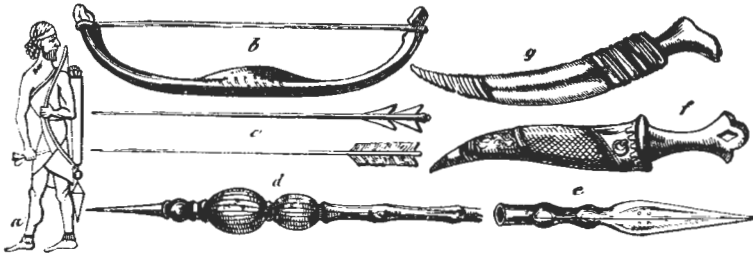
Длинное копье, въ 8 — 15 футовъ, еще и до сихъ поръ самое обычное оружіе у бедуиновъ. Древко его дѣлается изъ бамбука, а острие и острый наконечникъ на другомъ концѣ (для втыканія копья въ землю) — изъ стали (фиг. 103. d — e). Для красоты, древко обвиваютъ проволокой или цвѣтною матеріею, или же привязываютъ къ нему два пучка страусовыхъ перьевъ.

Лукъ, который въ настоящее время почти совсѣмъ не употребляется бедуинами, былъ, вмѣстѣ съ копьемъ, главнымъ оружіемъ древнихъ жителей Аравіи. Измаиль былъ «стрѣлокъ изъ лука» (Быт. XXI, 20); Исавъ ходилъ на охоту съ колчаномъ и лукомъ (Быт. XXVII, 3); Эламиты, такъ же какъ и Филистимляне, были особенно искусны въ употребленіи этого оружія (1. Царствъ XXXI, 3; 2 кн. Царствъ I. 18).

¹ Burckhardt, Bemerkungen стр. 58.—² См. фиг. 99. и сравн. Rosellini, I. (mon. stor) LXVII. —³ Burckhardt, Bemerkungen стр. 44; 192 и слѣд. —⁴ Wellstedt, Reisen I, стр. 28; 248. Ruppell, Reisen in Nubien etc. стр. 34.

Древній аравійскій лукъ былъ безъ сомнѣнiя сходенъ съ древнеегипетскимъ и ассирійскимъ. Какъ видно по рисункамъ на вавилонскихъ цилиндрахъ, Ассирияне носили лукъ вмѣстѣ съ колчаномъ на перевязи, надѣтой черезъ плечо (фиг. 103. а). Кромѣ луковъ изъ дерева и рога, у древнихъ Аравитянъ, были, и теперь еще употребляемые на востокѣ, луки изъ слоновьей жилы (фиг. 103. б), съ чрезвычайно тонкими и острыми стрѣлами изъ легкаго дерева (фиг. 103. в). О ядовитыхъ стрѣлахъ говорится въ книгѣ

Фиг. 103.

Юва (VI, 4). Пращи были преимущественно оружіемъ пастуховъ, оборонявшихъ ими свои стада отъ нападенiя дикихъ звѣрей; однакожь во время Судей израильскихъ онѣ употреблялись и въ войскѣ (2. Паралип. XXVI, 14).

Амалекитяне и Хананеи, кромѣ луковъ и копій, носили мечи (Числ. XIV, 43).—«И сказали Израиль Иосифу:—«я даю тебѣ, преимущественно предъ братьями твоими, одинъ участокъ, который я взялъ изъ рукъ Аморе-евъ мечемъ моимъ и лукомъ моимъ»—(Быт. XLVIII, 22).—Дамаскъ иско-ни славился превосходною выдѣлкою холоднаго оружія; ¹ и до сихъ поръ еще онъ снабжаетъ весь Востокъ дѣнными клинками; всѣ богатые арабскіе шейхи носятъ оружіе дамаскаго издѣлія. Бѣдные бедуины довольствуются простыми ножами или кинжалами, съ изогнутымъ остроконечнымъ клинкомъ (фиг. 103. f. g). Эти кинжалы носятъ обыкновенно за поясомъ, въ деревянныхъ или кожаныхъ ножнахъ. Ножны дорогихъ кинжаловъ бывають иногда серебряные чеканной работы, а также и кожаные съ серебряными украшениями.—Мечи или сабли богатыхъ бедуиновъ большею частью сильно искривлены; ихъ носятъ на шнуркѣ, надѣтомъ черезъ правое или лѣвое плечо.—Топоры и желѣзные палицы почти совсѣмъ оставлены нынѣшними бедуинами, и если употребляются ими, то весьма рѣдко. ²

Постройки.

У кочевыхъ Арабовъ построекъ въ собственномъ смыслѣ никакихъ нѣтъ. Они и теперь живутъ въ такихъ же шатрахъ, въ какихъ жили предки ихъ во времена патріарховъ. И теперь, какъ и тогда, стада и верблюды доставляютъ имъ главные матеріалы для постройки ихъ подвижнаго жилища: остовъ шатра, сложенный изъ жердей, они обтягивають пологомъ изъ

¹ Wellsted, Reisen nach d. Stadt der Kalifen. стр. 221. — ² Arvieux, Sit-ten. стр. 8. Burckhardt, Bemerk. стр. 42. Ruppell, Reisen. стр. 34.

плотнаго войлока верблюжьей или козьей шерсти. Пологи бывают или одноцветные — черные и темнокоричневые, или полосатые, какъ напр. у племени Абасовъ. Канаты для укрѣпленія шатровъ свиваютъ тоже изъ верблюжьихъ волосъ, или изъ ремней, вырѣзанныхъ изъ кожи верблюдовъ. Кромѣ племени, живущихъ въ шатрахъ постоянно, въ Аравіи есть еще и теперь, были и въ древности, кочевыя племена, которыя вовсе не имѣютъ жилищъ, а скитаются подъ открытымъ небомъ, укрываясь въ пещерахъ. Другія же раскидываютъ шатры только въ извѣстное время года.

Небольшіе шатры изъ вѣтвей, или «кущи», о которыхъ говорится въ Библии (Лев. XXIII, 43), встрѣчаются еще и теперь по всей Аравіи, какъ жилища бѣднѣйшей части населенія. Они устраиваются изъ пальмовыхъ вѣтвей, воткнутыхъ въ землю и переплетенныхъ другими вѣтвями, или изъ тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ, и бываютъ обыкновенно очень не велики. Не смотря однакожь на тѣсноту этихъ жилищъ, внутренность ихъ почти всегда раздѣлена занавѣскою на двѣ половины — мужскую и женскую. Нѣкоторыя кочевыя племена внутри страны живутъ въ коническихъ хижинахъ изъ жердей, связанныхъ на верху ремнями и покрытыхъ кожами. ¹

Настоящіе, большіе шатры бедуиновъ (фиг. 104) раздѣляются внутри занавѣсками на три части: въ одной помѣщаются мужчины, въ другой — женщины, а третья назначается для прислуги или для мелкаго домашняго скота. Такое устройство шатровъ существовало искони (Быт. XXIV, 67; XXXI, 31). Впрочемъ для женщинъ ставится иногда особый шатеръ, и даже нѣсколько, смотря по величинѣ семьи и по средствамъ ея главы. У богатыхъ бедуиновъ бываетъ обыкновенно по нѣскольку палатокъ. ²

Фиг. 104.

Смотря по количеству семействъ принадлежащихъ къ одному и тому же роду, число шатровъ въ становищѣ бедуиновъ доходитъ иногда до 800. Въ меньшихъ становищахъ шатры ставятся крѣгомъ; если же число шатровъ очень значительно, то ихъ или вытягиваютъ въ одну линію, обыкновенно вдоль рѣки или ручья, гдѣ это возможно, или разставляютъ рядами по три и четыре шатра въ каждомъ ряду. На зиму всѣ становища разбиваются на

¹ Wellsted, Reisen I. стр. 57; II, стр. 301. — ² Очень подробное описаніе бедуинскихъ шатровъ даютъ Burkhardt, Bemerkungen etc. стр. 29 и слѣд. и Wellsted, Reise nach der Stadt der Kalifen. стр. 119.

отдѣльныя группы. — Шатеръ шейха или начальника рода ставится всегда крайнимъ на западномъ концѣ становища, потому что и гостей и враговъ ждутъ всегда съ запада. Каждый глава семейства втыкаетъ передъ своимъ шатромъ копье, къ которому привязываетъ свою лошадь. Тутъ же передъ шатромъ ночуютъ и его верблюды (Burckhard. *Vomerkg* стр. 26 и слѣд.).

Такъ же первобытно-просты, какъ ихъ жилища, — могилы бедуиновъ. Умершаго просто зарываютъ въ песокъ и складываютъ надъ нимъ кучку камней, или насыпаютъ небольшой курганъ, который обкладываютъ вокругъ камнями—это дѣлается впрочемъ рѣдко и единственно для того, чтобы дикіе звѣри не вырыли трупа.

Становища осѣдлыхъ аравійскихъ племенъ, занявшихъ богатое естественными произведеніями южное побережье полуострова, превратились мало по малу въ города. Подвижные шатры замѣнились прочно построенными домами, на мѣстѣ простыхъ каменныхъ алтарей возвысились храмы, недостатку воды помогли колодцы и большіе бассейны, и каждое поселеніе окопалось насыпью.

По свидѣтельству Страбона (XVI) и Діодора (III, 47), въ южной Аравіи было не мало городовъ, наполненныхъ богатыми храмами и роскошными дворцами. Діодоръ (III, 45) упоминаетъ, сверхъ того, о трехъ храмахъ, лежащихъ на возвышеніи на югозападномъ берегу полуострова; а Плиній (VI, 23, 28; XII, 14, 15) насчитываетъ не менѣе шестидесяти храмовъ въ столицѣ Катабановъ. Объ архитектурѣ этихъ зданій мы однакожь не находимъ никакихъ положительныхъ указаній ни у одного изъ названныхъ писателей, а потому и сообщаемыя ими извѣстія кажутся намъ такъ же мало достовѣрными, какъ и всѣ вообще рассказы о «несмѣтныхъ» богатствахъ южно-аравійскихъ народовъ.

Гораздо вѣроятнѣе, что большая часть древне-аравійскихъ храмовъ были такой же простой архитектуры, какъ и знаменитый храмъ Минеевъ въ Меккѣ (Макораба) въ первоначальномъ его видѣ—т. е. простое четырехугольное каменное зданіе (Кааба), въ которомъ хранился почитаемый и до сихъ поръ мусульманами Черный камень. ¹ Такова была форма этого храма даже при Магометѣ, и таковы же были безъ сомнѣнія и древнеаравійскіе храмы. Такъ какъ для поклоненія и жертвоприношеній выбирались преимущественно вершины горъ, то и храмы строили вѣроятно на мѣстахъ возвышенныхъ. — Идолы, которыхъ, по преданію, Магометъ разрушилъ болѣе трехъ сотъ въ одной только Меккѣ, ² были можетъ быть въ родѣ тѣхъ черныхъ камней съ высѣченнымъ на нихъ подобіемъ человеческого лица, ³ которымъ и теперь молятся въкоторыя арабскія племена.

Къ болѣе замѣчательнымъ остаткамъ древне-аравійской архитектуры принадлежатъ недавно открытыя развалины въ Мезенатѣ, Макаллѣ, Марербѣ и

¹ О устройствѣ Каабы см. у Burckhardt'a *Reisen*. стр. 195, 240, 533 и слѣд. и сравн. W. Ghillany *Die Menschenopfer der alten Hebräer*. Nürnberg 1842. Стр. 119. — ² Burckhardt. *Reisen*. 142. — ³ Hartmann, *Aufklärungen* II. 280. —

Накабѣ. ¹ По нимъ видно, что онѣ были построены искусными каменщиками; но архитектура ихъ ни мало не изящна и своею массивностью напоминаетъ архитектуру египетскихъ гробницъ древнѣйшаго періода: въ ней незамѣтно еще и слѣда тѣхъ арокъ, сводовъ и колоннъ, которыми такъ богата позднѣйшая арабская архитектура. Между развалинами Гаджары уцѣлѣло нѣсколько зданій, имѣющихъ форму тупой четырехсторонней пирамиды, безъ всякихъ отверстій, похожихъ на двери или окна. На нѣкоторыхъ зданіяхъ высѣчены гимьяритскія надписи, перечисляющія закупки слѣдующія для постройки храма и т. п. Нѣсколько подобныхъ зданій, но въ развалинахъ, разсыяно въ Вади'ль-Мойе; во многихъ мѣстахъ, преимущественно въ Іеменѣ, сохранились остатки гигантскихъ водопроводовъ и бассейновъ, которымъ древнія преданія приписываютъ минувшее процвѣтаніе страны. ²

Отсутствіе какихъ бы то ни было архитектурныхъ орнаментовъ на всѣхъ этихъ зданіяхъ, заставляетъ предполагать, что строители ихъ, какъ народъ торговый, заботились болѣе о практическихъ удобствахъ своихъ построекъ, чѣмъ о ихъ изяществѣ, и относительно украшенія ихъ ограничивались лишь убранствомъ внутренности зданій коврами, стѣнною живописью и т. п. Кромѣ того, кажется весьма правдоподобнымъ, что торговля сношенія южныхъ Аравитянъ съ Египтомъ и Абиссинією не остались безъ вліянія на стиль ихъ зданій: это подтверждается съ одной стороны упомянутыми выше развалинами, напоминающими египетскія постройки, а съ другой, свидѣтельствомъ Страбона, который, въ своемъ описаніи народа Катабановъ (XVI 3), говоритъ о ихъ деревянныхъ домахъ, великолѣпныхъ храмахъ и дворцахъ, построенныхъ въ египетскомъ стилѣ. О сходствѣ и даже нѣкоторой родственности архитектурнаго вкуса осѣдлыхъ Аравитянъ западнаго побережья съ египетскимъ, говорятъ наконецъ ихъ колоссальныя водоемы и глубокіе, высѣченные въ скалахъ гроты.

Матеріалъ для своихъ каменныхъ построекъ Аравитяне добывали изъ ближайшихъ горныхъ кражей. Такъ напр. остатки зданій въ Гаджарѣ сложены изъ правильно обтесанныхъ плитъ сѣрватаго мрамора съ темными жилками и пятнышками; плиты кладены горизонтально (плашмя) одна на другую и скрѣплены цементомъ, который затвердѣлъ какъ камень. Въ Горабѣ и Макалѣ стѣны развалинъ состоятъ изъ кусковъ сѣраго известняка, выломанныхъ изъ той самой скалы, на которой онѣ построены. Онѣ были вѣроятно покрыты особаго рода цементомъ изъ пережженной коралловой массы, который и теперь еще изготовляется въ Аравіи. Такимъ же цементомъ покрытъ внутри и водоемъ, высѣченный въ скалѣ неподалеку отъ развалинъ.

Жилые дома первоначально строили, по всей вѣроятности, изъ того же матеріала, изъ какого ихъ строятъ въ Аравіи и нынѣ—т. е. изъ выламываемаго по морскому берегу известняка, содержащаго въ себѣ большое количество окаменѣлыхъ полипняковъ и раковинъ. Нынѣшніе дома строятъ или сплошь изъ этого камня, или въ перемежку съ деревомъ, — такъ что нештукатуренныя стѣны такихъ домовъ кажутся полосатыми, — или только изъ

¹ Cp. Wellsted, Reisen I. 297 и II. 153 и 322.—² Niebuhr, Beschreibg. 277; Hartmann Aufklärung, II. 158.

одного дерева. Деревянные дома, сложенные из толстых брусевъ, были въ древности особенно многочисленны въ южной Аравіи (Страбонъ XVI. 3), гдѣ они и теперь еще встрѣчаются чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ полуострова. Въ Оманѣ напр., за исключеніемъ Маската и Ростака, выстроенныхъ изъ камня, для построекъ употребляютъ обыкновенно сушеные на солнцѣ земляные кирпичи, или простой булыжникъ, который связываютъ глиною. Стѣны такихъ домовъ обмазываютъ, для прочности, смѣсью изъ глины, соломы и мелкаго камня.

Деревенское населеніе строить свои хижины изъ самыхъ простыхъ матеріаловъ, какіе есть подъ рукою. Остовъ хижины складывается изъ тонкихъ жердей или тростника; промежутки между жердинами выполняются глиною, смѣшанною съ навозомъ, внѣшняя поверхность стѣнъ выравнивается и обмазывается известкою. Крыша дѣлается изъ камыша или длинной травы, связанной пучками; вмѣсто дверей навѣшиваютъ циновку. Еще бѣднѣ жилища феллаховъ, поденщиковъ и рыбаковъ. Это или простые шалаши изъ камыша, глины, хвороста и рогожь, или — какъ у рыбаковъ — пещеры въ прибрежныхъ скалахъ, рѣдко выравненныя внутри и обмазанныя известкою, чаще же безъ всякой обдѣлки.

Утварь.

Весь домашній скарбъ кочеваго бедуина заключается въ нѣсколькихъ циновкахъ и подстилкахъ для спанья, и немногихъ принадлежностяхъ, необходимыхъ для приготовления пищи и храненія съѣстныхъ припасовъ. Богатые отличаются отъ бѣдныхъ въ этомъ отношеніи лишь тѣмъ, что у нихъ вмѣсто циновокъ и войлокъ — ковры и одѣяла, и запасъ посуды побольше.

Главнѣйшую пищу кочеваго населенія Аравіи составляютъ финики и лепешки изъ прѣснаго тѣста. Зерновой хлѣбъ древніе Аравитяне получали, какъ извѣстно изъ Библии, изъ Египта; отсюда же получаютъ его и нынѣшніе Арабы и месятъ его сами на ручныхъ мельницахъ. Мельницы эти состоятъ изъ двухъ жернововъ, около 2 фут. въ поперечникѣ. Поверхность верхняго жернова углублена воронкообразно и посрединѣ имѣетъ отверстіе, черезъ которое проходитъ насыпанное въ углубленіе зерно. Нижній жерновъ укрѣпленъ неподвижно въ станкѣ, а верхній повертывается на немъ посредствомъ рукояти. По обычаю, который восходитъ къ библейскимъ временамъ (Исх. XI, 5), приготовленіемъ муки занимаются исключительно женщины. Операция производится обыкновенно двумя женщинами слѣдующимъ образомъ: поставивъ мельницу между собою, онѣ правою рукою быстро погоняютъ другъ къ другу верхній жерновъ, а лѣвою засыпаютъ въ него зерно и собираютъ выступающую изъ подъ краевъ его муку, тутъ же отдѣляя ея отъ отрубей.¹ Тѣсто замѣшиваютъ въ плоскихъ каменныхъ корытахъ и раскатываютъ каменными скалками въ плоскія круглыя лепешки, которыя пекутъ на горячей золѣ, накрывъ опрокинутымъ горшкомъ или раз-

¹ R. Joliffe's Reise in Palaestina, Syrien etc. übers. von Rosenmüller. Lpzg. 1821. стр. 37. —

ложивъ на желѣзномъ листѣ. — ¹ Мясо ѣдятъ бедуины или жареное въ небольшихъ кускахъ на деревянномъ вертелѣ, т. е. длинной заостренной лучинѣ, положенной на двѣ рогульки; или душоное цѣльными тушами въ раскаленныхъ и наглухо закрытыхъ ямахъ.

Для перевозки и храненія жидкостей — воды и молока, аравійскіе кочевники никогда не знали другихъ сосудовъ, кромѣ кожаныхъ мѣховъ. Молоко держать въ бурдюкахъ изъ козьеи кожи. Мѣхи для воды шиваются изъ нѣсколькихъ кожъ и бываютъ иногда такъ велики, что два такихъ мѣха, наполненные водою, составляютъ цѣлый верблюжій вьюкъ. Ведро для черпанья воды изъ колодцевъ и систернъ, тоже шьются изъ кожи. Нѣсколько глиняныхъ горшковъ, деревянныхъ блювъ и мѣшковъ изъ грубой шерстяной матеріи и верблюжьей рѣдины (послѣдніе служатъ для приготовления масла) дополняютъ хозяйственный скарбъ бедуинскаго семейства. Разостланная на землѣ циновка или кожа замѣняетъ ему обѣденный столъ, а плоская кожаная или шерстяная подушка — стулья. На этихъ же подстилкахъ и спятъ бедуины, завернувшись въ плащъ; — другихъ постелей они не знаютъ. Точно также нѣтъ у нихъ и никакихъ освѣтительныхъ снарядовъ, кромѣ напитанныхъ асфальтомъ факеловъ, да и тѣ зажигаютъ они только въ крайнемъ случаѣ.

У бедуиновъ нѣтъ никакихъ ремесленныхъ орудій и снарядовъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ. Ткацкій станокъ ² нынѣшнихъ бедуинскихъ женщинъ такого же первобытнаго устройства, какъ и древнеегипетскій, представленный на памятникахъ Бени-Гассана. Онъ состоитъ изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, прикрѣпленныхъ къ четыремъ короткимъ подставкамъ, которыя втыкаются въ землю. На бруски натягивается основа, продолговатаго обточенный кусокъ дерева замѣняетъ челнокъ, утокъ прибивается рогомъ газели. Такъ же первобытны и прялки сирійскихъ бедуинокъ.

Важную статью имущества бедуиновъ составляютъ вьючныя и простыя сѣдла и принадлежащая къ нимъ сбруя. Лошади были еще неизвѣстны Аравитянамъ во времена Моисея. ³ Они ѣздили сами и возили тяжести на ослахъ и верблюдахъ. Даже при Страбонѣ (XVI, 3) лошади были рѣдкостью въ каменистой Аравіи. О конныхъ Аравитянахъ упоминаетъ первый — Аммианъ (XIV, 4); Диодоръ (III, 45), говоря о племени «Дэбенъ», замѣчаетъ, что верблюды удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ этихъ кочевниковъ, что на немъ они возятъ свое имущество, ѣздить сами и даже на немъ выѣзжаютъ на войну. Еще и нынѣ южная Аравія бѣдитъ лошадьми, чѣмъ сѣверная, и уже начиная съ Мекки большая часть бедуиновъ ѣздитъ верхомъ на верблюдахъ. ⁴

Изъ сравненія нынѣшнихъ сѣделъ, вьючныхъ и простыхъ, (фиг. 105. б), съ древнѣйшими, представленными на ассирійскихъ барельефахъ (фиг.

¹ Niebuhr, Beschreibung. Табл. I. фиг. H. и F. — ² Burckhardt, Bemerkungen. 54 и слѣд. — ³ Сравни. В. Winer. Bibl. Realwörterbuch. Lpzg 1848 (Artik. „Pferd“). — ⁴ Burckhardt. Bemerk. 343. Wellstedt Reisen. 211.

105, а), оказывается, что между ними нѣтъ никакой разницы, и что и тогда, такъ же какъ и теперь, способъ сѣдланья былъ различенъ для каждаго пола.¹

Фиг. 105.

Верблюдами управляютъ обыкновенно посредствомъ простаго недоуздка и только самымъ непослушнымъ продергиваютъ черезъ носовой хрящъ петлю изъ верблюжьихъ волосъ или продѣваютъ желѣзное кольцо. Недоуздокъ обвѣшиваютъ иногда пестрыми лоскутками и страусовыми перьями, или нашиваютъ на него мелкія раковины, металлическія пластинки въ видѣ полумѣсяца и пр. Въ Библии (Суд. VIII, 26) говорится о золотыхъ цѣпочкахъ, которыя надѣвали верблюдамъ на шею. Что въ древности ѣздили на верблюдахъ и безъ сѣдла, правя простымъ поводомъ, обвязаннымъ вокругъ морды животнаго, видно изъ ассирійскихъ барельефовъ.

Въ Библии повѣствуется, что когда царица Савская приходила къ Соломону «испытать его загадками» (3 Царствъ X. 1), — она «подарила царю сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовоній и драгоценныя камни;» (тамъ же: 10). И такъ, не драгоценныя сосуды, не одежды и оружіе, какъ цари другихъ земель, принесла царица Савская Соломону, а только золото, камни и «великое множество благовоній» — какъ самое драгоценнѣйшее произведеніе ея земли, и даже дивилась, когда увидѣла великолѣпныя, которымъ былъ окруженъ царь (3 Цар. X. 4 и 5); — поэтому надобно предполагать, что если и существовала въ южноаравійскихъ царствахъ ремесленная промышленность, то она ограничивалась вѣроятно производствомъ однихъ только самоцужнѣйшихъ издѣлій изъ глины, дерева и металла и вдобавокъ въ самой простой формѣ, и что драгоценныя сосуды и утварь, которые, по словамъ Страбона (XVI, 4) и другихъ древнихъ писателей, наполняли жилища богатыхъ Аравитянъ, были не туземнаго, а иностраннаго производства и приобретались въ обмѣнъ на аравійскіе товары (Діод. III, 47) По свидѣтельству тѣхъ же писателей, торговыя народы южной Аравіи отличались искони отвращеніемъ отъ труда и вмѣсто того, чтобы увеличивать свое благосостояніе развитіемъ у себя ремеселъ и промысловъ, они предпочитали обогащаться на счетъ иноземныхъ купцовъ, обкладывая ихъ разными налогами за право торговли. Такъ напр. ни одинъ иностранецъ не могъ выѣхать изъ города Савваты, не отдавъ десятой доли закупленнаго имъ товара въ храмъ солнца и не уплативъ установленной

¹ Рисунки нынѣшнихъ выюговъ и сѣделъ см. въ Maug's Genrebilder aus dem Orient etc. Табл. XII и стр. 23 и слѣд.

дани царю (Плиніи XII, 14. 15). Подобныя мѣры съ одной стороны, и обширная мѣновая торговля съ другой, давали возможность людямъ богатымъ! окружать себя дорогими издѣліями древнеегипетской, индійской и ассирійской промышленности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народы западной Азіи,

во второмъ тысячелѣтіи до Р. X. ¹

Предварительныя замѣчанія.

Слѣдуя древнимъ преданіямъ, первоначальные обитатели западной Азіи были автохтоны. Нахлынувшіе изъ глубины Азіи народы вытѣснили это коренное населеніе изъ занимаемыхъ имъ мѣстностей и почти совершенно истребили его. Остатки его нашли еще Израилтяне, когда вступили въ Ханаанъ (Числ. XIII, 33; Второз. II, 10).

Пришлыя племена, занявшія западную окраину азійскаго материка, принадлежали къ тому же великому семейству народовъ, изъ котораго выдѣлились и первые обитатели Аравіи. Быть новыхъ пришельцевъ сложился различно подъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ условий: племена, занявшія безводныя равнины Сиріи, остались кочевыми, подобно своимъ единоплеменникамъ въ средней Аравіи; тѣ же, которыя поселились на плодородной низменности, орошаемой Евфратомъ и Тигромъ, скоро покинули бродячую пастушескую жизнь и перешли къ осѣдлой. Основанныя ими поселенія стали зародышами славныхъ въ послѣдствіи царствъ: Вавилонскаго, или Халдейскаго, и Ассирійскаго. «Царство его (Шимрода) вначалѣ составляли Вавилонъ, Эрехъ, Акадъ и Калне, въ землѣ Сенааръ. Изъ сей земли вышелъ Ассуръ и построилъ Ниневію, Реховооъ-иръ, Калахъ, и Ресенъ между Ниневією и между Калахомъ; это городъ великій» (Быт. X. 10, 11, 12). — Одновременно съ этими царствами развивались культурные центры на прибрежьи Средиземнаго моря. Здѣсь, на узкой, но богатой естественными произведеніями полосѣ, заключенной между моремъ и склонами Ливана, поселились выходцы изъ Ханаана. Благодаря производительности и счастливому положенію своей страны, они скоро достигли высокаго промышленнаго развитія ² и, подъ именемъ Финикіянъ, вступили въ дѣятельныя торговыя

¹ См. названныя выше (стр. 19) сочиненія Wilkinson'a, Rosellini и др.; а также S. Birch: *Observat. on the statistical Tablet of Karnak; F. Cozbaux, The Rephaim, and their connection with egyptian history* (reprint from the *Journal of Sacred Literat.* Vol. I, II et III; new series) London. 1851 и слѣд. — О древнѣйшемъ населеніи западной Азіи основательное изслѣдованіе въ Movers, *Das phönizische Alterthum.* Berlin. 1849—50. — ² Сравн. превосходное изложеніе развитія финикійской культуры у Movers, I. 245 и слѣд.

сношенія сначала съ сосѣдними, а потомъ и съ отдаленными народами. Важнѣйшія города Вавилоніи и Ассиріи сдѣлались складочными мѣстами для ихъ сухопутной торговли, а богатая колонія, которая была основана ими уже за 1500 л. до Р. Х., распространила ихъ вліяніе почти на весь тогда извѣстный міръ. Главными проводниками западноазійской культуры на европейскій материкъ были острова Средиземнаго моря, особенно Кипръ и Родосъ, съ ихъ плодородною почвою и смѣшаннымъ, дѣятельнымъ населеніемъ.¹

Остальные племена западной Азии, жившія между названными культурными землями, развѣтвились на множество небольшихъ группъ. Самою важною изъ нихъ являются Филистимляне, обитавшіе между Палестиною и Египтомъ. Населеніе самой Палестины, до занятія ея Израильтянами, было также не единоплеменное, и даже позднѣе, во времена Судей, въ ней всё еще продолжалась взаимная борьба различныхъ племенъ (Movers I стр. 63 — 71). Ранѣе другихъ выдѣляются Аморреи, какъ сильнѣйшее и многочисленнѣйшее племя.

Что касается до населенія Малой Азии въ теченіи этого отдаленнаго періода, то одно только встрѣчающееся на египетскихъ памятникахъ имя «Ретенну», или «Каппадокійцы», позволяетъ предполагать, что Египтянамъ была извѣстна обитаемая этимъ племенемъ мѣстность, если только, впрочемъ, подъ этимъ названіемъ дѣйствительно разумѣлись Каппадокійцы.²

Ближайшимъ, нагляднымъ знакомствомъ съ западно-азійскими народами во второмъ тысячелѣтіи до Р. Х., мы обязаны преимущественно Египтянамъ, изображавшимъ на стѣнахъ своихъ храмовъ и дворцовъ, вмѣстѣ съ походами и завоеваніями фараоновъ въ Азію, и представителей покоренныхъ ими племенъ со всею бытовою обстановкою послѣднихъ. — На древнѣйшихъ памятникахъ, времени Сити I, представлены жители Месопотаміи, названные въ пояснительной надписи «Нагарайца», потомъ жители Сиріи, или «Хели (Шери, Шари)», далѣе «Хета» или Халдеи (если не потомки Хета упоминаемаго въ Быт. X, 15), «Тегенну», упомянутые выше «Шасу» и «Ретенну» или Каппадокійцы (?). (H. Brugsch. Reise. 149 и слѣд.) Эти народы были главнѣйшими противниками, съ которыми приходилось Египтянамъ бороться въ Азіи. При потомкахъ Рамзеса къ нимъ присоединились еще нѣсколько племенъ, которые были также обращены въ лашниковъ Египта. Надписи на современныхъ памятникахъ называютъ племена: Пу-ля-са-га («Филистимлянъ»?), Амаори (или «Аморреевъ»), Ти-к-у-ри (Цекари, Гакли), Ша (-су?), Ри-бу (?), Машуашъ и нѣкоторые другія (Brugsch. 416; 304 и слѣд.) Послѣднее названіе соответствуетъ можетъ быть библейскому «Мешехъ» (Быт. X, 2), или «Моши» Геродота (III, 94; VII, 79), — народу, жившему между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Далѣе, въ

¹ C. Ritter, Erdkunde. Asien I. 27 и слѣд.   ² Сравн. S. Birch, Stat. Tab. let. 16 и слѣд.

спискѣ даниковъ Рамзеса III упоминаются и Финикіане подъ названіемъ Пунъ, или Путъ, и смѣшанное племя «Темегу», подъ которымъ Египтяне разумѣли также и европейцевъ или, точнѣе, сѣверныхъ жителей, какъ это можно заключить по изображенію на гробницѣ Сети I представителей четырехъ извѣстныхъ Египтянамъ человѣческихъ породъ. Наконецъ, именемъ «Кефа» названы «обитатели острововъ, лежащихъ посредиѣ великаго моря» (Средиземнаго ?)—можетъ быть жители Кипра.

Всѣ названныя племена представлены на памятникахъ со свойственною египетскимъ художникамъ обстоятельностью относительно различій въ одеждѣ и разныхъ подробностей быта, какъ-то утвари, оружія, построекъ и пр. Потому-то изображенія ихъ могутъ считаться самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ того, что промышленная дѣятельность возникла въ западной Азии гораздо ранѣе, чѣмъ въ Египтѣ, и что только благодаря тѣснымъ сношеніямъ съ западноазійскими народами, установившимся вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ фараонами въ Азии, могли Египтяне такъ быстро развить у себя ту роскошь, которая была отличительною чертою эпохи ихъ новаго царства.

Надписи, сопровождающія изображенія азійскихъ племенъ на египетскихъ памятникахъ, и еще болѣе сами изображенія, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ремесла и искусства, которыми культурные народы западной Азии пріобрѣли себѣ такую обширную извѣстность въ историческое время, существовали у нихъ уже съ незапамятныхъ, доисторическихъ, временъ. Начало обработки хлопка и льна и выдѣлка изъ нихъ тканей связывались и у нихъ, такъ же какъ у Египтянъ, съ мифическимъ сказаніемъ. Изобрѣтеніе пурпура приписывалось Гераклу (Саидону) и, по преданію, баснословный царь Финиксъ послалъ уже пурпуровыя одежды. ¹ Искусство Финикіанъ въ изготовленіи и крашеніи тканей, въ обработкѣ металловъ и стекла, изобрѣтателями котораго они слыли, было извѣстно уже въ самомъ началѣ историческаго времени. Разноцвѣтныя ткани города Теры, тирекія издѣлія изъ слоновой кости и пр., ² признавались во всей древности за самыя изящныя. Не меньшую и такую же древнюю извѣстность пользовались тканья одежды и бронзовыя издѣлія о. Кипра. ³ Торговлѣ этими произведеніями развитой промышленности были обязаны Финикіане, и вообще всѣ ихъ колоніи, тѣмъ, что уже за 15 столѣтій до Р. Х., и еще окруженные полудикими народами, они обладали огромными богатствами и жили въ роскоши. (Movers II, 158).—Вавилоняне или Халдеи, или вообще жители Сиріи, не уступали Финикіанамъ въ промышленномъ развитіи: ихъ льняныя ткани, и въ особенности ихъ разноцвѣтныя тканья одежды и ковры, извѣстные въ древности подъ спеціальнымъ названіемъ «вавилонскихъ», ⁴ принадлежали также къ числу высокоцѣнившихся товаровъ.

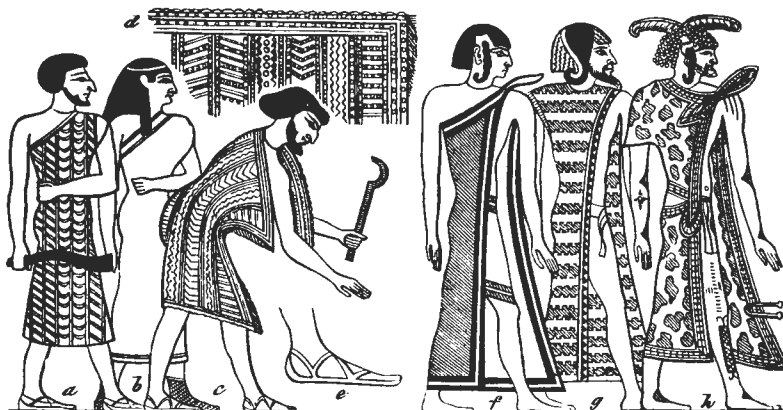
Одежда всѣхъ этихъ народовъ, какъ она передана на египетскихъ изображеніяхъ, представляется различною, какъ по матеріалу, такъ и по выш-

¹ Movers. I. 128; 130. — ² Ibid. II, 265 и слѣд. E. Gerhard. Über die Kunst der Phöniciers. (Abhdlg. d. k. Akademie d. Wissensch.) Berlin, 1846. — ³ O. Müller, Handbuch d. Archaeologie der Kunst. Breslau. 1835. стр. 98. — ⁴ C. Ritter. Über die geograph. Verbreitung der Baumwolle u. s. w. (Abhdlg. d. k. Akademie d. Wissensch.) Berlin. 1832. стр. 313 и слѣд.

нему виду. Выборъ материала и форма одежды обусловливались, конечно, главнымъ образомъ климатическими условіями страны, гдѣ жилъ тотъ или другой народъ, а отдѣлка одежды, ея большая или меньшая нарядность, соответствовала степени промышленнаго развитія носившаго её народа.

Если Геродотъ (I, 8—10), говоря о стыдливости Лидійцевъ, замѣчаетъ, что всѣ восточные варвары (т. е. народы не греческаго происхожденія) стыдятся наготы, то замѣчаніе его справедливо уже и для того отдаленнаго времени, о которомъ мы говоримъ, хотя и допускаетъ еще много исключеній. На сохранившемся на гробницѣ Сети I изображеніи четырехъ человѣческихъ породъ, извѣстныхъ древнимъ Египтянамъ, ¹ представитель «Ааму» или Азійцевъ (Семитовъ) имѣетъ на себѣ одинъ только узорчатый передникъ, закрывающій ему нижнюю часть тѣла отъ поясицы до колѣнъ. Таковъ былъ костюмъ и той части семитскаго племени, которая переселилась въ Египетъ уже въ позднѣйшій, мемфискій періодъ и поселилась въ египетской области «Сахъ» (ср. стр. 21.). Женщины этого племени, а также и нѣкоторые мужчины, представлены одѣтыми въ длинную, закрывающую всё тѣло одежду (фиг. 106. а—с). Цвѣтъ этихъ длинныхъ одеждъ—бѣлый съ яр-

Фиг. 106.

кими зелеными, синими и красными полосами (фиг. 106. d), наводятъ на мысль объ упомянутыхъ выше финикійскихъ и вавилонскихъ тканяхъ. По одеждѣ этого племени можно заключить, что первоначальнымъ мѣстопребываніемъ его была страна съ жаркимъ климатомъ—вѣроятно южная часть Сиріи, гдѣ большую часть года господствуютъ сильныя жары и только зимою воздухъ нѣсколько освѣжается изрѣдка перепадающими дождями. Въ другой группѣ «Ааму» и въ сходныхъ съ нею, по крайней мѣрѣ по внѣшности, группѣ Рыбу и Темегу, представленныхъ на памятникѣ изъ времени новаго царства (Θивскаго), мы видимъ дальнѣйшее усовершенствованіе вышеописаннаго костюма. Простая накидка превратилась здѣсь въ полную одежду, охватывающую всё тѣло, кромѣ рукъ, которыя остаются обнаженными до

¹ Это изображеніе впервые объяснилъ Belzoni, Narrative of the operations etc. in Egypt and Nubia. 2 ed. 1821. Ср. Rosellini I (mon. stor.) CLV и слѣд.

плечь. Открытая спереди во всю свою длину, эта одежда застегивалась на одномъ плечѣ пряжкой, или стягивалась вокругъ пояса на снуркѣ. Матерія, изъ которой она сдѣлана, уже не полосатая, а одноцвѣтная. Рыбу (фиг. 106. g) и Темегу (фиг. 106, h) носили кажется одну только эту длинную одежду, а «Ламу», — какъ видно на изображеніи на гробницѣ Рамзеса II (фиг. 106. f)—надѣвали подъ нею еще передникъ. Похожа на верхнюю одежду «Ламу» была одежда нѣкоторыхъ племенъ «Хари» (Хели) или жителей Сириі, но дѣлалась изъ болѣе легкихъ, иногда полупрозрачныхъ тканей (фиг. 107. d). Все эти племена составляли, безъ сомнѣнія, одну тѣсно сплоченную группу народовъ семитическаго происхожденія, заселявшихъ обширную область отъ границъ Месопотаміи до малоазійскаго побережья. Сѣверную часть этой области, соседнюю съ Финикією, занимали вѣроятно Темегу, такъ какъ это племя было извѣстно также и подъ названіемъ «финикійскихъ поморянъ». ¹

Фиг. 107.

На сѣверной сторонѣ «великаго моря» жили Ретенну, или Каппадокійцы (?), раздѣлявшіеся на нѣсколько племенъ, изъ коихъ каждое одѣвалось отлично отъ остальныхъ. Богатые дани, которыя Капподокійцы платили Египтянамъ благородными металлами, великолѣпными колесницами, драгоценными сосудами и т. п. (см. стр. 83), свидѣтельствуютъ о ихъ богатствѣ и высокомъ промышленномъ развитіи. Можно было бы предположить, что они были финикійскими колонистами, которые поселились въ малой Арменіи, ² граничившей на сѣверовостокѣ съ землею Московъ и берегомъ Чорнаго моря. Живя, подобно сидонскимъ колонистамъ въ Сириі, среди еще полудикихъ народовъ, они могли служить посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ между золотоносными странами сѣвера ³ и западными землями, и этимъ путемъ достигнуть значительнаго благосостоянія и приобрести большія богатства. ⁴ Но такъ какъ дорогія издѣлія, получавшіяся отъ Ретенну,

¹ Н. Brugsch, Reiseberichte. 308. — ² S. Birch, Statistical Tablet of Karnak. стр. 16 и слѣд. — ³ A. v. Humboldt. Central-Asien. Berlin 1844. I (1) 3; 151 и слѣд.; 242 и слѣд. — ⁴ Movers. Das phöniz. Alterthum. II. 158 и слѣд.

слыли въ Египтѣ подъ названіемъ издѣлій «священной страны», * то вѣроятно будетъ принять, что этотъ народъ жилъ на сѣверъ отъ Ассиріи.

Приготовленная изъ плотныхъ тканей одежда Ретенну, а также и то обстоятельство, что въ числѣ предметовъ, которые они посылали въ дань фараонамъ, были и длинныя перчатки, указываютъ на холодный климатъ ихъ родины. Какъ видно по изображеніямъ на египетскихъ памятникахъ, верхняя одежда однихъ состояла изъ куска пестрой ткани, который они обвивали спирально вокругъ тѣла (фиг. 107. а — в); другіе, подобно нѣкоторымъ племенамъ на сѣверѣ Сиріи, носили длинный и широкій передникъ, а на грудь надѣвали широкую крестообразную перевязь; третьи, наконецъ, одѣвались въ совершенно закрытыя, плотно обтягивающія тѣло одежды — можетъ быть кожаныя — съ длинными рукавами (фиг. 108. d). Первый родъ одежды принадлежалъ вѣроятно господствующему классу знатныхъ Сирійцевъ, а послѣдній — воинственнымъ, жившимъ въ горахъ Каппадокійцамъ. Женщины послѣднихъ одѣвались также въ обернутый нѣсколько разъ вокругъ тѣла кусокъ ткани (фиг. 108. e).

Жители страны «Хета» (Халдеи, или Хеттеяне?) представлены одѣтыми въ длинныя и узкія одежды съ короткими рукавами и широкимъ отложнымъ воротникомъ, (фиг. 108, а — в). На иныхъ — вѣроятно воинахъ — поверхъ такой одежды наброшенъ родъ плаща, застегнутаго вокругъ шеи и закрывающаго спину (фиг. 108. e).

Фиг. 108.

Костюмъ Финикійянъ и единоплеменныхъ съ ними «Кефа», или жителей о. Кипра, по нарядности и красивой отдѣлкѣ не уступалъ костюму знатныхъ Каппадокійцевъ, описанному выше. Знатные ихъ племена носили драгоценныя пурпуровыя одежды (фиг. 109. d). Верхнее платье ихъ имѣетъ видъ туники съ длиннымъ отложнымъ воротникомъ или пелериной. Одна половина туники и воротника темнофіолетоваго, а другая яркочервонаго цвѣта; на красной половинѣ воротника нашиты темнофіолетовыя кружки. Туника

* Переводитъ такъ выраженіе автора „des heiligen Landes.“ Нельзя полагать, что она разумѣетъ здѣсь „святую землю“ христіанъ — Палестину.

обшита по краямъ желтою каймой и надѣта поверхъ желтой же юбки, сложенной въ мелкія складки. Подобную же одежду, но еще богаче отдѣланную и украшенную драгоценными каменьями, носили вѣроятно тирскіе цари и жрецы Мелькарта—бога-покровителя города Тира. (Movers. I. 133). — Финикіяне вообще любили одежды яркочернаго цвѣта, хотя и умѣли составлять всевозможные оттѣнки пурпуровой краски.

Совершенную противоположность закрывающей всё тѣло одеждѣ Финикіянъ представляет костюмъ жителей о. Кипра (фиг. 109. а), состоящій изъ одного только передника и легкой обуви въ родѣ чулковъ. Тѣмъ же менѣе, нарядность этихъ вещей и ихъ красивая отдѣлка (фиг. 109. б—с)

Фиг. 109.

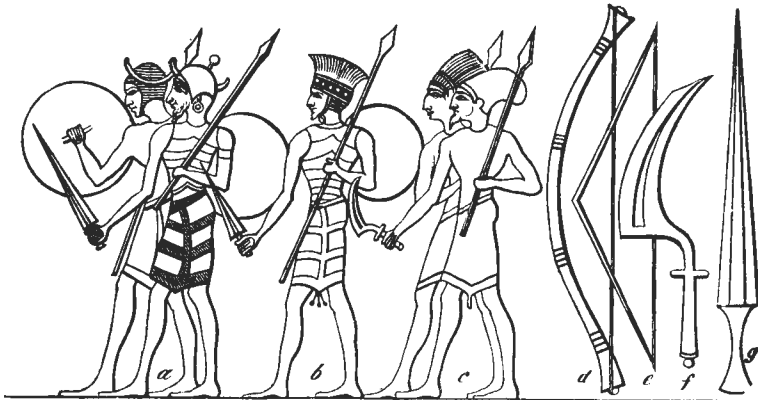
показываютъ, что жители Кипра справедливо слыли за искусныхъ ремесленниковъ. Кроме того, извѣстно, что они наравнѣ съ Каппадокійцами посылали въ дань фараонамъ драгоценныя сосуды—что также свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи у нихъ техническаго и художественнаго образованія.

Легкость одежды жителей Кипра обуславливалась вѣроятно климатомъ ихъ острова, который изстари слылъ за крайне жаркій. Марціалъ (IX. 32) не даромъ совѣтуетъ своему другу Флакку «не довѣрять жгучему зною Кипра». Этимъ же зноемъ, раскалившимъ и почву, объясняется также и постоянное ношеніе Кипрянами обуви, тогда какъ другіе западно-азійскіе народы надѣвали её только въ рѣдкихъ случаяхъ. Было три рода обуви: простыя сандаліи, привязывавшіяся къ ногѣ ремнемъ (фиг. 106. а, с, е), башмаки (фиг. 107, е) и сказанные чулки (фиг. 109. с); женщины носили родъ носковъ изъ одноцвѣтной ткани (фиг. 106. б). На голову надѣвали или круглую шапку, или родъ чехла, подъ который прятали волосы, или же носили широкія повязки. Изъ украшеній употребляли серьги въ видѣ большихъ колецъ, металлическія запястья, и такіе же обручи для рукъ и ногъ. Иногда для большей нарядности расписывали себѣ тѣло символическими фигурами (фиг. 106. f—h).

Описывая оружіе Египтянъ, мы сказали, что большую часть своего вооруженія, они заимствовали отъ малоазійскихъ народовъ; отсюда слѣду-

еть, что оружіе этихъ послѣднихъ весьма мало отличалось отъ египетскаго. Главнымъ обороннымъ оружіемъ Хеттеянскихъ воиновъ («Cheta») были небольшіе плетеные щиты разныхъ формъ (фиг. 108, а — в). Круглые щиты воинственнаго народа «Пулизита» (Филистимлянъ) совершенно похожи на щиты тѣлохранителей Рамзеса II (фиг. 47. С), набравшихся по всей вѣроятности изъ азійцевъ. Остальное вооруженіе этого народа состояло изъ панцыря, закрывавшаго грудь и спину, передника изъ толстой ткани (срав. фиг. 42, стр. 44) и шлема, тоже похожаго на шлемы Рамзесовыхъ тѣлохранителей (фиг. 110, а), и съ такимъ же украшеніемъ, представляющимъ полумѣсяцъ соединенный съ солнечнымъ дискомъ (Украшеніе это имѣло, безъ сомнѣнія, символическое значеніе, такъ какъ оба свѣтила занимали важное мѣсто въ культѣ западноазійскихъ народовъ: ¹ серпъ луны былъ однимъ изъ символовъ Астарты — богини войны у Сидонянъ и Филистимлянъ (1 кн. Царствъ XXXI, 10). На другихъ войнахъ вмѣсто шлемовъ чадѣты низкія тафьи, украшенныя перьями (фиг. 110, в); на третьихъ — высокіе загнутые назадъ колпаки (фиг. 110. с).

Фиг. 110.

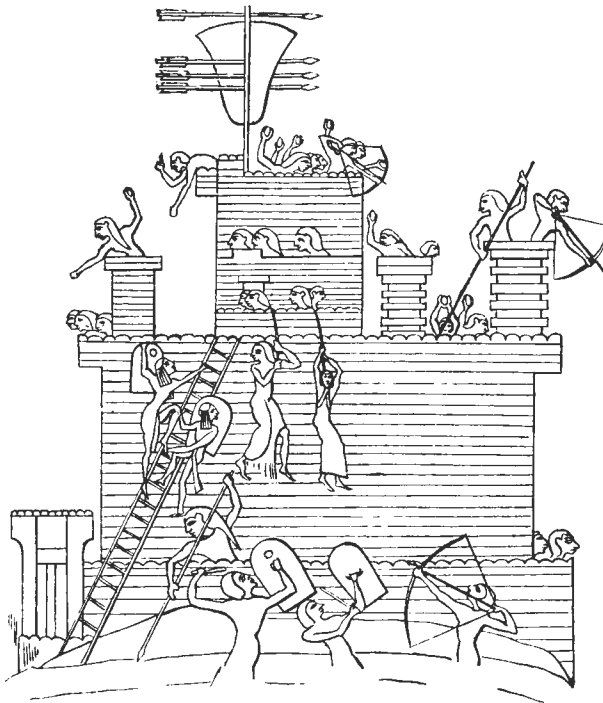
Для нападенія, западноазійскіе народы употребляли такое же оружіе, какъ и Египтяне: копьа различной длины, дротики и луки (фиг. 108. а, в; 110. а—с). Луки въ которыхъ народовъ отличались отъ египетскихъ, или своею формою — какъ напр. трехугольный, вѣроятно металлическій, лукъ Сирійцевъ (фиг. 107. d), или своей величиной — тяжелый деревянный лукъ воинственныхъ «Ретешу» (фиг. 108. d; фиг. 110. d). Боевые серпы (фиг. 110. e) и длинныя мечи (фиг. 110. f) употреблялись преимущественно Филистимлянами и народомъ «Ша-су» (Шанриты).

Древѣйшее извѣстіе о строительныя предпріятія западноазійскихъ народовъ связывается съ сказаніемъ объ основаніи царствъ Вавилонскаго и Ассирійскаго. Громадная куча камней и щебня, высшаяся на западномъ берегу Евфрата, почитается мѣстнымъ населеніемъ за остатки огромной

¹ Cp. Movers. Untersuch. über die Religion u. die Gottheiten der Phönicië u. s. w. Bonn. 1841. Стр. 159; 601 и слѣд.

башни, построенной Нимродомъ, и слыветъ у него подъ названіемъ «Бирсъ-и-Нимрудъ» (замокъ Нимрода); но имя Навуходоносора, отчетливо читающееся на кирпичахъ, несомнѣнно доказываетъ, что постройка эта относится ко времени нововавилонскаго царства, подчинившаго себѣ Ассирію въ 7 ст. до Р. Х. Кромѣ нѣсколькихъ названій городовъ, которыя сохранило древнѣйшее преданіе, оно не упоминаетъ ни о какихъ другихъ сооруженіяхъ. Древнѣйшими городами Финикіянъ были: Сидонъ,—старѣйшій изъ городовъ и уже за 1600 л. до Р. Х. средоточіе обширныхъ финикійскихъ владѣній,—¹ и Тиръ. По Санхоніатону, первый укрѣпленный городъ былъ построенъ финикійскимъ царемъ Кроносомъ, построившимъ въ послѣдствіи Библусъ. Египетскія извѣстія называютъ въ числѣ укрѣпленныхъ городовъ, существовавшихъ въ западной Азии во второмъ тысячелѣтіи до Р. Х.: «Вавилонъ», ² «Нени» (Нинивія), «Халибу» (Халибонъ) — главный городъ народа «Хета», и «Аскалена» (Аскалонъ) — ³ одинъ изъ пяти главныхъ городовъ Филистимлянъ, а не Аскалонъ—городъ Тирійцевъ, о которомъ говорится у позднѣйшихъ историковъ.

Фиг 111.

На египетскихъ памятникахъ представлены одні только крѣпостныя постройки западноазійскихъ народовъ. Это или укрѣпленные замки, или длинныя насыпи съ зубчатыми башнями, похожими на египетскія. Иныя изъ нихъ обнесены окопами и двойнымъ рвомъ, черезъ который положенъ ши-

¹ Ср. Movers I. 27 и слѣд.; 244. II. 118; 135 и слѣд.—² S. Birch Stat. Tablet of Karnak. 37.—³ H. Brugsch. Reiseberichte. 116; 126 и слѣд.; 186.

рокой мостъ, ведущій ко входу въ укрѣпленіе, обыкновенно продѣланному на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли. ¹ Укрѣпленные замки или форты строились все на возвышеніяхъ, естественныхъ или искусственныхъ, и имѣли форму башенъ (фиг. 111). Стѣны ихъ выводились, вѣроятно, изъ кирпича и бревещъ чередующимися слоями (см. выше стр. 123.). Внутри онѣ освѣщались окнами, пробитыми въ разныхъ этажахъ, которые сообщались между собою лѣстницами. У иныхъ изъ этихъ башенъ вовсе не было входовъ, а поднимались на нихъ по веревкамъ, или съ помощію вѣрота: такого рода башни еще и теперь встрѣчаются на Востокѣ. На вершинѣ башни выставлялся повѣшенный на длинное древко флагъ съ какимъ нибудь изображеніемъ.

Жители поморья не могли не имѣть у себя военныхъ судовъ и вѣроятно имѣли ихъ въ значительномъ количествѣ. Суда эти, какъ видно по рисункамъ, были совершенно похожи на египетскія (фиг. 68): длинныя подномачтовья лодки съ однимъ парусомъ прикрѣпленнымъ къ длинной реѣ. ²

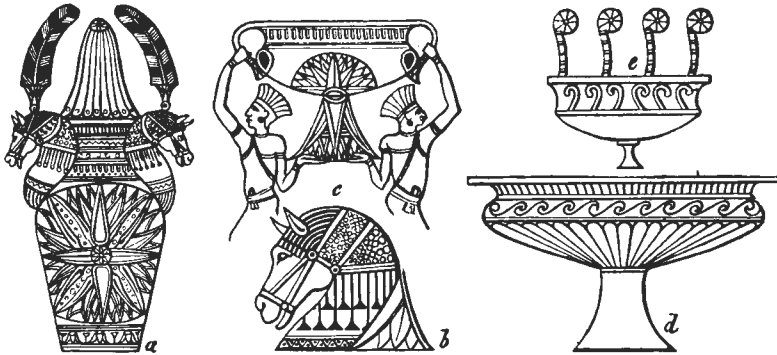
Разработка естественныхъ богатствъ острововъ Кипра, Родоса и Озоса (Тазо), на которомъ Финикіяне завели свои первыя колоніи, положила основаніе ихъ дальнѣйшему промышленному развитію и способствовала главнымъ образомъ ихъ быстрому обогащенію. На о. Кипрѣ были открыты богатые мѣльные рудники, — по преданію, финикійскимъ царемъ Киниромъ, которому приписывается также и изобрѣтеніе нужныхъ для добыванія руды орудій и снарядовъ (Плиш. VII, 57). На о. Озосѣ Финикіяне нашли золотосныя копи, о богатствѣ коихъ можно судить потому, что даже и во время Геродота изъ нихъ добывалось ежегодно отъ двухъ до трехъ сотъ талантовъ золота (Геродотъ VI, 47). Кроме мѣди, о. Кипръ доставлялъ нѣкоторыя породы драгоценныхъ камней, особенно цѣннѣйшихъ въ древности, и прекрасное дерево для построекъ, столярныхъ и рѣзныхъ работъ. Изъ Киликіи, гдѣ Финикіяне имѣли также колоніи, они получали въ огромномъ количествѣ желѣзо и мѣдь. Потому весьма вѣроятно, что въ умѣньи обрабатывать металлы и въ искусствѣ изготовлять изъ нихъ всякаго рода издѣлія, Финикіяне не уступали Вавилонянамъ, литейныя работы которыхъ пользовались такою же извѣстностью, какъ и дорогія разноцвѣтныя ткани. О красивыхъ бронзовыхъ сосудахъ Сидонцевъ упоминается у Гомера (Од. IV, 615; XVII, 412; Ил. XXIII, 740) и у Плинія (XXXV, 4), какъ объ изящнѣйшихъ произведеніяхъ литейнаго искусства. На основаніи всехъ этихъ извѣстій можно кажется предположить, что всея драгоцѣности, обогащавшія, въ видѣ данн, сокровищницы египетскихъ фараоновъ, шли преимущественно изъ западноазійскихъ культурныхъ земель.

Дорогіе сосуды изготовлялись большею частью изъ золота. Они имѣли форму болѣе или менѣе объемистыхъ плоскихъ чашъ и высокихъ крутобокихъ вазъ съ богатой орнаментацией. Не смотря на красоту орнаментовъ,

¹ Сравн. рисунки у Rosellini. I (mon. stor.). Табл. (IV: CVIII и слѣд. Также Wilkinson. A popular account etc. I (фиг. 346). — ² Рисунокъ см. у Rosellini. I (mon. stor.), табл. CXXXI.

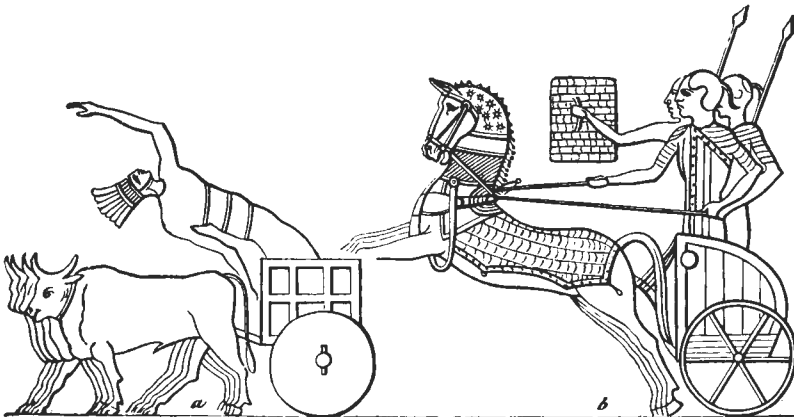
форма сосудов обличает неочищенный, почти варварски-грубый вкус. Это въ особенности относится къ вазамъ и къ чашамъ, украшеннымъ статуэтками (фиг. 112, а, с; сравн фиг. 107. в). Статуетки представляютъ человѣческія фигуры въ азійскомъ костюмѣ; стиль ихъ, такъ же какъ и стиль фигуръ животныхъ, составляющихъ характеристическое украшеніе этихъ сосудовъ, сходенъ со стилемъ ассирійскихъ скульптуръ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Фиг. 112.

Мы уже говорили выше о великолѣпныхъ колесницахъ, которыя египетскіе цари получали въ дань отъ народа «Ретенну». Несравненно проще были военныя колесницы кочевыхъ племенъ, служившихъ Халдеямъ (Хета) вспомогательными войсками (фиг. 113. в). Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ выѣзжали на войну, какъ видится, въ грубо сколоченныхъ изъ досокъ колесницахъ, заложенныхъ быками (фиг. 113. а); другія напротивъ запрягали въ

Фиг. 113.

свои болѣе красивыя колесницы коней въ богатой сбруѣ. Это обстоятельство, свидѣтельствующее о давнишемъ существованіи у этихъ племенъ коневодства, заставляло предполагать въ нихъ племена скиѣскаго происхожденія; но вѣроятнѣе, кажется, будетъ предположить, что они принадлежали къ той же семитической группѣ западноазійскаго населенія, какъ и союзные съ ними Халдеи (Хета).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Асси́рійне и (ново-) вавилоняне. ¹

Предварительныя замѣчанія.

На развалинахъ древняго царства вавилонскаго — на существованіе и паденіе котораго указываетъ, кажется, преданіе о постройкѣ башни Бела или Ваала — возникло царство Ассирійнѣ. Борьба изъ за соперничества между обоими царствами была, по всей вѣроятности, главною причиною этого переворота въ ихъ судьбѣ. Вновь возникшее царство должно было въ свою очередь уступить главенство своему побѣжденному сопернику, чтобы затѣмъ подчинить его себѣ вторично и окончательно. Это случилось однакожь не ранѣе начала 13-го ст. до Р. Х., и съ этого времени Ассиріянне являюся господствующимъ народомъ. Побѣдоносныя войны съ Месопотамією, которыя преданіе относитъ къ баснословнымъ временамъ Нина и Семирамиды, доставили Ассирійскому царству господство надъ западною Азією, а столицу его, основанную Ниномъ «Ниневію», сдѣлали центромъ малоазійской культуры. Раскопки, предпріятыя въ новѣйшее время въ окрестностяхъ Мозуля на рѣкѣ Тигрѣ, вызвали на свѣтъ неопровержимыя свидѣтельства рашнаго и блестящаго развитія ассирійско-вавилонской культуры. Развалины обширныхъ дворцовъ были освобождены изъ подъ громадныхъ кучъ мусора, покрывавшихъ ихъ въ теченіи тысячелѣтій, и сдѣлавы доступными изученію. Ислѣдователямъ этихъ развалинъ удалось уже хотя отчасти приподнять завѣсу, которая до сихъ поръ скрывала древнѣйшую исторію этихъ странъ; а успѣшно продолжающійся разборъ клинообразныхъ надписей, покрывающихъ стѣны развалинъ, общааетъ возможность утвердить её на несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ. Уже разобраны имена нѣкоторыхъ извѣстныхъ царей (хотя чтеніе ихъ еще не установлено окончательно) и надписи, перечисляющія подвиги этихъ царей, а потому дающія твердыя точки опоры хронологическому изслѣдованію.

¹ P. E. Botta. *Monuments de Ninive, etc.* Paris. 1849. Fol. — A. Layard: *The monuments of Nineveh.* London, 1849; *Nineveh and its remains.* 2 vols. New-York 1849; — *A popular account of discoveries at Nineveh etc.* London 1851; — *Fresh discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon, with travels in Armenia etc.* London. 1853. — W. Faux. *Nineveh and Persepolis. An historical sketch of Assyria and Persia.* London 1851. (Нѣм. пер. Th. Zenker. Lpzg. 1852). — J. Bonomi. *Nineveh and its palaces. The discoveries of Botta and Layard, applied to the elucidation of Holy Writ.* 2. ed. London 1853. — Henry Gosse. *Assyria, her manners and customs, arts and arms.* London 1852. — *The buried city of the East. Nineveh.* London. 1851. — M. Dunccker. *Geschichte des Alterthums.* Bd. I. — J. v. Gumpach: *Die Zeitrechnung der Babylonier und Assyrier.* Heidelberg, 1852; — *Abriss der babylonisch-assyrischen Geschichte.* Mannheim, 1854. — Jac. Kruger. *Gesch. der Assyrier und Iranier vom XIII bis zum V Jahrh. v. Chr.* Frankfurt a. M. 1856. — (Осталья литература см. у Otto Strauss. *Nabuni de Nino vaticinium explicavit etc.* Berlin, 1853. Стр. XXXII, пр. 2. и въ текстѣ сочиненія).

Древѣйшее изъ откопанныхъ зданій—такъ наз. сѣверозападный дворецъ Нимврода — было построено или возстановлено царемъ «Асаракбаломъ». Онъ— сказано въ надписи, начертанной на дворцѣ—¹ «бралъ дань съ народовъ, кои живутъ при морѣ, съ Тирянъ, Сидонянъ, Кубалянъ и съ города Арвада, лежащаго среди моря, серебромъ, золотомъ, всякаго рода утварью изъ металла и дерева, и одеждами богато изукрашенными»; — цари Этбааль, или Итобалъ, тирскій, и Ахавъ израильскій (между 900—800 до Р. Х.) были его вассалами наравнѣ со многими другими государями. Слѣдовательно, господство его простиралось въ глубь Сиріи и до береговъ Средиземнаго моря. Преемникъ этого могущественнаго царя заботился повидимому неменьше своего предшественника о распространеніи своихъ владѣній и объ украшеніи своей столицы. Онъ тоже бралъ дань съ Израильянъ и даже Египетъ слалъ ему дары.² Большую часть своихъ сокровищъ онъ, такъ же какъ и Асаракбалъ, употреблялъ на постройку великолѣпныхъ зданій. Надписи называютъ его строителемъ такъ наз. «средняго дворца».

При послѣдовавшихъ затѣмъ царяхъ, Ассирійское царѣство начало снова клониться къ упадку и вѣроятно распалось бы, если бы не явился, въ лицѣ царя Пула, монархъ, одаренный достаточною энергіею, чтобы противодействовать окончательному разложенію этого громаднаго, но едва сплоченнаго государственнаго организма. Онъ присоединилъ снова отложившіяся было части его (770—760) и вѣроятно первый ввелъ систему переселенія покоренныхъ народовъ въ другія области, для того чтобы упрочить надъ ними свое господство³, хотя въ тоже время обременялъ ихъ тяжелыми данями, подрывавшими ихъ благосостояніе. Такимъ образомъ бѣдшая часть Сиріи была снова подчинена ассирійскому скипетру. Преемникъ Пула, Теглаофалесаръ, распространилъ свои завоеванія на востокъ до Оксуса;⁴ Салманасаръ, вступившій на престолъ Ассирійскій по смерти Теглаофалесара (ок. 700 до Р. Х.), покорилъ своей власти и самостоятельныя дотогдѣ государства Финикіянъ и Филистимлянъ.

Во время этого насильственнаго собиранія западноазійскихъ земель подъ владычество Ассиріи, и постоянныхъ войнъ ея съ отдѣльными государствами, пытавшимися возвратить утраченную ими независимость,—древняя столица ассирійскихъ царей разрослась до громаднхъ размѣровъ. Салманасаръ прибавилъ къ ней новый обширный кварталъ, мѣстоположеніе котораго и теперь еще обозначается развалинами огромнаго дворца близъ Хорсабада. Если политическія соображенія заставляли ассирійскихъ царей переселять жителей поработенныхъ ими странъ во внутрь государства, чтобы черезъ это отнять у нихъ всякую возможность къ возстанію, то очень вѣроятно, что особенные, національные интересы побуждали ихъ выбирать изъ этихъ болѣе или менѣе промышленныхъ населеній самыя лучшія силы и сосредоточивать ихъ въ столицѣ государства. Этимъ предположеніемъ объясняется какъ чрезвычайное возрастаніе населенія Ниневіи, такъ и усиленіе ея

¹ Layard, Nineveh and Babylon. 355 и слѣд.—J. Kruger. Gesch. der Assyrier etc. 268 и слѣд.—² Layard Nineveh and Babylon. Стр. 618.—³ I. Kruger, Geschichte der Assyrier etc. 338.—⁴ Layard, Nineveh and Babylon. 618.

промышленнаго значенія въ ущербъ всѣмъ прочимъ западноазійскимъ городамъ.

По смерти Салманасара, прежнія смуты внутри царства начались снова, но наслѣдовавшій ему Сеннахиримъ (702 — 680) съумѣлъ энергически подавить ихъ. Онъ самъ называетъ себя въ одной надписи «поработителемъ царей Азии отъ верхняго лѣса (Ливана) до нижняго моря (персидскаго залива)», подчинившимъ своей власти царя вавилонскаго «Меродаха Баладана» и многіе города халдейскіе, мидійскіе, сирійскіе и финикійскіе. — Несмотря однакожь на эти новые успѣхи, имѣвшіе слѣдствіемъ также и дальнѣйшее распространеніе столицы, Ассирійское государство начало клониться къ упадку уже при Сеннахиримѣ. Въ то время, когда онъ былъ занятъ постройкою обширныхъ зданій, развалины которыхъ покрываютъ равнину Куянджика, Езекія, царь Іуды, заручившись помощью египетскаго царя Тараки, поднялъ противъ него оружіе. Сеннахиримъ осадилъ Іерусалимъ, но повальная болѣзнь, открывшаяся въ его войскѣ, принудила его снять осаду и удовольствоваться опустошеніемъ захваченныхъ на походѣ областей и переселеніемъ жителей ихъ, по обыкновенію, во внутреннія части государства. Этотъ неудачный походъ привелъ въ разстройство военныя силы Ассиріи, и вассальныя ей государства воспользовались этимъ случаемъ, чтобы попытаться свергнуть съ себя ненавистное имъ иго. Первая отложилась Мидія, а за нею и вся Персія; Вавилонію удалось Сеннахириму удержать въ своей власти: усмиривъ съ чрезвычайными усиліями вспыхнувшее тамъ возстаніе, онъ сдѣлалъ намѣстникомъ этой области сына своего Асордана (Ассарадона). Этотъ послѣдній, занявъ, послѣ насильственной смерти отца своего, ассирійскій престолъ, покорилъ снова отпавшія было области (680—667) и оставилъ ассирійское царство въ прежнемъ его объемѣ сыну своему Саосдухину (Самугесу). — При наслѣдникѣ послѣдняго «Ашуръ-банипалѣ», какъ его называютъ надписи, Ниневія украсилась многими храмами и новымъ дворцомъ, развалины котораго, извѣстныя подъ названіемъ юго-западнаго дворца Хала-Нимрудъ, остаются и до сихъ поръ памятникомъ этой эпохи угасанія древняго величія Ассиріи.

При царствовавшихъ затѣмъ государяхъ, изъ коихъ болѣе другихъ извѣстенъ «Хин-иль-аданъ», подвластныя Ассиріи государства усилились до такой степени, что она была уже не въ состояніи противиться имъ. Мидійскій царь Ціаксаръ, во главѣ сильной арміи, подступилъ подъ самыя стѣны Ниневіи. Паденіе города казалось уже неизбежнымъ, — какъ вдругъ съ сѣверо-востока нахлынулъ на западноазійскія земли дикій народъ «Хасимъ» или Скионы (?). Какъ бурный потокъ пронеслись полчища ихъ по Мидіи, Сиріи и Малой Азии до самыхъ границъ Египта, истребляя и опустошая все на своемъ пути. Ціаксаръ тотчасъ же снялъ осаду съ Ниневіи и поспѣшилъ вернуться въ Мидію. Избавивъ свое государство отъ нашествія дикарей, онъ собралъ снова войско и, пользуясь общимъ смятеніемъ, пошелъ на Арменію и Каппадокію. Завоеваніе этихъ земель доставило Мидіи первенствующее положеніе по отношенію къ другимъ подвластнымъ Ассиріи государствамъ и сблизило ее съ Лидією и Вавилонією, правитель которой вступилъ съ Ціаксаромъ въ родственныя союзы.

Въ Ассиріи царствовалъ въ это время Сарданапаль или «Саракъ» (626—606 до Р. Х.). Намѣстникъ его въ Вавилоніи, Набопалассаръ, задумалъ провозгласить себя независимымъ государемъ и, опираясь на союзъ съ Мидіею и Лидіею, рѣшился исполнить свое намѣреніе. Ціаксаръ снова обложилъ Ниневію. Призванное осажденными на помощь египетское войско было разбито соединенными силами Набопалассара и Осіи, царя Іудейскаго, и послѣ двухъ-лѣтняго отчаяннаго сопротивленія Ниневія пала. Исполнились слова Пророка: Ниневія, «сей градъ презорливый, живяй на упованіи, глаголяй въ сердца своемъ: азъ есмь, и нѣсть по мнѣ еще», погибла въ пламени, зажженномъ самимъ Сарданапаломъ, и «бысть во исчезновеніе, пажить звѣремъ» (Прор. Софонія II, 15).—Области по лѣвому берегу Тигра отошли къ Мидіи, а по правому—къ Вавилоніи.

Мѣсто разрушенной Ниневіи заступилъ Вавилонъ. Укрѣпленіе и постройки, которыми Набопалассаръ еще во время своего намѣстничества старался оградить и украсить столицу Вавилоніи, были продолжены и преемникомъ его Навуходносоромъ («Набукудуссуромъ»). Побѣда, одержанная Набопалассаромъ надъ войскомъ египетскаго фараона Нехо, положила конецъ господству Египтянъ въ Сиріи. Навуходносоръ рѣшился возстановить Вавилонское государство во всемъ его прежнемъ блескѣ, и съ этою цѣлю, собравъ сильное войско, направился сначала противъ Сиріи. Послѣ упорной борьбы, ему удалось покорить большую часть страны и овладѣть Іерусалимомъ, жители котораго были отведены въ Вавилонію (около 600 до Р. Х.). Навуходносоръ умѣлъ держать въ подчиненіи завоеванныя имъ области и сопротивляться всякой попыткѣ ихъ къ возстанію. Обезпечившись со стороны Іудеевъ и принудивъ Тиръ къ заключенію съ нимъ выгоднаго договора, онъ занялся исключительно украшеніемъ своей столицы. Онъ собралъ въ нее всѣ лучшія силы своего царства—умственные и промышленныя—и Вавилонъ не замедлилъ сдѣлаться второю Ниневіею, прежнимъ «гордымъ Вавилономъ», богатѣйшимъ изъ всѣхъ торговыхъ городовъ. Тутъ Навуходносоръ умеръ. Тронъ перешелъ къ его сыну «Эвильмеродаху». Тиранъ и сластолюбецъ, онъ царствовалъ недолго и былъ убитъ своими приближенными. Одинъ изъ нихъ, Набонитъ, занялъ его мѣсто (555—538 до Р. Х.). При немъ началось постепенное распаденіе царства. Мидія была уже во власти Персовъ и потому оторвана отъ союза съ Вавилономъ. Изъ Мидіи Персы проникли въ Малую Азію и собирались напасть на Вавилонъ, лежавшій между ихъ владѣніями на востокъ и на западъ. Въ 539 до Р. Х. Киръ выступилъ противъ Вавилона и заставилъ Набонита укрыться съ войскомъ за стѣнами города. Началась осада и—«плѣненъ бысть Вавилонъ, посрамися Виль, побѣдися Меродахъ, посрамишася изваянія его, сокрушишася кумиры ихъ» (Прор. Іереміи L., 2)

Разчистка развалинъ, оставшихся отъ громадныхъ городовъ, царившихъ на нижнемъ Евфратѣ и верхнемъ Тигрѣ, привела къ открытію значительнаго количества надписей и скульптурныхъ изображеній. Эти послѣднія заключаются главнымъ образомъ въ барельефахъ, которые, подобно скульптурамъ на стѣнахъ египетскихъ храмовъ, украшали стѣны ассирійскихъ

дворцовъ. Ассирійскія скульптуры высѣчены однакожь не на самыхъ стѣнахъ зданій, какъ египетскія, а на алебастровыхъ плитахъ отъ 8 до 10 ф. вышины и около 4 ф. ширины. На этихъ плитахъ изображали и записывали все важнѣйшія событія государственной и религіозной жизни и потомъ укладывали ихъ длинными полосами по стѣнамъ дворцовъ. Добытыя до сихъ поръ плиты представляютъ наглядную и достовѣрную картину ассирійской культуры и ассирійскихъ обычаевъ, и только изъ нихъ могли мы ближе познакомиться съ тою необыкновенною пышностью древнеазійскихъ государствъ, о которой мы знали лишь по библейскимъ сказаніямъ. — Сличая между собою плиты, принадлежавшія зданіямъ различныхъ эпохъ въ хронологической ихъ послѣдовательности, мы можемъ прослѣдить на нихъ даже и все измѣненія и усовершенствованія, происшедшія въ формѣ и способахъ изготовленія различныхъ принадлежностей высшаго быта, какъ то: одежды, утвари и пр. и заключить отсюда о ходѣ развитія ассирійской культуры вообще. До сихъ поръ было возможно сличить между собою лишь барельефы съ памятниковъ древнѣйшей и позднѣйшей эпохи: съ развалинъ такъ называемаго сѣверозападнаго дворца Нимруда (900 л. до Р. Х.) и съ развалинъ Куюнджикскихъ (700 л. до Р. Х.). Промежутокъ между означенными эпохами выполняется, хотя только отчасти и съ большими пробѣлами, барельефами съ развалинъ при Хорсабадѣ, Карамлестѣ и др.; а раскопки, произведенныя въ послѣднее время близъ нынѣшней Гиллы — на мѣстѣ древнѣйшаго и новаго Вавилона, — открыли остатки зданій изъ послѣдняго періода существованія Ассирійскаго государства.

Одежда.

Ассирійскій скульптурный стиль отличенъ отъ египетскаго. Хотя онъ тоже не свободенъ отъ нѣкотораго схематизма, но этотъ схематизмъ не былъ навязанъ ему, какъ египетскому стилю, обязательнымъ уставомъ, недопускаящимъ никакой свободы со стороны художника. Напротивъ того, въ произведеніяхъ ассирійскаго искусства нельзя не замѣтить по крайней мѣрѣ стремленія къ свободному, хотя близкому и точному, подражанію природѣ. Но возвыситься до полной свободы, до творчества, оно не могло, потому что было еще неспособно одухотворять матерію, влагать въ неѣ внутреннюю жизнь, безъ чего истинное искусство не мыслимо.

Въ Ассиріи, такъ же какъ и въ Египтѣ, ваятельное искусство было поставлено въ строгую зависимость отъ архитектуры. Назначенное лишь для того, чтобы украшать стѣны царскихъ дворцовъ изображеніями подвиговъ ихъ обладателей, оно не могло подняться до высшей, творческой дѣятельности и должно было ограничиться лишь совершенствованіемъ своей техники. Пашедши разъ потребныя для указанной цѣли типы, оно могло только продолжать вырабатывать ихъ формальную сторону, оставаясь при этомъ въ границахъ, предписанныхъ высшими условіями. При всемъ томъ, ассирійское искусство имѣло ту выгоду передъ египетскимъ, что могло все таки развиваться до нѣкоторой своеобразной «манеры», которую выработали условія національной жизни, между тѣмъ какъ искусство египетское оцѣнилось

въ разъ установленныхъ, неизмѣнныхъ формахъ. Лишенный всякой внутренней свободы и всякаго внѣшняго изящества церемоніаль ассирійскаго двора, и не менѣ условная общественная жизнь, съ ея строгимъ дѣленіемъ сословій по знатности и богатству, и вытекавшею отсюда склонностью къ внѣшнему блеску— вотъ что составляло содержаніе ассирійскаго искусства и давало ему образцы для точнаго подражанія. Только въ изображеніи пагого тѣла позволялась ему нѣкоторая свобода; но и тутъ оно не могло отрѣшиться вполне отъ привычнаго конвенціонализма и впало въ преувеличеніе формъ, которое замѣтно уже въ фигурахъ древнѣйшихъ ассирійскихъ скульптуръ. ¹

Такъ какъ и отъ ассирійскихъ художниковъ требовалось прежде всего, чтобы изображаемое ими было ясно и понятно для всякаго, то и они, такъ же какъ и египетскіе, обращали главное вниманіе на точную передачу всѣхъ видимыхъ особенностей и отличій изображаемаго предмета. Слѣдствіемъ этого было то, что боясь упустить какое нибудь внѣшнее отличіе или какую нибудь особенную принадлежность напр. въ костюмѣ царей или вельможъ, они представляли фигуры ихъ во всю ширину, даже и при профильномъ положеніи головы и ногъ, и притомъ безъ всякаго признака складокъ на одеждѣ. Отъ этого всѣ фигуры на ассирійскихъ скульптурахъ кажутся оцѣпѣлыми, а костюмированные, сверхъ того, отличаются какою-то особенною гладкостью, такъ что по нимъ очень трудно узнать, изъ какого рода тканей изготовлялась ассирійская одежда и какова была ея настоящая форма. Особенно трудно судить по скульптурнымъ изображеніямъ о костюмѣ царей и знатныхъ, который, какъ показываютъ эти же самыя изображенія, былъ чрезвычайно богатъ и разнообразенъ. Но изъ отсутствія складокъ на одеждѣ скульптурныхъ фигуръ не слѣдуетъ, однакожь, заключать — какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, — что Ассиріане одѣвались въ одиѣ только плотныя, жесткія ткани, похожія на кожу. Это мнѣніе, очевидно основанное на невѣрномъ взглядѣ на манеру ассирійскихъ скульпторовъ отдѣлывать одежду — манеру, свойственную вообще искусству того времени, опровергается уже однимъ тѣмъ фактомъ, что Ассиріане, какъ господствующій народъ въ западной Азій, держали въ своихъ рукахъ всю промышленность покоренныхъ ими народовъ и всю обширную финикійско-вавилонскую торговлю.

Нѣтъ сомнѣнія, что населеніе страны съ непостояннымъ климатомъ, какова Тигро-Евфратская равнина, особенно сѣверовосточная ея часть, гдѣ была Ниневія, ² не могло одѣваться такъ же легко, какъ напр. Египтяне, но всё-таки ткани, изъ которыхъ оно изготовляло себѣ одежду, навѣрное не были такъ плотны, чтобы не складываться въ свободныя складки. Мы знаемъ, что въ западной Азій уже въ глубокой древности выдѣлывались самыя разнообразныя ткани изъ хлопчатой бумаги, которую частію доставляли туда изъ Индіи, частію же разводил на мѣстѣ, особенно въ Сирій. ³ По-

¹ См. превосходные рисунки въ E. Guhl и I. Caspar: Denkmäler der Kunst zur Übersicht ihres Entwicklungsganges etc. Taf. 11. A. — ² Layard. A popular Account of discoveries at Nineveh etc. — ³ C. Ritter. Ueber die geogr. Verbreitung der Baumwolle etc. (Abhandl. d. Akademie der Wissensch. Berlin 1850 — 51). Lassen. Indische Alterthumskunde. Bonn 1847—49, I, 36; II, 554.

этому можно съ большою вѣроятностью предположить, что какъ Ассиріянне, такъ и Вавилоняне, дѣлали себѣ одежду преимущественно изъ хлопчато-бумажныхъ матерій. Но вѣроятно также, что и у нихъ, какъ у Египтянъ, были въ употребленіи льняныя ткани. Кромѣ того, кажется очень правдоподобнымъ, что въ Ассирію (покрайней мѣрѣ въ цвѣтущую ея пору) доставляли также и китайскій шолкъ (въ сыромъ видѣ или переработанный).¹ Наконецъ, изъ ранняго развитія торговли и промышленности въ западной Азии можно заключить, что тамъ занимались также изготовленіемъ и шерстяныхъ тканей, особенно дорогихъ, на выдѣлку которыхъ вѣроятно, шла, и теперь еще высокоцѣнная за свою тонкость и нѣжность, шерсть гималайскихъ козъ и кашмирскихъ овецъ.² Болѣе грубые сорта одежды выдѣлывались изъ кожи, которую въ избыткѣ доставляло туземное скотоводство.

До какого совершенства въ технику достигла западноазійская промышленность при господствѣ Ассиріянъ — видно изъ изображеній на ассирійскихъ памятникахъ. Представленныя на нихъ одежды не только отличаются богатствомъ и разнообразіемъ украшеній, но и заставляютъ предполагать необыкновенное искусство въ изготовленіи самыхъ тканей, особенно цвѣтныхъ и узорчатыхъ, изъ которыхъ дѣлались одежды царя и его вельможъ, и притомъ уже съ древнѣйшаго времени. Всѣ эти одежды украшены тяжелыми кистями, а по краямъ обложены бахромой и широкою вышитою каймою изъ арабесокъ и небольшихъ изображеній религіознаго и историческаго содержанія. — Такъ же искусны, какъ и въ вышиваніи одеждъ, были ассирійскіе мастера и въ крашеніи тканей. Первоначально они красили ихъ вѣроятно одними только цѣльными цвѣтами (краснымъ, желтымъ, синимъ, чернымъ), и уже въ послѣдствіи научились смѣшивать эти основные цвѣта и давать тканямъ всевозможныя оттѣнки. Темнофіолетовый цвѣтъ былъ вѣроятно и у Ассиріянъ самымъ цѣннымъ, какъ и во всей западной Азии. Одежды этого цвѣта были въ большой модѣ и цѣнились очень дорого, но носить ихъ дозволялось лишь высшимъ сановникамъ царства.

Собственно народная одежда Ассиріянъ и Вавилонянъ составляла совершенную противоположность народной одеждѣ Египтянъ — переднику. Это была длинная рубашка, покрывавшая все тѣло отъ шеи до пятокъ. Впрочемъ, передникъ носили и Ассиріянне, но, какъ кажется, только одни воины и то въ извѣстныхъ случаяхъ. Совершенное отсутствіе одежды у Ассиріянъ не допускалось, развѣ при исполненіи некоторыхъ работъ, требовавшихъ, чтобы рабочіе раздѣвались до нага.

Низшіе классы въ Ассиріи и Вавилоніи не знали другой одежды, кромѣ описанной выше рубашки. Её носили какъ мужчины, такъ и женщины, удлиненная или укорочивая ее по произволу посредствомъ пояса. Даже и слуги знатныхъ Ассиріянъ не одѣвались, кажется, никогда — даже и во время самаго разгара роскоши въ Ассиріи — иначе, какъ въ рубашки съ короткими рукавами, доходившія до колѣнъ и подпоясанныя широкимъ поясомъ (фиг. 114. а).

¹ Hartmann Die Hebraeerin am Putztische etc. Amsterdam 1809. I, 448. Wiener. Biblisches Realwörterbuch. Lpzg 1847—48. II, 442. Lassen. Op. cit. I, 532; 563; 598. Käuffer. Das chinesische Volk vor Abraham's Zeiten. Dresden 1850. 516. Layard (Nineveh and its remains) говорятъ просто о „шолковыхъ одеждахъ“ Ассиріянъ, безъ всякихъ объясненій. —² Lassen. Op. cit. I, 37; II, 565.

Высшіе классы, напротивъ того, обыкновенно не носили поясовъ (фиг. 114. в), а подпоясывались только при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ. Верхнее платье дозволялось надѣвать только вельможамъ, жрецамъ и царю. — Надобно полагать, что эти строгія различія въ одеждѣ разныхъ сословіи значительно сгладились въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. когда ассирійско-вавилонская монархія начала разлагаться. Покрайней мѣрѣ Геродотъ рассказываетъ (I, 195), что при немъ всѣ житочные люди въ южной Мессопотаміи носили двѣ одежды — полотняную нижнюю и шерстяную верхнюю, головныя повязки и башмаки.

На измѣненіе древне-ассирійскаго костюма могло имѣть вліяніе особенное положеніе женщинъ въ Ассиріи. Судя потому, что на ассирійскихъ скульптурныхъ памятникахъ женскія фигуры встрѣчаются весьма рѣдко, особенно фигуры собственно ассирійскихъ женщинъ,¹ тогда какъ на египетскихъ нѣтъ почти ни одной картины, на которой не были бы представлены Египтянки, можно заключить, что общественное положеніе половъ по отношенію одного къ другому было въ этихъ двухъ государствахъ не одинаково. Въ Египтѣ, даже и въ позднѣйшее время, женщины занимали первое мѣсто въ обществѣ (Діод. I, 27, 78), а въ Эоіопіи и самымъ престоломъ владѣли преимущественно женщины (см. выше стр. 97); въ Ассиріи же (и вообще въ западной Азіи) женщина была, кажется, уже изначала поставлена въ то подчиненное положеніе, изъ котораго она и по сию пору не вышла на Востокъ. Поэтому можно предположить, что тогда какъ въ Египтѣ мужской костюмъ измѣнялся въ подражаніе женскому и сдѣлался почти похожимъ на него, особенно въ эпоху новаго царства,—въ Ассиріи, наоборотъ, женскій костюмъ измѣнялся подъ вліяніемъ мужскаго. Изъ преданія, рассказаннаго у Діодора (II, 6) и Юстина (I, 2), о томъ, что Семирамида сначала одѣвалась такъ, что по одеждѣ нельзя было узнать ея пола,—преданія перешедшаго къ Мидянамъ и Персамъ—можно заключить покрайней мѣрѣ то, что у западноазійскихъ народовъ мужчины и женщины носили почти одинаковую одежду.

На извѣстныхъ доселѣ ассирійскихъ скульптурныхъ памятникахъ представлены преимущественно важнѣйшія событія изъ государственной жизни царей, и только нѣкоторыя черты изъ ихъ частной жизни. О жизни простыхъ гражданъ эти памятники не сообщаютъ почти никакихъ данныхъ; но за то во всей подробности и, вѣроятно, со всею точностью, рисуютъ они одежду и убранство лицъ окружавшихъ тронъ властителя — придворныхъ, государственныхъ сановниковъ, жрецовъ и воиновъ.

¹ Женскія фигуры на названныхъ памятникахъ представляютъ исключительно женщинъ изъ покоренныхъ ассиріянами народовъ; также и фигуры женскихъ божествъ на нихъ не ассирійскія, а чужеземныя. О подробностяхъ см. наше „одежда женщинъ“.

Фиг. 114.

При дворѣ ассирійскихъ царей господствовали такой же до мелочности доходившій этикетъ, какъ и при дворѣ фараоновъ. Подъ влияніемъ распушенности въ правахъ и образѣ жизни, этотъ этикетъ принялъ формы самой необузданной пышности и породилъ страсть къ вѣшнему блеску, которая какъ зараза распространилась отъ ступеней трона до самыхъ низшихъ изъ придворныхъ чиновъ. — Князья и воеводы, одѣтые въ пурпуръ, всѣ молодые и красивые собою, окружали царя; только одни знатнѣйшіе изъ вельможъ и жрецы имѣли право прислуживать ему. Эти знатные были въ тоже время воинами и постоянно носили при себѣ оружіе. За ними слѣдовали эвнухи, которые не смотря на свою женоподобную наружность были тоже богато вооружены и вѣроятно даже сами начальствовали въ битвахъ (фиг. 115, а, с, d; фиг. 116. с).

Фиг. 115.

Всѣ придворные чины носили, поверхъ своей богато отдѣланной одежды, обшитую бахрамою широкую

Фиг. 116.

перевязь (фиг. 115. а—b). Ширина перевязи, а равно и способъ ношенія ея были различны, смотря по сану носившаго. Нѣкоторые придворные чины, напр. первый министръ при дворѣ Салманасара, носили перевязь очень широкую, доходившую до колѣнъ и закрывавшую всю переднюю часть туловища, и надѣвали её черезъ одно плечо (фиг. 115. b); другіе сановники повязывали свою, тоже широкую, перевязь крестообразно (фиг. 115. а). Гораздо уже были перевязи простыхъ служителей царскихъ, его оруженосцевъ и т. д. (фиг. 115. с. d); зонтиконосцы, опахаловосцы (фиг. 116) и писцы царскіе (фиг. 11. b) не имѣли вовсе перевязей, а одну только богатую

оторочку на рукавахъ и подолѣ своихъ длинныхъ одеждъ. Эта перевязь составляла также принадлежность церемониальной одежды царей и жрецовъ, по крайней мѣрѣ въ первое время ассирійскаго царства.

Парадный костюмъ царей, особенно въ раннюю, блестящую пору ассирійскаго владычества (ок. 900 г. до Р. X), къ которой относятся древнѣйшія памятники Нимруда, былъ какъ бы выставкою всѣхъ драгоценностей, какія владыки Ассиріи получали въ дань отъ покоренныхъ ими народовъ (фиг. 117, а). Онъ состоялъ изъ длинной рубашки съ короткими рукавами, вышитой арабесками и различными фигурами, и обшитой по подолу дорогой бахромой, вѣроятно пурпуроваго цвѣта. На поясицѣ рубашка стягивалась поясомъ, кощы котораго, украшенныя кистями, спускались до ногъ. Эта одежда удержалась во все время существованія ассирійской монархіи, безъ измѣненія въ покроѣ; измѣнилась только отдѣлка ея, въ томъ отношеніи, что вмѣсто изображеній мифологическаго содержанія, которыми вышивались прежде царскія одежды, ихъ стали въ послѣдствіи вышивать простыми узорами разныхъ образцовъ (фиг. 117. б).

Фиг. 117.

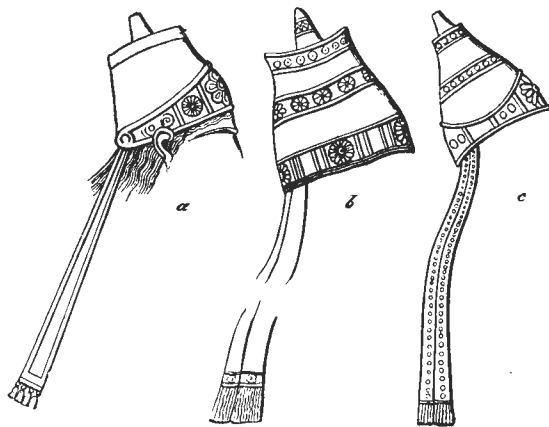
Верхняя одежда ассирійскихъ царей потерпѣла напротивъ того значительныя измѣненія. Изъ болѣе или менѣе широкой накидки, прикрѣпленной пряжкой на одномъ плечѣ (фиг. 117, а), какую ея застали у ассирійскихъ царей Египтаице и представили на своихъ памятникахъ (фиг. 106 г — h), образовался въ послѣдствіи родъ кафтана, который надѣвался на оба плеча, при чемъ руки проускались въ сдѣланныя для нихъ отверстія, или родъ плаща съ разрѣзами для рукъ. Такую одежду носили въ торжественныхъ случаяхъ Салмаассаръ и его преемникъ Сеннахиримъ (фиг. 117. б).¹

¹ Ср. рисунки у Layard. Discoveries of the ruins of Nineveh and Babylon. 150. Въ описаніи нашемъ мы въ точности слѣдовали изображеніямъ на скульптурахъ

Символическія изображенія, которыми испещрялись въ прежнія времена эти верхнія (вѣроятно пурпуровыя) одежды царей, въ послѣдствіи уступили мѣсто болѣе простымъ украшеніямъ, болшею частію вышитымъ золотомъ звѣздамъ и т. п. Переимѣна въ религиозныхъ воззрѣніяхъ народа могла имѣть значительное, если не главное вліяніе на это измѣненіе. ¹ Она же вѣроятно была причиною, что и перевязь, которую древніе цари носили при торжественныхъ церемоніяхъ, въ послѣдствіи совсѣмъ исчезла изъ царскаго параднаго костюма (фиг. 117, а).

Другую необходимою принадлежностью царскаго наряда былъ высокій головной уборъ. Форма и убранство его измѣнялись такъ же какъ и остальной нарядъ. Первоначально онъ состоялъ изъ высокаго, конусообразнаго колпака, верхняя половина котораго была вогнута внутрь, такъ что только одна верхушка колпака выставлялась наружу изъ за изгиба (фиг. 118. а, б), и повязанной по нижнему краю колпака діадемы, отъ которой сзади спускались на спину двѣ длинныя вышитыя ленты. Въ послѣдствіи, мягкій колшакъ обратился въ гладкій и твердый клобукъ съ вышитыми на немъ узорчатыми полосами (фиг. 118, с); ² еще позднѣе, эти вышитыя полосы замѣнились настоящими обручами изъ золота, съ чеканными по нимъ фигурами (фиг. 118, с); діадема тоже уже не навязывалась на клобукъ, а придѣлывалась къ нему наглухо и ленты, служившія для привязыванія ея, остались какъ украшеніе. Эти клобуки дѣлались вѣроятно изъ льняной матеріи, или—что еще правдоподобнѣе—изъ войлока; цвѣтъ ихъ долженъ былъ быть натуральный цвѣтъ матеріи—бѣлый; а цвѣтъ лентъ красный или темнофіолетовый. ³

Фиг 118.

Къ полному облаченію ассирійскихъ царей принадлежалъ еще скинетръ. Это былъ простой посохъ, отъ четырехъ до пяти футовъ длины,

Хорсабада, Куюнджика и др. Очень возможно впрочемъ, что на нихъ представлена только одна изъ формъ верхней царской одежды, и именно послѣдняя.—¹ Layard, *Niniveh and its remains*.—² Grosse, *Manners and Customs etc.* 462.—³ Сравни. связанное о шнурѣ въ описаніи одежды Персовъ (глава 4).

вызолоченный или обитый листовым золотомъ (фиг. 117. а). — Со времени паденія ассирійскаго царства и возвышенія вавилонскаго обычай носить трость сдѣлался кажется всеобщимъ. Покрайней мѣрѣ Геродотъ (I, 195) рассказываетъ, какъ очевидецъ, что каждый (знатный?) Вавилонянинъ носилъ при себѣ трость съ рѣзнымъ набалдашикомъ, котораго форма указывала на званіе носившаго.

3. Официальный костюмъ жрецовъ во многомъ былъ отличенъ отъ царскаго. Ассирійскіе жрецы, подобно египетскимъ, одѣвались въ одежды изъ тонкихъ льняныхъ или изъ другихъ, но во всякомъ случаѣ дорогихъ, тканей, преимущественно — если не исключительно — бѣлаго (можетъ быть и темнофіолетоваго) цвѣта.

Изъ древнихъ изображеній видно, что и въ Ассиріи царь былъ вмѣстѣ и верховнымъ жрецомъ. Особа его была священна и вѣроятно чествовалась почти наравнѣ съ божествами. ¹ Такъ какъ въ основаніи религіозной системы Ассиріянъ лежало поклоненіе небеснымъ светиламъ, то изображенія планетъ и созвздій были отличительнымъ признакомъ и въ то же время главѣйшимъ украшеніемъ жреческаго одѣянія. Что касается формы самого одѣянія, то она сохранилась безъ всякихъ измѣненій отъ самыхъ древнихъ временъ до позднѣйшихъ. Жрецы не носили ни рубашки, ни верхней одежды или плаща, а обвертывали тѣло кускомъ ткани спирально, какъ это было въ обычаѣ у Ретенну (Кашнадокійцевъ?) за 2000 л. до Р. X. (сравни. стр. 175; фиг. 107. а, б). Таковъ былъ костюмъ главнаго жреца (фиг. 119. а) и самого

Фиг. 119.

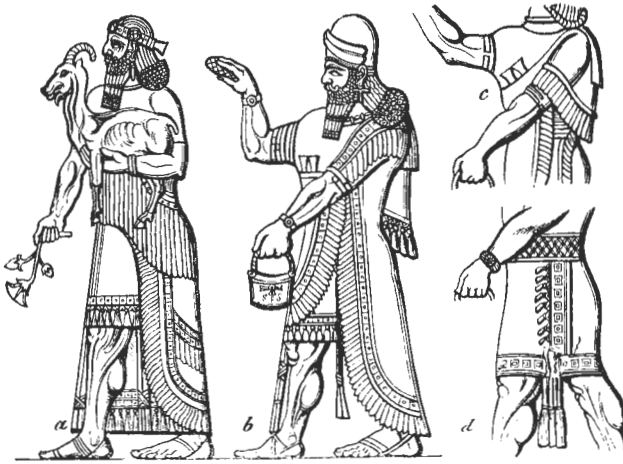

царя, когда онъ совершалъ извѣстные религіозныя обряды (фиг. 119. с, d.) Другія принадлежности жреческаго облаченія царя состояли изъ золотого ожерелья съ привѣшенными къ нему символическими фигурами (фиг. 119, f), булавообразнаго скипетра съ изображеніемъ звѣзды (фиг. 119, e) и ски-

¹ Сравни. М. D u n c k e r. Gesch. des Alterthums I, 267; 281.

петра съ крючкомъ или серпомъ на концѣ (фиг. 119. а). Кроме того, царь навязывалъ себѣ нагрудникъ съ надписями,¹ и покрывалъ голову головнымъ уборомъ, который въ древности имѣлъ видъ круглой и не высокой шапки съ украшеніями на подобіе роговъ и т. п. (фиг. 119. g; фиг. 120, b), а въ позднѣйшее время, подобно царской митрѣ, превратился въ высокій клобукъ, украшенный звѣздами (фиг. 119. h и i).—Съ теченіемъ времени, жрецеское облаченіе царя постепенно измѣнялось и стало

Фиг. 120.

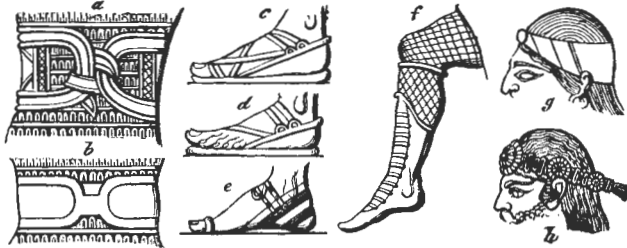
почти во всемъ сходно съ его обыкновеннымъ параднымъ одѣяніемъ, отличаясь отъ послѣдняго большею простотой. Иногда оно состояло лишь изъ длинной безрукавной одежды, безъ великихъ украшеній, низкой митры и большого скипетра (длиннаго жезла).²

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ жрецы высшихъ степеней носили одежду почти ничѣмъ не отличающуюся отъ одежды придворныхъ сановниковъ, т. е. нижнее и верхнее одѣяніе и вышеописанную перевязь черезъ плечо. Нижнее одѣяніе, обшитое внизу бахрамою, не имѣло однакожь формы длинной юбки, какъ у придворныхъ и вообще свѣтскихъ: это былъ тоже длинный и широкій кусокъ матеріи обернутый вокругъ нижней части тѣла спирально въ два оборота, начиная снизу, и притомъ такъ, что ноги отъ щиколки до колѣнъ оставались спереди открытыми, а отъ колѣнъ до пояса были совсѣмъ закрыты (фиг. 119, b; фиг. 120. a, b).³ Длинный поясъ съ кистями придерживалъ этотъ передникъ вокругъ талии.—Верхняя одежда, тоже богато вышитая, была кажется двухъ родовъ — одна, похожая на вышеописанную (стр. 147) древнюю одежду царей (фиг. 120), другая

¹ Въ приведенной Лейярдомъ надписи (Nineveh and Babylon. Стр. 361 фиг. a) сказано: „Завоеватель отъ верховьевъ Тигра до Ливана и до великаго моря, покорившій своей власти всѣ земли отъ восхода до заката солнца“. — ² Goss Manners and customs etc. Рисун. 73; 125 и др.—³ Только такимъ образомъ, кажется мнѣ, можно объяснить способъ носенія этой одежды, которая встрѣчается почти на всѣхъ наматникахъ въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется на фиг. 119. a. b.

болѣе широкая, на подобіе плаща. Этоѣ послѣдній надѣвали, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ: одинъ конецъ плаща перебрасывали черезъ правое (или лѣвое) плечо, потомъ, расправивъ на спинѣ, пропускали подъ мышку лѣвой (или правой) руки и закидывали опять на спину черезъ правое (или лѣвое) плечо (сравн. фиг. 120. в. с). Перевязъ черезъ плечо носили только при узкомъ, стариннаго покроя, верхнемъ одѣяніи.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ все жреческое облаченіе ограничивалось одною обшитою бахрамою рубашкою, или даже однимъ только передникомъ, безъ всякаго верхняго одѣянія (фиг. 120 d). — Такъ какъ нѣкоторыя ассирійскія божества имѣли образъ животныхъ, то кажется очень правдоподобнымъ, что при извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ ассирійскіе жрецы, подобно египетскимъ, надѣвали на себя маски, представлявшія этихъ животныхъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что такія маски встрѣчаются и на изображеніяхъ нерелигіознаго содержанія.

Фиг. 121.

4. Къ парадному придворному костюму принадлежала и діадема, которую носили также и нѣкоторые жрецы, а въ извѣстныхъ случаяхъ и самъ царь (фиг. 121. g, h). Само собою разумѣется, что форма и отдѣлка ея были различны, соответственно сану и звачію носившаго; діадемы царя и его перваго министра отличались однакожъ существенно отъ діадемъ другихъ лицъ тѣмъ, что, подобно царской митрѣ, были украшены двумя длинными лентами, висящими сзади.—Знатные Вавилоняне носили при обыкновенной одеждѣ головныя повязки, имѣвшія видъ тюрбана. Эти повязки, ставшія въ послѣдствіи принадлежностью національной одежды, удержались до позднѣйшаго времени (Геродотъ I, 195; Страб. XVI).

5. Обыкновенною обувью Ассирійцъ были сандалии съ задками изъ твердой кожи. Сандалии подвязывались къ ногѣ ремнями, которые были прикрѣплены къ задкамъ и завязывались на подъемѣ ноги (фиг. 121. с. е). Военные носили на ногахъ настоящіе полусапожки, доходившіе до половины икры, и узкіе, плотно охватывавшіе ногу штаны (фиг. 121. f), вѣроятно изъ кожи и можетъ быть даже выложенные металлическими пластинками. Эта обувь военныхъ, какъ видно по памятникамъ Куянджика, вошла при Сеннахеримѣ во всеобщее употребленіе, такъ же какъ и штаны, которые надѣвали при короткой, до колѣнъ доходившей нижней одеждѣ (рубашкѣ).¹ Точно

¹ Сравн. рисунокъ у Layard. Discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon. London 1853. 105; 184 и слѣд.

тоже было и съ широкими кожными поясами (фиг. 121, а, б), которые первоначально составляли принадлежность военнаго костюма, а въ позднѣйшее время вошли въ употребленіе и у другихъ классовъ. Вообще можно предположить, что чѣмъ богаче становились жители Ниневіи, тѣмъ больше они уступали своей склонности къ внѣшнему блеску и старались подражать въ одеждѣ знатымъ и придворнымъ.

Фиг. 122.

Ассиріяне всегда съ особенною заботливостью убирали свои волосы, можетъ быть потому, что были одарены отъ природы очешъ густыми и длинными волосами на головѣ и бородѣ. Головные волосы они раздѣляли посрединѣ головы проборомъ и зачесывали гладкими или слегка волнистыми прядями за уши, концы прядей завивали въ мелкіе локончики, которые раскладывали правильными рядами. Иногда заплетали волосы въ косы, концы которыхъ закручивали въ локоны; иногда просто расчесывали на двѣ стороны и связывали въ два пучка. Бороды носили длинныя; усы, бакенбарды и волосы на подбородкѣ завивали въ мелкія кудри, а остальную часть бороды заплетали въ нѣсколько рядовъ косичекъ, концы которыхъ мелко завивали, такъ что вся борода представлялась какъ бы раздѣленною на нѣсколько ярусовъ; конецъ бороды подстригали. Простой народъ, рабочіе и простые воины не убирали себѣ бородъ, а только подстригали коротко.

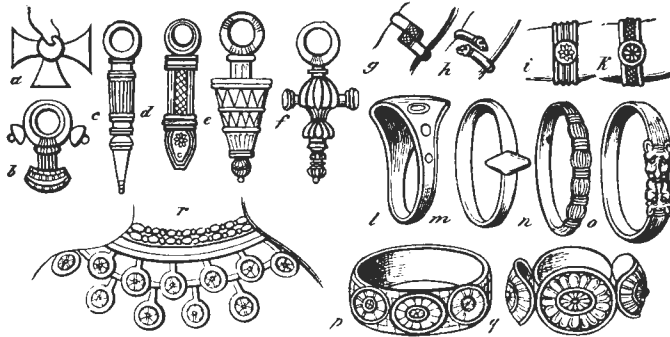
Такая тщательная уборка волосъ, подтверждаемая и скульптурными изображеніями (которыя конечно воспроизводятъ еѣ схематически, въ условномъ стилѣ), заставляетъ предполагать, что Ассиріянамъ были извѣстны накладные волосы или парики, и что тѣ изъ нихъ, кому природа отказала въ естественномъ украшеніи головы или бороды, замѣняли ихъ искусственнымъ. Объ употребленіи париковъ у другихъ народовъ западной Азіи, мы имѣемъ свидѣтельства древнихъ писателей.¹ Можно предположить также не безъ вѣроятія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они красили себѣ волосы, какъ это дѣлаютъ еще и теперь Персіяне и Арабы.² Вообще кажется несомнѣннымъ, что изготовленіе и употребленіе косметикъ всякаго рода было развито у всѣхъ западноазійскихъ народовъ и особенно у Ассиріянъ уже въ самыя древнѣйшія времена. Изъ легенды о женоподобномъ Сардананалѣ и изъ разсказовъ греческихъ авторовъ³ объ извѣженности ассирійскихъ вельможъ позднѣйшаго времени и ихъ непомѣрной страсти къ шегольству, можно заключить, что знатные Ассиріяне не только употребляли всевозможныя косметическія средства для возвышенія своей красоты, но даже злоупотребляли ими. Изъ уцѣлѣвшихъ раскрашенныхъ скульптуръ видно, что они подобно Египтянамъ чернили себѣ брови и рѣсницы и кромѣ того румянились и бѣлились. Тѣло они натирали себѣ душистыми мазями и маслами, и одежды тоже напитывали благовоніями.

¹ См. ниже главу V о причесѣхъ Мидьянъ и Персовъ.—² C. Niebuhr. Beschreibung von Arabien. 68 и слѣд. Его же, Reisebeschr. nach Arabien I, 303. Wellsted, Reise nach der Stadt der Kalifen, 295. Его же, Reisen in Arabien II, 331.—³ Layard Nineveh and its remains.

Чтобы возвысить блескъ своего пышнаго наряда, ассирійскіе щеголи носили на себѣ множество разнообразныхъ украшеній, большею частью изъ чистаго золота. Золото шло въ Ассирію изъ сѣверной Азіи, вѣроятно изъ Алтая и восточнаго склона Болоры, переходя черезъ руки бродячихъ Песедоновъ, Аримасповъ, Массагетовъ и тѣхъ воинственныхъ племенъ, которыхъ мифическія сказанія превратили въ стерегущихъ золото грифоновъ. ¹ Тѣмъ же вѣроятно путемъ доставлялось туда и серебро, по крайней мѣрѣ главная масса его, такъ какъ изъ Индіи западноазійскія земли получали преимущественно драгоценныя камни и жемчугъ, который уже и тогда цѣнился очень высоко, и только незначительное количество благородныхъ металловъ. ²

При особенной любви Ассирійцевъ къ роскошнымъ нарядамъ и драгоценнымъ украшеніямъ, ювелирное искусство должно было быстро развиться у нихъ до замѣчательнаго совершенства. И дѣйствительно, судя по изображеніямъ на самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ, можно предположить, что уже и современныя этимъ изображеніямъ ювелирныя издѣлія нисколько не уступали въ изяществѣ отдѣлки такимъ же издѣліямъ позднѣйшаго времени. Большая часть украшеній состояла, какъ показываютъ тѣ же изображенія, изъ мелкихъ вещей—звѣздочекъ, розетокъ и т. п. очень красиваго рисунка и, повидимому, тонкой работы. Рѣже встрѣчаются вещи болѣе крупныя, напр. браслеты, пряжки, обручи, фигуры животныхъ или отдѣльныхъ частей ихъ. Почти все эти вещи сначала отливались въ формахъ, а потомъ уже окончательно ³ отдѣлывались. Вещи же цѣльной чеканной работы были, кажется, рѣдки.

Фиг. 123.

Кромѣ діадемъ, о которыхъ было говорено выше, необходимою принадлежностью параднаго костюма ассирійскихъ вельможъ были драгоценныя браслеты, которые они носили на запястьѣ и выше локтя (фиг. 123. g—q). Форма браслетъ была различна въ разное время: древнѣйшіе браслеты имѣли видъ незамкнутаго спирально свернутаго обруча, концы котораго оканчивались обыкновенно звѣринными головами (фиг. 123. g, h);

¹ A. v. Humboldt, *Central-Asien*. Berlin 1844. I. 3; 126; 151—163; 236—252. —
² Heeren, *Ideen über Politik etc.* I, 99; 111 в слѣд. — ³ Layard, *Nineveh and Babylon*. London 1855. p. 597, со снимкомъ найденныхъ формъ для отливки украшеній.

браслеты позднѣйшаго времени были плоскія и широкія кольца съ замкомъ (фиг. 123. m—q). Ассиріане, кажется, не имѣли обыкновенія носить пояжные браслеты или обручи (какъ это было въ модѣ у Египтянъ), можетъ быть потому, что ихъ длинныя одежды, закрывая совершенно ноги, дѣлали такое украшеніе излишнимъ; но за то у нихъ даже мужнины носили въ ушахъ серьги и притомъ самыхъ разнообразныхъ формъ, начиная отъ простаго гладкаго кольца до крестообразныхъ подвѣсокъ очень изящнаго рисунка (фиг. 123. a—f).

Особенныхъ украшеній для шеи и груди, кромѣ болѣе или менѣе богато вышитаго ворота одежды, у Ассиріанъ, кажется, не существовало. Только извѣстныхъ степеней сановники и жрецы носили ожерелья изъ крупнаго жемчуга (фиг. 120. b, c), но эти ожерелья были вѣроятно не столько украшеніемъ, сколько отличительнымъ признакомъ сана носившаго, подобно ожерелью, которое надѣвалъ на себя царь при отправленіи обязанностей верховнаго жреца, и другимъ символическимъ украшеніемъ, вышитымъ на самой одеждѣ (фиг. 123. g).—Накопецъ, можно предположить, что обычай Вавилонянъ украшать руки кольцами и перстнями съ драгоценными камнями (Герод. I, 195) существовалъ и у Ассиріанъ; также какъ и обыкновеніе, весьма распространенное у Вавилонянъ, носить при себѣ небольшіе, покрытые письмелами и фигурами цилиндрики изъ халцедона, яшмы или жженой глины, которые вдѣвались на снурокъ, надѣтый на шею, и можетъ быть, замѣняли печати. ¹

7. Такъ какъ ассирійскія женщины нѣсколько не уступали мужчинамъ въ страсти къ нарядамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что все описанныя украшенія были принадлежностью и женскаго наряднаго костюма, можетъ быть даже съ прибавкою другихъ, еще болѣе дорогихъ украшеній. При указанномъ выше (стр. 145) отношеніи женской одежды къ мужской, она отличалась отъ послѣдней, по всей вѣроятности, не столько покроемъ, сколько качествомъ тканей, изъ которыхъ она изготовлялась. У нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ писателей древности мы находимъ положительныя указанія на то, что для женскихъ одеждъ употреблялись самыя легкія и тонкія ткани. Такъ напр., описывая культъ тирійско-сирійскаго божества Сандана (Молоха), олицетворявшаго женское, рождающее начало, они рассказываютъ, что идолъ Молоха былъ одѣтъ въ прозрачную одежду красноватаго цвѣта, и что въ такія же прозрачныя платья одѣвались и его жрицы (геродулы), а при большихъ торжествахъ и жрецы. — ² По нѣкоторымъ изображеніямъ, хотя не собственно ассирійскихъ, но все таки западноазійскихъ женщинъ, видно впрочемъ, что обыкновенный женскій костюмъ состоялъ изъ широкаго и длиннаго нижняго одѣянія, собраннаго въ складки поясомъ, и широкой верхней одежды въ родѣ плаща. Плащъ этотъ надѣвали вѣроятно только для выхода, дома же ходили въ одномъ нижнемъ одѣяніи, которое было съ рукавами и оторочено узорчатою каймой или ешито изъ узорчатою мате-

¹ Döring. Die assyrische Keilschrift erläutert durch zwei noch nicht bekannt gewordene Cylinder aus Nineveh und Babylon. Wiesbaden 1820 Mit Abbildungen.—
² C. Movers. Untersuchungen über die Religion und die Gottheiten der Phöniciens etc. 451 в слѣд.

рін. ¹ Знатныя женщины носили покрывало, которое прикрѣпляли на головѣ лентой, такъ что оно облекало весь станъ, закрывая плечи и спину.—² На выборъ легкихъ тканей для женской одежды не осталась, конечно, безъ вліянія и самый образъ жизни ассирійскихъ женщинъ, которыя были обречены на затворничество въ назначенныхъ для нихъ отдѣльныхъ покояхъ гаремахъ) и не могли показываться публично.

Вооруженіе.

Разнообразныя военныя сцены, представленныя на ассирійскихъ памятникахъ, показываютъ, что ассирійское войско уже съ раннихъ поръ получило правильную организацію и было раздѣлено на нѣсколько частей по роду оружія. Нѣтъ сомнѣнія, что такому устройству своего войска были главнымъ образомъ обязаны Ассиріане успѣхами въ войнахъ съ соседними народами, между тѣмъ какъ войны въ свою очередь способствовали быстрому развитію у нихъ правильной военной организаціи. При этомъ ассирійское войско было необыкновенно многочисленно. Не говоря о явно преувеличенныхъ разсказахъ Діодора (II, 5; 17), которые онъ повторяетъ по Ктезію, и другія, болѣе достовѣрныя свидѣтельства, какъ напр. книга Іудинъ (II, 5—11; VII, —2) и Ксеноф. (Сугор. II, 1), доводятъ численность его до громадныхъ размѣровъ. Число военачальниковъ, высшихъ и низшихъ, было, разумѣется, тоже очень велико, а такъ какъ все они принадлежали къ ближайшей свитѣ монарха, то пышность и царственный блескъ, господствовавшіе при дворѣ, были перенесены ими и въ военный бытъ.

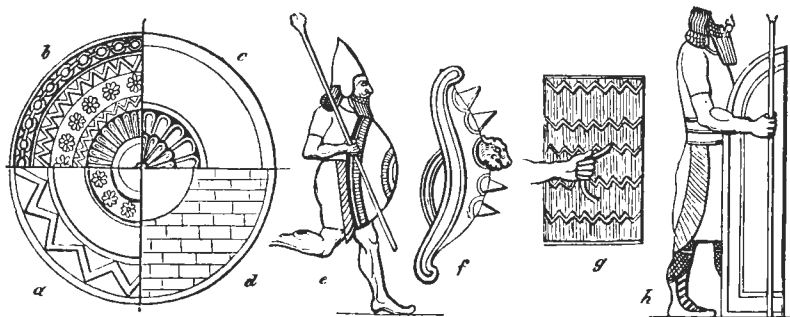
Оружіе главнѣйшихъ военачальниковъ, также какъ и самого царя, изготовлялось изъ самаго лучшаго металла и было роскошно украшено драгоценными камнями. Матеріаломъ для выдѣлки оружія служили преимущественно бронза и желѣзо, хотя болѣе чѣмъ вѣроятно, что обработка и такъ называемое дамаскированіе стали уже съ раннихъ поръ были извѣстны ассирійскимъ оружейникамъ. ³ Можно предположить, что черезъ посредство торговыхъ сношеній, издавна установившихся между переднеазіійскими землями и Индіей, Ассиріане могли добывать себѣ и индійское оружіе, особенно мечи. ⁴

Оборонное вооруженіе Ассиріанъ состояло изъ щита, шишака и панциря. Щиты были двухъ родовъ: ручные и поставные. ⁵ Ручные щиты, большую часть круглой формы, дѣлались вѣроятно изъ толстой кожи, какъ щиты ниневитскихъ Курдовъ, ⁶ и снаружи обивались металлическими пластинками; впрочемъ были ручные щиты вычеканенные изъ бронзы (фиг. 124, а—f); съ выпуклой стороны такіе щиты были усажены остроконечными шишами (фиг. 124, f), и въ рукопашномъ бою могли замѣнять ударное оружіе (Гов. XV, 26).—Продолговатые ручные щиты были вѣроятно деревян-

¹ Въ таяхъ узорчатыхъ одеждахъ представлены на памятникахъ нѣкоторыя женскія божества, несомня въ процессѣ. Layard, Nineveh and its remains. Fig. 81.—² Рисунки у Layard: Nineveh and Babylon. p. 477.—³ Layard, Nineveh and its remains.—⁴ Lassen, Indische Alterthumskunde II S. 560.—⁵ Galerie royale de costumes. Cost. persans Fig. 1 et 2.—⁶ Standschilde. Большіе щиты, которые войны ставили передъ собою и изъ за нихъ сражались. *Нер.*

ные обтянутые кожей, или плетеные из толстых прутьевъ (фиг. 124. г). Изъ этихъ же матеріаловъ, но гораздо крѣче, дѣлались и большіе поставныя щиты, которые употребляли только для прикрытія стрѣлковъ изъ лука (фиг. 128. d). Впоследствии введены были выгнутые щиты, круглые и продолговатые, около четырехъ футовъ въ длину; но скульптурамъ изъ

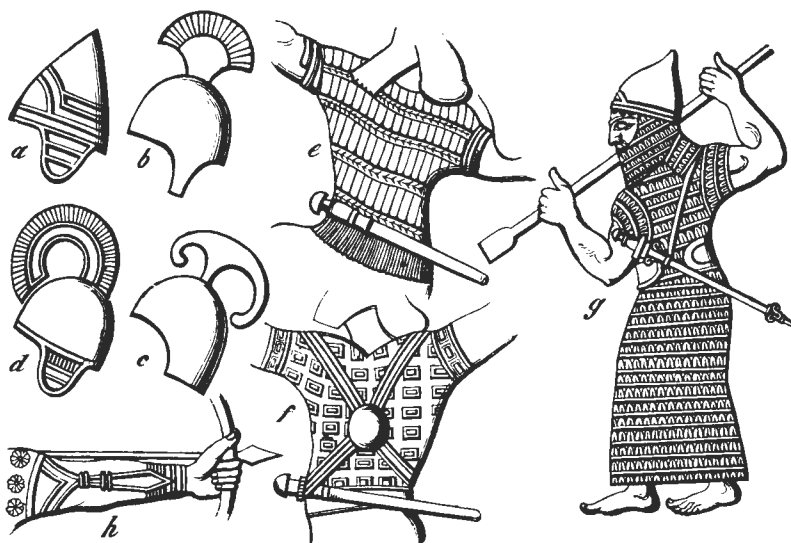
Фиг. 124.

Куюнджика видно, что еще во времена Синахирима такіе щиты носили только немногіе, особеннымъ образомъ вооруженные конейщики (фиг. 124, h).

Шпшакъ, который, судя по древнимъ скульптурамъ, надѣвали только при полномъ вооруженіи и лишь одни тяжеловооруженные и военачальники,

Фиг. 125.

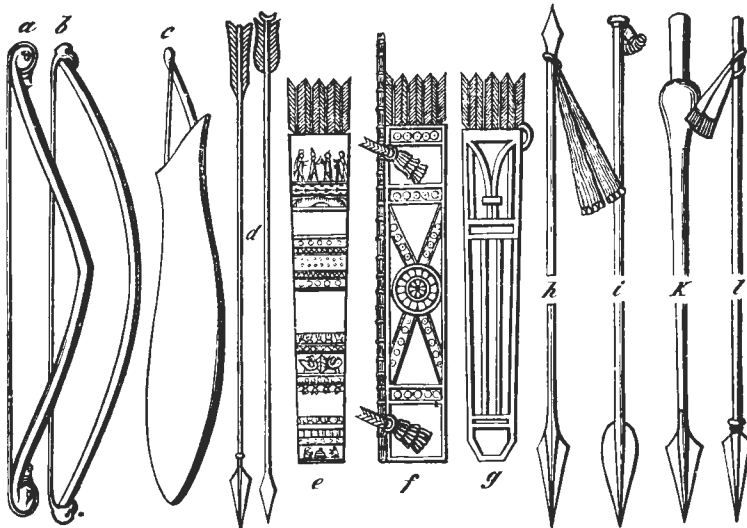

образовался изъ простой, общей всѣмъ западноазійскимъ народамъ круглой шапки. Первоначально онъ дѣлался, вѣроятно, изъ кожи, для прочности обивался металлическими обручами и былъ снабженъ наушниками (фиг. 125, a). Но кожу скоро замѣнили болѣе прочнымъ матеріаломъ и стали дѣ-

латъ конусообразные бронзовые и желѣзные шлемы, какіе представлены на скульптурахъ Хорсабада и были дѣйствительно найдены при раскопкахъ.¹ Въмѣстѣ съ употребленіемъ металлическихъ шлемовъ вошло, кажется, въ обычай выбирать себѣ для шлема какое нибудь особое украшеніе (фиг. 125 b—d).

Грудь и спину защищали панцыремъ. О дорогихъ чешуйчатыхъ панцыряхъ изготовленныхъ изъ плотныхъ тканей мы уже упоминали при описаніи вооруженія Египтянъ и Эіюпянъ. Простые панцыри изъ войлока или изъ проклееннаго толстаго холста, сдѣлавшіеся впоследствии обыкновеннымъ вооруженіемъ сирійскихъ воиновъ (Герод. II, 63), имѣли форму узкихъ плотно обтягивавшихъ тѣло фуфаекъ безъ рукавовъ, или же, какъ было кажется при Сеннахиримѣ, состояли просто изъ широкой полосы толстой и плотной ткани, которою обвертывали все туловище до самыхъ предплечій (фиг. 128. e, f). Чешуйчатые же панцыри закрывали или всё тѣло, кромѣ рукъ (фиг. 125. g), или доходили только до колѣнъ. Эта старинная, неуклюжая одежда была замѣнена впоследствии, особенно у знатныхъ воиновъ, фуфайками изъ кожи или другой крѣпкой матеріи, съ нашитыми на нихъ металлическими бляхами (фиг. 125. e, f). Нѣсколько такихъ бляхъ было найдено при раскопкахъ:² онѣ выбиты изъ желѣза и выложены мѣдными украшеніями. Поля длинныхъ чешуйчатыхъ панцырей сдерживались вмѣстѣ широкими поясами (фиг. 121, a, b), плотно усаженными металлическими пластинками.

Фиг 126.

2. Главнымъ нападательнымъ оружіемъ Ассиріянъ былъ лукъ, которымъ они владѣли съ такимъ искусствомъ, что извѣстность ассирійскихъ лучниковъ удержалась до самаго паденія царства. Подобно дре-

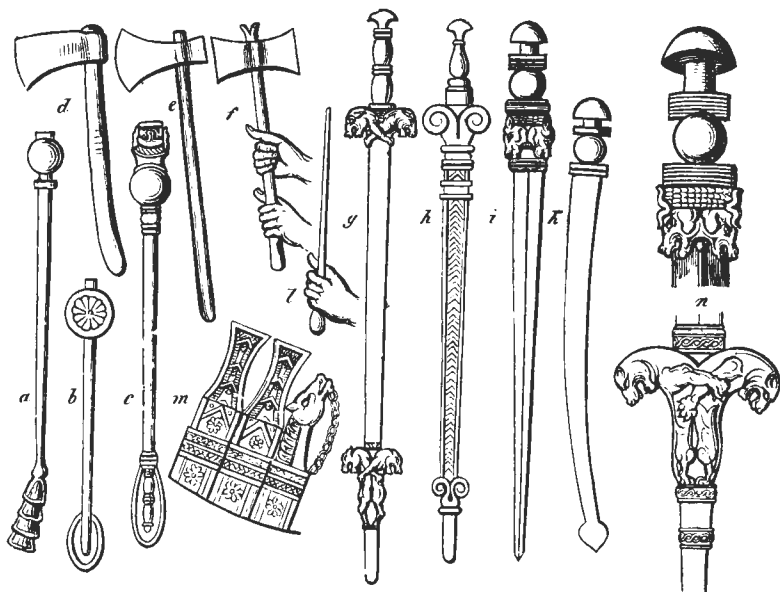
¹ Layard. Nineveh and its remains. p. 180. — ² Ibid. p. 361.

внимъ Египтянамъ, Ассиріане употребляли преимущественно большой лукъ, отъ 3 до 4 фут. вышины; лукъ носили въ особомъ чехлѣ или футлярѣ (фиг. 126. а, в, с), а стрѣлы въ колчанѣ (фиг. 126. d). Колчаны вышшихъ начальствующихъ отдѣлялись металлическими полосками (фиг. 126. g), выкладывались красивыми орнаментами (фиг. 126. f), или расписывались арабесками и символическими изображеніями (фиг. 126. е). Перевязь, на которой носили колчанъ, сплеталась изъ разноцвѣтныхъ снурковъ и была украшена кистями.

Послѣ лука, самымъ употребительнымъ нападательнымъ оружіемъ Ассиріанъ было копье. По крайней мѣрѣ оно было единственнымъ оружіемъ цѣлаго весьма многочисленнаго отдѣла ассирійскаго войска (Хенорф. Сурор. I, 4; III, 3). Совершенно гладкое древко копья имѣло обыкновенно до 5 ф. длины, а иногда и больше; у болѣе древнихъ копій, на тупомъ концѣ древка насаживали тоже острый наконечникъ, для того, чтобы можно было втыкать копье древкомъ въ землю (фиг. 126. в); у позднѣйшихъ, противоположный острію конецъ утолщенъ, чтобы служить опорой рукъ при ударѣ (фиг. 126. к). Для украшенія, къ древку привязывали цвѣтныя ленты и кисти (фиг. 126, h, i, l).

Праща занимала всегда второстепенное мѣсто между нападательнымъ оружіемъ Ассиріанъ; ею дѣйствовали, кажется, только въ рѣдкихъ случаяхъ и то уже въ позднѣйшее время (Хенорф. Сурор. III, 3; Anabas. III, 3).

Фиг. 127.

Другой родъ нападательнаго оружія—мечи и кинжалы не составляли исключительной принадлежности военнаго костюма, но каждый знатный Ассиріанинъ имѣлъ право носить ихъ постоянно при себѣ, какъ знакъ его благороднаго происхожденія. Поэтому форма, отдѣлка и украшенія этого ору-

жя зависѣли отъ вкуса и средствъ носившаго. Рукояти и ножны мечей украшались рѣзными фигурами изъ слоновой кости, чорнаго дерева, серебряными и золотыми орнаментами и т. д. (127. g — k. n). Мечь носили обыкновенно на лѣвой сторонѣ — или за поясомъ рядомъ съ кинжаломъ, или на особой богато украшенной перевязи, одиночной или двойной, перекрещенной на груди (фиг. 115; 116; 117; 125; 128; 130).

Отдѣлка кинжаловъ или пожей была также богата, какъ и отдѣлка мечей. Рукоятки дѣлались иногда въ видѣ головы животнаго; ножны обкладывались пластинками, золотыми или серебряными, съ вычеканенными на нихъ фигурами, арабесками и пр. Часто носили по три кинжала и болѣе, и вкладывали ихъ рядомъ въ одни ножны (фиг. 127. m).

Къ боевому оружію принадлежали далѣе—небольшіе, шилообразные кинжалы самой простой формы (фиг. 127, l), и—такъ же какъ и у древнихъ Египтянъ,—тяжелыя булавы и боевыя сѣкиры (сравни. фиг. 44. c; g—i). Булавы, о которыхъ Геродотъ (VII, 63) говоритъ какъ объ употребительномъ оружіи въ войскѣ Ксеркса, были первоначально оружіемъ однихъ только полководцевъ и вмѣстѣ эмблемою ихъ власти. На это указываетъ и богатая отдѣлка металлическаго шара и рукояти, украшенной кистью (фиг. 127. a—c). Топоры и сѣкиры, какъ оружіе простыхъ воиновъ, не имѣли никакихъ украшеній: кромѣ битвы, ихъ употребляли для разныхъ работъ, и сообразно съ этимъ измѣняли форму клинка, котораго бывалъ иногда двойной (фиг. 127. d—f).

На основаніи скульптурныхъ изображеній можно предположить, что и въ ассирійскомъ войскѣ, такъ же какъ и въ египетскомъ, были въ употребленіи трубы для подачи сигналовъ и вообще для командованія. ¹ Точно также были у нихъ и полевые значки или знамена, но, какъ кажется, только при колесницахъ знатныхъ воиновъ. ²

Вооруженіе отдѣльныхъ частей войска.

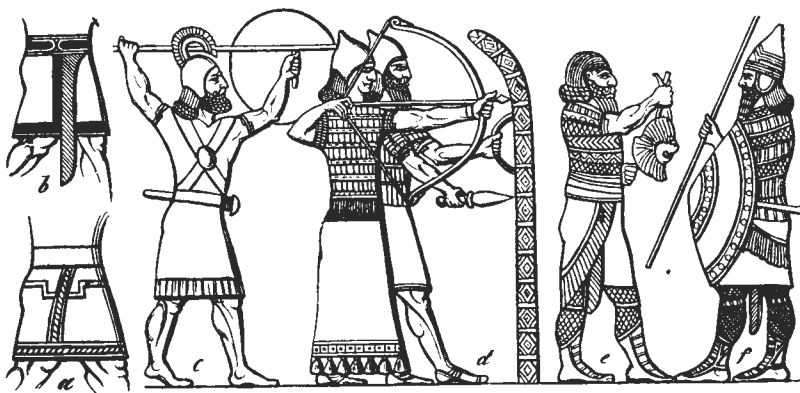
Ассирійское войско раздѣлялось на пѣшихъ, всадниковъ и сражавшихся съ колесницъ. Эти послѣдніе набирались, покрайней мѣрѣ въ древнѣйшую эпоху, изъ знатныхъ родовъ, и составляли самую отборную и вмѣстѣ самую блестящую по вооруженію часть ассирійской арміи. За ними слѣдовали всадники, раздѣлявшіеся на легко-вооруженныхъ и тяжелооруженныхъ, и наконецъ, пѣшіе воины, къ которымъ принадлежали конейщики, лучники, пращники и въ послѣдствіи метатели дротиковъ. Таковъ былъ составъ войска, съ которымъ Олофернъ выступилъ противъ западноазійскихъ земель: «Онъ пригласилъ къ себѣ» говорится въ книгѣ Іудеи (II, 14 — 18; VII, 2) «всѣхъ сановниковъ, полководцевъ и начальниковъ войска ассирійскаго, отчиталъ для сраженія отборныхъ мужей, какъ повелѣлъ ему господинъ его, сто двадцать тысячъ, и конныхъ стрѣлковъ двѣнадцать тысячъ, и привелъ ихъ въ такой порядокъ, какимъ строится войско идущее на сраженіе. Онъ взялъ весьма много верблюдовъ, ословъ и муловъ для обоза ихъ, а

¹ Layard. Nineveh and Babylon (Second expedition) III, 114. ² См. ниже: военныя колесницы.

овець, воловъ и козь для продовольствія ихъ безъ числа, и много пищи для вѣхъ, и очень много золота и серебра изъ царскаго дома». «И съ нимъ вышли союзники въ такомъ множествѣ, какъ саранча и какъ песокъ земной, потому что отъ множества не было и счета имъ».

1. Легковооруженные пѣшіе воины были одѣты въ обыкновенныя длинныя или только до колѣнъ доходившія рубашки, подпоясанныя широкимъ кожанымъ поясомъ, и обуты въ сандали. На памятникахъ встрѣчаются воины, вся одежда которыхъ состоитъ изъ короткаго передника (фиг. 128. а, b); по всей вѣроятности это были инородцы, служившіе Ассиріянамъ въ качествѣ союзниковъ. Они продолжали носить свою національную одежду и при Сеннахиримѣ, когда во всемъ ассирійскомъ войскѣ были введены штаны и сапоги, и только въ знакъ своей принадлежности къ арміи носили военный поясъ (фиг. 128, b). Легкая пѣхота была вооружена по отрядамъ — или щитомъ, копьемъ и шишакомъ (фиг. 128, с), или лукомъ и мечомъ, или одною пращею.

Фиг. 128.

Ядро тяжело вооруженной пѣхоты составляли тѣ отряды, которые, при нападѣ на крѣпости, первые шли на приступъ. Они были одѣты въ длинныя чешуйчатые панцири съ широкимъ поясомъ и шишаки, и вооружены, смотря по надобности, или топорами и ломами, или длинными копьями (фиг. 125. g). У отрядовъ, назначенныхъ для открытаго боя, вооруженіе было легче: оно заключалось въ шлемъ и металлическомъ нагрудникѣ (фиг. 128, d), который въ позднѣйшее время былъ замѣненъ плотною холщевою фуфайкою (фиг. 128, e, f). Отряды эти раздѣлялись на копейщиковъ и лучниковъ; у копейщиковъ были сверхъ того мечи и круглыя щиты (фиг. 128. f), а лучниковъ сопровождали особые щитоносцы, по одному на двухъ лучниковъ (фиг. 128. d).

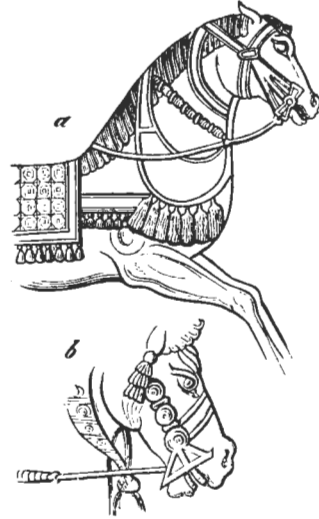
2. Въ ассирійской конницѣ существовали тѣ же различія въ вооруженіи, какъ и въ пѣшемъ войскѣ. Различія эти въ конницѣ основывались преимущественно на убранствѣ лошадей. Первоначально, ассирійскіе всадники ѣздили безъ сѣдла, которое вмѣстѣ съ остальной сбруей вошло въ употребленіе уже въ позднѣйшее время. Сѣдла и сбруя знатныхъ всадниковъ соответствовали ихъ собственной богатой одеждѣ и блестящему вооруженію.

Сѣдла и узды дѣлались изъ цвѣтной кожи съ металлическимъ наборомъ, бахромою и кистями (фиг. 129. а, в). Гриву у лошадей или гладко расчесывали, или заплетали въ косички, или подстригали; въ хвостъ вплетали цвѣтныя ленты.

3. Самую отборную и самую блестящую по вооруженію часть асирійскаго войска составляли воины, сражавшіеся съ колесницъ. Все они, особенно въ древнѣйшую эпоху, принадлежали къ тяжеловооруженнымъ и выѣзжали на битву снабженные всякаго рода нападательнымъ оружіемъ, одѣтые въ дорогое вооруженіе и въ сопровожденіи оруженосцевъ и возницъ. Полководцы отличались отъ своихъ подчиненныхъ вѣроятно только болѣе богатымъ вооруженіемъ, и еще тѣмъ, что во время битвы на ихъ колесницахъ выставлялись штандарты или военные значки. Ихъ бичи служили имъ не рѣдко для безотлагательнаго наказанія трусовъ и лѣнтяевъ (ср. Герод. VII. 223).

Верховнымъ начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ былъ царь. За нимъ слѣдовалъ командующій войскомъ главный военачальникъ, которому подчинены были начальники различныхъ частей, отрядовъ и т. д. Они носили титулъ «тартана»¹ и были посылаемы посланниками. Все высшіе офицеры

Фиг. 129.

Фиг. 130.

составляли военный совѣтъ монарха. Когда царь отправлялся самъ съ войскомъ, его сопровождали въ походъ, кромѣ многочисленной прелуги,

¹ Layard. Nineveh and Babylon. p. 148.

Вейс. I.

ближайшіе къ нему государственные сановники, и множество жрецовъ и писцовъ. Есть указанія, что цари и высшіе сановники брали съ собой въ походъ своихъ женъ, которыхъ везли въ особоустроенныхъ для нихъ повозкахъ (Хенорф. Сугор. IV. 2).

Когда царь намѣренъ былъ принять лично участіе въ битвѣ, онъ надѣвалъ на себя тяжелое вооруженіе (можетъ быть изъ толстой кожи), которое совершенно покрывало ему всё тѣло, за исключеніемъ рукъ (фиг. 130. а). Вооружившись лукомъ и стрѣлами, онъ сражался пѣшимъ или съ колесницы. Въ подобномъ же прочномъ одѣяніи и съ тѣмъ же оружіемъ выѣзжалъ онъ и на охоту (фиг. 130, б), которую Ассиріяне считали лучшею школою для образованія воина.

Съ плѣнными обращались жестоко и унизительно. Взятыхъ въ плѣнъ царей клали связанныхъ на землю и ставили имъ на затылокъ ногу (Ис. Нав. X. 24). Военачальниковъ и простыхъ воиновъ заковывали въ цѣпи, выкалывали имъ глаза (Суд. израильск. XVI, 21) или, продѣвъ имъ сквозь губы кольцо («во уздѣ» Иезкиил. XIX, 4), приводили передъ царя. Осужденныхъ къ смерти сажали на колъ (Герод. III, 159) или заживо снимали съ нихъ кожу. Самымъ легкимъ наказаніемъ для военноплѣннаго было обращеніе его въ евнуха (Хенорф. Сугор. V. 2).

Постройки.

Всѣ открытые до настоящаго времени памятники древне-ассирійскаго зодчества принадлежать уже той эпохѣ ассирійскаго царства, о которой мы имѣемъ историческія извѣстія.¹

Упомянутыя нами выше (стр. 138) груды разрушенныхъ зданій, подобно холмамъ возвышающіяся не въ далекѣ отъ Мосуля, на равнинѣ, гдѣ лежатъ деревни Нимрудъ, Хорсабадъ, Куюнджикъ, Наби-Джунъ и Карамлесь, считаются остатками Ниневіи. Каждый изъ этихъ холмовъ заключаетъ въ себѣ развалины отдѣльнаго дворца или замка, и занимаетъ одинъ изъ угловъ обширнаго четырехугольника, окружность котораго довольно близко соотвѣтствуетъ окружности Ниневіи при Салманасарѣ, какъ она показана у пророка Іоны (III. 3, 4; IV, 11), который опредѣляетъ еѣ въ три дня пути.

Какъ ни далеки отъ исторической достовѣрности извѣстія о постройкѣ Ниневіи, они всё-таки свидѣлствуютъ о постоянныхъ усиліяхъ ассирійскихъ царей сдѣлать этотъ городъ блестящимъ средоточіемъ своихъ обширныхъ владѣній. Преданіе приписываетъ уже Ницу намѣреніе отстроить Ниневію такъ, чтобы никакой городъ въ свѣтѣ не могъ сравняться съ нею ни въ обширности, ни въ великолѣпнн. (Герод. I, 193; Діод. II. 3; Страб. XVI, 1).

По свидѣтельству очевидцевъ и по замѣткамъ нѣкоторыхъ изъ древнихъ, писавшихъ о Ниневіи, она была выстроена продолговатымъ четырехуголь-

¹ По мнѣнію Раулинсона (Rawlinson), развалины нѣкоторыхъ дворцовъ и храмовъ въ Халдеѣ восходятъ къ 19-му и даже 20-му столѣт. до Р. X. О Вавилонѣ и Ниневіи упоминается впрочемъ уже и въ надписяхъ на египетскихъ памятникахъ. См. выше стр. 135.

никомъ въ 150 стадій * длины и 90 ст. ширины, и обнесена каменною стѣною. Стѣна имѣла 100 ф. вышины, а толщина ея была такова, что по верхней платформѣ стѣны могли свободно ѣхать рядомъ три колесницы. Сверхъ того, она была укрѣплена 1500 башнями въ 200 фут. вышины каждая. Въ числѣ зданій и дворцовъ, которыми съ теченіемъ времени наполнилась Ниневія, находилось и то колоссальное сооруженіе, имѣвшее видъ пирамиды, которое было извѣстно позднѣйшему времени подъ именемъ Нинова мавзолея, воздвигнутаго ему супругою его Семирамидою. Остатки подобнаго же памятника, сложеннаго изъ кирпичей, видны еще и до сихъ поръ въ сѣверозападномъ углу площади, занимаемой развалинами. Ксенофонтъ (Anab. III. 3, 4), проходя съ своимъ войскомъ по равнинѣ, покрытой развалинами Ниневии, видѣлъ тамъ кирпичную пирамиду, которая однакожь была не выше 200 фут. и имѣла только сто фут. ширины съ каждой стороны основанія. Изъ другихъ развалинъ уже и онъ (400 л. до Р. X) не замѣтилъ ничего, кромѣ остатковъ колоссальныхъ городскихъ стѣнъ.

По разрушеніи Ниневии соединенными силами Мидянъ и Вавилонянъ, которые послѣ долгаго томленія подъ чужимъ игомъ успѣли наконецъ завоевать себѣ самостоятельность, роль ея, какъ средоточія строительной дѣятельности въ тѣхъ странахъ, перешла снова къ Вавилону. Къ колоссальнымъ зданіямъ временъ древневавилонскаго царства прибавились новыя, и весь городъ былъ блестящимъ образомъ обновленъ и расширенъ по обѣ стороны Евфрата. ¹ Стоявшій на западномъ берегу рѣки древній зданія, къ числу которыхъ принадлежали храмъ Бела (Ваала) и дворецъ или замокъ древнихъ царей Вавилона, были исправлены и украшены со всевозможною пышностью (Joseph. Antiq. X, II (4); вокругъ другого царскаго дворца, стоявшаго на восточномъ берегу Евфрата, наспротивъ стараго города, выстроились ряды великолѣпныхъ зданій и образовали новый городъ. Навуходоносоръ, ревностно поощрявшій все эти постройки, соединилъ оба города мостомъ и обвелъ ихъ каменною стѣною, окружность которой составила не менѣе 360 стадій (9 миль). Однакожь не все пространство, охватенное стѣною, было застроено: между стѣною и крайними зданіями были оставлены пустыри, имѣвшіе около 240 ф. длины и около 120 ф. ширины. Эти пустыри должны были служить полями для посѣва хлѣба во время голода или на случай продолжительной осады. ² Городскія стѣны имѣли болѣе 80 ф. вышины и 32 ф. толщины; онѣ были обставлены башнями и обведены глубокимъ рвомъ, который наливался водою изъ Евфрата. Въ городъ вели сто воротъ обитыхъ мѣдью. Такими же воротами входили на укрѣпленія, построенныя вдоль береговъ рѣки внутри города, для предохраненія его отъ наводненія.

* По Дунжеру (Gesch. des Alterthums, I, 468 и др.) на одну нѣм. милью приходится 40 стадій; слѣдов. длина всей линіи городской стѣны Ниневии составляла 12 миль или 84 версты. Пер. — ¹ Сравни. Heeren, Ideen etc. I (2) 156 и слѣд. Layard, Nineveh and its palaces, 9; 98; 106. — Vaux, Assyrien etc. 468. — Dunccker, Gesch. des Alterthums I. 468 и слѣд. Layard, Nineveh and Babylon. — ² По измѣреніямъ Опперта (Oppert) вся окружность Вавилона почти равнялась окружности Парижа, а окружность застроеннаго домами пространства была на $\frac{1}{4}$ часть меньше.

Если, не смотря на прочную постройку этих колоссальных зданий, от них не осталось ничего кроме нескольких кучь развалинь, то это зависело главным образом от свойства материала, из которого они были выстроены. Аллювиальная почва, покрывающая равнины Месопотамии и Сирии, состоит из одних лишь песчанниковых и илистых отложений и совершенно лишена твердых каменных пород, годных для построек. Поэтому население этих стран должно было по необходимости заменять камень кирпичами, а известь земляною смолою. Эта последняя добывалась в окрестностях Вавилона и особенно в Исе (Гитъ), на Евфрате. Кирпичи готовились в Вавилонии по египетскому способу: их делали из глины, смѣшанной для прочности съ рубленым ситовникомъ и тростникомъ, высушивали на солнцѣ или обжигали на огнѣ и помѣчали именемъ царствующаго государя. Даже и самыя обширныя здания строили почти изъ однихъ такихъ кирпичей, связывая ихъ, кромѣ земляной смолы, особаго рода цементомъ и перекладывая каждый рядъ кирпичей рогожками (*Mattengeflechte*).¹

Ниневійскіе дворцы были выстроены тоже изъ кирпичей, хотя строители ихъ и могли, съ большимъ удобствомъ, нежели Вавилоняне, доставать камень для построекъ изъ соседней Арменіи. Только для фундаментовъ употребляли они родъ грубаго известняка, который ломали въ горахъ Курдистана. Изъ этого же камня ассирійскіе ваятели высѣкали колоссальныя фигуры животныхъ, которыя ставились обыкновенно при входахъ во дворцы и храмы. Алебастръ, которымъ такъ изобилуетъ равнина Месопотаміи, употреблялся для построекъ въ огромныхъ количествахъ. Онъ шлолъ преимущественно на изготовленіе большихъ четырехугольных плитъ, покрытыхъ барельефами, которыми обкладывались внутреннія стѣны дворцовъ.² Твердыя каменныя породы, мраморъ и базальтъ, употреблялись ваятелями весьма рѣдко и то лишь для небольшихъ изваяній.

Остатки большихъ бревень, отчасти обугленныхъ, которые были найдены въ развалинахъ, заставляютъ предполагать, что для построекъ брали преимущественно шелковичное дерево. Очень вѣроятно, однакожь, что строили также изъ пальмоваго, кедроваго и кипарисоваго дерева (Діод. II, 8).

Большіе камни, равно какъ и упомянутыя алебастровыя плиты, скрѣплялись между собою посредствомъ желѣзныхъ, мѣдныхъ и деревянныхъ скобъ. обыкновенно въ формѣ двойнаго сквородня, или двойной лапы. Геродотъ (I, 186), а за нимъ и другіе древніе (Діод. II, 8; Курцій V, 4), рассказываютъ, что каменныя плиты большаго моста черезъ Евфратъ въ Вавилонѣ были связаны желѣзными скобами и пазы между ними залиты свинцомъ.

Механическія пособія, которыми Ассиріяне пользовались при своихъ постройкахъ, были, повидному, такъ же просты, какъ и практичны, и почти ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которыя употребляли Египтяне при сооруженіи своихъ древнѣйшихъ зданий. Такъ напр. древнеассирійскія скульптуры представляютъ перевозку колоссальной статуи точно такъ же, какъ ея

¹ Vauch. Nineveh u. Persepolis. 136 ff.—² Лайярдъ опредѣляетъ длину всѣхъоткрытыхъ плитъ въ Куюнджикѣ рельезныхъ плитъ въ 9880 ф.— почти двѣ англ. мили.

представляют и древнеегипетскіе. ¹ Какъ тамъ, такъ и здѣсь, статуя утверждена, посредствомъ канатовъ и лѣсовъ, на крѣпкихъ деревянныхъ дровняхъ. Толпа рабочихъ, разставленныхъ рядами, ухватившись за веревки привязанныя къ дровнямъ, двигаютъ ихъ по каткамъ, которые подкладываютъ подъ нихъ другіе рабочіе. За дровнями идетъ еще толпа рабочихъ; одни изъ нихъ несутъ шесты, лопаты и т. п. орудія, а другіе идутъ просто, чтобы смѣнять везущихъ; позади ихъ тянется цѣлый рядъ двухъ и четырехколесныхъ повозокъ съ кладью. Подлѣ дороги, по которой везутъ статую, и которая можетъ быть была выложена досками или даже вымощена, видны колодцы, откуда брали воду для обливанія катковъ и полозьевъ. — Перевозка грузовъ водой производилась совершенно тѣмъ же способомъ, какимъ она и теперь производится на Евфратѣ, т. е. грузы сплавлялись на большихъ плотахъ съ привязанными къ нимъ падутыми мѣхами. Наконецъ, изъ одного барельефа изъ сѣверозападнаго дворца въ Нимрудѣ видно, что Ассиріане были знакомы съ устройствомъ блока и пользовались имъ для подъема тяжестей.

Каковы были частныя жилища Ассиріянъ и Вавилонянъ и въ чемъ различалась ихъ постройка отъ постройки дворцовъ — этого опредѣлить мы не въ состояніи, потому что въ развалинахъ не найдено до сихъ поръ никакихъ остатковъ частныхъ жилищъ, а указанія, представляемые изображеніями и замѣтками писателей, слишкомъ скудны и неопредѣленны. Вѣроятно же всего будетъ предположить, что простые граждане строили себѣ дома каждый по своему вкусу, и только постройку большихъ зданій, какъ напр. многоэтажныхъ домовъ, которые въ позднѣйшее время стали строиться въ Вавилонѣ, поручали архитекторамъ (Герод. I, 180). Что же касается знатныхъ, особенно ассирійскихъ, то кажется вѣроятнымъ, что всѣ, принадлежавшіе къ придворному штату, жили въ царскихъ дворцахъ. Этимъ объяснилось бы и непрерывное увеличеніе царскихъ дворцовъ пристройками, которыя прибавлялись къ нимъ при каждомъ новомъ царѣ, и громадное протяженіе ихъ развалищъ.

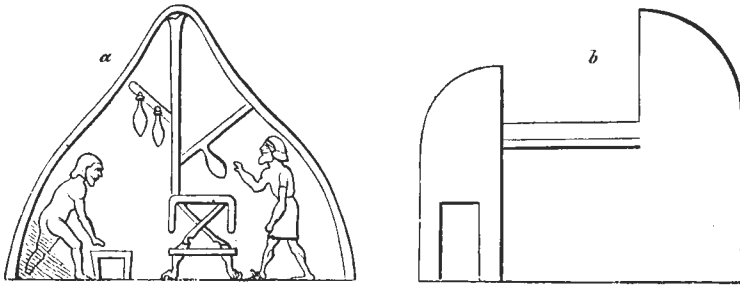
Судя по нѣкоторымъ барельефамъ, небольшія ассирійскія жилища были сходны съ египетскими и также состояли изъ двора, обстроеннаго жилими помѣщеніями, надъ которыми шла галлерей, покрытая покатою крышею (фиг. 131. b). Внутренность такихъ домовъ была безъ сомнѣнія чрезвычайно проста, и отличалась отъ внутренности египетскихъ домовъ вѣроятно только тѣмъ, что въ ней было отдѣльное помѣщеніе для женщинъ. Что въ постройкѣ жилыхъ помѣщеній египетскихъ и ассирійскихъ должно было существовать нѣкоторое сходство, слѣдуетъ уже изъ того, что какъ Египтяне, такъ и Ассиріане, благодаря умеренности своего климата, могли проводить большую часть времени внѣ жилищъ, и что какъ тѣ, такъ и другіе строили свои дома изъ совершенно одинаковаго матеріала, т. е. изъ кирпичей и дерева.

Большинство бѣднѣйшаго населенія ассирійскихъ городовъ жило въ латкахъ, которые ставились или внутри городскихъ стѣнъ рядомъ съ домами,

¹ Ср. рисунки у Wilkinson a popular account of the ancient Egyptians (2.) Vol. II Frontisp. ■ Layard, Nineveh a Babylon, 2-d expedition 111—114, 134.

или, какъ въ Вавилонѣ, на пустыряхъ между городомъ и городскою стѣною, или же совсѣмъ за городомъ, въ открытомъ полѣ. Какъ видно по скульптурнымъ изображеніямъ этихъ подвижныхъ жилищъ (фиг. 131. а), они были похожи на пылшія палатки сирійскихъ арабовъ, покрытыя чернымъ войлокомъ изъ козьей шерсти.

Фиг. 131.

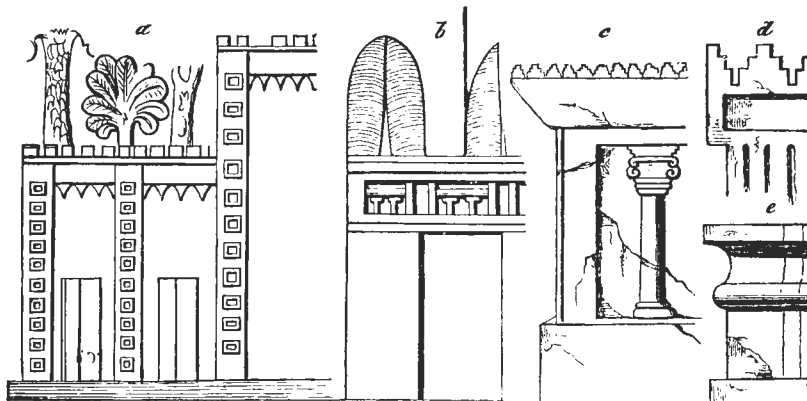

Большіе городскіе дома Ассирійцъ—насколько мы можемъ судить о нихъ по изображеніямъ на памятникахъ—представляютъ тоже значительное сходство съ египетскими городскими домами. И здѣсь мы видимъ то же расположеніе внѣшнихъ стѣнъ, тѣ же открытыя галлерей, идущія вокругъ всего жилья, тѣ же плоскія крыши, уставленные растеніями, и наконецъ, ту же простоту внѣшней отдѣлки; такъ что вся разница между тѣми и другими сводится на различное устройство верхнихъ этажей и различную форму архитектурныхъ украшеній. Между тѣмъ какъ египетская архитектура подражала въ орнаментации зданій формамъ туземной флоры, ассирійская—создала свои особыя формы, наиболѣе сообразныя съ воинственнымъ характеромъ народа. Такова по преимуществу форма двойнаго волюта, подражающая ненагнутому восточному луку, вырѣзанному изъ толстой жилы. Эта форма, производящая впечатлѣніе чего-то крѣпкаго и вмѣстѣ упругаго,¹ встрѣчается впервые у Ассирійцъ и какъ украшеніе на оружіи, утвари и пр., и въ архитектурѣ, какъ украшеніе надстолпій, или посредствующихъ членовъ между капителями колоннъ и лежащими на нихъ архитравами. Такими надстолпіями украшали обыкновенно небольшія колонны верхнихъ галлерей (фиг. 132 в, с). Эти колонны имѣли форму простыхъ столбовъ, поставленныхъ на круглые цоколи, и были вѣроятно деревянные, такъ же какъ и весь верхній этажъ. Кромѣ того, фасады домовъ обкладывались, отчасти для украшенія, но болѣе для прочности, толстыми наличниками въ родѣ пилястръ, между которыми, и вдоль крыши, шолъ простой или зубчатый карнизъ. Плоскія крыши домовъ обводились, тоже вѣроятно для прочности, зубчатымъ парапетомъ съ треугольными, квадратными и ступчататыми зубцами (фиг. 132. а, с, d).

¹ Предложенное здѣсь объясненіе происхожденія этой формы находитъ себѣ подтвержденіе и въ культурныхъ условіяхъ древняго Востока. Народы, живущіе болѣе матеріальною, нежели умственною жизнью, мало способны чувствовать красоту предмета, а болѣе склонны оцѣнивать его по его практической полезности. Они берутъ предметъ какъ онъ есть и сначала принимаютъ его въ своимъ практическимъ цѣлямъ и только весьма постепенно превращаютъ его въ украшеніе.

Верхние этажи ассирійскихъ домовъ не шли вровень съ нижними, какъ у египетскихъ, а отступали внутрь, образуя уступы (фиг. 132. б). Сады при большихъ домахъ Пиневии и Вавилона обносились обыкновенно тоже

Фиг. 132.

высокою каменною стѣною, съ одною или нѣсколькими дверями о двухъ створахъ (фиг. 132. а), что еще болѣе усиливало и безъ того уже большое сходство ассирійскихъ городскихъ домовъ съ крѣпостями.

Царскіе дворцы.

Отъ обширныхъ дворцовъ ассирійскихъ царей уцѣлѣли одни лишь подвальные этажи и нижняя часть стѣнъ нижнихъ этажей, обложенная вышеупомянутыми алебастровыми плитами. Эти немногіе остатки и рельефы на нихъ найденные, представляютъ единственные данныя, по которымъ мы можемъ составить себѣ не болѣе какъ приблизительное представленіе объ устройствѣ дворцовъ ассирійскихъ царей.

Раскопки познакомили насъ подробно съ закладкою этихъ громаднѣхъ зданій. Какъ въ Египтѣ для постройки храма, такъ и въ Ассиріи для каждаго дворца выводилась изъ кирпичей большая платформа отъ 30 до 40 фут. вышины; когда предполагалось строить нѣсколько отдѣльныхъ дворцовъ рядомъ, то платформы клались одна подлѣ другой уступами и соединялись между собою лѣстницами. Каждая платформа была обнесена невысокою каменною стѣною или парапетомъ, и служила основаніемъ отдѣльному корпусу, въ одинъ или нѣсколько этажей, сложенному изъ кирпичей. Внѣшнее украшеніе стѣнъ, толщина которыхъ измѣнялась отъ 5 до 15 фут., состояло преимущественно въ описанныхъ выше (фиг. 132) наличникахъ, открытых галлереяхъ и зубчатыхъ карнизахъ. Нижнюю часть стѣнъ обкладывали иногда и снаружи плитами съ рельефными изображеніями, а въ позднѣйшее время, кромѣ того еще каменнымъ цоколемъ (фиг. 132. е). По срединѣ фасада и на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого открывались три портала, по сторонамъ которыхъ стояли по двѣ или по четыре каменные колоссальныя фигуры отъ 10 до 17 фут. вышины. Фигуры эти представляли обыкновенно крылатога льва или быка съ человѣческою головою, покрытою царскою тиарою, а иногда—какъ напр. при входѣ небольшого хра-

ма въ Нимрудѣ — просто льва, стоящаго на заднихъ лапахъ съ раскрытою пастью, безъ всякихъ символическихъ атрибутовъ.¹

Въ древнѣйшее время ставили обыкновенно по двѣ такихъ фигуры у каждаго портала — вдоль внутреннихъ его стѣнъ и параллельно одна противъ другой, переднюю частью ко входу. У позднѣйшихъ порталовъ, напр. въ Хорсабадѣ, прибавлены еще двѣ фигуры меньшихъ размѣровъ и поставлены уже по фасаду, т. е. подлѣ прямымъ угломъ къ большимъ фигурамъ (фиг. 133). Въ храмовыхъ порталахъ, подлѣ фигуръ ставились еще небольшіе алтарики. Стремленіе къ возможной точности и ясности заставляло ассирійскихъ скульпторовъ давать этимъ колоссальнымъ животнымъ по двѣ ноги съ лицевой стороны и по четыре съ профиля, такъ что у каждаго изъ нихъ оказывалось по пяти ногъ. Простѣнки между порталами обкладывались плитами съ рельефными изображеніями борющихся со львами людей и разныхъ символическихъ фигуръ. Входы заширлись вѣроятно дверями, деревянными или металлическими, съ богатыми орнаментами, или просто закладывались цѣпями.

Фиг. 133.

Внутренность дворцовъ располагалась такъ, что позволяла увеличить и расширить зданіе во всѣхъ направленіяхъ, нисколько не вредя его основному плану. Этотъ планъ, (насколько онъ могъ быть возстановленъ по остаткамъ сѣверовосточнаго дворца въ Нимрудѣ² и другихъ дворцовъ) былъ слѣдующій: непосредственно за лицевою стѣною зданія начинался открытый четырехугольный дворъ, съ трехъ сторонъ окруженный рядами жилыхъ покоевъ; иногда такихъ дворовъ было нѣсколько и въ этомъ случаѣ они соединялись между собою воротами. Въ челѣбѣ покоевъ, окружавшихъ дворы, были обширные залы, имѣвшіе большую часть видѣ длинныхъ, по сравнительно узкихъ галлерей. Напр. одна изъ самыхъ большихъ залъ Нимрудскаго дворца имѣетъ въ длину 150 ф. а въ ширину только 33 фута; въ Куянджикѣ длина залы равна 150 фут. а ширина 45 ф. Такая удлиненная форма залъ обуславливалась съ одной стороны отсутствіемъ въ нихъ сводовъ и колоннъ какъ подпоръ,³ а съ другой, длиною пальмовыхъ и тополе-

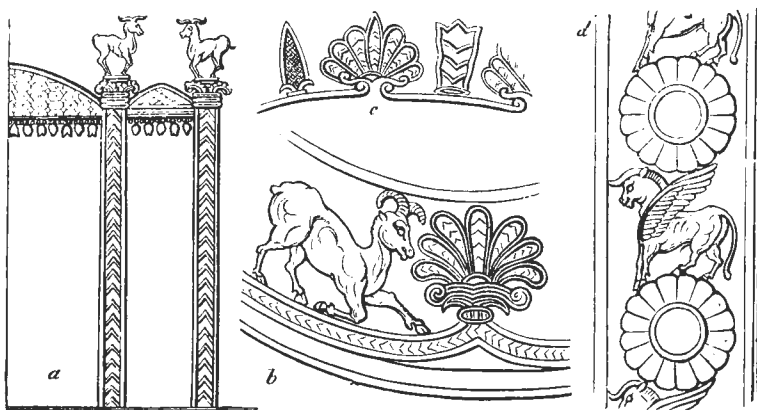
¹ A. Layard. Nineveh and Babylon. 360 и рис.—² Ср. G. F. Grotenfeld. Anlage und Zerstörung der Gebäude zu Nimrud etc. Göttingen 1851.—³ Ср. Layard Nineveh and Babylon. 363 и слѣд.—указаніе на надпись, въ которой говорится о „столбахъ“ (если слово вѣрно разобрано). Исключеніе представляеть въ сѣверозападномъ дворцѣ покой, карпачный потолокъ котораго выведенъ сводами.

выхъ брусьевъ, изъ которыхъ, по всей вѣроятности, настилались потолки покоевъ.

Внутреннее убранство этихъ залъ или галлерей было безъ сомнѣнія чрезвычайно роскошно. Входы ихъ были украшены скульптурными изображеніями и заширлись рѣзными двустворчатыми дверями или завѣшивались коврами. Полы были выстланы частью алебастровыми плитами, укрѣпленными на асфальтѣ, частью кирпичами, положенными въ два ряда по толстому слою песку. Для содержанія половъ въ чистотѣ, на нихъ были сдѣланы желоба, сообщавшіеся съ устьемъ отводныхъ трубъ. — Главное украшеніе стѣнъ составляли, уже не разъ упомянутыя, большія плиты съ раскрашенными рельефными изображеніями. Онѣ шли вокругъ всего покоя, покрывая всю нижнюю часть его стѣнъ на 12 ф. вышины. Въ древнѣйшихъ зданіяхъ плиты каждаго покоя раздѣлялись по содержанію изображеній на два отдѣла, которые отдѣлялись одинъ отъ другого надписью; въ зданіяхъ позднѣйшаго времени (напр. въ Куянджикскомъ дворцѣ), каждый покой обложенъ однимъ рядомъ плитъ, изображенія которыхъ все относятся къ одному какому нибудь предмету и связаны между собою по содержанію.

Написи, изъ коихъ иныя такъ длинны, что не могли умѣститься на стѣнѣ и перенесены на полъ, высѣчены на камнѣ и углубленія залиты мѣдью. — Верхняя часть стѣнъ покрывалась гипсовой массою, которую накладывали тонкимъ слоемъ на кирпичъ и сначала терли до тѣхъ поръ, пока она не

Фиг. 134.

начинала лосниться, а потомъ расписывали. Чѣще всего каждую стѣну раздѣляли узорчатыми каймами на нѣсколько симметрично расположенныхъ четырехугольниковъ, поля которыхъ наполняли фигурами животныхъ, перемежающимися съ растительными орнаментами, розетками и пр. (фиг. 134 b — d) Для убранства комнатъ употребляли вѣроятно также и дорогіе ковры. ¹ Изъ нихъ дѣлали можетъ быть завѣсы, раздѣлявшіе длинныя залы на нѣсколько отдѣленій. Въ такомъ случаѣ ковры привѣшивались на подвижныхъ кольцахъ къ шнурамъ, протянутымъ поперекъ покоя или просто отъ стѣны до

¹ См. слѣдующую главу: Персы (постройки).

стѣны, или между деревянными колошами. Что такія колонны дѣйствительно ставились внутри покоевъ, подтверждается изображеніями (фиг. 134, а) и найденными въ Куянджикѣ остатками круглыхъ пьедесталовъ или базъ.

Свѣтъ и воздухъ проходили или черезъ отверстія въ крышѣ, вѣроятно закрывавшіяся ставнями, или же черезъ пролеты верхнихъ галлерей. Отдѣлка потолковъ соответствовала остальному убранству: ихъ украшали рѣзьбою изъ слоновой кости, металлическими фигурами и разноцвѣтными арабесками. ¹

Сомнительно, чтобы такіе обширныя и великолѣпныя зданія были только дворцами; вѣроятнѣе предположить что подобно храмамъ-дворцамъ египетскихъ фараоновъ, они соединяли въ себѣ и дворецъ и храмъ. Это видно и по изображеніямъ на ихъ стѣнахъ, представляющимъ рядомъ съ историческими сюжетами и религіозныя церемоніи, какъ и на египетскихъ дворцахъ-храмахъ.

Тоже самое должно сказать и о дворцахъ вавилонскихъ царей. ² По извѣстіямъ древнихъ писателей можно заключить, что они вообще мало отличались отъ дворцовъ ассирійскихъ. Древнѣйшій изъ вавилонскихъ дворцовъ, стоявшій на западномъ берегу Евфрата, занималъ поверхность въ 20 стадій окружности; онъ былъ обнесенъ тремя кирпичными стѣнами, изъ коихъ внѣшняя имѣла 60 стадій (1½ мили) въ окружности, а остальные двѣ по 40 стадій, при 300 ф. вышины. Какъ стѣны самого зданія, такъ и ограда его были покрыты (такъ же какъ у ассирійскихъ дворцовъ. раскрашенными барельефами и фигурами животныхъ въ 4 локтя вышины. Новый дворецъ, построенный на восточномъ берегу Евфрата Набопалассаромъ и увеличенный его сыномъ Навуходоносоромъ, походилъ вѣроятно во всемъ на старый, только былъ, можетъ быть, прочнѣе построенъ и сильнѣе укрѣпленъ нежели тотъ. Окружность его равнялась 40 стадіямъ. Стѣны, часто уставленныя башнями, были тоже покрыты барельефами. Пространство между стѣнами, окружавшими дворецъ, и самимъ дворцомъ было занято садами, бассейнами и, вѣроятно, кусками пахатной земли. Рассказываютъ (Дюд. 41, 16; Curt. V, 5), что Навуходоносоръ, желая угодить своей супругѣ мидянкѣ, скучавшей по своей гористой отчизнѣ, приказалъ расположить часть этихъ садовъ возвышавшимися одна надъ другой террасами. Таково было происхожденіе знаменитыхъ «висячихъ садовъ», которые древними писателями, а за ними и многими позднѣйшими, приписывались Семирамидѣ и почитались однимъ изъ чудесъ свѣта. ³—Сады эти занимали поверхность въ 400 кв. футовъ, и поднимались выше башенъ дворца, имѣвшихъ 150 ф. вышины. Поддерживавшія ихъ платформы были сложены изъ кирпича и подперты черезъ каждые 10 ф. каменными устоями въ 22 ф. толщины. По кирпичу были настланы сначала каменные плиты, по-

¹ Layard, Nineveh and Babylon. 590 съ рис. — Великолѣпную, но внѣстѣ исполненную фантазіи реставрацію ассирійскихъ дворцовъ издалъ англійскій архитекторъ Фергюссонъ (Fergusson): Palaces of Nineveh and Persopolis restored. London. 1850. Уменьшенная копія приложена въ соч. Layard'a: Nineveh and Babylon, какъ фронтисписъ.—² См. Dunscker. Gesch. des Alterthums I. 124 и слѣд.; V. 471 и слѣд. и Layard. op. cit.—³ О сооруженіяхъ, которыя были приписываемы Семирамидѣ, ср. J. Movers. Das phöniciſche Alterthum I. 264.

томъ толстые слои тростника, асфальта и гипса, и всё это было покрыто, для предохраненія отъ сырости, толстыми свинцовыми листами. Поверхъ свинцовой обшивки былъ насыпанъ слой земли такой толщины, что на немъ могли свободно расти высокіе деревья. Внутри постройки были устроены насосы, поднимавшіе воду изъ Евфрата до самой верхней террасы, откуда, посредствомъ трубъ, она разливалась по остальнымъ террасамъ.

При Навуходонсорѣ же было возобновлено древнѣйшее святилище Вавилонянъ — капище Бела или Ваала. Описаніе этого капища, сохраненное древними, знакомитъ насъ съ архитектурой ассиро-вавилонскихъ капищъ вообще.

Возобновленное капище Ваала стояло посредиѣ обнесенной каменными стѣнами съ бронзовыми воротами четырехугольной площади въ 1200 фут. длины съ каждой стороны. Само капище, имѣвшее видъ четырехсторонней пирамиды въ 600 ф. длины и 400 ф. ширины при основаніи, и 600 ф. вышины, состояло изъ восьми этажей, поднимавшихся къверху уступами. Этажи соединялись между собою лѣстницами, спирально огибавшими зданіе съ наружной его стороны. Въ нижнемъ этажѣ находилось капище божества: тамъ стояла золотая статуя Ваала, представленнаго сидящимъ на золотомъ тронѣ, и передъ ней большой столъ, тоже сдѣланный изъ золота. По Геродоту (I, 181), одинъ этотъ столъ стоилъ 800 талантовъ. Въ капище, вѣроятно по обѣимъ сторонамъ входа, возвышались два алтаря; одинъ золотой, на которомъ приносили въ жертву только новорожденныхъ животныхъ; другой — назначенный для животныхъ жертвъ вообще. На половинѣ высоты пирамиды, слѣдов. въ 4-мъ этажѣ, было устроено мѣсто отдыха, уставленное скамьями; а въ верхнемъ этажѣ, назначенномъ для отправленія мистическихъ обрядовъ, стоялъ золотой столъ и роскошно убранное ложе.

Несмотря на то, что остатки этой колоссальной постройки (служившей, можетъ быть, вмѣстѣ и обсерваторіею) въ настоящее время похожи болѣе на безформенную груду камней покрытыхъ землей, чѣмъ на развалины каменнаго зданія, изслѣдователямъ удалось всё-таки распознать въ нихъ первоначальный планъ зданія. ¹ Весь нижній этажъ совершенно разрушенъ и засыпанъ; но второй этажъ еще уцѣлѣлъ до 140 ф. вышины, и отъ третьяго тоже сохранился одинъ уголъ въ 35 ф. вышины, такъ что высота всей развалины равняется теперь почти 235 фут.

Г р о б н и ц ы

ассирійскихъ царей устроивались вѣроятно тоже въ видѣ уступчатой пирамиды — которая была основною формою древнихъ ассиро-вавилонскихъ зданій посвященныхъ культу. Покрайней мѣрѣ гробница, сооруженная, по сказанію (Діод. II, 7), Семирамидою Ницу, изображается колоссальнымъ холмообразнымъ зданіемъ въ 9 стадій вышины и 10 стадій ширины. Такъ же колоссальна была, по разсказамъ, и гробница Сарданапала, изображеніе которой хотятъ видѣть на монетахъ города Анхіале, ² и которая, можетъ быть, есть

¹ Bonomi. Nineveh and its palaces. Fig. 27; p. 40, 102 и слѣд. Layard. Nineveh and Babylon. 497 и ряс. — ² Vaux, Assyrien und Persepolis. 51. Taf 2,

та же самая гробница Нина. Кирпичная пирамида у сѣверозападнаго Пимрудскаго дворца считается остаткомъ этой гробницы. ¹ — Не невѣроятно, что на ряду съ пирамидальными гробницами, устраивались также и гробницы въ скалахъ, гдѣ это позволяла мѣстность. Такія гробницы находятся въ окрестностяхъ деревень Бавианъ, Малтайя, Вава и др. Онѣ высѣчены въ отвѣсныхъ скалахъ и снаружи покрыты скульптурными фигурами. Гробницы въ Вауѣ состоятъ изъ продолговатыхъ камеръ съ боковыми покоемъ, пирамидами и т. д.; въ нѣкоторыхъ есть также и колодцы или вертикально углубляющіяся шахты. ² Всѣ эти гробницы принадлежатъ, кажется, эпохѣ гораздо позднѣйшей, нежели та, о которой мы теперь говоримъ. Къ позднѣйшему же времени слѣдуетъ отнести и всѣ остальные гробницы, открытыя въ развалинахъ Ниневии и Вавилона, равно какъ и всѣ найденныя тамъ саркофаги, такъ какъ до сихъ поръ еще вовсе не было найдено гробницъ, которыя можно было бы съ достовѣрностью признать за гробницы древнѣйшихъ Ассирійцевъ или Вавилонянъ. ³ Относительно послѣднихъ Геродотъ (I, 198) сообщаетъ, что у нихъ было въ обычаѣ класть тѣла умершихъ въ ящики, наполненные медомъ или воскомъ (вѣроятно для сбереженія труновъ отъ гниенія). На погребальныя обычаи Ассирійцевъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ открытый въ развалинахъ Хорсабада рядъ пины съ погребальными урнами въ нихъ. ⁴

Общественныя сооруженія.

Къ нимъ принадлежатъ прежде всего плотины и каналы. Постройка ихъ началась съ древнѣйшихъ временъ Ассиріи и Вавилоніи; она была вызвана необходимостью предохранить низменность, орошаемую Тигромъ и Евфратомъ, отъ разливовъ этихъ рѣкъ, которыя, подобно Нилу, по временамъ выступаютъ изъ береговъ и затопляютъ ихъ. Въ какихъ колоссальныхъ размѣрахъ и съ какимъ искусствомъ строились эти сооруженія можно судить по уцѣлѣвшимъ ихъ остаткамъ. ⁵ По этимъ остаткамъ видно также, что Ассирійцы и Вавилоняне были издавна знакомы съ кладкою арокъ и сводовъ въ замѣкъ, и что они выводили ихъ изъ кирпичей и изъ тесаного камня.

Кромѣ водопроводовъ и подземныхъ каналовъ, для уравненія воды въ Евфратѣ пользовались также и большими озерами, устраивая на нихъ водоподъемныя машины и шлюзы (подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Египтѣ, при Аменемѣ III, для регулированья водъ Нила). Гидравлическія постройки колоссальныхъ размѣровъ были предприняты еще въ царствованіе Навуходоносора (Герод. I, 184 и слѣд.; Диод. II, 9). * Равнина, тянувшаяся на западъ

¹ Другіе принимаютъ её за развалину башни, служившей для астрономическихъ наблюдений. I. Kruger. 268. — ² Layard, Nineveh and Babylon. 364; 396. — ³ Layard. Op. cit. 503; 594. — ⁴ Bonomi, Nineveh and its palaces. 342 съ рисункомъ.

⁵ Остатки колоссальныхъ водопроводовъ были открыты уже Веллстедомъ (Wellsted, Reise nach der Stadt der Kalifen. 138), и признаны имъ за ассирійскую постройку.

^{*} Авторъ разумѣетъ, вѣроятно, озеро, которое, по повелѣнію Навуходоносора, было вырыто не подалеку отъ города Сефарванъ, на сѣверъ отъ Вавилона. Это озеро, или огромный бассейнъ, имѣло 420 стадій въ окружности (10 $\frac{1}{2}$ миль) при 35 ф. глубины и заплотилось шлюзами (Duncker. Gesch. des Alterth. I (1), 468). Озеро Аменемы III (у

отъ Вавилона, была покрыта также очень обширными гидравлическими постройками, имѣвшими цѣлю осушку болотистыхъ мѣстностей (Герод. I. 185; 193). Для орошенія полей и для снабженія водою садовъ и парковъ были устроены колодцы, водочерпальныя колеса, ¹ канавы и другія приспособленія.

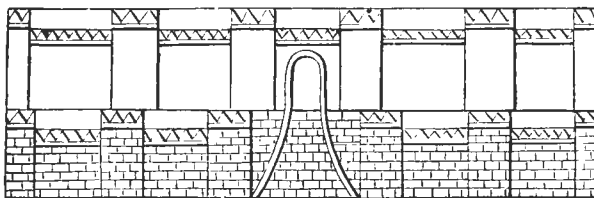
Въ садахъ возвращали разнаго рода рѣдкія растенія и цвѣты, а также и овощи. Въ паркахъ держали звѣрей для охоты и для звѣринныхъ боевъ. Царскіе парки, особенно позднѣйшихъ царей, были такъ обширны, что въ нихъ было довольно мѣста для упражненія войска въ маневрахъ.

Постройка мостовъ была очень распространена, по крайней мѣрѣ въ Вавилоніи. Обѣ части Вавилона были соединены между собою мостомъ, постройку котораго одни (Герод. I, 186) приписывали царицѣ Нитокрисѣ, другіе—Семирамидѣ (Диод. II. 8). Вѣроятнѣе всего, что онъ былъ построенъ (или, быть можетъ, только возобновленъ) Павуходоносоромъ. ² Онъ имѣлъ 5 стад. въ длину при 30 фут. ширины, и былъ утвержденъ на каменныхъ устояхъ, которые сведены были вверху арками въ 12 фут. пролета и со стороны, обращенной противъ теченія рѣки, оканчивались трехгранными выступами. Они были сложены изъ камней, связанныхъ желѣзными скобами и свинцомъ влитымъ въ швы между ними. Полотно было настлано изъ кедровыхъ и пальмовыхъ брусевъ и могло сниматься, когда хотѣли прервать сообщеніе черезъ мостъ.

Укрѣпленія и военныя постройки.

Египетскіе фараоны, пришедшіе съ войскомъ для завоеванія западноазійскихъ земель во второмъ тысячелѣтіи до Р. Х., уже застали тамъ сильно укрѣпленныя, прочно построенныя каменныя крѣпости (фиг. 141). До ка-

Фиг. 135.

кой высокой степени было доведено у Ассирійцевъ и Вавилонянъ искусство строить укрѣпленія, можно заключить съ одной стороны изъ извѣстій объ укрѣпленіяхъ ихъ городовъ (см. выше стр. 135), а съ другой, по изобра-

Грековъ Моетис) было также искусственное, вырытое по приказанію этого фараона, и гораздо больше Сефарванскаго: окружность его равнялась по Геродоту, 3600 стад. Вода въ него проведена была изъ Нила (Duncker, op. cit. I 16 и 47). *Иер.*—¹ Рисун. у L a u r d, Nineveh. and Babylon. 111 и слѣд.—² Нитокриса была, можетъ быть, жена Павуходоносора, а Семирамида (не древняя, а позднѣйшая) жена Кира (см. I. Kugler 126). (Диодоръ считаетъ строительницей моста древнюю Семирамиду, единственную, которую, онъ знаетъ и которой приписываетъ всѣ замѣчательныя постройки Вавилона кромѣ всѣхъ садовъ (Duncker I (1) 469 *Иер.*)

женіямъ крѣпостей на ассирійскихъ барельефахъ. Полуразрушенныя стѣны Ниневіа, о которыхъ упоминаетъ Ксенофонтъ (Анаб. III. 3, 4), были сложены изъ кирпичей, на каменномъ фундаментѣ въ 20 ф. вышины; высота стѣнъ отъ фундамента до гребня равнялась 100 фут. а толщина измѣнялась между 25 и 50 фут. Не смотря на такіе колоссальные размѣры, онѣ были укрѣплены множествомъ башенъ и, кромѣ того, мѣстами окружали городъ въ два или нѣсколько рядовъ (фиг. 135). Такъ напр. чтобы защитить Вавилонъ съ сѣверовосточной стороны, Навуходоносоръ выстроилъ въ 5 миляхъ выше города колоссальную стѣну въ 100 ф. вышины и 20 ф. толщины, которая шла отъ берега Евфрата до берега Тигра; а въ самомъ городѣ, на обоихъ его концахъ, построилъ сильныя укрѣпленія въ родѣ фортовъ. Наиболѣе открытыя нападеніямъ пограничныя мѣстности государства, а также и другіе слабыя пункты внутри его, были защищены крѣпостями. Эти крѣпости, вѣроятно похожія на крѣпости, представленныя на ассирійскихъ памятникахъ,¹ были построены изъ кирпичей на искусственныхъ насыпяхъ или на естественныхъ возвышеніяхъ, гдѣ они были.

При осадѣ крѣпостей, подъ стѣны ихъ подводили подкопы, засыпали или осушали окружающіе ихъ рвы и перекидывали черезъ послѣдніе переносные деревянные мосты.—Военный станъ (лагерь) обносили валомъ и окапывали рвомъ,² какъ это и теперь еще дѣлается у Персіянъ. Простые воины размѣщались въ шалашахъ или въ палаткахъ. Шатры знатныхъ воиновъ (полководцевъ) убирались со всевозможною роскошью. Когда Юдию была введена въ шатеръ Олоферна, онъ — «отдыхалъ на своей постелѣ за завѣсомъ, украшеннымъ пурпуромъ, золотомъ, изумрудомъ и драгоценными камнями» — «когда ему доложили о пей, онъ вышелъ въ переднее отдѣленіе шатра, и передъ нимъ несли серебряныя лампы»—(Юдию X. 21, 22).

Для предупрежденія внезапныхъ нападеній, лагерь окружали сторожевыми постами; огни, разложенные на высотахъ, служили сигналами въ ночное время.

Завоеванный городъ отдавали обыкновенно на разграбленіе войску и потомъ зажигали. Въ воспоминаніе о побѣдѣ, ставили каменный столбъ съ надписью; въ гористыхъ мѣстностяхъ вырубали на скалѣ барельефъ съ пояснительною надписью.

У Ассиріянъ, кажется, не было собственнаго военнаго флота. А если имъ иногда случалось отправлять войско моремъ, какъ напр. въ войнѣ съ Тирянами, то они, по всей вѣроятности, перевозили его на судахъ подчиненныхъ имъ приморскихъ народовъ, которые съ давнихъ поръ занимались морскою торговлею и потому должны были имѣть морскія суда.

Судостройство

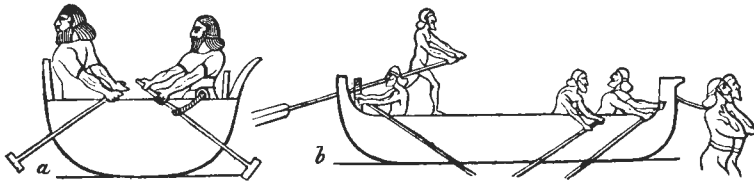
Ассиріянъ и Вавилонянъ ограничивалось, повидимому, постройкою большихъ и малыхъ рѣчныхъ судовъ. Въ нихъ плавали они по своимъ двумъ

¹ См. слѣд. главу (военныя постройки).—² Сравни. Xenoph. Cyrop. I, 1: III, 3. С. Niebuhr. Reiseschr. neuh Arabien II. 102.

рѣкамъ, представлявшимъ вмѣстѣ со множествомъ отвѣтвлявшихся отъ нихъ каналовъ самые удобные пути внутренней торговлѣ.

Постройка этихъ перевозныхъ судовъ была чрезвычайно проста и, завися вполнѣ отъ быстроты рѣкъ, сохранилась безъ всякаго измѣненія и до сихъ поръ.¹

Фиг. 136.

По описанію Геродота (I, 194), подтверждаемому и изображеніями на памятникѣхъ, (фиг. 136. а, в) «суда, шедшія внизъ по теченію, были или совершенно круглы, или щито-и корытообразны. Сплетенныя изъ толстыхъ прутьевъ и обтянутыя кожами, они требовали не болѣе двухъ гребцовъ. Не смотря однакожъ на такую легкую постройку, большія суда могли поднимать грузы даже въ 12000 талантовъ». Кромѣ того, для перевозки грузовъ употреблялись также большіе плоты съ привязанными къ нимъ надутыми воздухомъ кожаными мѣшками.

Утварь.

Тѣ же переднеазіійскія земли, которыя обогащали произведеніями своей промышленности сокровищницы фараоновъ уже во 2-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., доставляли вѣроятно и Ассиріянамъ всѣ предметы житейскаго комфорта и роскоши. Впослѣдствіи, покореніе Сиріи съ ея дѣятельнымъ прибрежнымъ населеніемъ открыло имъ новый источникъ обогащенія. Дани, которыя ассирійскіе государи получали съ названныхъ странъ, состояли большею частью въ драгоцѣнной утвари разнаго рода. Тогдашній военный обычай — переселять побѣжденныхъ въ города побѣдителей, котораго эти государи, кажется, первые стали держаться съ строгою послѣдовательностью, этотъ обычай долженъ былъ также способствовать развитію ассирійской промышленности, давъ ей болѣе прочное основаніе. Сосредоточивая въ столицахъ собственнаго государства лучшихъ ремесленниковъ изъ покоренныхъ населеній, пріобрѣтали въ нихъ дѣятельное, искусное и въ то же время служебно-обязанное ремесленное сословіе. Но съ другой стороны, такая разноплеменность ремесленнаго класса не могла не отразиться на самыхъ издѣліяхъ ассирійскихъ ремесленниковъ — недостаткомъ въ этихъ издѣліяхъ оригинальности. И дѣйствительно, мы видимъ, что напр. ассирійскіе сосуды и утварь, какъ представленныя на барельефахъ, такъ и

¹ Кромѣ Layard op. cit., см. также Wellsted, Reise nach der Stadt der Kalifen 141; 341.

найденные въ раскопкахъ, не отличаются существенно ни формою, ни матеріаломъ отъ сосудовъ и утвари остальныхъ западноазійскихъ народовъ того времени. Только сравнивая ихъ съ древнѣйшими западноазійскими издѣліями этого рода, представленными на египетскихъ памятникахъ, можно замѣтить болѣе или менѣе значительную разницу въ формахъ тѣхъ и другихъ.

С о с у д ы.

На сколько можно заключить изъ сравненія ассирійскихъ сосудовъ съ изображеніями на египетскихъ памятникахъ, этотъ родъ утвари подвергся, кажется, менѣе всего измѣненіямъ, какъ относительно формы, такъ и относительно матеріала. Хотя на ассирійскихъ памятникахъ и нѣтъ такихъ великолѣпныхъ сосудовъ, какіе представлены на египетскихъ, но найденные въ развалинахъ остатки настоящихъ сосудовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ нихъ не было недостатка какъ въ Нишевіи, такъ и въ Вавилонѣ. Для выдѣлки сосудовъ употреблялась преимущественно мѣдь, чистая или съ примѣсью олова (бронза ¹). Въ одномъ изъ покоевъ сѣверо-западнаго Пимрудекаго дворца было найдено около 150 бронзовыхъ сосудовъ, изъ коихъ многіе совершенно похожи на кухонную посуду, представленную на египетскихъ памятникахъ, и служили вѣроятно тоже для приготовления и сбереженія пищи (фиг. 73). И въ развалинахъ другихъ ассирійскихъ дворцовъ было вырыто значительное количество подобной же утвари: сковородъ, блюдей, горшковъ, глубокихъ и плоскихъ чашъ. ² Нѣкоторые блюда и сковороды имѣютъ до пяти футовъ въ діаметрѣ:—размѣры не совсѣмъ обыкновенные, но они не должны удивлять насъ, если мы примемъ въ соображеніе число лицъ, ежедневно кормившихся за царскимъ столомъ, и если сравнимъ эти блюда съ описанными выше египетскими блюдами (фиг. 73. b).

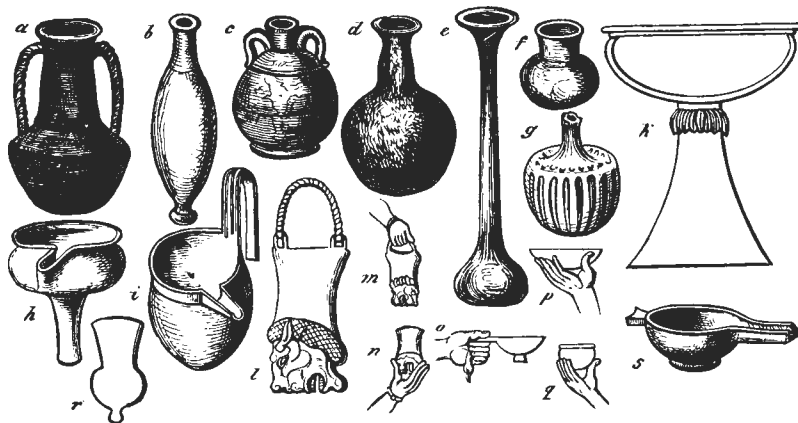
1. Почти все упомянутые сосуды круглой формы, но обдѣланы различно: нѣкоторые изъ нихъ вовсе безъ ручекъ, или только съ одною ручкой; у другихъ по двѣ ручки, подвижныхъ, или наглухо прикрѣпленныхъ. Нѣкоторые сосуды совершенно безъ украшеній; на другихъ снаружи выгравированы или вычеканены различные орнаменты—большою частью розетки, полуфантастическія человѣческія фигуры и фигуры животныхъ; между послѣдними чаще всего попадаются львы, тигры и газели. Вместе съ большими блюдами были вырыты бронзовыя львиныя лапы и бычачьи ноги—по всей вѣроятности обломки треножниковъ, на которые ставились эти блюда. Найденный въ Пимрудекихъ развалинахъ треножный каменный алтарь ³ есть можетъ быть подраженіе глубокой чашѣ поставленной на треножникъ.

Въ томъ же покоѣ сѣверо-западнаго Пимрудекаго дворца, гдѣ была найдена кухонная посуда, добыто раскопками нѣсколько бронзовыхъ кружекъ и ковшей (фиг. 137. h, i), бронзовая воронка очень красивой формы, стек-

¹ Лейярдъ, въ приложеніи къ своему соч. „Nineveh and Babylon“ даетъ химическій анализъ ассирійской бронзы.—² Рисунки въ Monum. of Nineveh, 2 Series. Pl. 60 и слѣд.—³ Layard, Nineveh and Babylon. p. 351 съ рис.

лянные чаши и небольшие сосуды, стеклянные и алебастровые, форму походя на ялицеобразные египетские сосудцы и помѣченные именемъ царя «Соргона».

Фиг. 137.

2. Въ развалинахъ Куюнджикскаго дворца, была найдена, между разными металлическими вещами, бронзовая ламповая чашка (фиг. 137. s) съ красивою подставкою въ формѣ треножника, и нѣсколько глиняныхъ и стеклянныхъ сосудовъ, какъ то: чаши различной величины, глубокия и плоскія, безъ украшеній, и съ узоромъ по краямъ; горшечки овальной формы (фиг. 137. b); небольшія круглыя склянки съ рубчиками (фиг. 137. g) и большая глубокая чаша, тоже рубчатая. Если ко всѣмъ описаннымъ сосудамъ, мы прибавимъ еще найденные въ Хорсабадѣ, Арбанѣ и другихъ мѣстахъ стеклянные сосуды съ короткими и длинными шейками (фиг. 137. d—f), глиняные кувшины и кружки, украшенные разными фигурами, завитками и проч. (фиг. 137. а, с); и наконецъ, обломки драгоценныхъ сосудовъ, и если къ этимъ сосудамъ, добытымъ въ натурѣ, присоединимъ тѣ, которые мы знаемъ лишь по ассирійскимъ барельефамъ, то окажется, что передне-и среднеазійскія издѣлія этого рода далеко превосходили египетскія какъ относительно разнообразія формъ, такъ и относительно обработки.

Нѣтъ сомнѣнія, что знатные Ассиріане и, еще болѣе, ассирійскіе цари были необыкновенно богаты драгоценными сосудами; но цѣнность этихъ сосудовъ и была главною причиною того, что отъ нихъ не уцѣлѣло почти ничего. Отъ столовой посуды, которая у ассирійскихъ царей была, кажется, такъ же роскошна, какъ и у египетскихъ фараоновъ, тоже ничего не сохранилось. Всѣ, что удалось найти въ этомъ родѣ, ограничивается нѣсколькими бронзовыми и глиняными сосудами для питья, въ формѣ выгнутаго слегка кубка (фиг. 137. г) или въ формѣ чашки. Эти чашки нѣсколько отличаются отъ представленныхъ на памятникахъ (фиг. 137. р, q) тѣмъ, что и самыя маленькія изъ нихъ снабжены рукою, которая всегда оканчивается головою какого нибудь животнаго (фиг. 137. о). Кубки же совершенно похожи на тѣ, которые уже въ древнѣйшую пору посылались изъ передней Азіи въ Египетъ, въ дань фараонамъ; т. е. дно ихъ окачи-

вается звѣриною головою (фиг. 137. l, n; сравн. фиг. 74, p). Такой же формы сосуды, только снабженные ручкой (фиг. 137. l.), употребляли для разливанья напитковъ изъ большихъ чашъ, имѣвшихъ до 4-хъ фут. вышины (фиг. 137. k), въ стаканы и кубки. Къ столовой же посудѣ надобно причислить найденныя въ разныхъ развалинахъ мѣдныя ложки разной величины, металлическія и каменные кружки, большею частью съ ручками, и нѣсколько глазурованныхъ, на подобіе фарфора, плоскихъ чашъ, похожихъ на тарелки. Употребленіе при ѣдѣ ножей и вилокъ было Ассиріянамъ такъ же неизвѣстно, какъ и Египтянамъ. Твердую пищу брали пальцами, какъ это и до сихъ еще водится на Востокѣ, а жидкую, или хлебали ложками, или пили изъ маленькихъ чашекъ. За столомъ однакожь сидѣли, и обыкновенно на высокихъ креслахъ, сидѣнье которыхъ иногда приходилось почти вровень съ верхнею доскою стола.

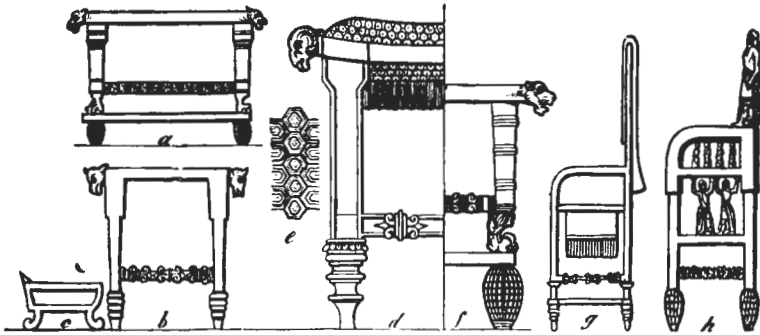
Мебель.

Сравнивая мебельныя издѣлія, представленныя на ассирійскихъ барельефахъ, съ такими же издѣліями, которыя уже гораздо ранѣ доставлялись египетскимъ фараонамъ изъ западноазійскихъ земель въ видѣ дани и извѣстны намъ по египетскимъ стѣннымъ изображеніямъ, мы находимъ, что формы этихъ издѣлій потерпѣли съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ выше указанныхъ (стр. 174) обстоятельствъ гораздо большія измѣненія, чѣмъ формы сосудовъ. Мебель ассирійскаго производства приняла характеръ большей устойчивости, архитектурности, замѣнивъ преобладающую въ древнѣйшихъ западноазійскихъ издѣліяхъ изогнутую линію строго прямую и округленныя очертанія угловатыми. Почти все ассирійскіе столы, кресла, стулья и т. д. представляютъ одну и ту же основную форму—прямоугольное соединеніе вертикальныхъ подпоръ съ горизонтальными перекладинами.

Въ соотвѣтствіи съ формою измѣнились и украшенія. Прежняя форма мебельныхъ ножекъ въ видѣ цѣлой ноги животнаго, уступила мѣсто формѣ прямой подставки, оканчивающейся архитектурнымъ расчлененіемъ, или же только послѣднимъ членомъ ноги животнаго — копытомъ или когтями; если же и употреблялась иногда въ первоначальномъ своемъ видѣ, то лишь какъ рѣдкое исключеніе. Какъ бы для того, чтобы восполнить недостатокъ изящества въ формахъ своей мебели, Ассиріяне отдѣлывали её необыкновенною богато. Можно даже предполагать, что они измѣнили ея формы для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить своему вкусу къ массивной пышности. Разказы Геродота о золотыхъ алтаряхъ и такихъ же сѣдалищахъ въ капищѣ Бэла, равно какъ извѣстія о необычайно-роскошномъ убранствѣ царскихъ дворцовъ съ ихъ золотыми ложами, столами и тронами, показываютъ, что въ Ассиріи не жалѣли благородныхъ металловъ и на отдѣлку мебели. Много мебельныхъ украшеній, большею частью впрочемъ бронзовыхъ, было найдено въ развалинахъ вмѣстѣ съ разными мелкими вещицами изъ перламутра, слоновой кости, очень красиво сдѣланными и служившими вѣроятно для той же цѣли.

Вопросъ объ употребленіи металловъ для отдѣлки мебели былъ окончательно рѣшенъ, когда въ одномъ изъ покоевъ сѣверозападнаго дворца нашли цѣлый царскій тронъ, хотя и въ кускахъ. Тронъ этотъ, совершенно похожій на троны и кресла, представленные на барельефахъ (фиг. 138. g, h), сдѣланъ изъ дерева, и весь обложенъ бронзовыми украшеніями. Ножки трона рѣзныя изъ слоновой кости; въ промахъ ручекъ вставлены, какъ украшеніе и въ то же время какъ подпорка, человѣческія фигурки въ родѣ кариатидъ (фиг. 138 h; фиг. 139 d). Такія фигурки встрѣчаются уже и на древней мебели египетскихъ фараоновъ (фиг. 77), также какъ и орнаментъ въ видѣ звѣриной головы на концахъ кресельныхъ ручекъ, который Ассиріяне перенесли и на углы столовъ (фиг. 138 a, b, d, f). Ассирійскія кре-

Фиг. 138.

сла были очень высоки и высота ихъ могла быть увеличена по произволу подставками, которыя подкладывались подъ кресельныя ножки (фиг. 138. a, f, g). При такой высотѣ были необходимы ножныя скамейки (фиг. 138, c) — и такая скамейка была дѣйствительно найдена при описанномъ выше тронѣ. — Какъ тронныя кресла, такъ и сидѣнья безъ спинки (табу-реты) покрывались дорогими коврами, или обивались узорчатыми подушками съ кистями (фиг. 138. b, d — e, g). Въ домахъ простыхъ людей вмѣсто кресель были скамьи и складныя стулья (фиг. 138. a) вродѣ тѣхъ, какіе представлены на древнеегипетскихъ памятникахъ (выше фиг. 76. n, o).

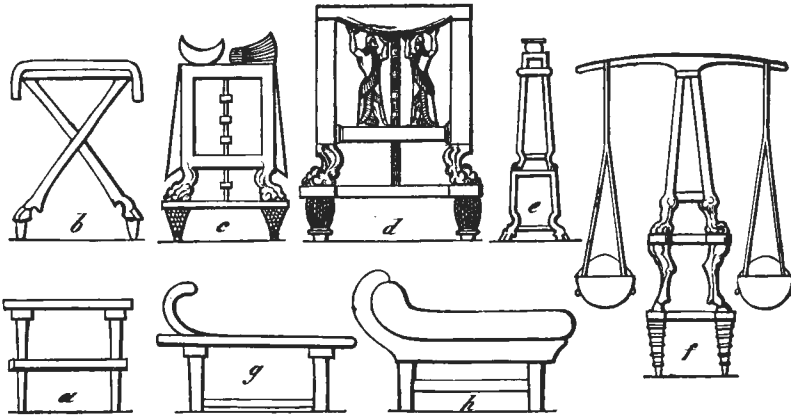
Столы и поставцы дѣлались въ томъ же стилѣ, какъ и стулья (фиг. 119, d), но отдѣлка ихъ была проще, можетъ быть потому, что они обыкновенно накрывались коврами; покрайней мѣрѣ намекъ на такія покрывки встрѣчается на нѣкоторыхъ изображеніяхъ столовъ очень простой отдѣлки. И столы ставились на такія же подставки, какъ и стулья, чтобы сдѣлать ихъ выше. Вообще, употребленіе подставокъ подъ мебель, чтобы дать ей желаемую высоту, было кажется очень обыкновенно у Ассиріянь; даже и бѣдные люди подкладывали ихъ подъ свои столы, которые были у нихъ очень невысоки (фиг. 139. a). Иногда не довольствовались одною подставкою, а ставили ихъ нѣсколько одна на другую и поверхъ нихъ мебель (фиг. 139. e, f).

Ассирійскія кровати походили на древне-египетскія (фиг. 139. g, h; сравн. фиг. 78. d). Онѣ были вѣроятно деревянныя, какъ и прочая мебель,

съ украшеніями изъ металловъ, слоновой кости, перламутра и т. п., и усти-
лались узорчатыми ассирійско-вавилонскими коврами.

Вѣроятно и у Ассиріянъ, такъ же какъ у Египтянъ, были разнаго рода
сундуки, баулы и ящики для платья, драгоценностей и другихъ цѣнныхъ ве-
щей. Рѣзныя досчечки изъ слоновой кости, которыя въ разное время были

Фиг 139.

находимы при раскопкахъ, принадлежали, кажется, именно такимъ бауламъ и
ящикамъ. ¹ Особые ящики имѣлись вѣроятно и для туалетныхъ при-
надлежностей, которыхъ у щеголеватыхъ Ассиріянъ было не мало и
въ томъ числѣ круглыя металлическія зеркала.

О времени введенія въ Ассирію хо дячей монеты, намъ положительно
ничего не извѣстно. Почти всѣ найденныя до сихъ поръ сирійскія монеты,
не исключая и вырытыхъ близъ Вавилона, принадлежали, кажется, прибреж-
нымъ городамъ передней Азии и были вычеканены подъ персидскимъ вла-
дычествомъ. Большая часть ихъ, вѣроятно, финикійскаго происхожденія.
До введенія чеканной монеты, её замѣняли въ западной Азии (какъ и въ
Египтѣ) слитками опредѣленнаго вѣса или металлическими брусками (шты-
ками), кольцами и т. п. Можетъ быть также, что на слиткахъ была обо-
значена и стоимость ихъ. Мелкіе слитки насыпались, для удобства при уп-
латѣ, въ небольшіе мѣшечки. Уплата производилась на вѣсъ, какъ это и те-
перь еще иногда случается на Востокѣ. Для взвѣшиванія употребляли про-
стые вѣсы (фиг. 139. f), устройствомъ походившіе на египетскіе. Найден-
ные въ раскопкахъ мѣдые львы съ ручками на спинѣ и различной величи-
ны, постепенно уменьшающейся отъ одного фута до одного дюйма, были
признаны за ассирійскія гири.

Вавилонская система вѣсовъ и мѣръ была основана на извѣстномъ коли-
чествѣ воды; ² а именно: кубъ воды въ 92 фунта слишкомъ вѣсомъ соста-

¹ Vonomi. Nineveh and its palaces. 348 и слѣд. съ рисунками. — ² Duncker.
Gesch. d. Alberthums I. 135 и слѣд.

влялъ вавилонскій талантъ, который дѣлился на 60 равныхъ частей (Вавилонскій талантъ былъ принятъ въ послѣдствіи Финикіянами и отъ нихъ перешелъ въ Грецію; соответственно его дѣленіямъ были вычеканены въ Эгинѣ, около 700 г. до р. Х., первые сиклы и драхмы). Этимъ же кубомъ воды опредѣлялись и линейныя мѣры Вавилонянъ: длина каждой стороны куба образовала вавилонскій локоть (234 парижск. линій), а двѣ трети ея— вавилонскій футъ.

Наблюденія надъ движеніемъ солнца и планетъ должны были навести Вавилонянъ на мысль — устроить особый инструментъ для измѣренія времени ¹, и Геродотъ (II, 109) свидѣтельствуетъ, что Греки научились отъ нихъ употребленію часомѣровъ. Эти часомѣры были, конечно, солнечные и водяные часы. Первые состояли, вѣроятно, изъ конуса, поставленнаго на плоскости, или изъ пирамиды съ уступами, ширина которыхъ была рассчитана такъ, что часы обозначались совпаденіемъ конца тѣни отъ стрѣлки, утвержденной на верхушкѣ пирамиды, съ краями уступовъ. Водяные часы измѣряли время пониженіемъ уровня воды, равномерно истекавшей изъ сосуда, на стѣнкахъ котораго были сдѣланы дѣленія ².

Высказанное нами (см. выше, стр. 87) предположеніе, что большая часть музыкальныхъ инструментовъ и игральныхъ приборовъ, представленныхъ на древнеегипетскихъ стѣнныхъ изображеніяхъ, были перенесены въ Египетъ изъ западной Азіи, нисколько не опровергается тѣмъ, что на ассирійскихъ барельефахъ эти инструменты и приборы встрѣчаются лишь очень рѣдко. Рѣдкость ихъ на ассирійскихъ барельефахъ объясняется самымъ содержаніемъ послѣднихъ, заимствованнымъ, какъ было уже выше замѣчено, не столько изъ частной жизни монарховъ Ассиріи, сколько изъ ихъ государственной дѣятельности. Съ другой стороны, возможно, что Ассиріяне, какъ народъ воинственный, меньше любили музыку и меньше занимались ею, чѣмъ другіе, сосѣдніе имъ народы передней Азіи; но что и у нихъ и у Вавилонянъ были

Музыкальные инструменты,

и притомъ разнаго рода, объ этомъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства: во-первыхъ, въ книгѣ пророка Даніила (II, 5), гдѣ названы музыкальные инструменты Вавилонянъ во время Навуходносора, а именно: «гласъ трубы, свирѣли же, и гусли, самвики же, и псалтири, и согласія, и всякаго рода мусикійска»; во-вторыхъ, — въ куюнджикскихъ барельефахъ, на которыхъ представлены почти всѣ инструменты упомянутые у Даніила и нѣкоторые другіе. Изъ ударныхъ инструментовъ мы находимъ на нихъ—ручной барабанъ; изъ духовыхъ—воронко-образную трубу, простую и двойную флейту (фиг. 140. d), и наконецъ, изъ струнныхъ — лиру (фиг.

¹ Сравни. I. v. Gumpach. Die Zeitrechnung der Babylonier und Assyrier. 25 и слѣд. и его же: Alttestamentliche Studien (1852). 181 и слѣд.—² Böckh Metrologie. 38

140. а), гитару съ длиннымъ грифомъ или лютню ¹, и разнаго устройства треугольныя арфы, горизонтальныя (гусли?) и вертикальныя, на которыхъ играли или пальцами, или палочкой (фиг. 140. в, с, е). Найденные въ развалинахъ бронзовые колокольчики разной величины (самый большой изъ

Фиг. 140.

нихъ имѣть $3\frac{1}{4}$ дюйма вышины (и $2\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ) и различнаго звука, принадлежали вѣроятно также къ числу музыкальныхъ инструментовъ, такъ какъ различіе ихъ звука зависитъ отъ различнаго состава металлической массы, изъ которой каждый изъ нихъ вылитъ. ²

Что и у Ассирійанъ, также какъ у Египтянъ, были разнаго рода игры— не можетъ подлежать сомнѣнію и безъ дальнѣйшаго подтвержденія. Въ сѣверо-западномъ Нинрудскомъ дворцѣ были найдены бронзовыя игральныя кости съ золотыми очками.—Самую любимую забаву ассирійскихъ царей и вельможъ была

О х о т а.

Охотились въ паркахъ или застѣкахъ, собираясь большими обществами въ нѣсколько сотъ человекъ. За хищными звѣрями гонялись на колесницахъ и верхомъ, вооруженные лукомъ и рогатинами. Охоту сопровождала многочисленная прислуга, состоявшая изъ пѣшихъ охотниковъ, въ полномъ вооруженіи, съ мечами и щитами; у нѣкоторыхъ были сверхъ того короткія сѣкиры. Имѣть съ этимъ оружіемъ, употребляли также и извѣстное уже древнимъ Египтянамъ и теперь еще обычное австралійскимъ дикарямъ охотничье оружіе — слегка искривленную деревянную дубинку около фута длины, снабженную рукояткой. ³ Соколиная охота была также очень любима въ Ассиріи, особенно въ позднѣйшее время. ⁴

Надобно полагать, что у такого воинственнаго народа, какимъ были Ассиріане, всѣ военныя снаряды, свойственные тогдашнему способу веденія

¹ Bonomi, Nineveh and its palaces. Fig. 114; 115. — ² Layard, (Nineveh and Babylon p. 177) полагаетъ, что эти колокольчики навѣшивали на лошадиную сбрую. —

³ Объ этомъ странномъ оружіи и его употребленіи разными народами въ древности и въ наше время сравн. Bonomi, Nineveh and its palaces p. 135 sq. съ рисункомъ. —

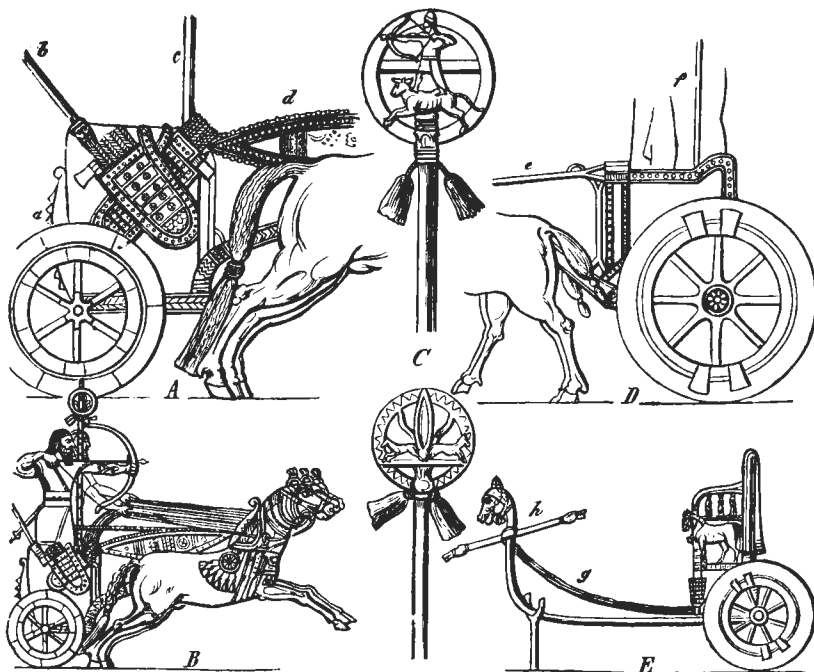
⁴ Layard, Nineveh and Babylon. 483.

войны западноазійскими народами, были уже рано доведены до той степени полноты и выработанности, въ какой они представлены на ассирійскихъ барельефахъ. Изъ этихъ барельефовъ мы видимъ, что бывшія тогда въ употребленіи у всѣхъ западно-азійскихъ народовъ боевыя колесницы были особенно многочисленны у Ассиріянъ, и что, кромѣ того, у нихъ у первыхъ появились осадныя машины.

Что касается формы ассирійскихъ боевыхъ колесницъ, то онѣ отличались такою же прямолинейностью, какъ и ассирійскія мебельныя издѣлія. Отъ этого ассирійскія колесницы (фиг. 141) на видъ крѣпче, прочнѣе, но за то и неуклюжѣе, чѣмъ тѣ болѣе легкія и изящныя колесницы, которыя гораздо ранѣе доставлялись Египтянамъ изъ западной Азіи.¹

Ассирійскія колесницы, особенно ранней эпохи царства, были невысоки (фиг. 141. А, В). Кузовъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ закругленный сверху, сидѣлъ непосредственно на оси, какъ и у египетскихъ колесницъ; колеса, укрѣпленные на осяхъ металлическими чеками, доходили только до

Фиг. 141.

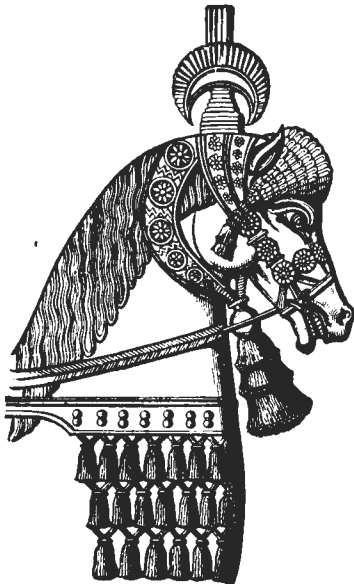
половины кузова; они дѣлались обыкновенно о шести спицахъ; ободья ихъ были широки и толсты и составлены изъ четырехъ и даже шести кусковъ. Дышло прикрѣплялось къ серединѣ оси; на концѣ его надѣвалось, посредствомъ стержня, деревянное ярмо, всегда царное. Отъ кузова къ свободному концу дышла тянулась широкая полоса ткани или кожи, обыкновенно укра-

¹ Rosellini II (mon. civ.) Pl. CXXII, No 2.

шенная изображеніями солнца, луны и звѣздъ и т. п. (фиг. 141. А, d; В). Какое практическое назначеніе имѣла эта полоса—неизвѣстно; судя по эмблемамъ на ней, можно полагать, что она была украшеніемъ, имѣвшимъ, можетъ быть, какое нибудь символическое значеніе. Края кузова обкладывались металлическими ободами, а иногда и самый кузовъ обивали металлическими же бляхами, въ формѣ розетокъ, звѣздъ и т. п. Къ бокамъ кузова были прикрѣплены симметрически сложенные арматуры изъ богато отдѣланныхъ колчановъ и футляровъ для сѣкиръ и копій (фиг. 141. А. b); къ задней части колесницы, откуда на нее всходили, привѣшивался, въ родѣ затвора къ ней или дверцы, круглый ассирійскій щитъ, усаженный коническими бляхами (фиг. 141. А, a).

Въ послѣдствіи устройство колесницъ нѣсколько измѣнилось. Какъ видно изъ барельефовъ Куюнджикскихъ и Хорсабадскихъ, главное измѣненіе состояло въ увеличеніи объема колесъ, которыя стали дѣлать еще массивнѣе и прочнѣе (фиг. 141. D), чѣмъ прежде, и со скрѣпами на ободьяхъ; число спицъ было увеличено до восьми. Вышина кузова была также значительно увеличена; узорчатая полоса ткани, соединявшая передъ кузова съ концомъ дышла, была замѣнена толстымъ металлическимъ (?) пруткомъ (фиг. 141. D, e). Дышло было тоже упрощено, и отъ прежней арматуры по бокамъ кузова остался одинъ колчанъ, который прикрѣплялся уже къ передку колесницы, вертикально; но самый кузовъ получилъ за то болѣе красивую и богатую отдѣлку.

Фиг. 142.

наборомъ, или вышивались жемчугомъ, и обвѣшивались разноцвѣтною бахромою и кистями (фиг. 142). Гривы своихъ красивыхъ лошадей (упряжныхъ и верховыхъ) Ассиріяне убрали различно: или расчесывали ихъ

Такъ же, и даже еще богаче, отдѣлывались небольшія колесницы, служившія ассирійскимъ царямъ для обыкновенныхъ выѣздовъ. Онѣ имѣли видъ поставленнаго на колеса кресла (фиг. 141. E); дышло и ярмо были у нихъ рѣзныя, возжи изъ пурпура (фиг. 141, E, h, g).

Какъ было уже замѣчено, древнѣйшія боевыя колесницы были все двуконныя; только въ рѣдкихъ случаяхъ припрягали въ нихъ третью лошадь. Но въ позднѣйшее время число лошадей, запрягавшихся въ колесницы, доходило до четырехъ и даже до восьми (Xenoph. Gyrop. VI, 1, 4).

Ассирійская конская сбруя немногимъ отличалась отъ египетской и была чрезвычайно богата. Въ позднѣйшую эпоху она состояла изъ головного украшенія, которое привязывали лошадямъ между ушами, изъ узды и нагрудника, которые выкладывались серебрянымъ и золотымъ

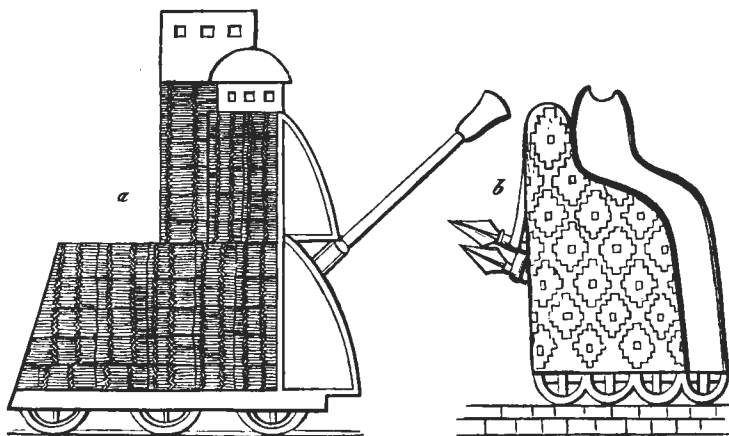
гладко, или заплетали, или наконец подстригали коротко (щеткой); хвосты завязывали узломъ, или, свернувъ бантомъ, обвивали цвѣтными лентами.

На каждой колесницѣ могли помѣститься три человекъ, считая и возничего. Знатные воины брали съ собою своихъ щитоносцевъ. Цари выѣзжали въ сопровожденіи эвнуха, обязанность котораго была держать надъ царемъ зонтикъ (фиг. 141. D, f). — Лошади взвѣшивались каждая двумя возжами; возничій, правившій ими, имѣлъ при себѣ короткій кнутъ, кнотовище котораго оканчивалось рѣзною звѣриною головой. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ прикрѣпляли къ передкамъ своихъ колесницъ значки или штандарты этихъ отрядовъ. Это были круглыя щиты съ какимъ нибудь изображеніемъ, утвержденныя на высокихъ шестахъ и украшенныя кистями (фиг. 141. A, c; B; c).

Кромѣ собственно боевыхъ колесницъ, при Сеннахиримѣ или передъ нимъ, были введены, для перевозки нѣсколькихъ воиновъ разомъ, большія повозки безъ кузова, поставленныя на два высокія колеса о 12 спицахъ. На каждой такой повозкѣ, запрягавшейся парю лошадей, помѣщались 4 воина и возничій.¹

Особыя повозки разной величины, двухколесныя и четырехколесныя, служили для перевозки припасовъ и мелкихъ осадныхъ орудій, какъ-то: желѣзныхъ копій, ломовъ, лопатъ, лѣстницъ, топоровъ и др. Большія осадныя машины (изобрѣтателями которыхъ можно считать Ассиріянъ, такъ какъ онѣ впервые встрѣчаются на ассирійскихъ барельефахъ) имѣли видъ подвижныхъ башенъ и тарановъ, поставленныхъ на колеса. Ихъ подвозили

Фиг. 143.

къ стѣнамъ осаждаемой крѣпости или просто по разчищенной и выровненной дорогѣ, гдѣ это было возможно, или по покатоному каменному полотну, которое нарочно устраивалось для этой цѣли.

¹ Layard. Nineveh and Babylon. 447; 583 съ рис.

Тараны (фиг. 143. б) обтягивались вѣроятно кожаными чехлами съ металлическою обивкою, для защиты управлявшихъ движеніями машины. Подвижныя башни (фиг. 146. а) были, кажется, обложены фашинами изъ хвороста. Высота ихъ соответствовала, безъ сомнѣнія, вышинѣ осаждаемыхъ стѣнъ, и потому была значительна. Онѣ раздѣлялись на нѣсколько этажей, въ которые входили по лѣстницамъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщали иногда и стѣннотное орудіе въ видѣ огромной булавы, повѣшенной между двухъ полукруглыхъ крыльевъ, которая дѣйствовала, кажется, сверху въ низъ, а не горизонтальными ударами, т. е. разбивала стѣну, а не пробивала её.

Чтобы ослабить дѣйствіе этихъ разрушительныхъ орудій, осажденные бросали на нихъ толстыя бревна, или закидывали цѣпи съ крючьями, которыми срывали ихъ съ колесъ и опрокидывали. Чаще же всего они старались совершенно уничтожить ихъ огнемъ, кидая въ нихъ горячіе факелы. Послѣдствія осады для побѣжденнаго города были ужасны: яркими красками описаны они въ книгѣ пророка Езекія гл. XXVI, 7 и слѣд.

Изъ жреческой утвари, или утвари употреблявшейся при религіозныхъ обрядахъ, особенно замѣчательны — плодъ (?), видомъ похожій на сосновую шишку, и четырехугольный сосудъ съ ручкою. Сосудъ этотъ, безъ сомнѣнія золотой или серебряный, былъ украшенъ символическими изображеніями и орнаментами, или отлѣанъ на подобіе плетеной корзинки (фиг. 144). Настоящее назначеніе этихъ предметовъ неизвѣстно; но по нѣкоторымъ барельефамъ можно заключить, что сосудъ служилъ вѣроятно для храненія люстральной воды, а плодъ употреблялся какъ кропило.¹

Фиг. 141.

Къ жреческой же утвари слѣдуетъ отнести богато убранные кивоты и носилки, въ которыхъ выставялись и выносились при религіозныхъ процессіяхъ кумиры, священныя эмблемы и другіе предметы общеннаго культа.

Утварь, служившая при жертвоприношеніяхъ, состояла изъ жертвенныхъ ножей для закланія животныхъ, изъ чашъ разной величины для принятія крови и для возліаній, изъ металлическихъ кружекъ и кувшиновъ, бронзовыхъ и золотыхъ ложекъ, курильницъ, и наконецъ, различнаго вида и убранства жертвенниковъ. О большихъ золотыхъ жертвенныхъ столахъ въ Капищѣ Бела было уже говорено выше (стр. 178); на нихъ стояли золотые же и серебряные сосуды и курильницы (Дюд. II, 9). Были также жертвенники въ видѣ четырехножнаго стола на пьедесталѣ и съ чашеобразнымъ углубленіемъ въ верхней доскѣ (фиг. 139. d); потомъ, жертвенники изъ цѣльнаго камня, обдѣланные на подобіе круглаго стола о трехъ ножкахъ, оканчивающихся звѣринными лапами; или похожіе на четырехугольныя тумбы съ высокимъ зубчатымъ обводомъ наверху и уступчатымъ подножіемъ

¹ О нихъ смотр. Layard, *Nineveh and Babylon*. p. 666 sq. съ рис., и замѣтлу Абингтона (Abington) въ „*Spernersche Ztg.* 8 Апрѣля 1853“.

(фиг. 132, d): на такихъ жертвенникахъ вѣроятно сжигали жертвы. — Передъ жертвенниками стояли предметы поклоненія: изображеніе змѣя, солнца, луны, и чаши, въ которыхъ постоянно горѣлъ огонь. — Рога и трубы, въ которые трубили при обрядахъ и для призыва молельщиковъ, слѣдуетъ также причислить къ предметамъ жреческой утвари.

По свидѣтельству Геродота (I, 183) кумиры, стоявшіе въ капищѣ Бела въ Вавилонѣ, были вылиты изъ золота и имѣли до 12 локтей вышины. ¹ Что Ассиріяне и Вавилоняне употребляли для изготовленія своихъ идоловъ самые дорогіе матеріалы — благородные металлы, слоновую кость, кипарисовое дерево и т. п., на это есть много указаній въ книгахъ Ветхаго Завета (Иереміи, X. 3—5; 9. Исаи, XLVI, 6). Колоссальный кумирь, въ 60 локтей вышины и 6 локт. ширины, поставленный Навуходносоромъ на полѣ Деиры, былъ сдѣланъ изъ золота (Даніила III, 1). Таковы же могли быть и статуи, которыми этотъ царь украсилъ свою новую столицу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мидяне и Персы. ²

Предварительныя замѣчанія.

Тучныя пастбища, покрывающія обширное мидійское плоскогорье, сѣверный край котораго опускается къ Каспійскому морю лѣсистыми уступами и плодоносными долинами, были вѣроятно уже въ незапамятныя времена заняты кочевыми племенами, пришедшими съ востока — изъ средней Азіи. Романтическая природа сѣверозападной окраины плоскогорья, гдѣ свѣжая зелень луговъ прерывается скалистыми обрывами, соляными озерами и нефтяными ключами, не могла не подѣйствовать живительно на духовную жизнь пришлого населенія; но первые зародыши культурной его жизни воз-

¹ Сравн. Діод. II, 9 слѣд. и изображенія идоловъ на ассирійскихъ барельефахъ. См. также Movers, Religion der Phoenizier etc. 68; 59 sq.

² Mongez. Mémoire sur les costumes des Perses etc. (Mém. de la classe de Littérat. et beaux arts. Paris; an. 7.), — Heeren. Ideen über die Politik etc. I. — Duncker. Gesch. des Alterthums Bd. II. — R. Ker Porter. Travels in Georgia, Persia etc. London 1817—20. — E. Flandin et Coste. Voyage en Perse, pendant les années 1840 et 1841, etc. (Perse ancienne 5 vols avec 260 pls). — Ch. Texier. Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotam. etc. 1852. — X. Houtmann de Hal. Voyage en Turquie et en Perse exécuté par ordre du Gouvernement franç. pendant les années 1846—1848, etc. avec 100 pls dessin. par Laurens. Paris 1853. — Относительно построекъ и архитектуры, извѣстныя соч. Schnaase. Gesch. der bild. Künste, I; F. Kugler, Gesch. der Baukunst I. Stuttg. 1856; выше названныя соч. I. Bonomi, W. Vaux jr., и въ особенности James Fergusson. The illustrated Handbook of Architectur etc. London 1855. (Vol. I).

никли сначала на глубже лежащих равнинах, где царствует вѣчная весна и где под лучами болѣе жаркаго солнца растутъ и зрѣютъ разнообразныя плоды.

Первыя извѣстія о Мидіи говорятъ о ней какъ уже объ устроенномъ государствѣ. Они называютъ одного изъ царей ея—Фарноса, современника ассирійскаго царя Нина, и рассказываютъ о войнѣ, которую вели между собою эти два царя и которая окончилась подпаденіемъ Мидіи подъ власть Ассиріи.—Только съ 700 г. до Р. Х., когда Мидянамъ удалось избавиться отъ чужеземнаго господства, являются они въ исторіи самостоятельнымъ народомъ.

Царемъ Мидіи былъ въ то время Дейокъ. Избранный въ цари всѣмъ народомъ, онъ строгими мѣрами подавилъ внутреннія смуты, грозившія разрастись въ анархію, сильными укрѣпленіями обезопасилъ границы государства отъ внѣшнихъ враговъ и возвратилъ мидійскому трону его прежній блескъ. Въ продолженіе своего пятидесятилѣтняго царствованія онъ успѣлъ сдѣлать Мидію настолько сильною и независимою, что его сынъ и преемникъ, Фраорть («Фравартишь»), могъ уже отважиться на завоеваніе лежавшихъ на востокъ отъ Мидіи персидскихъ земель, населенныхъ различными племенами, которыя онъ и покорилъ своей власти. Наконецъ, при царѣ Ціаксарѣ, послѣ паденія ассирійскаго царства и въ союзѣ съ вновь образовавшимся нововавилонскимъ царствомъ, Мидія достигаетъ вершины своего могущества и раздѣляетъ съ своимъ союзникомъ господство надъ всею переднею Азією.

Тутъ выступаютъ на сцену исторіи Персы. Живя въ странѣ съ климатомъ суровымъ и въ большей своей части покрытой горами, этотъ народъ сохранился во всей своей первобытной свѣжести и силѣ, въ противоположность Мидянамъ, изнѣжившимся среди довольства и роскоши. Голыя скалы, отвѣсными обрывами спускавшіяся на бесплодныя округа Парсіи и Мидіи и отдѣлявшія отъ нихъ персидскія земли на сѣверѣ; крутыя, почти неприступныя горы на западѣ и жаркое песчаное побережье на югѣ не могли, конечно, оказать ослабляющаго вліянія на жившее среди нихъ населеніе. Высшая культура могла развиваться только на небольшомъ сравнительно пространствѣ внутри страны—въ богатыхъ водою и растительностью глубокимъ горныхъ долинахъ. Но и самая роскошная изъ этихъ долинъ—Ширазская, въ которой какъ будто сосредоточилось все растительное богатство Персіи, была слишкомъ мала по отношенію ко всему населенію страны, чтобы природа ея могла подѣйствовать на него иначе, какъ только благотворно возбуждая его къ умственной дѣятельности. Такимъ образомъ, благодаря естественнымъ условіямъ своей страны, народъ Персовъ, взятый въ цѣломъ, остался народомъ полнымъ силъ и первобытной свѣжести.

Но эти же условія повліяли на населеніе и въ другомъ отношеніи. Персы, какъ теперь принимаютъ,¹ составляли вѣтвь арійскаго племени, отдѣлившуюся отъ своего корня въ незапамятныя времена. Занявъ описанную стра-

¹ F. Spiegel. Avesta, die heiligen Schriften der Persen. I. Lpzg. 1852. стр. 4 слѣд. Срав. M. Duncker Gesch. des Alterthums, II. 306. Chr. Lassen, Indische Alterthumskunde I. 527.

ну, какъ кочевой пастушескій народъ, они, смотря по качеству мѣстностей, или остались при своемъ первоначальномъ образѣ жизни, или перешли къ осѣдлому, земледѣльческому быту. Большинство населенія осталось кочевымъ, живя отдѣльными ордами и питаясь охотою и стадами, и образовало низшій слой населенія, надъ которымъ поднялось осѣдлое меньшинство. Надъ этимъ, въ свою очередь, господствовали, выдѣлившіеся изъ него же, знатные роды. Знаменитѣйшимъ родомъ былъ родъ Ахеменидовъ, которому сами мидійскіе цари предоставляли, по персидскому обычаю, управление страной, обезпечивая себя отъ ея отпаденія заложниками изъ членовъ этого рода. Такимъ заложникомъ былъ взятъ къ мидійскому двору и при немъ воспитанъ Киръ («Курушъ»), сынъ сатрапа Камбиза, изъ рода Ахеменидовъ. Близко узнавши безсиліе мидійскаго двора и слабость царя Астиага, Киръ задумалъ освободить свое отечество отъ мидійскаго господства. Склонивъ Персовъ къ возстанію, онъ при помощи ихъ низложилъ Астиага и объявилъ себя царемъ Мидіи и Персіи (ок. 550 до Р. Х.). Затѣмъ, онъ пошелъ войною на западныя земли; покорилъ сначала сѣверозападные области Азіи вмѣстѣ съ побережьемъ Средиземнаго моря, потомъ занялъ Сирію и наконецъ завоевалъ едва только окрѣпшее нововавилонское царство, за что былъ радостно привѣтствованъ плѣнными Іудеями, которымъ онъ дозволилъ возвратиться въ ихъ отечество (около 538 до Р. Х.). Овладевъ всею переднею Азіею, онъ проникъ до Кавказа и на востокъ до береговъ Яксарта.

Преемникъ Кира, его сынъ Камбизъ («Кабійя»), по вступленіи своемъ на персидскій престолъ, началъ войну съ Египтомъ и вель её счастливо; но походъ его въ Эіопію кончился неудачею, которой много способствовало вспыхнувшее въ его собственномъ царствѣ возстаніе Маговъ, заставившее Камбиза ускорить возвращеніе свое въ Персію, на пути куда онъ и умеръ.— Верховною властью въ начинавшемъ разлагаться обширномъ персидскомъ царствѣ овладѣлъ Дарій («Дарьявушъ»), сынъ намѣстника персидскаго Гистаспа («Ваштаспа»). Хитрый и вмѣстѣ рѣшительный, онъ сумѣлъ снова соединить отпавшія было области и страхомъ держать ихъ въ повиновеніи. Затѣмъ онъ задумалъ покорить кочевыя племена, жившія по ту сторону Чернаго моря. Напасть на нихъ онъ счелъ за лучшее съ юга, т. е. со стороны моря, и потому, собравъ огромное войско, часть его посадилъ на суда, а остальныхъ переправилъ черезъ Босфоръ по огромному пловучему мосту, который вельъ построить нарочно для того, чтобы не терять времени на медленную переправу водою. Подъ Византіей ступили Персы въ первый разъ на Европейскій материкъ. Несчастный исходъ этого похода не заставилъ однакожъ Дарія отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Онъ собралъ новое войско и направился съ нимъ на востокъ. Одержанныя имъ здѣсь побѣды увеличили его царство обширными областями. Обезпечивъ внутреннее устройство своихъ владѣній учрежденіемъ сатрапій въ провинціяхъ и центрального управленія при своемъ дворѣ, Дарій, послѣ вторичнаго и тоже неудачнаго похода противъ Греціи, умеръ, и съ нимъ исчезло грозное дотолѣ могущество Востока. Дарію наследовалъ его сынъ Ксерксъ. Онъ предпринялъ выполнить то, что не удалось его отцу, именно—завоевать Грецію. Съ неисчислимымъ войскомъ, набраннымъ

изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ, ступилъ онъ на греческую землю. Но грубая масса не устояла противъ нравственнаго превосходства тѣхъ, кому она угрожала. Ксерксъ не обладалъ твердостью духа своего отца: несчастный конецъ его честолюбиваго замысла совершенно сломилъ его нравственно, и съ этихъ поръ онъ совсѣмъ отдался чувственнымъ наслажденіямъ и роскошной жизни. Прямѣру его послѣдовали сановники его двора, какъ высшіе такъ и низшіе, и для Персіи начался съ издавна обычный восточнымъ государствамъ процессъ разложенія подъ вліяніемъ роскоши и изнѣженности. Монархією, устроенною Даріемъ, стали распоряжаться сатрапы, пока наконецъ и самъ царь палъ жертвою мелкой серальной интриги. На престолъ былъ возведенъ его сынъ—Артаксерксъ I (Лонгиманъ), который не могъ даже воспрепятствовать отпаденію малоазійскихъ приморскихъ городовъ. Даребъ II (Дарій Нотъ) долженъ былъ уже заключать саюзы съ западомъ и принимать въ свое войско наемныхъ солдатъ. Слабые проблески силы обнаружались въ правленіи слѣдовавшихъ за тѣмъ царей: Артаксеркса II (Мемнона) и Артаксеркса III (Оха); но жестокости и деспотизмъ послѣдняго распространили въ народѣ неслыханный дотолѣ развратъ и всевозможные пороки. — Побѣды Александра Македонскаго надъ Даріемъ III (Кодоманомъ), при Иссъ и Арбелахъ, положили конецъ персидскому владычеству (между 336—330 г. до Р. X.).

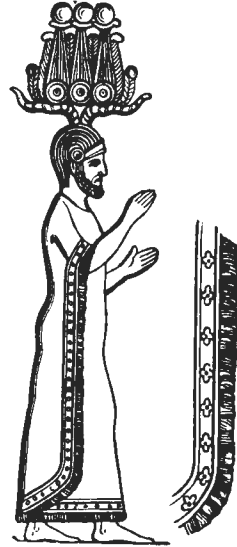
До насъ дошло сравнительно очень немного памятниковъ древнеперсидскаго искусства: это—развалины зданій, группами разсѣяныя по холмистымъ равнинамъ собственной Персіи. Первое мѣсто между этими развалинами занимаютъ остатки древнеперсидскихъ царскихъ резиденцій—Пасаргады и Персеполя. Развалины Персеполя особенно важны для насъ въ томъ отношеніи, что такъ же, какъ и развалины древнеассирійскихъ дворцовъ, онѣ покрыты барельефами, представляющими разнообразную картину древнеперсидскаго быта. — Еще скуднѣе памятниками древнемидійскія земли. Только въ сѣверной ихъ части, нынѣшнемъ Азербиджанѣ, осталось нѣсколько мусорныхъ кучъ, въ которыхъ были найдены немногія незначительныя старинныя вещи. Но такъ какъ, по свидѣтельству древнихъ авторовъ, Персы заимствовали свои обычаи и культуру отъ Мидянъ, то персидскіе памятники могутъ, говоря вообще, удобно замѣнить недостатокъ мидійскихъ.

Одежда.

Стиль персидскихъ скульптурныхъ изображеній представляетъ своеобразное смѣшеніе различныхъ стилей. Одно только рельефное изображеніе на столбѣ стариннаго дворца въ Пасаргадѣ, извѣстное подъ названіемъ портрета Кира, обработкою своею напоминаетъ ассирійскую манеру. Какъ нарядъ этой фигуры (фиг. 145), соединяющій въ себѣ отдѣльныя части ассирійской и египетской одежды, указываетъ на близкія отношенія Персовъ

къ этимъ двумъ народамъ, такъ и стиль фигуръ на персидскихъ памятникахъ представляется чѣмъ-то среднимъ между стилями ассирійскимъ и египетскимъ. Въ немъ нѣтъ ни свойственной первому манеристой и условной неуклюжести, ни схематичности и безжизненности египетскихъ фигуръ. Если же и въ персидскихъ скульптурахъ замѣтно нѣкоторое одообразие формъ, то въ нихъ оно является гораздо болѣе личнымъ дѣломъ художниковъ, зависящимъ отъ ихъ умѣнья и способностей, чѣмъ слѣдствіемъ подчиненія установленной нормѣ. Такъ какъ всѣ уцѣлѣвшіе древнеперсидскіе барельефы были назначены, подобно ассирійскимъ и египетскимъ, служить архитектурнымъ украшеніемъ, и такъ какъ содержаніе ихъ составляютъ и исключительно придворныя церемоніи и торжества, то уже этимъ самымъ предначертывались художнику извѣстныя границы, изъ которыхъ онъ не долженъ былъ выходить; а именно: съ одной стороны ему необходимо было сообразоваться съ размѣрами и формами той части зданія, для которой его барельефъ назначался, и поэтому размѣщать въ немъ фигуры и группы по возможности симметрично; съ другой стороны, онъ долженъ былъ и въ изображаемой имъ сценѣ выдержать тотъ спокойный и размѣренный тонъ, который господствовалъ при персидскомъ дворѣ.

Фиг. 145.

Персидская манера составляетъ какъ бы переходъ отъ ремесленного исполненія къ художественному. Въ ней впервые проявляется пониманіе складокъ одежды и стремленіе къ пластической отдѣлкѣ ихъ. На барельефѣ Кира одежда обтянута вокругъ фигуры совершенно гладко, какъ на ассирійскихъ фигурахъ; но на памятникахъ Пасаргада видна уже попытка обозначить контуры тѣла складками одежды. Это особенно замѣтно на фигурахъ въ движеніи, какъ напр. на символическихъ фигурахъ царей, побѣждающихъ дикихъ животныхъ; тогда какъ на фигурахъ спокойныхъ или размѣренно движущихся, складки еще совершенно косны и повторяются въ симметрическомъ почти порядкѣ. Но такое расположеніе складокъ обусловливалось вѣроятно самымъ покроемъ широкой парадной одежды, который былъ установленъ церемоніаломъ и не могъ быть измѣненъ и въ дѣйствительности, а тѣмъ менѣе на скульптурахъ. Можетъ быть даже, что персидскіе скульпторы только нерѣшительно и робко позволяли себѣ намѣчать складки, вообще же ограничивались обдѣлкою главныхъ формъ фигуръ, а дальѣйшую отдѣлку деталей и украшеній оставляли живописцамъ, такъ какъ по открытымъ на нѣкоторыхъ развалинахъ слѣдамъ стѣнописи, можно съ достовѣрностью заключить что персидскіе барельефы и зданія были расписаны разными цвѣтами, совершенно такъ же, какъ ассирійскіе и египетскіе.

Необычайныя богатства всякаго рода, добытыя побѣдами надъ соседними народами, и завоеваніе земель, въ которыхъ уже цѣлые тысячелѣтія процвѣтали промышленность и торговля, познакомили Персовъ со всевозможными предметами роскоши и (какъ это и теперь еще видно на

грубыхъ, но способныхъ къ развитію народахъ) скоро заставили ихъ примѣнять свою прежнюю простую одежду на пестрые наряды побѣжденныхъ ими народовъ.

Первобытная одежда древнихъ Персовъ вполне соответствовала климату ихъ страны и ихъ занятіямъ охотою и скотоводствомъ. Они носили родъ плащей изъ звѣриныхъ шкуръ, и такими же шкурами обертывали себѣ ноги. Нѣкоторые племена, оставшіяся нетронутыми чужеземными вліяніями, удержали эту одежду до самаго конца персидскаго царства. ¹ Такія же шкуры, но выдѣланныя, послужили матеріаломъ и для собственно національной одежды Персовъ, которая совершенно покрывала всё тѣло.

1. По письменнымъ свидѣтельствамъ, древнеперсидская мужская одежда состояла изъ кожаныхъ штановъ, такого же кафтана съ поясомъ, простой кожаной шапки и кожаной же обуви (Герод. I, 71; III, 12).—Послѣ покоренія Мидіи, Киръ ввелъ при своемъ дворѣ, вмѣстѣ съ мидійскимъ придворнымъ церемоніаломъ, и мидійскій костюмъ (Герод. I, 135; Ксеноф. Сугор. VIII, 1), который сталъ съ тѣхъ поръ собственно официальнымъ костюмомъ: имъ одаряли цари своихъ любимцевъ; имъ же различались придворные, какъ между собою, такъ и отъ простыхъ гражданъ.

Эти послѣдніе продолжали одѣваться въ свое простое кожаное платье, которое носили также и нѣкоторые изъ низшихъ придворныхъ чиновъ (фиг. 146. b). Но такъ какъ, по свидѣтельству Геродота (I, 135), ни одинъ народъ не былъ столь склоненъ къ пере-

Фиг. 146.

нятію чужеземныхъ нравовъ, какъ Персы, то цари ихъ неудовольствовались перенесеніемъ къ себѣ однихъ только мидійскихъ обычаевъ и костюма, а заимствовали мало по малу и отъ другихъ западныхъ и восточныхъ народовъ то, что наиболѣе отвѣчало ихъ наклонности къ внѣшнему блеску. Какъ отъ жителей малой Азии, Лидійцевъ и Фригійцевъ, такъ и отъ роскошныхъ Ассирійцевъ и Вавилонянъ и даже отъ сѣверовосточныхъ племенъ, перенимали они нѣкоторые частности костюма и присоединяли ихъ частью къ древнеперсидской одеждѣ низшихъ классовъ, частью, въ видѣ особыхъ отличій должностей и сана, къ богатому мидійскому одѣванію придворныхъ. Такимъ образомъ, старинное кожаное платье мало по малу было вытѣснено такого же покроя платьемъ изъ мягкой (шерстяной?) матеріи; прежняя простая шапка замѣнилась шапкою похожею на такъ называемый фригійскій колпакъ (Герод. III, 2), а вмѣсто узкихъ кожаныхъ штановъ стали носить родъ шараваръ, которые закладывались

мидійскому одѣванію придворныхъ. Такимъ образомъ, старинное кожаное платье мало по малу было вытѣснено такого же покроя платьемъ изъ мягкой (шерстяной?) матеріи; прежняя простая шапка замѣнилась шапкою похожею на такъ называемый фригійскій колпакъ (Герод. III, 2), а вмѣсто узкихъ кожаныхъ штановъ стали носить родъ шараваръ, которые закладывались

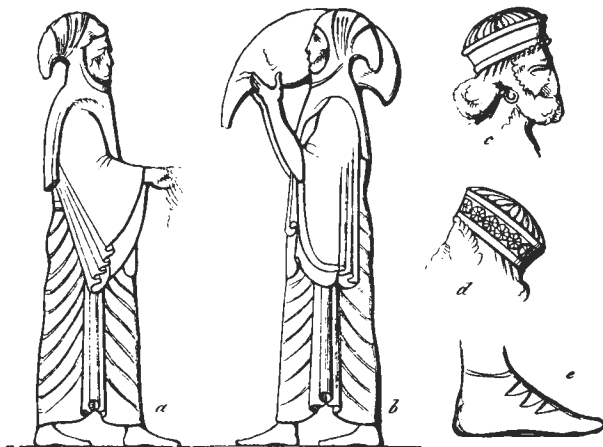
¹ Это подтверждаютъ и барельефы на персидскихъ памятникахъ. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ древнеперсидскаго царства жители носятъ тулупы изъ овчины: С. Niebuhr. Reisebeschrbg. II. 108.

въ высокіе сапоги (фиг. 146. а—b) — костюмъ, по видимому, сѣверовосточнаго происхожденія.

Мидійская одежда покрывала всё тѣло, какъ и древнеперсидская, но была широка и длинна, такъ что «совершенно скрывала всё недостатокъ роста». Её дополняли богато украшенный головной уборъ, такія же башмаки и, какъ утверждаютъ позднѣйшіе писатели (Strab. XI, 13), накидка въ родѣ плаща и штаны. Можетъ быть впрочемъ, что Страбонъ смѣшиваетъ мидійскій костюмъ съ персидскимъ, или описываетъ только костюмъ позднѣйшаго, роскошнаго, времени. — Тонкія ткани, изъ которыхъ изготовлялась мидійская одежда, — большею частью шерстяныя или даже (какъ не безъ основанія предполагается нѣкоторыми) ¹ шолковыя, — и цвѣтъ этихъ тканей — пурпуровый и темнокрасный (Ксеноф. Сугор. I, 3; VIII, 2. 3), вѣроятно также не мало способствовали къ принятію ея персидскими царями.

На персидскихъ памятникахъ мидійскій костюмъ представленъ совершенно согласно съ описаніемъ его у названныхъ авторовъ. Это былъ родъ широкаго кафтана съ очень широкими рукавами и до того длинными полами, что для свободы движеній ихъ высоко подбирали съ боковъ, или спереди и сзади, и подпоясывали поясомъ, отчего полы кафтана складывались въ продольныя и косыя складки. Эти-то складки персидская пластика и старалась въ точности воспроизвести на своихъ фигурахъ въ видѣ симметрическихъ линий. Складки на рукавахъ скульптурныхъ фигуръ слѣдуетъ безъ сомнѣнія объяснить условнымъ приѣмомъ, которому скульпторы въ извѣстныхъ случаяхъ обязаны были подчиняться; тамъ же гдѣ этотъ приѣмъ не былъ обязательенъ, они держались ближе къ дѣйствительности (фиг. 147. b).

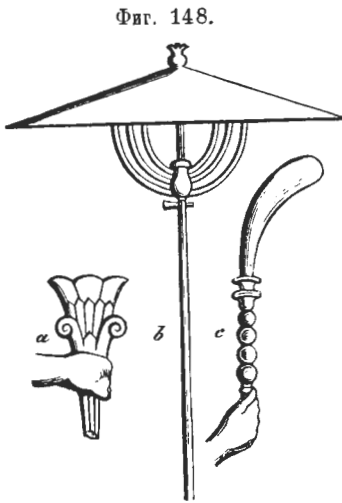
Фиг. 147.

Приближенные царя (которыми были члены царствующей династїи и другихъ знатныхъ родовъ) и высшіе придворные чины носили со временъ Ки-

¹ Haegen, Ideen über die Politik etc. I (1) 113; 214.

ра мидійскую одежду. Низшіе же придворные чиновники, какъ-то: хранитель царскихъ одеждъ, лекаря, изготовители мазей, конюшіе, ловчіе, хлѣбодары и пр., одѣвались въ національный персидскій костюмъ, и оставляли его только въ томъ случаѣ, когда царь, въ награду за службу или въ знакъ своего особеннаго благоволенія, жаловалъ имъ мидійскую одежду. Знатные придворные, какъ принадлежавшіе къ царствующей династіи, такъ и равные имъ по сану «нареченные родственники» кнцаря, отличались не только пурпуровымъ цвѣтомъ своихъ мидійскихъ одеждъ, но и имѣли право носить на головномъ своемъ уборѣ такую же бѣлую съ голубымъ повязку, какую носили сами

цари (Xenoph. Cyrop. VIII. 3; Curtius III. 3). Этотъ разрядъ вельможъ занималъ всѣ почетнѣйшія должности при дворѣ. Затѣмъ слѣдовали должности царскаго зонтиконосца, опахалоносца, посохоносца, смотрителя царскаго гарема (эту должность занимали эвнухи) и вообще ближайшей личной прислуги царя. Лица, исправлявшіе эти должности, носили также мидійскую придворную одежду, вѣроятно, однакожь, не пурпуровую; знакомъ отличія служили имъ, — кромѣ принадлежностей ихъ должности, какъ то: зонтиковъ, опахалъ и пр., богато отдѣланныхъ (фиг. 148. b. c)—золотыя цѣпи, браслеты, дорогое оружіе, богатые мидійскія ботинки (фиг. 147. e) и плоскія, золотомъ вышитыя шапки (фиг. 147. c. d).

Носить при дворѣ оружіе и даже являться вооруженнымъ въ присутствіи царя, было совершенно въ персидскихъ обычаяхъ. Но изъ благоговѣнія къ царскому сану, должно было закрывать руки рукавами одежды. Съ царемъ нельзя было говорить иначе, какъ прикрывая ротъ рукою, для того чтобы дыханіе говорящаго не могло коснуться особы царя. Ближайшіе служители царя постоянно носили на головѣ родъ кашюшона, закрывавшаго имъ и ротъ (фиг. 147. a, b).

Если уже принятіе персидскими царями мидійской придворной одежды имѣло цѣлю придать царскому сану въ глазахъ народа болѣе внушающую вѣщность,¹ то тѣмъ менѣе могли они обойтись безъ какихъ нибудь особенныхъ вѣщныхъ отмѣтъ, которыя отличали бы ихъ отъ окружающихъ ихъ придворныхъ и были бы принадлежностью исключительно царскаго сана. Такія вѣщныя знаки царскаго сана были введены Киромъ и перешли къ его потомкамъ, подвергнувшись въ теченіи времени нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Церемоніальное одѣяніе персидскихъ царей было такъ великолѣпно, что даже Александръ Македонскій промѣнялъ на него, по крайней мѣрѣ отчасти, свою простую отечественную одежду (Діод. XVII. 77). Оно состояло изъ

¹ Xenoph. Cyrop. VIII, 3.

пурпуровой нижней одежды, во всю длину которой, отъ шеи до подола, тянулась широкая бѣлая полоса, изъ пурпуровой же верхней одежды, накидывавшейся какъ плащъ, изъ штановъ яркочернаго цвѣта, богато украшенныхъ башмаковъ на толстой подошвѣ для возвышенія роста, и изъ высокой шапки (митры).¹ Драгоценныя украшенія—ожерелья, браслеты и пр. дополняли этотъ нарядъ, цѣнность котораго, вмѣстѣ съ украшеніями, доходила, во время самаго разгара роскоши, до 12000 талантовъ (ок. 15 милліон. талеровъ. Plutarch. Artaxerx c. 24; Ael. Lampidius. Heliog.). Въ такомъ облаченіи, съ золотымъ скипетромъ, въ видѣ посоха, въ рукахъ (фиг. 150. а), и съ завитою по ассирійской модѣ бородою, царь персидскій являлся на торжественныхъ выходахъ, въ сопровожденіи зонтиконосцевъ опяхалосцевъ, своего придворнаго штата и своихъ тѣлохранителей.

Фиг. 149.

Наглядное объясненіе нѣкоторыхъ частей царской одежды даетъ найденная въ Помпѣи мозаика (фиг. 149). * Въ числѣ представленныхъ на ней лицъ, легко узнать персидскаго царя по мантии (кандисъ), накинутой у него на плечахъ, и по пурпуровому цвѣту его кафтана съ бѣлою полосою на груди (фиг. 149. а).² Другое отличіе царской одежды отъ придворной вообще (ср. фиг. 149. е) заключалось въ томъ, что первая была покрыта вышитыми золотомъ изображеніями соколовъ и ястребовъ—птицъ посвященныхъ Ормузду (Curtius III, 3. 17—19. Aeschil. Pers. 820). Что иногда и собственно царскія отличія были жалуеты высшимъ сановникамъ, это видно изъ книги Эсоиръ (VIII, 15), гдѣ сказано, что «Мардохей вышелъ отъ царя въ царскомъ одѣяннн яхонтоваго и бѣлаго цвѣта, и въ большемъ золотомъ вѣнцѣ, и въ мантии висонной и пурпуровой. И городъ Сузы возвеселился и возрадовался.»

¹ См. Minutoli, Notiz über den am 24 Oktob. 1831 u. s. w. aufgef. Mosaikfußboden. Mit 1 Abbildg. Berlin. 1835. — ² Эта мозаика представляетъ, какъ извѣстно, битву Александра Македонскаго съ Персами. Her. — Xenoph. Cyrop. VIII, 3. Strabo. XV, 3. Arrian. Anab. II, 11. VI, 29.

Подъ цвѣтъ верхнимъ одеждамъ, но нѣсколько ярче, были и штаны (фиг. 149. е). Эта часть одежды удержала свой первоначальный цвѣтъ и первоначальную форму до самого конца персидскаго царства; цвѣтъ башмаговъ, напротивъ того измѣнялся; изъ нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ видно, что башмаки окрашивали иногда въ шафранный цвѣтъ (Aeschil. Pers. v. 650 и слѣд.). — Эліанъ (Aelion. de nat. anim. IV, 46) свидѣтельствуетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ персидскіе цари приобрѣли владѣнія въ Индіи, они стали одѣваться въ драгоценныя индійскія ткани «удивительнаго блеска». Это были вѣроятно чрезвычайно нѣжныя, некрашенныя хлопчатобумажныя (?) ткани. Діодоръ (XVII, 77) рассказываетъ объ Александрѣ Македонскомъ, что онъ возложилъ на себя персидскую головную повязку и блестящую бѣлую одежду съ поясомъ и другими украшеніями, но длинныхъ штановъ и широкой мантии ¹ надѣтъ не захотѣлъ; приближенныхъ же своихъ одарилъ одеждами, отороченными пурпуромъ.

Чаще всего измѣнялась форма и отдѣлка головнаго убора персидскихъ царей. Киръ носилъ высокую тиару съ повязанною по ней діадемою—слѣдовательно головной уборъ очень похожій на ассирійскую царскую шапку позднѣйшаго времени, какъ она представлена на памятникахъ Хорсабада (фиг. 119. h) и Куянджика (фиг. 118, a). Другой родъ головнаго убора, введенный Даріемъ, а можетъ быть уже и Киромъ, былъ «кидарь»—высокая заостренная къверху стоячая шапка, обвитая спирально бѣлою съ пурпуромъ или съ голубымъ лентою ².

Оба эти головные убора сохранили свою основную форму болѣе или мѣнѣе высокаго твердаго клубука съ золотыми полосами и лентами до поздняго времени. Димитрій Поліоркетъ носилъ еще подобный клубукъ, обвитый золототканными лентами, концы которыхъ спускались по спинѣ (Athenaeus XII. 535).

Фиг. 150.

¹ Ср. С. А. Böttiger. Amalthea, Mus. d. Kunstmythologie u. s. w. I. 169 n. II. Einleitg. XII. Heeren, Ideen etc. I (1) 230. — ² Aeschil. Pers. v. 650. Xenoph. Cyrop. VIII. 3. 7. Anab. II, 5. Arrian III, 25. VI. 29. Q. Curtius. III, 3. VI. 6.

Обыкновенный, не церемониальный, костюм персидских царей был тот же, как и других высших сановников, т. е. мидийская нижняя и широкая распашная верхняя одежда (фиг. 150. а) с широкими рукавами, которые можно было закидывать за плечи и затыкать за пояс (фиг. 150. с), чтобы иметь руки свободными, напр. на охоту или в сражении.

Персидские цари, так же как и ассирийские, любили большие охоты, сопряженные с трудами и опасностями и потому требовавшие почти совершенно воинских приготовлений. Всякий участвовавший в царской охоте (а число участников бывало часто громадно) должен был вооружиться, кроме лука со стрелами, еще двумя рогатинами, мечом или топором и круглым ручным щитом (Xenoph. Cyrop. I, 2). Охотники разделялись на всадников и пеших (Xenoph. Cyrop. II, 4). Царь, окруженный своими телохранителями, охотился всегда верхом (Herod. III, 129. Strabo XV. 3); но иногда, чтобы показать свою силу и смелость, сходил с коня и шол на зверя вооружившись щитом и мечом. Одолеть зверя ставилось ему в славный подвиг — так было по крайней мере в лучшую пору персидского царства. Даже Дарий Гистасп не счол недостойным себя объявить в своей надгробной надписи, что «он был лучшим изомом и стрелком и всегда первым в схватке с зверем на охоте». (Strabo. XV. 3.)

Такие подвиги персидских царей на охоту составляют содержание многих барельефов открытых в Персеполе. На некоторых из них царь представлен в безрукавной, длинной рубашке (фиг. 150. b), которая была, кажется, старинною формою мидийской нижней одежды и употреблялась на охоту, потому что оставляла руки охотника совершенно свободными.

Внутреннее устройство персидского государства, настоящим основателем коего слдует считать Дария (Герод. III, 89), было основано на разделении его на сатрапии и на сосредоточении всех отраслей управления в одном центральном правительственном учреждении, во главе котораго стоял сам царь. У каждого сатрапа был свой придворный штат, в точности скопированный с царскаго и сравнительно не менее его пышный, с такими же придворными должностями и чинами (Герод. III. 128; Xenoph. Cyrop. VIII, 5, 6, 7). Словом, сатрапы были те же цари, только подчиненные одному главному.

За этими сановниками, главным делом которых было собирать подати и пользоваться «приличным образом» своими «хлебными» кормлениями, — слдовали чиновники, обязанностью коих было охранять безопасность царя, посредством тайнаго надзора над всем происходившим в государстве, преимущественно же над политическими интригами сатрапов. Чиновники эти слыли под характеристическими названиями «глаз» и «ушей» царя (Герод. I, 114; Aeschyl. Pers. v. 940; Xenoph. Cyrop. VIII, 2), и как само собою разумеется, не имели никаких внешних

знаковъ своей должности. — Къ чиновникамъ, открыто исправлявшимъ свои должности, принадлежали: чиновники исполнительной полиціи (Герод. V. 35. 52. VII, 239), почтоваго управленія, введеннаго Даріемъ (Герод. I, 123. V, 14. 49 — 52. Есоиръ VIII, 14), сборщики налоговъ и т. д. Этому разряду были присвоены извѣстныя виѣшнія отличія, состоявшія въ почетныхъ подаркахъ — мидійской одеждѣ, оружіи, украшеніяхъ и т. п., которые они получали отъ сатраповъ, а иногда и отъ самого царя (Хенорф. Сугор. VII. 2).

Что награды такого рода, жалуемые высшею властью за заслуги, не мало способствовали къ распространенію въ обществѣ наклонности къ наградамъ и дорогимъ украшениямъ, — ясно и безъ доказательствъ. Но какъ быстро и до какой степени развилась эта наклонность въ высшихъ классахъ общества, объ этомъ свидѣлствуютъ рассказы древнихъ авторовъ о средствахъ, къ которымъ прибѣгали Персы для украшенія своей наружности. По ихъ словамъ, ассиро-мидійскій обычай чернить себѣ брови и румяниться былъ перенесенъ въ Персію вмѣстѣ съ ассиро-мидійской прической волосъ на головѣ и бородѣ (Хенорф. Сугор. I, 3. VIII, 1, 8). Последнее обстоятельство подтверждается и скульптурными изображеніями, хотя на нихъ только одинъ царь является съ длинною бородою (стр. 195), у придворныхъ же и воиновъ бороды подстрижены. Парики и накладныя бороды были извѣстны и древнимъ Персамъ, какъ и Египтянамъ, Ассиріянамъ и Мидянамъ (Хенорф. Сугор. I, 3). Заботливость Персовъ о красотѣ бороды доходила до того, что, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ позднѣйшую эпоху царства у нихъ вошло въ обычай надѣвать на бороду родъ футляра или чехла.

Драгоценныя украшенія состояли преимущественно въ тяжелыхъ золотыхъ цѣпяхъ или ожерельяхъ, браслетахъ (Герод. III, 20. 130. VIII, 113. Хенорф. Сугор. I, 3. VIII, 1. 2), кольцеобразныхъ золотыхъ серьгахъ (фиг. 147. с), кольцахъ и перстняхъ. Перстни употреблялись вмѣсто печатей (Герод. III, 41, 128. Эсоиръ III, 10. 12. VIII, 2).

Военный бытъ.

Правильная и прочная организація персидскихъ военныхъ силъ была начата Киромъ, но высшаго своего развитія достигла при Даріи.

Мѣры, принятыя Киромъ по устройству войска, заключались впервыхъ въ томъ, что онъ образовалъ въ немъ конныя полки, прежнія легкія военныя колесницы замѣнилъ болѣе прочными и воиновъ, сражавшихся съ нихъ, одѣлъ въ крѣпкіе панцири (Хенорф. Сугор. VI. 1, 3). Образование отряда всадниковъ на верблюдахъ для войны съ Лидійцами и введеніе сильно дѣйствующихъ осадныхъ машинъ приписываются также Киру (Герод. I, 80. Хенорф. Сугор. VI, 1. 2. VII, 2. 4. 5).

Всѣ эти нововведенія, изъ которыхъ образованіе конныхъ полковъ, при малочисленности лошадей въ Персіи, возбудило особенное удивленіе, ¹ были

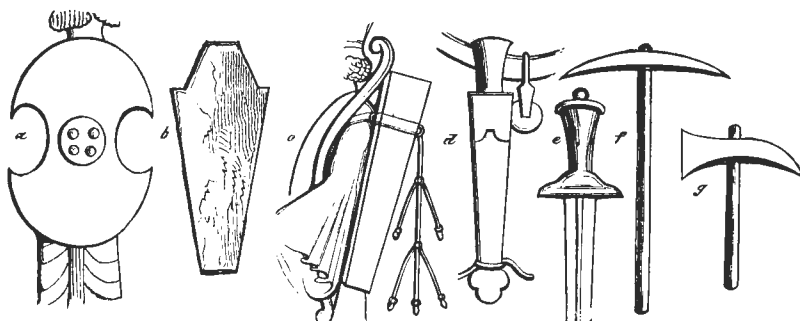
¹ Ср. Хенорф. Сугор. I, 3; II, 1; III, 3; IV, 2.

заимствованы Киромъ отъ сосѣднихъ народовъ и пришлись Дарію какъ нельзя болѣе кстати. Если постоянное увеличеніе персидскихъ владѣній вынуждало уже Кира оставлять въ завоеванныхъ земляхъ известное количество войска подъ начальствомъ особаго военачальника; то при Даріи такая мѣра была еще необходимѣе. Отсюда прямо вытекала потребность въ заведеніи правильно организованной постоянной арміи. Обычное прежде произвольное дѣленіе войска на массы, было замѣнено раздѣленіемъ его на опредѣленные, количественно равные отдѣлы и под-отдѣлы. вмѣстѣ съ этимъ было усовершенствовано и оружіе и каждому роду его дано соответствующее назначеніе.

О р у ж і е

Персовъ въ продолженіи ихъ кочевой и пастушеской жизни было очень просто. Нѣкоторыя племена не знали другаго оружія кромѣ короткихъ пожей и длинныхъ аркановъ (Fangseilen oder Schlingen). Племя Сагартовъ (Sagartier) не употребляло иного оружія даже и въ позднѣйшій періодъ (Герод. VII, 86). — У болѣе развитыхъ племенъ главнымъ оружіемъ былъ лукъ со стрѣлами и копье.

Фиг. 151.

При Кирѣ были введены длинные и короткіе мечи. Ему же приписываютъ, кромѣ упомянутаго выше вооруженія латами воиновъ сражавшихся съ колесницъ, образованіе отрядовъ тяжеловооруженной конницы, въ которой люди были одѣты въ тяжолыя латы, а лошади защищены металлическими нагрудниками и бляхами. (Герод. VII, 85. VIII, 113; Xenoph. Anab. I, 8, Сугор. VI, 1, 4. VII, 1. VIII, 8). Вооруженіе это было перенято Киромъ частью отъ покоренныхъ имъ Мидянъ и Ассиріянъ (Herod. VII, 61, 62. Xenoph. Сугор. II, 1. VII, 1), частью отъ другихъ народовъ. Такъ напр. у Египтянъ былъ заимствованъ извѣстный у нихъ съ древнѣйшихъ временъ холщевой панцырь (Herod. I, 135). Въ священнхъ книгахъ Персовъ необходимымъ для каждаго воина вооруженіемъ полагается: панцырь съ шлемомъ, паножики и поясомъ, щитъ, лукъ съ 30 стрѣлами, праща съ такимъ же числомъ камней для бросанія, пожь (кпшжалъ или мечь), палица и копье. ¹

¹ Vendidad. Frag. XIV. 32 — 40 y Spiegel. Avesta. Die heil. Schrift der Persen. I. 205.

1. На персидских барельефах встречается между прочим замѣчательный по своей формѣ щитъ. Видомъ своимъ, напоминающимъ скрипку, онъ совершенно похожъ на позднѣйшій, такъ назыв. беотійскій щитъ. Онъ имѣлъ около 3 фут. вышины и былъ вѣроятно деревянный, обтянутъ кожей и съ металлическою бляхою посрединѣ (фиг. 151. а). Кажется, что такіе щиты были присвоены только одному отряду царскихъ тѣлохранителей. Собственно же войско было вооружено ассирійскими большими плетенными, или же металлическими и кожаными круглыми щитами (Herod. VII, 16. IX, 61, 102. Xenoph. Cyrop. II, 1. 2). На помпейской мозаикѣ персидскіе всины вооружены круглыми щитами, какіе и до сихъ поръ употребляются персидскими племенами. ¹ О щитахъ ромбоидальной формы, принятыхъ въ персидскомъ войскѣ въ позднѣйшее время, упоминается у Страбона (XV. 3). Эта форма щита, или близко подходящая къ ней, встрѣчается на недавно открытомъ барельефѣ, высѣченномъ на скалѣ близъ Бавіана (фиг. 151, b).

Голову накрывали обыкновенно кожаную шапкою (фиг. 152 а — b). Къ ношенію такихъ шапокъ Персы приучались съ раннихъ лѣтъ — обычай, которымъ хотѣли объяснить относительную слабость черепа у Персовъ, сравнительно съ черепами другихъ народовъ (Herod. III, 12). Нѣкоторые отряды носили стоячую ассиро-мидійскую тиару (клобукъ), другіе — уже описанную выше, загнутую напередъ фригійскую (?) шапку, которая закрывала затылокъ вмѣстѣ съ ушами и завязывалась подъ подбородкомъ. Она называлась «кирбозіа» (Amm. Marc. XXX. 8) — названіе, которое давали также и обыкновенному клобуку. (Herod. V, 49: VI, 64). Для защиты отъ вѣтра и пыли, сверхъ шапки, или подъ нее, повязывали платокъ такъ, что онъ закрывалъ ротъ и шею (фиг. 149. а — b). Шлемы носили одни только яжеловооруженные; полководцы тоже, кажется, надѣвали ихъ къ своему остальному (ассиро-мидійскому) вооруженію. Шлемы были желѣзные или мѣдные, у знатныхъ покрытые позолотой и украшенные пучкомъ перьевъ или бѣлыхъ конскихъ волосъ. (Herod. VII. 63. Xenoph. Cyrop. VI, 4. VII, 1).

Конники, составлявшіе ближайшую свиту царя, были одѣты въ холщевые египетскіе, или въ ассирійскіе чешуйчатые панцири, съ такими же наручними и поножами, и въ металлическіе шишаки. Лошади ихъ были тоже покрыты латами, состоявшими изъ налобника, нагрудника и накручника (Herod. VII, 40, 41, 85. VIII, 113. IX, 22. Xenoph. Anab. I, 8. Cyrop. VII, 1. Arrian. Anab. II, 11. Strab. XI. 14).

Вооруженіе пѣшихъ тѣлохранителей царя было подобно описанному, но легче его. Простые воины были одѣты въ обыкновенное персидское кожаное платье — иногда впрочемъ раскрашенное подъ чешую (?) (Herod. VII, 61. IX, 63).

2. Главное нападательное оружіе — копье и лукъ не подвергались, кажется, никакимъ измѣненіямъ. Копье, древко котораго дѣлалось обыкновенно изъ твердаго дерева (*cognus mascula* — желт. кизильникъ), ² имѣло

¹ См. превосходные рисунки восточныхъ щитовъ въ Rockstuhl: Musée d'armes rares ancien. et orient. de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, St. Petersburg. 1841. — ² Xenoph. Cyrop. I, 2.

около 7 фут. длины и было приспособлено для удара из руки и для метанья (фиг. 152. а — d). Въ послѣдствіи были введены болѣе длинныя копья, можетъ быть подобныя тѣмъ лидійскимъ и позднеегипетскимъ копьямъ, длина которыхъ обратила на себя особенное вниманіе Геродота (I, 79) и Ксенофонта (Сугор. VII, 1). Что эти длинныя копья стали почти исключительно употребляться въ персидскомъ войскѣ, подтверждается, кромѣ свидѣтельства позднѣйшихъ писателей (Heliod. Aedth. IX, 15), и извѣстною уже помпейскою мозаикой. На ней представленъ также родъ копья, усаженнаго шишами; вѣроятно — персидскій дротикъ (фиг. 149. f).

Лукъ оставался всегда главнымъ оружіемъ Персовъ (Herod. VII 61—65; 226. IX, 49) и постояннымъ спутникомъ ихъ. Вооруженный лукомъ Персъ являлся даже ко двору своего царя (Herod. III, 78). Киръ заботливо наблюдалъ за тѣмъ, чтобы его воины постоянно упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука (Xenoph. Сугор. I, 2, 4. III, 3), и необыкновенное искусство персидскихъ лучниковъ вошло въ поговорку даже у Грековъ (Aesch. Pers. v. 26—28, 239, 926).

Обыкновенный персидскій лукъ или былъ деревянный, или скручивался изъ жилъ животныхъ (фиг. 149. а). Длина его доходила отъ полтора до трехъ футовъ. (Xenoph. Anab. III, 4). Носили его или просто повѣсивъ на плечо, (фиг. 151. с) или въ чехлѣ, который привѣшивался къ поясу съ лѣвой стороны (152, а, b). Собственный лукъ царя носили за нимъ въ богатомъ футлярѣ. Не смотря на его величину, и цѣнность, онъ не могъ сравниться въ упругости съ эоіонскимъ лукомъ, который даже персидскіе воины были не въ силахъ натягивать (Herod. III, 21).

Стрѣлы хранились или въ одномъ чехлѣ съ лукомъ, или въ особомъ колчанѣ, который вѣшали на ремнѣ черезъ плечо. Къ колчану — какъ можно судить по его изображеніямъ, — прикрѣплялся родъ кнута или плетки о нѣсколькихъ концахъ ¹ (фиг. 151, с; 152, с). Стрѣлы дѣлались изъ тростника (Herod. VII, 61), а наконечники ихъ изъ бронзы или желѣза. Съ тупаго конца онѣ были легко оперены.

3. Кромѣ копій, Персы сражались (со времянь Кира?) булавами (ассирійскими), сѣкирами (ассирійскими) и топорами (Herod. VII, 63. Xenoph. Сугор. II, 1. VI, 2. VIII, 8. Strabo XV, 3). Топоры о двухъ лезвіяхъ, на манеръ ассирійскихъ (фиг. 127. f), считались главнымъ оружіемъ Саковъ (Herod. VII, 64). Двуконечные молотки на короткихъ и длинныхъ молотовищахъ (фиг. 151. f, g) употреблялись также какъ оружіе въ рукопашномъ бою. Мечи и кинжалы не только служили боевымъ оружіемъ, но и были, особенно послѣдніе, принадлежностью наряда знатныхъ Персовъ.

Обыкновенный солдатскій мечъ имѣлъ около фута длины. Прямой и широкій клинокъ его о двухъ лезвіяхъ былъ приспособленъ болѣе къ горизонтальному, чѣмъ къ вертикальному удару. Мечъ носили на ремнѣ съ правой стороны (Herod. VII, 61. — Фиг. 151. d, e; 953, a). Вѣроятно употребляли также и кривые ножи; такого рода оружіемъ было, можетъ быть, упоминаемое древними писателями «кописъ». ²

¹ Herod. VII, 223. Xenoph. Сугор. VIII, 3.—² V a u x. Eine Geschichte Assyriens etc. 228.

«Золотыя мидійскія сабли», которыя знатные Персы надѣвали на себя только отправляясь на войну, въ обыкновенное же время давали носить за собой служителю (Xenoph. Cyrop. V; 2), были, кажется, слегка изогнуты, (Strabo XV, 3) на подобіе нѣкоторыхъ ассирійскихъ мечей (фиг. 127, k). Прямые мечи были введены только при послѣднемъ Даріи, который взялъ за образецъ македонскій мечъ. Относительно отдѣлки, эти мечи, вѣроятно, ничѣмъ не уступали мидійскимъ саблямъ, которымъ дивились даже сами Греки, и которыя они считали лучшею военною добычею (Herod. IX, 80). Въ битвѣ при Иссъ, Дарій III сражался мечемъ, осыпаннымъ драгоценными камнями и котораго ножны висѣли на серебряной перевязи (Curt. III, 3); не менѣе драгоцененъ былъ, безъ сомнѣнія, и мечъ Камбиза, бывшій причиною его смерти вслѣдствіе того, что золотая обшивка ноженъ лопнула и обнажившійся конецъ меча ранилъ царя (Herod. III, 64).

Пращи и арканъ были предоставлены Персами служившимъ въ ихъ войскѣ вспомогательнымъ отрядамъ Сагартійцевъ и другихъ полудикахъ народовъ; сами же Персы считали такого рода оружіе недостойнымъ свободнаго воина (Xenoph. Cyrop. I, 5. III, 3. VII, 4; Strabo XV, 3).

Главное знамя персидскихъ войскъ было украшено золотымъ изображеніемъ орла, — птицы, призванной священною въ священныхъ книгахъ Персовъ,¹ и бывшей военнымъ знакомъ рода Ахеменидовъ (Xenoph. Cyrop. VII, 1. 2; Anab. I, 10 Aesch. Pers. v. 205 и слѣд.). Кромѣ главнаго знамени, которое въ походахъ всегда предшествовало войску, каждый отдѣльный отрядъ имѣлъ свое особое знамя, украшенное тоже какимъ нибудь символическимъ изображеніемъ.

Движенія войскъ во время похода и во время битвы направлялись игрою на рогахъ и трубахъ (Xenoph. Cyrop. V, 3. Heliod. Acth IX, 17). Трубами же подавали сигналъ ко вступленію въ битву, начинать которую ранѣе солнечнаго восхода Персамъ запрещала религія (Curt. III, 3).

Составъ и дѣленіе персидскаго войска.²

Персидское войско состояло изъ пѣшихъ, конниковъ и колесничиковъ (т. е. ратниковъ, сражавшихся съ колесницъ). Каждая изъ этихъ частей раздѣлялась на легковооруженныхъ и тяжеловооруженныхъ; а всё войско, въ цѣлой своей массѣ, дѣлилось на полки, отряды и сотни. Каждый полкъ состоялъ изъ 10000 человекъ; каждый отрядъ изъ 1000 человекъ или 10-ти сотенъ. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ предводители разныхъ отдѣловъ назывались начальниками полковъ, начальниками отрядовъ и начальниками сотенъ (Herod. IV, 87; VII, 81. 82 Xenoph. Cyrop. II, 1; V, 3; VI, 2; VIII, 3 и слѣд.)

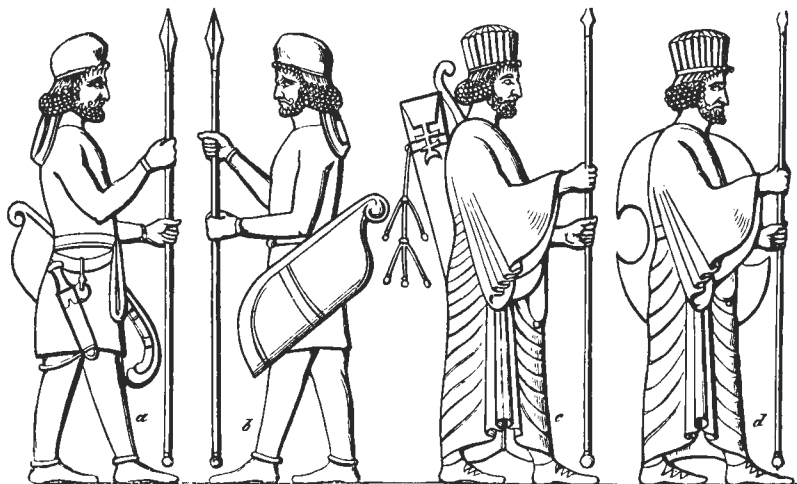
Легкая конница была одѣта частью въ упомянутыя выше холщевыя панцири, частью въ легкую чешуйчатую броню и вооружена лукомъ, мечомъ и щитомъ (Aeschil. Pers. v. 26. 235). Тяжелая конница носила латы,

¹ Vendidad. Frag. II, 139.— ² Ср. Heeren, Ideen etc. I (1), 505 et seq. M. Duncker. Gesch. des Alterth. II, 658 seq.

покрывавшія всё тѣло война, и, кромѣ лука, меча и щита, была вооружена длинными копьями. Лошади этихъ воиновъ были тоже покрыты тяжелою броней (Herod. VII, 85; VIII, 113. Xenoph. Anab. I, 8; III, 4. Argian. Anab. II, 11. Heliod. IX, 15,). Усиленіе конницы, особенно со временъ Дарія, мало по малу совершенно вытѣснило въ персидскомъ войскѣ боевыя колесницы, ¹ такъ что напослѣдокъ онѣ обратились въ почетную принадлежность царскаго сана и званія главноначальствующаго надъ войсками.

Такимъ образомъ, главную силу персидскаго войска, его ядро, составляли конные полки, ² которымъ пѣхотныя войска служили какъ бы дополненіемъ. Они раздѣлялись, такъ же, какъ и конныя, на легковооруженныхъ и тяжеловооруженныхъ. Первые были вооружены мечами, щитами, луками и копьями, послѣдніе — саблями, топорами и сѣкирами; первые были одѣты въ легкія панцири, послѣдніе — въ тяжелый доспѣхъ (Herod. VII, 61. Strabo XV 3). Къ легковооруженнымъ принадлежали и пращники.

Фиг. 152.

Одежда знатныхъ всадниковъ, составлявшихъ отборную часть войска, была чрезвычайно богата и только немногимъ отличалась отъ царской одежды. Какъ и эта послѣдняя, она состояла изъ двойныхъ (in doppelten), богато вышитыхъ штановъ, двойнаго разноцвѣтнаго на бѣлой подкладкѣ кафтана, доходившаго до колѣнъ; плаща, голубого или синяго лѣтомъ и узорчатаго — зимою, и наконецъ, изъ башмаковъ (Strabo. XV, 3. сравни. фиг. 150). Дорогія украшенія возвышали еще болѣе блескъ этого наряда, который всадники надѣвали частью поверхъ вооруженія, частью подъ него. Эхилъ (Pers 9) называетъ воиновъ Ксеркса «блистающими

¹ Усиленіемъ конницы, а едва ли вымраніемъ древнихъ родовъ, какъ принимаетъ I. Kruger (Gesch. der Assyrier u. Iranier. S. 234), можно объяснить постепенное превращеніе употребленія боевыхъ колесницъ. — ² Особен. Herod. VII, 84 seq. IX, 20, 22, 63, 71.

золотомъ», а хитрому Кимону удалось одеждами персидскихъ плѣнниковъ перехитрить союзниковъ Греціи (Plutarch. Kim. с. 9). Полагали даже, что жители Эгины разбогатѣли отъ того, что послѣ битвы при Платеѣ, они скупили у простодушныхъ илотовъ все доставшіеся имъ въ добычу персидскіе наряды и украшенія (Herod. IX, 30).¹

Самую блестящую часть персидскаго войска составляла царская стража. Она была учреждена Киромъ по мидійскому образцу и умножена его преемниками. Составляя почти 10 часть всего (постояннаго?) войска, она заключала въ себя 2000 отборныхъ всадниковъ, 2000 пѣшихъ копейщиковъ и 10000 пѣшихъ воиновъ, которые носили названіе «безсмертныхъ» и всюду сопровождали царя (Herod. VII, 40, 41, 84. Xenoph. Cyrop. VII, 1; VIII, 1, 2, 3. Curtius III, 3). Копейщики были одѣты частью въ мидійскій, частью въ персидскій костюмъ и вооружены копьями, тупые концы которыхъ оканчивались серебряными или золотыми шарами; у 9000 «безсмертныхъ» на копьяхъ были насажены серебряныя, а у остальной тысячи золотыя гранаты (фиг. 152. а — d). У иныхъ вмѣсто копій были короткіе золотые посохи. (Xenoph. Cyrop. VIII, 3; Anab. I, 9).

За исключеніемъ перечисленныхъ правильно-организованныхъ частей персидскаго войска, остальная масса его, набиравшаяся передъ всякою войною со всехъ областей царства, представляла, относительно одежды и вооруженія, пеструю смѣсь племенныхъ особенностей. Созванная на войну, эта громадная масса вооруженнаго народа шла безпорядочными толпами до самыхъ границъ непріятельской земли и только достигнувъ ихъ раздѣлялась на полки и отряды (Herod. VII, 26, 59 seq.; 110, 187. Xenoph. Cyrop. II, 1; V, 3; VII, 1). Обозъ посылали обыкновенно впереди войскъ (Herod. VII, 110). О величій его можно судить потому, что съ нимъ отправлялись не только множество ремесленниковъ разнаго рода для починки оружія, одежды и проч. — тогда какъ въ старину это было обязанностью самихъ воиновъ (Xenoph. Cyrop. VI 2 seq), — но и цѣлыя толпы женщинъ и т. д. (Herod. VII, 84).—Съ усиленіемъ наклонности къ чувственнымъ наслажденіямъ, ослабѣвала охота къ воинскимъ упрямствамъ и мало по малу они были совершенно оставлены. Сѣдла постепенно превратились въ мягкія подушки, и воины начали носить перчатки изъ дорогаго мѣха (сравн. Aelian. de natura animal. XVII, 17). Чувствуя собственное безсиліе, Персы завели у себя наемныя войска, предпочитая посылать сражаться за себя другихъ, чѣмъ самимъ подвергаться опасностямъ войны (Xenoph. Anab. I, 5; Cyrop. VIII, 8 въ концѣ главы).

Чѣмъ слабѣе сознавали себя Персы, тѣмъ съ большею жестокостью обращались они съ своими военноплѣнными, такъ что жестокость ихъ (своейственной впрочемъ восточному духу) превзошла наконецъ всякую мѣру неуваженія къ личности. Они усвоили себѣ ассирійскій обычай водить плѣнныхъ на веревкахъ, привязанныхъ къ кольцу продѣтому сквозь губы (Herod. III, 14 и выше глав. III.). Но этотъ обычай принадлежитъ еще къ лучшему, раннему времени. Въ позднѣйшее время обыкновенною карою плѣнныхъ

¹ Сравн. K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin. 1855. p, 514 seq.

было увѣче: выкалыванье глазъ, лишеніе носа, ушей, рукъ, ногъ и т. д. Плѣнныхъ, обреченныхъ на смерть, обезглавливали, сажали на колъ, сжигали, распинали, снимали съ нихъ кожу, или зарывали живыми въ землю. При послѣднихъ, развратныхъ, царяхъ прибавились новые виды смертной казни: медленное раздавливанье черепа, послѣдовательное отрѣзываніе членовъ тѣла и пр. (Herod. 186, 92, 116, 128; III, 15, 35, 69, 132, 159; V, 25; VI, 32. Xenoph. Anab. I, 6. 9; III, 1. Plutarch Artaxerx. c. 14, 16—19. Curt. III, 2, 18; V, 5. Diod. XVII, 30).

Корпорація маговъ ¹

(учрежденная можетъ быть уже Киромъ, который могъ заимствовать ея отъ Мидянь) была представительницею высшей жреческой власти не только при дворѣ царей персидскихъ, но и вообще въ персидскомъ царствѣ. (Herod. I, 120, 132. Xenoph. Сугор. VIII, 1, 6). Маги занимали при царѣ (который однакожъ и по отношенію къ нимъ сохранялъ свое значеніе видимаго представителя высшаго божества — Ормузда) важнѣйшія почетныя должности. Они наблюдали за жертвоприношеніями, которыя царь былъ обязанъ совершать ежедневно въ честь Огня и Солнца; въ ихъ рукахъ сосредоточивались исполнительная и судебная власти, и они же составляли изъ себя государственный совѣтъ (Эсоиръ I, 13. Herod. III, 31; VII, 19 seq.).

Внутреннее управленіе корпораціи соответствовало ея политическому значенію. Такъ какъ на ней лежала обязанность снабжать все царство жрецами и слѣдовательно заботиться объ образованіи ихъ, то она имѣла характеръ замкнутаго воспитательнаго заведенія. Эта замкнутость давала ей возможность становиться въ оппозицію съ свѣтскою властью, что и случилось въ царствованіе Камбиза, и повело за собою преобразованіе корпораціи Маговъ, измѣненіе ихъ ученія положеніями изъ ученія Зороастра (Заратушты), ² и, можетъ быть, даже его окончательное паденіе.

Члены корпораціи маговъ раздѣлялись на совершенныхъ наставниковъ (дестуръ-мобель), наставниковъ (мобель) и учениковъ (гербель). Каждой степени были присвоены извѣстныя внѣшнія отличія, подробности которыхъ однакожъ опредѣлить трудно. ³ — Все три степени ⁴ носили «священный поясъ» (кости), и по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшую эпоху, широкую мидійскую одежду. По свидѣтельству позднѣйшихъ писателей, маги при отправленіи своихъ обязанностей одѣвались только въ бѣлую одежду, не носили на себѣ никакихъ украшеній и ходили съ тростниковыми посохами, а прислужники ихъ, особенно при процессіяхъ въ честь священнаго огня, были одѣты въ пурпуровыя одежды (Curt. III, 3, 8). Изъ этого можно заключить, что костюмъ маговъ мало отличался отъ костюма

¹ Heeren, Ideen etc. I (1) 216; 457 seq. Movers Untersuch. über die Religion etc. Bonn. 1841 5. 71 seq. Dunker. Gesch. d. Alterth. II, 337 seq.; 343. F. Spiegel. Avesta. I (Vendidad) Einleitung. — ² Сравн. о Зороастрѣ: J. Kruger, Gesh. der Assyrier und Iranier. 107 seq. — ³ Anquetil, Exposition des usages civils et religieux des Parses (Zend—Avesta) II. p. 527 seq. — ⁴ Vendid. Eragm. V, 162 и VII, 42.

сирійскихъ жрецовъ, которые, по словамъ Лукіана (*De dea syg.* 42), тоже одѣвались въ бѣлое, кромѣ главнаго жреца, носившаго пурпуровую мантию.

Какъ никто не могъ приблизиться къ царю не закрывъ себѣ рта (см. выше стр. 194), такъ точно никто не могъ присутствовать при жертвоприношеніяхъ и другихъ обрядахъ, не обернувъ себѣ рта и носа особаго рода полотняною повязкою (падомъ). Эту повязку предписывалось надѣвать также и во время молитвы (*Strab.* XV, 3). На религиозныя торжества свѣтскіе являлись въ своей обыкновенной одеждѣ, только съ миртовымъ вѣнкомъ поверхъ головного убора (*Herod.* I, 132. *Xenoph.* *Cyrop.* III, 3.).

2. Древнеперсидскіе барельефы, такъ же какъ и древнеассирійскіе, не даютъ никакихъ указаній относительно женскаго костюма. Если отсутствіе на нихъ женскихъ фигуръ и можетъ быть объяснено съ одной стороны малымъ количествомъ дошедшихъ до насъ барельефовъ и содержаниемъ ихъ, взятымъ большею частію изъ официальной, а не изъ частной жизни Персовъ; то съ другой стороны мы всё таки должны будемъ допустить, что общественное положеніе женщинъ въ Персіи было почти такое же, какъ и въ Ассиріи, и что въ Персіи не только не дозволялось женщинамъ самимъ показываться публично, но и считалось непозволительнымъ представлять женскія фигуры на барельефахъ. Относительно женъ царей и вельможъ персидскихъ это предположеніе кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что цари и вельможи персидскіе были преданы многоженству не менѣе ассирійскихъ, и держали своихъ женъ и наложницъ, часто очень многочисленныхъ, заключенными въ особыхъ домахъ (гаремахъ). (*Эсоиръ* I, 9, 18; II, 2, 3 и слѣд. *Herod.* III, 68, 69, 84, 88). Въ низшихъ классахъ общества женщина пользовалась сравнительно большею свободою, но всё таки положеніе ея относительно мужа было вполне подчиненное, служебное (*Herod.* III, 119). Имѣть много дѣтей считалось у Персовъ общественною заслугою. Это признавали и сами цари, одѣлая ежегодно подарками тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, чьи семейства были особенно многочисленны. (*Herod.* I, 135, 136). А въ позднѣйшее время было даже дозволено закономъ вступать въ бракъ съ родною матерью или сестрою (*Diod. Laert. Prooem.* 7. *Strabo* XV, 3).

Древнѣйшая одежда персидскихъ женщинъ, вѣроятно, весьма мало отличалась отъ мужской и подобно ей дѣлалась сначала изъ звѣриныхъ шкуръ и выдѣланныхъ кожъ, а позднѣе изъ грубыхъ шерстяныхъ тканей. Со введеніемъ мидійскихъ обычаевъ, національная одежда персіянокъ, покрайней мѣрѣ высшихъ классовъ, была совершенно вытѣснена богатымъ ассиро-мидійскимъ костюмомъ. Такъ какъ ассирійскій костюмъ, по преданію (см. выше стр. 145), былъ изобрѣтенъ Семирамидою, а изобрѣтеніе мидійскаго костюма приписывается Медуѣ изъ Колхиды (*Strabo* XI, 13), то уже по этому можно предположить, что ассиро-мидійскій костюмъ былъ скорѣе женскимъ, чѣмъ мужскимъ, а слѣдовательно могъ быть принятъ персидскими женщинами безъ особенныхъ измѣненій. Поэтому, нѣкоторые изображенія Медуи, хотя и греческой работы и въ костюмѣ подражающія греческой одеждѣ, могутъ вѣроятно всё-таки служить нагляднымъ объясненіемъ

древнеазійской, а слѣдов. и древнеперсидской женской одежды. ¹ По нимъ видно, что эта одежда была во многомъ похожа на мидійскую мужскую одежду. Она также имѣла видъ широкой и длинной рубашки съ рукавами, которые закрывали или только верхнюю часть руки до локтя, или всю руку до самой кисти. Что эта одежда изготовлялась обыкновенно изъ самыхъ тонкихъ и самыхъ красивыхъ шерстяныхъ тканей — не можетъ подлежать сомнѣнію, потому что роскошные наряды западно-и малоазійскихъ женщинъ представляли персіанкамъ большой выборъ образцовъ для подражанія. А что онѣ очень любили наряжаться и убирать себя всякаго рода драгоценностями — доказывается тѣмъ, что нѣкоторые персидскіе цари дарили своимъ женамъ цѣлыя области на «поясныя деньги». ² Самыми дорогими принадлежностями женскаго наряда въ позднѣйшее время были — богато вышитая обувь (Юдиовъ XVI, 9) и драгоценный головной уборъ въ видѣ круглой шапочки съ вышитымъ золотомъ покрываломъ. Завѣшивали ли древнія персіанки свое лицо такъ совершенно, какъ принято теперь на Востокѣ — достовѣрно неизвѣстно. ³ Одежда царскихъ женъ не подлежала кажется никакимъ требованіямъ этикета. Только любимая супруга царя, пользовавшаяся одинаковымъ почетомъ съ царицею матерью, носила пурпуровыя, золотомъ протканная одежды, и царскую тиару, украшенную діадемою (Эсоиръ I, 11. II, 17; V, 1. *Heliod. Aeth.* VII, 19); но и она должна была склоняться передъ скипетромъ, который оставался исключительно знакомъ царскаго сана (Эсоиръ I, 12; IV, 11; V, 2; VIII, 3. 4).

Приведенныя нами выше свидѣтельства древнихъ писателей объ общественномъ положеніи женщинъ въ Персіи, ⁴ находятся въ противорѣчій, покрайней мѣрѣ кажущемся, съ касающимися этого предмета постановленіями священныхъ книгъ Персовъ. Постановленія эти ставятъ семейный союзъ подъ защиту религіи и строго возстаютъ противъ всѣхъ тѣхъ чувственныхъ пороковъ, которые у древнихъ авторовъ преимущественно называются «персидскими» (*Herod.* I, 135).

Книга законовъ предписываетъ Персамъ бракъ, какъ священную обязанность (*Vendid.* IV, 130 seq.) Она даетъ преимущество женатому передъ холостымъ, имѣющему дѣтей передъ бездѣтнымъ, предоставляя первому, какъ главѣ семейства, только извѣстную власть надъ остальными его членами. Обращаясь къ божеству «Гаомъ» съ молитвою «послать добрыхъ мужей старѣющимъ дѣвицамъ», она въ тоже время постановляетъ, чтобы дѣвицы не выходили замужъ ранѣе 15-ти лѣтняго возраста, чтобы онѣ берегли свое доброе имя и носили бы въ ухахъ серьги (*Іаҫна* IX, 22. *Vandid.* XIV, 66 seq.) Серьги поэтому были вѣроятно символомъ женской зрѣлости. Юноша, предающійся разврату или неестественнымъ порокамъ, выставляется въ книгѣ законовъ, какъ челоуѣкъ, отдавшійся во власть злыхъ духовъ,

¹ Сравни статью Нирт'а съ дополненіемъ Böttiger'a: über Medea und Peliden, въ *Amalthea oder Museum der Kunstmythologie etc.* Lpzg. 1820. I, 161 seq. und Tag IV. — ² Xenoph. *Anab.* I, 4. Cicero. *Verr.* III, 83. сравни. Brisson. *Regn. persarum principat.* Argent. 1710. I, 76. — ³ Strabo XI, 13; Niebuhr, *Reisebesch.* nach Arabien II, 162; 177. — ⁴ M. Duncker, *Gesch. d. Alterthums.* II. 354 seq.

«дэвовъ», и даже какъ сообщникъ ихъ (Vendid. VIII, 74 — 82. 101 — 105. XVI, 33 et seq. XVIII, 115—119).

Новорожденнымъ дѣтямъ законъ предписывалъ омывать всё тѣло, начиная съ рукъ, три раза коровьею мочеою и одинъ разъ водою. Мальчики съ пятнадцатаго года должны были носить поясъ, свитый изъ шерсти или изъ верблюжьихъ волосъ. Этотъ поясъ долженъ былъ предохранять ихъ отъ злыхъ духовъ и въ тоже время служилъ символомъ ихъ совершенности: надѣвъ его, молодые люди становились ответственными за свои поступки (Vendid. XVIII, 2—15; 23; 115). Нынѣшніе послѣдователи религіи Зороастра носятъ пояса, ссученные изъ 72 кручонныхъ верблюжьихъ волосъ или шерстяныхъ нитей.¹

Въ знакъ печали по умершимъ надѣвали на себя длинную рубашку обыкновенно темнаго цвѣта, и разрывали её отъ ворота до пояса;²—такой способъ выраженія горести былъ распространенъ во всей передней Азии. — Тѣло умершаго считалось достояніемъ злыхъ духовъ, а потому прикосновение къ нему оскверняло прикоснувшася (Vendid. V, 83 — 108; VII, 4). Для снятія скверны законъ предписывалъ очистительные обряды, состоявшіе въ омовеніи коровьею мочеою и водою (Vendid. VIII, 275, 276; XII, 1—20). Эти очищенія были усилены для людей занимавшихся погребеніемъ мертвыхъ (Vend. VIII, 29 — 37). По окончаніи погребенія, они должны были надѣть другое платье, а бывшее на нихъ во время погребенія, вытереть землею, вымыть въ коровьей мочѣ и водѣ и вывѣтрить; если же оно было запачкано какою-нибудь жидкостью разлагающагося трупа, то зарыть въ землю и предать гніенію (Vendid. VII, 30 — 36; 41—49).

Такъ какъ по религіознымъ воззрѣніямъ Персовъ огонь, вода и земля были непосредственными изліяніями божественнаго Агурамазды, тѣла же умершихъ считались нечистыми, то ихъ не сжигали и не зарывали въ землю, а оставляли на съѣденіе «чистымъ» животнымъ (Vendid. I, 48; III, 122 — 136; VII, 6 seq; 65 — 71 seq). Священные книги подъ страхомъ наказанія запрещаютъ одѣвать мертвое тѣло или закрывать его. Оно должно быть положено на носилки совершенно обнаженнымъ. Только въ томъ случаѣ, когда погребеніе приходилось отложить до другаго дня, дозволялось выносить умершаго на его собственной постель. (Vendid. VI, 106). Трупъ клали на открытомъ полѣ, лицомъ къ солнцу, и съ помощію камней, желѣза или свинца прикрѣпляли за ноги и волоса, чтобы животныя не могли растащить его костей и осквернить ими воду, землю или растенія (Vendid. V, 47, 48; VI, 95 seq).

Обычай отдавать тѣла умершихъ на съѣденіе звѣрямъ существовалъ, какъ видно изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, не у однихъ Персовъ, но также у Маговъ, вышедшихъ изъ Мидіи, у Гирканцевъ и Бактріянъ (Cicero. Tusc. Fragm. I, 45. Strabo). Но кажется, что у нихъ звѣрямъ отдавали только часть трупа, остатокъ же покрывали воскомъ и зары-

¹ Anquetil. въ F. Kleuker. Zend—Avesta III, 199 seq.—² Сравни. Karl Rosenmüller. Das alte und neue Morgenland od. Erläuterungen der heiligen Schrift u. s. w. Lpzg. 1818—20. I, 179.

вали въ землю (Herod. I, 113, 140; III, 16. Xenoph. Cyrop. VIII, 7. Strab. XV, 3). Такой способ погребенія существовалъ по крайней мѣрѣ въ старомъ персидскомъ царствѣ. Имъ исполнялось символически то, что фактически требовалось позднѣйшимъ, дополненнымъ (?) для Персїи, закономъ.

Постройки.

Строительная дѣятельность, начавшаяся въ Персїи со времени образованія ея въ могущественное царство, испытала на себѣ, кажется, тѣ же самыя чужеземныя вліянія, какъ и персидскій костюмъ. Первые зданія были вѣроятно построены мидійскими зодчими, можетъ быть подъ руководствомъ жрецовъ; затѣмъ явились архитекторы изъ Ассирїи и Вавилонїи, а въ царствованіе Камбиза и изъ Египта. Такое соединеніе художниковъ различныхъ національностей для одной и той же цѣли, должно было необходимо породить особаго рода смѣшанный архитектурный стиль. По большее разнообразіе строительнаго матеріала въ Персїи, сравнительно съ Месопотамїей и Египтомъ, было причиною, что различные, внесенные въ нее архитектурныя стили не слились въ одинъ, а остались каждый самъ по себѣ, соединяясь лишь внѣшнимъ образомъ и въ такомъ взаимномъ отношенїи, какое наиболѣе соответствовало назначенію зданія.

Остатки каменныхъ древнеперсидскихъ зданій изъ эпохи Ахеменидовъ сложены частію по ассирійскому способу — изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, частію по мидійскому — изъ тесанаго камня, а частію даже циклоническимъ (египетскимъ) способомъ. — Глину и асфальтъ доставляли въ изобилїи равнины Персїи; превосходный мраморный известнякъ добывался въ близъ лежащихъ горахъ, а обширныя лѣса давали прекрасныя сорта дерева. При постройкахъ употребляли также и металлы, не только для украшеній, но и для скрѣпленія отдѣльныхъ частей зданія. — Указанное выше соединеніе различныхъ стилей проявляется не столько въ употребленїи тѣхъ или другихъ строительныхъ матеріаловъ, сколько въ расположенїи зданій и въ недостаткѣ въ нихъ единства и связности. Древнеперсидскія зданія состояли обыкновенно (какъ мы увидимъ это ниже при подробномъ разсмотрѣнїи ихъ) изъ нѣсколькихъ, соединенныхъ между собою, обширныхъ залъ, иногда открытыхъ, иногда съ потолками утвержденными на тонкихъ колоннахъ, и толстостѣнныхъ, закрытыхъ кругомъ покоевъ съ окнами и дверями, расположенными совершенно произвольно во вкусѣ древневосточной архитектуры. Какъ въ главныхъ частяхъ зданія, такъ и въ его деталяхъ, преимущественно же въ орнаментахъ, воспроизводились порошныя или въ соединенїи почти всѣ тѣ формы, которыя уже были выработаны архитектурою остальныхъ восточныхъ народовъ. Самостоятельность древнеперсидскаго архитектурнаго стиля выразилась лишь въ легкомъ, болѣе декоративномъ, измѣненїи этихъ заимствованныхъ формъ, которое отчасти обусловливалось свойствомъ строительнаго матеріала, и въ болѣе широкомъ, сравнительно съ среднеазійскими постройками, примѣненїи стройныхъ камен-

ныхъ колоннъ, зависѣвшемъ можетъ быть тоже отъ матеріала. Но и художественно выработанная колонна, какою она уже является въ древнеперсидскихъ зданіяхъ, была произведеніемъ не персидской, а скорѣе западноили малоазійской архитектуры, и перешла въ Персію изъ Ассиріи, гдѣ она была введена уже въ гораздо древнѣйшихъ зданіяхъ временъ Сеннахирима,—во дворцѣ близъ Куюнджика (Если въ развалинахъ этого дворца не найдено никакихъ остатковъ колоннъ, кромѣ вазъ, то причину этого надобно видѣть безъ сомнѣнія въ томъ обстоятельствѣ, что въ Ассиріи—какъ и вообще въ средней Азій—столбы и колонны дѣлались преимущественно изъ дерева, какъ это и было уже замѣчено нами выше на стр. 170). Колонна играла важную роль при постройкѣ такъ любимыхъ Персами просторныхъ залъ. Эти залы были ихъ національною архитектурною формою, вытекшею изъ воспоминаній о ихъ первобытной бродячей жизни и кочеваньи въ подвижныхъ шатрахъ и подъ широкими пологами, растянутыми между стволами высокихъ деревьевъ. Потому-то всѣмъ зданіямъ Персы давали соответствовавшей ихъ національному возрѣнію характеръ шатра.

И такъ, шатеръ былъ кажется главною исходною точкою для своеобразности персидской архитектуры во время господства Ахеменидовъ. Первоначальное расположеніе и устройство его было перенесено и на жилища осѣдлага населенія.

Ж и л и щ а.

Поселеніе гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностей восточнаго Ирана еще и понынѣ живетъ большею частью въ деревянныхъ домахъ (фиг. 153). Въ

Фиг. 153.

главныхъ чертахъ своихъ, эти дома чрезвычайно похожи на просторные,

прочно устроенные шатры нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ, а потому они не только могутъ служить типомъ древнихъ осѣдлыхъ жилищъ, но и представляютъ превосходный образецъ древнѣйшихъ деревянныхъ колончатыхъ построекъ. По такому образцу строились вѣроятно и болѣе обширныя и богатяя жилища позднѣйшихъ Персовъ, тѣ «палаты со столбами, перекладинами, окнами и зубцами», о которыхъ упоминается въ ихъ священныхъ книгахъ (Vendidad XVIII, 65, 66). Даже и дома нынѣшнихъ Персіанъ¹ своею легкостью и стройностью, своими пестро раскрашенными фасадами, своими плоскими крышами, тонкими колоннами и цвѣтными занавѣсами внутри, напоминаютъ эти старинныя шатровидныя зданія.

Первыя значительныя постройки въ Мидіи приписываютъ возстановителю мидійскаго царства, Дейоку. Геродотъ (I, 98 seq.) рассказываетъ, что Дейокъ построилъ себѣ укрѣпленный дворецъ и тѣмъ положилъ основаніе городу—Экбатанѣ, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась столицей мидійскаго царства и вмѣстѣ его главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ со стороны Ассиріи. Старинный укрѣпленный городъ Рага, на парянской границѣ, мало по маду утратилъ свое значеніе и пришолъ въ упадокъ, а новая столица быстро разрослась въ обширный городъ и наполнилась великолѣпными дворцами и укрѣпленными зданіями.²

По свидѣтельству древнихъ писателей, жилище царей мидійскихъ въ Экбатанѣ имѣло въ окружности 7 стадіевъ. Оно состояло изъ соединенія нѣсколькихъ зданій, посреди которыхъ стоялъ собственно дворецъ, заключавшій въ себѣ и государственную сокровищницу. Вся эта группа зданій была обнесена 7-ю концентрическими стѣнами (числомъ, считавшимся священнымъ), сложенными изъ четверугольныхъ камней. Стѣны, какъ видно изъ книги Іудіи (I, 1 — 5), имѣли 70 локтей (или около 100 фут.) вышины и 30 локтей толщины. На стѣнахъ были построены четырехугольныя башни въ 20 локтей ширины и 100 локт. вышины.

По господствовавшему обычаю, Экбатанскій дворецъ былъ построенъ на холмѣ. Главный корпусъ, или дворецъ собственно, гдѣ жилъ самъ царь, занималъ вершину холма, а вокругъ него, по скатамъ, были расположены остальные дворцовыя зданія и окружавшія ихъ стѣны. Какъ зданія внутри стѣнъ, такъ и самыя стѣны опоясывали холмъ постепенно понижающимися рядами, такъ что надъ однимъ рядомъ зданій возвышался другой, и изъ за зубцовъ одной стѣны были видны зубцы слѣдующей стѣны. Стѣнные зубцы были цвѣтные — можетъ быть обложены цвѣтными черепицами³ — и притомъ на каждой стѣнѣ особаго цвѣта, такъ что всѣ семь рядовъ ихъ представлялись семицвѣтнымъ поясомъ, составленнымъ изъ бѣлой, черной, пурпуровой, голубой, красной, серебряной и золотой полосъ, изъ которыхъ бѣлая была нижняя или внѣшняя, и золотая — верхняя или внутренняя (Herod. I, 98).

Уже по этому украшенію внѣшнихъ стѣнъ можно судить о великолѣпнн царскаго дворца. Онъ былъ деревянный, изъ кипарисоваго и кедроваго дерева, но дерева въ немъ нигдѣ не было видно. Перекладины на потолкахъ, стѣны,

¹ Ср. рисунокъ персидскаго дома у Texier, pl. 79. — ² M. Duncker. Gesch. d. Al-erth. II, 422. — ³ O. Müller. Archaeol. der Kunst. § 243.

колонны и столбы въ залахъ и покояхъ, были обложены серебряными и золотыми листьями. Даже и кровля была покрыта такими листьями (Polyb. V. 44. X, 27). Если всё это богатство, остатки котораго нашель еще Александръ Македонскій и находили послѣ него позднѣйшіе завоеватели, постепенно исчезло изъ Экбатаны, то за ней еще долго держалась слава сильно укрѣпленнаго города. Не одни персидскіе цари, но и Александръ хранилъ преимущественно въ ней свои сокровища ¹ (Aegian. Anab. III, 19. Dioid. XVII, 80; Strabo XV, 3).

Резиденціею Ахаменидовъ были Пасаргады. Предки Кира избрали это мѣсто для своего пребывания и укрѣпили его. Киръ выстроилъ въ немъ новый царскій дворецъ и бѣдное дотогѣ мѣстечко превратилось въ настоящій городъ. (Strabo XV, 3; Curtius V, 6, 10). Но съ развитіемъ роскоши при дворѣ персидскихъ царей и съ увеличеніемъ числа придворныхъ вельможъ, чиновниковъ и т. д. потребовалось болѣе обширное и болѣе роскошное помѣщеніе для персидскаго двора. Поэтому преемникъ Кира, Камбизъ, переѣхалъ изъ Пасаргадъ въ богатая и «по-вавилонски» выстроенныя Сузы (Strabo XV, 3), которыя, благодаря своему болѣе выгодному, сравнительно съ Пасаргадами, положенію, и остались главною столицею персидскихъ царей. Каждый изъ нихъ выстраивалъ себѣ въ Сузахъ особый дворецъ, который дѣлался какъ-бы монументальнымъ архивомъ его царствованія и главною сокровищницею его царства (Herod. V, 49. Plin. VI, 28). — Въ Сузахъ сидѣлъ Агасеръ (Кс'гарса; Ксерксъ? — Артаксерксъ) на престолѣ своего царства и въ третій годъ своего царствованія «сдѣлалъ пиръ для всѣхъ князей своихъ и для служащихъ при немъ, для главныхъ начальниковъ войска Персидскаго и Мидійскаго, и для правителей областей своихъ, показывая великое богатство царства своего и отличный блескъ величія своего, въ теченіе многихъ дней, ста восьмидесяти дней»; и другой пиръ, семидневный, «для всѣхъ жителей Сузъ, отъ большаго до малаго». Этотъ пиръ былъ устроенъ «на садовомъ дворѣ дома царскаго». «Бѣлыя бумажныя и яхонтоваго цвѣта шерстяныя ткани, прикрѣпленныя виссошными и пурпуровыми шнурами, висѣли на серебряныхъ кольцахъ и мраморныхъ столбахъ. Золотыя и серебряныя лежа были на помостѣ, устланномъ камнями зеленаго цвѣта, и мраморомъ, и перламутромъ, и камнями чоршаго цвѣта. Папитки подаваемы были въ золотыхъ сосудахъ, и сосудахъ разнообразныхъ, цѣною въ тридцать тысячъ талантовъ; и вина царскаго было множество, по богатству царя». (Есоиръ I, 2—8). — Этотъ такъ великолѣпно убранный дворецъ, былъ вѣроятно однимъ изъ тѣхъ обширныхъ, вѣнчаныхъ дворовъ, которые были обнесены колончатými галлереями и вмѣщали въ себѣ сады и водоемы (Есоиръ VI, 4. VII, 7. 8). Входъ же во внутренній дворецъ царскаго жилища былъ запрещенъ подлѣ страхомъ смерти (Есоиръ IV, 41. Herod. III, 77). Этотъ дворецъ — по всей вѣроятности четвероугольное, окруженное портиками открытое пространство — лежалъ передъ соб-

¹ Объ изслѣдованіяхъ относительно положенія старой Экбатаны, развалины которой хотять видѣть въ Тахт-и-Созейманъ, въ Азербиджанѣ, и новой Экбатаны (нынѣшня. Гамаданъ; Ахмета; Гагажати) см. W. Vanх, Assyrien und Persepolis etc. 208 seq.; 310 seq.; 216 seq.

ственными покоями царя. Прямо противъ середины двора были царскіе ворота — то мѣсто, гдѣ царь, «сидя на тронѣ своемъ», показывался народу. (Есеирь V, 1).

Со времянь Дарія, у персидскихъ царей вошло въ обычай ежегодно въ концѣ весны удаляться со всеѣмъ своимъ дворомъ изъ Сузъ въ прохладную Экбатану, а къ зимѣ переезжать въ Вавилонъ, гдѣ климатъ былъ теплѣе (Хенорф. Анаб. III, 5. Плут. Артах. с. 19). Если родовой городъ персидскихъ царей — старинные Пасаргады, и былъ исключенъ изъ числа временныхъ резиденцій царскаго двора, то все таки царь обязанъ былъ посѣтить его хотя разъ въ годъ. Этого требовалъ старинный освященный закономъ обычай, предписывавшій также чтобы и въчашіе персидскихъ царей на царство совершаемо было непременно въ Пасаргадахъ, и притомъ по старинному уставу. Кромѣ того Пасаргады были мѣстомъ многочисленнаго стеченія народа для уплаты дани и податей, что въислѣдствіи и побудило Дарія предпринять въблизи города постройку обширнаго дворца. ¹ Онъ выбралъ для него живописную долину, лежащую въ 10 миляхъ отъ города къ сѣверу и прилегающую къ горамъ, откуда можно было добывать превосходный строительный матеріалъ.

Дарію однакожь не дожилъ до окончанія постройки. При немъ была отстроена только небольшая часть дворца, который, кажется, такъ и остался недостроеннымъ, не смотря на то, что преемники Дарія, особенно Керекъ, ревностно заботились объ его окончаніи. Дворецъ этотъ, выстроенный изъ самыхъ дорогихъ матеріаловъ и сильно укрѣпленный, вмѣщалъ въ себя несметныя богатства. Когда онъ былъ сожженъ Александромъ и разграбленъ его солдатами, подъ развалинами его было найдено такъ много золота и серебра, отчасти расплавившихся, что ихъ нужно было перевозить въ Сузы на вьючныхъ животныхъ (Диод. XVII, 70 seq. Curt. V, 6, 7 *Agriani*. Анаб. III, 16).

Развалины этого колоссальнаго строенія покрываютъ такъ называемую теперь равнину Мердашты. Арабы называютъ ихъ Тахъ и-Джемшидъ (тронъ Джемшида) или Чигиль-минаръ (сорокъ столбовъ). Даже въ настоящемъ своемъ видѣ оправдываютъ онѣ дошедшія до насъ разсказы греческихъ писателей о великолѣпнѣи обширныхъ зданій, названныхъ ими Персеполеемъ (городомъ Персовъ).

Развалины Персепольскаго дворца стоятъ на скалистомъ возвышеніи, превращенномъ въ продолговатую четырехстороннюю платформу (фиг. 134), стороны которой въ точности соответствуютъ четыремъ странамъ свѣта. Длина платформы (въ направленіи отъ сѣвера къ югу) составляетъ около 1400 фут. * а ширина отъ 800 до 900 фут. Восточную свою сторону платформа упирается въ отвѣсно возвышающіеся надъ нею утесы Рахмета, а остальными тремя выдается на окружающую равнину прямолинейно об-

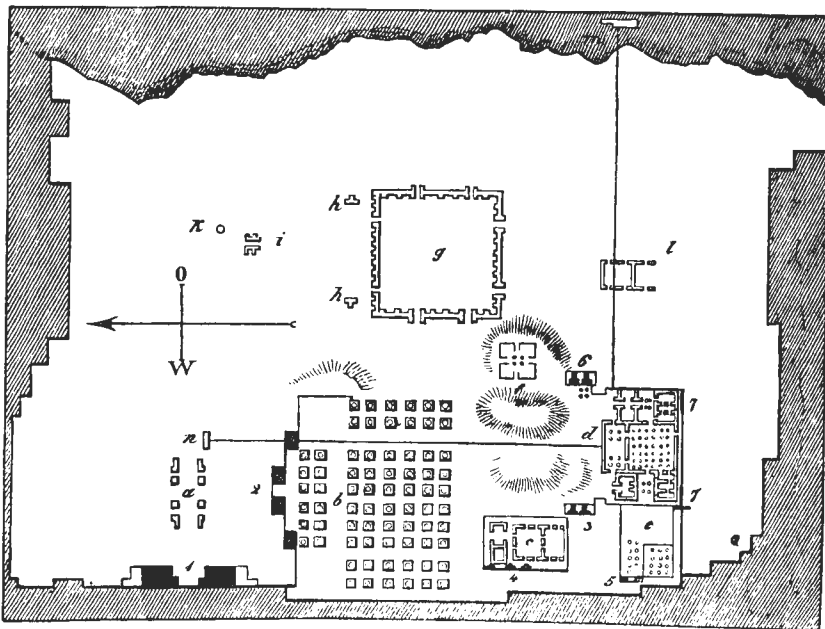
¹ Ch. Lassen, *Altpers. Keilschriften*, 139; 148, Vanx, *Nineve u. Persepol*, 277. Bonomi, *Nivech and its palaces*, 114 seq.

* Длина платформы въ оригиналѣ показана въ 400 фут. слишкомъ (*über 400 Fuss*); но стоитъ взглянуть на приложенный рисунокъ, чтобы увидѣть, что это ошибка. У Дункера даны другіе размѣры платформы, а именно: длина — 1800 фут., ширина около 1200 фут. (*Duncker Gesch. d. Alterth.* II 682). Пер.

равненнымъ и отвѣсно срубаннымъ уступомъ, бока котораго были обложены большими четырехугольными кусками мѣстнаго мрамора, искусно соединенными между собою безъ всякаго цемента. Первоначально платформа могла имѣть около 50 фут. вышины, такъ какъ и теперь еще, полузаваленная обломками и мусоромъ, она поднимается на 20, а мѣстами и на 30 фут. надъ окружающею равниною. Поверхность платформы представляетъ нѣсколько болѣе или менѣе высокихъ уступовъ, изъ коихъ главныхъ два: одинъ, въ 8 фут. вышины и въ 138 ф. ширины, занимаетъ середину передней стороны платформы; другой, въ 10 фут. вышины, идетъ параллельно первому съ правой или южной его стороны. На послѣднемъ уступѣ сохранилось болѣе всего развалинъ, поэтому можно предположить, что главнѣйшія и великолѣпнѣйшія изъ дворцовыхъ зданій стояли на немъ.

На платформу ведетъ колоссальная лѣстница въ два входа (фиг. 154, 1), сложенная изъ гладко вытесанныхъ мраморныхъ глыбъ такой толщины, что нѣрѣдко въ одной глыбѣ вырублено до 10 и даже до 15 ступеней (фиг. 155). Ступени впрочемъ очень низки и вся лѣстница такъ отлога, что по ней можно удобно вѣзжать верхомъ, а ширина ея позволяетъ ѣхать десяти всадникамъ рядомъ.

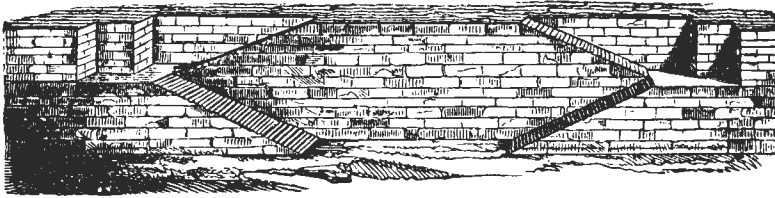
Фиг. 154.

Поднявшись на самую верхнюю площадку лѣстницы (фиг. 154, 1) и идя прямо передъ собою на востокъ, путешественникъ встрѣчаетъ остатки колоссальнаго портала (фиг. 154, а). Это былъ главный проходъ къ дворцовымъ зданіямъ, стоявшимъ за крѣпкою стѣною изъ каменныхъ плитъ отъ 4 до 6 фут. толщины, остатки которой поднимаются еще и теперь на 40 ф. надъ платформою. Отъ портала, ширина котораго въ пролетѣ равняется

13 фут., остались только четыре столба. Передъ каждымъ столбомъ стоитъ по колоссальному (18 ф. длины) каменному животному, въ родѣ тѣхъ, которыя стояли при входахъ ассирійскихъ дворцовъ. Два изъ этихъ животныхъ обращены головами къ лѣстницѣ, а два къ горѣ. Между животными,

Фиг. 155.

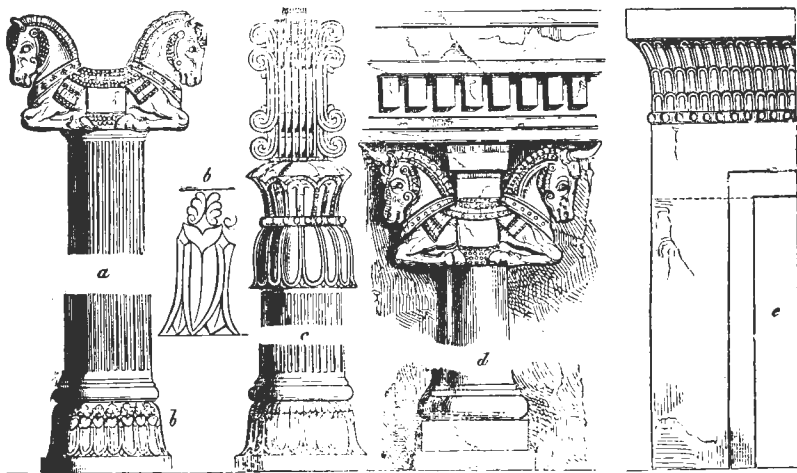
по угламъ образуемаго ими 20-ти фут. квадрата, возвышались 4 колонны, отъ которыхъ остались только двѣ. Колонны эти были вѣроятно соединены съ главными порталными столбами посредствомъ архитравовъ (деревянныхъ?) и составляли съ ними полный портикъ. Вышина колоннъ—45 фут., толщина у базы—13 фут. 10 дюймовъ. По стержню ихъ, который кверху постепенно утончается, идутъ 39 канелюръ въ 4 дюйма ширины каждая.—Всё пространство за порталомъ завалено кучами мусора, среди которыхъ видны только остатки цистерны (фиг. 154, n) и, дальше къ востоку, развалины другаго портала съ фигурами быковъ (фиг. 154, i) и база колоссальной колонны (фиг. 154, k). Прямо противъ вышеупомянутаго портика (фиг. 154, a) и въ 160 фут. отъ него къ югу, встрѣчается опять великолѣпная лѣстница о двухъ всходахъ (фиг. 154. 2), которая ведетъ на первый изъ описанныхъ уступовъ. Бока лѣстницы покрыты барельефами, которые тянутся одни надъ другими горизонтальными полосами и представляютъ, вѣроятно, одно изъ тѣхъ народныхъ собраній, * для которыхъ главнымъ образомъ и предназначались стоявшія на томъ уступѣ зданія.

Развалины этихъ зданій, состоящія изъ остатковъ стѣнъ, разбитыхъ облицовокъ дверей и оконъ, и обломковъ большого количества колоннъ (фиг. 154, b), занимаютъ пространство отъ 350 до 380 фут. длины. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ стѣнныхъ надписей, зданія, стоявшія первыми отъ края уступа, были построены Даріемъ (Гистаспомъ) и Ксерксомъ. (На одной изъ пилястръ видна еще и теперь рельефная фигура царя въ мидійской одеждѣ и въ сопровожденіи зонтиконосца и опахалоносца. Эту фигуру принимаютъ за портретное изображеніе самаго основателя Персеполя — Дарія (фиг. 150, a). Въ числѣ этихъ зданій былъ вѣроятно и дворецъ собственно или, какъ гласитъ надпись, — «домъ собранія». ** Изъ остатковъ его прежде

* Въ подлинникѣ стоитъ—Nationalversammlungen. Пер.— ** По Дунгеру (Gesch. des Alterth. II, 689) этотъ «домъ собранія» былъ открытый портикъ, гдѣ собирались «нареченные родственники и застольники» царя, его придворные, послы и депутаты отъ провинцій, привезшіе дани, и откуда они переходили въ большую залу, гдѣ царь давалъ имъ аудіенцію. Дунгеръ прибавляетъ, что такое назначеніе портика явствуетъ изъ барельефовъ, высѣченныхъ на передней стѣнѣ возвышенія, на которомъ онъ стоялъ. Этимъ объясняется и надпись «домъ собранія», на которой авторъ, повидимому, основалъ свое предположеніе о народныхъ собраніяхъ и о постройкѣ для нихъ Даріемъ особаго великолѣпнаго дворца. Пер.

всего обращают на себя внимание обломки 72 колоннъ. Колонны эти, какъ видно по мѣстамъ гдѣ онѣ стояли, были расположены четырьмя группами и составляли обширный портикъ. Средняя группа состояла изъ 6 рядовъ колоннъ, по 6 въ каждомъ ряду. Въ 20 футахъ отъ нея, съ сѣвера, запада и востока, шли три колониады въ 12 колоннъ каждая (фиг. 154, в). Колонны боковыхъ колониадъ имѣютъ отъ 60 до 64 фут. вышины и 5 фут. въ диаметръ у базы. Стержень ихъ покрытъ мелкими каштелюрами и кверху утонченъ. Онѣ стоятъ на красиво обдѣланныхъ базахъ въ формѣ опрокинутой чаши, и оканчиваются вмѣсто каштелей, однѣ — пучками вертикально поставленныхъ волютъ (фиг. 156, с), другія — высѣченными изъ камня полуфигурами быковъ и единороговъ ¹ (фиг. 156, а, в). Колонны средней группы нѣсколько ниже боковыхъ; но разница въ вышнѣ уравнивалась тѣмъ, что помость подъ ними была поднята и образовала возвышеніе, средину котораго вѣроятно занималъ царскій тронъ. Здѣсь царь, окруженный своими вельможами, принималъ представителей покоренныхъ имъ народовъ и привезенныхъ ими данн; царскіе тѣлохранители и стражи располагались въ боковыхъ колониадахъ, а низшіе придворные служители стояли внизу, внѣ портика.

Фиг. 156.

Ни отъ кровли этого портика, ни отъ кровель другихъ зданій не уцѣлѣло ни малѣйшаго обломка. Между тѣмъ несомнѣнно, что если не всѣ зданія, то покрайней мѣрѣ большая ихъ часть были покрыты. Поэтому надобно предположить, что кровли были деревянныя, изъ пальмоваго или кедроваго дерева, обшитыя серебряною или золотой жестию, какъ въ Сузахъ и Экбатанѣ, и по непрочности матеріала не могли сохраниться. Изъ барельефа на одной гробницѣ видно, что кровли дѣлались обыкновенно плоскія; деревянныя стропила утверждались на деревянныхъ же брускахъ или перекладинахъ, которыя въ свою очередь клались непосредственно на скульптурныя фигуры, замѣнявшія на колоннахъ каштели (фиг. 156, d; сравн. фиг. 153).

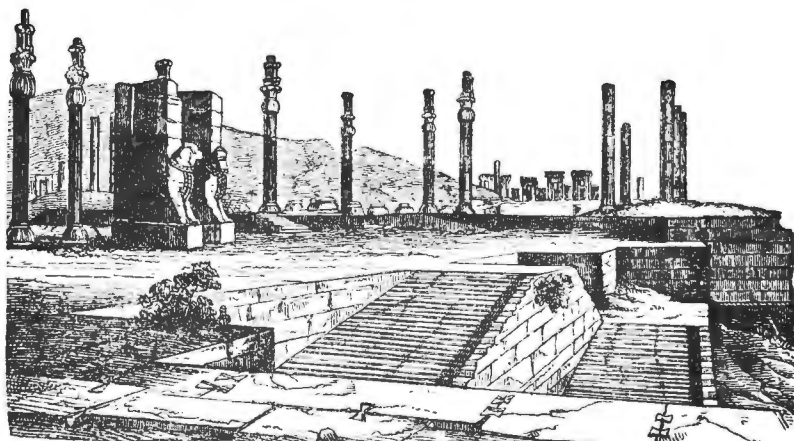
¹ Предполагаютъ, что и надъ волютами были такія же фигуры животныхъ.

Не вѣроятно, что на крышѣ дворца устроивался родъ помоста или возвышенія, ¹ на которомъ царь совершалъ жертвоприношенія ².

Площадь второго главнаго уступа, лежащаго направо отъ Чигиль-Минарь (такъ называютъ Арабы собственно развалины портика), покрыта нѣсколькими невысокими террасами. И на этотъ уступъ вела великолѣпная лѣстница съ скульптурами (фиг. 154, 4), теперь совершенно развалившаяся. Нѣсколько далѣе на юго-востокъ видны остатки другой лѣстницы (фиг. 154, 3) съ надписями и колоссальными фигурами. Наконецъ, еще южнѣе, встрѣчается третья лѣстница (фиг. 154, 5); по ней всходятъ на одну изъ террасъ на которой стояли жилые царскіе покои—столовая, мыльни, приемныя залы и т. д. (фиг. 154, с, е). Рядомъ съ этими покоемъ и въ связи съ ними, но на отдѣльной террасѣ, на которую вели двѣ большія лѣстницы (фиг. 154, 7, 7), возвышалась обширная храмина съ большимъ количествомъ колоннъ (фиг. 144, d). Отъ нея осталась только нѣсколько дверныхъ и оконныхъ косяковъ или рамъ, высѣченныхъ изъ колоссальныхъ монолитовъ, отъ 10 до 15 фут. толщины, и обведенныхъ выгнутымъ египетскимъ карнизомъ съ листовымъ орнаментомъ (фиг. 156, е); самыя же стѣны совершенно исчезли: вѣроятно онѣ были сложены изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ, который постепенно вывѣтрѣлъ, обсыпался и былъ размытъ дождемъ.

У восточнаго края этой группы зданій замѣтны слѣды канала; они идутъ не вдаль отъ четвертой лѣстницы (фиг. 154, 6) и прилегающихъ къ ней остатковъ зданія (фиг. 154, f), проходятъ подъ развалинами другого, одинако стоящаго зданія (фиг. 154, 6) и продолжаются до бассейна (фиг. 154, m), вырытаго въ горѣ Рахметъ. Этотъ каналъ соединялся съ цистерною (n), и вѣроятно снабжалъ водою дворцовыя фонтаны и водоемы.

Фиг. 157.

Изъ остальныхъ развалинъ, покрывающихъ платформу, заслуживаютъ замѣчанія остатки зданія, имѣющаго видъ четырехугольника въ 210 футовъ

¹ См. ниже, фиг. 161, b. — ² James Fergusson. The illustrated Handbook of Architecture. Vol. I. Fig. 141.

длины съ каждой стороны, съ обломками ста колоннъ (фиг. 154, g) и стѣнъ колоссальнаго портала съ изваяніями быковъ (фиг. 154, h, h). Объ остаткахъ другого портала съ такими же быками, лежащихъ далѣе на востокъ (фиг. 154, i), и о видимой неподалеку отъ нихъ базѣ колоссальной колонны (фиг. 154, k), было уже говорено выше.

Всѣ перечисленные нами развалины принадлежали, кажется, исключительно зданіямъ, построеннымъ при Даріи и Ксеркѣ; отъ построекъ же ихъ преемниковъ, съ неменьшею ревностью продолжавшихъ украшать Персеполь новыми зданіями, — какъ это подтверждается надписями по крайней мѣрѣ относительно Атраксеркса — не осталось никакихъ слѣдовъ.

Не смотря на сильное разрушеніе, съ теченіемъ времени постоянно усиливающееся, развалины Персеполя представляють и въ настоящемъ своемъ видѣ величественное зрѣлище (фиг. 157). Если, для полноты общей картины, мы прибавимъ, что Персеполь былъ окруженъ, по словамъ Діодора (XVII, 71), двумя стѣнами, изъ коихъ внѣшняя имѣла 16 локтей, а внутренняя 32 локтя вышины, и что самая платформа была сверхъ того укрѣплена мѣдными палисадами съ бронзовыми воротами, то удивленіе Грековъ при видѣ дворца, равно какъ и имя Персеполь — городъ Персовъ, — которымъ они его назвали, станутъ для насъ понятны.

Царскія гробницы.

Онѣ высѣчены въ утесистомъ склонѣ горы Рахмета, поднимающемся на 900 фут. надъ Персеполемъ съ восточной его стороны, и лежать почти на доловинѣ высоты утеса. По нимъ и самая гора Рахметъ называлась прежде «горою царей» (Diod. XVII, 71), а со времени Сассанидовъ, гробницы которыхъ лежатъ на 300 фут. ниже, стала называться Нахшъ-и-Рустемъ (изображенія Рустема). Гробницы древнеперсидскихъ царей (Ахаменидовъ) устроены всѣ одинаковымъ образомъ. Снаружи онѣ имѣють видъ выпукло вырубленныхъ въ скалистой стѣнѣ фасадовъ около 130 фут. вышины и 72 фут. ширины¹. Каждый фасадъ раздѣленъ горизонтально на двѣ части — верхнюю и нижнюю. Нижняя часть отдѣлана чисто архитектурически, а верхняя покрыта преимущественно изображеніями. Такъ напр. на фасадѣ одной изъ самыхъ богатыхъ гробницъ, представленъ царь, приносящій жертву на кровлѣ своего дворца. Нижняя часть фасада изображаетъ царское жилище въ видѣ четырехъ колоннъ съ запертою дверью между средними колоннами. Надъ колоннами, въ продолговатомъ углубленіи около 12 фут. длины и 7 фут. ширины, составляющемъ верхней отдѣлъ фасада гробницы, представленъ родъ подмостковъ о двухъ ярусахъ, поддерживаемыхъ каждый четырнадцатью фигурами (см. ниже фиг. 161, b). На верху подмостковъ, на возвышеніи о трехъ ступенькахъ, стоитъ царь и молится передъ жертвенникомъ; онъ съ обнаженной головой, одѣтъ въ мидійскую широкую одежду, и въ лѣвой рукѣ держитъ лукъ. Между царемъ и жертвенникомъ видѣнъ «ферозъ» — символическая фигура въ видѣ кольца съ тремя крыльями, окружающаго грудное изображеніе царя. На узкихъ боковыхъ

¹ Texier. Pl. 123—126 seq. Fergusson. T. I; E. Guhl und Caspar Denkm. d. Kunst etc. A. Taf. 7.

стѣнахъ углубленія, въ девяти отдѣленіяхъ, расположенныхъ одно подъ другимъ, представлены тѣлохранители царскіе, на одной стѣнкѣ—въ мидійской, на другой—въ древнеперсидской одеждѣ. Внутренность этой гробницы (какъ и всѣ остальные она была заложена на-глухъ массивною дверью, которую нужно было взорвать, чтобы войти въ гробницу) состоитъ изъ четыре-угольной комнаты въ 40 фут. длины и 20 фут. ширины, и трехъ прилегающихъ къ ней небольшихъ камеръ. Въ эти камеры вѣроятно складывались тѣла умершихъ, или, какъ предполагаетъ Шибуръ ¹, однѣ ихъ кости. Только въ одной гробницѣ въ Факракахъ, которая во всемъ похожа на Персеполюскія, найдены колонны съ округленными базами и капителями. Онѣ стояли, по двѣ въ рядъ, по сторонамъ гробничнаго входа о нѣсколькихъ ступеняхъ ².

Въ числѣ Персеполюскихъ гробницъ находится и гробница Дарія Гистаспа, обозначенная надписью ³. Гробница Кира лежитъ не подалеку отъ развалинъ Пасаргадъ, на нынѣшней равнинѣ Мургаба. Устройство ея совершенно иное: это свободно стоящее зданіе, въ которомъ элементы древне вавилонскаго стиля соединены съ формами почти греческой архитектуры. ⁴

Фиг. 158.

Гробница состоитъ изъ четырехугольной подстройки о 6 уступахъ, сложенной изъ мраморныхъ плитъ, и стоящаго на ней небольшого зданія съ двухскатною крышею, двумя фронтонами и небольшою дверью (фиг. 158), которое заключало въ себѣ останки Кира. Разсыянные на большое пространство вокругъ гробницы обломки колоннъ, остатки стѣнъ и пр. показываютъ, что она была окружена со всѣхъ сторонъ обширными постройками, которыя, быть можетъ, отчасти служили какъ бы архитектурнымъ дополненіемъ къ гробницѣ, а отчасти были назначены для отправленія погребальныхъ обрядовъ или поминовеній по усопшемъ (?), а также и для помѣщенія маговъ, которымъ было ввѣрено охраненіе гробницы (Arrian. Anab. VI, 29; Plato. Alex. 69; Curt. X, I; Strab. XV, 3; Plin. VI, 29).

Хотя у приведенныхъ нами писателей и есть извѣстіе о томъ, что на описанной гробницѣ еще при Александрѣ существовала надпись, гласившая: «человѣкъ! я Киръ, который доставилъ господство Персіи и былъ господиномъ

¹ Reisebeschr. von Arabien II, 155.—² Vau x. Nineveh und Persepolis, 224.—
³ Chr. Lassen. Zeitschr. für d. Kunde des Morgenlandes VI, 81. Benfey, Keilinschriften, 56 seq.—⁴ Kugler. Gesch. der Baukunst I 99.

Азии»; но такъ какъ все они жили уже въ то время, когда персидское царство было близко къ паденію или даже пало, въ древнѣйшихъ же извѣстіяхъ о смерти Кира старшаго (Herod. I, 214; Xenoph. Cyrop. VIII, 7) нѣтъ никакихъ указаній на погребеніе его въ Пасаргадахъ, то на основаніи этого, а еще болѣе на основаніи своеобразной архитектуры гробницы, можно, кажется, высказать предположеніе, что она была гробницею не старшаго Кира, а Кира младшаго, который былъ особенно друженъ съ Греками. Передаваемое Ксенофонтъ (Anab. I, 8, 10. III, 1) извѣстіе о его смерти не противорѣчитъ этому предположенію; съ нимъ согласно также и описаніе первоначальнаго устройства гробницы въ Пасаргадахъ.

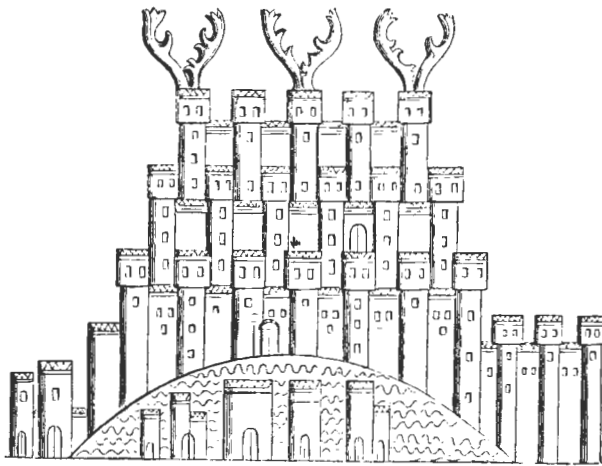
По этому описанію, гробница заключала въ себѣ золотой саркофагъ, поставленный на золотыя носилки и накрытый дорогими вавлонскими коврами, и драгоценныя царскія одежды, украшенія и оружіе. Что касается саркофага, то разсказъ о немъ по всей вѣроятности преувеличенъ; царскіе же одежды и оружіе могли быть положены точно также и въ гробницу Кира младшаго. Если наконецъ принять въ соображеніе, что Киръ младшій, будучи правителемъ сатрапій Лидійской, Фригійской и Каппадокійской (Xenoph. Anab. I, 9), поднялъ оружіе противъ своего брата Артаксеркса II (Мемнона) чтобы самому стать царемъ, но былъ нѣмъ побѣжденъ и потерялъ жизнь въ сраженіи, которое проигралъ, то этимъ объясняется, можетъ быть, причина, почему онъ былъ погребенъ не въ священныхъ гробницахъ Персеполя, а вдали отъ нихъ, какъ побѣжденный мятежникъ, хотя и царской крови. (Извѣстно, что тѣло Дарія, погибшаго вдали отъ Персеполя, было отослано туда Александромъ для погребенія въ гробницахъ Ахемидовъ (Argian. Anab. III, 22). — Высказанное нами предположеніе не опровергается и тѣмъ обстоятельствомъ, что гробница, о которой идетъ рѣчь, стоитъ не подалеку отъ того мѣста, гдѣ еще донынѣ видно упомянутое выше, старинное изображеніе Кира (фиг. 145), съ надписью: я Киръ царь, Ахеменидъ. Точно также не можетъ служить опроверженіемъ ему и древнеперсидскій стиль колоннъ, которыя окружали гробницу и отъ которыхъ остались теперь обломки, такъ какъ эти колонны могли быть обдѣланы въ старинномъ стилѣ независимо отъ гробницы.

Выше было замѣчено, что какъ Персеполь, такъ и Пасаргады, были не только великолѣпно обстроены, но и сильно укрѣплены. Персеполь, подобно дворцамъ асирійскимъ, вавлонскимъ и мидійскимъ, былъ вмѣстѣ и дворцомъ и крѣпостью. Пасаргады были окружены стѣнами съ башнями и рвами. Не одиѣ только столицы, но и другіе значительные города царства были снабжены укрѣпленіями, или заключали въ себѣ укрѣпленные замки, въ которыхъ жили сатрапы и помѣщался болѣе или менѣе многочисленный гарнизонъ¹. Даже и такой, первоначально не важный городъ, какъ Сардесъ, былъ защищенъ крѣпостью, которая лежала на крутой скалѣ и была обнесена тройною каменною стѣною. (Herod. V, 101. Argian. Anab. I, 7). Въ Целенахъ Ксерксъ построилъ укрѣпленный замокъ, окруженный такимъ обширнымъ паркомъ, что въ немъ могло стоять лагеремъ болѣе 12000 вой-

¹ Heeren. Ideen. etc. I (1), 150 seq.—Düncker op. cit. II, 652 seq.

ска, не говоря уже о больших охотах, которые въ немъ собирались. (Xenoph. Anab. I, 2. Arrian. Anab. I, 29). Все эти укрѣпенія стояли на возвышенныхъ мѣстахъ и вѣроятно были построены по образцу мидійскихъ крѣпостей. Какъ и старшая мидійская крѣпость на пароянской границѣ — Рага, они состояли изъ центрального укрѣпенія, обнесеннаго нѣсколькими концентрическими стѣнами съ башнями (Vendidd. I, 60), а потому походили вѣроятно на тѣ, конечно условно исполненныя, изображенія неассирійскихъ крѣпостей, которыя встрѣчаются на нѣкоторыхъ ассирійскихъ барелефахъ (фиг. 159).

Фиг. 159.

Изъ развалинъ древнеперсидскихъ укрѣпленій, самыя значительныя, и можетъ быть самыя древнѣйшія, лежатъ въ пяти миляхъ отъ Персеполя, на вершинѣ конусообразной горы, возвышающейся на 1200 фут. при входѣ въ долину Мердашта. Онѣ извѣстны подъ именемъ развалинъ Истахра, по четыремъ неравной величины бассейнамъ (истахръ), слѣды которыхъ видны внутри обвалившихся крѣпостныхъ стѣнъ съ остатками нѣсколькихъ башенъ и воротъ.

Кромѣ большихъ крѣпостей, въ разныхъ мѣстахъ персидскихъ владѣній, преимущественно же на восточныхъ и сѣверныхъ границахъ ихъ, были построены небольшія отдѣльныя укрѣпенія или форты; сверхъ того, наиболѣе удобные проходы въ пограничныхъ горахъ были загорожены каменными стѣнами съ брѣвками деревянными или даже металлическими воротами (Xenoph. Anab. II, 4. Arrian. Anab. IV, 2).

При осадѣ крѣпостей, Персы употребляли тѣже орудія и приемы, какъ и Ассирійцы (Herod. I, 162). Сильно укрѣпленныя крѣпости, противъ которыхъ эти средства оказывались несостоятельными, они старались взять хитростью и внезапнымъ нападеніемъ, или же подрывались подъ крѣпостныя стѣны, тратя на это пропасть времени и силъ. Такъ напр. утомленные продолжительною осадю Вавилона, Персы пытались измѣнить теченіе Евфрата, чтобы по осушенному его руслу войти въ городъ (Xenoph. Сугор. VII, 5; Herod. I, 84; 189, 191; II, 154, seq.)

Если Персы не подвинули вперед осадного дѣла, за то они усовершенствовали построение военного стана. Сдѣланныя въ этомъ отношеніи улучшения приписываютъ Киру (Хенорф. Сугор. VIII, 5). Царскій шатеръ ставился постоянно на восточной сторонѣ стана (можетъ быть въ силу релігіозныхъ соображеній) ¹. Вокругъ него располагались шатры приближенныхъ царя, за ними—ставки всадниковъ и возничихъ, къ которымъ справа и слѣва примыкали ставки копейщиковъ и стрѣлковъ. Хлѣбопекамъ отводилось особое мѣсто на правой сторонѣ стана, поварамъ — на лѣвой; лошади ставились также на правой сторонѣ, а вьючныя животныя и убойный скотъ — на лѣвой. Наконецъ, ставки тяжеловооруженныхъ располагались по окружности стана, охватывая, какъ стѣной, всё въ немъ находившееся. Чтобы быть готовыми къ отпору въ случаѣ внезапнаго нападенія, воины обязаны были ложиться спать не иначе, какъ построившись сначала въ ряды. При продолжительной стоянкѣ, станъ окружали валомъ и рвомъ.

На ставкахъ полководцевъ и начальниковъ разныхъ отрядовъ выставлялись особые знаки. Ставка или шатеръ царя отличался отъ всѣхъ остальныхъ своей обширностью и своимъ убранствомъ. Въ немъ было особое отдѣленіе для царскихъ женъ и просторное помѣщеніе, гдѣ царь пировалъ съ своими многочисленными приближенными. Въ остальномъ онъ вѣроятно походилъ на шатры ассирійскихъ военачальниковъ и былъ убранъ со всею роскошью, свойственною восточнымъ властителямъ (Хен. Сугор. II, 1. V, 5. Euripid. Ion. V. 1026). — Ставки рядовыхъ воиновъ были просты, но такъ просторны, что въ каждой изъ нихъ могли умѣститься 100 человекъ, или одна таксія (Хен. Сугор. II, 1 seq.).

Персидскіе цари имѣли также обыкновеніе оставлять въ покоренныхъ ими странахъ памятники своихъ побѣдъ. Наибольшее число такихъ памятниковъ оставилъ по себѣ Дарій; воспоминанія его побѣдъ, въ надписяхъ и фигурахъ, съ неслыханными усиліями высѣченныхъ на отвѣсныхъ скалахъ, сохранились и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ его бывшихъ владѣній. Къ числу такого рода памятниковъ принадлежатъ (частію уже разобранныя) надписи близъ Персеполя и еще болѣе важная надпись на скалѣ близъ Бегистуна ¹ (Бизитуна).

Такъ какъ Персы, по словамъ Геродота (I, 143), вовсе не занимались мореходствомъ, то у нихъ и не могло развиваться никакого самостоятельнаго судостроенія. Хотя Киру и приписываютъ введеніе военныхъ судовъ съ башнями и постройку большихъ понтоновыхъ мостовъ (Herod. I, 75, 205 seq.), но нѣтъ сомнѣнія, что для перевозки войска онъ пользовался болѣею частью иноземными судами и что пловучіе мосты были въ большинствѣ случаевъ простые плоты. Даже и при преемникахъ Кира, походы которыхъ, какъ извѣстно, простирались далеко за море, персидскій флотъ набирался частью изъ судовъ союзныхъ съ Персіею приморскихъ народовъ, частью изъ судовъ ея данниковъ. Знаменитый мостъ черезъ Босфоръ, быть можетъ колоссальнѣйшая изъ подобнаго рода построекъ во всей древности, былъ дѣ-

¹ Vendidad. XIX, 92; XXI, 20.—² Vaux. 284 308 seq., seq. Duncker II, 609 seq. Bowlinson. Note on the inscription of Behistun.

ломъ Мандрокла, уроженнаго грека (Herod. IV, 88; сравн. VII, 36; VIII, 97).

Персы не были также и торговымъ народомъ. Ремесло торговца, какъ занятіе не воинственное, считалось у нихъ позорнымъ. Въ собственной Персіи на было ни лавокъ, ни рынковъ, ни вообще какихъ либо приспособленій для постоянной купли и продажи (Herod. I, 153). Этотъ родъ промышленности, а равно и возведеніе относящихся къ ней построекъ Персы предоставляли также покореннымъ ими народамъ, именно Сиріянамъ.

Капища и другія зданія посвященныя культу¹.

По извѣстіямъ древнѣйшихъ писателей о Персіи, тамъ не было ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ни кумировъ; Персы приносили жертвы своимъ богамъ подъ открытымъ небомъ на вершинахъ горъ (Herod. I, 131 seq.; Xenoph. Сугор. III, 3; VIII, 3, 7). Только уже позднѣйшіе писатели говорятъ объ особыхъ святилищахъ, въ которыхъ горѣлъ на altarѣ неугасимый огонь (Strab. XV, 3; Pausan. V, 27 (3)). У этихъ же писателей находимъ извѣстіе, что Артаксерксъ II построилъ Анахитѣ (Анаитѣ) храмъ, стѣны и столбы котораго были вызолочены, а крыша покрыта серебряными и золотыми листами, и что этотъ же царь велѣлъ поставить во всѣхъ большихъ городахъ своего царства челоукоподобныхъ кумировъ (Verg. Fragm. 16. Polyb. V, 44; X, 27).

Что алтари съ неугасимымъ огнемъ существовали уже во времена Дарія (Гистаспа)—доказываетъ описанный выше гробничный фасадъ. Представленный на немъ алтарь имѣетъ видъ четырехугольной тумбы, поставленной на подножіе о трехъ ступеняхъ и оканчивающейся на верху уступчатымъ расширяющимся къ верху карнизомъ². Остатки такихъ алтарей, высѣченныхъ въ скалѣ, находятся неподалеку отъ Нахчи-Руджибъ; онѣ имѣютъ около 5 ф. вышины и стоятъ на площадкѣ съ ступенями, возвышающейся на 14 фут.³

Къ наиболѣе сохранившимся остаткамъ старинныхъ, обнесенныхъ стѣною капищъ (время основанія которыхъ однакожъ съ точностью опредѣлить нельзя) принадлежатъ развалины капища въ нынѣшнемъ Азербиджанѣ, и развалины другого, по всей вѣроятности болѣе древняго, капища близъ персепольскихъ царскихъ гробницъ. Въ азербиджанскихъ развалинахъ ясно видны остатки четырехугольнаго зданія, въ 55 фут. длины съ каждой стороны, сложеннаго изъ превосходно выжженныхъ кирпичей, связанныхъ цементомъ. Стѣны зданія, въ 15 фут. толщины, сведены на верху плоскимъ, куполообразнымъ сводомъ. Внутри зданія, вдоль стѣны его, идетъ узкій и высокій крытый ходъ, открывающійся на каждой сторонѣ широкою аркою на четырехугольное пространство, въ 10 шаговъ съ каждой стороны, огороженное каменною стѣною въ 15 фут. толщины. Эта ограда занимаетъ середину зданія и въ ней вѣроятно стоялъ алтарь, на которомъ горѣло неугасимое пламя. По разбросаннымъ вокругъ зданія обломкамъ можно заключить, что первоначально надъ нимъ возвышалась массивная надстройка. — Довольно хорошо

¹ Duncker op. cit. II, 411 seq.—² Texier, Pl. 123 seq.—³ Vaux 266 Fig. 43.

сохранившіяся развалины капища близъ Персеполя представляютъ остатки четырехугольнаго зданія, занимающаго площадь въ 40 кв. футовъ. Стѣны его, сложенныя изъ мраморныхъ плитъ, возвышаются въ настоящее время на 35 фут. надъ окружающимъ ихъ мусоромъ. Снаружи онѣ гладки, кромѣ углубленій въ швахъ между плитами, и лишь по краямъ окаймлены слегка выдающимися валиками. Между валиками, по верхнему краю стѣнъ, непосредственно подъ плоскою крышею зданія, тянется карнизъ, который на сѣверномъ фасадѣ состоитъ изъ монолита почти въ 23 фута длины, разчлененнаго небольшими вертикальными жалобками. По срединѣ фасада, въ 11 футахъ отъ земли, видно четырехугольное отверстіе въ 6 фут. вышины и 5 ф. ширины—по всей вѣроятности входъ во внутренность капища. Онъ также обрамленъ валиками и завершешъ простою притолокою съ небольшими возвышеніями по концамъ. Входъ запирался дверью, висѣвшею, какъ видно по углубленіямъ въ косякахъ, на массивныхъ крючьяхъ.

Въ тѣсной связи съ религіею Персовъ стояли (и безъ сомнѣнія уже съ древнѣйшихъ временъ) земледѣліе, садоводство и скотоводство — какъ занятія, которыя священный законъ признавалъ благочестивыми ¹ и которымъ даже и позднѣйшіе цари считали своимъ долгомъ лично предаваться (Xenoph. Anab. I, 4, 9. Oekonom. 4. Plut. Lysand. 4). Персидскимъ сатрапамъ было строго предписано заботиться объ успѣшномъ ходѣ земледѣлія въ управляемыхъ ими областяхъ, въ противномъ случаѣ они лишались сана и замѣнялись другими (Xenoph. Oekon. 4 seq.). Раздѣленіе рѣки Гинда на 360 каналовъ для орошенія полей приписывали Кирю (Herod. V, 52).

Садоводство Персовъ состояло преимущественно въ разведеніи и воспитаніи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Въ силу стариннаго религіознаго воззрѣнія на деревья, какъ на воплощенія творческой силы природы, Персы считали ихъ священными, и только самая крайняя необходимость могла заставить Перса срубить дерево. Рассказываютъ, что Ксерксъ, увидѣвши случайно красивый платанъ, не могъ удержаться, чтобы не убрать его золотыми украшениями (Herod. VII, 31. Plut. Artaxerx. 25).

По завоеваніи Ассиріи Персами, великолѣпные ассирійскіе парки или «раи» стали еще роскошнѣе и просторнѣе, благодаря заботамъ персидскихъ царей и сатраповъ, которые наполнили ихъ искусственными водоемами, фонтанами и разнаго рода плодовыми деревьями (Xenoph. Cyrop. 1, 3, Curt. VIII, 1, 11 seq.). Персы особенно любили разводить кипарисы, потому что пирамидальная форма этого дерева, имѣющая сходство съ пламенемъ, представляла ихъ видѣть въ немъ символъ огня. На этомъ основаніи, Дарій Гистаспъ предписалъ насаждать кипарисы внутри храмовыхъ оградъ ². Парки занимали иногда цѣлыя мѣстности. Такъ напр. когда Вавилонъ палъ, то вся равнина вокругъ него была обращена въ паркъ и гошый округъ.

Что касается, наконецъ, построекъ и сооружений, предпринятыхъ персидскими царями въ видахъ поощренія переднеазійской торговли, то между ними первое мѣсто занимаетъ огромный каналъ, прорытый по повелѣнію Дарія въ Египтѣ; потомъ постройка почтовыхъ станцій для обезпеченія по-

¹ Verdad III. 1—20, 75, 105—110. —² A. v. Humboldt. Kosmos. II, 99. —

чтовыхъ сношеній, устроенныхъ этимъ же царемъ между главнѣйшими городами его царства. — Такъ какъ дороги были все вымѣрены на парсанги и даже перенесены на топографическія таблицы или карты, (Herod. V, 14, 49 — 52), то можно предположить, что мѣстами стояли на нихъ дорожные указатели съ точнымъ обозначеніемъ разстояній. Въ курдистанскихъ горахъ, на самомъ высокомъ пунктѣ единственной дороги, ведущей изъ Персіи на Ровандизъ, и на другой близъ лежащей вершинѣ, видны еще и до сихъ поръ нѣсколько столбовъ съ клинообразными надписями. Эти столбы были вѣроятно дорожными указателями на дорогѣ изъ Ниневіи въ Экбатану. Нынѣшніе жители тѣхъ мѣстностей называютъ ихъ «синими столбами» (кели-шииъ), потому что они высѣчены изъ темносиняго камня. Вышина ихъ 6 ф., ширина 2 ф., толщина 1 футъ. Сверху и по краямъ они округлены, а нижнимъ концомъ вставлены въ большіе камни, въ 5 квад. фут. каждый ¹.

Утварь.

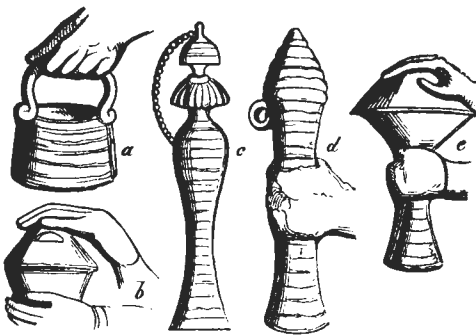
Если принять, на основаніи позднѣйшихъ изслѣдованій, ² что священныя книги Персовъ были развитіемъ культурныхъ воззрѣній народовъ, населявшихъ благословенныя страны Маргіаны, Бактріи и Согдіаны, и что дошедшія до насъ отрывки этихъ книгъ были соединены вмѣстѣ не ранѣе первыхъ Сассанидовъ; то становится понятнымъ, что вмѣстѣ съ описаніемъ самыхъ простѣйшихъ, первобытныхъ занятій, нашло себѣ въ нихъ мѣсто и описаніе различныхъ ремеселъ и досужествъ, которые уже въ ту раннюю пору были наиболѣе знакомы народу (Vendid. VI, 8, 104; VII, 184 seq.; XIV, 32 — 40, 63, 66). Сравнивая однакожъ эти данныя съ извѣстіями древнѣйшихъ писателей о простой, даже грубой жизни первобытныхъ Персовъ, нельзя не придти къ заключенію, что по крайней мѣрѣ до временъ Кира, ремесленность ихъ ограничивалась произведеніемъ лишь самого необходимаго, все же что могло бы назваться удобствомъ было имъ незнакомо (Herod. I, 71). Дальнѣйшая исторія Персовъ заставляетъ даже предполагать, что у нихъ никогда не было и не могло быть своей, самостоятельной развитѣвшейся промышленности. Не говоря уже о томъ, что какъ огонь, такъ и вода были для нихъ предметами слишкомъ священными для того, чтобы пользоваться ими для низшихъ, житейскихъ цѣлей (Vendid. VIII, 254 seq.), ихъ воинственныя склонности не мирились съ промышленными и ремесленными занятіями; а потому, весьма вѣроятно, что Персы и эти занятія, также какъ и торговлю, предоставили народамъ западныхъ окраинъ персидскаго царства, снисходительно позволяя имъ работать вмѣсто себя, какъ остроумно замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей ³.

¹ Сравни. Rowlinson въ Vaux, Nineveh and Persep. etc. 221. — ² Duncker, Gesch. des Alterth. II, 312 seq; 330 seq. — ³ W. Wachsmuth. Allgem. Kulturgesch. I, 1 36 seq.

Персидскіе цари черпали свои богатства въ покоренныхъ ими странахъ. Каждое новое завоеваніе наполняло ихъ сокровищницы драгоценностями разнаго рода. Громадныя дани, стекавшіяся со всѣхъ концовъ царства въ царскую казну, увеличились при Даріи даямиотъ Индіи и отдаленной Эіопіи: первая присылала золотой песокъ, послѣдняя — золото, слоновую кость, черное дерево и пр. (Herod. III, 89—98). Перенятая у ассирійскихъ царей система насильственного переселенія покоренныхъ народовъ¹ имѣла и въ Персіи тѣже послѣдствія, какъ и въ Ассиріи: она произвела въ ней такое же смѣшеніе разныхъ народностей и свойственныхъ имъ особенностей, которое отразилось, какъ и въ Ассиріи, на формообразованіи разныхъ персидскихъ художественныхъ и ремесленныхъ издѣлій, и довольно ясно видно на предметахъ утвари, представленныхъ, хотя и въ небольшомъ числѣ, на персидскихъ барельефахъ.

На сколько можно судить по весьма немногимъ и къ тому же, вслѣдствіе испорченности барельефовъ, неяснымъ изображеніямъ сосудовъ, они отличались отъ ассирійскихъ болѣе легкими, болѣе удлиненными формами, которыя вдобавокъ по всей своей поверхности расчленялись поперечными полосами или рубчиками. Это расчлененіе было можетъ быть особенностью тогдашняго формованія сосудовъ. Таковы были покрайней мѣрѣ представленные на барельефахъ большіе сосуды, въ которыхъ хотятъ видѣть курильницы (фиг. 160, с), кубки (фиг. 160, d) и миски съ крышкой (фиг. 160, e).

Фиг. 160.

и поддономъ (фиг. 160, e). Остальныя изображенія, представляющія блюда (фиг. 160, b), мѣхи для пива (фиг. 147, b) и, какъ полагаютъ, сосудъ для освященной воды (фиг. 160, a) могутъ здѣсь тѣмъ менѣе быть приняты въ соображеніе, что о роскошномъ убранствѣ царскихъ столовъ драгоценною посудой мы достаточно знаемъ и по письменнымъ свидѣтельствамъ.

По уставу, которымъ учреждался весь порядокъ жизни царя,² царь могъ употреблять въ пищу только самыя рѣдкія и дорогія явства и питія. Даже соль привозили для него изъ оазиса Сива, потому что считали её лучшею, а воду изъ Хоасна. Эту воду, разлитую въ серебряные сосуды, возили за нимъ и въ походахъ и въ его поѣздкахъ по царству.

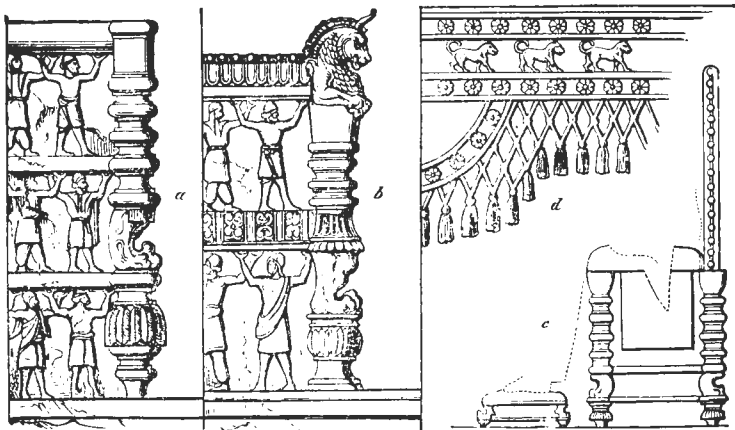
Такъ какъ всѣ придворные получали пищу изъ царской кухни, а число ихъ доходило до 1500 и для нихъ убивалось ежедневно до 1000 штукъ животныхъ, то понятно, что количество посуды кухонной и столовой должно было быть громадно, хотя въ то время и не употребляли за тѣло

¹ Herod. V, 15, 98; VI, 31 seq., 119; VII, 81. — ² Heeren, Ideen etc. I (1), 474 seq.

ни тарелокъ, ни пожей. Если прибавить къ этому, что на упомянутомъ выше пиру (стр. 212), который Артаксерксъ давалъ своимъ вельможамъ и своему народу, сосуды для питья были золотые, что въ продолженіи пира ихъ нѣсколько разъ перемѣняли, что наконецъ каждый, кого царь производилъ въ свои застольники, получалъ въ подарокъ золотой кубокъ, то и безъ дальнѣйшихъ свидѣтельствъ можно будетъ составить себѣ приблизительное представленіе не о роскоши только персидскихъ царей, но и еще болѣе о тѣхъ страшныхъ поборахъ, которыми они давили покоренныхъ ими народовъ. Для дополненія представленія можетъ послужить и то, что мы знаемъ о внутреннемъ убранствѣ жилищъ персидскихъ вельможъ и въ особенности царскихъ дворцовъ.

Обычай возлежать за столомъ и на пирахъ перешелъ къ Персамъ отъ ихъ малоазійскихъ сосѣдей, а именно отъ извѣщенныхъ Лидяиъ (Xenoph. Cyrop. V, 5. Herod. III, 121), и ложа мало по малу вытѣснили употреблявшіеся прежде въ такихъ случаяхъ стулья. Въ книгѣ Эсфирь (I, 6) мы читаемъ, что на пиру царя Артаксеркса гости возлежали на золотыхъ и серебряныхъ ложахъ. Ложа, захваченныя Ксенофонтомъ въ палаткѣ одного изъ второстепенныхъ персидскихъ военачальниковъ, были съ серебряными ножками. Погребальный одръ, на которомъ стоялъ саркофагъ въ гробницѣ Кира былъ золотой (Xenoph. Anab. IV, 4; Arrian. Anab. VI, 29); и т. д. Тронъ персидскихъ царей имѣлъ форму высокаго, богато украшеннаго кресла, съ подножною скамейкою. Онъ былъ покрытъ дорогими коврами и стоялъ подъ пурпуровымъ, протканнымъ золотомъ балдахиномъ, который можно было по произволу опускать или поднимать со всѣхъ сторонъ (фиг. 161 e, d). Изображенія такого троннаго кресла и другихъ предметовъ, по видимому

Фиг. 161.

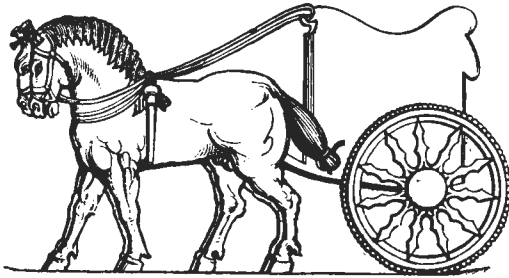
относящихся къ мебели, на обломкѣ барельефа изъ эпохи Ахеменидовъ (фиг. 161, a—c), показываютъ гораздо яснѣе, чѣмъ изображенія сосудовъ, въ чемъ состояло отличіе персидскаго формообразованія отъ асирійскаго. Въ формахъ персидской мебели мы видимъ тоже преобладаніе вертикальныхъ и горизонтальныхъ частей соединенныхъ подъ прямыми углами, какъ

и въ ассирійской, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе придать этимъ частямъ большую легкость посредствомъ разчлененія ихъ поверхности на многіе, хотя и однообразные архитектурическіе члены, которые подъ игрою свѣта и тѣни придаютъ общей формѣ болѣе живописности (фиг. 161; сравн. фиг. 138 и 139). Рѣзныя человѣческія фигуры въ промежуткахъ между горизонтальными частями мебели, ножки въ формѣ звѣриныхъ лапъ и т. д. перешли и въ персидскую мебель, точно также какъ и бывшія въ общемъ употребленіи у Ассиріянъ подставки подъ столы и стулья.

Не останавливаясь на перечисленіи заимствованныхъ Персами отъ западно и среднеазійскихъ народовъ музыкальныхъ инструментовъ, игральныхъ приборовъ и т. п., переходимъ къ описанію ихъ военной утвари, которая тоже была заимствована ими отъ сосѣднихъ народовъ. Что она не была изобрѣтеніемъ Персовъ, какъ утверждаютъ греческіе писатели, доказывается тѣмъ, что такая же точно военная утварь встрѣчается на памятникахъ ассирійскихъ и др.

Введеніе ея въ персидское войско приписывается Киру старшему. По свидѣтельству Ксенофонта (Сугор. VI, 1), онъ замѣнилъ старинныя боевыя колесницы новыми, болѣе прочными и болѣе пригодными для заведенныхъ имъ же тяжеловооруженныхъ ратниковъ. Первоначально эти колесницы были безъ сомнѣнія очень простой отдѣлки (какъ видно по изображенію такой колесницы на одномъ изъ уцѣлѣвшихъ барельефовъ (фиг. 162),

Фиг. 162.

но въ послѣдствіи, съ распространеніемъ роскоши, простота замѣнилась крайнею пышностью. Колесница Дарія (III), въ сраженіи при Иссъ, была вся разукрашена золотыми и серебряными украшениями чеканной работы; не менѣе богато была отдѣлана и сбруя царскихъ лошадей. (Curtius III, 3).

Изъ известной помпейской мозаики видно, что боевыя колесницы иногда раскрашивали или расписывали разными красками и что у позднѣйшихъ колесницъ колеса дѣлались больше чѣмъ у старинныхъ, такъ что доходили до верхняго края кузова.

Какъ видоизмѣненіе боевой колесницы является въ первый разъ у Персовъ—по всей вѣроятности изобрѣтенная ими—колесница, которой кузовъ, ось и передній конецъ дышла были усажены острыми серповидными ножами. (Xenoph. Anab. I, 7, 8). При Кирѣ младшемъ изъ такихъ колесницъ составлялись отряды, заключавшіе въ себѣ отъ 150 до 200 и болѣе штукъ. Дѣйствіе ихъ однакожь было, кажется, не такъ разрушительно, какъ бы того можно было ожидать. Возничіе и лошади были покрыты броней, и первые, сверхъ того, вооружены тяжелыми кнутами. У начальниковъ отрядовъ были

также кнуты, которыми они подгоняли лѣнливыхъ или трусливыхъ ратниковъ (Herod. VII, 223).—Для перевозки разнаго рода запасовъ для войска во время похода, употребляли четырехколесныя повозки, число которыхъ, при многочисленности персидскаго войска, было необходимо чрезвычайно велико (Xenoph. Cyrop. IV, 3).

Кромѣ улучшения боевыхъ колесницъ, Киру старшему приписываютъ изобрѣтеніе осадныхъ машинъ. Рассказываютъ, что онъ самъ руководилъ постройкою подвижныхъ башенъ—вѣроятно, по ассирійскому образцу (фиг. 143. а). Вышину нижней части онъ назначилъ въ 3 локтя; а верхнюю снабдилъ брустверами и далъ ей такіе размѣры, что каждая башня могла вмѣщать въ себѣ около 20 воиновъ. Башни перевозились на быкахъ, которыхъ запрягали по 4 пары подъ каждую башню. Сверхъ этихъ тяжелыхъ орудій, Киръ ввелъ и болѣе легкіе тараны, устроенные совершенно какъ ассирійскіе (фиг. 143, б) (Xenoph. Cyrop. VI, 1; VII, 4).—Вмѣстѣ съ военною утварью, Персы заимствовали отъ Ассирійцевъ и употреблявшіеся у нихъ для наказанія и пытки военнопленныхъ и преступниковъ орудія: цѣпи, бичи съ насаженными на нихъ острыми и др. При упомянутыхъ, отличавшихся жестокостью позднѣйшихъ царяхъ (стр. 190), число этихъ орудій увеличилось новыми.

Что касается наконецъ священной утвари древнихъ Персовъ, то по недостатку описаній и изображеній ея, свѣдѣнія наши о ней очень неудовлетворительны. Кромѣ уже описаннаго сосуда для освященной воды (ср. фиг. 160 и 144), къ ней принадлежали еще золотыя чаши для возліаній, пучокъ прутьевъ или вѣтвей для кропленія (?), курильницы и т. д. (Herod. VII, 54. Strab. XV, 3).

ГЛАВА ПЯТАЯ *).

Евреи и Финикияне 1.

До насъ не дошло никакихъ вещественныхъ памятниковъ, по которымъ можно было бы наглядно ознакомиться съ вѣдшимъ бытомъ древнихъ

*) Помѣщенный въ началѣ этой главы краткій очеркъ исторіи древнихъ Евреевъ, въ переводѣ опущенъ. Пер.—¹ Въ болѣе или менѣе обширныхъ трудахъ по изученію Еврейскихъ древностей — недостатка нѣтъ. Отсылая читателя, желающаго ознакомиться съ литературою предмета, къ сочин. Винера. (Winer): *Biblisches Realwörterbuch etc.* 3 Aufl. Leipzig. 1847—48, и приложенному къ нему „Указателю“, мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ лишь наиболѣе важныхъ сочиненій по еврейскимъ древностямъ: J. Jahn. *Biblische Archäologie.* Wien. 1796—1805 (3-te Aufl. 1829.).—W. Brown, *Antiquities of the Jews, carefully compiled from authentic sources, and their customs illustrated from modern travels.* 2-d ed. Edinburgh. 1826.—S. Munk, *Palestine. Description géographique, historique et archéologique.* Paris. 1845.—H. Ewald. *Geschichte des Volkes Israel bis Christus; Die Alterthümer des Volkes Israel.* 2 Ausg. Göttingen. 1854.—M. Duncker, *Gesch. des Alterthums.* I.—Такъ какъ произведенія въ послѣднее время на Евратѣ и Тигрѣ раскопки много способствовали къ разъясненію особенностей древнееврейскаго быта, то здѣсь слѣдуетъ упомянуть и сочиненія, приведенныя въ главѣ объ Ассирійцахъ и Вавилонянахъ, равно какъ и сочиненія (тоже названныя выше) С. Movers'a, Gerhard't'a и др.—для финиційскихъ и арабійскихъ древностей.

Евреевъ и Финикійявъ. Только весьма немногіе, и притомъ немѣющіе особеннаго значенія, остатки финикійскихъ древностей были найдены отчасти въ самой странѣ, гдѣ некогда жилъ этотъ народъ, большею же частію вдали отъ нея—въ бывшихъ финикійскихъ колоніяхъ. Что же касается Евреевъ, то кромѣ нѣсколькихъ монетъ позднѣйшей эпохи и немногихъ изображеній священной утвари на аркѣ Тита въ Римѣ, единственнымъ источникомъ свѣдѣній о древнемъ ихъ бытѣ остаются письменныя свидѣтельства.

Одежда.

Тяжелый гнетъ, подъ которымъ жили Евреи въ Египтѣ по смерти Іосифа, долженъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, пренятствовать имъ сдѣлаться участниками господствовавшей тамъ цивилизаціи. Какъ кочевой пастушескій народъ, они возбуждали отвращеніе въ привыкшемъ къ благоустроенной, строго правильной, ослѣдлой жизни населеніи Нильской долины; а фараоны видѣли въ нихъ пришельцевъ, усиленіе которыхъ въ странѣ могло бы сдѣлаться опаснымъ для ея спокойствія, а потому всячески тѣснили ихъ и истомляли тяжелыми работами.

Если, при выходѣ изъ Египта, Евреи и взяли съ собою запасы одежды и разной утвари, то всё-таки въ продолженіи ихъ 40-лѣтняго странствованія по пустынѣ, имъ не разъ приходилось возобновлять эти запасы и притомъ самимъ и изъ матеріаловъ, какія у нихъ были подъ руками. Вынужденные возвратиться къ своему первобытному пастушескому быту, Евреи должны были взяться снова и за всѣ тѣ занятія, которыя имъ обусловливаются. И они принялись за нихъ тѣмъ успѣшнѣе, что долгое пребываніе среди народа съ такою развитою ремесленностию, какова была египетская, могло научить ихъ болѣе усовершенствованнымъ приемамъ въ изготовленіи необходимыхъ для нихъ предметовъ. На основаніи этихъ соображеній, которымъ въ сущности не противорѣчатъ и библейское сказаніе, можно съ достаточною вѣроятностію предположить, что одежда Евреевъ, во время ихъ странствованія, немногимъ разнилась отъ обыкновенной одежды нѣкоторыхъ нынѣшнихъ кочевыхъ арабскихъ племенъ, а ихъ оружіе и украшенія были тѣже, какъ у современныхъ имъ Аравитянъ (см. гл. II, Аравитяне).

Да и по занятіи ими обѣтованной земли, Евреи сохранили прежнюю простоту въ одеждѣ, и если замечали что нибудь отъ болѣе развитыхъ сирійскихъ племенъ, то развѣ только нѣкоторыя усовершенствованія въ оружіи, которое, при постоянныхъ столкновеніяхъ съ враждебными племенами, было тогда для нихъ гораздо важнѣе нарядовъ. Но и въ послѣдствіи, во время Судей, когда народъ Израильскій окрѣпъ и побѣдами надъ богатыми сосѣдями скопиль у себя значительныя богатства, онъ обращалъ эти послѣднія не на улучшеніе своего домашняго быта, а преимущественно на возвышеніе блеска общественнаго богослуженія. Какъ некогда Ааронъ, въ пустынѣ, слилъ золотого тельца изъ золотыхъ серегъ, взятыхъ у народа (Исх. XXXII, 2 в слѣд.), такъ теперь Гедеонъ, изъ «колець побѣжденныхъ имъ Мадіанитянъ, изъ серебряныхъ мѣсяцовъ и золотыхъ цѣпочекъ

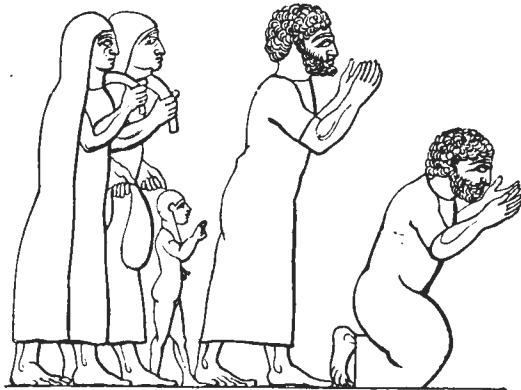
ихъ верблюдовъ и пурпуровыхъ одеждъ убитыхъ царей» сдѣлалъ золотой кумиръ и для украшенія его эфодъ (Суд. Изр. VIII, 24 слѣд.).

Только со времени избранія царей національная одежда Израильтянъ становится богаче и полнѣе. Хотя Саулъ оставался вѣрнѣ стариннымъ простымъ обычаемъ и не любилъ роскоши, однакожь первыя зачатки ея начинаютъ появляться уже и при немъ, именно — въ вооруженіи знатныхъ. По крайней мѣрѣ его собственное оружіе настолько отличалось отъ обыкновеннаго, что было хорошо извѣстно всѣмъ, даже непріятелямъ, такъ что эти послѣдніе разсылали его по своей землѣ въ доказательство смерти Саула (1 Царствъ XXXI, 9, 10). Что богатая добыча приобрѣтенная Сауломъ въ веденныхъ имъ войнахъ не осталась безъ вліянія и на одежду и украшенія Израильтянъ, объ этомъ свидѣлствуютъ слова Давида въ пѣсни на смерть Саула: «Дочери Израильскія! плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницу съ украшениями, и доставлялъ на одежды ваши золоты уборы» (2 Царствъ I, 24).

Пробудившаяся въ Евреяхъ охота къ перенятію болѣе нарядныхъ одеждъ сосѣднихъ имъ народовъ, нашла себѣ поддержку въ тѣсныхъ сношеніяхъ, въ которыя Давидъ вступилъ съ Финикиянами и еще болѣе въ той пышности, которою онъ окружалъ себя, по примѣру царей тирскихъ. Загѣмъ баснословная роскошь Соломона еще болѣе упрочила разъ начавшіяся измѣненія въ бытѣ народа израильскаго, и еще дальше отклонила его отъ прежней простоты. Сначала въ еврейскій костюмъ вошло многое изъ ассирійскаго костюма, а во время вавилонскаго плѣненія онъ почти совершенно преобразился въ вавилонскій (Даніиль III, 21); наконецъ, при Птоломеехъ и Римлянахъ онъ принялъ въ себя многія особенности греческаго и римскаго царяда (2 Маккав. XII. 35).

Что всѣ эти измѣненія касались только одежды богатыхъ и зажиточныхъ людей — разумѣется само собою. Бѣдное населеніе продолжало одѣваться по старинному простому обычаю, поэтому только имъ носимая одежда была собственно національною еврейскою одеждою. Какъ уже выше замѣчено нами, одежда эта была одинакова и у мужчинъ и у женщинъ. Она состояла изъ нижней одежды въ родѣ рубашки съ короткими рукавами, накидки или плаща и сандалій простѣйшей формы. — По барельефу изъ Куионджинскаго дворца, представляющему, какъ не безъ основанія полагають,¹ еврей-

Фиг 163.

¹ Layard. Nineveh and Babylon. 152.

ское семейство, видно, что еврейская нижняя одежда, или рубашка, была совершенно похожа на ассирийскую (фиг. 163; сравн. фиг. 114).

Неизмѣнности простонародной одежды у Евреевъ значительно способствовало и то обстоятельство, что у нихъ изготовленіе одежды для членовъ семьи составляло главное занятіе хозяекъ. И въ позднѣйшее время, когда это занятіе уже обособилось въ отдѣльную отрасль промышленности, даже знатныя женщины сами шили одежду своимъ мужьямъ и дѣтямъ (1 Царствъ II, 19. Притчи Солом. XXXI, 19). Еще при Иродѣ, женщины царской крови сами вышивали праздничныя одежды (Joseph. bell. jud. I. 24 (3)).

Бѣдные классы носили одежду изъ овечьей, козьей и верблюжьей шерсти и изъ грубаго посконнаго холста; богатые одѣвались въ тонкія шерстяныя и хлопчатобумажныя ткани, частью туземныя, частью привозныя, ¹ и въ египетскія полотна. Для нарядныхъ и церемоніальныхъ одеждъ предпочитали ткани яркаго бѣлаго цвѣта, но любили также носить и разноцвѣтную одежду, подражая въ этомъ сосѣднимъ народамъ. Виссонныя и пурпуровыя одежды покупались богачами за весьма дорогую цѣну, потому что были всѣ привозныя, такъ какъ крашеніемъ тканей Евреи сами, повидимому, не занимались ².

Для обыкновеннаго носильнаго платья брали ткани плотныя и прочныя, но всегда сотканныя изъ одного какого нибудь матеріала, такъ какъ законъ запрещалъ мірянамъ носить одежду изъ шерсти смѣшанной съ льняною пряжею, дозволяя впрочемъ украшать её по произволу (Лев. XIX, 19; Второз. XXII, 11). Со времени Соломона, когда любовь къ нарядамъ стала распространяться въ народѣ, началось изготовленіе тканыхъ узорчатыхъ одеждъ, сначала вѣроятно по финикійскимъ, а въ послѣдствіи и по ассирийскимъ и вавилонскимъ образцамъ ³.

Дорогія одежды, преимущественно бѣлыя, требовали частой чистки, а для шерстяныхъ одеждъ и тканей, которыя по свойству климата подвергались особаго рода заразительной плѣсени (?), такъ наз. «платяной проказѣ», частая чистка была даже необходима, какъ гигиеническая мѣра (Лев. XIII, 47 и слѣд.); вслѣдствіе этого образовался особый разрядъ ремесленниковъ, занимавшихся исключительно чисткою одеждъ и тканей. Они жили и имѣли свои мастерскія за чертою города, гдѣ (какъ это было напр. въ Иерусалимѣ) имъ отводились особыя мѣста (Исаи II, 3, XXXVI, 2).

Относительно покроя одежды знатныхъ Евреевъ (за исключеніемъ жреческой, о которой будетъ сказано ниже), мы находимъ только весьма скудныя указанія въ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Сравнивая однакожъ описаніе одѣянія священниковъ съ одѣтыми фигурами западноазійцевъ на древне-ассирийскихъ барельефахъ, можно заключить, что и позднѣйшее одѣяніе Евреевъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, состояло изъ верхней и нижней одежды болѣе или менѣе богато отдѣланной.

1. Нижняя мужская одежда — покрайней мѣрѣ до плѣна вавилонскаго — имѣла видъ рубашки съ длинными или короткими рукавами ⁴, и дохо-

¹ Bitter. Über die geogr. Verbreitung der Baumwolle etc. Berlin 1850. — ² Ср. Wiener. Bibl. Realwörterbuch. Art. „Färber“. — з Объ узорчатыхъ тканяхъ см. Moers. Das phöniz. Alterthum II. 267 seq., и ниже: „жреческій костюмъ“. — ⁴ Езекииль IV, 7.

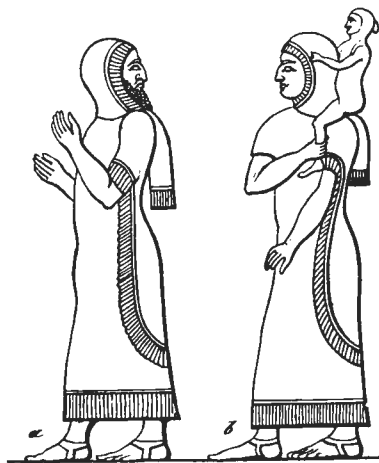
дила иногда до колѣна, иногда до ступней. Какъ уже было замѣчено выше, бѣдные носили одежду изъ толстыхъ тканей, и притомъ изготовленную безъ помощи иглы (?), а потому неспособную складываться въ свободныя складки, какъ тонкая и широкая одежда богатыхъ ¹. На комъ была одна только нижняя одежда, того даже въ разговорѣ называли голымъ или полуодѣтымъ; посить же разомъ двѣ нижнихъ одежды считалось уже роскошью, хотя и было принято одѣваться такъ отправляясь въ дорогу. ² Первые пророки довольствовались только одною нижнею одеждою и сандалями (Исаія XX, 2), а еще чаще, носили только передникъ изъ звѣриныхъ шкуръ и волосяной плащъ, какъ нар. пророкъ Илія (4 Царствъ I, 8; Захар. XIII, 4).—Знатные, уже во время Судей и особенно въ позднѣйшее время, надѣвали подъ нижнюю шерстяную одежду еще другую, полотняную (?) (1 Царствъ XVIII, 4), которая была или короче или длиннѣе первой (фиг. 165 а—с, е; сравн. фиг. 109, d). Во время вавилонскаго плѣна Евреи заимствовали отъ Халдеевъ широкою нижнюю одежду, а въ послѣдствіи отъ Персовъ длиннорукавную рубашку (фиг. 147. а, b).

Поясъ, которымъ подпоясывали нижнюю одежду, былъ одною изъ важныхъ принадлежностей еврейскаго костюма (2 Царствъ XVIII, 11; Притч. XXXI, 24). У небогатыхъ пояса были кожаные или войлочные, у богатыхъ и знатныхъ—изъ шерстяной или льняной матеріи, протканые золотомъ, иногда даже украшенные драгоценными камнями и золотыми пряжками (1 Макк. X, 89; XI, 58.). Знатные носили въ поясѣ кинжалъ и ножъ (2 Царствъ XX, 8), писцы и книжники—письменный приборъ (Езек. IX, 2); поясъ служилъ также и вмѣсто кармана.

Верхняя одежда, въ своей древнѣйшей формѣ, состояла вѣроятно изъ простаго четырехугольнаго куска матеріи, который набрасывали на плечи. Такого рода накидки, но изъ болѣе дорогихъ тканей, у жилищныхъ оставались въ употребленіи и въ послѣдующее время (4 Царствъ II, 13; IV, 39.), когда Евреи приняли отъ западноазійскихъ народовъ ихъ широкія плащи, а отъ восточныхъ своихъ сосѣдей ихъ распашную верхнюю одежду въ родѣ кафтана.

Отъ жителей Дамаска, съ которыми начались у Евреевъ сношенія при Іеровоамѣ II, могли перейти къ нимъ и тѣ богато отдѣланныя одежды, которыя мы видимъ на фигурахъ еврейскихъ плѣнныхъ, представленныхъ на нѣкоторыхъ Ассирійскихъ барельефахъ (фиг. 164, а. b. фиг. 165, е).

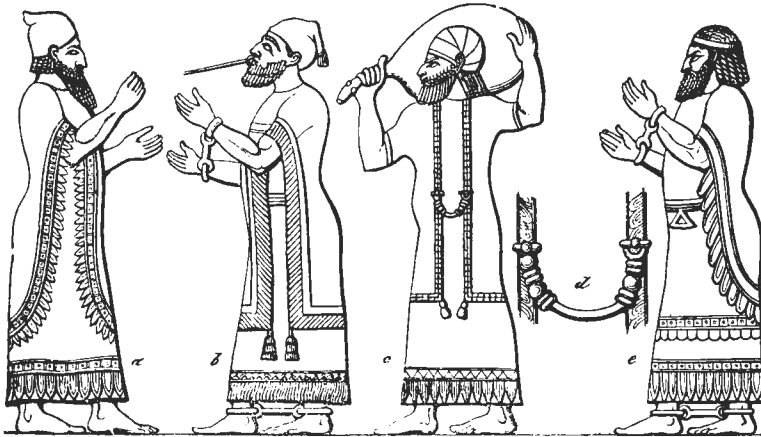
Фиг. 164.

¹ Сравн. I. Gildemeister und N. v. Sybel: Der heilige Rock zu Trier etc. 3 Aufl. Düsseldorf 1845. S. 7. ² Ioseph. Antiq. XVII. 5 (7).

Но какъ эти одежды, такъ и заимствованныя въ послѣдствіи отъ Ассиріянъ дорогія мантии (см. выше фиг. 117 и 120), носили вѣроятно и у Евреевъ одни только высшіе сановники, точно такъ же какъ въ позднѣйшее время только они носили мидійско-персидскіе широкіе кафтаны (см. стр. 193. и фиг. 147 и слѣд.).

Фиг. 165.

Верхняя одежда зажиточныхъ людей была двухъ родовъ: распашная съ рукавами, какъ настоящій кафтанъ, въ родѣ тѣхъ, какія, какъ кажется, уже издавна были въ употребленіи преимущественно у прибрежнаго населенія (фиг. 165, с и d), и широкая безрукавная одежда, или «нарамникъ» одиночный и двойной. Кафтаны, которые, какъ и вообще всѣ дорогія одежды, привозились изъ чужихъ земель (Соф. Пр. I, 8), были можетъ быть преимущественно зимнимъ платьемъ Евреевъ. Они были большею частью ярко краснаго цвѣта, на подкладкѣ, (Притч. XXXI, 22) и можетъ быть иногда оторочены мѣхомъ. — «Нарамникъ» покроемъ походилъ вполне на описанное выше старинное верхнее платье кабилскихъ женщинъ (фиг. 102, а) и вѣроятно образовался изъ подобной же одежды и у Евреевъ. Двойной еврейскій нарамникъ состоялъ изъ двухъ совершенно одинаковыхъ продолговатыхъ кусковъ матеріи, сшитыхъ вмѣстѣ одною стороною такъ, что у надѣтаго нарамника шовъ приходился вдоль плечь, а передняя и задняя лопасти свободно спускались на грудь и спину. (фиг. 165. b.). Такой же нарамникъ, можетъ быть съ завязками на бокахъ, былъ главною одеждою жрецовъ и назывался эфодъ. Только къ этой четырехкопечной одеждѣ и къ широкой четырехугольной мантии или накидкѣ, а не къ надѣвавшемуся въ рукава кафтану, могло относиться предписаніе закона — дѣлать кисти изъ голубой шерсти¹ на краяхъ одежды въ воспоминаніе заповѣдей (Числа XV, 38, 39). Этимъ предписаніемъ пользовались въ позднѣйшее время ханжи фарисеи и книжники, чтобы придать себѣ въ глазахъ

¹ О символическомъ значеніи этихъ кистей см. Bähr, Symbolik des mosaïschen Kultus, Heidelberg. 1837. I, 329.

толпы видъ особенной набожности, для чего они по возможности увеличивали размѣръ кистей на своихъ одеждахъ. Изображенія такихъ нарамниковъ, украшенныхъ кистями, встрѣчаются на ассирійскихъ (фиг. 165, b) и древнеперсидскихъ барельефахъ (фиг. 166).

Къ описаннымъ верхнимъ одеждамъ Евреевъ прибавились еще—въ греческую эпоху—легкій плащъ (хламида) греческихъ всадниковъ (2 Макк. XII, 35), а во времена Римлянъ—снабженная капюшономъ, плотно обхватывавшая тѣло *roenula*—дорожное и зимнее платье Римлянъ. (2 Тимоо. IV, 13).

Отъ восточныхъ своихъ сосѣдей—Ассириянъ и Вавилонянъ, Евреи заимствовали, вмѣстѣ съ другими частями одежды, и штаны, но они никогда не были у нихъ въ общемъ употребленіи. Кажется, что даже и во время вавилонскаго плѣна, ихъ, какъ и вообще халдейскій нарядъ, носили только тѣ изъ Евреевъ, которые занимали въ Вавилонѣ особенно почетныя должности.

На головѣ носили повязки, гладкія или свернутыя тюрбаномъ (фиг. 165, а — е; фиг. 166). Но какъ эти повязки, такъ и плотно обхватывавшія голову капюшоны (фиг. 164) были роскошью однихъ только знатныхъ и богачей (Захар. III, 5.); бѣдные же просто связывали себѣ волосы шнуркомъ, какъ нынѣшніе Арабы (фиг. 101), или накрывали ихъ толстымъ шерстянымъ платкомъ.

Тоже самое было и съ обувью. Одни знатные, и то только внѣ дома, носили красивыя саудали и башмаки финикійскіе, ассирійскіе и персидскіе; а рабочіе и служащіе классы ходили или просто босикомъ, или въ грубыхъ башмакахъ изъ кожи или дерева (фиг. 101. с—е). Даже и въ позднѣйшее, роскошное время, сами знатные не рѣдко ходили босые, обувь же свою заставляли нести за собою.

Сходство мужской и женской одежды, встрѣчаемое у всѣхъ вообще древнеазіійскихъ народовъ, существовало несомнѣнно и у Евреевъ, и подтверждается изображеніями на древнѣйшихъ барельефахъ (фиг. 163, фиг. 164). Поэтому, если еврейскій законъ, (можетъ быть въ виду начинавшаго распространяться между Евреями тиро-сирійскаго культа) запрещалъ женщинамъ надѣвать мужскую одежду, а мужчинамъ женскую, то онъ имѣлъ въ виду не столько покроей одежды, сколько ткани, изъ которыхъ она приготавлилась и которыя были различны для того и другого пола.

2. Одежда знатныхъ Евреевъ¹ состояла изъ нѣсколькихъ нижнихъ и верхнихъ одеждъ, головнаго убора, покрывала и богато украшенной обуви. Но такой полноты и богатства достигъ женскій костюмъ только въ эпоху наибольшаго развитія роскоши. Еще при Давидѣ большая часть еврейскихъ женщинъ, даже знатныхъ, ходила въ простой старинной одеждѣ, которую бѣдное населеніе обоихъ половъ продолжало носить до самаго послѣдняго

Фиг. 166.

¹ Описана во всѣхъ подробностяхъ въ Hartmann. Die Hebräerin am Putztische und als Braut. 3 Theile mit Kupfern. Amsterdam 1809—1810.

времени (фиг. 163, 164). Лишь со время Давида, въ особенности же при Соломонѣ, начинаютъ являться одежды изъ тонкихъ и прозрачныхъ индійскихъ и египетскихъ, изъ финикійскихъ пурпуровыхъ и золототканыхъ и узорочныхъ ассирійскихъ тканей. Не смотря на дороговизну этихъ тканей, одежды изъ нихъ сдѣланныя были очень широки и иногда такъ длинны, что волочились по землѣ. Можно поэтому предполагать, что и нижняя одежда, которую женщины носили непосредственно на тѣлѣ—сорочка, была тоже широка и длинна, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что еврейскія женщины ходили у себя дома въ одной только этой сорочкѣ, а ложась спать её снимали, слѣдовательно спали совершенно раздѣтыми.

Эта простая и вмѣстѣ изящная одежда обшивалась по подолу и рукавамъ красивою узорчатою каймою и охватывалась на талии дорогимъ поясомъ. Когда же поверхъ ея надѣвали другую, болѣе богатую нижнюю одежду, то поясъ замѣняли простою опояской. Эта вторая одежда, обыкновенно яркаго бѣлаго цвѣта, была самою роскошною изъ всего наряда. Ея широкія, собранныя въ складки рукава доходили до земли и по краямъ были обшиты каймою изъ золотыхъ фигуръ, жемчуга и разноцвѣтныхъ камней; такую же каймою былъ украшенъ и воротъ одежды. Схваченная у талии широкимъ металлическимъ поясомъ или вышитымъ кушакомъ, она мягко обрисовывала формы бюста и распускалась къ низу густыми массами длинныхъ, влачащихся складокъ.—Металлическіе пояса убирались золотыми цѣпочками, чеканеными бляшками, драгоценными камнями и т. п. Кушаки были очень длинны и широки; ихъ подпоясывали въ нѣсколько оборотовъ, или прямо подъ грудью, или ниже вокругъ бедръ. Къ кушкамъ привѣшивались на золотыхъ цѣпочкахъ небольшіе мѣшочки изъ тонкой кожи или матеріи, вышитые золотомъ.

Поверхъ такой нижней одежды надѣвали или накидывали не менѣе богатую верхнюю—распашную съ рукавами, или безрукавную въ родѣ плаща. Эта одежда вѣроятно отличалась своимъ цвѣтомъ отъ бѣлой нижней и была, можетъ быть, пурпуровая или узорчатая.

Наконецъ, дорогой головной уборъ съ прозрачнымъ покрываломъ и роскошная обувь довершали нарядъ знатной еврейки. Голову покрывали сѣтчатыми шапочками увязанными жемчугомъ, камнями и золотыми пластинками; или пурпуровыми и вышитыми золотомъ повязками; или просто влетали въ волосы нитки жемчуга, низки разноцвѣтныхъ камней, коралловъ и золотыхъ пластинокъ (пѣсн. пѣсн. VII, 5; Іудео X, 3, XVI, 8). Въ обуви Еврейки подражали вѣроятно «тирскимъ» дѣвицамъ (у которыхъ, какъ говорить *Виргилій* (*Энеид.* I, 336) «пога до икры одѣта пурпуровымъ котурномъ») и носили сандалии и полусапожки изъ красной или желтой кожи, съ золотыми пряжками. — При выходѣ изъ дому закрывались въ плотный, а иногда полупрозрачный платокъ, вѣроятно большею частью пурпуроваго цвѣта (ср. *Іезек.* XVI, 10), какъ это и теперь еще дѣлаютъ восточныя женщины¹.

Еврейскія женщины, такъ же какъ египетскія и ассирійскія, носили ожерелья, кольца, серьги въ носу и ушахъ, браслеты и пр. Какова была форма этихъ украшеній и чѣмъ она отличалась отъ формы египетскихъ и ассирій-

¹ Ср. *W. Lane. Sitten und Gebräuche der heut. Aegypter.* Lpzg. 1852. I. 38 слѣд. табл. 16, 17; и *Galerie royale de Costumes: Costumes de l' Empire Ottoman.* Pl. 3 и 6.

скихъ украшеній—мы не знаемъ, по совершенному отсутствію какихъ бы то ни было данныхъ. Извѣстно только, что къ числу украшеній принадлежали небольшія цѣпочки съ звенящими подвѣсками. Эти цѣпочки прикрѣплялись вѣроятно къ ножнымъ и ручнымъ браслетамъ—и были по видимому особенностью еврейскаго убранства. Мужчины у Евреевъ не носили никакихъ дорогихъ вещей, кромѣ золотого перстня, служившаго печатью (Іерем. XXII, 24 Пѣсн. пѣсн. VIII, 6).—Только красивая прическа составляла предметъ одинаковой заботливости какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ женскихъ волосахъ особенно высоко цѣнили длину и густоту. Знатныя женщины, преимущественно же дѣвицы, носили волосы или въ локонахъ, или заплетенными въ длинныя косы, которыя иногда опускали вдоль спины, иногда обвивали вокругъ головы (Исаія III, 24. Іудіюб X, 3). Чтобы усилить натуральный лоскъ волосъ, ихъ умащали драгоцѣнными мазями и маслами (4 Царствъ IX, 30).

Плѣшивость считалась позорною не только для женщины, но и для мужчины (Исаія III, 17, 24). Хотя по старому обычаю, мужчинамъ, по крайней мѣрѣ среднихъ лѣтъ, не дозволялось носить длинныхъ волосъ, но ихъ любили видѣть на головѣ юноши—«во всемъ Израилѣ не было юноши краше длиннокудраго Авессалома». Въ позднѣйшее время однакожь длинные волосы у мужчины, даже и молодого, стали считать признакомъ женоподобнаго характера, хотя и тогда было не мало щеголей, которые не только отращивали себѣ длинные волосы, но еще и завивали ихъ. (Joseph. Antiq. XIV, 9 (14). Bell. jud. IV, 9 (10). Наравнѣ съ Аравитянами и Ассиріянами, Евреи считали бороду главною красотою мужчины (2 Царствъ X, 4, 5; Исаія VII, 20) и потому обильно умащали её дорогими мазями и благовоніями. Подстригать бороду было даже запрещено закономъ (Лев. XIX, 27; XXI, 5). Она была также почетнымъ отличіемъ свободнаго человѣка. Какъ съ одной стороны, отрѣзать кому нибудь бороду значило нанести ему жесточайшее оскорбленіе, такъ съ другой—поцѣловать бороду и облить её благовоніями было выраженіемъ высокаго уваженія (2 Царствъ XX, 9; Данил. II, 46).

Особенное значеніе, которое Евреи придавали бородѣ, обнаруживается еще рѣшительнѣе въ существовавшемъ у нихъ обычаѣ при всякомъ горестномъ событіи, общественномъ или семейномъ, напр. при смерти кого нибудь изъ родныхъ, рвать себѣ бороду, даже совѣмъ отрѣзывать её или, по меньшей мѣрѣ, надолго оставлять безъ ухода. Когда Ездра (VIII; 68) узналъ, что Іудеи взяли себѣ иноплеменницъ въ жены, онъ «разодралъ на себѣ одежду и священное облаченіе, и рвалъ волосы на головѣ и бородѣ, и сидѣлъ озабоченный и печальный».

1. Какъ у парода страстнаго отъ природы, первый взрывъ горести сопровождался у Евреевъ сильными тѣлодвиженіями. Ломая себѣ руки и колотя себя въ грудь, бросались они на землю, посыпали голову пылью, даже рвали себѣ ногтями лицо и тѣло: «и посыпала Тамаръ пепломъ голову свою, и разодрала разноцвѣтную одежду, которую имѣла на себѣ, и положила руки свои на голову свою, и такъ шла и вопила» (2 Царствъ XIII, 19, См. также: Іерем. XXXI, 5). Такое неумѣренное сокрушеніе, доходившее почти до отчаянія, вызвало противъ себя постановленіе закона, которое воспрещало

дѣлать нарѣзы на кожѣ и выстригать брови въ знакъ печали по умершемъ (Лев. XIX, 28; Второз. XIV, 1.). Напротивъ того, носить траурныя одежды не только дозволялось, но было общериплятымъ обычаемъ. Во все время траура по умершемъ, его родственники и близкіе одѣвались въ самое простое платье, не носили на себѣ никакихъ украшеній, снимали даже обувь и вообще не заботились о наружности (Иезек. XXVI, 16; XXIV, 17, 23. 2 Царствъ XIX, 24.); или надѣвали власяницу (мѣткообразную одежду изъ грубой волосяной ткани темнаго цвѣта), подпоясанную веревкою (Иезек. VII, 18; 2 Макк. III, 19; 2 Царствъ III, 31), и закрывали себѣ голову и лицо (2 Царствъ XV, 30; XIX, 4). Платокъ, повязанный вокругъ подбородка и шеи и совершенно ихъ закрывавшій, былъ, кажется, отличительною принадлежностью вдовей одежды (Иудноб X, 3). Особенная невзрачность одежды предписывалась женщинамъ, обвиняемымъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, когда онѣ являлись на судъ предъ священника (Числ. V, 12 и слѣд.). По позднѣйшимъ постановленіямъ (Мишна, III, 5 и слѣд.), онѣ должны были надѣть простое черное платье и подпоясаться веревкою.

Хотя и у Евреевъ бракъ бывалъ черѣдко сдѣлкою, которую устраивали между собою родители брачующихся, безъ всякаго участія послѣднихъ¹, тѣмъ не менѣе у богатыхъ людей, особенно въ позднѣйшее время, онъ праздновался съ возможною роскошью. Женихъ и невѣста являлись въ этотъ день въ богатомъ праздничномъ нарядѣ: онъ въ узорчатыхъ одеждахъ, она — въ длинномъ платьѣ съ шлейфомъ и надѣтомъ сверхъ платья дорогомъ кафтанѣ. Одною изъ главныхъ принадлежностей наряда невѣсты было густое пурпуроваго цвѣта (?) покрывало (Иерем. II, 32). Закутанная въ него, отправлялась повобрачная, въ сопровожденіи своихъ подругъ, съ музыкою и пляскою, а ночью при свѣтѣ факеловъ, въ домъ своего мужа, гдѣ былъ приготовленъ пиръ, на которомъ повобрачный носилъ на головѣ вѣшокъ.

Измѣненіе въ политическомъ устройствѣ Израиля и Иудей, закончившее правленіе Судей и героической періодъ еврейскаго народа, отразилось и на развитіи еврейскаго костюма. Если вожди народа и возвращались опять въ частную жизнь, послѣ одержанныхъ ими побѣдъ, то все таки они оставались въ глазахъ народа людьми одаренными особенною силою и мудростью. Изъ нихъ смотрѣли не только какъ на энергическихъ военачальниковъ, но и какъ на мудрыхъ судей. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ они образовали изъ себя какъ-бы особое сословіе «старѣйшинъ» или главъ народа. Они были начальники Израилевы, ревнители въ народѣ, вѣдающіе на ослицахъ бѣлыхъ и сидящіе на коврахъ и властвующіе тростию висца (Суд. Изр. V, 9 10, 14)—которыхъ охотно слушался народъ. Замѣтившіе судей цари, которые тоже были по большей части избираемы народомъ, хотя и пользовались правомъ вести войну и заключать миръ, но власть ихъ всетаки не была неограниченною и стояла ниже закона Іеговы, по отношенію къ которому царь былъ только высшимъ судьей народа израильскаго, намѣстникомъ Іеговы и, вмѣстѣ съ высшими чинами жреческой іерархіи, охранителемъ и блюстителемъ національной религіи.

При такомъ, болѣе мірскомъ, нежели теократическомъ воззрѣніи на царскій санъ (какое только и могло выработаться у народа называвшаго себя

¹ M. Duncker, *Se ch. d. Alterthums* I. 439 seq. *Wiener Realwörterb. Art. „Ehe“.*

народомъ Іеговы), паружные атрибуты послѣдняго должны были быть довольно скромны. Существеннымъ изъ нихъ было сильное тѣлосложіе и отсутствіе всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ (1 Царствъ X, 23, 24; XVI, 12),—качества, которыя и Финикіяне считали необходимыми для царскаго сана.

Обрядъ «помазанія» или торжественнаго вѣнчанія на царство совершался лишь въ особенныхъ случаяхъ. Такъ онъ былъ исполненъ надъ малолѣтнимъ Іоасомъ, сыномъ Охозіа, спасеннымъ отъ мщенія Гоооліа, матери Охозіа, истребившей все царское племя: «И роздалъ священникъ сотникамъ копыя и щиты царя Давида, которые были въ домѣ Господнемъ. И стали скороходы, каждый съ оружіемъ въ рукѣ своей, отъ правой стороны дома до лѣвой стороны дома, у жертвенника и у дома, вокругъ царя. И вывелъ онъ царскаго сына, и возложилъ на него царскій вѣнецъ и украшенія, и воцарили его, и помазали его, и рукоплескали и восклицали: да живеть царь! И услышала Гооолія голосъ бѣгущаго народа, и пошла къ народу въ домъ Господень. И видитъ и вотъ царь стоитъ на возвышеніи, по обычаю, и князья и трубы подлѣ царя; и весь народъ земли веселится, и трубятъ трубами. И разодрала Гооолія одежды свои, и закричала: заговоръ! заговоръ!» (4 Царствъ XI, 10—14).—Существовавшій во время Судей обычай старѣйшинъ народа «ѣздить на ослицахъ» сохранился и при царяхъ и вошелъ въ обрядъ помазанія ихъ на царство (3 Царствъ I, 38). Въ выборѣ церемоніальной одежды для себя и для своихъ приближенныхъ, цари израильскіе, особенно первые, руководились вѣроятно своимъ личнымъ вкусомъ. Давидъ первый началъ подражать въ устройствѣ своего двора тирскимъ царямъ, а Соломонъ перенялъ у нихъ всю ихъ пышную обстановку. Не только маітія и шитыя одежды «князей языкъ морскихъ» заимствовалъ онъ, но и пурпуровую одежду царей Тира, украшенную драгоценными камнями и навоенную благоуханіями (Іезек XXVI, 16; XXVIII, 13), ихъ золотой скипетръ и вѣнецъ—принадлежности царскаго сана (ср. Діод. XVII, 47).—Кромѣ золотого вѣнца, украшеннаго драгоценными камнями (2 Царствъ XII, 30; I. Макк. X 20), и длиннаго скипетра, вмѣсто котораго еще Саулъ послалъ копьё (1 Царствъ XVIII, 10, XXII, 6), къ облаченію израильскихъ царей принадлежали: діадемы, браслеты, кольца и ожерелья (2 Царствъ I, 10; I. Макк. XI, 58).

Также роскошно одѣвались и царскія жены, число которыхъ у Соломона было, какъ извѣстно, баснословно велико:—«И полюбилъ царь Соломонъ многихъ чужестрашныхъ женщинъ кромѣ дочери Фараоновой, Моавитянокъ, Аммонитянокъ, Ідумеянокъ, Сидонянокъ, Хеттеянокъ» — «и было у него семьсотъ женъ и триста наложницъ» (3. Царствъ, XI, 1, 3). Каждая изъ этихъ иноплеменицъ приносила съ собою наряды своей страны. Роскошнѣе всѣхъ были наряды любимицъ царя—дочерей князей Тирскихъ.

Приближенные царя и важнѣйшіе придворные чины, какъ-то: главный смотритель дворца, начальникъ работъ, казначей, постельничіе, кравчіи, хранитель одеждъ, получали отъ царей, по всеобщему древневосточному обычаю, подарки дорогими одеждами, украшеніями и оружіемъ. Такими же отличіями были награждаемы и собственно государственные чиновники—совѣтники, писцы и ученые. Судьи и низшіе городскіе власти носили вѣроятно обыкновенную свѣтскую одежду; но первые, какъ представители полицей-

ской и судейской мѣстной власти, удержали за собой право старинныхъ судей носить судейскій посохъ. Судь свой они чинили на площадяхъ или подъ городскими воротами, куда тяжущіеся не рѣдко являлись въ печальномъ одѣяніи (Joseph Antiq. XIV. 9 (4)). Приговоръ судьи исполнялся немедленно и въ его присутствіи; ибо законъ гласилъ: если виновный достоинъ будетъ побоевъ; то судья пусть прикажетъ положить его и бить при себѣ, смотря по винѣ его, по счету (Второз. XXV, 2). Наказанія были впрочемъ вообще умѣренны и далеки отъ той жестокости, которая была въ обычаѣ въ остальныхъ восточныхъ земляхъ. Они состояли главнымъ образомъ въ заключеніи, въ уплатѣ за причиненный вредъ и въ наказаніи бичемъ (2 Макк. VIII, 1.) Осужденный на смерть могъ быть или обезглавленъ мечемъ, или побитъ камнями; другихъ родовъ смертной казни законъ первоначально не допускалъ; но впоследствии было введено вѣшаніе, распинаніе на крестѣ и др. казни.

3. Служебныя одежды еврейскихъ жрецовъ¹, первоначально установленныя Моисеемъ, могли имѣть нѣкоторое сходство съ одеждами жрецовъ египетскихъ, такъ какъ довольно вѣроятно, что Моисей, будучи воспитанъ при дворѣ египетскихъ Фараоновъ и посвященъ въ мистеріи египетскаго жречества, заимствовалъ у послѣдняго и нѣкоторыя внѣшнія его особенности и отличія. Сравнивая однакожъ жреческія одежды Египтянъ и Израильтянъ нельзя не замѣтить, что израильскій жреческій костюмъ существенно отличался отъ египетскаго. Также мало походилъ онъ и на костюмъ жрецовъ сирійскихъ и финикійскихъ, (который, за исключеніемъ пурпуровой маіти главнаго жреца при капищѣ Мелькарта въ Тирѣ, въ остальномъ близко подходилъ къ египетскому)², равно какъ и на костюмъ мидо-персидскихъ маговъ. Поэтому, если, съ одной стороны, въ постановленіяхъ, касающихся нѣкоторыхъ частныхъ жреческой одежды, нельзя не замѣтить вліянія древнеегипетской традиціи, то съ другой стороны, по нимъ можно заключить, что еврейская жреческая одежда была окончательно установлена только въ позднѣйшее время, а относительно облаченія первосвященника, что оно образовалось изъ простой народной одежды съ прибавкою нарамника и ассирійскихъ украшеній, слѣдуетъ получить окончательную свою форму во время сближенія Іудей и Израила съ Ассирією, когда между Евреями стали распространяться ассирійскіе обычаи и даже ассирійскій культъ, на что можетъ быть и указываютъ слова Іезекіиля и другихъ пророковъ объ идолослуженіи Самаріи и Іерусалима (Ср. Іезек. XXIII, 4 и слѣд. Осія VIII, 10; VIII, 8, 9; X; XII, 1; XIV, 2 и слѣд. Наума III, 4 и слѣд.).

Посвященіе въ священника сопровождалось обрядомъ очищенія, который состоялъ въ омовеніи всего тѣла водою и въ помазаніи нѣкоторыхъ его частей. За очищеніемъ слѣдовало торжественное возложеніе на посвящаемаго священническихъ одеждъ, при чемъ совершались установленныя на этотъ случай жертвоприношенія.

¹ Подробно описываетъ еврейскій жреческій костюмъ Braun: de vestitu sacerdotum. Amsterd. 1704. 4°. Приложенные къ этой книгѣ рисунки перешли почти безъ измѣненій во всѣ сочиненія по еврейскимъ древностямъ. Сравни. Munk Palestine T. 9—11.—² Movers. Untersuchungen über die Religion etc. der Phönizier. Bonn. 1841—85 et seq.

Законъ постановлялъ—и это постановленіе было можетъ быть единственнымъ, заимствованнымъ изъ египетской традиціи, ¹—чтобы священническое одѣяніе было изготовлено изъ чистаго полотна блестящей бѣлизны. Оно состояло — въ противоположность египетскому — изъ нижняго платья, закрывавшаго наготу «отъ чреслъ до голеней», изъ цѣльной тканой одежды — хитона, изъ пояса и головной повязки (Исх. XXVIII, 40 и слѣд.; XXXIX, 27 и слѣд. Лев. VIII, 13). Носить обувь при священнодѣйствіи, священникамъ воспрещалось. Они не могли также выстригать себѣ волосы на головѣ въ знакъ печали, ни вообще предаваться неумѣреннымъ выраженіямъ скорби; но имъ дозволялось въ служенія носить обыкновенную мірскую одежду (Joseph. de bell. jud. V, 5 (7)).

Иосифъ (Antiq. III, 7 (1) и слѣд.) сообщаетъ точное описаніе покроа священническаго одѣянія. По его словамъ, упомянутое нижнее платье (мехозентъ) дѣлалось въ его время (около половины 1 ст. по Р. X.) изъ виссона (полотна) ². Оно покрывало верхнюю часть ногъ до поясицы и у пояса застегивалось (или собиралось на шнурокъ). Сверхъ него надѣвался хитонъ (хетомене)—одежда въ родѣ сорочки, сдѣланная тоже изъ виссона; доходя до ступней и съ узкими рукавами, она довольно плотно обнимала тѣло, на воротѣ имѣла спереди и сзади глубокіе разрѣзы, а на плечахъ зашнуровывалась. Поясъ, которымъ опоясывали нижнюю одежду, назывался первоначально «абенеоъ», а во время Иосифа — по-халдейски «эманъ». Онъ былъ тканый изъ чистаго виссона съ богатымъ узоромъ изъ пурпура, кармина и гіацинта ³. Его подпоясывали довольно высоко подъ грудью и нѣсколько разъ обвивали вокругъ тѣла, но такъ, чтобы висящіе концы его все-таки доходили до ступней. Ради удобства, при жертвоприношеніи, ихъ закидывали назадъ черезъ лѣвое плечо, изъ чего можно заключить, что поясъ завязывался на лѣвомъ боку.

Головной уборъ состоялъ изъ довольно плотной сѣтки (маснаемф-тесъ), которая закрывала почти двѣ трети головы ⁴, и повязки, которую обертывали вокругъ всей головы и прикрѣпляли шнуркомъ для того, чтобы она не могла свалиться во время священнодѣйствія.

Облаченіе первосвященника было въ общемъ сходно съ одеждою простыхъ священниковъ, отличаясь отъ нея большею пышностью и нѣкоторыми дополнительными одеждами (Исх. XXIX, 5—9; Лев. VIII, 7—9). Къ нимъ принадлежали: богатая верхняя риза, наперсникъ, драгоценный эфодъ, и не менѣе дорогой головной уборъ—кидаръ съ діадимою (Исх. XXVIII, 4 и слѣд.; XXXIX, 1—31).

¹ Ср. W. Hengstenberg. Die vier Bücher Moses und Aegypten. Berlin 1841. S. 149 ff.—² Въ противность мнѣнію Риттера (Über die geograph. Verbreitung der Baumwolle etc.), что подъ виссономъ слѣдуетъ разумѣть хлопчатую бумагу, Бругшъ утверждаетъ, что виссономъ назыв. льняныя ткани, а хлопчатобумажныя назыв. «синдонъ» (Brugsch. Über die ägypt. Benennung für Sindon und Byssos).—³ По Эвальду: краснаго, синяго и бѣлаго цвѣта. См. Geschichte des Volkes Israel. Auhang: S. 289; 305 ff.—⁴ Ср. E. Bähr. Symbol. etc. II, 64 ff. Она служила вѣроятно для того, чтобы слишкомъ густые волосы лежали ровнѣе на головѣ, и потому походила, можетъ быть, на повязку, которая наши актеры надѣвають подъ парикъ.

Всѣ эти части первосвященническаго облаченія, подробно и довольно согласно съ библейскими указаніями описанныя и у Юсифа (*Antiq.* III, 7 (4 и слѣд.); *bell. jud.* V, 5 (7)), надѣвались на обыкновенное священническое одѣяніе въ слѣдующемъ порядкѣ: Поверхъ подпоясанной кушакомъ длинной нижней одежды (хетомене) надѣвалась сначала верхняя одежда (менръ). Она была пурпуроваго цвѣта, короче нижней, и вся цѣльная (не сшитая, а сотканная цѣликомъ), съ отверстіями для головы и рукъ; подолъ ея былъ обшитъ трехцвѣтными круглыми кистями и размѣщенными между ними въ правильныхъ промежуткахъ золотыми колокольчиками «дабы слышанъ былъ отъ него (первосвященника) звукъ, когда онъ будетъ входить во святилище предъ лице Господне, и когда будетъ выходить, чтобы не умереть ему» (*Исх.* XXIX, 35). За тѣмъ слѣдовалъ «эфодъ.» Первоначально, по всей вѣроятности, общая одежда народа и потомъ, въ нѣсколько улучшенной формѣ, принадлежность священническаго одѣянія, которымъ уже Гедеонъ одѣвалъ своего кумира, эфодъ превратился въ драгоценное украшеніе первосвященническаго облаченія. Онъ дѣлался изъ виссона, протканнаго темнофіолетовыми, фіолетовыми, яркокрасными и золотыми нитями, и формою походилъ на нынѣшнее облаченіе католическихъ священниковъ. Дѣль его половины, изъ которыхъ на передней была сдѣлана глубокая, четырехугольная выемка, по краямъ усаженная тремя рядами драгоценныхъ камней, соединялись на плечахъ золотыми застежками, а внизу связывались лентами и сдерживались вокругъ талии богатымъ узорчатымъ поясомъ. На выемку передней половины эфода навязывалъ первосвященникъ самую знаменательную и самую драгоценную принадлежность своего облаченія—уримъ и туммимъ. Первоначально это былъ простой мѣшечекъ, въ которомъ хранились «священные жеребьи» и который въ древнѣйшее время носили на груди всѣ жрецы. Сдѣлавшись принадлежностью первосвященническаго облаченія, мѣшечекъ превратился въ продолговатую коробочку изъ чистаго золота, * украшенную съ передней стороны двѣнадцатью драгоценными камнями, расположенными въ четыре ряда въ слѣдующемъ порядкѣ: рубинъ, топазъ, изумрудъ; — карбункулъ, сапфиръ, алмазъ; — яхонтъ, агать, аметистъ;— хрисолитъ, ониксъ, яшмъ (*Исх.* XXVIII, 17—20; XXXIX, 10 — 13). На каждомъ камнѣ этого напернаго украшенія (которое нѣсколько напоминаетъ такое же украшеніе верховнаго судьи у Египтянъ, когда онъ отправлялъ свою должность; см. фиг. 136, d), было вѣрзано имя одного изъ двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ. Внутри коробочки, какъ предполагаютъ ¹, хранились двѣнадцать алмазныхъ жеребьевъ, которые, въ важныхъ случаяхъ, первосвященникъ высыпалъ на скинию завѣта и по тому, какъ они располагались, высказывалъ свое рѣшеніе.

* По *Исх.* XXVIII, 15 и XXXIX, 8, 9—это былъ квадратный мѣшечекъ изъ парчи, а не продолговатая коробочка изъ чистаго золота. — ¹ О сходствѣ египетскаго украшения съ еврейскимъ см. промѣ Wilkinsons, Rosellini и др. еще Gliddon. *Ancient Egypt.* Ег. 29 р. Hengstenberg. *Die Bücher Moses und Aegypten etc.* 154 et seq. О названіи «урима и туммима» и о распредѣленіи на немъ драгоценныхъ камней ср. Joach. Bellermaun. *De Urim und Thummim, die ältesten Gemmen.* Berlin 1824 съ рисун.; о символич. его значеніи Wiener. *Bibl. Realwörterbuch.* 3 Aufl. Art. Urim und Thummim.

«Уримъ и тумимъ» прикрѣплялся золотыми цѣпочками и крючками къ плечнымъ застѣжкамъ и къ поясу эфода.

Вмѣсто повязки простыхъ священниковъ, первосвященникъ носилъ на головѣ родъ тюрбана (кидарь), на который спереди была навязана пурпуровыми сиурами золотая діадема (Исх. XXIX, 6). На діадемѣ были вырѣзаны слова: «святѣя Господня». По описанію Іосифа (*Antiq.* III 7 (6); *bell. jud.* V, 5 (7)), въ нѣкоторыхъ подробностяхъ разнящемуся отъ библейскаго, головной уборъ первосвященника не отличался существенно отъ головного убора священниковъ, у которыхъ онъ состоялъ изъ тиары, съ тремя вѣнцами, усаженными золотыми цвѣточками. По словамъ того же писателя, эфодъ былъ одеждою изъ дорогой ткани, съ рукавами и вырѣзкою на груди. Это разногласіе объясняется измѣненіями, которымъ подверглась съ теченіемъ времени какъ одежда левитовъ вообще, такъ и облаченіе первосвященника въ особенности. Обуви первосвященникъ не носилъ во время служенія, покрайней мѣрѣ онъ не могъ входить въ святое святыхъ иначе, какъ разутымъ. Великолѣпное облаченіе свое онъ могъ надѣвать только въ особеніи торжественные праздники. Въ дни общаго покаянія онъ носилъ простую льняную одежду безъ всякихъ украшеній (*Лев.* XVI, 4), къ которой въ позднѣйшее время была прибавлена еще другая льняная одежда (*Mischna Ioma* III, 7). Въ служенія и первосвященникъ одѣвался, по словамъ Іосифа (*Antiq.* XVІІІ, 4), въ обыкновенное свѣтское платье, какъ и простые священники.

Въ дни большихъ праздниковъ, во время торжественныхъ процессій и жертвоприношеній, и міряне, конечно, одѣвались въ свое лучшее праздничное платье; если же праздновалось какое нибудь особенно радостное событіе, то надѣвали на голову вѣнки (изъ плюща). (Сравни. *Маккав.* 2 кн. VI, 7). По обычаю, основанному впрочемъ на указаніяхъ закона (*Исх.* XIII, 9, 16. *Второз.* VI, 8; XI, 18), становясь на молитву, навязывали себѣ на руки, на лобъ и на лѣвое предплечіе такъ наз. „хранилища“—пергаментныя полоски съ словами изъ закона,—для того, чтобы живѣе держать въ памяти заповѣди Іеговы. Въ позднѣйшее время этотъ обычай обратился въ такое же ханжество, какъ и пошеніе большихъ кистей на одеждѣ (см. выше).

Вооруженіе.

Вооруженіе Евреевъ мало отличалось отъ вооруженія прибрежныхъ народовъ, причемъ нужно замѣтить, что и у нихъ, также какъ и у Филистимлянъ, одни только военачальники носили полное вооруженіе, которое бывало иногда богато. Правильное вооруженіе войска началось, вѣроятно, только при Давидѣ, а роскошная отдѣлка оружія только при Соломонѣ:—„И было у Асы военной силы: вооруженныхъ щитомъ и копьемъ изъ колѣна Іудина триста тысячъ, и изъ колѣна Веніаминѣа вооруженныхъ щитомъ и стрѣлявшихъ изъ лука двѣсти восемьдесятъ тысячъ, людей храбрыхъ“ (2 *Пар.* XIV, 8. *Ср.* 1 *Царств.* VIII, 12; 4 *Царств.* I, 9; XI, 15.).

1. Щитъ былъ, кажется, трехъ родовъ: ручной, поставной, закрывавшій всего воина (Ios. Antiq. VI, 5 (1); сравн. фиг. 124, h; 128, d), и овальный, ¹ введенный въ позднѣйшее время, можетъ быть въ подражаніе персидскому щиту (фиг. 151, a). Щиты дѣлались или плетеные, или деревянные съ кожаной покрывкою и металлическими бляхами (ср. 2 Царствъ I, 21.), или (впрочемъ очень рѣдко) цѣльные металлическіе. (3 Царствъ XIV, 27.). — Щиты позолоченные (или можетъ быть выкованные изъ золота), какъ тѣ 200 щитовъ, которые велѣлъ сдѣлать Соломонъ, служили только для увеличенія пышности, окружавшей царя (3 Царствъ X, 16; XIV, 16 и слѣд. Ср. 1 Макк. VI, 39; XIV, 24). Вооруженіе царя Саула состояло изъ мѣднаго шлема и панцыря. Оно было такъ тяжело, что непривыкшій еще къ ратному дѣлу Давидъ былъ не въ состояніи свободно въ немъ двигаться (1 Царствъ XVII, 38, 39.). Шлемы дѣлались однакъ не всегда изъ мѣди; были также (именно въ раннюю пору) шлемы изъ твердаго войлока или кожи, на подобіе нѣкоторыхъ египетскихъ шлемовъ. Украшали ли Евреи свои шлемы, подобно Ассиріянамъ, (фиг. 125, b—d), пучками перьевъ и т. п., или нѣтъ—достоверно неизвѣстно. Напротивъ того, довольно вѣроятно, что панцыри израильскихъ воиновъ, по крайней мѣрѣ знатныхъ, совершенно походили на ассирійскіе. Они совершенно закрывали грудь и спину отъ шеи до бедеръ (2 Пар. XXIV, 14; 3 Царствъ XXII, 34) и были или мѣдные, или усажены мѣдными чешуями (сравн. 1 Царствъ XVII, 5. См. фиг. 125, e—g), или же—во времена Макавеевъ—постоящія кольчуги (1 Макк. VI, 35). Какъ тѣ, такъ и другія подпоясывались широкимъ ремешнымъ (?) поясомъ, (3 Царствъ II, 5; 2 Царствъ XX, 8.), вѣроятно усаженнымъ бляхами. Ноги защищали металлическими поножами (1 Царствъ XVII, 6)—часть вооруженія, которую Израильтяне могли заимствовать отъ поморскихъ племенъ (сравн. фиг. 23, a). Обувью служили крѣпкія ботинки (Ioseph. bell. jud VI, 1 (8)), которыя зашнуровывались и сначала вѣроятно походили на ассирійскіе полусапоги, а впоследствии приняли форму римскихъ солдатскихъ башмаковъ (фиг. 124. f. фиг. 128. e. f.).

2. Главнымъ нападательнымъ оружіемъ были—мечъ, копье и лукъ со стрѣлами. Мечи были различной длины, большею частью съ острымъ концомъ и о двухъ лезвіяхъ. Ихъ носили въ ножнахъ, которые висѣли на лѣвомъ боку на особой перевязи. Въ позднѣйшее время вошли въ употребленіе римскіе кривые кинжалы—*sica*. (См. Ioseph. Antiq. XX. 8 jud. VII, 10 (1); сравн. фиг. 127. g—m).

Копья, по всей вѣроятности совершенно подобные ассирійскимъ и персидскимъ (фиг. 126. h—i; фиг. 152), были приспособлены для удара изъ руки и для метанья (1 Царствъ XVIII, 11; XIX, 10). Луки также ничѣмъ не отличались отъ ассирійскихъ и персидскихъ, и изготовлялись тоже изъ твердаго дерева, рога, жила, или металла (1 Царствъ XXXI, 3; 2 Царствъ XXII, 35). Стрѣлы дѣлались изъ тростника; ихъ носили въ кол-

¹ Ср. рисунки, сдѣланные съ монетъ у Jahn. *Bibl. A. chæologie*, II (II) Taf. 11, 6, 8.

чанахъ, а лукъ въ налучъ (см. фиг. 126, а—с, е—g. фиг. 151, ср. фиг. 152, а, b).

Кромѣ описаннаго оружія, Израильтяне сражались пращею, которая была у нихъ любимымъ метательнымъ оружіемъ (Суд. XX, 16; 2 Пар. XXVI, 14); но топоровъ, палицъ, молотовъ и т. п. ударнаго оружія, они, кажется, вовсе не употребляли.

Знамена были извѣстны Евреямъ уже въ самую раннюю пору, когда по библейскому сказанію каждое колѣно собиралось подъ своимъ знаменемъ (Числа, I, 52; II, 2; X, 14 и слѣд.). Но были ли у нихъ собственно войсковыя знамена, какъ напр. у Египтянъ (фиг. 45), Ассиріянъ (фиг. 141. С) или Персовъ—навѣрно неизвѣстно. Вѣроятно, что для сбора ратниковъ и у нихъ поднимались сигналы на шестахъ, зажигались огни на возвышенностяхъ. Во время сраженія трубили въ рога или въ трубы (2 Царствъ II, 28, XX, 22; 2 Пар. XIII, 12).

Какъ уже было замѣчено выше, первый шагъ къ правильному устройству израильскаго войска былъ сдѣланъ Давидомъ. До него, оно состояло изъ однихъ только пѣшихъ ратниковъ; онъ прибавилъ къ нимъ отрядъ воиновъ, сражавшихся съ колесницъ, и отрядъ тѣлохранителей изъ наемниковъ (хрети и плеои). Кромѣ того, онъ велѣлъ пересчитать всѣхъ годныхъ носить оружіе и всю массу ихъ раздѣлил на отряды въ 24000 человекъ каждый¹—и такимъ образомъ положилъ основаніе настоящему народному ополченію. Наконецъ, значительная конница, заведенная Соломономъ, поставила израильское войско на ряду съ войсками всѣхъ остальныхъ западноазиатскихъ народовъ (3 Царствъ IV, 26; X, 26).

Новое дѣленіе войска было введено царемъ Озіей:—„Было у Озіи и войско, выходившее на войну отрядами, по счету въ спискѣ ихъ, составленномъ рукою Іеіела писца и Маасеи надзирателя, подъ предводительствомъ Хананіи, одного изъ главныхъ сановниковъ царскихъ. Все число главъ поколѣній, изъ храбрыхъ воиновъ, было двѣ тысячи шесть сотъ; и подъ рукою ихъ военной силы триста семь тысячъ пять сотъ, вступавшихъ въ сраженіе съ воинскимъ мужествомъ, на помощь царю противъ непріятеля“ (2 Пар. XXVI, 11—13). По уже и прежде войско израильское раздѣлялось на отряды въ 1000, 100 и въ 50 человекъ (Суд. Пэр. XX, 10; 4 Царствъ, XI, 15). Каждый такой отрядъ былъ подчиненъ особому начальнику (2 Царствъ I, 9, XI, 4. 2 пер. XXV, 5), а надъ всѣмъ войскомъ начальствовалъ или самъ царь, или, вмѣсто него, главноначальствующій (1 Царствъ XIV, 50. 2 Царствъ XXIV 2), при которомъ начальники отрядовъ составляли военный совѣтъ (1 Пар. XIII, 1).

Военачальники не имѣли вѣроятно никакихъ опредѣленныхъ виѣшнихъ отличій, а отличались отъ остальныхъ воиновъ или богатствомъ и красотою вооруженія, которое они пріобрѣтали на собственные средства, въ чемъ имъ не мало помогала захваченная у непріятеля добыча, или дорогимъ оружіемъ и почетными одеждами, которыми ихъ награждали цари. Одежды краснаго и пурпуроваго цвѣта были самыми почетными; но ихъ носили, кажется, одни только главнокомандующіе войсками; по крайней мѣрѣ

¹ Duncker Gesch. des Alterthums. I. 313.

такъ было въ древнѣйшую эпоху. Въ позднѣйшее время, эти одежды сдѣлались вѣроятно болѣе обыкновенными. При Римлянахъ, когда въ еврейскія войска были введены греческіе и римскіе плащи, военачальники еврейскіе, быть можетъ, тоже стали носить широкій, обложенный пурпуровою каймою плащъ римскихъ полководцевъ—*paludamentum*.

Постройки. ¹

Первою самостоятельною постройкою Израильтянъ, сооруженною ими по выходѣ ихъ изъ Египта, было подвижное святилище — скинія. Этотъ храмъ, вполне соответствовавшій скитальческому образу жизни своихъ строителей, былъ устроенъ на подобіе шатра, который можно было ставить и снимать по произволу и который былъ достаточно просторенъ для отправленія въ немъ богослуженія и храненія переданной Моисеемъ народу святыни. — „Моисей же взялъ и поставилъ себѣ шатеръ внѣ стана, вдали отъ стана, и назвалъ его скиніею собранія; и каждый, ищущій Господа, приходилъ въ скинію собранія, находившуюся внѣ стана. И когда Моисей выходилъ къ скиніи, весь народъ вставалъ, и становился каждый у входа въ свой шатеръ и смотрѣлъ въ слѣдъ Моисею, доколѣ онъ не входилъ въ скинію“ (Исходъ XXXIII, 7, 8). Занявъ Ханаанъ, Израильтяне не вдругъ перешли къ осѣдлой жизни въ постоянныхъ жилищахъ, а продолжали жить въ такихъ же переносныхъ палаткахъ или тростниковыхъ хижинахъ, въ какихъ жили во все продолженіе своего странствованія по пустынѣ. Они были вынуждены къ этому съ одной стороны тѣмъ, что, занимая страну, сами разрушили большую часть ея городовъ и превратили ихъ „въ вѣчныя развалины“ (Ис. Пав. VIII, 28); а съ другой тѣмъ, что осѣдлому поселенію ихъ въ пощаженныхъ ими мѣстностяхъ мѣшали безпрестанныя нападенія со стороны враждебныхъ имъ племенъ (Ис. Пав. XI, 13). — „Тяжела была рука Мадіанитянъ надъ Израилемъ, и сыны Израилевы сдѣлали себѣ отъ Мадіанитянъ ущелія въ горахъ, и пещеры и укрѣпленія. Когда посѣтъ Израиль, прійдутъ Мадіанитяне и Амалекитяне и жители востока, и ходятъ у нихъ; и стоятъ у нихъ шатрами и истребляютъ произведенія земли до самой горы, и не оставляютъ для пропитанія Израилю ни овцы, ни вола, ни осла. Ибо они приходили съ скотомъ своимъ и съ шатрами своими, въ такомъ множествѣ, какъ саранча; имъ и верблюдамъ ихъ не было числа, и ходили по землѣ Израилевой, чтобы опустошать ее“ (Суд. Изр. VI, 2—5).

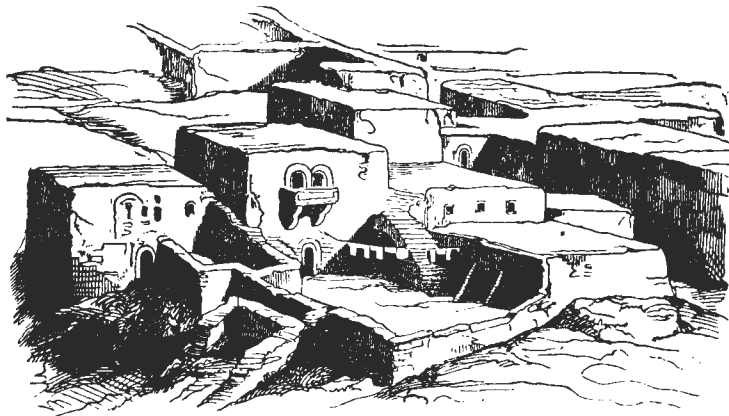
Такимъ постоянно возобновлявшимся набѣгамъ подвергались преимущественно восточныя области Ханаана, отчего полукочевая жизнь удержалась въ нихъ гораздо долѣе, чѣмъ во внутреннихъ и въ западныхъ областяхъ, поставленныхъ въ болѣе благоприятныя мѣстныя условія ². Не смотря однакожь на то, что населеніе этихъ областей рано перешло къ земледѣльческому бы-

¹ I. E. Faber *Archaeologie der Hebraeer*. Halle 1773. — ² Duncker. *Gesch. des Alterthums* I. 245 et seq.

ту и жизни въ городахъ, которые были частію построены, частію возобновлены и укрѣплены еще при Иисусѣ Навинѣ (XIX, 49 и слѣд.), оно предпочитало легкую палатку или шатеръ, разбитый внутри или внѣ городскихъ стѣнъ, постояннымъ жилищамъ. Потребность въ нихъ стала проявляться только со временъ царей, въ особенности со временъ Давида, но и то лишь между знатными и богатыми, которые селились вокругъ царскихъ чертоговъ, какъ около средоточія всего царства; собственно же народъ продолжалъ жить по старинному обычаю, отчасти по бѣдности, отчасти по привычкѣ. Даже при царѣ Іеровоамѣ II, когда уже самаритянскіе богачи роскошествовали въ своихъ пышныхъ дворцахъ и домахъ „кости слоновыя“ (Амосъ III, 15), наибольшая часть израильскаго народа всё еще продолжала жить „въ шатрахъ своихъ, какъ вчера и третьяго дня“ (4 Царствъ, XIII, 5).

Городскія жилища ¹ (богатыхъ) Израильтянъ, отчасти достались имъ вмѣстѣ съ завоеванными городами, отчасти были построены ими самими по образцу доставшихся. Устройство ихъ, какъ позволяютъ судить о немъ библейскія указанія (конечно очень общія), ничѣмъ, повидимому, не отличалось отъ устройства позднѣйшихъ и даже современныхъ намъ восточныхъ городскихъ жилищъ. Тѣ же самыя климатическія и бытовыя условія, которыя вліяли тогда на постройку частныхъ жилищъ, остались неизмѣнными и до сихъ поръ, и если мы взглянемъ на приложенный видъ группы домовъ въ нынѣшнемъ городкѣ Назаретѣ (фиг. 167), то увидимъ, что дома эти по

Фиг. 167.

устройству своему довольно близко походятъ на дома, представленные на древнѣйшихъ египетскихъ (фиг. 49, а) и ассирійскихъ (фиг. 134 b) барельефахъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, къ дому ведетъ открытый, обнесенный стѣною дворъ, съ котораго поднимается лѣстница на плоскую крышу жилища.

¹ Сравни. Faber. Archaeolog. 365 et seq. Hartmann. Die Hebraeerin. II. 399, и прочъ названныхъ выше сочиненій Шибуръ, Бургартъ, Уелъстада и др., еще Th. Hartmann. Beobacht. über den Orient aus Reisebeschreibungen zur Aufklärung der heil. Schrift. London 1776, und Hamburg 1772. I, 165 et seq.

Дома строили обыкновенно изъ обожженаго или высушенаго на солнцѣ кирпича, рѣже изъ камня; для связи употребляли известковый или гипсовый цементъ; деревянныя части—перекладыны, столбы и проч. дѣлали изъ сикоморовыхъ и пальмовыхъ (?) бревень, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, изъ маслины, сандаловаго и кипарисоваго дерева¹. Жилые покои выходили на четверугольный некрытый дворъ, который въ большихъ домахъ былъ обнесенъ колончатой галлереей, иногда усаженъ деревьями, иногда только вымощенъ и съ цистерною посрединѣ. „...но они оба скоро ушли и пришли въ Бахуримъ въ домъ одного человѣка, у котораго на дворѣ былъ колодезь и спустились туда“ (2 Царствъ XVII, 18). Дворъ этотъ служилъ въ тоже время пріемною или гостиною и сообщался съ внутренними покоями посредствомъ нѣсколькихъ дверей. „Однажды подъ вечеръ, Давидъ, вставъ съ постели, прогуливался на кровлѣ царскаго дома, и увидѣвъ съ кровли купающуюся женщину;“ (2 Царство XI, 2). Кровли домовъ были плоски и обнесены перилами. Устройство перилъ вокругъ кровли было предписано закономъ: „Если будешь строить новый домъ, то сдѣлай перила около кровли твоей, чтобы не завести тебѣ крови на домъ твой, когда кто нибудь упадетъ съ него“ (Второзак. XXII, 8). На кровлю всходили по одной или нѣсколькимъ лѣстницамъ, которыя поднимались или изнутри дома, или со двора. Такъ какъ жители дома проводили на кровлѣ большую часть дня, а лѣтомъ и спали на ней, то на кровлѣ устраивались и соотвѣтственныя этому назначенію помѣщенія. Въ небольшихъ домахъ помѣщенія эти ограничивались вѣроятно только одною закрытою надстройкою, которая могла служить или спальнею, или комнатою для больныхъ, или наконецъ, какъ у Египтянъ, (фиг. 49, а) домашнимъ жертвенникомъ: „и жертвенники на кровлѣ горницы Ахазовой, которые сдѣлали цари іудейскіе, и жертвенники, которые сдѣлалъ Манассія на обоихъ дворахъ дома Господня, разрушилъ царь, и низвергъ оттуда, и бросилъ прахъ ихъ въ потокъ Кедронъ“ (4-я Царствъ XXIII, 12). „Сдѣлаемъ небольшую горницу надъ стѣною, и поставимъ ему тамъ постелю, и столъ, и сѣдалище, и свѣтильникъ; и когда онъ будетъ приходить къ намъ, пусть заходить туда“ (4 Царствъ IV, 10).

Знатные Израилтяне, жившіе въ Иерусалѣмѣ и въ другихъ царскихъ резиденціяхъ — Тирзѣ и Самаріи, строили свои дома, какъ израильскіе цари свои дворцы, по образцу финикійскихъ. Отъ Финикійянъ же переняли они, по всей вѣроятности, и постройку многоэтажныхъ домовъ, равно какъ и устройство при нихъ садовъ и богатое убранство внутреннихъ покоевъ.

При большихъ городскихъ домахъ находился, кромѣ серединнаго двора, еще другой передъ домомъ. Этотъ дворъ былъ тоже окруженъ стѣнами и обнесенъ галлереею, изъ которой вели лѣстницы на галлереею вокругъ кровли. Онъ замѣнялъ стѣни и переднюю, и соединялся съ центральнымъ или внутреннимъ дворомъ проходомъ или воротами.

Двери въ домахъ были большею частью не велики; деревянные створы навѣшивались на вертикальныя веревы и запирались (замками или задвижками). „Издали довольно долго, но вида, что никто не отпираетъ дверей горницы,

¹ Подробности въ Winer, Bibl. Realwörterbuch, Art.: «Häuser».

взяли ключъ и отперли...“ (Кн. Судей Изр. III, 25). Окна были тоже малы и выходили на улицу, а въ верхнихъ этажахъ большихъ домовъ и на дворъ; запирались деревянными рѣшотками или завѣшивались занавѣсами. Эти небольшіе окна называли „египетскими“; отъ нихъ отличали названіемъ „тирскихъ“ окна бѣльшихъ размѣровъ. „И сказалъ (Елисей царю): отвори окно на востокъ. И онъ отворилъ“. (4 Царствъ XIII, 17).

Окружавшіе внутренній дворъ жилые покои раздѣлялись на переднее и заднее жилье. Въ послѣднемъ жили женщины и входъ въ него былъ запрещенъ всѣмъ, кромѣ главы семейства. Женщинамъ же, повидимому, дозволялось входить въ мужскую половину (Второзак. XXV, 11). Стѣны въ комнатахъ небогатыхъ людей было просто выбѣлены; у богачей—расписаны, или увѣшаны коврами, обложены панелями изъ дорогого дерева или мраморомъ; полы дѣлались обыкновенно кирпичные или изъ особо приготовленнаго гипсового раствора.

Царскіе чертоги.

Вскорѣ послѣ того какъ Давидъ избралъ Іерусалимъ мѣстомъ своего пребыванія, расширилъ и укрѣпилъ его,—онъ началъ строить себѣ обширный дворецъ на горѣ Сіонѣ. Дворецъ этотъ, построенный финикійскими мастерами, которыхъ прислалъ Давиду Хирамъ, царь тирскій, вмѣстѣ со всѣми нужными для постройки матеріалами, походилъ вѣроятно на укрѣпленные дворцы финикійскіе ¹, и былъ такъ же богато убранъ, какъ палаты царей ассирійскихъ, вавилонскихъ и персидскихъ.

Соломонъ, болѣе своего отца любившій пышность, не удовольствовался постройкою одного дворца (который однакожъ строился цѣлыхъ 13 лѣтъ); онъ пристроилъ къ нему великолѣпный дворецъ для своей супруги египтянки и, кромѣ того, построилъ для нея же загородный дворецъ на Ливанѣ, съ обширнымъ паркомъ и виноградниками:—„А свой домъ Соломонъ строилъ тринадцать лѣтъ, и окончилъ весь домъ свой. И построилъ онъ домъ изъ дерева Ливанскаго, длиною во сто локтей, шириною въ пятьдесятъ локтей, а вышиною въ тридцать локтей, на четырехъ рядахъ кедровыхъ столбовъ; и кедровыя бревна положены были на столбахъ. И насланъ былъ помостъ изъ кедра надъ бревнами на сорока пяти столбахъ по пятнадцати въ рядъ ². Оконныхъ косяковъ было три ряда; и три ряда оконъ, окно противъ окна. И всѣ двери и дверные косяки были четырехугольные, и окно противъ окна, въ три ряда ³. И притворъ изъ столбовъ сдѣлалъ онъ длиною въ пятьдесятъ локтей, шириною въ тридцать локтей, и предъ ними крыльцо, и столбы, и порогъ предъ ними. Еще притворъ съ престоломъ, съ котораго онъ судилъ, притворъ для судилища сдѣлалъ онъ, и покрылъ всѣ полы кедромъ. Въ домѣ, гдѣ

¹ Объ укрѣпленномъ дворцѣ царей тирскихъ см. С. Movers. Das phoenizische Alterthum I. 212 et seq. — ² Нижній этажъ зданія былъ окруженъ рядомъ столбовъ, на которыхъ были насланы кедровыя бревна; позади этихъ столбовъ шли три ряда другихъ. (на которыхъ собственно и утверждался верхній этажъ зданія), по пятнадцати въ каждомъ ряду—вѣроятно на подобіе Чагиль-иншара въ Персеполисѣ. — ³ Въ верхнемъ этажѣ были двери, выходившія на галерею, которая опиралась на упомянутые 3 ряда столбовъ.

онъ жилъ, другой дворъ позади притвора былъ такого же устройства. И въ домѣ дочери Фараоновой, которую взялъ за себя Соломонъ, онъ сдѣлалъ такой же притворъ. Все это сдѣлано было изъ дорогихъ камней, обтесанныхъ по размѣру, обрѣзанныхъ пилою, съ внутренней и наружной стороны, отъ основанія до выступовъ, и съ наружной стороны до большого двора. И въ основаніе положены были камни дорогіе, камни большіе, камни въ десять локтей и камни въ восемь локтей. И сверху дорогіе камни, обтесанные по размѣру, и кедръ. Большой дворъ огороженъ былъ кругомъ тремя рядами тесанныхъ камней и однимъ рядомъ кедровымъ бревенъ; также и внутренній дворъ храма Господа и притворъ храма. И послалъ царь Соломонъ, и взялъ изъ Тира Хърама, сына одной вдовы, изъ колѣна Нефѣалимова. Отецъ его, Тираинъ, былъ мѣдникъ; онъ владелъ способностію, искусствомъ и умѣньемъ, выдѣлывать всякія вещи изъ мѣди. И пришелъ онъ къ гарю Соломону, и производилъ у него всякія работы.“ (3 Царствъ VII, 1—14. Сравни. Юс. Antiq. VIII, 5 seq. 7 (3).

Зданія, подобныя описанному (которое, повидимому, походило, по крайней мѣрѣ приблизительно, на дворцы Персеполя и Сузъ, хотя и уступало имъ въ размѣрахъ) были построены по раздѣленіи царства и въ другой столицѣ царей израильскихъ — Тирзѣ. Когда же царь Амвріи перенесъ престолъ свой въ Самарію, а сынъ и наслѣдникъ его Ахавъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Этваава, царя Тирскаго, то съ тѣхъ поръ не только новая столица, но и другіе города царства стали наполняться, кромѣ разнаго рода обширныхъ построекъ, «домами кости слоновою» (т. е. украшенными слоновою костью) и домами, окруженными садами (3 Царствъ XXII, 39; 4 Царствъ IX, 27).

Великолѣпнѣйшимъ изъ всѣхъ дворцовъ царей израильскихъ былъ однокоръ дворецъ въ Иерусалимѣ, къ которому царь Іоакимъ прибавилъ нѣсколько новыхъ пристроекъ. Иосифъ (bell. jud. V (4)) называетъ существовавшій въ его время царскій дворецъ въ Иерусалимѣ „зданіемъ выше всякаго описанія и въ которомъ пышность и искусство словно старались превзойти сами себя“.

Дворцы царей израильскихъ отличались отъ дворцовъ ассирійскихъ и вавилонскихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что не заключали въ себѣ ничего имѣющаго отношеніе къ общественному культу и поэтому не носили, какъ тѣ, характера египетскихъ храмовъ - дворцовъ, а были просто роскошнымъ жилищемъ царя, какъ знатнѣйшаго и богатѣйшаго человѣка въ царствѣ.

Это отдѣленіе религіознаго отъ свѣтскаго — отдѣленіе существовавшее кажется и у сиро-фикиянъ, хотя и въ другомъ, чисто языческомъ смыслѣ — было устаноено въ Израилѣ Моисеемъ. Онъ истребилъ распространившееся было въ народѣ, во время его пребыванія въ Египтѣ, обоготвореніе тельца (аписа) и возстановилъ снова поклоненіе единому истинному Богу. Для общественныхъ жертвоприношеній онъ учредилъ жертвенники изъ нетесанаго камня и безъ ступеней, по старинному патриархальному обычаю, а для храненія святыни и для богослуженія въ тѣсномъ смыслѣ — уже описанное выше шатрообразное святилище — скинию.

Поселившись въ обѣтованной землѣ, Израильтяне хотя и уклонялись по временамъ отъ поклоненія Іеговъ и обращались къ языческимъ вѣрованіямъ окружающихъ ихъ народовъ, однакожъ большинство ихъ строго соблюдало законъ, данный Моисеемъ. Ковчегъ и скинію завѣта взяло съ собою колѣно Ефремово и поставило ихъ въ своемъ удѣлѣ, въ Силомѣ (Ис. Нав. XVIII, 1; XIX, 51). Остальныя колѣна приносили жертвы на жертвенникахъ, которые ставили большею частію на возвышенностяхъ, также и на кровляхъ домовъ, или подъ вѣтвистыми деревьями и, можетъ быть, для защиты отъ непогоды, окружали крытою обстройкою.

О святилищѣ, устроенномъ въ Сихемѣ племенами, избравшими себѣ вождемъ Авимелеха, — нѣтъ никакихъ указаній. Но такъ какъ по смерти Гедеона „сыны Израилевы опять стали блудно ходить вслѣдъ Вааловъ, и поставили себѣ боговъ Ваалверіао“ (Суд. Изр. VIII, 33), то можно предположить, что храмъ этотъ былъ построенъ по образцу сирійскихъ или, вѣрнѣе, финикійскихъ храмовъ, такъ какъ и самое божество было финикійское. Онъ походилъ можетъ быть на тѣ храмы, остатки которыхъ сохранились въ бывшихъ финикійскихъ колоніяхъ — на островахъ Мальтѣ и Гоццо. Особенною правильностью постройки отличаются развалины на о. Гоццо, извѣстныя подъ именемъ «башни великановъ» (Giganteia).¹ Онѣ состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ, параллельно расположенныхъ одно подлѣ другаго, некрытыхъ помѣщеній (оградъ), изъ коихъ большее имѣетъ 81 футъ длины. Каждое изъ этихъ помѣщеній раздѣлено внутри на два овальныхъ двора, окруженныхъ каменными оградами, причемъ выдающаяся полукругомъ часть ограды задняго двора образуетъ въ тоже время заднюю стѣну всего зданія. Оба двора соединены между собою узкимъ проходомъ. Внутри дворовъ видны каменныя ниши, возвышенія въ родѣ жертвенниковъ и кеглеобразныя каменные столбы (идолы?), разставленные въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ въ оградѣ.

Во времена Судей вліяніе сирійскаго идолослуженія на израильскія племена было вообще сильно. Они воздвигали алтари Ваалу и Астартѣ и ставили на нихъ кумировъ, убранныхъ въ богатыя одежды. Какъ въ народѣ „каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ“ (Судей Изр. XVII, 6), такъ и въ священствѣ не было религіознаго единства. Установленіе болѣе прочной власти въ лицѣ царей остановило дальнѣйшее политическое и религіозное распаденіе израильскаго народа. Давидъ первый предпринялъ возстановить въ народѣ уваженіе къ святынямъ и вѣрѣ его отцовъ. „И собралъ снова Давидъ всѣхъ отборныхъ людей изъ Израиля, тридцать тысячъ, и всталъ и пошелъ Давидъ и весь народъ, бывшій съ нимъ изъ Ваала Іудина, чтобы перенести оттуда ковчегъ Божій, на которомъ нарицается имя Господа Саваоа, сидящаго на херувимахъ“ — „И принесли ковчегъ Господень, и поставили его на своемъ мѣстѣ посреди скиніи, которую устроилъ для него Давидъ; и принесъ Давидъ всеожожженія предъ Господомъ и жертвы мирныя.“ (2 Царствъ VI, 1—2; 17.)

¹ Cp. Kugler. Gesch. der Baukunst I, 117, и его же: Handbuch der Kunstgesch. 3 Aufl. I, 80 seq.

Вмѣсто прежней скинии, сопровождавшей народъ Израильскій въ его странствованіи¹, Давидъ устроилъ новую и, какъ можно предположить, болѣе богато отдѣланную, а впослѣдствіи предположилъ построить постоянный храмъ, который великолѣпіемъ своимъ превзошелъ бы „кедровый домъ въ которомъ онъ жилъ самъ“ (2 Царствъ VII, 2). Но безпрестанныя безпокойства внутреннія и войны внѣшнія не дали исполниться его намѣренію, — и вновь устроенная имъ скинія оставалась во всё время его царствованія единственною общественною святынею израильскаго народа.

Эта новая скинія и описывается, по всей вѣроятности, въ библейскомъ повѣствованіи, которое съ чрезвычайною подробностью изображаетъ ея устройство.² По образцу старинной скинии, которая въ свою очередь была, можетъ быть, подражаніемъ египетскимъ храмовымъ постройкамъ³, новая скинія имѣла видъ продолговатаго четырехугольника въ 100 локтей длины и 50 ширины, окруженнаго столбами, промежутки между которыми были завѣшаны коврами. Входъ закрывался завѣсою въ 20 локтей ширины. Этотъ четырехугольникъ замѣнялъ вмѣстѣ и «предверіе»,⁴ которое вело въ святое-святыхъ, тоже четырехугольную постройку въ 30 локтей длины, 10 локтей ширины и столько же вышины. Стѣны этой постройки были сдѣланы изъ позолоченныхъ брусевъ дерева ситтимъ (акаціи), поставленныхъ вертикально. Каждый брусъ стоялъ на двухъ серебряныхъ подножіяхъ и прикрѣплялся къ остальнымъ двумя шестью, пропущенными въ золотыя кольца. Стѣны скинии были обвѣшаны покрывалами. Первое или внутреннее покрывало было изъ голубой, пурпуровой и червленой шерсти и крученаго виссона (льна?) и по немъ вытканы херувимы; второе покрывало, на треть длиннѣе перваго, было соткано изъ тонкой козьей шерсти; затѣмъ слѣдовала покрывка изъ бараньихъ кожъ красныхъ и, наконецъ, покровъ изъ кожъ синихъ. Первые два покрывала были соединены вмѣстѣ петлями и золотыми крючьями. Входъ въ скинію закрывался завѣсою изъ крученаго виссона узорчатой работы. Завѣса была повѣшена на обложенныхъ золотомъ столбахъ изъ дерева ситтимъ, поставленныхъ на серебряныхъ подножіяхъ. Другая завѣса, съ вытканными на ней херувимами, повѣшанная на четырехъ столбахъ изъ дерева ситтимъ, обложенныхъ золотомъ, отдѣляла святилище отъ святаго-святыхъ, гдѣ стоялъ ковчегъ откровенія⁵. Въ святилищѣ, на сѣверной его сторонѣ, помѣщался столъ хлѣбовъ предложенія и принадлежащія къ столу сосуды; противъ стола, къ югу—свѣтильникъ о шести вѣтвяхъ, и между столомъ и свѣтильникомъ — жертвенникъ куреній. На дворѣ скинии, противъ входа, стоялъ жертвенникъ всеожженія и между нимъ и входомъ умывальникъ для священниковъ (Исходъ XXV—XXVII; XXXV—XXXVIII).

Намѣреніе Давида—построить въ Иерусалимѣ постоянный храмъ Іеговъ, предназначено было исполнить сыну его Соломону. Мѣсто для храма было

¹ См. между прочимъ С. Meyers. Kritische Untersuch. über die biblische Chronik Bonn. 1834. 292 et seq.—² Сравни. W. Hengstenberg. Die Bücher Mose's. S. 136. (5).—

³ Приблизительное появленіе о внутреннемъ расположеніи скинии можетъ дать небольшой храмъ (с) на планѣ карнаискаго храма.—⁴ Рисунки у Munk. Palestine Taf. 12. Сравни. также John Kitto The History of Palestine from the patriarchal age to the present time. Edinburgh 1853, Fig. 99.—⁵ Подробности см. ниже подъ рубрикою „утварь“.

выбрано Давидомъ на горѣ Моріа, противъ Сіона, и имъ же заготовлена часть матеріаловъ для постройки храма (1. Паралипом. XXIX. 1 — 6). Соломонъ съ своей стороны:—„обложилъ повинностію весь Израиль; повинность же состояла въ тридцати тысячахъ человекъ. И посылалъ ихъ на Ливанъ, по десяти тысячъ на мѣсяцъ, попеременно, мѣсяцъ они были на Ливанъ, а два мѣсяца въ домъ своемъ. Адонирамъ же начальствовалъ надъ ними. Еще у Соломона было семьдесятъ тысячъ носящихъ тяжести и восемьдесятъ тысячъ каменщиковъ въ горахъ, кромѣ трехъ тысячъ трехъ сотъ начальниковъ, поставленныхъ Соломономъ надъ работою для надзора за народомъ, который производилъ работу. И повелѣлъ царь привозить камни большіе, камни дорогіе, для основанія дома, камни обдѣланные. Обтесывали же ихъ работники Соломоновы и работники Хирамовы и Гивлитяне, и приготавливали дерева и камни для строенія дома (три года)“ (3 Царствъ, V, 13—18). Кромѣ означенныхъ работниковъ, Хирамъ прислалъ Соломону, за условленную плату ¹, большое количество золота, кедроваго и еловаго дерева. Финикійскія работники свозили дерево съ Ливана къ морю и на большіхъ плотахъ доставляли къ мѣсту, гдѣ его принимали Соломоновы носильщики (3 Царствъ V, 8—11).

Послѣ семи лѣтъ непрерывныхъ работъ храмъ былъ оконченъ ². Много времени и труда употреблено было на закладку его фундамента, такъ какъ пришлось увеличить насыпью самый холмъ, на которомъ онъ строился, и съ восточной стороны укрѣпить его стѣною въ 400 локтей вышины ³. Остатки стѣны видны еще и до сихъ поръ, хотя сомнительно принадлежатъ ли они именно къ этой, древнѣйшей стѣнѣ, а не къ другой позднѣйшей. По нимъ видно, что стѣна была сложена изъ правильно обтесанныхъ и искусно пригнанныхъ четверугольныхъ камней.

За образецъ при постройкѣ храма ⁴ была взята скинія, и этимъ самымъ устранено всякое чужеземное вліяніе на внутреннее его расположеніе. Храмъ единого Бога, которому поклонялся израильскій народъ, могъ вмѣщать въ своихъ стѣнахъ только одно священное пространство, которое и составляло главную часть всего зданія, преобладавшую надъ остальными его частями.

По библейскому сказанію (3 Царствъ VI и VII), храмъ, построенный Іеговъ Соломономъ, имѣлъ 6 локтей длины, 20 локтей ширины и 30 локтей ширины. Внутри онъ былъ раздѣленъ (такъ же какъ и скинія) на двѣ неравныя части. Передняя—святилище, занимала двѣ трети всей длины или 40 локтей; задняя—святое святыхъ, остальную треть, образуя квад-

¹ Ср. С. Movers. Das phönizische Alterthum. I, 335 и слѣд. — ² В. Winer. Bibl. Realwörterbuch 3 Aufl. Art. «Tempel». — ³ Н. Fergusson Handbook of Archit. Vol. I. —

⁴ Монографія храма: А. Hirt. Der Tempel Salomons. Abhandlg. der Akad. d. Wissenschaft. zu Berlin. 1801. Meyer. Der Tempel Salomons. Berlin 1830, и С. Grüneisen Revision etc. über den Sal. Tempel. Kunstblatt (Schorn) 1831. No 73 ff. С. F. Keil Der Tempel Salomons. Dorpat. 1839. Н. Merz. Bemerk. über den Tempel Salom. Kunstblatt (Förster und Kugler) 1844. No 97. Bähr. Der Solom. Tempel mit Berücksichtigung seines Verhältnisses zur heiligen Architektur überhaupt. Karlsruhe 1848; и Н. Merz (Recension. d. vorigen Werkes) in «Theolog. Studien» 1850. S. 413.—С. Schnaase Gesch. der bild. Künste I, 264. Kugler. Gesch. der Baukunst I, 124.

ратъ въ 20 локтей по сторонѣ. Передъ восточнымъ фасадомъ храма устроенъ былъ притворъ въ двадцать локтей длины, т. е. во всю ширину храма, и въ десять локтей глубины. Вышина притвора, показанная во 2 кн. Паралипом. III, 4. во 120 локтей, кажется не совсемъ соответствующею размѣрамъ остальныхъ частей, хотя подобная башнеобразная пристройка къ храму и встрѣчается въ изображеніи Паооскаго храма на кипрскихъ монетахъ¹. Такъ какъ два столба, поставленные передъ притворомъ (или, какъ полагаютъ нѣкоторые, подпиравшіе его плоскую (?) кровлю), имѣли 23 локтя въ вышину, то можно принять ту же вышину и для самаго притвора. — Вокругъ храма были устроены ходы въ три яруса, различной ширины: нижній въ пять, средній въ шесть, а верхній въ семь локтей. Эти ходы вели вѣроятно къ покоямъ, которые соединялись между собою лѣсами. Такъ какъ давиръ (отдѣленіе для святаго-святыхъ) имѣлъ въ вышину только 20 локтей, слѣдовательно былъ на 10 локтей ниже святилища (30 локтей), то надъ потолкомъ его, или на его крышѣ, могли быть устроены покои (въ 10 локтей вышины) или вышки, имѣвшія какое нѣбудь особое назначеніе. Въ верхіе ярусы входили по крутой лѣстницѣ съ южной стороны храма. Внутренность храма — одного только святилища — освѣщалась окнами, которыя были прорѣзаны въ верхней части святилища, выступавшей надъ боковыми пристройками: — „и сдѣлалъ онъ въ домѣ окна рѣшетчатая, глухія съ откосами“. — „И пристроилъ ко всему храму боковыя комнаты вышиною въ пять локтей; онѣ прикрѣплены были къ храму посредствомъ кедровыхъ бревенъ“. (3 Царствъ VI 4, 10).

Стѣны храма были сложены изъ камней, которые доставлялись на мѣсто постройки уже совсемъ обтесанными, такъ что „ни молота, ни тесла, ни всякаго другаго желѣзнаго орудія не было слышно въ храмѣ, при строеніи его“ (Ibid. VI, 7). О толщинѣ (по всей вѣроятности значительной) стѣнъ не имѣется опредѣленныхъ указаній. — Кровля (плоская?) храма была пастлана изъ кедровыхъ досокъ; такими же досками были обложены и стѣны внутри храма; полъ же былъ покрытъ досками кипарисовыми, и весь храмъ внутри, „весь храмъ до конца“ обложенъ чистымъ золотомъ². „На кедрахъ внутри храма были вырѣзаны подобія огурцовъ и распускающихся цвѣтвъ; всё было покрыто кедромъ, камня не видно было“ (3 Царствъ VI, 15, 18, 21, 22, 30). — Святилище отдѣлялось отъ двара перегородкою изъ кедра, въ которой были сдѣланы „двери изъ маслячнаго дерева съ пятиугольными косяками“.³ На дверяхъ были вырѣзаны херувимы, пальмовыя вѣтви и распускающіеся цвѣты и всё было обложено золотомъ. У входа въ храмъ (въ святилищѣ) косяки были четырехугольные и двѣ двери

¹ Другіе (напр. Münster, Tempel der Göttin von Paphos) принимаютъ эту среднюю пристройку за два пирамидальныхъ столба, соединенныхъ вѣстѣ башнеобразно (?). — ² По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что и въ египетскихъ храмахъ стѣны точно такъ же обшивались деревомъ и нѣкоторыя архитектурныя части обкладывались листами позолоченой мѣди. См. Deutsches Kunstblatt (F. Eggers) V. Jahrg. 1854. No I; Hittorf, L'Athenaeum français 1854 No 7. p. 153. — ³ Во 2 Паралипом. III, 14, сказано, что Соломонъ сдѣлалъ также „завѣсу изъ яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани, изъ виссона и изобразилъ на ней херувимовъ“. (Эта завѣса была повѣшена можетъ быть позади дверей, какъ нынѣшнія портьеры, и закрывала входъ, когда половники дверей были открыты).

изъ кипарисоваго дерева о двухъ половинкахъ каждая. И эти двери были украшены такою же рѣзбою, какъ и первыл, и тоже обложены золотомъ (3 Царствъ VI, 31 — 35). Надъ дверями тлцулось рѣзное вызолоченное украшеніе въ формѣ плетенки или цѣпочки.

Храмъ былъ окруженъ внутреннимъ дворомъ, который назывался также дворомъ священниковъ. Онъ былъ обнесень оградю „изъ трехъ рядовъ обтесаннаго камня и изъ ряда кедровыхъ брусевъ“ — т. е. можетъ быть такъ, что ряды камней служили фундаментомъ деревянной оградѣ (сравн. 3 Царствъ VI, 36). Вокругъ всего двора шли вѣроятно притворы и покои для помѣщенія богомольцевъ, открывавшіеся на наружный дворъ. Этотъ послѣдній дворъ былъ обширнѣе внутренняго и лежалъ выше его на вѣскольکو ступеней. И онъ также былъ окруженъ различными постройками (4 Царствъ XV, 35; 2 Паралип. XXIII, 5; XXIV, 8; XXVII, 3). Въ него входили вѣроятно съ восточной стороны, черезъ ворота, которыя могли быть бронзовыя. Отъ царскаго дворца къ нему вель, какъ предполагають, особо устроенный крытый ходъ.

Наружный дворъ или «большая ограда» былъ назначенъ лишь для народа, собиравшагося къ богослуженію, и потому въ немъ не стояло никакой храмовой утвари. Во внутреннемъ дворѣ, напротивъ того, былъ устроенъ „мѣдный амвонъ“ (2 Паралип. VI, 13), съ котораго царь обращался къ народу, и кромѣ того стояли: жертвенникъ всесоженія и одаа большая и десять меньшихъ мѣдныхъ умывальницъ. Въ «святилищѣ» находилсѣ жертвенникъ куренія съ принадлежностями, десять золотыхъ полелѣчниковъ и десять столовъ для хлѣбовъ предложенія. Въ давирѣ помѣщался лишь одинъ перенесенный Давидомъ въ Иерусалимъ ковчегъ завѣта. Самымъ цѣннымъ украшеніемъ храма были вышеупомянутые два столба, стоявшіе у притвора (или передъ нимъ). Ихъ вылилъ изъ бронзы тирскій мастеръ Хьрамъ Абицъ, работавшій уже для Давида. Это были два цилиндра въ 23 локтя, или, по Паралипоменону (2 кн. III, 15), въ 35 локтей вышины, и носили каждый особое имя: одинъ былъ названъ «Іахинъ», другой «Воазъ». Длина стержня до капители равнялась 18-ти, объемъ его 12 локтямъ (или 4 локт. въ поперечникѣ).¹ Капители, тоже литыя изъ бронзы, имѣли по 5 локтей вышины каждая. Нѣкоторые изслѣдователи² принимаютъ, что къ столбамъ были послѣдствіи прибавлены каменные постаменты въ 10 локтей вышины, чѣмъ бы и объяснилася выше приведенная разниа въ вышинѣ столбовъ. — Какъ ни неясенъ рассказъ о дальнѣйшей отдѣлкѣ столбовъ, изъ него все таки видно, что эта отдѣлка была чрезвычайно богата: „И сдѣлалъ онъ (Хирамъ) два мѣдныхъ столба, каждый въ восемнадцать локтей вышиною, и снурокъ въ двѣнадцать локтей обнималъ окружность того и другого столба. И два вѣнца, вылитыхъ изъ мѣди, онъ сдѣлалъ, чтобы положить на

¹ Если бы столбы пазначались единственно для того, чтобы подпирать кровлю притвора, то подобная массивность была бы болѣе чѣмъ бесполезна (если даже и принять, въ противоположность повзванной у Іереміа (II, 21) толщинѣ стѣнокъ въ 4 пальца, возможно меньшую толщину) такъ какъ это были цилиндры. — Keil, Der Tempel Salomons, S. 96 Anmerk. по догадкѣ John'a (Bibl. Archaeol.), съ которою соглашается и Kugler (Gesch. der Baukunst 127). C. Sch naas e (Gesch. der bild. Künste I, 246—280) полагають также, что столбы не служили подпорами кровлѣ притвора.

верху столбовъ; пять локтей вышины въ одномъ вѣнцѣ, и пять локтей вышины въ другомъ вѣнцѣ, сѣтки плетеной работы и шнуры въ видѣ цѣпочекъ для вѣнцовъ, которые были на верху столбовъ; семь на одномъ вѣнцѣ и семь на другомъ вѣнцѣ. Такъ сдѣлалъ онъ столбы, и два ряда гранатовыхъ яблокъ, вокругъ сѣтки, чтобы покрыть вѣнцы, которые на верху столбовъ; тоже сдѣлалъ и для другаго вѣнца. А въ притворѣ вѣнцы на верху столбовъ сдѣланы на подобіе лиліи, ¹ въ четыре локтя. И вѣнцы на обоихъ столбахъ вверху, прямо надъ выпуклостію, которая подлѣ сѣтки; и на другомъ вѣнцѣ, рядами кругомъ, двѣсти гранатовыхъ яблокъ. И поставилъ столбы къ притвору храма; поставилъ столбъ на правой сторонѣ и далъ ему имя Іахинъ, и поставилъ столбъ на лѣвой сторонѣ, и далъ ему имя Воазъ. И надъ столбами поставилъ вѣнцы, сдѣланные на подобіе лиліи; такъ окончена работа надъ столбами. (3 Царствъ VII, 15—22; сравн. 4 Царствъ XXV, 17; 2 Паралип. III, 15—17; IV, 12, 13). ²

Послѣдовавшее по смерти Соломона раздѣленіе израильскаго царства повлекло за собою религіозное распаденіе народа. Самъ Соломонъ подъ конецъ своей жизни поддавался вліянію сирійскаго культа:—„Тогда построилъ Соломонъ капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горѣ которая передъ Іерусалимомъ, и Молоху, мерзости Аммонитской. Такъ сдѣлалъ онъ для всѣхъ своихъ чужестранныхъ жонъ, которыя ходили и приносили жертвы своимъ богамъ (3 Царствъ XI, 7, 8).

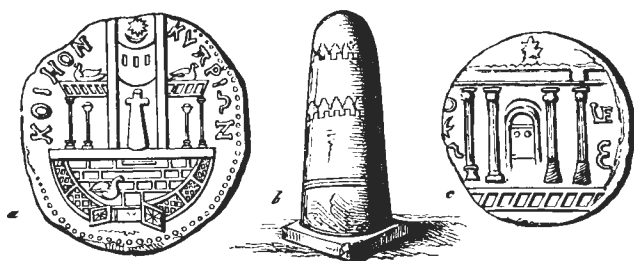
Іеровоамъ, сдѣлавшись царемъ въ Израилѣ, началъ вводить у себя чужестранныхъ боговъ, такъ что всѣ священники и левиты оставили его и ушли въ Іерусалимъ, гдѣ царствовалъ сынъ Соломона Ровоамъ. Іеровоамъ же „сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ, и сказалъ (народу): не пужно вамъ ходить въ Іерусалимъ; вотъ боги твои, Израилъ, которые вывели тебя изъ земли Египетской. И поставилъ одного въ Веоилѣ, а другаго въ Данѣ. И повело это ко грѣху; ибо народъ сталъ ходить къ одному изъ нихъ, даже въ Данѣ, (и оставили домъ Господень). И построилъ онъ капище на высотѣ, и поставилъ изъ народа священниковъ, которые не были изъ сыновъ Левинныхъ“ (3 Царствъ XII, 28—31).

Капища, о которыхъ говорится въ библейскомъ текстѣ, были безъ сомнѣнія подражаніемъ сиро-финикійскимъ капищамъ, объ устройствѣ которыхъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, кромѣ упомянутаго выше изображенія капища или храма на кирской монетѣ (см. стр. 254 и фиг. 168, а) Изображеніе это (представляющее какъ полагають храмъ Астарты ³) показываетъ башнеобразное зданіе съ стоящимъ подлѣ нимъ грубымъ истуканомъ и съ галлереями или портиками по бокамъ; передъ зданіемъ виднѣтъ полукруглый об-

¹ Всѣ до сихъ поръ исчисленныя украшенія были, можетъ быть, на стержнѣ, котораго верхъ и назывался вѣнцомъ колонны (какъ не видно и на египетскихъ колоннахъ); собственно же капители имѣли форму лилій. См. слѣд. примѣч. — ² На основаніи этихъ данныхъ можно представить себѣ колонны въ такой формѣ: стержень въ 18 локтей вышины, вверху на пространствѣ одного локтя украшенный 7 рядами снуровъ въ видѣ цѣпочекъ; затѣмъ два ряда гранатовыхъ яблокъ и надъ ними непосредственно капитель въ формѣ лиліи, вышиною въ 4 локтя. Приблизительно такое мнѣніе высказалъ уже Grünstein (стр. 311); его раздѣляетъ по видимому и Keil (стр. 103). Krugler (Baukunst, стр. 129), слѣдуя финикійскимъ образцамъ, представляетъ иначе форму столбовъ.—³ Сравн. O. Müller. Handbuch der Archaeologie § 239 (2). F. Kugler. Gesch. der Baukunst. 121.

несенный оградой дворъ, и въ немъ голуби, посвященные богинѣ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что тирскія капища были чрезвычайно богаты и роскошно убраны, въ особенности построенныя Хирамомъ, который вообще много сдѣлалъ для украшенія Тира. Онъ не только застроилъ довольно обширную часть этого города великолѣпными дворцами, и возстановилъ старинныя капища, но и построилъ много новыхъ, какъ въ Тирѣ, такъ и вообще въ Финикіи ¹. Онъ распространилъ и исправилъ старинныя капища Мелькарта и Астарты; въ капищѣ Ваалсамина поставилъ двѣ колонны, одну золотую, другую изъ смарагда, и снабдилъ его золотою утварью (Herod. II, 44).

Фиг. 168.

Всѣ эти капища были выстроены, по всей вѣроятности, изъ такихъ же матеріаловъ, какъ и храмъ Соломоновъ, т. е. изъ камня и кедроваго дерева; для украшенія могли быть употреблены мраморъ (съ Пароса и Озоса) и благородные и неблагородные металлы ². По Лукіану (de dea syr. 28 seq.), финикійское капище въ Герополѣ стояло на возвышеніи посрединѣ города и было обнесено тройною стѣною съ воротами (пропилеями) во 100 шаговъ длины, на сѣверной сторонѣ. Собственно капище (naos) было обращено на востокъ и построено въ іоническомъ стилѣ. Въ немъ находилось особое отдѣленіе, куда могли входить одни только жрецы и гдѣ стояли кумиры въ формѣ колоссальныхъ фаллусовъ.

Такъ какъ Финикияне представляли своихъ кумировъ обыкновенно въ видѣ столбовъ (священныхъ камней), и эти столбы, какъ видно изъ описанія Лукіана, бывали колоссальныхъ размѣровъ, то можно принять за такіе же кумиры и найденные на островѣ Арадѣ, въ развалинахъ высѣченныхъ въ скалѣ капищъ, закругленные сверху каменные столбы въ 50 фут. вышины и 14 фут. въ поперечникѣ, съ изваянными на нихъ простыми украшеніями (фиг. 168. b).

Храмъ Соломоновъ, приходившій постепенно въ упадокъ при разныхъ царяхъ, болѣе или менѣе преданныхъ идолопоклонству и мало заботившихся о поддержаніи народной святыни, былъ окончательно разрушенъ и сожженъ Навуходоносоромъ, который сначала завладелъ всѣмъ, что еще оставалось въ храмѣ дѣннаго (4 Царствъ XXV. 2 Паралипоменонъ XXXVI, 6, 7, 18, 19).

¹ C. Movers, Das phoenizische Alterthum I, 329 et seq.—² Ibid. I. 137; II, 224, 273, 277.

По возвращеніи Іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна былъ заложенъ, подъ руководствомъ Зоровавеля, новый храмъ, вѣроятно по образцу стараго. Не смотря на то, что для постройки его были также призваны финикійскіе мастера, и что её поощрялъ самъ царь персидскій (Ездра III, 7. VI, 4), онъ, какъ кажется, былъ далеко не такъ великолѣпенъ, какъ прежній. Къ тому же его давиръ былъ пустъ, такъ какъ ковчегъ завѣта погибъ при разрушеніи стараго храма; святилище его заключало въ себѣ только тѣ предметы, которые были унесены въ Вавилонъ и возвращены Киромъ. Новый храмъ былъ вѣроятно тоже обнесень притворомъ; по крайней мѣрѣ такое предположеніе оправдывается изображеніемъ храма на маккавейскихъ (?) монетахъ (фиг. 168. с).

Новый храмъ постигла такая же участь какъ и прежній. Со времени завоеванія Іудеи Александромъ, онъ былъ неоднократно обращаемъ въ языческое капище и потомъ снова возстановляемъ; благодаря своему центральному положенію въ городѣ, онъ служилъ даже цитаделью, пока наконецъ, при взятіи Іерусалима Иродомъ, не былъ почти совершенно разрушенъ ¹.

На мѣсто его, по инициативѣ самого Ирода, былъ выстроенъ другой несравненно великолѣпнѣйшій храмъ ². Сооруженіе его продолжалось девять лѣтъ съ половиной, причемъ на постройку однихъ только дворовъ, окружавшихъ храмъ, было употреблено около 8 лѣтъ.

Площадь, занимаемая храмомъ, составляла одну квадратную стадію и заключала въ себѣ два квадратныхъ двора—наружный и, лежавшій выше его, внутренній, посрединѣ котораго, тоже на возвышеніи, стоялъ храмъ. Наружный дворъ, въ который вели нѣсколько воротъ, былъ вымощенъ узорною мостовой изъ разноцвѣтныхъ камней, и обстроенъ галереями, кровли которыхъ, сдѣланныя изъ кедроваго дерева, опирались на мраморныя колонны въ 25 футовъ вышины. За наружнымъ дворомъ, отдѣляясь отъ него стѣною въ 40 локтей вышины, слѣдовалъ внутренній дворъ. Къ нему вели 14 ступеней, оканчивавшихся платформою въ 10 локтей ширины, служившею основаніемъ стѣнѣ. Пятью ступенями поднимались къ воротамъ, изъ которыхъ восточные вели въ отдѣленіе для женщинъ. Ворота запирались вызолоченными двойными створами, въ 30 локтей вышины и 15 локт. ширины. Съ каждой стороны воротъ стояло по колоннѣ въ 12 локтей окружности. Главныя ворота отличались отъ другихъ большею высотой и болѣе богатою отдѣлкою. Надъ воротами были надстроены различныя помѣщенія, возвышавшіяся башнеобразно на 40 локтей. Внутри двора, вдоль стѣнъ, тянулись высокія крытыя галереи на колоннахъ. Каменная ограда въ локоть вышины отдѣляла этотъ дворъ отъ двора священниковъ, непосредственно окружавшаго храмъ и заключавшаго въ себѣ помѣщенія для склада разныхъ припасовъ. Эти дворы были вымощены такъ же, какъ и наружный дворъ, каменными плитами.

Посрединѣ двора священниковъ, на возвышеніи, къ которому поднимались по 12 ступенямъ, стояло зданіе храма. Оно было выстроено изъ бѣлаго

¹ Ср. 1 и 2-ю книги Маккавейскія и Joseph. Antiq. XIV et seq. — ² Ср. Winer, Bibl. Realwörterbuch, II, 578 (3) и составленныя на основаніи Joseph. Antiq. XV, 11; bell. jud. V, 5 планы храма въ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ W. Brown (vol. I), S. Munk. Tav. 22 и др.

мрамора, съ богатою позолотой. Ширина храма отъ юга къ сѣверу составляла 60 локт., длина его 100 локтей, и столько же его вышина со включеніемъ притвора. Притворъ тянулся отъ Ю. къ С. т. е. по ширинѣ зданія, на 100 локтей, такъ что выступалъ съ каждой стороны фасада на 20 локтей. По описанію Иосифа, вѣроятно неточному¹, внутренность зданія была раздѣлена на три части, изъ коихъ первая—предхраміе, имѣла 50 локтей длины, 20 локтей ширины и 90 локт. вышины; вторая—святилище, 40 локтей длины, 20 локтей ширины и 60 локтей вышины; третья—святое святыхъ, занимала пространство въ 60 локтей длины и 20 локтей ширины, но въ вышину имѣла только 20 локтей. На низкой двускатной (?) кровлѣ храма, сдѣланной вѣроятно изъ кедровыхъ брусевъ, были разставлены вызолоченные шести, для того чтобы отгонять птицъ. Кровля была обнесена перилами въ 3 локтя вышины. Съ обѣихъ сторонъ храма по линіѣ его шли трехэтажныя пристройки, въ 60 локтей вышины. Онѣ примыкали къ упомянутымъ выше выступамъ притвора и заключали въ себѣ значительное число помѣщеній для храненія священной утвари и другихъ принадлежностей. Святое святыхъ, въ которомъ вмѣсто утраченнаго ковчега завѣта лежалъ камень, служившій подножіемъ для курильницы первосвященника, было отдѣлено отъ святилища дверями, которыя закрывались завѣсою. Двери святилища тоже завѣшивались узорчатою завѣсою. Онѣ были о двухъ створахъ и вызолочены. Въ святилищѣ стояли: жертвенникъ куреній, столъ хлѣбовъ предложенія и свѣтильникъ о семи вѣтвяхъ. Открытый порталъ въ 70 локтей вышины и въ 25 локтей ширины соединялъ святилище съ предхраміемъ, такъ что изъ послѣдняго можно было видѣть всю внутренность храма до самого святаго святыхъ. Надъ порталомъ находилось вызолоченное рѣзное изображеніе колоссальной виноградной лозы, съ которой висѣли гроздія въ 5 футовъ (?) величины. Въ предхраміи стояли два стола—одинъ золотой, другой мраморный. Передъ входомъ въ предхраміе, на священническомъ дворѣ, была поставлена умывальница, а передъ ней, въ 22 локтяхъ отъ предхрамія, стоялъ большой жертвенникъ всесоженія. Подлѣ жертвенника, съ сѣверной его стороны, были вдѣланы въ помость двора 6 рядовъ колець, для привязыванья жертвенныхъ животныхъ, и 8 низкихъ столбовъ, соединенныхъ деревянными перекладинами, для сниманія кожи съ убитыхъ животныхъ; между столбами были разставлены мраморные столы, на которыхъ разрѣзывали и складывали жертвенное мясо. Съ западной стороны жертвенника стояли еще два стола—мраморный и серебряный (?). На первомъ складывали тукъ, назначенный для сожженія, на послѣднемъ лежали орудія, потребныя при жертвоприношеніи.

Таково было это великолѣпное зданіе, представлявшее безъ сомнѣнія такое же, а можетъ быть еще болѣе рѣзкое, смѣшеніе восточныхъ, позднегреческихъ и римскихъ архитектурныхъ формъ и орнаментовъ, какое видно въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ позднѣйшихъ сооруженийъ въ Палестинѣ, напр. такъ называемыхъ гробницахъ царей, гробницахъ Авессалома, Захаріи и др.² Оно

¹ Проверку этихъ данныхъ см. въ приведенныхъ выше сочиненіяхъ и у Winer op. cit.—

² Ср. описаніе ихъ: David Roberts, The Holy Land etc. London 1842. 2 vol. fol. и рисунки (частію дополненные) въ Munk. Palestine Taf. 26—36. и Kugler, Gesch. der Baukunst I, 335 и слѣд.

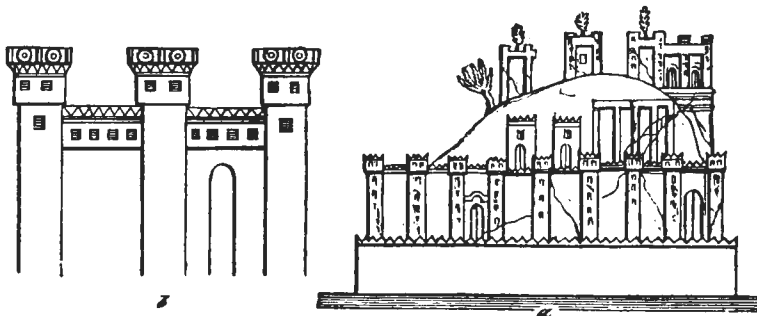
просуществовало въ своемъ первоначальномъ видѣ до самого паденія Иерусалима. При взятіи города Титомъ, храмъ сгорѣлъ, несмотря на всѣ старанія императора спасти его; изъ всѣхъ его сокровищъ, уцѣлѣли только золотой свѣтильникъ и столъ хлѣбовъ предложенія ¹, и были отвезены побѣдителемъ въ Римъ.

По свидѣтельству Юсифа (Antiq. XVIII, 4 (3); bell. jud. V, 5 (8), VI, 2 (9)), храмъ былъ соединенъ укрѣпленіями, съ одной стороны съ крѣпостью Антонія, построенною Иродомъ у сѣверовосточнаго склона горы Морія, а съ другой съ крѣпостью Сионъ, которая, кромѣ того, соединялась съ храмомъ еще мостомъ.

Къ древнѣйшимъ, упоминаемымъ въ Библии, крѣпостнымъ постройкамъ Евреевъ принадлежала крѣпость или городъ Фамнаоъ-Сараи, на горѣ Ефремовой. При раздѣленіи земли онъ достался на долю и въ наслѣдіе Иисусу Навину (XIX, 49, 50), который избралъ его своимъ мѣстопребываніемъ и, вѣроятно, окружилъ укрѣпленіями (?). Впрочемъ, уже и въ ту раннюю пору могли доставлять Израильтянамъ достаточную защиту завоеванные ими, но неразрушенные города.

Постройка настоящихъ укрѣпленій вокругъ городовъ началась у Евреевъ только со времени царей. „И построилъ онъ (Соломонъ) Фадморъ въ пустынѣ и всѣ города для запасовъ, какіе основалъ въ Емаоѣ. Онъ обстроилъ Веоронъ верхній и Веоронъ нижній, города укрѣпленные, со стѣнами, воротами и запорами...“ (2 Пар. VIII, 4, 5.—2 Пар. XI, 5, 11, 12; XIV, 6; 7; XXVII, 4).

Фиг. 169.

Что и для возведенія этихъ укрѣпленій были призываемы финикійскіе мастера, можно предположить уже на томъ основаніи, что эти послѣдніе были строителями всѣхъ значительныхъ сооружений въ Палестинѣ, каковы напр. описанныя выше. Кромѣ того, тирійскіе зодчіе вообще славились своимъ искусствомъ во всѣхъ родахъ построекъ. Укрѣпленія, построенныя въ 8

¹ См. ниже—Храмовая утварь.

стол. до Р. Х. для защиты новаго Тира ¹ противъ Ассиріянъ, своею цѣлесообразною и прочностью превосходили почти всѣ существовавшія въ то время сооруженія этого рода. Построенный на прибрежной скалѣ городъ былъ окруженъ стѣнами, сложенными изъ огромныхъ камней, связанныхъ гипсовымъ цементомъ. На восточной сторонѣ стѣны возвышались на 150 фут. и были обставлены башнями, въ которыхъ помѣщались лидійскіе наемные ратники. Другія укрѣпленія, соединенныя съ колоссальными плотинами и дамбами, защищали входы въ гавань и неоріи города, — такъ что непріятель не только не имѣлъ возможности войти съ войсками въ городъ, но не могъ даже дѣйствовать противъ него своими осадными орудіями. Осажденные же, съ своей стороны, имѣли всѣ нужныя для веденія войны снаряды и припасы у себя подъ рукой, въ помѣщеніяхъ, защищенныхъ башнями и затворами.

Не менѣе сильны были укрѣпленія, построенныя Финикиянами для защиты своихъ складочныхъ мѣстъ и торговыхъ путей. Укрѣпленія эти состояли частью въ каменныхъ стѣнахъ, тянувшихся на значительномъ протяженіи вдоль границъ, ² частью въ сторожевыхъ башняхъ, построенныхъ на возвышенностяхъ. Главными крѣпостями ихъ, и вмѣстѣ убѣжищемъ на случай непріятельскаго нападенія, были прибрежные острова, снабженные соответственными укрѣпленіями. Такъ напр. построенный на скалистомъ островѣ городъ Арвадъ, заключавшій въ себѣ множество одноэтажныхъ домовъ ³, былъ можетъ быть въ родѣ тѣхъ крѣпостей, какія представлены на нѣкоторыхъ ассирійскихъ барельефахъ (фиг. 169, а). Этими же барельефами подтверждается и упоминаемый у Іезекіиля (XXVII, 11) обычай воиновъ вѣшать свои щиты на зубцы башенъ ⁴ (фиг. 169; в).

Городскія укрѣпленія, особенно размножившіяся въ Палестинѣ послѣ вавилонскаго плѣна, были подобны финикійскимъ ⁵. Они состояли изъ болѣе или менѣе высокихъ и толстыхъ стѣнъ съ зубцами, башнями и крѣпко задиравшимися воротами, иногда обитыми металломъ. Стѣны были окружены валомъ или рвомъ, въ большинствѣ же случаевъ рядомъ сторожевыхъ башенъ, построенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, или рядомъ отдѣльныхъ укрѣпленій (верковъ). Тѣ и другія строили преимущественно на возвышенностяхъ, если таковыя находились въ окрестностяхъ.—Иерусалимъ былъ всегда самымъ сильно укрѣпленнымъ мѣстомъ во всей Палестинѣ. Помпею удалось овладѣть имъ только послѣ трехъ мѣсячной осады; Титъ тоже долженъ былъ долго выдерживать сопротивленіе города, пока, наконецъ, онъ его не взялъ и не разрушилъ весь, за исключеніемъ только трехъ башенъ и части западной стѣны. При Адрианѣ эти остатки были сравнены съ землею (около 136 по Р. Х.).

Когда войско израильское располагалось станомъ на походѣ, въ открытомъ полѣ, оно окапывалось валомъ или рвомъ, или устраивало защиту изъ обозныхъ повозокъ (1 Царствъ XVII, 20; XXVI, 5). Ставки или шатры разставляли вѣроятно кругомъ, какъ это и теперь дѣлаютъ бедуины. Видъ стаи

¹ Ch. Movers. Das phoenizische Alterthum I, 176 и слѣд.; 187; 212 и слѣд.—² Movers, II, 185. — ³ Duncker. Gesch. des Alterthums I, 140.—⁴ Movers II, 39. —

⁵ Подробности въ Winer, Bib. Realwörterbuch I, 371 и слѣд.

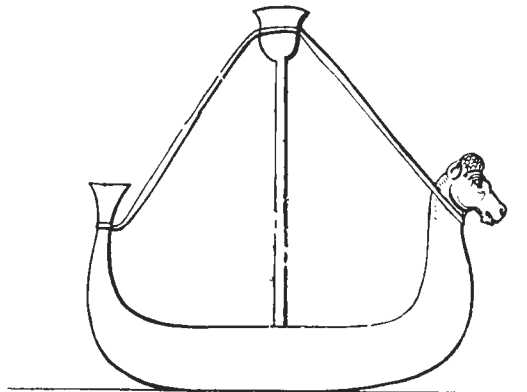
ставили стражу (форпосты); хранение обоза во время сражения поручали оставленным при немъ воинамъ (Судей VII, 19; 1 Царствъ XXX, 24). Въ случаѣ побѣды, водружали на полѣ сражения трофеи—можетъ быть шести, къ которымъ привязывали что-нибудь изъ захваченной добычи (1 Царствъ XV, 12. Ср. 1 Парал. X, 10).

Такъ какъ до Соломона Израильтяне не пускались въ дальнія плаванія, то и судостроеніе ихъ ограничивалось до тѣхъ поръ постройкою однихъ только рѣчныхъ судовъ, въ которыхъ они плавали по своимъ рѣкамъ и судходнымъ озерамъ.

Раньше этого времени, одни прибрежные жители были знакомы съ моремъ; но они плавали только вдоль берега, перевоза финикійскіе товары моремъ въ Яффу, откуда ихъ отправляли уже сухимъ путемъ въ Іерусалимъ и далѣе (2 Парал. II, 16).

Учителями Евреевъ въ кораблестроеніи были Финикіяне, лучшіе мореходы во всей древности, которымъ преданіе приписываетъ даже изобрѣтеніе мореходства, парусовъ и военныхъ кораблей, ¹ и которымъ островъ Кипръ издавна доставлялъ превосходнѣйшій матеріалъ для постройки кораблей ². Корабли, которые Соломонъ, по соглашенію съ Хирамомъ, отправлялъ для открытія Индіи, были построены и оснащены Тирскими судовщиками, даже и часть экипажа ихъ состояла изъ финикіянъ же (1 Царствъ IX, 26), поэтому устройствомъ своимъ они вовсе или весьма мало отличались отъ финикійскихъ. Тирскіе же куцеческіе корабли славились своимъ великолѣпіемъ: ихъ называли плавающими дворцами.

Фиг. 170.

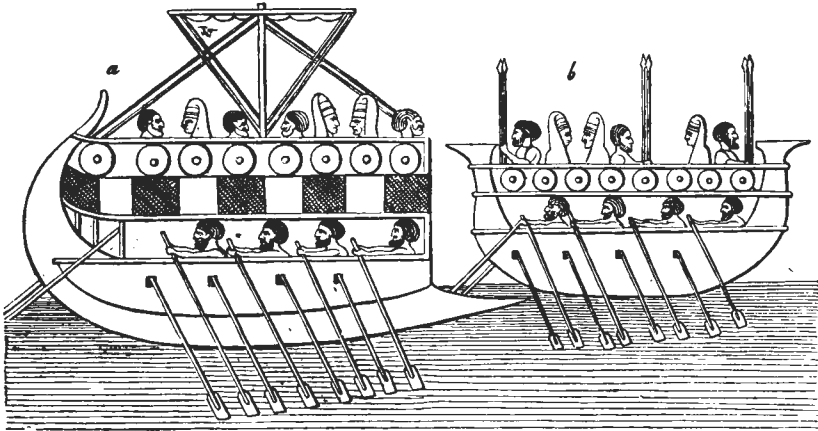

Финикійскіе корабли были снабжены всѣми нужными снастями для подъема и опусканія парусовъ, рулемъ, якорями и т. д. Главнымъ украшеніемъ ихъ были рѣзныя изображенія трехъ главныхъ божествъ страны. Изображенія эти на военныхъ корабляхъ (Herod. III, 37) прилѣпывались на кормѣ и на носу, — какъ подобныя же фигуры на ассирійскихъ корабляхъ (фиг. 170).

¹ Movers. Des phoenizische Alterthum I, 28, 173; II 70, 122.—² Ibid. II, 252.

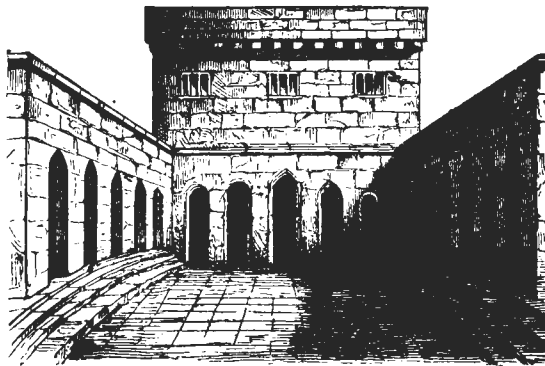
Число Тирских военных судовъ, сравнительно съ флотами сосѣднихъ народовъ, было чрезвычайно велико. Даже и во время персидскаго владычества, когда Финикия была уже не въ прежней силѣ, Сидонъ, Тиръ и Арадъ были въ состояннн вооружить 300 триремъ для персидскаго флота (Herod. VII, 90. Xenoph. Hellen. III, 41). Военныя суда строились проще, чѣмъ купеческія, но за то несравненно прочнѣе. Они были различной величины, съ острымъ килемъ, и внутри раздѣлены на три яруса, которые занимали гребцы. На палубѣ были устроены, тоже въ нѣсколько ярусовъ, помѣщенія для войска. Какъ сухопутные ратники вѣшали свои щиты на зубцы крѣпостныхъ стѣнъ, такъ точно морскіе воины вѣшали свои на зубцы, окаймлявшіе бортъ палубы (фиг. 171, а, b).

Фиг. 171.

Морскіе торговые пути Финикиянъ были опредѣлены съ незапамятныхъ

Фиг. 172.

время. На извѣстныхъ прибрежныхъ пунктахъ, между колоніальными го-

родами, были устроены особыя станціи, которыя нерѣдко превращались въ складочныя мѣста для товаровъ и даже въ настоящія колоніи. ¹ Сухопутныя торговыя дороги, внутри страны, были тоже снабжены постройками, частью даже укрѣпленными, для отдыха каравановъ ². Эти караван-сараяи были всею построены по одному образцу, можетъ быть въ подражаніе обширнымъ дворамъ сирійскихъ храмовъ ³, и состояли изъ продолговатаго или четырехугольнаго, довольно обширнаго двора, обстроенаго крытыми галлереями, раздѣленными внутри на отдѣльныя помѣщенія. Подлѣ были вырыты колодецы и насажены деревья (фиг. 172).

Подобный караван-сарайъ въ обширныхъ размѣрахъ былъ построенъ Соломономъ на одномъ изъ плодоноснѣйшихъ оазисовъ сирійской пустыни ⁴. Скоро вокругъ званія поселились купцы, выстроились помѣщенія для складовъ разнаго рода, великолѣпныя дома, — и торговая станція превратилась въ богатый купеческій городъ Тадморъ (Пальмира). Развалины великолѣпныхъ храмовъ, остатки длинныхъ колоннадъ и водопроводовъ, покрывающіе равнину Пальмиры, свидѣтельствуютъ и до сихъ поръ о быломъ богатствѣ этого города ⁵.

Недостатокъ хорошей ключевой воды въ Палестинѣ, дѣлалъ устройство цистернъ необходимымъ не только при караван-сараяхъ, но и повсемѣстно. Величина цистернъ бывала иногда очень значительна: Измаиль велѣлъ бросить въ цистерну тѣла 70 человекъ убитыхъ имъ (Иерем. XLI, 9). — Разведеніе садовъ ⁶ при городскихъ домахъ и въблизи ихъ было также очень распространено въ Палестинѣ. Сады засаживали виноградомъ, фруктовыми и тѣнистыми деревьями. Въ садахъ были также бассейны для купанья и росли различныя украшающія растенія на грядахъ, между фруктовыми деревьями. Финикияне, городскіе сады которыхъ, кажется, пользовались особенною извѣстностью (Рип. X, 16) ⁷, были и въ этомъ дѣлѣ учителями Евреевъ. Подобно Персамъ и другимъ восточнымъ народамъ, Евреи также очень любили большіе красивые деревья. Ими украшали они, даже и въ позднѣйшее время, мѣста народныхъ сходокъ; подъ тѣнью ихъ погребали умершихъ: „И поднялись все люди сильные, взяли тѣло Саудово и тѣла сыновей его, и принесли ихъ въ Іависъ, и похоронили кости ихъ подъ дубомъ въ Іависѣ, и постились семь дней“ (1 Паралип. X, 12).

Г р о б н и ц ы .

Мертвыхъ (кроме царей и пророковъ) ⁸ хоронили всегда за городомъ, обыкновенно въ гротахъ или пещерахъ, которыхъ такъ много въ палестин-

¹ Movers. Das phoenizisch. Alterthum II, 26; 195 и слѣд. — ² О торговыхъ дорогахъ Movers op. cit. II, и Duncker Gesch. des Alterth. I, 149 и слѣд. — ³ Ritter. Abhandlg. über einige verschiedenartige Denkmale des nördlichen Syriens. Berlin 1855. S. 2 ff. — ⁴ Парал. VIII, 4; 3 Царствъ IX, 18. Joseph Ant. VIII, 6 (1). — ⁵ Сравни. Karl Rosenmüller Handbuch der bibl. Alterthumskunde. Lpzg. 1825. I (2), 274 (10), R. Wood. The ruins of Palmyra, Lond. 1753. Kugler Gesch. d. Baukunst I, 334; David Roberts, The Holy Land. etc. — ⁶ Winer Bibl. Realwörterb. (3) I, 384. — ⁷ Movers. Op. cit. 196, 224. — ⁸ О мѣстахъ погребенія см. между прочимъ I. P. Truelsen. Die Sitten, Gebräuche und Krankheiten der alten Hebräer. 2 Aufl. Breslau 1853. 47 ff.

скихъ горахъ. Пещеру, выбранную для погребенія, или оставляли въ естественномъ ея видѣ, или вытесывали въ погребальную камеру съ ходами и боковыми покаями (фиг. 173). Въ первомъ случаѣ входъ въ нее просто заваливали большимъ камнемъ, а въ послѣднемъ — закрывали плотно притесанной каменной плитой. Изъ такого рода гробницъ развились въ послѣдствіи тѣ архитектурно обдѣланныя гробницы, остатки которыхъ, какъ было сказано выше (стр. 259), сохранились и до сихъ поръ. — „И почилъ Аса съ отцами своими, и умеръ на сорокъ первомъ году царствованія своего. И похоронили его въ гробницѣ, которую онъ устроилъ для себя въ городѣ Давидовомъ; и положили его на одрѣ, который наполнили благовоніями и разными искусственными мастями, и сожгли ихъ для него великое множество“ (2 Парал. XVI, 13, 14).

Фиг. 173.

Утварь.

Достоверныя свѣдѣнія о формахъ древнееврейской утвари и объ отношеніи ихъ къ формамъ утвари сосѣднихъ народовъ крайне скудны. Поэтому высказанныя выше предположенія относительно развитія у древнихъ Евреевъ построекъ и одежды остаются во всей силѣ и относительно развитія у нихъ утвари. — Принимая въ соображеніе политическія условія Израильтянъ до избранія царей, можно предположить, что только послѣ Судей начали водворяться у нихъ различныя ремесла, и то сначала при посредствѣ иностранныхъ мастеровъ. Но и въ послѣдствіи, всѣ мастерства, удовлетворявшія требованіямъ роскоши и вкуса, оставались постоянно въ рукахъ чужеземцевъ; сами же Евреи ограничивались производствомъ одного только необходимаго и практически-полезнаго. Поэтому національная ремесленность никогда не доходила у нихъ до такого совершенства и разнообразія, какъ у сосѣднихъ народовъ¹. Эта неспособность Евреевъ сравняться съ своими сосѣдями, въ связи съ возраставшею у нихъ потребностью усвоить себѣ всѣ удобства быта Финикиянъ, а въ послѣдствіи и Ассиріянъ, породила въ нихъ особенное уваженіе ко всѣмъ доставляющимъ эти удобства ремесламъ, уваженіе, выразившееся послѣ вавилонскаго плѣна въ поговоркѣ: „кто не учитъ своего

¹ Ср. Bellermann, Handbuch der biblischen Literatur. 2 Aufl. Erfurt. 1796 ff. I, 221, § 45 ff.

сына ремеслу, тотъ учить его быть воромъ¹. Большая часть ремесленниковъ, которыхъ завоеватели Палестины переселяли изъ нея въ свои собственные города, были по всей вѣроятности древнехананейскаго (филистимскаго) и финикійскаго происхожденія.

Къ этимъ послѣднимъ принадлежало большинство „кузнецовъ“, можетъ быть также и серебрянниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые выдѣлывали кумировъ и украшенія изъ благородныхъ металловъ (4 Царствъ XXIV, 14, 16; Судей XVII 4). Матеріалъ для этихъ работъ² получался преимущественно черезъ посредство финикійскихъ купцовъ³, такъ какъ сами Евреи, кажется, не занимались добываніемъ металловъ⁴. Финикіянне привозили золото, серебро, мѣдь, свинецъ и олово; а сѣверовосточныя земли доставляли желѣзо, сырое и переработанное въ сталь, и, можетъ быть, даже платину (*aurichalcum?*)⁵. Составленіе разныхъ металлическихъ смѣсей — бронзы (мѣдь и олово), «электрона» (золото и серебро), и въ позднѣйшее время, «кориноскаго металла» (мѣдь, золото и серебро)—⁶ было знакомо и древнееврейскимъ плавильщикамъ. Они умѣли также выплавлять металлы, спаивать, плющить, полировать ихъ и пр. Остается сомнительнымъ, дѣйствительно ли Евреямъ было извѣстно литье желѣза, хотя уже Моисей сравниваетъ Египетъ съ „печью желѣзною“ (Второзак. IV, 20). Утварь, которую эти ремесленники употребляли для своихъ работъ, состояла въ наковальнѣ, въ разнаго рода молоткахъ и клещахъ, въ плавильныхъ печахъ съ мѣхами и тиглями.

Послѣ металлическихъ дѣлъ мастеровъ, которые, какъ и все вообще ремесленники послѣ вавилонскаго плѣна, по крайней мѣрѣ въ Иерусалимѣ, занимали особую часть города, особенно многочисленный классъ составляли мастера деревянныхъ работъ⁷, какъ то: плотники, столяры, колесничники и рѣшники, занимавшіеся, какъ кажется, и изготовленіемъ деревянныхъ сосудовъ. По недостатку въ Палестинѣ дерева, оно привозилось изъ чужихъ земель. Со временъ Соломона стали вывозить изъ Оффра дорогое красное сандалное дерево, слоновую кость и пр.⁸ Главными инструментами этихъ ремесленниковъ были — топоръ, пила, рубанокъ (?) и буравъ⁹.

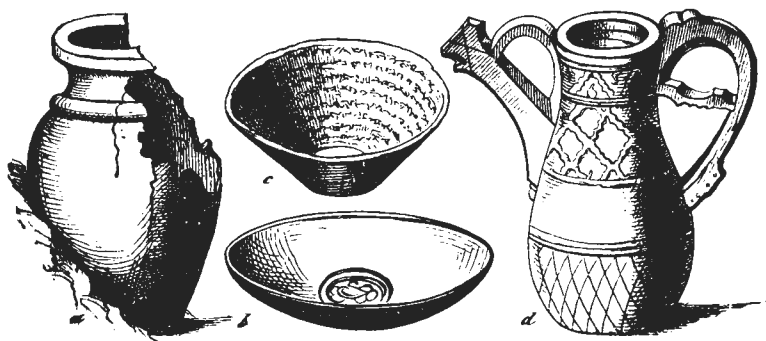
Кожевники¹⁰, изготовлявшіе между прочимъ и мѣхи для храненія жидкостей, не были терпимы внутри городовъ, по причинѣ дурнаго запаха отъ обработки кожъ. Инструменты ихъ вѣроятно ничѣмъ не отличались отъ инструментовъ египетскихъ кожевниковъ (срав. выше фиг. 71).

Горшечники составляли, кажется, особый цѣхъ, такъ какъ по нимъ названы были въ Иерусалимѣ одни изъ городскихъ воротъ. Они работали отъ

1. F. K. Rosenmüller. Das alte und neue Morgenland. VI, 41 (no. 295) ff. —
2 K. Rosenmüller, Handbuch der bibl. Alterthumskunde IV (1 Abthlg). Lpzg. 1830, 48: «Metalle». —³ Duncker, Gesch. d. Alterth. I, 145 ff. —⁴ Winer. Bibl. Realwörterbuch 3 Aufl. Art. «Berghau». —⁵ Ibid. Art. «Handwerk», «Metalle», «Eisen», «Shahl» и т. д. —⁶ O. Müller, Archaeologie der Kunst. § 306 (1). —⁷ Winer, Bibl. Realwörterb. Art. «Holz». —⁸ Rosenmüller, Handbuch d. bibl. Alterthumskunde IV, 234 (5) ff. —⁹ I. Bellermann. Handb. d. bibl. Literat. I, 232 § 47 (III) ff. —¹⁰ Ibid. 5. 241.

руки на гончарномъ колесѣ—пріемъ извѣстный уже древнимъ Египтянамъ. Сдѣланные такимъ образомъ сосуды покрывались поливой и обжигались въ печахъ ¹:

Фиг. 174.

Простые глиняные сосуды походили вѣроятно на такіе же сосуды другихъ древневосточныхъ народовъ, уже рассмотрѣнные нами, и не представляли поэтому большаго разнообразія формъ. Для варенія мяса и т. под. употребляли котлы, или кострюли и горшки; сварившееся мясо вынимали изъ горшка вилкою. (1 Царствъ II, 14; сравн. фиг. 73, a—d). Котлы и сковороды дѣлались вѣроятно также и изъ металла, или по крайней мѣрѣ ставились на металлическихъ подножіяхъ (треножникахъ?). Глиняные и мѣдные „горшки“ часто упоминаются въ Библии, также и глиняные сосуды для черпанья и перевозки воды. Приготовленные кушанья подавали тоже въ глиняной посудѣ, въ плоскихъ чашахъ и на блюдахъ (фиг. 174, b—c); для храненія напитковъ и вообще жидкостей, употребляли (какъ и до сихъ поръ на Востокѣ) большіе глиняные кувшины (фиг. 174, a) ². „И испекли пасхальнаго агнца на огнѣ, по уставу; и священныя жертвы сварили въ котлахъ, горшкахъ и кострюляхъ, и поспѣшно раздавали всему народу“ (2 Пар. XXXV, 13). — „Геденъ пошелъ, и приготовилъ козленка и опрѣноковъ изъ ефы муки; мясо положилъ въ корзину, а похлебку влилъ въ горшокъ, и принесъ къ нему подъ дубъ и предложилъ“ (Суд. Изр. VI, 19).

Жидкости перевозили въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, преимущественно же въ мѣхахъ, и только очень рѣдко въ деревянныхъ сосудахъ (бочкахъ?): (Левит., XV, 12) ³ — „И взялъ Исей осла съ хлѣбомъ и мѣхъ съ виномъ и одного козленка, и послалъ, съ Давидомъ, сыномъ своимъ, къ Саулу“. (1 Царствъ XVI, 20). — „И дала (Іудио) служанкѣ своей мѣхъ вина и сосудъ масла, наполнила мѣшокъ мукою и сушеными плодами и чистыми хлѣбами, и, обернувъ всѣ эти припасы свои, возложила ихъ на нее“ (Іудио, X, 5.)

Собственно столовая посуда состояла изъ различной величины блюдей и чашекъ—деревянныхъ, глиняныхъ или металлическихъ (?), а также, какъ

¹ Сравн. Winer. Bibl. Realwörterbuch 3 Aufl. II, 627, Nof. 5 и Bähr, Symb. II, 293, и Sommer Bibl. Abb. I, 213.—² A. Layard. Nineveh an Babylon. 525 et seq.—³ Сравн. I. Bellermann. Handb. d. bibl. Literatur I, 233.

у Египтянъ, Ассиріянъ и др., изъ корзины и подносовъ, на которыхъ подавали мясо уже разрѣзанное на куски, такъ что его прямо брали съ нихъ руками и клали въ ротъ. Поэтому говорили о лѣнливомъ, что опустивъ руку въ блюдо, онъ уже не можетъ (отъ лѣни)поднести её ко рту.

На пирахъ, которые давались по случаю различныхъ семейныхъ праздниковъ — дней рожденія, бракосочетанія и т. п., ¹ хозяинъ дома обыкновенно самъ разносилъ гостямъ кушанье, которое въ этихъ случаяхъ подавалось въ самой лучшей и дорогой посудѣ, какая имѣлась въ домѣ. — О драгоценныхъ мѣдныхъ кубкахъ Сидонянъ было уже упомянуто выше (стр. 136). Со времени сближенія Палестины съ Финикією дорогіе сосуды появились и на столахъ израильскихъ царей: „И всѣ сосуды для питья у царя Соломона были золотые, и всѣ сосуды въ домѣ изъ Ливанскаго дерева были изъ чистаго золота; изъ серебра ничего не было; потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что“ (3 Царствъ X, 21). Кромѣ чашекъ и кубковъ, для питья, а также и для храненія нѣкоторыхъ жидкостей, употребляли рога, натуральные въ дорогой оправѣ, или золотые и серебряные; высоко цѣнились также стеклянные (хрустальные?) сосуды, которые привозились изъ Финикіи и Египта. Наконецъ, у древнихъ Евреевъ были вѣроятно разной величины кружки и черпаки деревянные, каменные и металлическіе, можетъ быть подобные тѣмъ, какіе были найдены въ раскопкахъ египетскихъ и ассирійскихъ развалинъ. Для примѣра прилагаемъ рисунокъ каменнаго сосуда, найденнаго въ окрестностяхъ древняго Вавилона (фиг. 174, d).

Комнатную утварь ² богатыхъ людей составляли кресла, ложа или диваны, столы, стулья, скрины, и приборы для освѣщенія покоевъ. Последнее производилось, даже въ царскихъ домахъ, посредствомъ металлической жаровни, наполненной жаромъ (Перем. XXXVI, 22). Жаровня ставилась посредникъ покоя и, во избѣжаніе чада, накрывалась завѣшаннымъ коврами деревяннымъ колпакомъ. — Свѣтильники и лампы были металлическія и каменные чашки на подставкахъ и безъ нихъ, а потому совершенно походили на вырытыя въ развалинахъ Ниневіи ламповыя чашки (см. фиг. 137. s).

Такъ какъ и Евреи, подобно рассмотрѣннымъ нами древневосточнымъ народамъ, только въ позднѣйшее время ввели у себя обычай лежать за столомъ, до тѣхъ же поръ ѣли сидя (3 Царствъ XIII, 20); ³ то стулья и кресла оставались у нихъ въ употребленіи вмѣстѣ съ ложами. Тѣ и другіе были деревянные, съ металлическими украшеніями, и покрыты дорогими коврами и вышитыми подушками. Особенно роскошны были ложа богачей, устланныя узорчатыми покрывалами, египетскими коврами и опрысканные благовоніями (Притч. VII, 16, 17). Возлежавшіе опирались лѣвою рукою на мягкія подушки и такія же подушки подкладывали себѣ подъ голову и за спину.

¹ Winer, Bibl. Realwörterbuch, 3 Aufl. I, 391 ff. — ² См. для сравненія рисунки нѣжной восточной мебели у W. Lane. Sitten u. Gebräuche der heutigen Aegypten etc. Lpzg. 1852, 3 Thl. и H. v. Mayr und S. Fischer. Genrebilder aus dem Orient. Stuttg. 1846—50, Lfr. VIII, Taf. XLVII. и XLVI — ³ Cp. Joseph. Antiq. XV, 9, (3), и въ слѣд. главѣ рубрику: „Мебель.“

Столы, которые ставили передъ этими ложами (служившими вмѣстѣ и постелями), ¹ были сравнительно невысоки, и, также какъ и нынѣ употребляемые на Востокѣ, обыкновенно круглые на четырехугольномъ подножіи.

Великолѣпный престолъ Соломоновъ, изготовленный безъ сомнѣнія тирскими мастерами, ² можетъ служить образчикомъ той пышности, которая господствовала въ убранствѣ царскихъ чертоговъ при этомъ царѣ. Престолъ этотъ, какъ видно изъ Библии (3 Царствъ X, 18; Пар. IX, 17), былъ сдѣланъ изъ слоновой кости и обложенъ чистымъ золотомъ. Формою своею онъ походилъ на египетскія и ассирійскія сѣдалища (см. фиг. 77, d). ³ „Къ престолу были шесть ступеней; верхъ сзади у престола былъ круглый и были съ обѣихъ сторонъ сидѣнья локотники и два льва стояли у локотниковъ; и еще двѣнадцать львовъ стояли тамъ на шести ступеняхъ по обѣ стороны (3 Царствъ, X, 19, 20).

Проще были престолы, на которыхъ сидѣли цари израильскіе, когда творили судъ публично передъ народомъ на городской площади или подъ воротами города (Josep. bell, jud. II, 1 (4)). Въ этихъ случаяхъ передъ престоломъ ⁴ разстилали дорогіе ковры—обычай и теперь еще существующій на Востокѣ ⁵; — „царь Израильскій и Иосафатъ, царь Іудейскій, сидѣли каждый на сѣдалищѣ своемъ, одѣтые въ царскія одежды, на площади у воротъ Самаріи, и все пророки пророчествовали предъ ними“ (3 Царствъ XXII, 10).

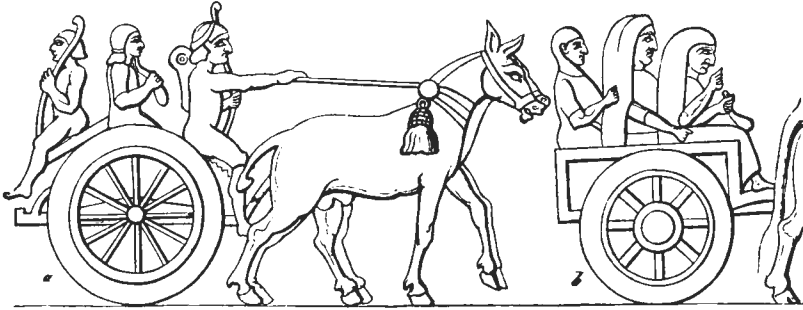
Военная утварь Евреевъ была заимствована ими, и то уже въ сравнительно позднее время, у сосѣднихъ народовъ: сначала у хананейскихъ племенъ, съ коими они постоянно воевали, а потомъ у Финикиянъ и Ассирянъ. При первыхъ же своихъ столкновеніяхъ съ хананейскими племенами, Израильтяне должны были заплатить за недостаточность своего вооруженія; ибо хотя Іуда и „овладѣлъ горою, но жителей долины не могъ прогнать; потому что у нихъ были желѣзныя колесницы“ (Суд. Изр. I, 19 и IV, 3).—Давидъ первый ввелъ боевыя колесницы, захвативъ значительное количество ихъ въ числѣ добычи, послѣ побѣды одержанной имъ надъ сирійскимъ войскомъ. При его наслѣдникахъ, въ израильскомъ войскѣ былъ учрежденъ особый отрядъ воиновъ сражавшихся съ колесницъ (2 Царствъ VIII, 4; 3 Царствъ X, 26; 4 Царствъ VIII, 24; XIII, 7).

Колесницы эти были вѣроятно одного устройства съ египетскими, (такъ какъ и Египтяне частью добывали себѣ колесницы изъ западной Азіи, частью дѣлали сами по образцу азійскихъ) и, можетъ быть, —въ позднѣйшее время— съ ассирійскими, — съ тѣмъ различіемъ, что у еврейскихъ колесницъ ходъ былъ желѣзный, или покрайней мѣрѣ толсто обитый желѣзомъ, такъ какъ

¹ Часто упоминаемые „одры“ больныхъ были вѣроятно простые носилы. — Бѣдные люди сидели обыкновенно на матахъ, завернувшись въ плащъ. Ср. Winer, Bibl. Realwörterbuch, 3 Aufl. Art: «Betten». — ² См. Über den goldenen Thron Salomos, nach der Bibel etc. въ «Wissenschaftlicher Bericht etc». Herausgegeben von Selig Kassel. 1 Erstes Stück. Erfurt. 1853. — ³ Сравн. замѣчательное изображеніе египетскаго трона съ круглою спинкой и со львами по бокамъ, въ Leemans. Monum. égyptiens du Musée d'Antiq. des Pays-Bas à Leyde. 1839 Lpzg IV, T. IX. Fig. 672. — ⁴ Ср. выше (ср. 161. с—d.) ⁵ K. Rosenmüller, Das alte und neue Morgenland, etc. III, 176 (601) ff.

каменная почва страны дѣлала необходимо такую особенную прочность. Вѣроятно, что такъ же прочно были устроены и простыя повозки, употреблявшіяся для ѣзды и перевозки грузовъ (фиг. 175, а, в).

Фиг. 175.

Онѣ были двуколесныя и четырехколесныя, съ сидѣльями, болѣе или мене удобно прилаженными. Въ нихъ запрягали обыкновенно коровъ или быковъ, или муловъ, и очень рѣдко лошадей (4 Царствъ X, 15; 1 Царствъ VII, 7; 2 Царствъ VI, 6). — Осадныя машины Евреевъ — тараны и подвижныя башни — были тоже заимствованы ими у сосѣдей и слѣдовательно не представляли въ устройствѣ своемъ никакихъ особенностей (Иезек. XXI, 26). Царь Озіа придумалъ особаго рода метательныя машины, которыя поставилъ на угловыхъ башняхъ столицы (2 Пар. XXVI, 15).

Храмовая утварь ¹, о распредѣленіи которой въ различныхъ отдѣленіяхъ храма мы уже говорили выше, со временъ Давида и Соломона изготовлялась изъ драгоценныхъ матеріаловъ. Утварь для храма Соломонова была сдѣлана тирианиномъ Хирамомъ, тѣмъ самымъ, который отлилъ знаменитые два столба для притвора храма (стр. 255); утварь же и вообще всё убранство Скинии были дѣломъ еврейскихъ мастеровъ — Веселила и Аголіава (Исх. XXXV, 30, 34).

1. Эти же мастера построили и кивотъ завѣта, въ коемъ хранились скрижали закона ². Кивотъ стоялъ въ давирѣ (святое святыхъ) ³ и былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: „И сдѣлалъ Веселилъ ковчегъ изъ дерева ситтимъ ⁴; длина его два локтя съ половиною, ширина его полтора локтя и высота его полтора локтя. И обложилъ его чистымъ золотомъ внутри и снаружи, и сдѣлалъ вокругъ его золотой вѣнецъ. И вылилъ для него четыре кольца золотыхъ, на четырехъ нижнихъ углахъ его, два кольца на одной сторонѣ его, и два кольца на другой сторонѣ его. И сдѣлалъ шести изъ дерева ситтимъ, и обложилъ ихъ золотомъ. И вложилъ шести въ кольца, по сторонамъ ковчега, чтобы носить ковчегъ. И сдѣлалъ крышку изъ

¹ Къ числу первыхъ попытокъ воспроизвести её на основаніи библейскаго описанія, принадлежать неудовлетворительные рисунки въ Joh. Lundius. Die alten jüdischen Heiligthümer, Gottesdienste und. Gewohnheiten etc. Hamburg 1771, fol. Ср. I. Jahn, Bibl. Archaeologie etc. и др. — ² Ковчегъ сдѣланный Моисеемъ для „свянна собранія“ былъ, можетъ быть, простой ящикъ изъ дерева ситтимъ (Второзак. X, 1—3). — ³ Тутже хранилась сосудъ съ манною и жезлъ Авроновъ (Исх. XVI, 33; Числ. XVII, 10). — ⁴ Акація, по переводу Вейса. Пер.

чистаго золота; длина ея два локтя съ половиною, а ширина полтора локтя. И сдѣлалъ двухъ херувимовъ ¹ изъ золота; чеканной работы сдѣлалъ ихъ на обояхъ концахъ крышки, одного херувима съ одного конца, а другаго херувима съ другого конца: выдавшимися изъ крышки сдѣлалъ херувимовъ съ обояхъ концовъ ея. И были херувимы съ распростертыми вверхъ крыльями, и покрывали крыльями своими крышку, а лицами своими были обращены другъ къ другу; къ крышкѣ были лица херувимовъ² (Исх. XXXVII, 1—9; ср. Joseph. Antiq. III, 6 (5)).

2. Въ остальной части скинии — святилищѣ, помѣщались: столъ хлѣбовъ предложенія, на которомъ полагались, еженедѣльно (въ субботу) возобновляемые, двѣнадцать прѣсныхъ пшеничныхъ хлѣбовъ, по числу колѣнъ Израилевыхъ, въ два ряда, по шести хлѣбовъ въ ряду (Лев. XXIV, 5—9); свѣтильникъ и жертвенникъ куренія съ принадлежащими къ нему жертвенными орудіями. О столѣ хлѣбовъ предложенія и принадлежностяхъ къ нему говорится: „И сдѣлай столъ изъ дерева ситтимъ, длиною въ два локтя, шириною въ локоть, а вышиною въ полтора локтя. И обложи его золотомъ чистымъ, и сдѣлай вокругъ его золотой вѣнецъ (витый). И сдѣлай вокругъ его стѣнки въ ладонь, и у стѣнокъ его сдѣлай золотой вѣнецъ вокругъ. И сдѣлай для него четыре кольца золотыхъ, и утверди кольца на четырехъ углахъ у четырехъ ножекъ его. При стѣнкахъ должны быть кольца чтобы влагать шести, для ношенія на нихъ стола. А шести сдѣлай изъ дерева ситтимъ, и обложи ихъ (чистымъ) золотомъ, и будутъ носить на нихъ сей столъ. Сдѣлай также для него блюда, кадиланицы, чаши и кружки, чтобы возливать ими; изъ золота чистаго сдѣлай ихъ“ (Исх. XXV, 23—29) ³.

За тѣмъ о свѣтильникѣ: „И сдѣлай свѣтильникъ изъ чистаго золота; чеканный долженъ быть сей свѣтильникъ; стебель его, вѣтви его, чашечки его, яблоки его и цвѣты его должны выходить изъ него. Шесть вѣтвей должны выходить изъ боковъ его: три вѣтви свѣтильника изъ одного бока его, и три вѣтви свѣтильника изъ другаго бока его. Три чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка, съ яблокомъ и цвѣтами, должны быть на одной вѣтви, и три чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка на другой вѣтви, съ яблокомъ и цвѣтами. Такъ на всѣхъ шести вѣтвяхъ, выходящихъ изъ свѣтильника. А на стеблѣ свѣтильника должны быть четыре чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка съ яблоками и цвѣтами. У шести вѣтвей, выходящихъ изъ стебля свѣтильника, яблоко подъ двумя вѣтвями его, и яблоко подъ другими двумя вѣтвями, и яблоко подъ третьими двумя вѣтвями его (и на свѣтильникѣ четыре чашечки, на подобіе миндальнаго цвѣтка) ⁴. Яблоко и вѣтви ихъ изъ него должны выходить: онъ весь долженъ быть чеканный, цѣльный, изъ чистаго золота. И сдѣлай къ нему семь лампадъ, и поставь на него лампы его, чтобы свѣтили на переднюю сторону его ⁵. И щипцы къ нему и лотки къ

¹ Winer, Bibl. Realwörterbuch, Art: «Cherubin». — ² Сравни. фиг. 78, а, и Rossellini II, (mon. civil.) Tab. LXXVIII, Fig 3. — ³ Для сравненія см. ниже изображеніе свѣтильника изъ храма построеннаго при Иродѣ (фиг. 176, а). — ⁴ Т. е. на каждую вѣтвь свѣтильника по лампадѣ и притомъ такъ, чтобы свѣтъ отъ нихъ ударялъ прямо въ лицо входящему въ святилище.

нему (сдѣлай) изъ чистаго золота. Изъ таланта золота чистаго пусть сдѣлають его со всѣми сими принадлежностями“ (Исх. XXV, 31—39) ¹.

Жертвенникъ куренія, какъ и вообще вся утварь скинии, былъ также приспособленъ къ переноскѣ и устройству, какъ сказано: „И сдѣлай жертвенникъ для приношенія куреній; изъ дерева ситтимъ сдѣлай его. Длина ему локоть, и ширина ему локоть; онъ долженъ быть четырехугольный; а высота ему два локтя; изъ него должны выходить рога его. Обложи его чистымъ золотомъ, верхъ его и бока его кругомъ, и рога его; и сдѣлай къ нему золотой вѣнецъ вокругъ. Подъ вѣнцемъ его, на двухъ углахъ его, сдѣлай два кольца изъ (чистаго) золота; сдѣлай ихъ съ двухъ сторонъ его; и будутъ они влагалищемъ для шестовъ, чтобы носить его на нихъ. Шесты сдѣлай изъ дерева ситтимъ и обложи ихъ золотомъ“. (Исх. XXX, 1—6).

Болѣе крупная утварь, помѣщавшаяся во дворѣ скинии, а именно: жертвенникъ всесоженія съ принадлежностями для жертвоприношенія животныхъ и умывальница для священниковъ,—хотя и сдѣланная частію изъ металла, была менѣе массивна, чѣмъ перечисленная выше болѣе мелкая утварь. „Сдѣлай его пустой внутри, дощатый“ гласитъ предписаніе объ устройствѣ жертвенника: „И сдѣлай жертвенникъ изъ дерева ситтимъ длиною пяти локтей, и шириною пяти локтей, такъ чтобы онъ былъ четырехугольный, и вышиною трехъ локтей. И сдѣлай рога на четырехъ углахъ его, такъ чтобы рога выходили изъ него; и обложи его мѣдью. Сдѣлай къ нему горшки для высыпанія въ нихъ пепла, и лопатки, и чаши, и вилки и угольницы; всѣ принадлежности сдѣлай изъ мѣди. Сдѣлай къ нему рѣшетку, родъ сѣтки, изъ мѣди, и сдѣлай на сѣткѣ, на четырехъ углахъ ея, четыре кольца мѣдныхъ. И положи еѣ по краинѣ жертвенника внизу, такъ чтобы сѣтка была до половины жертвенника. И сдѣлай шесты для жертвенника, шесты изъ дерева ситтимъ и обложи ихъ мѣдью. И вкладывай шесты его въ кольца, такъ чтобы шесты были по обимъ бокамъ жертвенника, когда нести его“. (Исх. XXVII, 1—8).

Пустота внутри жертвенника наполнялась вѣроятно землей до самого верху, а рѣшетка служила можетъ быть для того, чтобы насыпанная земля не разсыпалась—иначе назначеніе рѣшетки непонятно. Рога жертвенника были вѣроятно простымъ украшеніемъ и имѣли форму бычачьяго или барашьяго рога, или, можетъ быть, форму завитковъ, которые впервые были придуманы Ассиріянами, а въ послѣдствіи приняты греческими и римскими художниками, какъ архитектурное украшеніе.

Умывальница, изъ которой священники передъ вступленіемъ въ святилище, умывали себѣ руки и ноги, была сдѣлана изъ мѣди, такъ же какъ и ея подножіе. (Исх. XXX, 18, 28. XXXVIII, 8). Она имѣла вѣроятно видъ плоской круглой чаши, въ родѣ тѣхъ большихъ мѣдныхъ чашъ, которыя были найдены въ развалинахъ Куянджикскихъ.

Жертвенная утварь, принадлежавшая къ жертвеннику всесоженія, была тоже мѣдная. Она состояла изъ горшковъ для высыпанія пепла, лопатокъ,

¹ Нѣсколько иначе описываетъ святилищный Іосифъ (Ant. III, 6 (7); сравн. впрочемъ Вайнг, Symbol. d. mov. Kult. I, 416. ff.

чашь, вилочъ и угольницъ (Исх. XXVII, 3), и кромѣ того, изъ упомянутыхъ выше блюдо и различныхъ ножей. Ножи сначала дѣлались изъ камня, какъ и у древнихъ Египтянъ; впоследствии однакожъ стали дѣлать жертвенные ножи желѣзные или мѣдные, съ красивыми (золотыми) рукоятями, которыми они главнымъ образомъ и отличались отъ обыкновенныхъ ножей (1 Езд. I, 9; Иер. LII, 18) ¹.

Храненіе, установка и уборка утвари, принадлежащей къ скинии, составляли одну изъ главныхъ обязанностей священниковъ, переноска же утвари возложена была на служащихъ левитовъ. „Вотъ служеніе сыновъ Кааовыхъ (Левитовъ по родамъ ихъ, по семействамъ ихъ) въ скинии собранія: носить Святое Святыхъ. Когда стану надобно подняться въ путь, Ааронъ и сыны его войдутъ и снимутъ завѣсу закрывающую, и покроютъ ею ковчегъ откровенія. И положить на нее покровъ изъ кожъ синяго цвѣта, и сверхъ его накинуть покрывало все изъ голубой шерсти, и вложить шесты его. И столъ хлѣбовъ предложенія накроютъ одеждою изъ голубой шерсти и поставятъ на немъ блюда, тарелки, чаши и кружки для возліянія, и хлѣбъ его всегдашній долженъ быть на немъ. И возложить на нихъ одежду багряную, и покроютъ еѣ покровомъ изъ кожъ синяго цвѣта, и вложить шесты его. И возьмутъ одежду изъ голубой шерсти, и покроютъ свѣтильникъ и лампы его, и щипцы его, и лотки его, и все сосуды для елея, которые употребляютъ при немъ, и покроютъ его и все принадлежности его покровомъ изъ кожъ синихъ, и положить на носилки. И на золотой жертвенникъ возложить одежду изъ голубой шерсти, и покроютъ его покровомъ изъ кожъ синихъ, и вложить шесты его. И возьмутъ все вещи служебныя, которыя употребляются для служенія во святищѣ, и положить въ одежду изъ голубой шерсти и покроютъ ихъ покровомъ изъ кожъ синихъ и положить на носилки. И очистятъ жертвенникъ отъ пепла и накроютъ его одеждою пурпуровою. И положить на него все сосуды его, которые употребляются для служенія при немъ, — угольницы, вилки, лопатки и чаши, все сосуды жертвенника, и покроютъ его покровомъ изъ кожъ синихъ и вложить шесты его. (И возьмутъ пурпуровую одежду и покроютъ умывальникъ и подножія его, и положить на нихъ кожаное, синее покрывало, и поставятъ на носилки.) Когда при отправленіи въ путь стана, Ааронъ и сыны его покроютъ все святилище и все вещи святилища, тогда сыны Кааоа подойдутъ, чтобы нести; но не должны они касаться святилища, чтобы не умереть. Сія части скинии собранія должны носить сыны Кааовы“ (Числ. IV, 4—15).

Гораздо драгоценнѣе была утварь, сдѣланная Соломономъ для построеннаго имъ храма, и замѣнившая прежіюю священную утварь, безъ сомнѣнія уже сильно пострадавшую отъ времени. Изъ древней утвари сохраненъ былъ одинъ ковчегъ и занялъ мѣсто въ давирѣ храма. За ковчегомъ, въ

¹ Описаніе орудій и снарядовъ для охоты, рыболовства, земледѣлія и пр. опущено здѣсь потому, что снаряды эти не отличались существенно отъ подобныхъ же снарядовъ другихъ древневосточныхъ народовъ, уже рассмотрѣнныхъ нами, и слѣдовательно такъ же, какъ и тѣ, поясняются частію приложенными выше рисунками, частію соответствующими имъ современными снарядами. Сравни относящіяся сюда статьи въ Winer, Bibl. Realwörterbuch; для земледѣльческихъ же орудій въ частности — Niebuhr, Beschreibg von Arabien. Tab. 1 u. Tab. XV—XVII. Рисунокъ древнеавионскаго плуга въ H. Gosse, Assyria. 568.

глубинѣ давира, были поставлены два вырѣзанныхъ изъ дерева херувима, совершенно подобные осынявшимъ крышку ковчега, но колоссальныхъ размѣровъ (3 Царствъ, VI, 23—28; 2 Пар. III, 10—13).

Новая утварь формами своими мало развилась отъ древней, но значительно превосходила ее размѣрами, такъ какъ не назначалась для переноски. Въмѣсто одного стола хлѣбовъ предложенія и одного свѣтильника, бывшихъ въ скинии, въ святилищѣ храма были поставлены десять такихъ столовъ и десять свѣтильниковъ; тѣ и другіе были частью золотые, частью серебряные. На столахъ, кромѣ определеннаго числа хлѣбовъ, ставились еще сто золотыхъ чашъ съ виномъ (3 Царствъ VII, 49; 1 Пар. XXVIII, 16; 2 Пар. IV, 8). Свѣтильники были разставлены по пяти, по правую и по лѣвую сторону святилища, передъ давиromъ. Лампады, щипцы и лотки къ свѣтильникамъ и вся остальная утварь—чаши, угольницы, курильницы, ножи—все было сдѣлано изъ чистаго золота (3 Царствъ VII, 50; 2 Пар. IV, 22). Жертвенникъ куреній, стоявшій тоже въ святилищѣ, былъ кедроваго дерева и обложенъ чистымъ золотомъ (3 Царствъ VI, 20, 22; ср. 1 Пар. XXVIII, 18).

Самою искусною работою призванныхъ Соломономъ тирскихъ мастеровъ, особенно же Хирама, была утварь, изготовленная ими для внутренняго двора храма: жертвенникъ всесоженія и умывальницы для священниковъ, особенно послѣднія. — Жертвенникъ всесоженія отличался отъ древняго только величиною и матеріаломъ. Онъ былъ весь мѣдный, въ 20 локтей длины и ширины, и въ 10 локтей вышины (2 Пар. IV, 1; VII, 7).

Лучшимъ произведеніемъ Хирама была колоссальная мѣдная умывальница—называвшаяся мѣднымъ моремъ, и библейскій повѣтствователь съ такою же подробностью описываетъ эту работу тирскаго мастера, съ какою описаны у него бронзовые столбы, отлитые тѣмъ же Хирамомъ:—„И сдѣлалъ“ (Хирамъ) „литое изъ мѣди море,—отъ края его до края его десять локтей,—совсѣмъ круглое, вышиною въ пять локтей, и снурокъ въ тридцать локтей обнималъ его кругомъ. Подобія огурцовъ подъ краями его окружали его, по десяти на локоть, окружали море со всѣхъ сторонъ, въ два ряда; подобія огурцовъ были вылиты съ нимъ однимъ литьемъ. Оно стояло на двѣнадцати волахъ; три глядѣли къ сѣверу, три глядѣли къ западу, три глядѣли къ югу и три глядѣли къ востоку; море лежало на нихъ, и зады ихъ обращены были внутрь подъ него. Толщиною оно было въ ладонь, и края его, сдѣланные подобно краямъ чаши, походили на распустившуюся лилію. Оно вмѣщало двѣ тысячи батовъ“ (3. Царствъ, VII, 23—26; 2 Пар. IV, 2—4) ¹. Кромѣ этого „моря“, которое стояло на правой сторонѣ храма къ юго-востоку, Хирамъ сдѣлалъ еще десять подставъ для десяти умывальницъ, которыя были разставлены—пять на правой и пять на лѣвой сторонѣ храма (3 Царствъ VII, 37, 39).—„И сдѣлалъ онъ десять мѣдныхъ подставъ; длина каждой подставы—четыре локтя, ширина—четыре локтя, и три локтя—вышина. И вотъ устройство подставъ: у нихъ стѣнки, стѣнки между наугольными пластин-

¹ Ср. Joseph. Antiq. VIII, 3 (5); O. Müller, Archaeologie der Kunst, § 240. пол. 4 въ указаніемъ на подобный сосудъ, найденный на о. Кипрѣ.

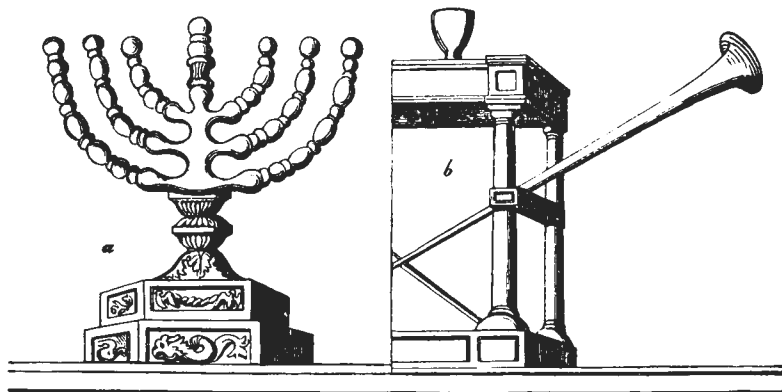
ками. На стѣнкахъ, которыя между наугольниками, изображены были львы, волю и Херувимы; такъ же и на наугольникахъ, а выше и ниже львовъ и волювъ—развѣсистые вѣнки ¹. У каждой подставы по четыре мѣдныхъ колеса и оси мѣдныя. На четырехъ углахъ выступы на подобіе плечъ ², выступы литые внизу, подъ чашею, подлѣ каждаго вѣнка. (+) Отверстіе отъ внутренняго вѣнца до верха въ одинъ локоть; отверстіе его круглое, подобно подножію столбовъ, въ полтора локтя, и при отверстіи его изваянія; но боковыя стѣнки четырехугольныя, не круглыя ³. Подъ стѣнками было четыре колеса, и оси колесъ въ подставахъ; высота каждаго колеса—полтора локтя. Устройство колесъ такое же, какъ устройство колесъ въ колесницѣ; оси ихъ, и ободья ихъ, и спицы ихъ, и ступицы ихъ, всё было литое. Четыре выступа на четырехъ углахъ каждой подставы; изъ подставы выходили выступы ея. И на верху подставы круглое возвышеніе на поллоктя вышины; и на верху подставы рукоятки ея и стѣнки ея изъ одной съ нею массы. И изваялъ онъ на дощечкахъ ея рукоятки и на стѣнкахъ ея херувимовъ, львовъ и пальмы, сколько гдѣ позволяло мѣсто, и вокругъ развѣсистые вѣнки. Такъ сдѣлалъ онъ десять подставъ; у всѣхъ ихъ одно литое, одна мѣра, одинъ видъ. И сдѣлалъ десять мѣдныхъ умывальницъ; каждая умывальница вмѣщала сорокъ батовъ; каждая умывальница была въ четыре локтя; каждая умывальница стояла на одной изъ десяти подставъ“ (3 Царствъ, VII, 27—38). Для внутренняго же двора Хирамъ сдѣлалъ тазы, лопатки, чаши, кадильницы и всѣ жертвенные сосуды изъ чистаго золота и полированной мѣди (2 Пар. IV, 11, 16; 3 Царствъ VII, 50).

Эта же утварь, кромѣ ковчега, который сгорѣлъ вмѣстѣ съ храмомъ, перешла и во второй, менѣе обширный и менѣе великолѣпный храмъ, построенный Зоровавелемъ, по крайней мѣрѣ въ томъ количествѣ, въ какомъ она уцѣлѣла въ казнохранилищахъ Кира:—„И царь Киръ вынесъ сосуды дома Господня, которые Навуходоносоръ взялъ изъ Иерусалима, и положилъ въ домъ бога своего,—и вынесъ ихъ Киръ, царь Персидскій, рукою Миоредата, сокровище-хранителя; а онъ счетомъ сдалъ ихъ Шешбацару, князю Иудину. И вотъ число ихъ: блюдь золотыхъ тридцать, блюдь серебряныхъ тысяча, ножей двадцать девять; чашъ золотыхъ тридцать; чашъ серебряныхъ двойныхъ четыреста десять, другихъ сосудовъ тысяча. Всѣхъ сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, пять тысячъ четыреста. Всё это взялъ съ собою Шешбацаръ, при отпращиваніи переселенцевъ изъ Вавилона въ Иерусалимъ“ (1 Ездра I, 7—11). Взамѣнъ прежнихъ свѣтильниковъ, вѣроятно утраченныхъ, былъ сдѣланъ снова одинъ (золотой) свѣтильникъ съ семью (?) лампадами (1 Макк. I, 23 и слѣд.; IV, 49, 50). Надобно предполагать, что большая часть этой утвари была или расхищена, или уничтожена при раззореніи, постигшемъ и этотъ второй храмъ, такъ какъ, по свидѣтельству Юсифа (bell. jud. V, 5 (5)), для храма, построеннаго Иродомъ, почти вся ут-

¹ Ср. рисунки въ Wilkinson, A popular account of the ancient Egyptians. I, 142, Fig. 156. № 16.—² Эти выступы были, вѣроятно, рукоятки, за которыя можно было тянуть подставу, когда хотѣли передвинуть ея.—³ Это мѣсто, начиная отъ поставленнаго нами знака +, относится очевидно не къ подставамъ, а къ умывальницамъ (о которыхъ передъ тѣмъ говорилось), и указываетъ на родъ крана, которымъ онѣ были снабжены. Затѣмъ продолжается опять описаніе подставъ.

варь была сдѣлана новая. Ковчега, конечно, не было и въ этомъ храмѣ. Въ предхрамїи стояли два стола—мраморный и золотой, на которыхъ священникъ, при входѣ во святилище и при выходѣ изъ него, полагалъ каждый разъ новые хлѣбы предложенія взаменъ старыхъ. Отъ прежней, Соломоновой утвари остались, по словамъ Іосифа (Ant. VIII, 3 (6)), только большая умывальница (мѣдное море) и тѣ десять подставъ, которыхъ описаніе приведено выше; но попали ли онѣ въ новый храмъ, и вообще, были ли въ немъ подобные предметы, неизвѣстно. Подробнѣе, но тоже не совсѣмъ ясно, говорится у Іосифа (XV, II (5); bell. jud. V, 5 (6)) о жертвенникѣ всесоженія, который стоялъ въ двадцати двухъ локтяхъ разстоянія отъ притвора. Онъ имѣлъ отъ 160 до 200 локтей въ окружности (опредѣляемой различно), и на четырехъ своихъ углахъ былъ снабженъ украшеніями въ видѣ роговъ. Съ южной стороны вела къ нему, или вѣрнѣе, къ возвышенію по срединѣ котораго онъ стоялъ, отлого поднимающаяся дорога. Возвышеніе было обнесено каменною оградой въ локоть вышины¹. Близъ жертвенника были расположены тѣ же принадлежности для совершенія жертвоприношенія и т. д., какія уже перечислены выше.

Фиг. 176.

Обстоятельнѣе, чѣмъ этотъ жертвенникъ, описываетъ Іосифъ находившіеся въ храмѣ свѣтильникъ и золотой столъ—драгоценности, которыми Титъ въ числѣ другихъ сокровищъ украсилъ свое триумфальное шествіе. Описаніе Іосифа совершенно согласно съ изображеніемъ названныхъ предметовъ на триумфальной аркѣ императора въ Римѣ (фиг. 176, а—b; ср. Ioseph. bell. jud. V. 5 (5)). Тутъ же представленъ одинъ изъ многихъ музыкальных инструментовъ², которые уже со временъ Давида причислялись къ храмовой утвари.

Не смотря на то, что музыкальные инструменты Евреевъ часто упоминаются въ библейскомъ повѣствованіи, приблизительное представленіе объ устройствѣ ихъ получается лишь изъ сравненія ихъ съ изображеніями дре-

¹ Срав. Winer. Bibl. Realwörterbuch I, 196.—² Ср. L. Saalschütz. Geschichte und Würdigung der Musik bei den Hebraeern. Berlin. 1829. S. 95. I. Schneider. Biblisch geschichtl. Darstellung der hebräischen Musik. Bonn, 1834.

внеегипетскихъ и ассирійскихъ инструментовъ, и съ инструментами нынѣ употребляемыми на Востока¹.

1. Изъ ударныхъ инструментовъ Евреямъ уже издавна были известны: „адуффа“—(типманъ) родъ тамбурина или ручнаго барабана (Быт. XXXI, 27. 2 Царствъ, VI, 5. Іудий III, 7); деревянные кастаньеты и металлические тазы, или „кимвалы“, въ которые били для означенія оживленія такта (2 Царствъ, VI, 5; 1 Пар. XIII, 8; ср. Joseph. Antiq. VII, 12 (3); „менаанимъ“—можетъ быть часто употреблявшаяся у Египтянъ систра (2 Царствъ VI, 5. См. фиг. 80, 6), и наконецъ, „шалишимъ“ или, по объясненію Атеней (IV, 175),—треугольникъ.

2. Духовыми инструментами Евреевъ были: труба и разнаго рода свирѣли и флейты. Со временъ Давида всѣ торжественныя жертвоприношенія сопровождались игрою на трубахъ. Трубы Іерусалимскаго храма были серебряныя (Числ. X, 2; 4 Царствъ XII, 13). Форму ихъ даетъ выше приведенное изображеніе на аркѣ Тита (фиг. 176 b), согласное съ описаніемъ ихъ у Іосифа (Ant. III, 12 (6)). Отличны отъ нихъ были, кажется, рога или военныя трубы, въ которыя подавали военныя сигналы (Іерем. IV, 5, VI, 4; Іезек. XXXIII, 6). — Свирѣли и флейты вѣроятно походили на египетскія (фиг. 80, e, f). Изобрѣтателемъ ихъ, по преданію, былъ Іуваль—„отецъ всѣхъ играющихъ на гусляхъ и свирѣли“ (Быт. IV, 21). Была ли свирѣль еврейская простая дудка или, какъ полагаютъ нѣкоторые, походила на волынку — должно остаться нерѣшеннымъ. Игра на флейтахъ была особенно любима Карійцами, которые сопровождали ею извѣстныя торжества (Адоніи)². Отъ нихъ она перешла, можетъ быть, къ Финикиянамъ, отъ которыхъ уже заимствовали еѣ Евреи. Самые инструменты, вѣроятно, были одинаковаго устройства и различались между собою только величиною и числомъ отверстій. Флейты были простыя и двойныя.

3. Относительно формы и устройства струнныхъ инструментовъ тоже нѣтъ достаточно опредѣленныхъ указаній³. Упоминается одна только китара или цитра. Такъ какъ на ней можно было играть на ходу, то нужно предполагать, что она была скорѣе похожа на лютню, чѣмъ на арфу (2 Царствъ VI, 5. Ср. фиг. 140, c, e); но что Евреямъ были извѣстны также разнаго устройства лиры и арфы, къ которымъ слѣдуетъ, можетъ быть, причислить наблій, псалтирь и самвику — несомнѣнно уже потому, что всѣ эти инструменты были уже въ глубокой древности въ употребленіи у Египтянъ (ср. 1 Пар. XV, 16; 2 Пар. V, 12 XXIX, 25, Дан. III, 5.—и выше фиг. 81—83).

Игрою на флейтѣ вторили плачевнымъ и жалобнымъ пѣснямъ, которыя, по обычаю Евреевъ, пѣлись въ домѣ умершаго послѣ его погребенія (2 Пар. XXXV, 25). Поэтому флейта можетъ быть отнесена къ утвари погреб-

¹ См. выше фиг. 80—83; стр. 181 и фиг. 140; сверхъ того: Niebuhr, Reisebeschr. nach Arabien, S. 177 ff. Tab. XXVI; W. Lane, Sitten u. Gebräuche der heutigen Aegypt. II, 187 съ рисунки, и особенно—H. Mayr u. S. Fischer, Genrebilder aus dem Orient. I. f. g. VII. Tab. XLII—² C. Movers, Das phöniz. Alterthum II, S. 20, not. 49. 5. 227.—³ L. Saalschütz, Musik bei den Hebräern. S. 98 ff.

бальной.—Тѣло умершаго сначала омывали, потомъ завертывали въ полотно и переносили на мѣсто погребенія или на носилкахъ, или въ гробѣ (2 Царствъ III, 31; Ioseph. Ant. XV, 1 (2)). Воинамъ клали въ гробѣ ихъ оружіе; знатнымъ ихъ украшенія, драгоценности и пр. (Ioseph. Antiq. XV, 3 (4), XVI, 7 (1)). Тѣла царей погребали иногда, слѣдуя финикійскому обычаю, ¹ и въ каменныхъ саркофагахъ, на которыхъ вырѣзывали изображенія и надписи, какъ это дѣлалось въ Египтѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Малоазійскіе народы ².

Предварительныя замѣчанія.

Малая Азія есть какъ-бы мостъ переброшенный природою между восточными землями и Европою. Омываемая съ сѣвера, запада и юга моремъ, она была первоначально заселена, вѣроятно, частію арійскими, частію семитическими племенами. Первые, прійдя съ востока, заняли средину малоазійскаго полуострова, а послѣднія, подвигаясь съ юга, расселились вдоль его береговъ. Можно предполагать, что столкновение этихъ восточныхъ пришельцевъ съ европейскими переселенцами — греческими и еракійскими, изъ которыхъ первые захватили западное побережье, добравшись до него островами, а послѣдніе, перейдя Босфоръ, завладѣли сѣверными частями полуострова,—повело и здѣсь, также какъ и въ передней Азіи, къ раздробленію населенія на болѣе или менѣе многочисленныя племенные группы, рѣзко отличавшіяся другъ отъ друга особенностями своихъ культурныхъ задатковъ, вынесенными каждою группою изъ ея первобытнаго отечества.

¹ См. Rödig er, Bemerkungen über die phönizische Inschrift eines am 19 Jan. 1855 nahe bei Sidon gefundenen Königs—Sarkophag, въ Zeitschr. der deutsch. morgenländ. Gesellschaft. IX, Heft III, Lpzg. 1855.—² M. Leake: Journal of a Tour in Asia minor, with comparative remarks on the ancient and modern Geography of that Country. London. 1824.—W. J. Hamilton: Researches in Asia minor, Pontus and Armenia; with account of the Antiquities and Geology of those Countries 2 vols. (Тоже, въ иѣм. перев. Schomburg'a: Reisen in Kleinasien etc. Lpzg. 1843).—Ch. Fellows: A Journal written during an excursion in Asia minor. London. 1839. Его же: An account of discoveries in Lycia. London 1841; Travels and Researches in Asia minor, more particularly in the province of Lycia. New Edition. — Stuart: Ancient Monuments in Lydia and Phrygia. Lond. 1842.—Spratt and Forbes: Travels in Lycia. Lond. 1847.—Ch. Texier: Description de l'Asie mineure. 3 vols. Paris 1849.—Ross: Kleinasien und Deutschland. Reisebriefe und Aufsätze etc. Mit Abbildg. Halle. 1850.—P. de Tchihatcheff: Asie mineure. Description physique, statistique et archéologique de cette contrée. Paris 1855.—M. Duncker: Gesch. des Alterthums. II, 484 и слѣд.; III, 257 и слѣд.—F. Kugler: Gesch. der Baukunst. I, 113 и слѣд.; 163 и слѣд.—I. Fergusson: The illustr. Handbook of architecture.—Рисунки костюмовъ, по изображеніямъ на древн. сосудахъ и пр. въ Thom. Hope: Costume of the Ancients vol. 1 Lond. 1841.—Древнія художественныя произведенія, относящіяся къ „троянскому героическому циклу“ и др., перечисленныя по источникамъ и отчасти представленныя въ рисункахъ, см. въ Dr. J. Overbeck, Gallerie heroischer Bildwerke der alten Kunst. T. I. Braunschweig 1853, съ атласомъ in fol.

Такому распаденію населенія на отдѣльныя группы много способствовали горные кряжи, почти параллельно тянущіеся по западной части полуострова, и разница въ естественныхъ условіяхъ заключенныхъ между кряжами мѣстностей. Эта разница опредѣлила въ извѣстной мѣрѣ и дальнѣйшее развитіе каждой группы: тогда какъ занявшія наиболѣе выгодныя мѣстности греческія племена успѣли уже рано достигнуть значительнаго общественнаго и промышленнаго развитія¹, большая часть остальнаго населенія полуострова коснѣла еще въ первобытной дикости.

Поэтому и здѣсь, также какъ и въ передней Азіи, культурное движеніе началось прежде всего на побережьи и ближайшихъ къ нему островахъ.² Такъ Карійцы, племя родственное Финикійцамъ и заселявшее почти всѣ острова и часть южнаго побережья, уже въ глубокой древности были знакомы съ разнообразными ремеслами и, занимаясь пиратствомъ, служили въ то же время дѣятельными посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ между восточными и западными землями³.

Зачатки прочнаго культурнаго развитія явились прежде всего въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ европейскому матеріку. Еще у Гомера (хотя такъ называемый героическій вѣкъ былъ уже и для него далекимъ прошлымъ)—эта часть полуострова представлена раздѣленною между многими самостоятельными народами, соединенными, однакожъ, общею, хотя и слабою, племенною связью. Самымъ сильнымъ и наиболѣе независимымъ изъ этихъ народовъ являются Трояне. За ними слѣдуютъ, почти равные имъ по развитію, культурные народы: Меоны, Киликійцы, Карійцы, Солимеи и Фригійцы. Всѣ вмѣстѣ они занимаютъ обширныя области на западѣ полуострова и своимъ культурнымъ развитіемъ далеко превосходятъ, также упоминаемыя Гомеромъ, племена Ализоновъ, Пафлагонцевъ и др., владѣвшихъ сѣверо-восточными частями полуострова. Къ этимъ народамъ присоединяются, но уже столѣтія спустя, на разсвѣтѣ историческаго времени, Лидяне, замѣнившіе повидному Меоновъ⁴, и дотолѣ неизвѣстный народъ — Каппадокійцы или Левкосиряне. Явственнѣе другихъ очерчиваются сначала Фригійцы, занявшіе средину плодородныхъ и лѣсистыхъ возвышенностей, потомъ Лидяне (можетъ быть соплеменные Карійцамъ и Мизійцамъ),⁵ жившіе на западныхъ склонахъ, орошаемыхъ Меандромъ. Этому послѣднему народу, на раннее появленіе котораго указываетъ, повидному, упоминаемое въ Библии имя „Лудъ“, — было предназначено опредѣлить дальнѣйшую судьбу малоазійскихъ государствъ. Не смотря на воинственныя посягательства на нихъ со стороны восточныхъ властителей, сначала ассирійскихъ царей, а позднѣе — понтійскихъ узурпаторовъ, почти всѣ они были постепенно завоеваны лидійскими царями — Гигесомъ (ок. 700 до Р. Х.) и преемниками его—Ардисомъ (681—632), Садіаттомъ (632—620) и Алиаттомъ (620—563), и образовали одно Лидійское царст-

¹ M. Dunker. Gesch. des Alterthums III, 234 и слѣд. 257 и слѣд.—² C. Movers. Das phönizische Alterthum II, 263 и слѣд.—³ Ср. K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin 1855. I, 341 и слѣд.—⁴ Niebuhr. Vorträge über alte Geschichte. Berlin 1847 I, 99 ff.—⁵ Ср. Movers, Untersuch. über die Religion etc. der Phönizier. S. 17.

во. ¹ Только греческія колоніи на западномъ берегу, уже рано достигшія высокаго процвѣтанія, долго противились захватамъ Лидянъ, пока наконецъ сынъ и наслѣдникъ Аліатта, Крезъ, не покорилъ ихъ своей власти, въ чемъ значительно помогли ему возникшія между ними несогласія.

Лидійское царство было завоевано Киромъ и обращено въ персидскую сатрапію (Xenoph. Anab. I, 9). Около 380 г. до Р. Х. вся западная и сѣверная часть Малой Азии сдѣлалась добычею вторгнувшихся въ нее скинскихъ племенъ. Подъ владычествомъ Александра (331 до Р. Х.) и Римлянъ, малоазійскій полуостровъ испыталъ одинаковую участь съ переднеазійскими землями.

Изъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о раннемъ культурномъ развитіи поименованныхъ выше народовъ, намъ извѣстны до сихъ поръ одни только остатки зданій, разсыпанные въ прежнихъ Фригійскихъ, Ликійскихъ и Лидійскихъ земляхъ. Но какъ эти развалины, такъ и немногіе обломки изваяній, найденные въ восточной части малоазійскаго полуострова, представляютъ лишь крайне скудный источникъ для нагляднаго изученія вишняго быта этихъ народовъ, даже и въ самыхъ общихъ его чертахъ. Гораздо важнѣе для насъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя произведенія греческаго искусства, хотя и относящіяся уже къ сравнительно позднему времени. Это большею частью рисунки на сосудахъ и вазахъ, изображающіе сцены изъ Иліады и Одиссеи и другія, имѣющія отношеніе къ Малой Азии, причемъ съ особенною тщательностью переданы подробности мѣстной одежды. Не менѣе важны для названной цѣли и нѣкоторыя произведенія римской пластики.

Одежда.

Самыя раннія указанія на промышленность малоазійскихъ народовъ мы находимъ у Гомера. ² Что бытовые картины Иліады и Одиссеи основаны на близкомъ знакомствѣ съ состояніемъ греко-азійской культуры, видно изъ сравненія ихъ съ библейскимъ повѣствованіемъ и съ изображеніями на древнеассирійскихъ памятникахъ. ³ — Трояне и союзные съ ними племена представлены у Гомера уже знакомыми съ роскошью, а слѣдовательно и съ ремеслами и торговлею.

---

¹ D u n c k e r. Gesch. des Alterthums II, 515. — ² В. F r i e d r e i c h: Die Realien in der Iliade und Odyssee. Erlangen 1851, nebst Nachträgen. — ³ По предположенію, заслуживающему наиболѣе вѣроятія, Гомеръ былъ уроженецъ о. Хиоса. В. F r i e d r e i c h op. cit. стр. 66. — О Гомерѣ см. въ особ. M. D u n c k e r. Gesch. d. Alt. III, в слѣд.; мѣста изъ Иліады и Одиссеи приведенныя для объясненія древнеассирійскихъ памятниковъ въ назв. выше сочиненіяхъ В o n o m i, G o s s e, L a y a r d и др., также В. W i n e r: biblisch. Realwörterbuch. 3 Aufl. Lpzg. 1848, и В. K ö s t e r; Erläuterungen der heil. Schrift alten und neuen Testaments aus den Klassikern, besonders aus Homer. Kiel 1833,

Съ особенною любовью останавливается Гомеръ на подробномъ описаніи дорогихъ одеждъ, драгоценныхъ украшеній, искусно выдѣланнаго оружія, и не забываетъ рассказать при этомъ объ умѣннѣ троянцевъ обрабатывать металлы, о мастерствѣ троянокъ въ изготовленіи превосходныхъ тканей и объ искусствѣ меонійскихъ и карійскихъ женщинъ „окрашивать въ пурпуръ слоновую кость“ (Иліад. IV, 141).

При частыхъ сношеніяхъ западнаго населенія полуострова съ соседнимъ европейскимъ, сношеніяхъ, которыя поддерживались, кромѣ довольно обширной финикійско-карійской торговли, еще мореходствомъ Ликейнъ и Киликійцевъ, — въ Малой Азіи не могло конечно быть недостатка въ матеріалахъ для всякаго рода производствъ. Сама страна доставляла туземной промышленности животныя и растительныя вещества, а также и металлы. Многочисленныя фригійскія и киликійскія стада овецъ и козъ давали превосходнаго качества шерсть (Arist. anim. VIII, 28; Martial. XIV, 138); а въ сѣверовосточныхъ частяхъ полуострова издавна занимались воздѣлываніемъ льна и переработкою его въ ткани¹. У Гомера часто говорится о льняныхъ тканяхъ и восхваляется ихъ тонкость и блестящая бѣлизна².

Съ выступленіемъ Лидянъ на поприще исторіи и съ установленіемъ болѣе близкихъ сношеній между Греками и малоазійскими народами, свѣденія о промышленной дѣятельности послѣднихъ пріобрѣтаютъ болѣе опредѣленность. Прежняя простота нравовъ и жизни замѣнилась у нихъ тѣмъ временемъ изнѣженностью и склонностью къ роскоши (Aeschil. Perseus. 41). Несмѣтная сокровища, накопавшіяся въ Лидіи частію отъ даней, поступавшихъ изъ новозавоеванныхъ земель, частію отъ разработки богатыхъ золотыхъ коней³, необходимо должны были способствовать усиленію всѣхъ ремесленныхъ производствъ и привести къ замѣнѣ прежней простой одежды болѣе роскошною (Euripid. Iphig. in Aul. 73). При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, свойственная всѣмъ вообще восточнымъ народамъ склонность къ внѣшнему блеску, развилась у Лидянъ до такой степени, что повліяла даже на греческихъ колонистовъ. И они стали мало по малу подражать пышности своихъ соседей (Xenoph. Fragm. 3), но, благодаря своему болѣе тонкому эстетическому чувству, они придавали ей художественное изящество и, въ этомъ отношеніи, по всей вѣроятности, оказали въ свою очередь вліяніе на Лидянъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ были соединены съ ними подъ олинъ скипетръ Крезомъ (сравн. Herod. I, 94). О такомъ взаимномъ вліяніи другъ на друга Грековъ и Лидянъ можно покрайней мѣрѣ заключить изъ рисунковъ фригійскихъ и мидійскихъ одеждъ на греческихъ вазахъ. Эти же рисунки свидѣтельствуютъ и о чрезвычайно роскошной отдѣлкѣ нарядной одежды малоазійцевъ.

Изготовление тканей было и здѣсь, также какъ и въ передней Азіи, представлено исключительно женщинамъ. Пряденье и тканье составляло главное занятіе не только простыхъ женщинъ, но и знатныхъ, даже женъ и до-

¹ Что въ позднѣйшее время особенно славилось полхизское (сардонское) пологно, видно изъ Геродота (II, 105.) — Ср. В. Friedreich, Realien etc. 298, § 92 и слѣд. — ² Ср. Duncker. Gesch. d. Alterth II, 494, 521, 527, 528 Ann. 1.

черей царскихъ. У Гомера (Иліад. VI, ст. 490 и слѣд.), Гекторъ говоритъ своей супругѣ:

„Шестуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами;
 „Тяньемъ, пражей займись, приказывай женамъ домашнимъ
 „Дѣло свое исправлять;.....“ *)

Что знатныя женщины своеручно занимались названными выше работами— объ этомъ узнаемъ мы между прочимъ изъ того мѣста Иліады, (III, 125 и слѣд.), гдѣ говорится о работѣ, надъ которою трудилась въ своемъ теремѣ прекрасная Елена. Изъ этого же мѣста видно, что уже и въ то время малоазійскимъ женщинамъ было знакомо искусство вышиванія.

Когда Лидяне сдѣлались господствующимъ народомъ въ Малой Азии и для Лидійскаго царства наступила эпоха блеска и пышности, явилась потребность дать вѣсѣмъ ремесламъ болѣе широкое развитіе. Постепенно образовалось сословіе ремесленниковъ, которые работали отчасти на свой счетъ, отчасти по заказамъ. Такъ можно по крайней мѣрѣ предполагать, основываясь на замѣчаніяхъ позднѣйшихъ авторовъ объ извѣстности, которою пользовались лидійскія ткацкія и красильни (Plin. hist. nat. VII, 56; Max. Tyr. XL, 2; Val. Flacc. IV, 368; Aelian. anim. IV, 46). Особенно славились пурпуровыя красильни Лидянъ, нѣсколько повидимому не уступавшія такимъ же заведеніямъ въ финикійскихъ колоніяхъ на оо. Низирѣ, Косѣ, Гіарѣ и др. ¹ Ярkokрасную краску добывали изъ цвѣтовъ сандалнаго дерева; „сардская краска“ вошла у Грековъ даже въ поговорку (Aristoph. Acharn. 113).

Изъ тканей, высоко цѣнились сардскіе ковры съ коротко обстриженнымъ ворсомъ, вѣроятно въ родѣ плюша (Athen. p. 197, 524), и въ особенности, чрезвычайно тонкія, прозрачныя ткани съ острововъ Коса и Аморгоса, дѣлавшіяся, можетъ быть, изъ льна или иного, похожаго на шолкъ, матеріала ².

Вышиванье золотомъ и разноцвѣтными узорами было также очень распространено (Joh. Lyd. de Magistr. III, 64). Кромѣ одноцвѣтныхъ пурпурныхъ одеждъ, которыя, по Геродоту (I, 50), носили знатнѣйшіе изъ Лидянъ во время Креза, очень любимы были одежды разноцвѣтныя. Изъ подражанія можетъ быть оракійскимъ и понтійскимъ народамъ ³, (изъ коихъ Треры ⁴ проникли въ Малую Азію уже въ половинѣ 8 столѣтія), эти одежды дѣлались обыкновенно изъ клѣтчатыхъ матерій и походили, какъ видно по нѣкоторымъ рисункамъ на старинныхъ вазахъ (фиг. 177. a, b), на пестрыхъ одеждахъ Египтянъ, заимствованныя этими послѣдними вѣроятно изъ передней Азии (сравни фиг. 17. и слѣд.).

*) Мѣста изъ Иліады приведены въ перев. Гнѣдича, изъ Одиссея, въ пер. Жуковскаго. Пер.—¹ C. Movers, Das phönizische Alterthum II. S. 165.—² Вопросъ о фабрикаціи этихъ тканей, пользовавшихся особенно извѣстностью въ Греціи, и о матеріалѣ, изъ него онѣ выдѣлывались, до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Ср. A. Becker, Charikles. Bilder altgriech. Sitte etc. Lpzg. 1840. II. S. 338 ff.—³ Ср. Böttiger's kleine Schriften Archäolog. und antiq. Inhalts, herausg. von J. Sillig. Lpzg. II. S. 33 ff.—Геродотъ (I, 203) упоминаетъ объ особенномъ родѣ расписыванія одеждъ (набивные узоры?) у Мессагетовъ.—⁴ Duncker, op. cit. III, S. 486. Второе вторженіе того же народа произошло около 633 г.

Кромѣ того, одежды отдѣлывались золотыми фигурами—вотканными, или нашитыми. Этотъ способъ украшать одежды былъ также въ употребленіи у понтійскихъ народовъ, напр. у жившихъ по сосѣдству съ греческими колонистами Скивовъ, у которыхъ онъ былъ даже доведенъ до нѣкотораго художественнаго изящества ¹. На одежду нашивали разной величины и формы золотыя бляшки, иногда даже съ вычеканенными на нихъ выпуклыми изображеніями. Чаще всего бляшкамъ давали форму звѣзд, какъ и у древнихъ Ассирійянъ (фиг. 177, d; ср. b).

Фиг. 177.

Особенно богато отдѣлывали швы и края одежды. Благодаря повидимому греческому вліянію, узоры этихъ обшивокъ, хотя и приближающіеся къ ассирійскому вкусу (фиг. 177, с—g), отличаются иногда чрезвычайнымъ изяществомъ. Красивыя пальметты ² и извилистыя линіи (получившія названія меандровъ отъ рѣки Меандра, безчисленными извилами текущей по Лидіи) заступили мѣсто прежней, неуклюжимъ зигзагомъ изломанной полосы, нашивавшейся на подолъ одежды. Также и ассирійская двойная волота (фиг. 177. f) получила въ западной части Малой Азіи большое значеніе, не только какъ архитектурный орнаментъ, но и какъ украшеніе для одежды.

Въ описываемое Гомеромъ время, одежда упоминаемыхъ имъ негреческихъ племенъ, жившихъ въ Малой Азіи, повидимому мало отличалась отъ одежды тогдашнихъ Грековъ ³.

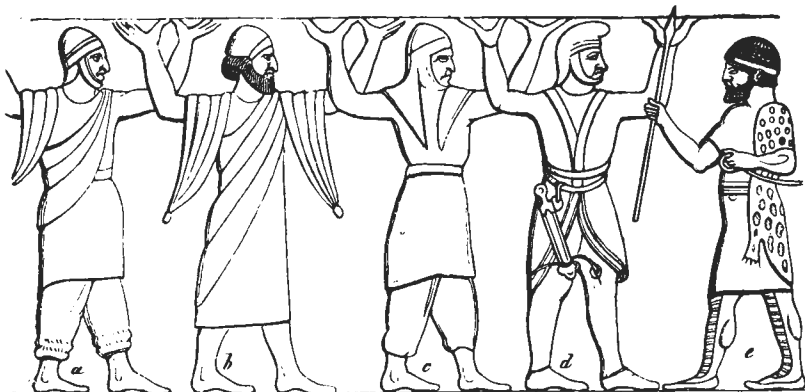
Различіе между мужскою и женскою одеждою было также незначительно. Какъ мужчины, такъ и женщины носили болѣе или менѣе длинную нижнюю одежду, похожую на сорочку, которую подпоясывали, и сверхъ нея плащъ

¹ K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin 1855 I, 509 ff. — ² Это же украшеніе встрѣчается и на лидійскихъ монетахъ. S. Panofka. Dionysos und die Thyaden (Abhandl. d. Akad. d. Wissensch. Berlin 1852) S. 345. Taf. I, fig. 4. — ³ B. Friedreich. Realien etc. S. 238. § 66—68.

или накидку. Женская одежда отличалась от мужской только тѣмъ, что была полнѣе и длиннѣе, и дѣлалась изъ болѣе тонкихъ тканей. Кромѣ того, женщины носили разныя украшенія изъ золота и серебра, красивую обувь и головной уборъ съ длиннымъ, прозрачнымъ покрываломъ.

1) Мужская одежда малоазійцевъ того времени имѣла поэтому нѣкоторое сходство съ мужскою одеждою древнихъ Ассирійанъ. Общая всемъ негреческимъ народамъ боязнь наготы была, какъ замѣчаетъ Геродотъ (I, 8—10), свойственна и Лидянамъ, вслѣдствіе чего они носили длинную, до самыхъ ступней доходившую одежду (ср. фиг. 178. б). Рисунки со статуи одѣтаго Вакха представляютъ вѣроятно такого рода одежду въ самой богатой ея отдѣлкѣ¹. Она состояла изъ широкой и длинной, нерѣдко по землѣ влачащейся, подпоясанной подъ грудью нижней одежды въ родѣ рубашки съ рукавами, изъ узорчатой матеріи, и накинутого сверхъ нея, тоже широкаго, плаща, по краямъ обшитаго каймою. Этотъ нарядъ назывался *bassarae* — названіе созвучное съ оракійскимъ „*bassarim*“ (шкура)², но, по всей вѣроятности, указывающее не столько на происхождение самаго наряда изъ сѣверовосточныхъ странъ, сколько на первобытный способъ одѣваться въ звѣриныя шкуры. Впрочемъ, и во время, описываемое Гомеромъ, иногда надѣвали звѣриныя шкуры, хотя не для покрытія тѣла, а какъ украшеніе. Такъ Парисъ сражался въ шкурѣ пантеры, надѣтой сверхъ брони, а Менелай въ лвиной шкурѣ (Ил. III, 17. X. 23). Даже и гораздо позднѣе, при Ксерксѣ, Ликейне покрывали себѣ плечи козьими шкурами (Herod. VII, 93) — обычай, какъ видно по древнеассирійскимъ барельефамъ, свойственный и нѣкоторымъ другимъ народамъ, подвластнымъ Ассиріи (фиг. 178, е).

Фиг. 178.

Объ особой одеждѣ для ногъ, кромѣ металлическихъ поножей, надѣвавшихся при вооруженіи, Гомеръ не упоминаетъ. Она появляется впервые на

¹ Ср. O. Müller. Handbuch der Archæologie etc. § 337 (2), § 383 (4, 6), гдѣ указаны в источникахъ; относящіяся сюда рисунки въ *Denkmäler der alten Kunst* von O. Müller und Oesterle, fortgesetzt von F. Wieseler, пррмшущ. В. Nro 448. Th. Panofka. Dionysos und die Thyaden, Taf. I. 2 a; III, II a и 12.—² C. Movers. Untersuchungen über die Religion und die Gottheiten der Phönizier etc. 5, 23.

изображеніяхъ изъ временъ персидскаго владычества надъ Малой Азіею (фиг. 178 а, с, d.)¹. По этому не безъ вѣроятности можно предположить, что негреческіе малоазійскіе народы, также какъ и позднѣйшіе Ассиріане, заимствовали эту часть одежды отъ припонтійскихъ или еракійскихъ племенъ², если не прямо отъ самихъ Персовъ.

Введеніе штановъ дало возможность замѣнить старинную широкую и длинную одежду болѣе легкою и не менѣе красивою, которая тоже совершенно покрывала тѣло и защищала его отъ вліяній, по временамъ суроваго, а отъ близости моря и горъ всегда переменчиваго климата³. Что старинныя длинныя одежды были рано оставлены, можно заключить изъ рисунковъ на вазахъ: часто попадающаяся на нихъ фигура Париса представляется всегда въ легкомъ, греко-азіатскомъ костюмѣ.

Къ полному лидійскому или фригійскому костюму⁴ (такъ какъ въ описываемое время между ними не было вѣроятно никакой разницы) принадлежали еще особаго рода куртки и красивый головной уборъ. У людей знатныхъ всѣ части такого костюма были украшены разноцвѣтными узорами. Штаны или обтягивали ногу совершенно гладко, какъ трико, или складывались на ней въ легкія складки; къ нимъ надѣвалась одинаковая съ ними

Фиг. 179.

куртка съ рукавами, доходившими до кистей рукъ. (Eurip. Ciclop. 177).
Сверхъ куртки надѣвалась одежда, похожая на безрукавную рубашку, об-

¹ Исслѣдованія объ изображеніяхъ малоазійскихъ народовъ на персидскихъ памятникахъ были предприняты уже А. Bottiger'омъ (Amalthea oder Museum der Kunstmythologie etc. II, § 98 ff.), но не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Ср. относящіяся сюда замѣч. у Texier. Description de l'Arménie, la Perse etc.—² Ср. Геродота VII, 67, 72, 76.—³ О климатѣ прежней Фрагіи см. С. Fellows. Ein Ausflug nach Kleinasien 5, 149.—⁴ См. замѣтки о фригійской одеждѣ при объясненіи рисунковъ на вазахъ у Böttiger. Kl. Schriften etc. II, § 260 ff. и у F. Creuzer. Zur Gallerie der alten Dramatiker, Heidelberg 1838, 5. 38.

шитая на подолѣ, у ворота и на рукавахъ разноцвѣтными узорчатыми каймами. Иногда посрединѣ такой рубашки спереди, начиная отъ ворота до подола, шла узорчатая полоса и по всей рубашкѣ были вытканы разныя фигуры — пальметы, звѣзды и др., расположенныя въ симметрическомъ порядкѣ ¹. Рубашку подпоясывали поясомъ, и если она была довольно длинна, выпускали изъ за пояса такъ, что она на половину его закрывала (фиг. 179, а). По найденному близъ Пармиоіи, въ Эпирѣ, бронзовому рельефу съ изображеніемъ Анхиза ², видно, что для украшенія описанной одежды на нее нашивали мелкія золотыя бляшки (фиг. 179, а); такими же бляшками, но нашитыми сплошными рядами, отдѣлывали и верхнюю длиннорукавную одежду которую надѣвали сверхъ безрукавной рубашки (ср. фиг. 179, а). — Цвѣтъ этихъ роскошныхъ одеждъ былъ вѣроятно темно-или яркочерный пурпуровый съ яркимъ желтымъ или бѣлымъ. Такого цвѣта была и обувь — башмаки изъ мягкой кожи, вѣроятно тоже съ золотыми украшениями (Sappon Fragm. ed. Schneidew. 34). вмѣсто башмаковъ носили иногда полусапожки, совершенно похожіе на ассирійскіе (фиг. 121. f). Красивая шапка или богатая головная повязка (фиг. 179, с) ³ дополняла хорошо извѣстный и Эврипиду (Iphig in Aulid. 73) „пышный фригійскій нарядъ.“

Шапка ⁴ была самою оригинальною частью фригійско-лидійскаго наряда. Она имѣла форму колпака съ перегнутой напередъ верхушкой и съ тремя или четырьмя широкими лопастями, которыя спускались на затылокъ и вдоль щекъ, оставляя открытою только переднюю часть лица (фиг. 179 а, b; 180, а, b). Подъ подбородкомъ она застегивалась, или завязывалась на тесемки (Virgil. Aeneid. IV, 215), которыя впрочемъ большею частью или просто распускали (фиг. 178. d; фиг. 179 b; 180, а), или свертывали въ трубку (фиг. 119, а), или связывали въ узелъ на лбу (фиг. 180, b). Вышина этихъ шапокъ была повидимому значительна, особенно въ позднѣйшее время, какъ видно изъ шутивлаго замѣчанія Овидія (Metamorph. 11), что Мидасъ носилъ фригійскую шапку для того, чтобы прятать подъ нее ослиныя уши, которыми его наградила Аполлонъ.

Водвореніе позднѣйшей греческой и римской культуры на Востокѣ не могло не отразиться и на одеждѣ малоазійскихъ народовъ. Если она оставалась по прежнему разноцвѣтною, такъ что еще Virgilіи (Aeneid IX, 612 ff) могъ сказать, обращаясь къ малоазійцамъ, — „въ яркій шафранъ и въ пурпуръ блестящій окрашены ваши одежды“, то въ покрое ея произошла замѣтная перемѣна. Кромѣ нѣкоторыхъ изображеній Париса, которыя могли быть сочинены позднѣйшими художниками, думавшими представить въ нихъ типъ „очаровательнаго“ пастушка (фиг. 180, а), всѣ скульптуры того времени показываютъ, что одежда малоазійцевъ стала гораздо шире

¹ Ср. рисунки въ Monumenti dell'Istituto di Corr. arch. I, Tav. 37. A; Monum. inedit. dell'Istituto I, Tav. 50, A. — и E. Gerhardt, Antike Bildwerke, I Taf. 25. — ² O Müller und Oesterle, Denkmäler der alten Kunst. B. No 293. — ³ Въ подобныхъ же повязкахъ представлены плѣнные на ассирійскихъ барельефахъ. A. Layard. Nineveh and Babylon p. 105. — ⁴ Подробное описаніе въ A. Böttiger, Kleine Schriften etc. II, 19 5, 262; III, 454.

и богаче складками, чѣмъ была прежде. Шапка, обувь и штаны остались почти безъ измѣненія, можетъ быть потому, что эти части одежды до того времени не были въ употребленіи у западныхъ народовъ; но прежняя безру-

Фиг. 180.

кавная рубашка постепенно замѣнилась широкою одеждою съ рукавами, которая была такъ длинна, что для того, чтобы она не мѣшала свободному движенію, её подбирали на поясъ и кромѣ того подпоясывали еще разъ подъ грудью. Плащъ, который надѣвали сверху, былъ также очень широкъ и застегивался на плечъ пряжкой. (фиг. 180. в).

Фиг. 181.

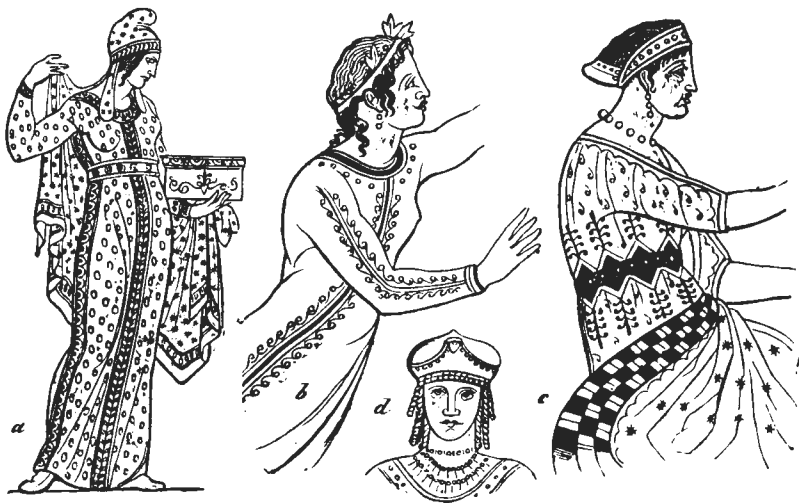

2. Между тѣмъ какъ мужская одежда въ теченіе столѣтій подвергалась различнымъ измѣненіямъ, одежда женская мало уклонилась отъ ста-

риннаго образца. ¹ По рисункамъ и скульптурамъ изъ различныхъ эпохъ видно, что даже и въ позднѣйшее время она почти ничѣмъ не разнилась отъ женской одежды описанной у Гомера. Она состояла изъ широкой и длинной рубашки, подпоясанной вокругъ талии, а иногда еще разъ подъ грудью, и широкаго же плаща или накидки (фиг. 181, а—с). Богатыя одежды вышивались по краямъ узорчатыми каймами. Любимымъ цвѣтомъ былъ бѣлый; впрочемъ и женщины, подобно мужчинамъ, носили одежды изъ цвѣтныхъ и узорчатыхъ матерій. Таковы были драгоценныя аморгійскія и койскія ткани (см. выше стр. 282), до такой степени тонкія, что тѣло сквозило даже и черезъ двойную одежду, сшитую изъ этихъ тканей (фиг. 181, d). Такія прозрачныя одежды носили разумѣется однѣ только богатыя женщины и вѣроятно только дома. ² Для выхода же изъ дому надѣвали длинныя, довольно узкія одежды, которыя спереди зашнуровывались сверху до низу и имѣли рукава, закрывавшіе всю руку до кисти (фиг. 182 а). Сверхъ нихъ накидывали широкой плащъ. — Женщины царскаго рода носили головной уборъ совершенно похожій на вышеописанную мужскую шапку, и золотой кованный поясъ. Одежда ихъ была вышита золотомъ, а иногда—какъ видно по одному изображенію Медеи (фиг. 182, а)—вся обшита золотыми бляшками, какъ и мужская.

Поясъ и покрывало (у богатыхъ вышитое) составляли кажется необходимую принадлежность наряда замужнихъ женщинъ (фиг. 182, а, с), тогда какъ дѣвушки ходили иногда безъ пояса (фиг. 182, b).—На головѣ носили

Фиг. 182.

шапки различной формы, повязки, золотыя и серебряныя діадемы, украшенныя драгоценными камнями, ленты съ прикрепленными къ нимъ цвѣтами

¹ См. рисунки въ Th. Panofka, Dionysos und die Thyaden; ср. также ниже помѣщенные изображенія одежды европейскихъ Грековъ.—² Ср. Herod. I, 94; 173. Xenoph. Symp. IV, 2.

(фиг. 181, а—с; 182, а—d). Менѣе разнообразна была обувь женская: она состояла изъ сандалій и легкихъ полусапожекъ ¹.

Густые и длинные волосы считались украшеніемъ не только женщинъ, но и мужчинъ (у послѣднихъ также и борода, что доказываютъ многочисленныя изображенія „бородатого“ Вакха ²). Молодые люди носили длинные до плечъ волосы, завитые въ локоны, и умащали ихъ благовонными маслами (фиг. 179, а—с. *Virg. Aeneid. IV, 215*). „Благовоніями съ горы Тмола“ пропитывали также и одежды (*Virg. Georg. I, 56; Athen. p. 690*). Оба пола носили на рукахъ браслеты, на шеѣ ожерелья, съ длинными, спускавшимися на грудь, золотыми цѣпами—„шейными оковами“, какъ ихъ называетъ Еврипидъ (*Ciclop. 178*). Ношеніе серегъ было также обще обоимъ поламъ и до того распространено, что Греки всякаго, носившаго серьги, называли въ шутку „Лидяниномъ съ проткнутыми ушами“ (*Xenoph. Anab. III, 1*).

О значеніи одежды, какъ отличительномъ признакѣ званій и сословіи, въ лидійско-фригійскомъ царствѣ, возможны однѣ только догадки. Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что и у Лидянъ, какъ и у разсмотрѣнныхъ нами другихъ древне-азійскихъ народовъ, большая или меньшая пышность одежды была достаточно вѣрнымъ признакомъ званія и сана. Сравнительно съ пышнымъ одѣяніемъ царей и тоже роскошною одеждою знатныхъ и богачей, одежда людей незнатныхъ и недостаточныхъ была очень проста и скудна. Что же касается низшихъ, рабочихъ сословіи, то они вѣроятно и тогда одѣвались почти такъ же, какъ одѣваются и теперь. ³ Уже и тогда, можетъ быть, носилъ лидійскій земледѣлецъ или пастухъ короткую куртку съ короткими же неширокими штанами, а ликійскій поселянинъ ходилъ въ длинномъ кафтанѣ изъ полосатой бумажной матеріи, широкихъ шароварахъ и сапогахъ.

Главнымъ атрибутомъ царскаго сана у Лидянъ была двойная сѣкира (*labrys*); съ такою же сѣкирою изображалось и высшее божество Лидянъ. ⁴ Кромѣ того, лидійскіе цари носили жезлъ (*Herod. I, 50*) и одѣвались въ пурпуръ. Впрочемъ ношеніе пурпуровыхъ одеждъ не составляло исключительной привилегіи царей. Ихъ носили также и главные жрецы сирфинкійскаго культа, къ которому принадлежали и нѣкоторые изъ малоазійскихъ народовъ ⁵; Каппадокійцы ⁶ или Левкосиріане, ⁷ Киликійцы и Фригійцы. ⁸ О жрецахъ фригійскихъ сохранилось извѣстіе — правда изъ позднѣйшаго, уже римскаго времени, когда они появились въ Европѣ и между прочимъ въ Римѣ,—что ихъ одежда была пестра и походила на женскую. ⁹

Военное устройство

малоазійскихъ народовъ Гомерова времени, ¹⁰ особенно ихъ тогдашній способъ веденія войны, были въ сущности тѣ же, какъ и у всѣхъ

¹ О подробностяхъ см. въ отдѣлѣ греческой одежды.—² Th. Panofka, op. cit. —³ L. Ross. Kleinasien und Deutschland, S. 50 ff.—⁴ Dunc ker. Gesch. des Alterth. II, 507.—⁵ Dunc ker, op. cit. II, 511: ср. собранія мѣста въ С. Movers, Das phönizische Alterthum I, 544 ff.—⁶ Juvenal, Satir. VI, 511.—⁷ Athen. V, 54, p. 212; XIII, 50, p. 586.—⁸ Plin. hist. natur. II, 95: XXXV, 36, 46. Dio Cass. LXVIII, 27.—⁹ С. Movers Untersuch. über die Religion und Gottheiten der Phö. zihier etc. S. 581 ff.—¹⁰ B. Friedreich. Realien etc S. 355. § 118 ff.

остальных древневосточных народов, ¹ — это видно из сравнения Гомеровых описаний с соответственными изображениями на древнеассирийских памятниках. Воиственность, которою отличались западные малоазійцы въ Гомеровскую эпоху, сохранилась между ними и до позднѣйшаго времени и только мало по малу, подъ влияніемъ развивавшейся роскоши, уступила мѣсто мирному настроенію. Но еще и во времена Креза „не было народа храбрѣе Лидій“ (Herod. I, 79, 155). Какъ и упоминаемые Гомеромъ (Ил. II, 863; X, 431) „смѣлые конекротители“ Мэоны, Лидіане тоже слыли за отличныхъ наѣзниковъ (Herod. I, 80).

При Гигестѣ и его преемникахъ въ военномъ устройствѣ Лидій произошли значительныя улучшения. Съ распространеніемъ предѣловъ царства увеличивалась и масса войска и продолжала постоянно возрастать до вступленія на престолъ лидійскій Креза. Если вѣрить Ксенофонту (Сугор. II, 1), Крезъ могъ выставить войско, состоявшее изъ 10000 конныхъ и 40000 пѣшихъ лидійскихъ ратниковъ, 8000 всадниковъ и 40000 копейщиковъ фригійскихъ и 6000 всадниковъ и 30000 стрѣлковъ каппадокійскихъ, не считая союзныхъ народовъ. Такимъ образомъ лидійская армія не уступала въ многочисленности ни одной изъ армій остальныхъ азійскихъ царствъ, и одна только нерѣшительность и ложная тактика Креза въ войнѣ съ Киромъ были виною тому, что послѣдній нанесъ ему такое рѣшительное пораженіе.

О р у ж і е.

Полное вооруженіе знатныхъ воиновъ подробно описано Гомеромъ въ разсказѣ его о сборахъ Париса на битву (Ил. III, 330 и слѣд.):

—И сперва наложилъ онъ на бѣлыя ноги поножи
 Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
 Перси кругомъ защищая, надѣлъ мѣдныя латы,
 Брата Ливіона славный доспѣхъ, и ему соразмѣрный;
 Сверху на ramo набросилъ ремень и мечъ среброгвоздпый
 Съ мѣднанымъ влянкомъ; и щитъ захватилъ и огромный и крѣпкій;
 Шлемъ на могучую голову ярко блестящій надвинулъ
 Съ гривною конскою; гребень ужасный надъ нимъ волновался;
 Тяжкое поднялъ колье, но которое было споручно“.

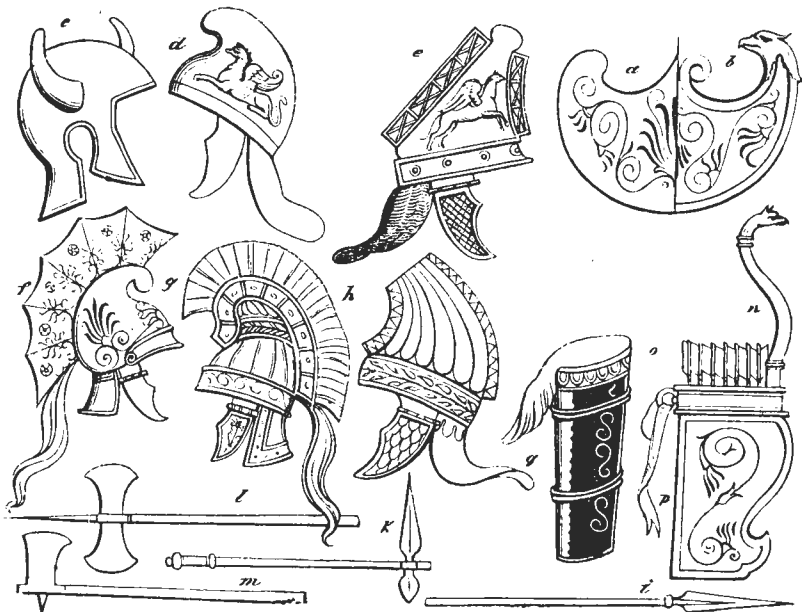
1. И такъ, щитъ „и огромный и крѣпкій“ былъ самымъ важнымъ оборонительнымъ оружіемъ. Троянскіе щиты совершенно походили на древневосточные, особенно ассирійскіе ² Они дѣлались или изъ кожъ, положенныхъ одна на другую и соединенныхъ вмѣстѣ металлическимъ ободомъ, или изъ толстыхъ металлическихъ листовъ такъ же сложенныхъ и связанныхъ ободомъ. Форма щитовъ была большею частью круглая или овальная; величина ихъ значительна: были щиты и въ ростъ человѣческой. На внутренней сторонѣ щитъ имѣлъ двѣ рукояти — усовершенствованіе, которое, вмѣстѣ съ расписываніемъ щитовъ, приписывали Карійцамъ (Herod. I,

¹ I. Kruger. Geschichte der Assirier und Iranier. Frankf. a. M. 1856. S. 231 ff.—
² Для подробностей см. В. Friedreich. Realien etc. S. 358. § 120 ff. Ср. также приводимыя изъ Гомера мѣста съ помѣщенными въ предшествовавшихъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія рисунками и описаніемъ вооруженія древнеазійскихъ народовъ.

171); въ нижнюю рукоятъ просовывали руку, а за верхнюю ухватывались пальцами.

Кромѣ большихъ круглыхъ или овальныхъ щитовъ, въ лидійскихъ и фригійскихъ войскахъ употреблялись ручные щиты, перенятые, можетъ быть, отъ аракійцевъ или восточныхъ народовъ¹. Они имѣли особую форму (фиг. 183. a, b), приспособленную къ тому, чтобы, держа щитъ горизонтально, прикрывать имъ верхнюю часть туловища не застѣвая глазъ.

Фиг. 183.

Старинный малоазійскій шлемъ походилъ тоже на древнеассирійскій. Онъ былъ или кожаный съ металлической оправой, или весь металлическій (мѣдный), и имѣлъ форму круглой шапки съ затыльникомъ и наушниками, для защиты задней части головы, ушей и щекъ, и возвышеніемъ на верхушкѣ, къ которому прикрѣплялся пучокъ длинныхъ конскихъ волосъ, большую частью окрашенных². Это украшеніе было впервые введено Карійцами (Herod. I. 171.). Для того чтобы шлемъ не сваливался съ головы, его застегивали подъ подбородкомъ двумя толстыми ремнями.

Иногда шлемы дѣлались совершенно круглые, безъ возвышенія на верхушкѣ и безъ волосъ, но за то съ рогами, въ видѣ украшенія (фиг. 183. c). Позднѣйшіе богато убранные шлемы Лидянъ и Фригійцевъ получили форму фригійской шапки (фиг. 183. d—h) съ высокимъ гребнемъ для прикрѣпленія гривы (фиг. 183. e—h) и подвижнымъ затыльникомъ (фиг. 183. d, e, h).

Латы³ закрывали туловище отъ шеи до бедръ и состояли изъ двухъ частей—нагрудника и наспинника, которые на бокахъ сѣплялись крючками,

¹ Въ позднѣйшее время такіе щиты называли „щитами амазонь.“ — ² Фиг. 184; 180; 187.—³ См. С. А. Böttiger. Griechische Vasengemälde. Weimar 1797. I (2) S. 67 ff; и O. Brøndsted. Die Bronzen von Siris. Kopenhagen 1837 S. 17 ff.

и, кромѣ того, сдерживались поясомъ и наплечниками. Латы или выковывались изъ мѣди, или дѣлались изъ кожи и только обкладывались мѣдными полосами, подобно ассирійскимъ (Ил. XI, 24), или были чешуйчатые. Холщевыя (египетскія) латы были также извѣстны въ Малой Азійи, но употреблялись, повидимому, рѣдко (Ил. II. 529, 830). Что иногда вся броня дѣлалась чешуйчатая—это доказывается многими рисунками на вазахъ, изображающими героевъ Иліады въ полномъ вооруженіи (фиг. 184).

Подъ латы надѣвался кожаный или войлочный кафтанъ. Для того чтобы онъ не мѣшалъ свободному движенію, нижняя часть его, выходящая изъ подъ латы, была разрѣзана на лопасти и каждая лопасть обложена металлическимъ ободомъ или бляхами (фиг. 184; 187). Для защиты нижней части живота, её обвязывали особою шерстяною перевязью, на которой тоже были нашиты металлическія бляхи. (Ил. IV. 134. 186. 215):

„Бурно пернатая горькая въ сожнутый заповъ упала,
 „И насквозь растерзала изящно украшенный заповъ,
 „Броню насквозь, украшеніемъ пышную, быстро пробила,
 „Повязь мѣдную, тѣла защиту, стрѣлъ сокрушенью,
 „Часто его защищавшую, самую повязь пронзила,
 „И разъяла могучая верхнюю кожу героя;...“

Фиг. 184.

Только Ликіане сражались безъ набрюшниковъ ¹ и потому назывались „безопасносодѣшными“ (Ил. XVI. 419).

Полножи были или одинакія или двойныя. Одинакія закрывали только переднюю часть ноги отъ колѣна до подъема и застегивались на икрѣ ремнями; двойныя состояли изъ двухъ половинъ, передней и задней, которыя сцѣ-

¹ См. описаніе ихъ (предположительное) въ O. Brönsted, Die Bronzen von Siris. S. 19. Anm. 19. съ рисунками.

плялись вмѣстѣ крючками (фиг. 186). Подобно остальному вооруженію, поножи дѣлались изъ мѣди или олова; наглезны бывали нерѣдко серебряныя (Ил. III 331; XI, 18).

Описанная форма латъ и поножей удержалась у западныхъ народовъ почти безъ всякихъ измѣненій до самаго конца древняго періода. Тоже самое можно предположить и о ихъ нападательномъ оружіи. Оно состояло изъ копья, лука со стрѣлами, пращи, меча, палицы и сѣкиры. Изъ описанія этого оружія у Гомера видно, что оно почти ничѣмъ не отличалось отъ употреблявшагося въ средней Азіи, въ ассирійское время ². — Копья и дротики (фиг. 183, i) дѣлались изъ ясеневаго дерева и имѣли отъ 6 до 11 фут. длины; на обоихъ концахъ древка были насажены бронзовыя наконечники съ ложбинкой посрединѣ. Луки были роговыя, или цѣльные, или (какъ лукъ Пацдара: Ил. IV. 105) составленные изъ двухъ роговъ (въ приведенномъ примѣрѣ изъ роговъ серны), соединенныхъ вмѣстѣ перемычкой, и поэтому походили скорѣе на большіе скинскіе луки, чѣмъ на ассирійскіе (ср. фиг. 183, n; фиг. 185). — Стрѣлы были деревянныя или тростниковыя, съ бронзовымъ, нерѣдко зазубреннымъ, остриемъ и опереннымъ тупымъ концомъ (фиг. 183. o; фиг. 184). Ихъ носили иногда въ особомъ колчанѣ, иногда вмѣстѣ съ лукомъ въ палучѣ (фиг. 183 p. q). Колчанъ вѣшали на длинномъ ремнѣ черезъ плечо такъ, что онъ ложился поперекъ спины (фиг. 185). Такъ какъ Малоазійцы сражались преимущественно копьями и дротиками, какъ въ одиночномъ бою, такъ и въ массѣ, то употребленіе лука и стрѣлъ въ битвѣ было у нихъ ограниченнѣе, чѣмъ у народовъ средней Азіи.

Фиг. 185.

Мечи были бронзовыя, съ острымъ концомъ и двумя лезвіями. Рукоятъ меча и ножны были тоже металлическіе, у знатныхъ воиновъ изъ слоновой кости, съ рѣзбою и украшеніями. Мечъ носили на лѣвой сторонѣ, какъ Ассиріяне, а не на правой, какъ Персы (фиг. 152. a). Иногда къ мечу присоединяли небольшой ножъ, который употреблялся впрочемъ только для разныхъ подѣлокъ (Ил. III, 271; XI, 843).

Боевыя сѣкиры были разныхъ формъ и размѣровъ. Самымъ употребительнымъ и вмѣстѣ самымъ страшнымъ оружіемъ была двойная сѣкира (фиг. 183. l); затѣмъ слѣдовали простыя сѣкиры, небольшіе топоры и деревянныя, обитыя мѣдью палицы, похожія, можетъ быть, на ассирійскія (фиг. 183. k, m).

И у сѣверозападныхъ Малоазійцевъ, такъ же какъ и у остальныхъ восточныхъ народовъ, не всѣ ратники были одинаково вооружены. Въ полномъ

¹ Ср. В. Friedreich. Realien etc. S. 358 § 120 A. съ помѣщенными выше рисунками ассирійскаго оружія.

вооруженіи сражались и у нихъ одни знатные и именитые воины. Готовясь къ битвѣ, они надѣвали броню сверхъ своей обыкновенной одежды, которую, такъ какъ она была очень длинна, вѣроятно, или очень высоко подпоясывали, или замѣняли болѣе короткою¹. Сверхъ латъ набрасывали шкуру какого нибудь звѣря—какъ уже выше было замѣчено (стр. 284), или, какъ видно по нѣкоторымъ рисункамъ на вазахъ, надѣвали богато вышитую короткую мантию (фиг. 186). Замѣна старишной широкой одежды новою узкою, плотно

Фиг. 186.

обтягивавшею тѣло одеждою, отразилась и на вооруженіи. Явились узкія и гибкія чешуйчатая брони, покрывавшія все тѣло, какъ брони сарматскихъ племенъ (Heliod. Aeth. IX, 15.—фиг. 185). Вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ обычай у знатныхъ воиновъ сражаться въ одномъ только панцирѣ (безъ попожей), который они надѣвали сверхъ своей пышной одежды (фиг. 187).

Фиг. 187.

¹ Для сравненія съ ассирійскимъ вооруженіемъ см. фиг. 128, а—f.

Многіе изъ нихъ выходили на битву не надѣвая даже и панцыря, въ однихъ одеждахъ, отличаясь отъ греческихъ воиновъ, сражавшихся съ голыми руками и ногами, лишь тѣмъ, что эти части тѣла были у нихъ одѣты.

Одежда и вооруженіе простыхъ ратниковъ не могли конечно быть ни богаты, ни разнообразны. Однакожъ, съ тѣхъ поръ, какъ лидійское войско ста-

Фиг. 188.

ло увеличиваться ратниками изъ покоренныхъ народовъ, преждее однообразіе въ немъ замѣнилось пестрою смѣсью разнообразныхъ одеждъ и разнаго рода оружія. Эта масса разноплеменныхъ ратниковъ составила въ послѣдствіи часть тѣхъ громадныхъ полчищъ, съ которыми Ксерксъ выступилъ противъ Грековъ. Всѣ племена тогдашняго Востока имѣли своихъ представителей въ войскѣ Ксеркса (Herod. VII, 61 seq.). Изъ малоазійскихъ племенъ, кромѣ Лидянъ и Фригійцевъ, упоминаются еще Халибы и пафлагонскія племена съ береговъ Чернаго моря, Оракійцы, Киликійцы, Ликіянцы, Мизійцы и др.

Лучше всѣхъ были вооружены, безъ сомнѣнія, Лидяне, такъ какъ вооруженіе ихъ было тогдашнее греческое (Herod. VII, 75). Они были большею частью конники и сражались длинными копьями (Herod. I, 79). За ними слѣдовали Фригійцы. Вооруженіе ихъ почти ни чѣмъ не отличалось отъ пафлагонскаго. Оно состояло изъ шлема, формою походившаго на фригійскую шапку, небольшого щита, длиннаго копья, дрота, и кинжала; ноги но и защищали длинными, заходившими выше колѣна, сапогами (Herod. VII, 72). Почти такъ же были вооружены Мосинѣи, жившіе тоже у Чернаго моря. Они носили широкіе шаравары и кожаные шлемы, украшенные пучкомъ волосъ. Ихъ конья имѣли до 6 фут. длины; щиты были обтянуты бычачьими шкурами съ бѣлой шерстью (Xenoph. Anab. V, 4). Халибы, издавна славшіе за рудокоповъ (Aeschyl. Prometh. 716 seq.), носили небольшіе кожаные щиты и мѣдные шлемы, сдѣланные на подобіе бычачьей головы съ рогами и ушами, и украшенные пучкомъ волосъ; поножи они обер-

тывали красной матеріей и сражались копьями ликійской работы (Herod. VII, 77). Нѣкоторые изъ нихъ были одѣты въ холщевые панцири съ густою бахрамою изъ сурковъ, защищавшею животъ, и были вооружены кривыми мечами (Xenoph. Anab. VII, 7).—Всѣ эти племена, преимущественно же жившіе по берегамъ Чернаго моря (Herod. VII, 79, 80), составляли конное войско. Къ нему же принадлежали Киликійцы (Herod. III, 90) и полудикіе еще Мизійцы. Киликійцы были одѣты въ шерстяные кафтаны и плащи изъ бычачьей шкуры, и вооружены дротиками и мечами похожими на египетскіе; шлемы ихъ были „по обычаю страны“ (Herod. VII, 92). Вооруженіе Мизійцевъ состояло изъ шлема, небольшого щита и деревяннаго копья или дрота съ заостреннымъ и обугленнымъ наконечникомъ (Herod. VII, 75; Xenoph. Anab. VI, 2). Оракійцы (Воинцы) носили вмѣсто шлема шкуру лисицы; остальное ихъ вооруженіе было во всемъ сходно съ лидійскимъ (Herod. VII, 76; Xenoph. Anab. VII, 4). Наконецъ, у Ликіянъ были латы съ поножами, шапка съ перьями вмѣсто шлема, лукъ съ тростниковыми стрѣлами, кинжалъ и кривой мечъ. На плечахъ сверхъ латъ они носили козьи шкуры (Herod. VII, 93), а Милійцы — короткіе плащи, застегивавшіеся пряжкой (Herod. VII, 78).

У островныхъ племенъ, которыя обязаны были снабжать Ксеркса морскими судами и матросами, было въ употребленіи отчасти греческое, отчасти мидо-персидское вооруженіе (ср. Herod. VII, 81, 90, 91, 96).

Постройки.

Основаніе большей части малоазійскихъ городовъ, извѣстныхъ исторіи, теряется въ туманѣ легендарныхъ сказаній. ¹ Однакожъ, развалины колоссальныхъ построекъ, разсыпанные въ прежнихъ киликійскихъ, лидійскихъ и др. земляхъ, показываютъ, что покрайней мѣрѣ въ западныхъ областяхъ Малой Азіи строительная техника была значительно развита уже въ незапамятныя времена. Развалины эти суть остатки колоссальныхъ стѣнъ, сложенныхъ частью изъ большихъ камней съ гладко отесанными краями, частью изъ мягкой и отвердѣвшей массы, обложенной съ обѣихъ сторонъ каменными плитами. ² На нѣкоторыхъ изъ этихъ развалинъ, напр. на остаткахъ стѣны близъ Яссоса, на Карійскомъ берегу, видны слѣды полукруглыхъ башенъ ³.

Самыя раннія указанія на постройки мало-азійскихъ народовъ находятся у Гомера. На Троянской землѣ ему извѣстенъ не одинъ только высокій Іліонъ, обнесенный стѣнами съ зубчатыми башнями и наполненный пышными зданіями, ⁴ но и много другихъ укрѣпленныхъ городовъ:

¹ О фригійскихъ городахъ см. Dunscker, op. cit. II, 491.—² Подробнѣе у Куглера: Geschichte der Baukunst I, 114, 163.—³ Ср. Texier, L'Asie mineure III, 142; pl. 147. Ср. Ross, Kleinasien. S. 120 ff.—⁴ В. Friedreich. Realien etc. S. 56, 64, 73, 310 § 97. См. ниже: „укрѣпленія“.

„Я кораблями двѣнадцать градувъ раззорилъ многолюдныхъ;
„Цѣпшій одиннадцать взялъ на троянской землѣ многоплодной“.—

хвастается у него Ахиллъ (Ил. IX, 328 и слѣд.). Въ „многолюдныхъ“ городахъ жили также и другіе малоазійскіе народы—Фригійцы, Меоны (Лидяне), Пафлагонцы,—

Племя народовъ, которые жили въ Китѳрѣ, Сесаѣхъ,
Окрестъ потока Пареднія въ славныхъ домахъ обитали.
Кромку кругомъ, Згіялъ и скалы Эриванъ населяя.
(Ил. II, 853 и слѣд.)

Каковы были зданія, наполнявшія эти города, объ этомъ возможны только одни предположенія, такъ какъ отъ этихъ зданій не осталось никакихъ слѣдовъ. Немногія остатки построекъ, по всей вѣроятности сравнительно позднѣйшаго времени, видны близъ развалинъ древней Аперлы (въ Ликии), недалеко отъ морскаго берега. Такъ же, какъ и упомянутыя выше колоссальныя стѣны, они сложены изъ камней неправильной формы, съ гладко притесанными краями ¹.

Гористая мѣстность западныхъ частей Малой Азіи заставляетъ предполагать, что употребленіе камня, какъ строительнаго матеріала для большихъ зданій, началось тамъ очень рано, тѣмъ болѣе, что известковый камень тамошнихъ горъ довольно мягокъ для обдѣлки и въ то же время проченъ. Лѣса, покрывавшіе горныя скаты и долины, доставляли для построекъ разныхъ сортовъ дерево — какъ то: дубъ, сосну, платанъ, ясень, даже кипарисъ и кедръ. Подобно прочимъ восточнымъ народамъ, Малоазійцы употребляли въ своихъ постройкахъ металлы, отчасти для большей прочности зданій, отчасти для отдѣлки ихъ.

Всѣ эти строительные матеріалы упоминаются Гомеромъ въ его описаніяхъ жилищъ царей и героев. ² Изъ этихъ же описаній мы узнаемъ, что и Малоазійцы, даже греческаго происхожденія, не меньше другихъ восточныхъ народовъ, заботились о приданіи жилищамъ своимъ возможнаго великолѣпія. Это яснѣе всего видно изъ описанія домовъ Алкноя, царя Феаковъ, и Менелая, причемъ Гомеръ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду богатые дворцы финикійскіе, такъ какъ Финикія ¹ и Кипръ ² были для него (послѣ Египта) ³ главными средоточіями всякихъ богатствъ и всякой роскоши.

Самое наглядное изображеніе тогдашняго царскаго жилища или укрѣпленнаго дома даютъ описанія жилищъ Одиссея, Пріама и Алкноя. ⁴ Всѣ они построены на возвышеніяхъ и обнесены оградой. О домѣ Одиссея говорится (Од. XVII, 264 и слѣд.):

¹ L. Ross. Kleinasien. S. 26.—² Од. XVII, 339; Ил. XVIII, 371, XXIV, 192.—³ Од. XV, 114, 414 и слѣд. Ил. VI, 289; XXIII, 740 и слѣд.—Ил. XI, 19—28.—⁴ Од. IV, 83, 90, 125 и слѣд.; XIV, 285; XVII, 436.—Подробное описаніе „гомерическаго жилища“, составленное по источникамъ, въѣсть съ указателемъ относящихся къ этому предмету сочиненій см. въ В. Friedreich Realien etc. S. 301. § 95; также въ К. F. Hermann's Lehrbuch der griechisch. Privatalterthümer etc. Heidelberg 1852. § 19. Anm. 1.

„Можетъ легко быть онъ узнавъ мѣшь всѣми другими домами:
Длинный рядъ горницъ пространныхъ, широкій и чисто мощный
Дворъ, обведенный зубчатой стѣною, двойныя ворота
Съ ирѣпавимъ замкомъ — въ нихъ ворваться насильно никто не помыслить“.¹

Въ стѣнѣ слѣланы ворота (у Алкиноева дома, быть можетъ, обложенныя мѣдью)² „о двухъ створахъ“ съ каменными сидѣньями по сторонамъ (Од. XVI, 343). За воротами начинался передній или хозяйственный дворъ. Здѣсь держали убойный скотъ (Од. XX, 189), ставили лошадей и повозки (Од. IV, 39 и слѣд.), тутъ же складывались навозныя кучи (Од. XVII, 296 и слѣд.). За переднимъ дворомъ слѣдовалъ вънутренній дворъ, обнесенный вокругъ колончатою галлереею, на которую выходили двери жилыхъ покоевъ. Этотъ дворъ былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ домашнихъ; посрединѣ его возвышался алтарь для домашнихъ жертвоприношеній (Од. XXII, 379, Ил. XI, 772). Обширность жилища и количество его покоевъ соразмѣрялись съ большею или меньшею многочисленностью членовъ семьи. Въ „прекрасномъ домѣ Пріама“, съ „гладкими вдоль переходами“, было —

Виругъ пятьдесятъ почиваленъ, изъ гладко отесанныхъ камней,
Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ концѣ Пріама
Всѣ почивали сыны у супругъ ихъ законныхъ;
Дщерей его на другой сторонѣ, на дворѣ, почивали
Были двѣнадцать, подъ кровлей одною, изъ тесаныхъ камней
Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ концѣ Пріама
Всѣ почивали зятя у цѣлбующихъ супругъ ихъ стыдливыхъ“.

Ил. VI, 244 и слѣд.

Черезъ стѣны, по обѣимъ сторонамъ которыхъ были расположены помѣщенія для прислуги, мыльни и другія службы (Од. XX, 106; XXII, 442), вступали въ просторный залъ съ колоннами и плоскою крышею. Онъ занималъ почти середину всего жилища и былъ сборнымъ покоемъ для мужскихъ членовъ семьи. Два ряда колоннъ раздѣляли его на три части, изъ которыхъ средняя была, кажется, больше остальныхъ. Въ немъ хранилась разная домашняя утварь и былъ устроенъ очагъ (Од. XVIII, 44). Дымъ выходилъ черезъ отверстіе въ крышѣ, а свѣтъ проникалъ сквозь открытыя двери и окна, пробитыя подъ самую крышею, какъ въ ассирійскихъ домахъ (сравн. фиг. 123, b). Изъ этого же зала шла лѣстница въ верхній этажъ.

Какъ главный покой, мужской залъ убирался съ возможнымъ великолѣпіемъ. Въ домѣ Менелая, стѣны его блистали мѣдью, золотомъ, серебромъ, янтаремъ и слоновою костью (Од. IV, 71); а въ палатахъ Алкиноя —

„Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, латыми изъ чистаго золота;
Пригоди ихъ изъ серебра утвердились на мѣдномъ порогѣ;
Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
Дѣвъ — золотая съ серебряной — справа и слева стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Пестета, собаки
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя.“

¹ Вѣроятно какъ ворота ассирійскихъ дворцовъ. См. выше фиг. 132, а — е. — 6 —² Од. VII, 84 и слѣд.

Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ дѣтъ не старѣли.
 Стѣны вкругомъ огибая, во внутренность шла отъ порога
 Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,¹
 Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ;
 Мужи знатнѣйшіе града сажлиси чиномъ на этихъ
 Лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.
 Зрѣлися тамъ на высочныхъ подножіяхъ лики золотые
 Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
 Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ.
 Од. VII, 79—95.

Широкая дверь вела изъ мужской палаты въ женскую половину, за-
 ключавшую въ себѣ просторную рабочую комнату, комнаты незамужнихъ до-
 черей семьи (Од. VI. 15) и спальню главы дома и его жены (Од. XXIII,
 189). Женская половина была въ сущности повтореніемъ передней или муж-
 ской половины дома, но въ меньшихъ размѣрахъ. И въ ней были колонны,
 очагъ, съ отверстіемъ надъ нимъ въ плоской кровлѣ, и стояли „красивыя кре-
 сла“ (Од. XX, 387). Такъ покрайней мѣрѣ былъ убранъ покой супруги Ал-
 киной, куда Певсикей указала идти Одиссею: (Од. VI, 304 и слѣд.):

„Шагомъ поснѣшнымъ пройди ты съвозъ залу къ покоямъ царицы;
 Тамъ передъ ярло блестящимъ ее очагомъ ты увидишь,
 Съ чуднымъ искусствомъ пращущую тонкопурпурныя нити
 Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ“.

Во дворцахъ Одиссея и Алкиной женскія рабочія комнаты были настоль-
 ко просторны, что 50 служанокъ могли свободно заниматься въ нихъ свои-
 ми работами:

„Рошъ золотую молоди однѣ жерновами ручными,
 Нити сучили другія и ткали, сядя за станками
 Рядомъ, подобныя лѣстьямъ трепещущимъ тополямъ“
 (Од. VII, 96—99).

Также какъ и надъ мужскою половиною, надъ женскимъ отдѣленіемъ
 былъ надстроенъ верхній этажъ, раздѣленный на небольшіе покои. Въ эти-то
 верхнія покои уединялась Пенелопа въ отсутствіе своего супруга (Од. I, 329;
 II, 359; XVI, 449).

Подъ нижнимъ жильемъ тянулись просторныя кладовыя ¹, (Од. II, 337)
 гдѣ хранились, вмѣстѣ съ разными запасами, и семейныя драгоценности—до-
 рогія одежды, серебряная и золотая утварь,—

„Кувы изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и сладкимъ стояли
 Рядомъ у стѣнъ — — —
 Двери двустворныя, дважды замкнутыя, въ ту кладовую
 Входемъ служили“ — —

Царскія жилища были окружены садами, которые впрочемъ рѣдко могли
 быть очень обширны. Таковъ былъ садъ Алкиной ², прилегавшій вплоть къ
 самому входу во дворецъ (Од. VII, 105 и слѣд.):

¹ O. Müller. Handbuch. der Archacologie § 48. Anm. 2.—² Cp. C. A. Böttiger, Kleine Schriften, herausg. von Sillig III, 159 ff.

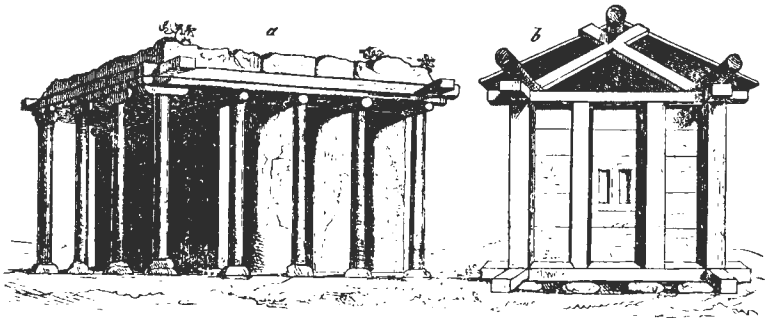
Быль за широкимъ дворомъ четырехдесятиный богатый
 Садъ, обведенный отвсюду высокою оградой; росло тамъ
 Много деревь плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
 Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
 Такъ же и сладкихъ смоковницъ и маслянъ, роскошно цвѣтущихъ;
 Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойнее лѣто
 Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
 Теплый зефиръ, зараждая одни, наливаа другія;
 Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смолва за смолвой,
 Гроздь пурпуровый за гроздемъ смѣнялся тамъ, созрѣвая.
 Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
 Частію на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
 Частію ждали, чтобъ срѣзали ихъ съ лозъ виноградарь; иные
 Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ
 Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались.
 Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
 Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
 Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь
 Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
 Свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ нехъ черпали воду.“

Сравнительно съ подобными дворцами (можетъ быть прототипами знаменитыхъ своимъ великолѣпіемъ укрѣпленныхъ дворцовъ царей лидійскихъ — въ Сардахъ (Herod. I, 29 ff; Aeschyl. Pers. 45), владѣтелей киликійскихъ — въ Тарсѣ (Xenoph. Anab. I, 2; Diod. XIV, 20) и др.), дома простыхъ гражданъ были очень бѣдны и малы. Даже и въ богатыхъ Сардахъ большая часть такихъ домовъ были кирпичные съ тростниковыми кровлями, или деревянные, такъ что во время войны съ Греками загорѣвшійся городъ выгорѣлъ дотла (Herod., 104). Дома эти вѣроятно не много отличались отъ ставки Ахиллеса и отъ жилища Эвмея, какъ она описаны у Гомера. Домъ Эвмея „стоялъ на высокомъ, открытомъ и кругообзорномъ мѣстѣ, просторный, отвсюду обходный“; онъ былъ выстроенъ изъ камней, „ограда терновая стѣны вѣнчала;—

Тынь изъ дубовыхъ, обтесанныхъ, близко одинъ отъ другого
 Въ землю влоченныхъ, колевыя его окружалъ;“ (Од. XIV 6—12.)

Сравнивая фасады древнихъ гробницъ, высѣченныхъ въ скалахъ прежней Ликии, съ нынѣшними деревянными постройками въ тѣхъ мѣстностяхъ (фиг. 189, a, b), можно заключить, что способъ стройки изъ четырехугольных

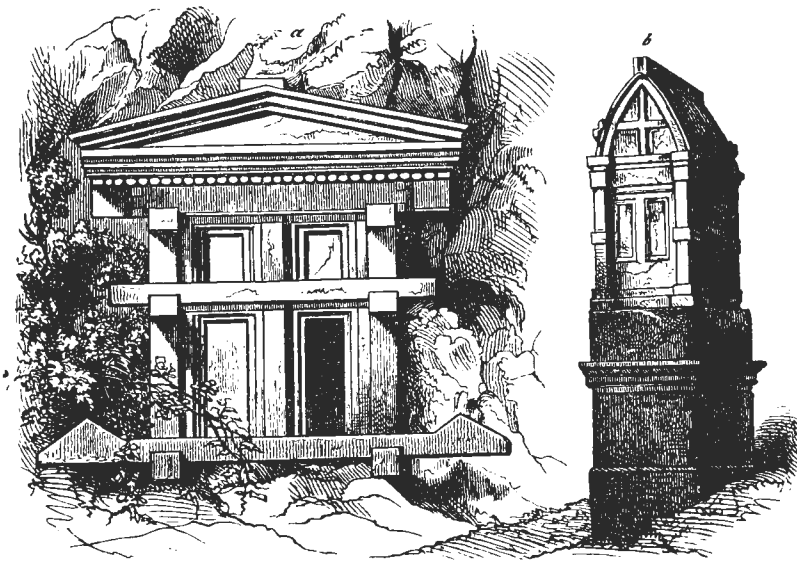
Фиг. 189.

брусевъ былъ обыченъ тамъ уже въ глубокой древности и, передаваясь по преданію, сохранился безъ всякаго измѣненія до настоящаго времени,—такъ какъ упомянутые гробничные фасады были очевидно скопированы съ современныхъ имъ деревянныхъ строеній (сравн. фиг. 190, а).

Встрѣчающіяся въ деревянныхъ зданіяхъ различія въ кладкѣ и вязкѣ брусевъ, въ большей или меньшей отлогости двускатныхъ крышъ и т. п., повторяются и въ гробничныхъ фасадахъ, которые поэтому представляютъ собою послѣдовательный рядъ образчиковъ строительной техники тѣхъ странъ, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Нѣкоторыя изъ гробницъ совершенно отдѣлены отъ скалы и не только снаружи, но и внутри обдѣланы совершенно на подобіе деревяннаго зданія изъ брусевъ ¹. Внутренность ихъ представляетъ четырехугольную комнату съ каменными скамьями вдоль боковыхъ стѣнъ и углубленіемъ въ задней стѣнѣ, которое заключало въ себѣ тѣло умершаго. ² Другой родъ памятниковъ, въ значительномъ количествѣ разсыанныхъ въ прежнихъ ликійскихъ земляхъ и имѣющихъ видъ поставленныхъ на высокія подножія саркофаговъ (фиг. 190, б), представляется также подражаніемъ деревянной постройки. Обыкновенно завершеныя двускатною

Фиг. 190.

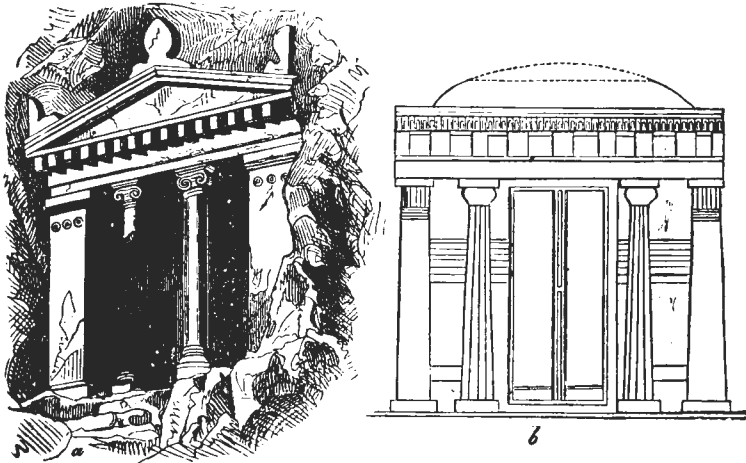
выпуклою крышею и украшенные иногда рельефными фигурами, памятники эти происходятъ, впрочемъ, скорѣе на большіе сундуки или баулы, чѣмъ на зданія.

Подъ прямымъ вліяніемъ, по всей вѣроятности, греческаго зодчества, возникъ еще третій видъ гробницъ. Подражаніе стариннымъ постройкамъ изъ брусевъ соединилось въ нихъ съ примѣненіемъ колоннъ. Гробницы этого рода высѣчены также изъ камня, но стѣны ихъ уже не поддѣланы подъ

¹ L. Ross. Kleinasien etc. S. 15 ff., 49.—² Ibid. S. 35.

брусъ, а гладки, какъ стѣны каменныхъ зданій, и только одинъ щипецъ, вѣнчающій эти гробницы, своею стариною формою сближаетъ ихъ съ древнѣйшими изъ вышеописанныхъ гробницъ. Кровля ихъ далеко выдается впередъ и по угламъ подперта двумя широкими, четырехугольными столбами. Иног-

Фиг. 191.

да между этими столбами поставлены двѣ колонны (рѣдко—одна), съ красивою двойною волютою на капителяхъ (фиг. 191, а). Такія гробницы походятъ болѣе всего на тѣ небольшіе греческіе храмики, изображенія которыхъ часто встрѣчаются на вазахъ (фиг. 191, б).

Нѣсколько отличны отъ древнихъ ликійскихъ гробницъ (сооруженіе которыхъ можно отнести частью къ 5-му и 4-му, частью къ 3-му стол. до Р. Х. ¹), гробницы фригійскія. Всѣ онѣ древнѣе, можетъ быть на цѣлое столѣтіе, ² самыхъ древнѣйшихъ изъ ликійскихъ и также высѣчены въ скалахъ. Четырехугольные съ треугольнымъ фронтономъ фасады ихъ плоски и большею частью безъ всякихъ украшеній. Только фасадъ замѣчательнѣйшей изъ нихъ—такъ наз. гробница Мидаса ³, отдѣланъ на подобіе ковра вставленнаго въ раму: по немъ переплетается извивистый орнаментъ, окруженный каймою изъ ромбоидальныхъ фигуръ. Фасады другихъ гробницъ—позднѣйшаго времени—подражаютъ греческимъ портикамъ и въ этомъ отношеніи представляютъ сходство съ позднѣйшими ликійскими гробницами.

Но изъ всѣхъ малоазійскихъ гробницъ, первое мѣсто принадлежитъ гробницамъ лидійскимъ, не только по причинѣ ихъ глубокой древности, но и потому, что съ ними связаны нѣкоторыя изъ преданій древняго міра. Остатки 60 такихъ гробницъ, имѣвшихъ видъ колоссальныхъ конусовъ, поставленныхъ на круглыхъ каменныхъ основаніяхъ около 100 ф. въ поперечникѣ, видны еще и теперь въ окрестностяхъ древнихъ Сардъ, возлѣ извѣ-

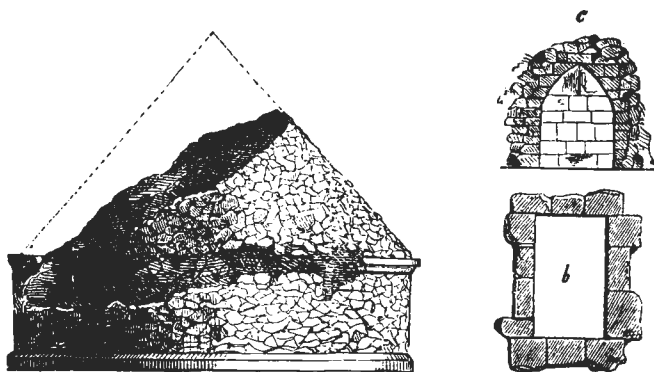
¹ M. Duncker. *Gesch. des Alterth.* II, 503. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst* I, 173.—

² Kugler *ibid.* 166.— ³ *Ibid.*, в Fergusson. *Handbook of Archit.* I, 208 съ рисункомъ.

стнаго уже Гомеру ¹ Гигейскаго озера. Не смотря на разрушеніе, высота уцѣлѣвшихъ конусовъ и теперь еще довольно значительна (фиг. 192, а).

Одна изъ этихъ гробницъ была раскрыта и внутренность ея показала продолговатую камеру, продольныя стѣны которой сведены вверху вмѣстѣ и обтесаны на подобіе остроуджнаго свода (фиг. 192, с, b). — Можно пред-

Фиг. 192.

полагать, что въ числѣ этихъ гробницъ находятся и гробницы лидійскихъ царей Атгиса, Гигеса и Алиатта. Описаніе гробницы послѣдняго, сдѣланное Геродотомъ (I, 93) и Ксенофонтомъ (Сугор. VII, 3), въ нѣкоторой степени оправдываетъ это предположеніе. По словамъ Геродота, гробница Алиатта была колоссальнѣйшимъ сооруженіемъ въ свѣтѣ, послѣ египетскихъ и вавилонскихъ зданій; основаніе, на которомъ возвышался конусообразный памятникъ, имѣло 1300 ф. длины и 600 фут. ширины; на верху памятника были водружены пять столбовъ съ надписями, въ которыхъ значилось, въ какой мѣрѣ каждое сословіе участвовало въ сооруженіи памятника. Такъ какъ на самомъ большомъ изъ уцѣлѣвшихъ кургановъ, — объемъ котораго при основаніи составляетъ 3400 ф., а вышина по наклонной линіи равняется 650 ф., — замѣтны остатки каменной кладки, то сочли возможнымъ признать этотъ курганъ за гробницу Алиатта.

Гробницы, о которыхъ говорится у Гомера, были тоже насыпи конусообразной формы и нѣрѣдко такой вышины, что съ нихъ можно было наблюдать издали за движеніемъ непріятеля (Ил. II, 793—4). Сооруженіе такого памятника подробно описано у Гомера въ разсказѣ о погребеніи Гектора (Ил. XXIV, 788 и слѣд.):

„Рано, ева розоперстая Вѣстница утра явилась,
Къ срубъ великаго Гектора началъ народъ собираться.
И, лишь собралася всѣ: нечисленное множество было:
Срубъ угасилъ, багрянымъ виномъ оросивши пространство
Все, гдѣ огонь разливался пылающій: послѣ на непаѣ
Бѣлыя кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильныя слезы струя по ланитамъ.

¹ Ил. XX, 391.

Прахъ драгоценный собравши, въ ковчегъ золотой положили,
 Тонкимъ обвивши покровомъ, блистающимъ пурпуромъ свѣжимъ,
 Такъ опустили въ могилу глубокую, и, заложивши,
 Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
 Послѣ курганъ насыпали; а около страши сидѣли,
 Смотри, дабы не ударила рать мѣднотныхъ Данаявъ.
 Скоро насыпавъ могилу, они разошлись; напоследокъ
 Всѣ собралися вновь, и блистательный пиръ пировали
 Въ домѣ великомъ Пріама, любезнаго Зевсу владыки.

Такъ погребали они конекборнаго Гектора тѣло.“

Болѣе архитектурно, конечно, сооружали памятники, когда не было причинъ сдѣлать ихъ постройкою. Иногда вокругъ ихъ сажали деревья (Ил. VI, 419), а на вершинѣ ставили столбы (какъ на памятникѣ Алліата, по Геродотову разсказу) или иные какіе нибудь знаки въ память о погребенномъ (Ил. XI, 370; XVI, 457); XVII, 434 и слѣд. Од. XI, 75 и слѣд.; XII, 14).

Храмы.

Хотя у Гомера не разъ упоминается о храмахъ,¹ но нѣтъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы составить себѣ нѣсколько определенное понятіе о ихъ устройствѣ. Изъ разныхъ мѣстъ Илиады и Одиссеи мы можемъ только заключить, что кромѣ священныхъ роць и алтарей, посвященныхъ богамъ, Гомеру были извѣстны особыя мѣста поклоненія — окруженныя оградю пространства, назначенныя исключительно для жертвоприношеній и другихъ религіозныхъ обрядовъ и которыя для красоты были обсажены деревьями (Ил. II, 506; VI, 297). Таково было вѣроятно святилище, въ которомъ Гекуба и съ ней „многія благородныя жены“ молились богинѣ Аоиѣ (у Троянъ — Эвнѣ или Артемидѣ)² —

„Въ замокъ градской имъ притекшимъ, ко храму Аоины богини,
 Двери предъ ними разперла прелестная ликомъ Феано,
 Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
 Трои мужами избранная жрица Аоины богини.
 Тамъ съ воздвигнѣмъ рукъ возопиаи онѣ предъ Аоиной.

Ил. VI, 297 и слѣд.

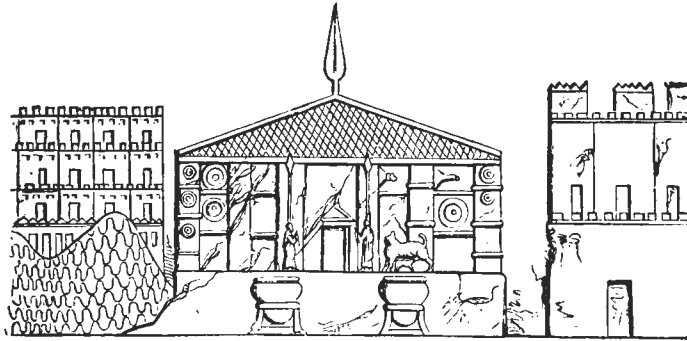
О величинѣ этого храма можно судить потому, что въ немъ было мѣсто для принесенія въ жертву двѣнадцати коровъ „однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ“, которыхъ жрица общала богинѣ.

Еще обширнѣе были, вѣроятно, храмы, посвященные собственно малоазійскимъ культамъ, которыхъ было нѣсколько, но которые всѣ были сходны между собою и съ культомъ сиро-финикійскимъ. Изъ того немногаго, что дошло до насъ объ этомъ культѣ, мы узнаемъ, что онъ былъ распространенъ отъ границъ Сиріи, по всей Киликіи и Каппадокіи до береговъ Чернаго моря,³ а потому можемъ заключить, что храмы, находившіеся въ этихъ странахъ, не должны были много отличаться отъ храмовъ передней и средней Азии.

¹ Всѣ относящіяся сюда мѣста собраны у Friedreich'a въ Realien etc. стр. 309, 445 § 143 и слѣд. — ² C. Movers Untersuchungen über die Religion und gottheiten der Phoenizier ect. 627 ff; 642 ff. Ср. Dunc ker Gesch. d. Alterth. III, 284. — ³ Dunc ker Op. cit: II, 511.

Изображеніе зданія, соединяющаго въ себѣ элементы ассирійской храмовой архитектуры съ характеристическимъ для малоазійскихъ построекъ треугольнымъ фронтономъ, сохранившееся на обломкѣ ассирійскаго барельефа, найденномъ въ Хорсабадѣ (фиг. 193), можетъ, кажется, дать довольно вѣрное понятіе объ архитектурѣ малоазійскихъ храмовъ.¹

Фиг. 193.

Какъ вообще въ сирійскихъ храмахъ, символами божествъ были здѣсь кеглеобразные камни². Фригійцы, Карійцы, Лидяне и др. племена олицетворяли въ такомъ видѣ преимущественно „великую матеръ“ (Кибелу), „природу производительницу“³. Ей были посвящены рыбы, и вблизи ея храмовъ были устраиваемы бассейны, въ которыхъ жили эти животныя, украшенные золотыми кольцами, и пользовались самымъ заботливымъ уходомъ (Ael. hist. anim. XII, 30). Храмъ Кибелы во Фригійи былъ построенъ Мидасомъ. По преданію (Diod. III, 59), подлѣ изображенія богини были поставлены пантера и львица, такъ какъ полагали, что Кибела была вскормлена этими животными. — Въ Киликіи было также нѣсколько богатыхъ храмовъ, въ томъ числѣ храмъ близъ Тарса, построенный въ 700 г. до Р. X. Сеннахиримомъ, который украсилъ его статуями⁴. — Обширный храмъ Зевса, въ Миласѣ (въ Каріи), стоявшій среди платановой рощи, былъ общео святынею Мизійцевъ, Карійцевъ и Лидянъ (Herod. I, 171; V, 119). Въ немъ стояла статуя Зевса, съ атрибутомъ царскаго сана — двойною сѣкирою — въ рукахъ.⁵ Въ Каппадокіи славились храмы богини Ма или Мене, въ двухъ одноименныхъ городахъ — Комана. Подобно соеденному съ ними храму Мена въ Кабирѣ, они были построены на крутыхъ скалахъ⁶. Что греческая культура не осталась безъ вліянія на постройку малоазійскихъ храмовъ и въ особенности на ихъ убранство, это подтверждается съ одной стороны свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ писателей⁷, а съ другой, уцѣлѣвшими въ зем-

¹ Какъ видно по рисунку, представленное на немъ зданіе принадлежитъ враждебному Ассиріянамъ народу. Оно тяжелой, неуклюжей архитектуры и, подобно ассирійскимъ храмамъ, поставлено на массивномъ фундаментѣ. По сторонамъ входа видны два алтаря и за ними двѣ фигуры животныхъ. По стѣнамъ развѣшаны круглыя щиты, вѣроятно посвященные храму. — ² Ch. Movers, *Untersuch. über d. Religion etc.* 672 ff. — ³ Duncker, *Gesch. d. Alterth.* II, 496 ff. — ⁴ *Ibid.* I, 40; Anm. 2. — ⁵ *Ibid.* II, 507. — ⁶ *Ibid.* II, 487 ff. — ⁷ O. Müller, *Handbuch der Archæologie* § 80 (1. 2).

ляхъ прежнихъ греческихъ колоній остатками храмовъ, свидѣтельствующими о господствѣ въ этихъ странахъ греко-іонійской архитектуры ¹.

Укрѣпленія.

Остатки колоссальныхъ стѣнъ, обозначающіе и теперь еще мѣста, гдѣ нѣкогда стояли многолюдные города, ² — съ одной стороны, и историческія свидѣтельства съ другой, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Малоазійцамъ уже рано были извѣстны разные способы ограждать мѣста своей осядлости отъ нападений непріятеля. Кромѣ того что города всегда строили на высокихъ мѣстахъ, ихъ обносили толстыми стѣнами съ зубцами, башнями и крѣпко запиравшимися воротами, вокругъ стѣнъ насыпали земляной валъ и вырывали ровъ ³. Насыпи обкладывали большими камнями, бревнами, укрѣпляли плотнымъ тыномъ (Ил. XII, 29, 55), и даже башнями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ внѣшнихъ укрѣпленій, строили высокія сторожки, для наблюденія за движеніями непріятеля (Ил. V, 771).

Подобнымъ же образомъ укрѣпляли и военный станъ. Его тоже окапывали рвомъ, обносили тыномъ и стѣною съ башнями и воротами (Ил. VII, 436). Внутри укрѣпленнаго пространства, въ которомъ было достаточно мѣста для отправленія религиозныхъ обрядовъ и для военныхъ упражненій всѣхъ ратниковъ (Ил. XI, 806), правильными рядами разставляли шатры и ставки — для простыхъ ратниковъ, вѣроятно, простые шалаши изъ вѣтвей, хвороста (Ил. XVI, 156), для военачальниковъ, особенно при долговременной осадѣ, настоящіе дома изъ бревенъ. Такова была богатоубранная ставка (куша) Ахиллеса, которую —

„...Царю своему Мираидонцы построили въ станѣ,
Крѣпко изъ бревенъ еловыхъ и сверху искусно покрыли
Мшистыми, густымъ камышомъ, по влажному дугу набравши;
Около нущи устроили дворъ властелину широкій,
Весь ограда частоколомъ; ворота его запирались
Толстымъ засовомъ еловымъ: трое Ахеиъ двигали,
Трое съ трудомъ отымали огромный замокъ сей воротный,
Сильныхъ мужей; но Пеллъ и одинъ отымалъ его быстро“⁴.

(Ил. XXIV. 450 — 456).

Передъ домомъ строилось просторное крыльцо, которое вело во внутренніе покои (Ил. XXIV, 644, 673—675).—У Фригійцевъ и Лидянъ, у ко-

¹ F. Kugler, Gesch. der Baukunst I, 265 ff.—² „Какъ дѣйствительны остатки этихъ циклопическихъ стѣнъ, этихъ протоевъ и подземныхъ покоевъ, этихъ башенъ и укрѣпленій, разсѣянные по греческимъ и переднеазійскимъ землямъ, такъ несомнѣнна дѣйствительность всѣхъ этихъ Персеидовъ, Пелопидовъ и другихъ ахейскихъ царей, создавшихъ нѣкогда эти колоссальные сооруженія“. F. Creuzer, Zur Gallerie der alten Drammatiker etc. S. 18.—³ Ср. В. Friedreich. Realien etc. 310, § 97, гдѣ однакожъ укрѣпленія Трои представлены слишкомъ слабыми. Высказанное тамъ мнѣніе, что стѣны города были просто земляныи насыпи обложенныя камнями, а стѣнныя башни деревянныя, не можетъ, вѣроятно, быть соглашено съ преданіемъ объ участіи Поссидона въ укрѣпленіи Троя (Ил. XXI, 446). Земляная же насыпь, о которой говорится въ другомъ мѣстѣ (Ил. XX, 145), могла быть плотною, устроенною для отраженія напора морскихъ волнъ. Тѣ стѣны Илиады (Ил. VII, 338, 437), изъ которыхъ авторъ вывелъ заключеніе, что башни ахейскія были деревянныя, говорятъ только о временныхъ укрѣпленіяхъ Ахеиъ. Ср. op. cit. 377, § 126.

торыхъ было въ обычаѣ брать на войну и женщинъ (Хенорф. Сугор. IV, 2), ставки главноначальствующихъ убирались, вѣроятно, со всею свойственною Востоку роскошью.

Вблизи стана насыпались высокіе курганы, съ вершины которыхъ можно было видѣть всю окрестность (Ил. XXIII, 451).

К о р а б л е с т р о е н і е .

Важную роль въ поэмахъ Гомера играютъ корабли: на корабляхъ приплыли Греки къ берегамъ троянской земли, на собственноручно построенномъ кораблѣ совершилъ Одиссей свое продолжительное, исполненное опасностей плаваніе. Если кораблестроеніе могло возникнуть вообще только у прибрежнаго населенія, то у береговаго населенія передней и малой Азіи оно должно было развиваться особенно широко. Этому развитію могла способствовать и близость европейскаго материка, и острова, соединяющіе какъ цѣпью азіатскій берегъ съ европейскимъ.

Указанія, которыя даютъ поэмы Гомера о постройкѣ кораблей, могутъ послужить объясненіемъ и къ приведенному нами выше описанію судовъ финикіянъ и другихъ переднеазійскихъ народовъ (см. стр. 262.). Самое ясное представленіе объ обработкѣ и соединеніи разныхъ частей корабля даетъ живой разсказъ объ Одиссеѣ, строящемъ себѣ корабль подъ руководствомъ Калипсо (Од. V). Давши Одиссею „топоръ, по рукѣ ему сдѣланный, крѣпкій, мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный“ и „острую скобель“, Калипсо указала ему рощу, въ которой росло множество „тополей черныхъ и ольхъ и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ, старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ зноѣ, для плаванья легкихъ“, и начала Одиссей рубить деревья;—

„Двадцать онъ бревень срубилъ, ихъ очистилъ, ихъ острою мѣдью
Высoblалъ гладко, потомъ уравниалъ, по снуду обтесавши.
Тою порою Калипсо въ нему съ буравомъ возвратилась.
Началъ буравать онъ брусья и, всѣ пробуравивъ, сплотилъ ихъ,
Длинными болтами шивъ и большими просунувъ шипами;
Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ, какое
Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный, строить на прочномъ
Суднѣ, носящемъ товары купцовъ по морямъ безпредѣльнымъ.
Плотными брусьями крѣпкія ребра связавъ, наослѣдокъ
Въ гладкую палубу вбилъ онъ дубовыя толстыя доски,
Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную райну,
Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плотъ окружилъ для защиты отъ моря плетнемъ изъ раятныхъ
Сучьевъ, на дно же различнаго груза для тяжести бросилъ.
Тою порою Калипсо, богиня богинь парусины
Крѣпкой ему принесла. И, устроивши парусъ (къ нему же
Всѣ, чтобъ его развивать и свивать, прикрѣпивши веревки),
Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море“.
(Од. V. 220—247).

И такъ, Одиссеево судно было одномачтовое, какъ и старинныя суда Финикіянъ и другихъ переднеазійскихъ народовъ. Мачта занимала средину судна; нижній конецъ ея проходилъ черезъ отверстіе, сдѣланное въ брусѣ, лежавшемъ поперекъ палубы, и упирался въ углубленіе выдолбленное въ брусѣ, прикрѣпленномъ къ внутреннимъ килевымъ брусьямъ (Од. II. 422—424; XV,

287). Верхній килевой брусь былъ выгнутъ внутрь. Изъ него выходили ребра корабля, которыя были связаны между собою продольными брусьями и снаружи покрыты обшивкою изъ досокъ. Палуба была обнесена вокругъ плетнемъ. Средняя часть палубы (Од. III, 345) была занята скамьями для гребцовъ (Од. IX, 99; XIII, 21). Бока кораблей были очень выпуклы съ кормы и, постепенно суживаясь, заканчивались напереди острымъ носомъ, круто загибавшимся къ верху (Од. XIX, 193); такіе же изогнутые „хвосты“ придливались и къ кормамъ (Ил. XV, 716). Корабельный кузовъ окрашивали иногда красною краскою (Од. IX, 125).—Мачта, при остановкѣ корабля, могла быть снята и уложена на днѣ судна (Ил. I, 434). Поперечная рея прикрѣплялась къ мачтѣ ремнями; на ней висѣлъ парусъ, который поднимали и опускали помощію веревокъ или канатовъ ¹, свитыхъ изъ библоса (пеньки) или изъ тонкихъ ремней, и ходившихъ по блокамъ (Од. II, 425; XXI, 390). Весла и руль имѣли форму лопаты (Од. XI, 128; XII, 172). Весла вкладывались въ ременныя петли, навѣшанныя на колкахъ, вколоченныхъ въ верхнюю палубу (Од. VIII, 37, 53). На небольшихъ корабляхъ было по двадцати гребцовъ; на большихъ военныхъ судахъ число гребцовъ доходило до 50 (Од. IX, 322; Ил. II, 719). Камни, привязанные къ канатамъ, замѣняли якорь (Од. IX, 137). Въ морскомъ бою, кромѣ обыкновеннаго оружія, употребляли длинные обитые мѣдью шести (Ил. XV, 388).

Число ахейскихъ кораблей стоявшихъ передъ Троею, подъ защитою устроенной съ этою цѣлью стѣны (Ил. I, 486; XW, 35), простиралось до 1186, какъ показано въ Иліадѣ (Ил. II, 494 и слѣд. ²). Такимъ образомъ этотъ флотъ равнялся почти одной трети того флота, который позднѣе собранъ былъ Ксерксомъ. У Ксеркса было 4207 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 1207 триремъ и 3000 судовъ разной величины, о 30 и 50 гребцахъ (Herod. VII, 90, 97). Всѣ эти суда вмѣстѣ съ ихъ экипажемъ доставлены были Ксеркеу малоазійскимъ прибрежнымъ и островнымъ населеніемъ.

У т в а р ь.

Большая часть дорогой утвари, упоминаемой Гомеромъ, описывается какъ произведеніе чужеземной, египетской или финикійской, промышленности (см. выше стр. 265). Это—или золотые и серебряные сосуды, корзины, купальни, треножники, египетской работы (Од. IV, 121 и слѣд.); или пышныя латы—издѣліе Кипра (Ил. XI, 19); или серебряныя, отлѣянные золотомъ кратеры и чаши—„Сидоняныя искусныхъ изящное дѣло“ (Од. VI, 611; Ил. XXIII, 741—743). Что касается обиходной утвари, то она изготовлялась дома (Од. XXIII, 195 и слѣд.) и была похожа на разсмотрѣнную нами выше утварь народовъ передней и средней Азии ³. Поэтому можно, кажется, принять, что, какъ и у этихъ народовъ, у греческихъ поселенцевъ первоначальная ремесленная дѣятельность состояла въ занятствѣ и подра-

¹ Названія корабельныхъ снастей см. у V. Friedreich, *Realien etc.* S. 327.—² Этотъ „списокъ кораблей“ представляется впрочемъ позднѣйшею вставкою въ Иліаду. Въ немъ говорится также и о беотійскихъ судахъ, на которыхъ было сто двадцать гребцовъ (Ил. II, 509).—³ Ср. подходящія сюда статьи въ V. Friedreich's *Realien etc.*

жаніи чужому, съ тою только разницею, что Греки переработывали перенятые формы въ болѣе изящныя.

Дошедшіе до насъ извѣстія о неисчислимыхъ сокровищахъ, коими владѣли Лидійскіе цари, объ огромномъ количествѣ драгоценной утвари, которою они обогатили дельфійскій храмъ Аполлона ¹, заставляють предполагать, что производство издѣлій изъ благородныхъ металловъ было значительно развито въ Лидіи. Было ли оно въ рукахъ однихъ только туземныхъ мастеровъ, или въ немъ участвовали и иностранцы и въ какой мѣрѣ—остается нерѣшеннымъ. Извѣстно только, что Греки очень рано вступили въ сношенія съ Лидянами и обмѣнивались съ ними разными издѣліями и въ томъ числѣ драгоценною утварью (Herod. I, 69, 70).

Несмотря на то, что сами Греки считали Малоазійцевъ, особенно Лидянь, искусными въ разныхъ ремеслахъ, преимущественно же въ металлическихъ работахъ, и даже приписывали Лидянямъ изобрѣтеніе чеканнаго дѣла (Herod. I, 94), первыя мастерскія, въ которыхъ начали изготовлять художественныя металлическія работы, возникли, какъ гласитъ преданіе, на островахъ Самосѣ и Хиосѣ, гдѣ уже съ незапамятныхъ временъ Финикійяне и Карійцы занимались обработкою металловъ ². Благодаря, можетъ быть, этой давности ³, тамъ образовалась цѣлая школа художниковъ, работавшихъ изъ металловъ. Во главѣ школы стоятъ—Главкъ изъ Хиоса, Рѣкъ и Оеодоросъ изъ Самоса. Первый считается изобрѣтателемъ паянія и насѣчки, а послѣднимъ приписывается изобрѣтеніе гравированія на драгоценныхъ камняхъ и литейнаго дѣла ⁴. (Оба эти искусства были уже гораздо раньше извѣстны въ Египтѣ, передней и средней Азіи ⁵). Особенной доброты глина, которою изобилуютъ о-ва Хиосъ и Самосъ, вызвала на нихъ гончарное производство, которое скоро достигло такого совершенства, что хиосскія и самосскія гончарныя издѣлія стали извѣстны во всѣхъ западныхъ земляхъ ⁶. Если, какъ утверждаетъ Геродотъ (I, 25, 51), Главкъ работалъ для лидійскаго царя Алиатта, а самосецъ Оеодоросъ—для Креза, то это обстоятельство будетъ служить подтвержденіемъ высказанному выше предположенію, что производство драгоценной утвари вообще въ Малой Азіи, а особенно въ Лидіи со временъ Гигеса, развивалось подъ вліяніемъ греческаго искусства. Гигесъ, первый царь Лидійскій, былъ также первымъ (послѣ Мидаса, царя Фригійи) изъ негрековъ, почтившихъ дорогими приношеніями храмъ дельфійскаго Аполлона (Herod. I, 14). Другой царь лидійскій—Крезъ, прислалъ тоже богатые дары этому храму. Главную долю даровъ лидійскихъ царей составляли металлическіе сосуды, особенно такъ называемыя кратеры—большія, глубокія чаши на ножкѣ, или, подобно ассирійскимъ, на особомъ поставѣ; въ нихъ подавалось вино на пирахъ. Гигесъ принесъ въ даръ дельфійскому храму шесть такихъ кратеръ изъ чи-

¹ M. Duncker. Gesch. des Alterth. II, 527 ff. О приношеніяхъ А. Böckh. Die Staatshaushaltung der Athener. Berlin. I, 10 ff; H. Krause. Angeologie etc. Halle 1854. S. 48. § 2.—² C. Movers. Das phönizische Alterthum II, 263.—³ O. Müller. Handbuch der Archaeologie. § 311 (2).— H. Krause. Pyrgoteles oder die edlen Steine der Alten. Halle 1856. S. 123, 134 ü. O. Müller Handbuch der Archaeologie §§ 60, 61.—⁴ O. Müller. Op. cit. § 62. H. Krause. Angeologie S. 136, § 2; S. 145.—⁶ См. выше: Египетъ, Ассирія и Вавилонія.

стаго золота, которыя вѣсили 30 талантовъ (Herod. I, 14). Драгоценнѣе, по крайней мѣрѣ въ художественномъ отношеніи, былъ подарокъ царя Аліатта тому же храму: большая серебряная крatera на желѣзномъ подставѣ, съ орнаментами изъ разныхъ металловъ, — знаменитое произведеніе хіосса Главка. Но самое богатое приношеніе дельфійскому храму было сдѣлано Крезомъ. Въ числѣ предметовъ, пожертвованныхъ имъ, находились: золотой левъ, золотая статуя въ 3 локтя вышины, 117 штукъ золотыхъ черепицъ, потомъ—двѣ огромныя кратеры: одна серебряная, вмѣщавшая въ себѣ не менѣе 600 амфоръ вина, другая золотая, вѣсившая восемь съ половиною талантовъ и 12 минъ; четыре серебряныя бочки яцевидной формы ¹, два сосуда для возліяній—золотой и серебряный,—и наконецъ, множество серебряныхъ кувшиновъ и кружекъ выбивной работы (Herod. I, 51). Нѣкоторые изъ даровъ, присланныхъ Крезомъ въ храмы беоційскихъ Оивъ, Эфеса и Милета, Геродотъ видѣлъ самъ и съ удивленіемъ говоритъ о великолѣпномъ золотомъ треножникѣ въ храмѣ исменійскаго Аполлона въ Оивахъ (Herod. I, 92).

1. Всѣ поименованные виды сосудовъ упоминаются уже и у Гомера. * Въ поэмахъ его названы: кратеры — большіе сосуды, въ которыхъ подавали пирующимъ приготовленное для питья (т. е. смѣшанное съ водою) вино (Од. I, 105; VII, 175; IX, 9), и которые, если были сдѣланы изъ дорогихъ металловъ и искусной работы, хранились владѣльцами какъ драгоценность и выставлялись въ особенно торжественныхъ случаяхъ (Ил. XXIII, 740; Од. IV, 611); серебряныя и золотыя рукомоицики и лахани (Од. I, 131); серебряныя и гладкія (каменные?) купальни (ванны?) (Од. IV, 45, 124); золотыя, серебряныя и мѣдныя блюда и корзины (последнія также и плетенныя), въ которыхъ подавали сухія кушанья (Ил. IX, 216; IX, 630. Сравни. фиг. 79, g и фиг. 195, m); разнаго рода кубки; большіе металлическіе и глиняные сосуды для переноски и храненія жидкостей—вина, масла и др.; кувшины съ ручкою (kalpis, hydria), и наконецъ, мѣхи изъ козьихъ и воловьихъ шкуръ для воды, муки и т. п. (Од. II, 291, 379; V, 251).

2. Относительно формы и величины сосудовъ, мы не находимъ у Гомера никакихъ указаній. Различныя названія, которыми обозначаются у него сосуды для питья, т. е. кубки, заставляютъ предполагать, что они различались между собою и по виду и по величинѣ. Къ числу мелкихъ сосудовъ принадлежалъ, повидимому, и фіалъ. Впрочемъ были фіалы и большихъ размѣровъ, но въ такомъ случаѣ они дѣлались изъ золота или серебра и поступали въ разрядъ драгоценныхъ сосудовъ, которыми награждали побѣдителей въ играхъ (Ил. XXIII, 270), дарили пословъ и т. п. Сосуды большіхъ размѣровъ, чѣмъ обыкновенный фіалъ, назывались: „киссибюнъ“, „кипеллонъ“, „галеисонъ“ и „депасъ“ (Од. II, 396; III, 51; XX, 260). Больше всѣхъ былъ киссибюнъ (Од. IX, 346)—простая деревянная чашка, какъ видно изъ самаго названія сосуда; кипеллонъ (который иногда имѣлъ

¹ Н. Krause. Angeologie S. 227. § 3. ff. — ² В. Friedrich Realien etc. S. 254. § 73. Н. Krause. Op. cit. 51. § 4.

двойное дно и назывался „амфикипеллонъ.“ Ил. I, 584) и скифосъ были тоже обыкновенные сосуды, употреблявшіеся небогатыми людьми (Од. XIV, 413). У Гомера есть довольно наглядное описаніе изящнаго двудоннаго депаса ¹. Это былъ „кубокъ прекрасный“,—

„Окрестъ гвоздями златыми покрытый; на немъ рукоятель
Было четыре высонихъ, и двѣ голубицы на каждой
Будто вливали златыя; и былъ онъ внутри дводонный.
Тяжкій сей кубокъ виной не легко приподнять бы съ трапезы
Полный виномъ;...“

(Ил. XI, 632).

Глубоко и развѣсистѣе депаса былъ галейсонъ, самый глубокій изъ всѣхъ кубковъ, большая часть которыхъ имѣли, вѣроятно, форму чашъ. Можно предполагать, что въ Лидіи и Фригійи, кромѣ кубковъ и чашъ, пили изъ настоящихъ роговъ. ² Изъ Ксенофонта (Anab. VII, 2) мы знаемъ, что рога, какъ сосуды для питья (kerata), были въ большомъ употребленіи у племенъ еракійскихъ. Рогъ животныхъ былъ несомнѣнно древнѣйшимъ изъ всѣхъ сосудовъ и пластическое искусство рано начало испытывать надъ нимъ свои силы, сначала — покрывая его украшеніями, а въ послѣдствіи образуя подобія ему изъ металловъ и другихъ матеріаловъ.

3. Весьма употребительная у всѣхъ древнихъ народовъ утварь — треножникъ (триподъ), занимаетъ какъ бы середину между сосудами и мебелью. Сначала простой треножный металлическій подставъ для разнаго рода сосудовъ съ выпуклымъ дномъ — котловъ, тазовъ и т. д., какимъ онъ является на ассирійскихъ памятникахъ даже и въ качествѣ храмовой утвари (фиг. 194; сравн. фиг. 193), онъ скоро превратился въ изящное подножіе и изъ кухонной принадлежности сталъ украшеніемъ храмовъ и дворцовъ.

Фиг. 194.

Въ этой послѣдней формѣ онъ преимущественно упоминается и у Гомера, который заставляетъ самого Гефеста ковать треножники для украшенія „своего благолѣпнаго дома“. (Ил. XVIII, 372). Треножники эти, очевидно сплелые съ натуры, были на золотыхъ колесахъ и съ „хитро-измышленными ручками“, чрезвычайно искусной работы. О простыхъ же треножникахъ и треножныхъ котлахъ Гомеръ говоритъ только вскользь, какъ о предметахъ всѣмъ извѣстныхъ и потому не заслуживающихъ описанія (Ил. XVIII, 344; XXIII, 702; Од. X, 358).

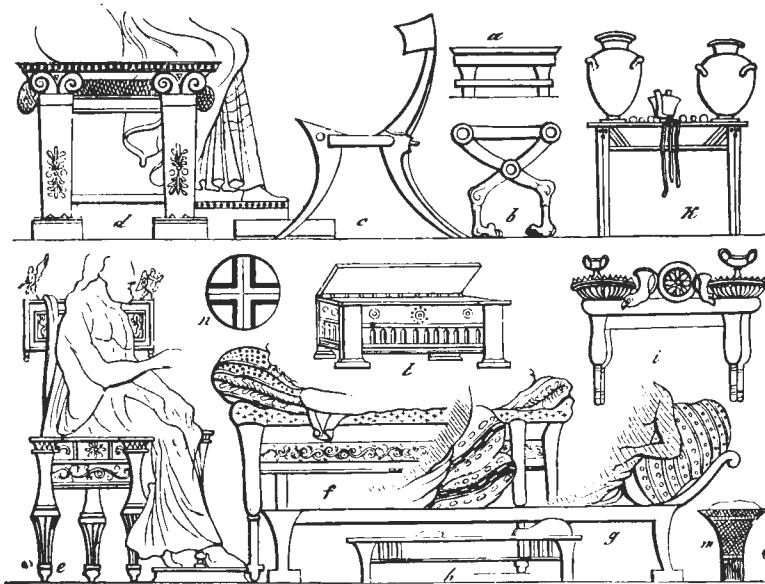
Намъ уже извѣстно (см. выше стр. 308), что благоустроенный малоазійскій греческій домъ описываемаго періода былъ снабженъ всѣми тѣми предметами домашняго комфорта, которые были уже издавна въ употребленіи въ передней и средней Азіи; но за совершеннымъ отсутствіемъ вещественныхъ данныхъ, мы не можемъ положительно сказать, были ли они сходны съ однородными имъ среднеазійскими, или отличались отъ нихъ. Только по нѣкоторымъ изображеніямъ позднѣйшей греческой мебели, на-

¹ Объ этомъ сосудѣ см. у Böttiger, Amalthea III, 25, 273.—² См. Ibid. I, 25.

поминающей древнеазійскія формы, и по описаніямъ Гомера, можемъ мы заключить, и то лишь приблизительно, что малоазійскіе Греки приняли для своей мебели, вмѣстѣ съ нѣкоторыми древневосточными орнаментами, какъ-то—звѣринными лапами, пальметтами, волютою, звѣздочками и пр., и архитектурныя формы древнеассирійской мебели, но сливъ ихъ съ болѣе легкими формами еще древнѣйшей западноазійской и древнеегипетской мебели (фиг. 195). Какъ въ греко-азійской архитектурѣ, такъ и въ греко-азійской мебели, волюта является какъ посредствующій членъ между подпорою и подшираемою частью, между тѣмъ какъ пальметта, удвоенная и симметрически повторенная, образуетъ законченный въ самомъ себѣ, чрезвычайно изящный орнаментъ (фиг. 195. d).

Гомеръ различаетъ два вида сѣдалищъ: *thronos* и *klismos*. Первое—высокое кресло съ скамейкою для ногъ (фиг. 195, d, e), походило, вѣроятно, на описанные выше древневосточные троны и было почетнымъ сѣдалищемъ царей и вообще именитыхъ людей; послѣднее, тоже со скамьею для ногъ, было, можетъ быть, простое кресло (ср. фиг. 195, b, c, и фиг. 76, h, k, n; фиг. 138, g; фиг. 161, c). То и другое отдѣлялись одинаково богато; какъ сѣдалища, такъ и скамьи при нихъ обкладывались золотомъ (Ил. XIV, 238), или обивались серебряными гвоздями (Ил. XVIII, 389), или наконецъ, на нихъ были выложены разныя фигуры изъ золота и слоновой кости (Од. XIX, 56). Сидѣнье покрывали мягкими коврами и узорными пурпурными тканями (Ил. IX, 200. Од. I, 130).

Фиг. 195.

Обычай лежать за столомъ перешелъ къ малоазійскимъ Грекамъ отъ малоазійскихъ народовъ, но уже въ позднѣйшую эпоху ¹, и Гомеръ о немъ

¹ A. Becker. Charikles. Bilder altgriechischer Sitte. I, 425.

ничего не знаетъ. Онъ говоритъ только о ложахъ для отдыха и о кроватяхъ, которыя отдѣлялись такъ же богато, какъ и сѣдалища, золотомъ, серебромъ и слоновою костью. Кровати были о четырехъ ножкахъ, съ рамою, на которую клались доски или натягивались ремни изъ воловьей кожи (у Одиссеевой кровати эти ремни были обшиты „пурпуровой тканью“: Од. XXIII, 200.); на ремни разстилали мягкія овчины, а сверхъ нихъ коверъ, покрытый полотномъ, и теплый косматый плащъ вмѣсто одѣяла (Од. XXIII 179. Ил. IX. 661).

Столы были разной величины и формы (фиг. 195, h, i, k): простыя деревянныя доски на низкихъ ножкахъ—для очистки и разрѣзыванія мяса, и высокіе „гладко-обгесанные“ обѣденные столы (Ил. IX 206. 215. Сравни. фиг. 73, l, m); передъ трапезой ихъ вытирали „ноздраватою губкою“ (Од. I, 111).

Нарядное платье, дорогія вещи и пр. хранили въ поставкахъ, ларяхъ и сундукахъ, или баулахъ, съ „красивыми“ крышками и запорами ¹ (Од. II, 340; Ил. XXIV, 228). Ликійскія гробницы въ видѣ саркофаговъ (см. выше стр. 301), представляютъ, можетъ быть, одну изъ формъ этихъ бауловъ.

Для освѣщенія покоевъ употребляли или жаровни наполненныя горящими щепами (Од. XVIII, 305 и слѣд; 340), или лампы (которыя иногда бывали и золотыя: Од. XIX, 34) или, какъ въ домѣ Алкиноя (см. стр. 298—9), факелы.

Замѣтную черту нравовъ кореннаго малоазійскаго населенія—насколько они были извѣстны Грекамъ—составляла любовь къ общественнымъ увеселеніямъ, у иныхъ племенъ переходившая даже въ распущенность. Геродотъ (I, 172) рассказываетъ о Карійцахъ и Кауніяхъ, что у нихъ не только мужчины, но и женщины и дѣти собирались большими кружками, и устраивали между собой попойки. То же самое было вѣроятно и у Ликійцевъ, которые слѣдовали частью критскимъ, частью карійскимъ обычаямъ (Herod. I. 173); а объ общественныхъ собраніяхъ съ пляскою и играми у Оракійцевъ, Эніанъ, Мизійцевъ, рассказываетъ Ксенофонтъ, какъ очевидецъ, очень подробно (Anab. VI, 4; VII 2, 3). Лидяне утверждали, что своей любви къ общественнымъ удовольствіямъ они были обязаны своимъ спасеніемъ во время голода, постигшаго ихъ страну при царѣ Атисѣ. У нихъ сохранилось преданіе, что въ это тяжелое время и были изобрѣтены всѣ тѣ игры, которыя переняли отъ нихъ впоследствии и Греки, какъ-то: кости, мячъ и шѣкторыя другія (Herod. I. 94). *

¹ О запертіи посредствомъ трудно распутываемыхъ узловъ см. A. Böttiger. Amalthea. I, 192; и его же: Kleine Schriften, herausg. von Sillig. III, 133 ff. — Геродотъ пересказываетъ это преданіе такъ: Лидяне положили принимать пищу не важныя день, а черезъ день; день же воздержанія проводили весь въ играхъ, чтобы заглушить въ себѣ ощущеніе голода, и прожили такимъ образомъ 18 лѣтъ. Въ концѣ концовъ средство это оказалось однакожь неэффективнымъ: голодъ не уменьшался, а усаливался. Тогда царь Лидійскій принялъ болѣе рѣшительныя мѣры, чтобы спасти своихъ подданныхъ отъ голодной смерти: онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ части и, бросивъ между ними жребій, одну часть выслалъ за предѣлы отечества. Пер.

Изъ игръ, упоминаемыхъ у Гомера (кромѣ военныхъ и гимнастическихъ), главное мѣсто занимаютъ: игра въ козны (Ил. XXIII, 88), въ мячъ и игра въ родѣ шашечной. Первая была любимую забавою дѣтей; въ мячъ играли молодые люди обѣихъ половъ (Од. VI, 100, 115; VIII, 270); мячи какъ видно изъ одного мѣста Одиссеи (VIII, 68), шились изъ разноцвѣтныхъ тканей. Последняя изъ вышеназванныхъ игръ была ничто иное, какъ игра въ кости на игральной доскѣ. Въ эту игру играли, кажется, одни только мужчины. ¹

Между тѣмъ какъ изобрѣтеніе этихъ искони извѣстныхъ на Востокѣ игръ Лидяне приписывали себѣ сами, вышеприведенной легендой, — Греки, съ своей стороны, признавали ихъ и Фригійцевъ своими предшественниками въ музыкальномъ искусствѣ и изобрѣтателями многихъ музыкальныхъ инструментовъ. Трехструнная кйара считалась у Грековъ лидійскимъ изобрѣтеніемъ (Plut. de musica. 6); Карійцы слыли особенно искусными въ игрѣ на свирѣли и флейтѣ. ² Цѣвницу или пастушескую свирѣль о нѣсколькихъ дудкахъ, цимбалы и литавры Греки называли фригійскими инструментами, и фригійцу Марсію приписывали изобрѣтеніе флейты, которою онъ замѣнилъ пастушескую свирѣль (Diod. III, 58). Если ко всему сказанному прибавить еще собственное показаніе Грековъ, что они переняли отъ Фригійцевъ ихъ духовые инструменты и мелодіи уже въ 7 вѣкѣ до Р. Х., то все это будетъ говорить въ пользу происхожденія греческой музыки изъ Азіи; между тѣмъ какъ, съ другой стороны, извѣстнымъ мифомъ о побѣдѣ Аполлона надъ Марсіемъ выражается превосходство ея надъ музыкою Лидянъ и Фригійцевъ. ³ — Военная музыка Лидянъ, при царѣ Садіаттѣ, состояла, по Геродоту (I. 17), изъ струнныхъ инструментовъ и разнаго рода дудокъ и флейтъ, а о полудикихъ оракійскихъ племенахъ рассказываетъ Ксенофонтъ (Анаб. VII, 3), что у нихъ были военныя трубы, сдѣланныя изъ дубленой бычачьей кожи.

Изъ духовыхъ инструментовъ у Гомера упоминаются флейта, цѣвница, или пастушеская свирѣль, и инструментъ похожій на трубу (Од. X, 11; Ил. X, 13; XVIII, 219); изъ струнныхъ инструментовъ у него названы только форниксъ (Phornix) и кйара. Оба эти инструмента походили на двурогую лютню, рога которой, утвержденные на резонаторѣ (Resonanzboden), были соединены вверху нѣкольной (Од. XXI, 406; Ил. II, 600, III, 54; IX, 187. Ср. фиг. 83, к, 1). Форниксъ почитался любимымъ инструментомъ Аполлона (Ил. I, 603; XXIV, 63) и употреблялся преимущественно для аккомпанимента цѣвницѣ (Од. XVII, 261).

Нигдѣ ни словомъ не упоминаетъ Гомеръ объ осадныхъ машинахъ и орудіяхъ въ родѣ тѣхъ, какія уже издавна были извѣстны Ассиріянамъ. Хотя изъ этого умолчанія и нельзя заключить, чтобы подобныя снаряды были вовсе неизвѣстны Грекамъ того времени, однакожъ изъ описаній битвъ у Гомера видно, что тогда считалось болѣе выгоднымъ встрѣтить-

¹ B. Friedreich. Realien. S. 354. § 117.—² C. Movers. Das phönizische Alterthum II, 20, Anm. 49.—³ Cp. D u n c k e r Gesch. des Alterthums. II, 494 ff.

ся съ непріателемъ въ открытомъ полѣ, чѣмъ выжидать его, сидя за стѣнами города, и чрезъ это дать поводъ подозрѣвать себя въ трусости, или подвергнуться опасности быть вынужденнымъ сдаться непріателю, чтобы не умереть съ голода ¹.

Хотя герои Гомера знали верховую ѣзду и даже были искусны въ наѣздничествѣ, ² они никогда иначе не сражались, какъ съ колесницъ, которыя замѣняли имъ боевыхъ коней. Такъ какъ боевыя колесницы играли такую же роль и у восточныхъ народовъ уже при самомъ появленіи ихъ въ исторіи, и устройствомъ своимъ были совершенно сходны съ малоазійскими колесницами, какъ онѣ описаны у Гомера, то происхождение малоазійскихъ или, что тоже, древне-греческихъ колесницъ изъ средней Азіи представляется само собою. Поэтому весьма вѣроятно, что богато разукрашенныя колесницы западноазійскихъ народовъ послужили Гомеру образцами для изображенія тѣхъ пышныхъ колесницъ, въ которыхъ боги и богини спускаются у него съ Олимпа на землю. Такъ описываетъ онъ колесницу, которую Геба снаряжаетъ для Геры (Ил. V, 722):

„Геба-жь съ боковъ колесницы набросала гнутые круги
Мѣдныхъ колесъ осьиничныхъ, на оси желѣзной ходящихъ;
Ободы ихъ золотые, нетлѣнные, сверху которыхъ
Мѣдныя шины положены плотныя, диво для взора!
Ступицы ихъ серебромъ, округленныя, окрестъ сіяли:
Кузовъ, блестящими пышно серебромъ и златомъ ремнями
Былъ прирѣпленъ, и на немъ возвышались дугою двѣ скобы;
Дышло серебряное изъ него выходило; на оноуъ
Геба златое, прекрасное вѣжетъ ярмо, продѣваетъ
Пышную упряжь златую; и быстро полъ упряжь ту Гера
Коней безсмертныхъ подводитъ, пылая и браню и боемъ“.

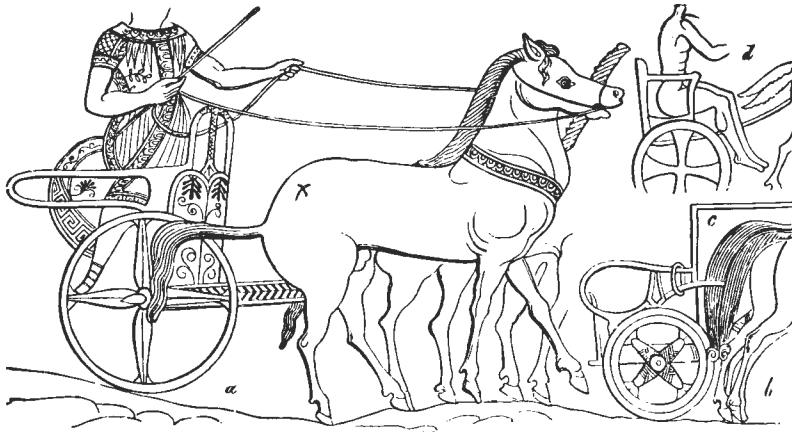
Колесницы, въ которыхъ войны, непременно сопровождаемые возницами (Ил. XIII, 128, 312; XX, 487), выѣзжали на битву, дѣлались большею частью изъ тополеваго или фиговаго дерева, и оковывались мѣдью или желѣзомъ (Ил. IV, 486; V, 725). Полъ кузова былъ устроенъ ящикъ, куда прятали запасные бичи (Ил. X, 500). Ярмо (всегда парное), изъ буковаго дерева, было кругло и иногда красиво обдѣлано. Кромѣ двухъ упряжныхъ лошадей, къ колесницѣ пристегивали ремнемъ запасную лошадь, иногда двухъ (Ил. VIII, 81, 87, 184). Сбруя, состоявшая изъ узды съ удилами и возжей, была ременная; богатая сбруя отдѣлялась пурпуромъ, золотомъ и слоновою костью (Ил. IV, 141; V, 583; VI, 205; VIII, 81, 87; XVI, 153, 471). Къ передку колесницы придѣлывался согнутый подковообразно металлическій пруть, къ которому, во время остановокъ, привязывали концы возжей.

Для нагляднаго ознакомленія съ формою боевыхъ колесницъ гомеровскаго времени (какъ и вообще съ формами тогдашней утвари) лучше всего могутъ служить изображенія изъ позднѣйшаго времени Греціи (фиг. 196). На древнѣйшихъ изъ этихъ изображеній представлены: боевыя колесницы похожія на древнеассирійскія (ср. фиг. 141. d) тѣмъ, что и у нихъ передъ кузова

¹ Ср. Friderich. Realien, S. 384, § 128 ff; и особенно подробно о гомерической колесницѣ: §§ 98, 121.—² Ил. XII, 440; XV, 679.

соединенъ съ концомъ дышла изогнутымъ прутомъ (фиг. 196, в (с); колесницы съ сидѣньемъ, одно-и двумѣстныя (фиг. 196, d), извѣстныя уже и въ самой ранней древности (фиг. 196. d), равно какъ и четырехко-

Фиг. 196.

лесныя телѣги съ коробомъ или ящикомъ, служившія впрочемъ только для перевозки клади и запрягавшіяся мулами (Ил. VII, 426; XXIV, 190, 267, 324. Од. VI, 260; X, 102).

Со времени образованія лидійской конницы, боевая колесница утратила свое первоначальное значеніе и мало по малу вышла изъ употребленія. Въ историческую эпоху, ядро лидійскаго или вообще малоазійскаго войска (такъ какъ Лидія господствовала тогда надъ всѣми малоазійскими народами) составляла конница, вооруженная длинными копьями (Herod. I, 79, 80). По Ксенофонту (Сугор. II, 1), въ вспомогательныхъ войскахъ Креза сражались съ колесницъ одни только Аравитяне и Ассиріяне.

У малоазійскихъ народовъ, слѣдовавшихъ сиро-финикійскому культу, всѣ принадлежности культа были тѣ же, что и у Финикіянъ, Ассиріянъ и другихъ народовъ. У малоазійскихъ Грековъ Гомерова времени главными принадлежностями культа были одѣтые идолы, алтари для жертвоприношеній и разная жертвенная утварь (неимѣвшая впрочемъ никакого символическаго значенія). Такъ какъ каждый могъ самъ приносить жертву богамъ, то и выборъ пужной для жертвоприношенія утвари зависѣлъ отъ воли каждаго. Вообще же, какъ въ это время, такъ и позднѣе, жертвоприношенія носили характеръ общественныхъ пировъ, устраиваемыхъ въ честь боговъ:

„Взяли телицу тогда за рога Стратидъ и Эхѣфронъ;
Воду имъ руки умытъ въ обложенной цвѣтами ляхани
Вынесъ изъ дома Аретось, въ другой же рукѣ онъ съ ячменемъ
Коробъ держалъ; пошолъ (Тразимедъ, ратоборець могучій,
Съ острыми въ рукѣ топоромъ, поразить изготовяся жертву;
Чашу подставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней обуздатель,
Руки умывши, ячменемъ телицу осыпалъ и, бросивъ
Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аевнѣ;

Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвой телицу ичиномъ
 Такъ же осыпали. Несторовъ сыиъ Эразимѣдъ многосильный,
 Мышцы напригши, ударилъ, я, въ шею глубоко вонзенный,
 Жилы топоръ пересѣвъ; повалилась телица; вскричали
 Дочери всѣ и невѣстки царевы и съ ними царица,
 Кроткая сердцемъ, Климова старшая дочь Эвридина
 Тѣ же телицу, принишную къ лону земли путеносной,
 Подняли — разомъ зарѣзавъ её Пизистратъ благородный.
 Послѣ, когда истощилась черная кровь и не стало
 Жизни въ костяхъ, разложивши на части её, отдѣлили
 Бедря, и сверху ихъ (дважды обвивши, какъ свѣдуетъ, кости
 Жиромъ) кроваваго мяса кусками покрыли: все вѣстѣ
 Несторъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
 Тѣ же вриступили, подставивъ ухваты съ питью остріями.
 Бедря сожегши и сладкой утробы ввусивъ, остальное
 Все разрубили на части и стали на вертелехъ жарить,
 Острые дартелы тихо въ рукахъ надъ огнемъ обращавъ.
 Тою порой Телемать Поликастою, дочерью младшей
 Нестора, былъ отведенъ для омытія въ баню; когда же
 Дѣва его и омыла и чистымъ натерла елеешъ,
 Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
 Вышелъ изъ бани онъ, богу лицомъ лучезарнымъ подобный;
 Мѣсто онъ занялъ близъ Нестора, пастыря многихъ народовъ.
 Тѣ же изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
 Съли за вкусный обѣдъ и заботливо начали слуги
 Бѣгать, вино наливая въ сосуды златые;.....“

Од. III, 431—464.

Восточныя области Малоі Азіи, простиравшіяся отъ рѣки Галиса до границъ Арменіи (Антитавра) на востокъ, до Чернаго моря на сѣверъ и до лѣсистыхъ ущелій Тавра на югъ, были первоначально заселены племенами, пришедшими изъ Сиріи. Впослѣдствіи, бродячія племена, спустившіяся съ горъ Кавказа, заняли мѣстности вдоль морскаго берега и расселились отдѣльными самостоятельными поселеніями въ прибрежныхъ горныхъ долинахъ. Усиленно отстаивая свою независимость отъ непріятельскихъ нападений, они постепенно распространились по всему, такъ названному впослѣдствіи, понтійскому царству.

Оттѣсненное этими племенами опять къ югу, первоначальное населеніе стаянулось въ опредѣленныя границы и сложилось въ народъ, явившійся въ исторіи подъ именемъ Каппадокійцевъ. Хотя Гомеръ еще не знаетъ народа этого имени, однакожъ о немъ говорится уже въ персидскихъ надписяхъ, которыя называютъ его — „Катпадука“. По Геродоту (I, 72; V, 49), Каппадокійцы, до покоренія ихъ Персами, были подчинены Мидянамъ и у Грековъ назывались „Сирійцами“.

Вторженіе галльскихъ племенъ, занявшихъ сѣверныя окраины страны и образовавшихъ такъ какъ называемое Галлатское царство (Галатію), снова стѣснило Каппадокійцевъ и отодвинуло сѣверную ихъ границу дальше къ югу; на востокъ и югъ границами ихъ были горы Арменіи, а на западѣ область Ликаонія.

Населеніе всѣхъ названныхъ мѣстностей было только отчасти, и то лишь косвенно, затронуто культурою. Причиною этому была гористая, труднодо-

ступная мѣстность, постоянныя внутреннія смуты и, наконецъ, можетъ быть, мѣнѣ счастливыя природныя способности. Даже и самыя колоніи, сначала Финикійцѣ, а потомъ Грековъ, возникшія на берегахъ Чернаго моря и потому бывшія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ тамошнимъ малоазійскимъ населеніемъ, не оказали на него никакого прочнаго вліянія¹, такъ что и гораздо позднѣе, именно при Римлянахъ, большая часть его оставалась еще при своемъ первобытномъ, полудикомъ образѣ жизни.

А. О народахъ, жившихъ по берегамъ Чернаго Моря, зналъ уже и Гомеръ, хотя свѣдѣнія его о нихъ были очень смутны. Оттуда, изъ Алиды, „странъ отдаленныхъ, откуда исходъ серебра неоскудный“, выводитъ онъ „ратъ Гализоновъ“ (Ил. II, 856), пришедшихъ на помощь Троянамъ; въ числѣ союзниковъ Троянъ ставитъ онъ и воинственныхъ, „мужеобразныхъ“ Амазонокъ (Ил. III, 187; VI, 186).

Первое достовѣрное извѣстіе о далекихъ черноморскихъ племенахъ встрѣчается у Геродота, въ его разсказѣ о завоеваніяхъ Персевъ. Персамъ удалось сломить самостоятельность по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ и обратить ихъ въ своихъ данниковъ. При Ксерксѣ они уже входятъ въ составъ персидскаго поголовнаго ополченія², въ которомъ находились также Каспійцы, Пакты, Микейяне, Тибарены, Макроны, Моссинѣки, Мары, Алароды и другія мелкія племена.

Одежда и вооруженіе этихъ племенъ соответствовали ихъ первобытному образу жизни. Каспійцы, Пакты, Микейяне, Парикане и Макроны носили волосяныя одежды (Herod. VII, 67, 68) и широкія изъ толстой матеріи шаровары, какъ замѣчаетъ Ксенофонтъ о Макронахъ (Anab. V, 4). Саранги отличались пестротой своей одежды и высокими по колѣно сапогами (Herod. VII, 67).

Оружіе состояло изъ тростниковыхъ луковъ, мечей, или, вмѣсто нихъ, короткихъ ножей, копій, плетеныхъ щитовъ, обтянутыхъ воловьей кожей, какъ у Скивовъ и Колхидянъ (Xenoph. Anab. IV, 7), или безъ кожа-

¹ Ch. Mo v e r s. Das plönizische Alterthum II, § 286 ff.—² См. выше стр. 295.—Нибуръ (Vorträge über alte Geschichte I, 387) сомнѣвается въ исторической точности Геродотова описанія племенъ, составлявшихъ ополченіе Ксеркса, и называетъ описанные Геродотомъ нарядъ и вооруженіе этихъ племенъ, „черезъ-чуръ странными и уродливыми“. Сравнивая однакоже описаніе Геродота съ изображеніями персидскихъ данниковъ на древнеперсидскихъ памятникахъ и съ тѣмъ, что говорится о тѣхъ же племенахъ у Ксенофонта (Anab.) нельзя не убѣдиться, что описаніе Геродота вѣрно, тѣмъ болѣе что и до сихъ поръ живутъ въ тѣхъ странахъ народцы, одежда и вооруженіе которыхъ похожи на описываемыя Геродотомъ. Что же касается до созванія войска изъ всѣхъ концовъ государства, то такое созваніе во времена Кира могло вовсе не быть такой „нездѣльностью“, какою оно кажется Нибуру (стр. 403), такъ какъ извѣстно, что и въ настоящее время на Востоцѣ, въ Русской Имперіи, существуетъ обычай, при формированіи армии (bei Zusammenziehung der Reichsarmee), сзывать войска изъ отдаленнѣйшихъ областей (?). Кромѣ того, такъ какъ, по отзывамъ древнихъ авторовъ, персидскіе цари держали постоянно при себѣ писцовъ, которые были обязаны записывать все касавшееся особы царя, то не покажется удивительнымъ, если въ персидскихъ государственныхъ архивахъ сохранился составленный по приказанію Ксеркса подробный перечень племенъ участвовавшихъ въ персидскомъ ополченіи. Самъ ли Геродотъ пользовался этимъ перечнемъ, или же имъ воспользовался еще ранѣе его Херодосъ самосскій, а онъ списывалъ уже съ него — этого поочти рѣшить невозможно; но также невозможно и сомнѣваться въ подлинности Геродотова описанія, такъ какъ такое сомнѣніе не оправдывается ни внутренними, ни вѣшними навами либо причинами.

ной покрывки, какъ у Макроновъ, Моссинёковъ; нѣкоторыя племена покрывали голову деревянными шлемами, другія носили на ней повязки въ родѣ тюрбановъ (Herod. VII, 79, 80; Xenoph. Anab. V, 4). Всѣ эти племена жили въ деревянныхъ домахъ, построенныхъ самымъ первобытнымъ способомъ, котораго они продолжали держаться даже и строясь вблизи богатыхъ греческихъ колоній. Во время Ксенофонта городъ Трапезунтъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ выстроенными такъ деревнями Колхидянъ (Anab. I, 8). Чтобы обезопасить себя отъ внезапныхъ нападений, нѣкоторыя племена, какъ напр. Моссинёки, селились на горныхъ вершинахъ, другія окружали свои поселенія оградой изъ частокола, обводили ихъ насыпью и обрывали рвомъ (Xenoph. Anab. V, 2, 4). Въ случаѣ непріятельскихъ набѣговъ, эти укрѣпленныя деревни служили убѣжищемъ для окружающихъ жителей, которые спасались въ нихъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, состоявшимъ изъ скота, съѣстныхъ припасовъ и простой домашней утвари. Въ такихъ укрѣпленіяхъ жили, по свидѣтельству Ксенофонта (Anab. IV, 7), воинственныя племена Таоховъ, Фазіанъ, Халибовъ и др., черезъ земли которыхъ онъ самъ проходилъ, возвращаясь изъ Азіи.—Относительно племени Халибовъ слѣдуетъ замѣтить, что тождество ихъ съ Гомеровыми Галисонами, или Эхиловыми „дикими ковачами желѣза“ (Hom. 716) и Вергилиевыми выдѣлывателями стали — представляется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что хотя и они, также какъ и тѣ, жили на сѣверовосточной границѣ Арменіи, вблизи желѣзныхъ рудниковъ (Anab. V, 5), имя ихъ напоминаетъ скорѣе племя армянскаго происхожденія, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Халдеевъ (ср. Ammian. Marc. XXIII, 8).

5. На болѣе высшей ступени развитія, чѣмъ прочія понтійскія племена, стояли Каппадокійцы (Strabo, XII, 2 seqq.). Они занимали гористую мѣстность и жили раздробившись на отдѣльныя мелкія общины. Главнымъ занятіемъ ихъ были скотоводство и коневодство. Лошади Каппадокійцевъ были извѣстны по своей особенной добротѣ. Сдѣлавшись данниками Персовъ, Каппадокійцы платили имъ дань лошадьми и поставляли конниковъ въ персидское войско, въ которомъ, при Ксенофонтѣ, было 6000 каппадокійскихъ всадниковъ.

Одежда Каппадокійцевъ,—которые, вѣроятно, многое заимствовали отъ Персовъ, съ тѣхъ поръ какъ были покорены ими (Herod. I, 72), — походила на пафлагонскую. Каппадокійскіе ратники, служившіе въ персидскомъ войскѣ, были одѣты въ кафтаны и штаны; на головахъ они носили шшаки обернутые кускомъ ткани, а на ногахъ—высокіе сапоги. Они были вооружены небольшими щитами, длинными копьями, дротиками и кинжалами.

Не смотря на свою простоту, эта одежда всё-таки кажется изысканною сравнительно съ одеждою неизвѣстнаго племени, которое представлено на рельефѣ въѣщенномъ на скалѣ¹ въ сѣверной Каппадокіи (впослѣдствіи Галлатскомъ царствѣ), вблизи, какъ полагаютъ, древнихъ столицъ страны—Птеріи и Тавіи (фиг. 197).

¹ Ch. Texier. L'Asie mineure I, pl. 72 et suiv.; ср. Kiepert въ E. Gerhard's *Archaeologische Ztg.* I Lfrg. 1843, № 3. съ рис.; F. Kugler. *Gesch. der Baukunst* I, 113; *его же*: *Handbuch der Kunstgeschichte* I, 77.

Рельефъ этотъ (по представленной на немъ одеждѣ и по исполненію сходный съ рельефною фигурою ¹, высѣченною тоже на скалѣ не подалеку отъ Нимфи, близъ древнихъ Сардъ), представляетъ, повидимому, переговоры о мирѣ черезъ посредника между непріателемъ и туземнымъ населеніемъ. По стилю рельефа, время его происхожденія относятъ къ началу восточной культуры (неподалеку отъ скалы, на которой высѣченъ рельефъ, видны остатки циклопической постройки), или самое позднее—къ періоду мидійскаго господства въ Азіи. Такъ какъ одежда одной изъ фигуръ согласуется съ Геродотовымъ описаніемъ одежды народа, называемаго имъ Саками или Скиоами (Herod. VII, 64), „которые ходятъ въ высокихъ шапкахъ и короткихъ штанахъ и носятъ при себѣ двойныя сѣкиры“, то заключили, что полуодѣтыя фигуры на барельефѣ представляютъ Скиоовъ, а фигура, одѣтая въ длинное, почти женское платье, изображаетъ Ассирянину или Мидійца.

Фиг. 197.

Если бы рельефъ этотъ не носилъ на себѣ несомнѣнныхъ слѣдовъ глубокой древности, то можно было бы предположить, что онъ высѣченъ въ эпоху занятія сѣверной Каппадокіи Галлами, а исполненіе его приписать сирійскому ваятелю, обработавшему свой сюжетъ въ древнемъ условномъ стилѣ. Предполагая, что полунагія фигуры на рельефѣ представляютъ дѣйствительно пришлое племя, въ нихъ всё таки нельзя видѣть Скиоовъ, которые, какъ извѣстно, носили штаны, а на фигурахъ нѣтъ ничего похожего на эту часть одежды. Гораздо вѣроятнѣе будетъ признать въ нихъ Галловъ, которые занимали сѣверную Каппадокію и, по свидѣтельству римскихъ историковъ, сражались почти совсѣмъ нагіе, вооружившись большими щитами, копьями и мечами (Liv. XXXVIII, 21).

¹ Объ этомъ такъ назыв. портретѣ Се.остриса см. также Duncker, *Gesch. des Alterthums* II, 512.

Постройки.

Въ странѣ бѣдной лѣсомъ, какова была Каппадокія, гдѣ большіе лѣса росли только по склонамъ Аргея (нын. Арджишь-Дага), должна была преимущественно развиться стройка изъ камня. Изъ удѣлѣвшихъ остатковъ древнихъ сооружений, развалины циклопическихъ стѣнъ, разбросанныя въ разныхъ мѣстностяхъ древней Каппадокіи, и каменные гроты, въ долинѣ Моргіаны, принадлежать къ сравнительно позднѣйшему времени, такъ какъ въ орнаментации ихъ уже замѣтны слѣды греческаго и ассирійскаго вліянія.¹ Гораздо древнѣе этихъ развалинъ другого рода памятники, представляющіи, повидямому, жилища первобытнаго населенія страны. Это, во первыхъ, почти безсчетное множество коническихъ помѣщеній (въ нѣсколько этажей, съ дверями и окнами), высѣченныхъ изъ скалистаго пласта и лежащихъ на югъ отъ Аргея, неподалеку отъ древней Кесаріи и близъ нынѣшней деревни Ургубъ.² Во вторыхъ, — каменные гроты, во множествѣ разсѣянные по ущельямъ и долинамъ. Въ этихъ гротахъ, по всей вѣроятности, жило большинство населенія Каппадокіи, такъ какъ обитатели пещеръ, или троглодиты, встрѣчаются даже и въ позднѣйшее сравнительно время, во Фригіи,³ Киликіи, Пизидіи и Исавріи (Strab. XII, 6, 7; Tac. Annal. III, 48). Когда Римляне пришли въ Каппадокію, они не нашли въ ней никакихъ городовъ, а только укрѣпленныя мѣстечки и построенныя на горахъ крѣпостцы или замки (Strab. XII, 2). При Римлянахъ же поднялись на степень настоящихъ городовъ и получили болѣе правильное управленіе и тѣ поселенія, которыя возникли въ Каппадокіи при Александрѣ Великомъ (Tac. Annal. II, 42). Во время Страбона (XII, 2), въ ликаонской Команѣ былъ богатый храмъ Артемиды со множествомъ жрецовъ и гіеродуловъ, а Пессинусъ, городъ въ Галатіи, съ храмомъ „великой матери“, заключавшимъ въ себѣ знаменитую каменную эмблему богини (Liv. XXIX, 10, 11), — славился своею торговлею и привлекалъ къ себѣ множество купцовъ изъ всѣхъ странъ свѣта.

Такъ какъ Каппадокія была бѣдна естественными произведеніями, то и туземная промышленность была развита очень слабо. Вся утварь, за исключеніемъ самой обиходной, которая изготовлялась дома, доставлялась въ Каппадокію изъ западныхъ и южныхъ земель, особенно со времени Римскаго господства, когда потребность житейскихъ удобствъ стала усиливаться въ туземномъ населеніи.

На востокъ отъ Каппадокіи лежала Арменія,⁴ страна гористая, изрѣзанная во всѣхъ направленіяхъ горными кряжами. Вытянутая длиннымъ оваломъ почти вплоть до Каспійскаго моря и прислоненная на югъ къ Тавру,

---

¹ F. Kugler. Gesch. der Baukunst I, 167.—² Поль Лука (Paul Lucas. 1 voyage I, p. 128; 2 voyage I. p. 263), путешествовавшій въ концѣ XVII ст. называетъ эти жилища, которыхъ онъ насчитываетъ до 200000 (?), „удивительнѣйшею вещью въ мірѣ“. См. Texier L'Asie mineure II, 75. Pl. 89.—³ Ср. Hamilton. Asia minor etc. Ir 95 seq., 401, 450; II, 233 seq.—⁴ St. Martin. Recherches sur l'Arménie. Paris 1818.— Texier. Description de l'Arménie, la Perse etc.—M. Dunccker. Gesch. des Alterthums II, 462 ff.

Арменія представляется, въ географическомъ отношеніи, какъ-бы соединительнымъ звеномъ между малою, переднею и среднею Азією, и на этомъ основаніи можетъ быть включена въ обзоръ малоазійскихъ земель.

Населеніе Арменіи — по всей вѣроятности, вѣтвь арійскаго корня, но уже въ раннюю пору смѣшавшаяся съ семитическими элементами—выступаетъ какъ самостоятельный народъ уже въ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ. Объ Арменіи упоминается неоднократно и въ Библии. Въ ней повѣствуется, что сыновья Сennaхирима, Адрамелехъ и Салезеръ, убивши своего отца, бѣжали въ землю Араратъ (Исаія XXXVII). Пророкъ Іеремія (LI, 27), предсказывая разрушеніе Вавилона, призываетъ на него и царство Араратъ.

Важное вліяніе на культурное развитіе Арменіи, особенно южной, имѣли большіе водные пути Тигра, Евфрата и Аракса, благодаря которымъ она могла войти въ сношенія съ восточными и южными землями и вести съ ними мѣновую торговлю. Во времена Езекиіля (XXVII, 14), а можетъ быть уже и гораздо раньше, купцы „изъ дома Тогармы“ посѣщали рынки далекаго Тира, спускались на легкихъ судахъ къ Вавилону и привозили туда произведенія своей земли: лошадей, муловъ, пальмовое вино и другіе товары.

Постоянныя сношенія съ культурными народами не замедлили развитъ въ населеніи южной Арменіи стремленіе къ водворенію и у себя прочной культуры. Мало по малу оно усвоило себѣ отчасти мидійскіе, отчасти ассирійскіе и персидскіе обычаи, приняло даже персидскій культъ, обратившись къ поклоненію богини Анаитъ (Артемиды: Strab. XI, 13, 14).

Совершенно въ другія условія было поставлено населеніе сѣверной части Арменіи. Оно не принимало участія въ торговыхъ сношеніяхъ своихъ южныхъ одноплеменниковъ и поэтому осталось чуждо культурному развитію послѣднихъ. Подобно вышеназваннымъ понтійскимъ народамъ и сосѣдямъ своимъ—Таохамъ, Фазіанамъ, Халибамъ и др., оно было частью пастушеское, частью жило разбоемъ (Xenoph. Cyrop. III, 2; Anab. IV, 1 seq.).

Такая разниа въ культурномъ развитіи сѣвернаго и южнаго населенія Арменіи не могла, конечно, не отразиться и на бытовой обстановкѣ того и другого. Выше было замѣчено, что южное, болѣе развитое населеніе, усвоило себѣ обычаи Мидянъ и Персовъ, поэтому весьма вѣроятно, что оно переняло отъ этихъ народовъ и ихъ одежду и вооруженіе. ¹ Эта догадка подтверждается между прочимъ и барельефомъ, высѣченнымъ на скалѣ неподалеку отъ остатковъ довольно обширныхъ сооружений въ окрестностяхъ озера Вапа. ² На барельефѣ представлено нѣсколько бородатыхъ фигуръ, одѣтыхъ въ длинныя одежды съ рукавами и въ мантии; на головахъ у нихъ родъ шлема съ круглымъ верхомъ. Нѣкоторыя фигуры—можетъ быть начальники—держатъ въ рукахъ длинные булавообразныя посохи.

Въ числѣ полудикихъ племенъ, встрѣченныхъ Ксенофонтомъ въ горахъ Арменіи, при его проходѣ черезъ эту страну, онъ упоминаетъ о племени

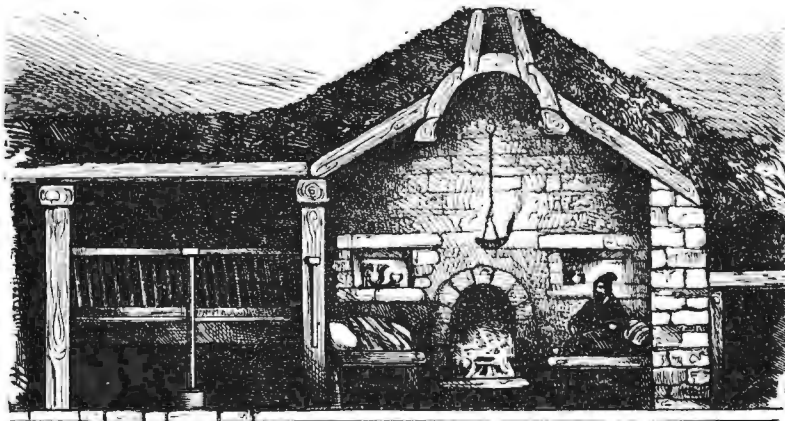
¹ Вооруженіе Армянскихъ ратниковъ въ войскѣ Ксеркса Геродотъ называетъ фригійскимъ.—*Техіег. Op. cit. p. 152. Pl. 34.*

„Кардуховъ“ (Карлаковъ — Курдовъ), которые отличались своимъ искусствомъ въ стрѣляніи изъ лука. Сообразно съ суровымъ климатомъ обитаемыхъ ими мѣстностей, гдѣ зимою выпадалъ глубокой снѣгъ, Кардухи одѣвались въ звѣриныя шкуры и мѣховыя одежды (Хероф. Анаб. IV, 4; Diod. XIV, 27, 28). Оружіе ихъ было — большой (около 3 локтей вышины) лукъ съ длинными стрѣлами, копье и плетеный щитъ (Хероф. Анаб. IV, 2, 3; Сугор. III, 2); иные прибавляли еще двойную стѣкуру (Хероф. Анаб. IV, 4). Кардухи считались самыми воинственными изъ горцевъ Арменіи и потому ихъ охотно принимали на службу въ персидскомъ войскѣ (Хероф. Сугор. III, 2). По Ксенофонтѣ (Сугор. III, 1.), Арменія могла выставить до 8000 конныхъ и до 40,000 пѣшихъ ратниковъ.

И въ Арменіи для построекъ, покрайней мѣрѣ для значительныхъ по объему, пользовались преимущественно камнемъ, по въ его натуральномъ видѣ, т. е. скалами. ¹ Образчикъ подобныхъ сооружений представляютъ упомянутые выше развалины близъ озера Вана, въ которыхъ преданіе видитъ остатки Семирамидища города (Semiramidocerta). Онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ, высѣченныхъ въ скалѣ, просторныхъ покоевъ или камеръ. По расположенію этихъ камеръ и по найденнымъ въ нихъ урнамъ и другимъ погребальнымъ принадлежностямъ, видно, что онѣ были гробницами царей Арменіи. Скала, въ которой онѣ высѣчены, покрыта множествомъ клинообразныхъ надписей, по которымъ, однакожъ, не удалось еще рѣшить, кто строилъ эти гробницы — Ассирияне или Персы. Такого же рода камеры, но меньшихъ размѣровъ, находятся близъ Ани, Ахлата и Артемиты. Скалистые склоны горъ внутри страны тоже изрыты множествомъ гротовъ, которые служили, безъ сомнѣнія, жильемъ (Хероф. Сугор. III, 1).

Развитіе городской жизни началось въ Арменіи уже послѣ персидской эпохи. До того времени населеніе ея жило частію въ большихъ деревняхъ,

Фиг. 198.

частію въ упомянутыхъ гротахъ, или въ жилищахъ, вырытыхъ въ землѣ.

¹ С. Ritter. Erdkunde etc. Asien IX, 989; X, 303. M. Duncker, Geschichte d. Alterthums II, 465. H. Berghaus. Die Baudenkmale aller Völker etc. 2. Ausg. Berlin, 1854. I, 263.

Эти подземные дома были такъ просторны, что вмѣстѣ съ хозяевами, въ нихъ помѣщались принадлежавшіе симъ послѣднимъ домашній скотъ, птица и всякаго рода запасы (Xenoph. Anab. IV, 5. Діод. XIV, 28). Входили въ нихъ сверху, чрезъ отверстіе въ крышѣ, къ которому была приставлена лѣстница, по которой спускались внизъ и поднимались къ выходу. Деревенскіе дома на поверхности земли строились изъ дерева, глины и мху. На крышѣ у нихъ надстраивалась вышка въ видѣ небольшой башни (Xenoph. Anab. IV, 4). Изъ этого видно, что жилища древнихъ жителей Арменіи были очень похожи на жилища нынѣшнихъ армянскихъ горцевъ (фиг. 198).

Утварь, видѣнная Ксенофонтomъ въ армянскихъ деревняхъ, заключалась преимущественно въ различной посудѣ. Во всякомъ домѣ стоялъ большой котель съ „ячменнымъ виномъ“ (т. е. пивомъ), которое пили прямо изъ котла, втягивая въ себя чрезъ тростниковыя трубочки (Xenoph. Anab. I, 5).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Индусы ¹.

Предварительныя замѣчанія.

Западная или передняя Азія отдѣлялась отъ Индіи обширными восточными сатрапіями древнеперсидскаго царства, которыя были извѣстны у древнихъ подъ общимъ названіемъ Аріаны. Пустынныя и маловодныя, населенныя воинственными, но почти полудикими племенами (перечисленіе которыхъ находимъ у Геродота: III, 92 seq.), эти области простирались къ востоку до высокихъ горныхъ хребтовъ, тянувшихся съ сѣвера на югъ и составляющихъ естественную западную границу Индіи вообще. Сѣверная ея граница опредѣляется направлениемъ Гималая (Рагорамисос)—громаднаго кряжа горъ, съ группами высочайшихъ на всемъ земномъ шарѣ пиковъ, идущаго отъ запада къ востоку. Спускаясь отъ Гималая къ югу, индійскій материкъ образуетъ полуостровъ (передняя Индія), оконечность котораго, потерявшись въ волнахъ океана, снова выступаетъ изъ нихъ въ видѣ большаго острова (Цейлонъ; Тапробана; Ланка).

¹ L. Heeren. Ideen über die Politik, den Verkehr und Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. I, (III). Göttingen 1824. — P. v. Bohlen. Das alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten. Königsberg 1830. — Ch. Lassen. Indische Alterthumskunde. Bonn 1847. — D uncker. Geschichte des Alterthums. II, Berlin. 1853. — Th. K r u s e. Indiens alte Geschichte etc. besonders hinsichtlich des Handels und der Industrie. Leipzig. 1856. — Специально о древнеиндійскихъ памятникахъ, см.: Transactions of the Literary Society of Bombay. London 1819; Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London 1829 seq.; L. Langlès. Monuments anciens et modernes de l'Indoustan, décrits sous le double rapport archéologique et pittoresque etc. 2 vols. Paris 1821. fol., в главныхъ образахъ—A lex. Cunningham. The Bhilsa Topes; or Buddhist Monuments of Central India: comprising a Brief historical Sketch of the Rise, Progress, and Decline of Buddhism; etc. Illustr. with 32 plates. London 1854; и J. Ferguson. The illustr. Handbook of Architecture. London 1855. vol. I.

Занимая пространство, равняющееся почти всей Европѣ безъ Россіи, Индія (называемая также по своему географическому сходству съ апеннинскимъ полуостровомъ—„Италією Востока“) ¹ изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ многоводными рѣками, большая часть которыхъ берутъ свое начало въ Гималайскихъ горахъ и разливаются по странѣ, слѣдуя естественному склону почвы, понижающейся уступами отъ сѣвера къ югу. На западѣ течетъ Индъ на протяженіи 350 геогр. миль; принявъ въ себя 7 большихъ и болѣе 400 малыхъ рѣкъ, онъ впадаетъ нѣсколькими рукавами въ море. Въ верхней Индіи текутъ: „священный“ Гангъ и Брахмапутра, существенно вліяя на природу и жизнь странъ ими орошаемыхъ. Гангъ (называемый также „главною артерією всей верхней Индіи“ ²) протекаетъ 300 миль, мѣстами разливаясь въ ширину до 4200 футовъ; длина теченія Брахмапутры равняется 320 милямъ. — Не столь мощныя, но всё еще значительныя рѣки, вытекаютъ изъ возвышенностей средней и южной части полуострова. Большая часть этихъ рѣкъ направляется къ восточному берегу; но очень многія изъ нихъ находятъ себѣ стокъ и къ западному берегу, именно тамъ, гдѣ идущая вдоль этого берега горная цѣпь переходитъ въ равнину.

Благодаря этому чрезвычайному изобилію текучей воды и вліянію выгодныхъ климатическихъ условій, Индія обладаетъ такою производительностью, что ни одна изъ странъ азіатскаго материка не можетъ сравниться съ нею въ этомъ отношеніи. Начинаясь на самомъ рубежѣ необозримыхъ снѣжныхъ полей Гималаи кустарниками и кормовыми травами, растительность Индіи съ каждымъ шагомъ внизъ становится всё разнообразнѣе и роскошнѣе. За густыми сосновыми, дубовыми и березовыми рощами, покрывающими горныя склоны, слѣдуютъ кедры и высокорослыя фиговые деревья; къ югу отъ Ганга, цвѣтутъ несравненные по блеску красокъ цвѣты, зрѣютъ великолѣпныя южныя плоды, растутъ благовонныя и красильныя деревья, хлопчатникъ, приности и вмѣстѣ съ ними кокосовыя пальмы, достигающія 60 — 80 фут., твердое какъ желѣзо тиковое дерево и разрастающійся въ цѣлую рощу баньянъ. Въ душной атмосферѣ защищенныхъ горами и прокаленныхъ солнцемъ долинъ, вьются по стволамъ деревьевъ и гниющимъ пнямъ колоссальныя ліаны и густой мохъ стелется войлокомъ по листовымъ вершинамъ.

Такъ же богата и разнообразна фауна Индіи. Въ непроходимой чащѣ лѣсовъ, въ дикихъ ущельяхъ горъ и въ пустынныхъ джунгляхъ, находятъ себѣ безопасное убѣжище тигры громадной величины, львы, шакалы, гіены и другіе хищники. Болотистыя низменности кишатъ змѣями и разными ядовитыми гадами, а въ густой листвѣ лѣсовъ кричатъ, свистятъ и щебечутъ безчисленныя стаи обезьянъ и разубранныхъ въ блестящія перья птицъ. — Почти всѣ животныя, прирученныя человѣкомъ, водятся въ Индіи въ дикомъ состояніи, за исключеніемъ, однакожъ, лошади, которая встрѣчается лишь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Лагорѣ; но недостатокъ этого животнаго Индусы издавна научились замѣнять попятливымъ слономъ и сильнымъ буйволомъ.

¹ C. Ritter Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und Geschichte des Menschen etc. Berlin 1832—36. 2-tes Buch.—² P. v. Bohlen. Das alte Indien etc. I, 14.

Не менѣ щедро надѣлена Индія и произведеніями неорганическаго царства. Нѣтъ страны богаче ея драгоцѣнными каменьями всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ,¹ начиная съ безцвѣтнаго алмаза, котораго особенно рѣдкіе и цѣнныя экземпляры вывозятся преимущественно изъ Индіи. Скудность ея производительность въ металлахъ, изъ коихъ только одно желѣзо добывается въ значительномъ количествѣ. Но эта скудость индійской почвы вознаграждается отчасти моремъ, нѣдра котораго въ изобиліи доставляютъ великолѣпный жемчугъ, выгодно замѣняющій въ украшеніяхъ и уборахъ благородныя металлы.

Страна, обладающая такими естественными богатствами, не могла долго оставаться неизвѣстною промышленному и предприимчивому населенію западныхъ окраинъ Ази. И мы видимъ, что уже за 1000 лѣтъ до Р. X. суда финикійскихъ купцовъ, соединившись съ судами снаряженными Соломономъ, отплываютъ въ Индію и завязываютъ съ нею торговыя сношенія и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ за тѣмъ Финикіяне овладѣваютъ всюю индійскою торговлею (см. выше стр. 262).

Какъ ня велики могли быть сокровища, которыми эта торговля обогатила западныя земли, она принесла, какъ кажется, мало пользы для ознакомленія съ самою страной, доставлявшею эти сокровища. Даже такой тщательный изслѣдователь, какъ Геродотъ, считалъ Индію, на основаніи собранныхъ имъ въ Персіи свѣденій, крайнею изъ населенныхъ восточныхъ земель, за которую идутъ необитаемыя песчаныя степи (Herod. III, 98—106). Извѣстія, большею частью преувеличенныя, о рѣдкихъ богатствахъ Индіи, съ жадностью выслушивались на западѣ и породили тамъ, съ одной стороны, — сказочно-фантастическія повѣствованія о ней (въ нихъ особенно отличился Ктезій Кидскій, писавшій около 50 лѣтъ послѣ Геродота,)² съ другой—неудержимое желаніе узнать ближе эту диковинную страну. Грекамъ первымъ суждено было, подъ предводительствомъ Александра Македонскаго, проникнуть по крайней мѣрѣ въ преддверіе Индустана—на берега Инда, и правдивымъ и безпристрастнымъ описаніемъ ими видѣннаго (Беархъ, Онесикритъ и др.) опровергнуть прежніе баснословные рассказы. При Селевкѣ Никаторѣ, который, по смерти Александра, дошелъ до Гауга, стала ближе извѣстна и эта часть Индіи, чему особенно способствовалъ тѣсный союзъ, заключенный Селевкомъ съ индійскимъ царемъ Сандракоттою, и пребываніе при дворѣ этого послѣдняго, въ Палиботрѣ (Паталипутрѣ), посла Селевка — Мегасена, который оставилъ вѣрную картину окружавшей его жизни. Несмотря на то, что извѣстія названныхъ греческихъ писателей объ Индіи дошли до насъ лишь въ выпискахъ, приведенныхъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, они все-таки гораздо полнѣе сухихъ кушеческихъ замѣтокъ о ней, оставшихся намъ отъ Римлянъ. Внутренняя Индія — земли на югъ отъ Гауга—стала извѣстна лишь въ повѣдшее время.

¹ Перечисленіе драгоцѣнныхъ камней, находимыхъ въ Индіи, сдѣланное по порядку цвѣтовъ въ цвѣтовой свѣтъ, см. въ Th. K r u s e, Indiens alte Geschichte etc. 347 § 5. ff.—

² Сводъ этихъ баснословныхъ рассказовъ см. въ Th. K r u s e, Indiens alte Geschichte etc. S. 39 § 3 ff.

Въ этнографическомъ отношеніи, Индія представляетъ сходство съ Африкою. Населеніе Индіи тоже распадается на множество племенъ, различающихся между собою тѣлосложеніемъ, языкомъ и большею или меньшею способностью къ умственному развитію. ¹ И здѣсь такъ же, какъ и въ сѣверной Африкѣ, племена съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и благороднымъ окладомъ лица стоятъ въ культурномъ отношеніи выше племенъ чернокожихъ, и, какъ настоящіе носители культуры, занимаютъ относительно ихъ господствующее положеніе. На этомъ основаніи, въ нихъ хотя и видѣтъ пришельцевъ кавказской расы, которые, придя съ запада, частію покорили первобытное (чернокожее) населеніе Индіи, частію оттѣснили его во внутреннюю страну; изъ нѣкотораго же сходства ихъ религіозныхъ вѣрованій съ вѣрованіями Аріевъ, заключаютъ о тѣсной связи, существовавшей между ними и этими послѣдними во времена отдаленнѣйшей древности ².

Мракъ, покрывающій первобытное состояніе Индусовъ, лежитъ болѣе или менѣе густыми полосами и на всемъ ихъ историческомъ развитіи. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ удивительныхъ явленій окружающей природы, умъ ихъ рано охладѣлъ къ интересамъ дѣятельной жизни и обратился къ размышленію о происхожденіи и конечной цѣли мірозданія. — Во всей литературѣ Индусовъ, которая довольно обширна, нѣтъ ни одного сочиненія, которое можно было бы назвать историческимъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Даже и древнѣйшіе изъ ихъ народныхъ пѣсней, воспѣвающія главнымъ образомъ войны и подвиги героевъ, даже и онѣ до такой степени переполнены фантастичностью, что въ ней почти совершенно распускается ихъ историческое содержаніе (что впрочемъ могло отчасти произойти вслѣдствіе многократныхъ позднѣйшихъ передѣлокъ этихъ пѣсней). Все, что можно извлечь изъ нихъ фактическаго, сводится, кажется, только на то, что около 1300 до Р. X. образованіе государствъ на берегахъ Ганга было завершено геройскими битвами, ³ что побѣдители, подвигаясь далѣе, должны были вести кровопролитныя войны съ туземными племенами, окончившіяся покореніемъ части этихъ послѣднихъ, и что послѣ этихъ войнъ началась война въ Пенджабѣ между династіями Паандавасъ и Куру, въ которой первая династія осталась побѣдительницею и избрала себѣ мѣстопробываніемъ „Гастиапуру“ ⁴. — Топографическія условія опредѣлили территориальное развитіе новообразовавшихся индійскихъ государствъ; ⁵ ихъ внутреннее (политическое) устройство было результатомъ тѣхъ отношеній, какія обыкновенно устанавливаются между побѣдителями и побѣжденными. Въ Индіи эти

¹ P. v. Bohlen. Das alte Indien. S. 42 ff. О племенахъ индійскихъ, извѣстныхъ уже Грекамъ см. у Dunscker II, 242 ff и у Ch. Lassen Indische Alterthumskunde. —

² Dunscker II, 12. Ch. Lassen I. 511 ff. —³ M. Dunscker II. S. 28 ff.

⁴ „Если отъ устья Нербудды провести прямую линію до устьевъ Ганга, то эта линія раздѣлитъ Индію на двѣ большія половины: собственно Индію, занимающую 33, 390 кв. миль, и южный полуостровъ въ 30,000 кв. миль поверхности. Обѣ половины во многомъ разнятся между собою; въ особенности замѣчательна равнина, занимающая среднюю часть первой половины, такъ какъ топографическія условія этой плоскости были какъ нельзя болѣе благоприятны образованію на ней большихъ сплошныхъ государствъ, въ противоположность гористому Декану, въ которомъ еще и до сихъ поръ живутъ въ своей первобытной разрозненности множество небрахмическихъ племенъ одно подлѣ другого“ P. v. Bohlen. Das alte Indien etc. I: 18 § 4.

отношенія были таковы, что пришельцы-побѣдители, различаясь между собою по степени знатности, ставили себя на столько выше побѣжденных ими туземцевъ, что смотрѣли на нихъ, какъ на людей особой, низшей породы. Вслѣдствіе этого, всё населеніе распалось на отдѣльныя замкнутыя сословія—касты, какъ было въ древнемъ Египтѣ, причемъ туземцы составили низшую касту (судры), а побѣдители образовали высшія касты. Прежде всего сложилась, безъ сомнѣнія, каста воиновъ (кшатріи), принявъ въ себя всё знатнѣйшіе роды, и заняла господствующее положеніе. Затѣмъ, и незнатные роды въ свою очередь соединились въ касту, ставшую относительно первой на второстепенное мѣсто. Члены этой касты — вайшіи, вскорѣ раздѣлились, по роду своихъ занятій, на земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ. Позднѣе всѣхъ образовалась каста жрецовъ или браминовъ.¹ Считая своимъ исключительнымъ призваніемъ созерцаніе природы и изслѣдованіе дѣйствующихъ въ ней силъ, они пришли этимъ путемъ сначала къ созданію мистико-религіозной системы, средоточіе которой составляетъ Брама — проникающая всю природу и въ ней дѣйствующая сущность.² Затѣмъ, наблюдая порядокъ, господствующій въ природѣ при всемъ разнообразіи ея явленій, они предприняли согласовать съ нимъ и всё явленія человеческой жизни, какъ внутренно и наружно связанной со всемъ мірозданіемъ; съ этою цѣлью были ими составлены чрезвычайно подробныя правила практической нравственности, обнимавшія всевозможныя житейскія отношенія. Принятіе этихъ постановленій всемъ населеніемъ сразу поставило касту браминовъ во главѣ остальныхъ кастъ. Чтобы обезпечить за собою это первенствующее положеніе и еще строже, чѣмъ было прежде, разграничить касты, брамины включили въ свою доктрину новый догматъ о происхожденіи кастъ, провозглашавшій, что „Брама произвелъ браминовъ изъ своихъ устъ, кшатріевъ—изъ своихъ рукъ, вайшіевъ—изъ своихъ лядвей, судровъ—изъ своихъ ступней“.

Около 700 г. до Р. Х. было приступлено къ соединенію всѣхъ этихъ поученій и предписаній въ одинъ общій сводъ,³ который, подъ именемъ „законовъ Ману“, сохраняетъ и до сихъ поръ свою обязательную силу во всей Индіи, распространяясь на всё отношенія жизни.

Между тѣмъ какъ, благодаря неистощимымъ богатствамъ страны, виѣшняя жизнь знатныхъ достигла въ Индіи блестящаго развитія, умственная жизнь коснѣла въ ней, сдвзленная неодолимыми преградами, остававшимися всякое свободное ея проявленіе. Народъ тупѣлъ, страдая подъ двойнымъ игомъ религіознаго и государственнаго деспотизма, всё болѣе и болѣе усиливавшася; брамины, продолжая развивать свои мистико-религіозныя умозрѣнія, впали наконецъ въ схоластическія отвлеченности и мелочную, мертвящую умъ и чувство обрядность.

При такихъ обстоятельствахъ явился въ Индіи, въ лицѣ сына царя Судоданы, глубокомысленный реформаторъ. Одушевленный пламенною лю-

¹ О происхожденіи кастъ см. Lassen. Op. cit. I, 801.—² Dunccker II, 67. —

³ Manava-Darma-Sastra. Lois de Manou, comprenant les Institutions religieuses et civiles des Indiens; tradues du Sanscritet accompagnées de Notes explicatives, par A. Loiseleur Deslongchamps Paris. 1833.

бовью къ людямъ, онъ въ молодыхъ еще лѣтахъ промѣнялъ ожидавшій его царскій вѣнецъ на посохъ нищаго и пустился странствовать, питаясь милостыней и углубляясь въ размысленія о причинахъ человѣческихъ бѣдствій и о средствахъ облегчить ихъ. Послѣ двадцатилѣтняго странствованія, онъ выступилъ открыто (между 600 и 550 г. до Р. Х.) противъ угнетающей доктрины браминовъ. Подъ защитою могущественнаго царя Магадскаго, Бимбисары, онъ началъ излагать общепонятнымъ языкомъ ¹ свое ученіе, въ которомъ говорилъ о равноправности кастъ въ религіозномъ отношеніи, о необходимости человѣколюбія, терпѣнія и милосердія, и отрицалъ браминскій догматъ о повторяющемся до безконечности переселеніи душъ. Ученіе Будды привлекло къ нему многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей и, благодаря ихъ усиліямъ, было признано, вскорѣ послѣ его смерти (около 540 до Р. Х.), религіозною доктриною. Жестокая борьба, начавшаяся между буддизмомъ и браманизмомъ, окончилась въ пользу буддизма. Уже около 3-го столѣтія до Р. Х. онъ былъ объявленъ господствующею религіею въ тѣхъ государствахъ, откуда началось его распространеніе (такъ въ Магадѣ — царемъ Асокою). Только въ 5-мъ столѣтіи по Р. Х. удалось браманизму, значительно впрочемъ измѣнившемуся подъ вліяніемъ буддизма, возвратити себѣ снова прежнее господство.

До прибытія Грековъ на берега Ганга, Индусы оставались чужды всякимъ иноземнымъ вліяніямъ. Прежнія ихъ соприкосновенія съ Ассиріанами и Персами тѣмъ менѣе могли оставить послѣ себя какой нибудь слѣдъ, что и тѣ, и другіе не заходили, вѣроятно, дальше западныхъ окраинъ Индостана, да и тѣхъ касались лишь мимоходомъ. ² Греческіе культурные элементы были внесены въ Индію въ то время, когда религіозное движеніе, начавшееся проповѣдью Будды, было уже въ полномъ ходу и народъ, выведенный этимъ движеніемъ изъ своей многовѣковой апатіи, сталъ воспримчивѣе и умственно подвижнѣе. Вскорѣ послѣ побѣды новаго ученія, онъ захотѣлъ почтить память и увѣковѣчить славу его основателя памятниками и вслѣдствіе этого обратился къ дѣятельности художественно-строительной. Но при тогданныхъ условіяхъ эта дѣятельность не могла развиваться самостоятельно, не подпадая вліянію греческаго вкуса, поэтому и всѣ постройки Индусовъ, точно такъ же, какъ и всѣ ихъ пластическія произведенія вообще—до предметовъ домашней обстановки включительно,—носятъ на себѣ замѣтный отпечатокъ этого вкуса.

Только весьма немногіе изъ упомянутыхъ выше памятниковъ въ честь Будды принадлежатъ настоящей древности; большая же часть тѣхъ, которые уцѣлѣли до нашего времени, были построены въ началѣ нашихъ среднихъ вѣковъ. Поэтому наглядное знакомство съ виѣшнею стороною древнеиндійскаго быта возможно для насъ лишь на столько, на сколько ее воспроизводятъ тѣ рѣдкія пластическія изображенія, которыя сохранились на развалинахъ древнихъ построекъ; главными же источниками для изученія ея остаются съ одной стороны,—произведенія древнеиндійскаго искусства, съ другой (въ сопоставленіи съ первыми), описанія поименованныхъ выше

¹ Chr. Lassen II, 492.—² Тамъ же I, 859.

греческих писателей. Кроме того, многое в ней может уяснить вышняя обстановка индйской жизни, поскольку она еще соответствует древним описаніямъ и изображеніямъ.

Одежда.

Встрѣтившись съ высокоразвитою культурою Индусовъ, Греки захотѣли уяснить себѣ весь ходъ ея развитія, отъ самыхъ первыхъ ея зачатковъ. Отправляясь отъ оправдываемаго исторіею воззрѣнія, что развитіе человечества состоитъ въ постепенномъ восхожденіи отъ низшихъ ступеней культуры къ высшимъ, они приняли и для Индусовъ состояніе первобытной дикости, но дальше идти не могли, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было историческихъ данныхъ. Остававшійся пробѣлъ они пополнили сплетеніемъ греческаго сказыанія съ индйскимъ мифомъ: „затѣмъ — повѣствуютъ они — сначала Діонисъ, а послѣ него Ираклъ, ходили войною на индйскіе народы, покорили ихъ и познакомили со всѣми порядками общественной жизни“ (Megasth. apud Diod. II. 38, 39 и Arrian. Ind. с. 7—9).

Еслибы древнѣйшіе памятники индйской литературы—Вѣды и эпопеи: Магабгарата, Рамайяна и др., дошли до насъ незамѣненныя позднѣйшими вставками и передѣлками,¹ то мы могли бы прослѣдить по нимъ всё движеніе индйской цивилизаціи, какъ въ ея цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Но въ настоящемъ своемъ видѣ, памятники эти носятъ на себѣ отпечатокъ фантастическаго міросозерцанія, заставляющаго предполагать уже значительно развитую гражданственность. Только общими чертами рисуется въ поэтическихъ описаніяхъ Вѣдъ современный появленію ихъ воинственно-пастушескій бытъ народа.² Какъ въ Вѣдахъ, такъ и въ эпосѣ,—особенно въ послѣднемъ,—есть много данныхъ, касающихся внѣшней обстановки и преимущественно одежды; но данныя эти обличаютъ уже знакомство съ такою роскошью, какая могла развиваться только подъ защитою крѣпкаго государственнаго устройства, въ обществѣ съ разнообразными и утопченными потребностями и при существованіи правильной и спокойной ремесленной дѣятельности.³ Поэтому, и Вѣды, и эпосъ бросаютъ такъ же мало свѣта на отдѣльные моменты развитія индйской культуры, какъ и на исторію Индусовъ вообще. Съ другой стороны, въ законахъ Ману индйская культура является уже закончившею свое развитіе.⁴ Дальнѣйшее движеніе ея было задержано содержащимися въ этихъ же самыхъ законахъ постановленіями, опредѣлившими и установившими всѣ отношенія ралигіозной, политической и гражданской жизни Индусовъ. Поэтому и относительно ближайшаго предмета настоящаго изслѣдованія, именно древне-индйской одежды, мы найдемъ въ законахъ Ману самыя достовѣрныя свѣденія объ употребленіи ея въ народѣ, хотя для описанія ея должны будемъ обратиться къ греческимъ источникамъ.

¹ Chr. Lassen. Ind. Alterthumskunde I, 482 и слѣд. 836 и слѣд. II, 493 и слѣд. 546. M. Duncker Gesch. des Alterthums, II, 30 и слѣд. — ² Chr. Lassen I, 653, 815. Duncker II, 15 и слѣд. — ³ Ср. описаніе жизни въ городѣ Аводья, взятое въ Рамайяны, въ Heeren: Ideen etc. I, (III), 319 и слѣд. — ⁴ Lassen I, 800.

Раздѣленіе народа на касты много способствовало усовершенствованію техники различныхъ ремеслъ. „Неоспоримо, что Индусы по крайней мѣрѣ своимъ совершенствомъ въ ремеслахъ были обязаны кастамъ. Ибо, зная съ раннихъ лѣтъ свое положеніе въ обществѣ, всякій естественно стремится довести унаслѣдованное имъ занятіе до возможнаго совершенства“. ¹ Въ законахъ Ману не послѣднее мѣсто занимаютъ постановленія, касающіяся торговли и ремеслъ, и въ числѣ товаровъ, которые, со времени финикійскихъ сношеній съ Офиромъ, стали вывозить изъ Индіи, важнѣйшими были—кромѣ сырыхъ продуктовъ:—дорогія матерія, оружіе и вообще издѣлія, имѣющія отношенія къ наряду. ²

Изъ индійскихъ тканей, особенно любимы были въ древности хлопчатобумажныя. ³ Изготовленіе ихъ восходитъ къ самому началу индійской культуры. О нихъ говорится уже въ древнѣйшихъ памятникахъ санскритской письменности; онѣ были извѣстны и греческимъ описателямъ Индіи, которые называютъ ихъ различными именами — *karpasos*, *sindonos* ⁴ и др. (Herod. III, 106; VII, 65, 181; Arrian. Ind. c. 16; Strab. XV, 1). Ткани эти были различныхъ сортовъ: некрашеная, натурального цвѣта хлопчатка, который употреблялся на ихъ выдѣлку (онъ былъ бѣлый, желтоватый, красноватый), и крашеная — одноцвѣтная и пестрая. Для крашенія употребляли различныя сорта красильнаго дерева, индиго, драконову кровь и кошениль ⁵ (Dioskorid. V, 107, 109; Plin. XXXIII, 57 (13); XXXV, 27 (6); Ktesias. ed. Bähr. c. 21). Въ выдѣлкѣ дорогихъ тканей индійскіе ткачи были такъ же искусны, какъ и египетскіе: они приготовляли самыя тонкія кисеи съ красивыми узорами изъ золотой и серебряной биты (Curt. VIII, 9).

Менѣе употребительны были льняныя ткани. ⁶ Ношеніе льняной одежды законъ позволялъ лишь извѣстнымъ кастамъ, чтобы этимъ отличить ихъ отъ другихъ и по внѣшности; обыкновеннѣе же, для этой цѣли онъ предписывалъ носить шкуры нѣкоторыхъ звѣрей или грубую одежду изъ древесной коры (*valkala*:—Ману II, 41). Шерстяную одежду стали носить въ Индіи, вѣроятно, не ранѣе среднихъ вѣковъ, между тѣмъ какъ шёлковая уже издавна была въ употребленіи между знатными Индусами ⁷ (Ramañ. II, 37, 14; 32, 16). Въ законахъ Ману (V, 120; XII, 67) есть даже особая постановленія, касающіяся чистенія шёлковой одежды. Весьма вѣроятно, что шёлковыя ткани привозились въ Индію изъ Китая, хотя шёлковичный червь и туземецъ въ южной Индіи. Что между индійскими Аріями и ихъ сѣверными сосѣдями существовали сношенія и мѣшковая торговля уже въ древнѣйшія времена,—это видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Рамайяны. Тамъ говорится о различныхъ предметахъ, которые были доста-

¹ P. v. Bohlen II, 33 и слѣд. — ² Ср. Heeren. Ideen etc, I (III) 308 и слѣд. P. v. Bohlen II, 115, § b. Lassen I, 538; II, 553. C. Ritter. Erdkunde. Asien. VIII (2) 348. Duncker II, 232; объ индійской торговлѣ см. Th. Kruse, Indiens alte Gesch. etc. 291 и слѣд. — ³ Ritter. Über die geogr. Verbreitung der Baumwolle etc. (Abhandl. der Akad. Berlin. 1852). Lassen I, 249. Th. Kruse, Op. cit. 330, § 2 и слѣд. — ⁴ Объ этимологіи этого слова см. Brugsch. Über die aegyptisch. Benennungen für Sindon, Byssus etc. и Lassen II, 554. — ⁵ Lassen I. 316, II, 558. Th. Kruse. 413, § 48. — ⁶ Lassen I, 251; II, 565. — ⁷ Lassen I. 315 — 317; II, 563 съ ссылкой на Ritter's Erdkunde VI, 698., и Th. Kruse. 421, § 4 и слѣд.

вляемы индѣйскимъ владѣтелямъ изъ сѣверныхъ странъ, и въ числѣ этихъ предметовъ упоминаются благородные металлы, драгоценные камни, разныя ткани, хлопчатобумажныя одежды, оружіе, уборы и различныя мѣха. ¹ Мѣха эти, употреблявшіеся, можетъ быть, для обшивки одеждъ, были, вѣроятно, соболя, горностаевые, бобровые, лисьи и др. ² (ср. Plin. Hist. nat. IV, 41 (14).

1. Несмотря на то, что Индусы умѣли выдѣлывать ткани разныхъ сортовъ и изъ разныхъ матеріаловъ, народная одежда ихъ была всегда очень проста и такую осталась до сихъ поръ. Этой простотѣ одежды способствовалъ, конечно, климатъ Индіи, вообще очень теплый, хотя и измѣнчивый и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крайне жаркій. Племена, остановившіяся на низшихъ ступеняхъ культуры, одѣваются и теперь такъ же, какъ они одѣвались и во время похода Александра Македонскаго, т. е. въ звѣриныя шкуры, шерстяныя одѣяла, циновки и пр. ³ Даже и въ культурномъ населеніи, одежда простыхъ классовъ нисколько не разнится своимъ покроемъ отъ одежды образованныхъ жителей царства Магады, какъ она описана въ индѣйскомъ эпосѣ, у Мегасоена и другихъ греческихъ писателей.

Общимъ своимъ характеромъ одежда Индусовъ приближается къ древне-египетской и, подобно ей, одинакова для обоихъ половъ въ главныхъ своихъ частяхъ. ⁴ Какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, она состоитъ или просто изъ куска ткани, обернутаго вокругъ поясицы на подобіе передника, или изъ рубашки и плаща, или накидки. Рубашка доходитъ иногда до самой ступни, иногда спускается только цемною ниже колѣна. Накидка—кусокъ матеріи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ снимается съ ткацкаго станка—набрасывается или на оба плеча, или одинъ ея уголь накидывается на лѣвое плечо, а другой пропускается подъ правую мышку и вытягивается напередъ, гдѣ оба уже связываются вмѣстѣ. Рубашку, а иногда и накидку, подпоясываютъ поясомъ. На головѣ носятъ шапки, или повязки въ родѣ тюрбановъ; на ногахъ — кожаныя башмаки или сандаліи.

Совершенно такъ же одѣвались и древніе Индусы, какъ это видно по нѣкоторымъ древнимъ скульптурамъ весьма различныхъ эпохъ (фиг. 199, 200 и слѣд.), и изъ описаній Непарха и другихъ Грековъ, участвовавшихъ въ походѣ Александра въ Индію. Расказавъ о положеніи Индіи, о свойствахъ ея почвы, о растущихъ въ ней деревьяхъ, на которыхъ родится шерсть, о другихъ деревьяхъ, съ которыхъ собираютъ byssus (serica—шелкъ) и о раз-

¹ Lassen I, 547 и 554: прим. I; II, 549 и слѣд.—² Th. Kruse Op. Cit. 428, § 5. Ср. Gatterer. Abhandl. vom Pelzhandel. Mannheim 1794. S. 61 — 67.—

³ Herod. III, 98 — 106; VII, 65, 70. Arrian. Exp. Alex. IV, 22; Ind. c. 5. Curt. VIII, 9 и слѣд. Также Lassen II, 210, 658, и Duncker II, 242 и слѣд.—

⁴ P. v. Böhlen Op. cit. II, 168, и рисунки древнеиндѣйской одежды въ Cunningham. The Bhilsa Topes etc. Pl. XI — XIV. Многочисленныя изображенія новопандійскихъ нарядовъ видѣть съ перечнемъ сочиненій по этому предмету у Ferrario. Le Costume ancien et moderne etc. Asie. Vol II, Milan. 1827.—Изъ новѣйшихъ сочиненій объ Индіи см. между прочими: Doxley The costume and customs of modern India from a Collection of Drawings. London. Grindlay, Scenery, costumes etc. Ichiefly on the western side of India. Lond. 1826—30. J. Jacquemont. Voyage dans l'Inde (av. 300 pl.) 1844.

ныхъ другихъ рѣдкихъ продуктахъ, эти очевидцы переходятъ къ описанію ея жителей. По ихъ словамъ, древніе Индусы отличались высокимъ ростомъ и

Фиг. 199.

красивымъ тѣлосложеніемъ. Горныя племена одѣвались въ оленьи шкуры, а городскіе жители носили длинныя одежды изъ хлопчатобумажныхъ (*sin-dones*) и льняныхъ тканей, обыкновенно бѣлаго цвѣта, рѣже пестрыя; голову обвязывали повязкою (ср. фиг. 202, а, б),¹ обувались въ башмаки изъ бѣлой кожи на цвѣтныхъ, высокихъ каблукахъ, любили золотыя украшенія, драгоценныя камни и не иначе выходили изъ дому, какъ въ сопровожденіи слуги-теля, державшаго надъ ними распушенный зонтикъ (*Strabo. XV, 1 seqq*). Подробнѣе описываетъ одежду древнихъ Индусовъ Арріанъ (*Ind. c. 16, ср. Exр. Alex. V, 5*): она состояла изъ нижней одежды въ родѣ рубашки (или юбки) и широкой накидки, которую набрасывали на плеча, а иногда закрывали ею и голову (ср. фиг. 200). Изъ описаній Рамайяны (I, 6; II, 67, 60)² видно, что владѣтели Айодьи (древнѣйшаго средоточія древнеиндійской культуры) и знатные граждане одѣвались въ шелковыя одежды, окрашенные кермесомъ въ красный цвѣтъ; жены ихъ носили тоже шелковыя, но разноцвѣтныя одежды, тонкія шерстяныя кошыки, дорогіе мѣха и много драгоценныхъ украшеній. Въ Рамайянѣ говорится также и объ обуви изъ бѣлой

Фиг. 200.

¹ Ср. рисунки съ древнихъ статуй: *Cunningham. The Bhilsa Topes, etc. Pl. XII.* — ² *Heeren, Ideen etc. I (III), 319. P. v. Bohlen, Das alte Indien, II, 169. Th. Kruse, Indiens alte Gesch. 77. Dunccker II, 264 seqq.*

кожи у знатныхъ, и о лыковыхъ или камышевыхъ башмакахъ бѣдняковъ и простаго народа вообще.

Украшенія.

Древніе писатели единогласно утверждаютъ, что едва ли какой нибудь народъ заботился въ такой степени о самоукрашеніи, какъ Индусы (Strabo XV, 1. Arrian. Ind. с. 7. Curtius VIII, 9). Кромѣ частаго омовенія, растиранія и умащенія тѣла благовонными маслами, Индусы, подобно древнимъ Египтянамъ, прибѣгали къ притираньямъ и другимъ косметическимъ средствамъ: они сурьмили себѣ брови, красили яркочерною краскою изъ кермеса или сандалнаго дерева пальцы на ногахъ, ногти, подошвы, ладони и грудные соски (Râmâj. II, 47, 18).

1. Мужчины носили длинные волосы (какъ это и до сихъ поръ еще въ обычаѣ у Индусовъ) и длинныя бороды, которыя для большей красоты (что уже теперь вывелось) окрашивали въ различные цвѣта — бѣлый, зеленый, синий, пурпуровый ¹ (Strab. XV. Arrian. Ind. с. 16); головные волосы заплетали и накрывали головнымъ уборомъ, похожимъ на древнеперсидскую митру (Arrian. Ind. с. 7. Ср. фиг. 199. а). ² Еще прилежнѣе заботились о своихъ волосахъ индусскія женщины. Онѣ заплетали ихъ въ косы, которыя у замужнихъ спускались вдоль спины (фиг. 201 а. б), а у дѣвушекъ съ висковъ зачесывались напередъ и связывались на лбу узломъ. Баядерки носили локоны, падавшіе имъ на плечамъ. Въ волосы вплетали — ленты, жемчужныя нитки, цвѣты и пр. Во время траура, все эти украшения

Фиг. 201.

снимали, волосы расплетали и собирали въ одинъ пучекъ или въ одну косу, висѣвшую вдоль спины.

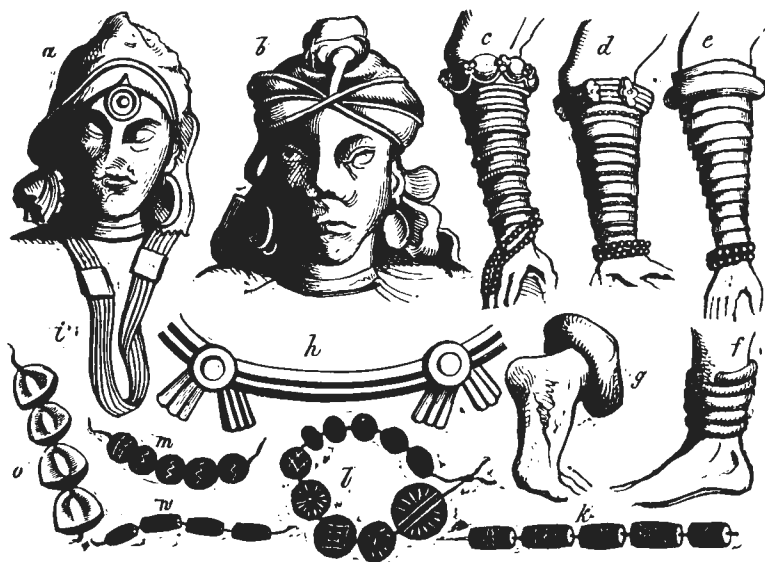
¹ Ср. Bohnen II, 172.—² Это подтверждается и нѣкоторыми изображеніями на пагодѣ въ Санги. См. Cunningham. The Bhilsa Topes Pl. XII.

2. Какъ показываютъ древнеиндійскія скульптуры, украшенія и уборы древнихъ Индусовъ обоихъ половъ были тѣ же, ¹ какіе носятъ и нынѣшніе Индусы (фиг. 202; ср. фиг. 200 — 201), а именно: дорогіе пояса, серьги, кольца, браслеты для рукъ и ногъ, ожерелья (Râmaj. I, 6, 8), а у танцовщицъ и баядерокъ — совершенно согласно съ древнеегипетскимъ обычаемъ (фиг. 30 А)—позизи изъ разноцвѣтныхъ бусъ на бедрахъ (фиг. 201 а).

Изъ матеріаловъ, которые еще и до сихъ поръ употребляются для выдѣлки означенныхъ вещей, первое мѣсто по древности употребленія принадлежитъ безспорно слоновой кости ², за нею слѣдуетъ черепаха. ³ Золотыя украшенія были въ древности сравнительно рѣдки, потому что золото привозилось издалека — частью изъ сѣверозападныхъ земель, частью изъ задней Индіи. ⁴ Обыкновеннымъ матеріаломъ для выдѣлки украшеній были разноцвѣтные кораллы, жемчугъ и драгоценныя камни ⁵, употребленіе которыхъ, по мѣрѣ развитія сухопутныхъ и морскихъ сношеній, распространялось всё болѣе и болѣе: ⁶ изъ нихъ индійскіе ювелиры (о которыхъ говорится уже и въ законахъ Ману: IX, 292) выдѣлывали цѣпочки, нитки, или оправляли ихъ въ золото и слоновую кость.

Большія серьги, осыпанныя драгоценными камнями (фиг. 202, а, b), и браслеты, наизанные на руку отъ кисти до локтя (фиг. 202, с—е), были

Фиг. 202.

любимымъ украшеніемъ древнеиндійскихъ богачей (Arrian. Ind. с. 16.

¹ Cp. «Remarks on the Identity of the Personal Ornaments sculpt. on some figures in the Buddhas Cave—Temples at Carli, with those worn by the Brinjaris» въ Transact. of the Royal Asiat. Society Vol. III. Lond. 1835. p. 461. — ² Chr. Lassen I, 310 seqq. — ³ P. v. Böhlen II, 170. Th. Kruse, 412, § 47. — ⁴ P. v. Böhlen II, 118. Chr. Lassen I, 237. Th. Kruse, 417, § 2. — ⁵ Th. Kruse, 344, § 5; 430 § 6. — ⁶ Duncker II, 240. seqq.

Curt. VIII, 9). Люди бѣдные тоже носили серьги и браслеты, сдѣланные изъ дерева или свинца,¹ и ожерелья изъ разноцвѣтныхъ бусъ или круглыхъ цвѣтныхъ камешковъ (фиг. 202. ср. h, i и k — o). Ножныя обручи дѣлались изъ тѣхъ же матеріаловъ, какъ и ручныя браслеты, и были различной формы² (фиг. 202. f, g). Молодыя дѣвушки (такъ же какъ и у Евреевъ) носили обручи, обвѣшанные колокольчиками или бубенчиками (Râmâj. I, 9, 17). Вообще страсть къ дорогимъ украшеніямъ и нарядамъ была сильно развита въ древней Индіи: въ Рамайянѣ говорится объ Айодіи, что въ ней не было „ни одного человѣка, который бы не носилъ серегъ, вѣнка, ожерелья и дорогихъ одеждъ, напитанныхъ благовоніемъ“.

Этой врожденной Индусамъ склонности къ нарядамъ были однакожь поставлены извѣстныя границы раздѣленіемъ народа на касты. Строго разграничивая касты, законъ присвоилъ каждой изъ нихъ особую одежду и такимъ образомъ установилъ символическое значеніе одежды, какъ внѣшняго признака принадлежности къ той или другой кастѣ.

По Мегасѣену, весь народъ Индусовъ былъ раздѣленъ на семь сословій (Strabo XV, 1. Diod. II, 40 — 42. Arrian. Ind. c. 11—12), что несогласно съ постановленіями о кастахъ, содержащимися въ законахъ Ману,³ которые, по всей вѣроятности, были неизвѣстны Мегасѣену. Въ нихъ названы только четыре касты, упомянутыя нами выше: браминовъ (жрецовъ), кшатріевъ (воиновъ), вайшіевъ (ремесленниковъ, земледѣльцевъ, купцовъ и т. д.) и судровъ (служителей).

Къ послѣдней кастѣ (судра) принадлежало всё покоренное Аріицами туземное (не-арійское) населеніе. — Какъ было уже выше замѣчено, арійскіе переселенцы смотрѣли на судровъ, какъ на людей низшей породы, предназначенныхъ быть только слугами. Чтобы отличить себя отъ нихъ, какъ породу, какимъ-нибудь внѣшнимъ знакомъ, Аріицы (слѣдуя, можетъ быть, издавна существовавшему у всѣхъ арійскихъ племенъ обычаю) носили на тѣлѣ священный сиурокъ (что было и у Персовъ). Въ послѣдствіи, когда образовались касты, священный сиурокъ возлагался на мальчиковъ при торжественномъ зачисленіи ихъ въ касты, къ которымъ они принадлежали по рожденію. Въ кастѣ браминовъ обрядъ этотъ совершался надъ осемилѣтними, въ кастѣ кшатріевъ — надъ 11-ти лѣтними, въ кастѣ вайшіевъ надъ 12-ти лѣтними мальчиками (Ману II, 37. 42 — 44 169). Священный сиурокъ опоясывался черезъ лѣвое плечо по спинѣ и груди, и свивался изъ трехъ нитей: хлопчатобумажныхъ у браминовъ, конопляныхъ у кшатріевъ и шерстяныхъ у вайшіевъ.⁴

А. Въ законахъ нѣтъ никакихъ особыхъ постановленій относительно одежды судровъ. По подчиненное общественное положеніе лишало ихъ и безъ того возможности позволять себѣ лишнія траты, хотя имъ и не было положительно запрещено заниматься ремеслами. Судры — ремесленники, жившіе въ городахъ, стояли въ общественномъ мнѣніи далеко выше своихъ собратій, обитателей горъ и лѣсовъ. Къ лѣсному и горному населенію при-

¹ D un c k e r II, 265 seqq. — ² Ср. A. C u n n i n g h a m. The Bhilsa Topes. Pl, XII, XIII. — ³ Ср. P. v. B o h l e n II. 11. Chr. L a s s e n I. 794 seqq. D u n c k e r. II, 276 seqq. Th. K r u s e. 99 seqq. — ⁴ См. выше сѣг. 200. — H e e r e n I d e e n, etc. I (III, 21) seqq.

надлежали также черные судры (названные такъ по цвѣту ихъ кожи) и, считавшіяся печистыми, племена Чадаловъ, Нишадовъ и др. ¹

1. Изъ осѣдлыхъ или городскихъ судровъ, жили лучше всѣхъ тѣ, которые добровольно поступали въ слуги къ браминамъ. Они получали за свою службу съѣстные припасы, поношеное платье и т. п.

2. Когда Арійцы пришли въ Индію, часть черныхъ судровъ жила по берегамъ Инда. Побѣжденные пришельцами, судры заплатили имъ дань, состоящую изъ множества „одѣтыхъ въ хлопчатобумажныя ткани, длинно-волосыхъ невольницъ небольшого роста и чернокожихъ“ (Магабгар. II. 50. 1828 и слѣд.).

3. Нишады, Чадалы и другія племена были совершенно отстранены отъ всякихъ сношеній съ чистыми кастами и черезъ это какъ-бы осуждены на совершенное одичаніе. Рамайяна (I, 45, 10 и слѣд.) описываетъ ихъ такими чертами: „кожа ихъ мѣднаго цвѣта или бурая, какъ у обезьянъ, ихъ глаза красны и блестящи; сверхъ голубой нижней одежды они носятъ грязное верхнее одѣяніе или плотноокутывающую медвѣжью шкуру; ихъ украшенія изъ желѣза“.

4. Къ служебнымъ классамъ населенія, которыхъ законъ насчитываетъ семь (Manu. VIII, 413, 414. IX, 335), причислялись также и военноплѣнные. Они составляли разрядъ собственно рабовъ. Въ знакъ подчиненности, они должны были брить себѣ голову, оставляя на ней только пять косичекъ ².

В. Если происхожденіе и подчиненное положеніе судровъ рѣзко отличали ихъ и по виѣшности отъ высшихъ, господствующихъ кастъ, то о различеніи этихъ послѣднихъ между собою озаботился законъ, установивъ для каждой касты особую одежду и опредѣливъ до мельчайшихъ подробностей ея покрой, цвѣтъ, качество матеріи, отдѣлку и пр. ³ Это различіе начинается уже, какъ мы видѣли выше, съ священнаго снурка, который хотя и былъ отличіемъ, общимъ. всѣмъ тремъ кастамъ, но для каждой изъ нихъ различался по качеству матеріала. Далѣе слѣдуетъ различіе по одѣждѣ. Ваишіи, несмотря на то, что законъ предоставлялъ имъ право пріобрѣтенія въ полной мѣрѣ, ⁴ не могли, однакожъ, носить иной одежды, кромѣ шерстяной рубашки и козлиной шкуры (какъ плащъ); ихъ поясъ долженъ былъ быть пеньковый, а ихъ трость изъ фиговаго дерева, неочищеннаго отъ коры, и доходить только до кончика носа. Кшатріямъ предписывалось носить льняную рубашку, накрываться оленью шкурою, и подпоясываться тетивою отъ лука; ихъ трость изъ неочищеннаго отъ коры банановаго дерева, должна была доставать до лба. Наконецъ, брамины должны были носить рубашку изъ тонкой пеньковой ткани и шкуру газели, поясъ изъ сахарнаго тростника и бамбуковую трость, достающую до начала волосъ на головѣ.

Въ какой мѣрѣ прилагались на практикѣ эти предписанія, неизвѣстно; но уже по извѣстіямъ объ одѣждѣ Индусовъ вообще, можно заключить, что богачи и знатные не слишкомъ строго подчинялись уставу объ одѣждѣ.

¹ Chr. Lassen. Ind. Alterth. I, 799.—² Duncker, Gesch. d. Alterth. II, 145 по F. von R. Raub der Draupadi IX, 9—11.—³ Duncker, II, 142.—⁴ Manu, I, 90; VIII, 140; IX, 326—333.

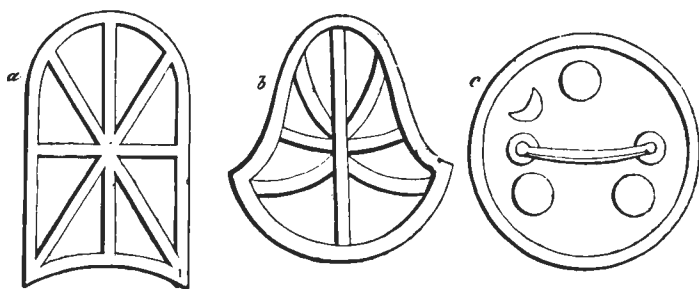
Менте всѣхъ стѣснялась имъ, какъ кажется, каста кшатріевъ. Образовавшись изъ древней военной аристократіи, она составляла еще во время Мегасоена ¹ самое многочисленное сословіе, послѣ вайшievъ. Кромѣ того, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, она пользовалась полною свободою предаваться всякимъ удовольствіямъ, заниматься торговлею или ремеслами. ² Находявшіеся на дѣйствительной службѣ кшатріи получали отъ царя жалованье. Имъ слѣдовала по закону вся военная добыча, кромѣ золота и серебра, которыя составляли долю царя, принадлежавшаго къ той же кастѣ (Manu. VII, 90—97). На обязанности царя лежало также снабженіе войскъ всѣми нужными для войны припасами и снарядами, которые поэтому заготавливались заранѣе и сохранялись въ особыхъ складахъ (Arrian Ind. c. 12).

О р у ж і е. ³

Оно изготовлялось оружейниками и, судя по многочисленности индійскаго войска, вѣроятно въ огромномъ количествѣ. Его выдѣлывали изъ мѣди и желѣза, но преимущественно изъ желѣза, такъ какъ оно добывалось въ самой странѣ и притомъ въ большомъ количествѣ и отличной доброты, тогда какъ мѣдь привозили издалека, съ Гималаи. ⁴ Благодаря этому обстоятельству, Индусы рано научились искусству выдѣлывать сталь ⁵ такого отличнаго качества, что индійскіе мечи уже въ глубокой древности вывозились въ западныя земли. — Отдѣлкою оружія и вооруженія украшеніями изъ золота, серебра, дорогихъ камней, занимались золотыхъ дѣлъ мастера (Магабгар. I, ст. 1834 и слѣд. 1852).

1. На топѣ въ Санки, одномъ изъ древнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ въ Индіи, сохранились изображенія древняго оружія Индусовъ, и въ томъ числѣ изображенія древнихъ щитовъ (фиг. 203, 204). Щиты были или деревянные, обтянутые кожею, или изъ одной только толстой

Фиг. 203.

кожи съ металлическою обшивкою (Arrian. Ind. c. 16. фиг. 203). Въ Магабгаратѣ, въ описаніяхъ битвы между Пандавасъ и Куру, воины являют-

¹ Strab. XV, 1. Diod. II. 41. Arrian. Ind. c. 12.—² Ср. P. v. Böhlen II, 22.—³ Ibid. 62.—⁴ Chr. Lassen I, 238 ff. — Съ открытія желѣзнаго оружія на Малабарскомъ берегу см. Transactions of the Literary Society of Bombay. Vol. III (pl. 16).

ся вооруженными „большими раскрашенными щитами изъ звѣриныхъ кожъ“; такими же щитами вооружена въ Рамайяшѣ почетная стража. ¹—Кажется, что каждый разрядъ войска имѣлъ свою особую форму щитовъ. По крайней мѣрѣ на упомянутыхъ выше изображеніяхъ, щиты пѣшихъ ратниковъ (фиг. 203, а) отличны по формѣ отъ щитовъ конниковъ и колесничиковъ (фиг. 203, б) Круглые щиты, по извѣстіямъ греческихъ писателей, употреблялись только одними конниками, тогда какъ пѣшіе защищались узкими щитами въ ростъ человѣка (Argian. Ind. с. 16).

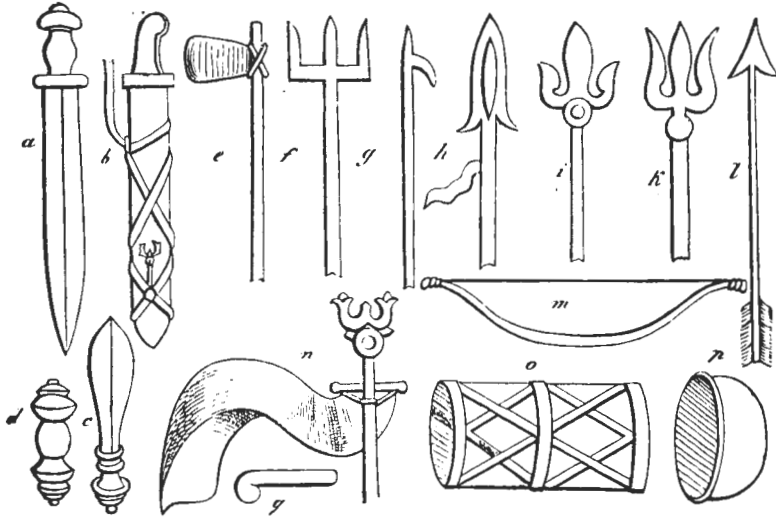
О другихъ видахъ оборонительнаго древнеиндійскаго оружія не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣденій. Въ эпохѣ, арійскіе вожди представлены одѣтыми въ панцири, которые были однакожь слишкомъ тонки, чтобы защищать отъ стрѣлъ, и въ „волнующіяся, золотистыя“ или „бѣлыя“ одежды. ² — Индусскіе ратники, служившіе въ войскѣ Керкеа (къ которымъ, вѣроятно, принадлежали и „восточные зоіопы“ Геродота: VII, 65, 70), и ратники изъ племени свободныхъ Индусовъ („Aratta“) сражались безъ латъ, въ легкой одеждѣ, которая состояла изъ широкой и длинной рубашки съ красной оторочкой, изъ надѣтой поверхъ нея вдвое сложенной овчины, и изъ головной повязки въ родѣ тюрбана. Вожди отличались отъ простыхъ воиновъ темнымъ цвѣтомъ своихъ рубашекъ и серебряными украшеніями. ³ Если жаркій климатъ Индіи и заставлялъ предпочитать даже и въ бою такую легкую одежду тяжелому металлическому вооруженію, тѣмъ не менше можно предполагать, что и это послѣднее, и притомъ очень красиво отдѣланное, было издавна въ употребленіи у Индусовъ (Argian. Anab. V, 18, 19); можно даже допустить, что вооруженіе знатныхъ воиновъ было похоже на употребляемое нынѣ нѣкоторыми племенами Индіи ⁴.

2. Главнѣйшимъ нападательнымъ оружіемъ древнихъ Индусовъ былъ лукъ (dhanus; отсюда: dhaurvêda, собственно — ученіе объ искусствѣ владѣть лукомъ, и въ переносномъ смыслѣ—военная наука.) ⁵ Въ индійской мифологій богъ Индра пускаетъ свои стрѣлы изъ „огромнаго лука, который, по окончаніи битвы, онъ показываетъ людямъ въ видѣ радуги“. ⁶ Въ эпохѣ всея герои называются „лучниками, луконосцами“ или „умѣющими владѣть лукомъ“. ⁷ По описанію Грековъ, луки Индусовъ были вышиною въ ростъ человѣка; натягивали ихъ, удерживъ одинъ копецъ въ землю противъ носка лѣвой ноги и ухвативъ лѣвою рукою средину лука, а правою медленно притягивая къ себѣ тетиву съ наложенною на нее стрѣлою (Argian. Ind, 16. — Фиг. 204, m). Стрѣлы, изъ легкаго дерева или тростника, съ желѣзнымъ жаломъ и оперенныя съ тупого конца, имѣли около 4½ фут. длины и били такъ сильно, что пробивали насквозь самую крѣпкую броню (Argian. Ind. с. 16. Herod. VII, 65). Отравленіе

¹ Duncker, II, 41.—² Ibid. p. 33, 39, 130 not. 3.—³ Ibid. 251. — ⁴ Оно состоитъ изъ панциря или катана изъ толстой матеріи съ металлическими бляхами на груди, спинѣ и рукавахъ, изъ поножей съ наколѣвниками и остроконечнаго шашака съ затыльникомъ. См. Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes et orientales, etc. Pl. 13; 54; 91; 131.— P. v. Bohlen. Das alte Indien II, 62. Lassen, I, 812.— P. v. Bohlen. I, 237.— M. Duncker. II, 29.

стрѣль ядомъ, равно какъ и бросаніе зажигательныхъ стрѣль, было запрещено закономъ (Manu. VII, 90), что однакожь не помѣшало Синдомаццамъ стрѣлять въ Грековъ отравленными стрѣлами (Diod. XVII, 103).

Фиг. 204.

Другое оружіе, такъ же древнее какъ и лукъ, было копье. Въ древнѣйшихъ военныхъ пѣсняхъ богъ Индра называется „копьеносцемъ“. Копье является главнымъ оружіемъ героевъ эпоса; въ позднѣйшее время большая часть индійскихъ воиновъ была вооружена луками и копьями ¹ (Herod. VII, 5, 70. Strabo. XV, 1. Arrian. Ind. с. 16).—Въ числѣ оружія, упоминаемаго въ эпосѣ подъ названіями, которыя теперь уже трудно объяснить, заключаются безъ сомнѣнія и различныхъ формъ копьа, изображенія которыхъ встрѣчаются на древнихъ барельефахъ: копьа съ простымъ остроконечнымъ жаломъ (фиг. 204, h), копьа съ крючковатымъ концомъ, употребляемая погонщиками слоновъ (фиг. 204, g), и трезубцы (фиг. 204, f, i, k), служившіе, вѣроятно, также и боевымъ оружіемъ, такъ какъ въ эпосѣ говорится о народахъ Гандара и Синду-Саувира, сражающихся зубчатыми копьями ². Въ индійской мифологіи трезубецъ есть символъ бога Сивы ³.

Мечи и кинжалы были различной длины и ширины (фиг. 204, a—c). По свидѣтельству Арріана (Ind. с. 16), всѣ индійскіе воины были вооружены очень широкими и длинными двуручными мечами. Въ эпосѣ, кромѣ мечей, упоминаются тяжелыя (обитыя желѣзомъ) палицы, украшенныя золотомъ булавы, боевыя сѣкиры и т. п. (Rāmāj. I, 26, 5). Сѣкиры имѣли форму обыкновеннаго топора (фиг. 204, e), или походили на древнеегипетскія сѣкиры (фиг. 44, d). ⁴ Палицы и булавы, вѣроятно, мало отличались отъ древнеассирійскихъ (фиг. 127, a—o).

¹ Dunsker II, 251, гдѣ говорится то же самое и о вооруженіи „свободныхъ“ Индусовъ.—² Lassen. I, 862. not. 1.—³ P. v. Bohlen, I, 201, 207.—⁴ Cp. Cunningham. The Bhilsa Topes. etc. Pl. 33. Fig. 19.

Метательными снарядами служили металлическіе кружки (или кольца?) съ острыми ребрами, ¹ и аркашы, на которые ловили убѣгающихъ непріятелей (Rāmāj. I. 29, 5).

3. Изъ извѣстій о количествѣ всѣхъ военныхъ силъ древней Инліи наиболѣе довѣрія заслуживаютъ свѣденія, оставленныя спутниками Александра Македонскаго. Всѣ они согласны въ томъ, что каждое изъ индійскихъ государствъ могло выставять значительную армію (хотя и далеко не такъ многочисленную, какъ арміи, о которыхъ говорится въ индійскомъ эпосѣ ²). Такъ напр. войско царя Пора, царство котораго лежало между Витастой и Чандрабгагой, состояло изъ 50,000 пѣшихъ воиновъ, 200 боевыхъ слоновъ и множества конниковъ и колесничиковъ (Arrian. Anab. V. 15. Diod. XVII. 87.); цари Каллиновъ считали въ своемъ войскѣ 60,000 пѣхотинцевъ и 700 боевыхъ слоновъ, а могущественные властители Магады повѣлывали войскомъ, состоявшимъ изъ 200,000 пѣшихъ, 20,000 всадниковъ, 2000 колесницъ и 3000 слоновъ. Даже небольшія племена Каттievъ и Агалассаровъ могли выставить—первое, отъ 60 до 70,000, а послѣднее, около 40,000 ратниковъ (Arrian. Anab. V. 24. Diod. XVII, 93, 96. Curtius IX. 2. Plut. Alex. c. 62. Strab. XV. 4. Plin VI. 22. 23).

Съ такою же мелочною подробностью, какъ и остальные стороны жизни Индусовъ, регламентируетъ законъ и ихъ военный бытъ, постановляя точныя правила относительно дѣленія войска по роду оружія, его расположеііе на полѣ сраженія и виѣ онаго и пр. ³ Индійское войско раздѣлялось на шесть отдѣловъ: вооруженные слоны, колесницы, конница, пѣхота, начальствующие и обозъ. Расположеніе этихъ частей въ битвѣ соответствовало старинной разстановкѣ фигуръ на шахматной доскѣ: ⁴ царь съ свитою посредицѣ, обозъ или конница по бокамъ, слоны по концамъ и пѣхота зпереди.

1. Вооруженіе различныхъ частей войска соответствовало ихъ назначенію (Strabo. XV, 1. Arrian. Ind. c. 16). Длинный мечъ имѣли при себѣ всѣ воины безъ исключенія; но сверхъ того, одни были вооружены лукомъ и копьемъ, другіе только однимъ копьемъ, третьи — именно конные, только двумя копьями. Всадники носили легкіе круглые щиты, ѣздили безъ сѣдла и взнуздывали своихъ лошадей простыми удилами, къ которымъ прикрѣпленъ былъ кожаный намордникъ, усаженный снаруи шипами, коловшими лошадь въ морду, когда всадникъ натягивалъ поводъ. На каждую колесни-

¹ Сяки и до сихъ поръ употребляютъ желѣзные метательныя кольца отъ 8 — 14 дюймовъ въ поперечникѣ и съ остро отточеннымъ наружнымъ краемъ. Надѣвъ кольцо на палецъ или на палку, они быстро вертятъ его и потомъ бросаютъ съ такою силою, что если кольцо попадаетъ въ шею противника, то совсѣмъ отсѣкаетъ ему голову. G. Klemm. Allgem. Kulturgesch. VII. 337.—² По туземнымъ сказаніямъ, войско было раздѣлено на паттисъ, сена-мугга, гулма, гана, вагина, притана, шаму и аниавина. Каждое паттисъ состояло изъ 5 пѣшихъ и 3 конныхъ ратниковъ, 1 слона и 1 колесницы; каждая сена-мугга заключала въ себѣ три паттисъ, каждый гулма три сена-мугга и т. д. такъ что въ 1 аниавина числилось 10, 935 пѣхотинцевъ, 6561 конныхъ, 2187 слоновъ и 2187 колесницъ, вся же армія, въ полномъ своемъ составѣ, заключала въ себѣ 10 аниавина.—Войско царя Бгараты, по Рамаянію, состояло изъ 100,000 пѣхоты, 100,000 всадниковъ, 60,000 колесницъ и 9000 слоновъ. См. P. v. Böhlen. Das alte Indien II, 66. Th. Kruse. Indiens alte Gesch. 140 seqq.—³ Dunccker. II, 122 и слѣд.—⁴ P. v. Böhlen. II, 68 и слѣд.

цу полагалось по одному воину (позднѣ постоянно по два воина), кромѣ возницы; на cadaго слова—по три ратника, вооруженныхъ метательными снарядами.

2. Одежда и вооруженіе знатныхъ воиновъ были, безъ сомнѣнія, роскошны, особенно одежда и вооруженіе предводителя войска, который отправлялся на поле сраженія или на богатоубранной боевой колесницѣ — какъ было въ обычаѣ во время похода Александра Македонскаго—или, какъ въ древнее время, на слонѣ въ дорогой сбруѣ (Ramaĵ. II, 66, 41). Вооруженіе его было испытанной прочности и роскошно отдѣлано (Arrian. Anab. V, 17—19).

3. Для управленія движеніями какъ отдѣльныхъ отрядовъ, такъ и всего войска, на походѣ и во время сраженія, служили различные сигналы. ¹ Знакъ къ нападенію подавали трубы въ трубы, или играли на рогахъ и флейтахъ; ² кромѣ того употреблялись, для одушевленія сражающихся, большіе барабаны, тазы и литавры (фиг. 204, o—q). Передъ войскомъ несли государственное знамя съ изображеніемъ дракона; знамена и значки отдѣльныхъ частей и отрядовъ (фиг. 204, m) были прикрѣплены—какъ у древнихъ Ассирійцевъ—къ колесницамъ начальниковъ этихъ отрядовъ (Strab. XV. Arrian. Ind. c. 8. Curt. VIII, 14).

Царское достоинство, принадлежавшее по праву прямымъ потомкамъ Аріицевъ-завоевателей — кшатріямъ, ³ было не только не ограничено постановленіями закона, но, напротивъ того, возвеличено ими. ⁴ Требуя отъ царя, чтобы онъ выбиралъ себѣ совѣтниковъ преимущественно изъ браминовъ, законъ подчинялъ ихъ касту, наравнѣ съ остальными, царской власти, представителя которой онъ возводилъ въ носителя или даже въ олицетвореніе божественной силы (Manu. V. 96; VII, 8).

Такое почти обожженіе особы царя должно было повліять и на всю окружающую его обстановку. Такъ какъ царь, „подобно Индрѣ — блестящей тверди, превосходить блескомъ всѣхъ смертныхъ“ и „подобно Суріи, солнечному богу, озаряетъ глаза и сердца всѣхъ своими лучами, такъ что никто не въ силахъ смотрѣть на него“, то и всё его окружающее должно было поражать своимъ блескомъ и своею пышностью. ⁵

1. Вседневная жизнь царя ⁶ была до послѣднихъ мелочей установлена закономъ, вѣроятно опиравшимся на старинные обычаи (Manu. VII и слѣд.). Обрядъ возведенія на престолъ, коренившійся также въ исконномъ обычаѣ, описанъ въ эпосѣ (Rāmājana II, 1, 3, 14—17) ⁷: посреди богато одѣтой толпы придворныхъ возвышался золотой тронъ будущаго властителя. Взойдя на тронъ, при громкихъ кликахъ окружающихъ, царь принималъ знаки царскаго достоинства — одежду изъ золотистой шелковой ткани, золотой

¹ P. v. Böhlen II, 70 и слѣд.—² A. Conniaghams, The Bhilsa Topes, pl. 13.—³ Lassen I, 806. Duncker II, 16 и слѣд.—⁴ Тамъ же, 97 и слѣд.—⁵ P. v. Böhlen II, 43.—⁶ P. v. Böhlen II, 49. Chr. Lassen I, 810. Duncker II, 127. Th. Kruse 134 и слѣд.—⁷ Duncker II, 129; 256.

скипетръ, дорогой тюрбанъ съ діадемой, украшенный драгоценными камнями кинжалъ, цвѣтные башмаки, желтый зонтикъ и опахало изъ буйволовыхъ хвостовъ. ¹ Зонтикъ и опахало, постоянно носили за царемъ, вмѣстѣ съ его лукомъ и мечомъ, особые придворные чиновники.

2. Извѣстія спутниковъ Александра, особенно же извѣстія, сообщаемыя Мегасѣеномъ о роскошной жизни царей Магады въ его время, почти во всемъ согласны съ описаніемъ ея въ индійскомъ эпосѣ. Въ немъ говорится о неизчислимыхъ богатствахъ царей и о горахъ золота и серебра, хранящихся въ ихъ сокровищницахъ; описываются ихъ одежда и обувь, усыпанные золотомъ и драгоценными камнями, ихъ скипетръ изъ чистаго золота, дорогія жемчужныя ожерелья и браслеты.

Всякое появленіе царя внѣ ограды его дворца походило на торжественное шествіе. Впереди шли служители съ серебряными курильницами; затѣмъ слѣдовалъ золотой, украшенный жемчугомъ и обложенный тигровыми шкурами паланкинъ, въ которомъ сидѣлъ царь, одѣтый въ вышитую золотомъ одежду; по сторонамъ паланкина ѣхали красивые колесницы, а позади его шли царскіе тѣлохранители въ блестящемъ вооруженіи. Такою же торжественностью сопровождалась и царскія охоты, которыя давались въ особыхъ, отведенныхъ для этой цѣли паркахъ. На охоту царь выѣзжалъ верхомъ; если же охота назначалась не въ окрестностяхъ столицы, то онъ садился на слона, убраннаго дорогими коврами и блестящею сбруею. За нимъ слѣдовали, въ длинной процессіи, вельможи, приглашенные принять участіе въ охотѣ, толпа разнаго рода служителей и наконецъ, царскія жены въ носилкахъ. Выгнаннаго на него звѣря, царь убивалъ изъ лука стрѣлами въ 2 локтя длины; при этомъ жены его пѣли (Strab. XV, 1. Curt. VIII, 9; IX, 1).

3. Въ полномъ блескѣ окружавшаго его великолѣвія появлялся царь передъ своимъ народомъ въ дни, посвященные религіознымъ торжествамъ. Тутъ также его сопровождали толпы музыкантовъ и служителей, длинные ряды богатоубранныхъ колесницъ и слоновъ, и кромѣ того, для приданія шествію большей пышности, выводились прирученные львы, тигры, пантеры (Strabo XV, 1. Arrian Ind. c. 5 Curt. VIII, 9). — Важнѣйшею религіозною церемоніею была церемонія принесенія въ жертву освященнаго коня. Обрядъ, сопровождавшій это жертвоприношеніе (получившее названіе „царя жертвоприношеній“), усложнялся постепенно, разросся наконецъ до того, что сталъ практически неисполнимъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. ² Распоряженіе священными церемоніями составляло одну изъ существенныхъ обязанностей царя и требовало его личнаго участія.

Судейская должность была исключительно принадлежностью жреческаго сословія. Качество судьи (gâg' или gâg'an), ³ которое уже въ ранней

¹ Ср. Cunningham. The Bhilsa Topes. Pl. 33. fig 7 и слѣд. — Нессен, Ideen etc. I (III), 36. причисляетъ въ знамя царскаго достоинства золотые башмаки и бѣлыя зонтики. Dunscker II, 130. —² См. подробное описаніе его въ Dunscker, II, 223; ср. также P. v. Bohlen I, 272. Lassen. I, 542 not 3. и рубрику „храмовая утварь“ настоящей главы. —³ Lassen. I, 808.

древности присвоили себѣ жрецы и которое послужило первою ступеню къ ихъ дальнѣйшему возвышенію, было признано за ними и закономъ. Но укрѣпляя за жрецами судейскій санъ, законъ не преминулъ облечь судопроизводство въ соответствующія различнымъ кастамъ, опредѣленныя формы, и дать въ помощь царской власти обширную и сложную бюрократію. Жрецы же, съ своей стороны, оставили за собою должность царскихъ совѣтниковъ и черезъ это доставили своей кастѣ перевѣсъ надъ кастою воиновъ, изъ которой царь могъ выбирать своихъ министровъ, придворныхъ, посланниковъ и т. п.

Административная система древнихъ Индусовъ была основана, совершенно въ древневосточномъ духѣ, на полицейскомъ надзорѣ, который охватывалъ собою все стороны общественной жизни. ¹ Многочисленное чиновничество, завѣдывавшее этимъ надзоромъ, содержалось на счетъ государственной казны. Чиновники получали жалованье соответственно своимъ должностямъ и, кромѣ того, въ извѣстные сроки—отъ двухъ до шести разъ въ годъ, тоже смотря по должностямъ—имъ выдавалось по новой одеждѣ (Мапу, VII, 126). Можно полагать, что каждой должности была присвоена особая одежда, какъ ея виѣшнее отличіе: въ эпосѣ говорится о синей одеждѣ, какъ объ одеждѣ палачей. ² Нѣкоторымъ цвѣтамъ Индусы придавали особое значеніе: такъ желтый былъ у нихъ цвѣтомъ царскаго сана, красный считался цвѣтомъ смерти. Свидѣтели приводимые къ присягѣ, должны были являться къ ней одѣтыми въ красную одежду, съ вѣнкомъ изъ красныхъ цвѣтовъ на головѣ, посыпанной землею (Мапу, VIII, 229—260). Осужденныхъ на смертную казнь одѣвали въ парадную одежду. Казнили обезглавленіемъ или сажаніемъ на колъ. Къ тяжкимъ наказаніямъ принадлежали увѣченіе, клейменіе и т. п. (Мапу, IX, 137, 239 и слѣд.).

II. Особенною подробностью и крайнею строгостью отличаются законоположенія, касающіяся касты браминовъ. ³ Исходя изъ того воззрѣнія, что вся жизнь брамина должна быть постояннымъ стремленіемъ къ освобожденію духа отъ оковъ тѣла и что это освобожденіе можетъ быть достигнуто лишь совершеннымъ отреченіемъ отъ свѣта, погруженіемъ себя въ размышленія о сущности вещей, строгою жизнью и исполненіемъ извѣстныхъ обрядовъ, законъ подчинилъ точнымъ постановленіямъ весь образъ жизни брамина, все его поступки, равно какъ и его одежду, пищу, сонъ и самыя обыденныя дѣйствія, даже до способа отпращиванія естественныхъ потребностей ⁴.

„Одежда брамина — гласитъ законъ—должна быть постоянно чиста, бѣлаго цвѣта и никѣмъ другимъ до него не ношена. Стричь себѣ ногти, брить бороду и голову онъ самъ не можетъ, но долженъ заставлять дѣлать это своего служителя. Уши его да будутъ украшены блестящими кольцами, а голова вѣнкомъ. Въ одной рукѣ онъ долженъ носить бамбуковую трость, а въ другой кувшинъ съ водою для омовеній. — Читая священныя книги, а

¹ Duncker II, 106 и слѣд. — ² Тамъ же, стр. 257. — ³ P. v. Bohlen II, 12, Chr. Lassen I, 801. Th Kruse. 99.— ⁴ Duncker II, 79 и слѣд., 86 и слѣд., 146.

также принимая пищу, онъ долженъ обнажать свою правую руку. Ему запрещается мыть себѣ ноги въ мѣдномъ тазу; купаться раздѣтымъ и спать раздѣтымъ, на голой землѣ⁴ и т. д.

Такъ же подробны постановленія, касающіяся молодыхъ браминовъ, готовящихся къ жреческому званію. Каждому изъ нихъ законъ совѣтуетъ поступить въ ученики къ старому брамину, почитать его больше всего на свѣтѣ, строго исполнять все обряды и углубляться въ изученіе священныхъ книгъ (Вѣдь).

а. Во время своего ученія, ученикъ (брамачатри) одѣвается въ одежду своей касты (описанную выше, см. стр. 337); по ему запрещается носить обувь и зонтикъ. Онъ не долженъ ѣсть мяса, меда, варенья, носить вѣнковъ, натираться благовоніями; онъ обязанъ отказаться отъ игры, пляски, музыки и женщинъ, и долженъ жить милостыней. Изучивъ двѣ или три Вѣды, онъ можетъ, если желаетъ, оставить своего учителя, сдѣлавъ ему подарокъ, и затѣмъ, выкупавшись, искать себѣ жену изъ своей касты, чтобы стать григастою, т. е. семьяниномъ (Manu II—III).

б. Достигнувъ такимъ образомъ посвященія въ жрецы и полного пользования правами своей касты, благочестивый браминъ, стремящійся къ высшей цѣли—къ конечному познанію и освобожденію духа отъ узъ тѣла, долженъ былъ отказаться отъ всехъ земныхъ благъ, истребить въ себѣ все тѣлесныя побужденія и погрузиться въ созерцаніе одного только сверхчувственного.

с. „Когда кожа „григасты“ сложится въ морщины, и волосы его начнутъ сѣдѣть, когда онъ увидитъ сына своего сына, тогда да покинетъ онъ свою жену и дѣтей и, взявъ съ собой священный огонь и священную утварь, да удалится въ уединеніе лѣса, чтобы въ непрестанныхъ истязаніяхъ своего тѣла и въ покаяніи вести созерцательную жизнь отшельника. Коренья и плоды, упавшіе съ деревьевъ, да будутъ его пищею, земля—постелью, древесная кора или шкура черной газели — его одеждою. Онъ не долженъ стричь себѣ бороды и ногтей. Въ холодъ, онъ долженъ надѣвать мокрую одежду, въ жаръ, садиться между четырехъ огней“ и т. д. (Manu, VI, 1—32).

д. Пройдя черезъ этотъ искусь, какъ настоящій „Jati“ или „укротитель своихъ вождельнѣй“, браминъ признается достойнымъ подняться на послѣднюю ступень ведущую къ совершенной святости. Онъ становится „ragi-w-gādschaka“ или „блуждающимъ“. Оставивъ свое лѣсное уединеніе, онъ отправляется странствовать. Углубленный въ размышленія о высшемъ существѣ и читая про себя тексты изъ священныхъ книгъ, онъ переходитъ изъ одного мѣста въ другое и питается милостынею. Ничто не должно отвлекать его благочестивыхъ размышленій: взоры его должны быть опущены и обращены внутрь. Лоскутъ ткани, едва достаточный для прикрытія наготы, замѣняетъ ему всякую одежду. Голова его и борода должны быть обриты, ногти обрѣзаны. Его посохъ, глиняная кружка, корзинка и чашка, составляютъ все его имущество. Безучастный ко всему окружающему, углубленный въ свои размышленія, онъ долженъ переносить все съ непоколебимой преданностью Брамѣ (Manu VI, 33—97).

2. Браминская обрядность подверглась измѣненіямъ подѣ вліяніемъ новаго ученія Будды. Въ жреческой средѣ произошелъ расколъ: одни изъ жрецовъ остались при своемъ старомъ ученіи, другіе послѣдовали за Буддой и вмѣстѣ съ ученіемъ приняли и виѣшія отличія своего учителя. Отличія эти заключались въ бритѣ головы и въ ношеніи желтой одежды, которую одну, изъ всѣхъ подобавшихъ его царственному происхожденію отличій, удержалъ Будда, покидая свои владѣнія. Послѣдователямъ новой религіи было вмѣнено въ обязанность—бритъ голову и бороду, одѣваться въ желтую одежду и, съ однимъ посохомъ и горшкомъ для подаяній, странствовать, прося милостыню ¹.

Большая простота буддійскаго ритуала сравнительно съ мелочною обрядностью браминовъ, бывшая безъ сомнѣнія одною изъ причинъ быстрого распространенія ученія Будды, не осталась однакожь безъ послѣдствій, вредныхъ единству Буддизма. Вскорѣ послѣ того какъ остатки Будды были погребены съ царскими почестями въ городѣ Малла, между учениками его возникли несогласія относительно смысла догматовъ новаго ученія. Попытка примирить эти несогласія, путемъ разсмотрѣнія ихъ въ собраніи всѣхъ приверженцевъ новаго ученія ², оказалась неудачной, и въ средѣ буддистовъ явились секты. Самую многочисленную изъ нихъ была секта нищенствующихъ (бикшу) ³. Уклонившись съ самаго начала отъ предписаннаго Буддою строгаго образа жизни, послѣдователи этой секты окружали себя различными удобствами, позволяли себѣ носить одежду изъ тонкихъ тканей, и даже золотыя и серебряныя украшения ⁴.

Изъ того, что сообщаетъ Мегасоенъ о жреческой кастѣ (которую онъ называетъ просто кастою философовъ), можно заключить, что въ его время въ Паталипутрѣ, главнымъ городѣ Магады, преобладали брамины ⁵. По крайней мѣрѣ его описанія образа жизни жрецовъ, въ особенности ихъ одежды, совершенно согласны съ вышенприведенными постановленіями законовъ Ману. О буддистахъ Мегасоенъ говоритъ только мимоходомъ, какъ о вновь возникшей сектѣ (Megasth. ap. Strab. XVI. Diod. II 40. Arrian. Ind. c. 11): въ Магадѣ господство ихъ утвердилось только при царѣ Асокѣ.

Постройки.

Для развитія правильной строительной дѣятельности въ Индіи, гдѣ климатъ такъ тепелъ, что тѣло едва нуждается въ одеждѣ, гдѣ богатая природа въ избыткѣ дѣетъ все нужное для существованія челоуѣка, потребовалось, безъ сомнѣнія, болѣе времени и болѣе разнообразныхъ виѣшнихъ поводовъ, чѣмъ во всякой другой странѣ. — Основу индійскихъ горъ составляютъ твердые и неудобные для обработки породы: грацитъ и порфиръ. Уже одно это обстоятельство должно было замедлить тамъ появленіе

¹ M. Duncker II, 176 и слѣд., 181 и слѣд. стр.; P. v. Bohlen I, 338.—² Duncker II, 196.—³ Тамъ же стр. 199. и слѣд. ⁴ Lassen II, 84, not. 3.; ср. III, 369.—⁵ Duncker II, 273 и слѣд.

каменных построекъ, и тѣмъ болѣе, что въ Индіи не было недостатка ни въ строевомъ лѣсѣ, ни въ глинѣ, удобной для выдѣлки кирпича. Арійскія племена, занявшія Индію и поселившіяся въ долинахъ, прилегающихъ къ Гангу, долго еще продолжали вести свою прежнюю пастушескую жизнь и только очень медленно перешли къ земледѣльческому быту и стали селиться въ становищахъ и небольшихъ деревняхъ, изъ которыхъ впоследствии выросли пышные города, съ такимъ сказочнымъ преувеличеніемъ описанные въ индійскомъ эпосѣ (или вѣрнѣе — въ его позднѣйшихъ переделкахъ) ¹.

Изъ большихъ индійскихъ городовъ, построенныхъ на равнинѣ Мадьялека ², — Гастинапура, столица династіи Куру, упоминается первымъ; за нимъ слѣдуетъ, вѣроятно гораздо позднѣе построенный, городъ Айодья („непобѣдимый“), развалины котораго видны близъ нынѣшняго Ауа. Городъ этотъ былъ уже въ глубокой древности средоточіемъ значительно развитой культуры. Въ Рамайянтъ говорится (I, 5, 6 sq. II, 55, 20), что онъ былъ основанъ Ману, первымъ царемъ Индіи ³; расположенный на сѣверномъ берегу рѣки Саражу, онъ былъ раскинутъ на протяженіи многихъ миль и необыкновенно великолѣпно отстроенъ: „Три широкія, всегда чисто содержимыя улицы, выровненныя по снурку, тянулись во всю его длину. Дома, построенные одинъ возлѣ другаго, имѣли отъ трехъ до семи этажей вышины; ихъ окружали свѣтлые дворы, длинныя колоннады и великолѣпныя террасы. Надъ домами горожанъ возвышались, подобно вершинамъ горъ, куполы дворцовъ. Въ разныхъ мѣстахъ города видѣлись площади, парки съ купальнями и прекрасныя сады. Этотъ городъ блисталъ также и храмами съ ихъ колесницами боговъ (?). Высокія насыпи и рвы, наполненныя водою, окружали его отъ всюду. Въ его стѣнахъ, обложенныхъ разноцвѣтными камнями на подобіе шахматной доски, сдѣланы были крѣпкія ворота съ прочными запорами. На гребнѣ стѣнъ стояли лучники на стражѣ у „смертоноснаго оружія“. — Улицы города были полны движенія: по нимъ постоянно ходили и ѣздили множество чужеземцевъ, послы иностранныхъ государей, купцы съ слонами, лошадьми и повозками. Изъ домовъ неслись звуки тамбуриновъ, флейтъ и стройнаго пѣнія; воздухъ былъ напоенъ курящимися благовоніями, запахомъ цвѣтовъ и жертвоприношеній. Вечеромъ всѣ сады наполнялись толпами гуляющихъ, а въ портикахъ собирались молодые люди и дѣвушки для веселыхъ танцевъ“.

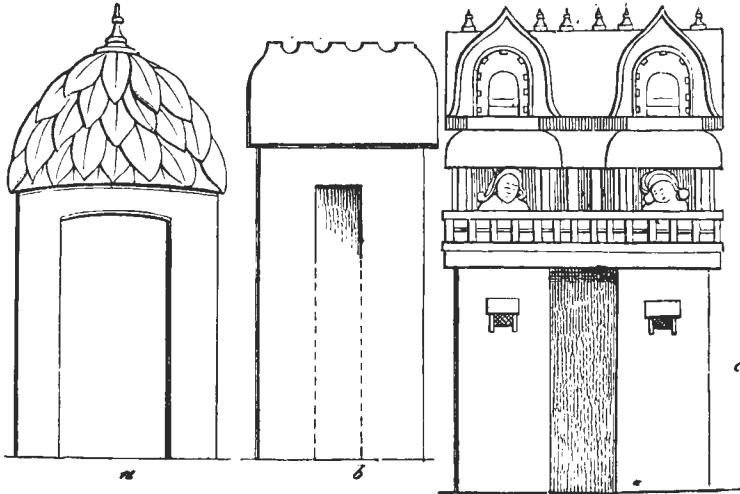
Сходно съ этимъ описаніемъ древней Айодьи — (изъ котораго между прочимъ можно заключить, что для украшенія стѣнъ, ихъ покрывали мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камней) ⁴ — Мегасоеново описаніе города Палиботры (Паталипутры), столицы Празевъ, основанной при впаденіи рѣки Эраннобоа (Шон) въ Гангъ, царемъ Каласокою (около 450 до Р. Х.). При Мегасоентъ, Палиботра считалась самымъ большимъ изъ индійскихъ городовъ. Она была построена четырехсторонникомъ, котораго продольныя стороны имѣли по 80 стадій (2 нѣм. мили) длины, а поперечныя только по 15 ст. Окруж-

¹ Lassen. Ind. Alterthumskunde I, 816, 540; II, 514. — ² Тамъ же: I, 127 и слѣд. — ³ P. v. Böhlen Das alte Indien, II, 102. Th. K. Guse op. cit. 89. — ⁴ Cp. Lassen II, 427, 513.

ность города составляла 5 миль ¹. Ровъ, въ 600 фут. ширины и 30 локтей глубины, наполнявшійся водою Ганга и Шоу², служилъ первымъ вѣшнимъ оплотомъ городу; за ровомъ возвышалась деревянная стѣна, съ 64 воротами, 570 башнями и бойницами; царскій дворъ занималъ средину города и былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ домами (Arrian. Ind. с. 4. 10. Strab. XV. 1. Diod. II, 39).

Если такихъ обширныхъ городовъ было и немного въ Индiи въ то время, когда её узнали Греки, то изъ извѣстiй послѣднихъ всё-таки видно, что въ ней было множество укрѣпленныхъ мѣстъ, большихъ и малыхъ посадовъ и деревень, съ дѣятельнымъ и промышленнымъ населенiемъ. Въ одной странѣ „свободныхъ Индусовъ“ насчитывали (безъ сомнѣнiя преувеличенно) 5000 городовъ и мѣстечекъ; у народа Андры—множество деревень и около 30 укрѣпленныхъ стѣнами городовъ. Подобныхъ городовъ во всей Индiи предполагалось такое множество, что перечислить ихъ всё почиталось невозможнымъ (Plut. Alex. 60. Strab. XV, 1. Arrian 10). О наружномъ видѣ этихъ городовъ и о матеріалахъ, изъ которыхъ они были выстроены, мы узнаемъ опять-таки изъ описанiя Мегасена, которое заслуживаетъ тѣмъ болѣе вѣроятiя, что почти прилежимо еще и къ нынѣшнимъ небольшимъ городкамъ Индiи. Изъ этого описанiя видно, что города, лежавшіе по берегамъ рѣкъ и озеръ, были построены изъ дерева, города же находившіеся въ возвышенныхъ нагорныхъ мѣстностяхъ—изъ простыхъ кирпичей (Arrian. Ind. с. 10). Отсюда слѣдуетъ, что уже и тогда дома строили преимущественно изъ тѣхъ же матеріаловъ, изъ какихъ ихъ строятъ и нынѣ, т. е. изъ дерева и глины. Но не только строительный матеріалъ употреблялся тотъ же, и самая архитектура построекъ, особенно небольшихъ, мало

Фиг. 205.

или почти вовсе не различалась отъ нынѣшней ². Еще и теперь она обусловливается климатомъ. Въ сѣверныхъ частяхъ Индiи строятъ и до сихъ поръ

¹ Dunscker II, 255.—² P. v. Bohlen. II, 99—106.

точно такія же деревянныя жилища, какія застали тамъ Греки; а на нѣкоторыхъ старинныхъ барельефахъ представлены постройки, похожія (покрайней мѣрѣ приблизительно) на бамбуковые дома съ листовыми крышами, ¹ какіе строятъ себѣ нынѣшніе жители южной Индіи (фиг. 205. а—b).

Наконецъ, если сравнить описанія большихъ каменныхъ городскихъ зданій у новѣйшихъ писателей, съ описаніями подобныхъ же зданій у древнихъ авторовъ и съ изображеніями ихъ на древнѣйшихъ скульптурахъ (фиг. 205, с), то окажется, что въ способѣ постройки и этого рода зданій не произошло никакой существенной перемѣны. Городскіе дома богатыхъ людей большею частью одноэтажные, построены изъ пальмоваго дерева и кирпича, и крыты черепицею; стѣны расписаны и покрыты твердою и блестящею глазурью; вокругъ дома идетъ крытая галлерей. Въ Бенаресѣ, гдѣ бѣольшая часть домовъ каменные, есть дома въ 5 и 7 этажей. Верхніе этажи украшены верандами, галлерейми, балконами и т. п.; крыша, обыкновенно съ большимъ навѣсомъ, подперта рѣзными колоннами. Внутренность домовъ раздѣлена, отчасти колоннами, отчасти легкими перегородками и ковравыми занавѣсами, на комнаты и залы. — Гораздо проще дома въ Малабарѣ и въ нихъ гораздо явственнѣе выступаютъ особенности, которыми, безъ сомнѣнія, отличались и первоначальныя постройки въ долинахъ Ганга. Жилища Малабаровъ все объ одномъ этажѣ; средину жилища занимаетъ четырехугольный дворъ, обнесенный колончатой деревянной галлерей, на которую выходятъ двери жилыхъ покоевъ, расположенныхъ по сторонамъ двора. Величина комнатъ обыкновенно отъ 10 до 12-ти футовъ; оконъ въ нихъ нѣтъ, а освѣщаются онѣ черезъ двери. Крыша съ широкимъ навѣсомъ поддерживается колоннами, утвержденными въ низкую каменную стѣнку, тянущуюся вдоль всего фасада; посрединѣ стѣнки устроены ступени ведущія 'ко входу ².

Описаніе, хотя и поэтическое, ³ богатаго частнаго дома въ первомъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія, даетъ возможность составить себѣ представленіе о такомъ домѣ и изъ болѣе ранняго времени. Фантастически разукрашенная всею подробностями, описаніе это доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Индусы постоянно имѣли въ виду декоративную сторону зданія, преимущественно передъ архитектурной.

Домъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ построенъ продолговатымъ четырехугольникомъ и съ трехъ сторонъ окруженъ садомъ. Семь, одинъ за другимъ слѣдующихъ, открытыхъ дворовъ, съ двухъ сторонъ обстроенныхъ боковыми корпусами (флигелями), вели къ главному зданію. Главныя ворота, которыми входили въ первый дворъ были чрезвычайно красивы: расписанный порогъ ихъ былъ чисто выметенъ и обрызганъ водою. Воротная арка была выложена слоновою костью; на ней развѣвались пестрые флаги и иѣжныя вѣтки жасмина свѣшивались съ неѣ на встрѣчу входившему. На капителяхъ воротныхъ столбовъ стояли хрустальныя вазы, въ которыхъ цвѣли маньоліи.

¹ Ср. G. K s e n n u. Allgem. Kulturgeschichte VII, 50 и слѣд. — ² Th. K r u s e o p, cit. 89 и слѣд. — ³ Изъ H. W i l s o n ' s Hindu Theatre. Calcutta 1827. London 1835 (Изм. перев. изд. въ Веймарѣ 1828) Ср. также P. v. B o h l e n II, 104 и слѣд.

Створы блистали золотомъ и сверкающими (алмазными) гвоздями. Проходъ былъ усыпанъ душистыми цвѣтами. Въ немъ было устроено помѣщеніе для привратника, который сидѣлъ на своемъ креслѣ „съ важностью брамина, погруженнаго въ чтеніе Вѣдъ“. Залы и галереи, выстроенныя по обѣимъ сторонамъ перваго двора, были „бѣлы какъ луна, какъ морская раковина, какъ стебель водяной лиліи;“ стѣны ихъ были выложены блестящимъ алебастромъ. Вызолоченныя ступени изъ разноцвѣтныхъ камней вели въ верхніе этажи, куда свѣтъ проходилъ сквозь хрустальныя окна. Во второмъ дворѣ находились помѣщенія для воловъ, лошадей и слоновъ; тутъ же сидѣла на привязи, „какъ пойманный воръ“, обезьяна, присутствіе которой считалось предохранительнымъ средствомъ отъ болѣзней домашняго скота. Третій дворъ служилъ приѣмной или гостиною, и былъ поэтому уставленъ покойными и богато убранными сидѣльями, игральными столами и т. п.—Четвертый дворъ былъ назначенъ для музыки, гимнастическихъ упражненій и домашнихъ спектаклей. Въ немъ были развѣшаны красивые сосуды, наполненные водой для освѣженія воздуха. За нимъ слѣдовалъ пятый дворъ съ кухнями и бойнею; потомъ шестой дворъ, въ которомъ помѣщалась многочисленная прислуга дома. Въ седьмомъ дворѣ содержались разнаго рода птицы, летавшія на свободѣ или сидѣвшія въ клѣткахъ, развѣшанныхъ по балконамъ и верандамъ главнаго фасада. Въ саду, наполненномъ цвѣтами и плодовыми деревьями, были устроены бассейны, въ которыхъ цвѣли лотосы; между деревьями были развѣшаны шелковые гамаки „для нѣжнаго тѣла молодыхъ красавицъ“.

При всей фантастичности этого описанія, главныя черты его взяты всѣтаки изъ дѣйствительности. По всей вѣроятности, авторъ его имѣлъ въ виду современныя ему царскіе дворцы, такъ какъ изъ Рамайяны (II. 44, 17—24) видно, что при дворцахъ было тоже по семи дворовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. ¹ Въ великолѣпныхъ залахъ Палиботрсакаго дворца колонны были украшены виноградными лозами изъ золота и серебряными птицами (Strab. XV. I. Curt. VIII. 9). Въ Рамайянѣ тоже говорится о золотыхъ колоннахъ и о стѣнахъ съ золотыми зубцами; объ обширныхъ дворахъ съ огромными воротами, и о страсти богачей и знатныхъ держать около себя разныхъ красивыхъ птицъ и прирученныхъ звѣрей. Террасы, веранды и галереи дворцовъ были широки и роскошно убраны, а стѣны, какъ внутри, такъ и снаружи, покрыты яркою живописью.—Имѣя въ виду безопасность особы царя, книга законовъ подчиняетъ выборъ его мѣстопробыванія опредѣленнымъ правиламъ. Въ ней говорится именно (VII, 69—76), что „царь долженъ жить въ здоровой и хлѣбородной странѣ, населенной добрыми людьми, которые легко снискиваютъ себѣ пропитаніе и живутъ въ мирѣ съ своими сосѣдями. Въ такой странѣ царь долженъ выбрать мѣсто, окруженное степью или лѣсомъ; если нѣтъ въ странѣ ни того ни другого, то дворецъ должно построить на скалѣ, или обнести крѣпкими стѣнами изъ камня или кирпича, или окружить глубокимъ ровомъ съ водою. Дворецъ долженъ быть такъ устроенъ, чтобы царь могъ жить въ немъ во всякое время года; его слѣдуетъ снабдить водою и обсадить деревьями“.

¹ P. v. Bohlen II, 105.—² Дунскер II, 103.

Укрѣпленія.

Указаннымъ въ законѣ способомъ были укрѣплены и главные города Индіи. По свидѣтельству греческихъ авторовъ—Курція (VIII, 11) и Арриана (Exped. Alex. IV, 28), изъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, встрѣченныхъ Александромъ на его походѣ въ Индію, самымъ неприступнымъ была крѣпость Аорнусъ (цѣнѣ Калабахъ), устоявшая, по греческому преданію, даже противъ попытокъ Геркулеса овладѣть ею. Она была построена на скалѣ, вышину которой Греки опредѣляли (вѣроятно преувеличенно) въ 11 стадій или 6600 фут., а окружность при подошвѣ въ 6 миль. Не смотря на такую вышину скалы и почти отвѣсную крутизну ея, вершина ея, на которой стояла крѣпость, была отчасти воздѣлана, отчасти покрыта лѣсомъ и обильно снабжена водою. Какъ тщательно заботились Индусы объ огражденіи своей страны отъ непріятельскихъ вторженій постройкою такихъ колоссальныхъ сооруженийъ, какъ Аорнусъ,—свидѣтельствуеетъ множество укрѣпленныхъ мѣстъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ и описанныхъ новѣйшими путешественниками. ¹

Такъ же настоятельно, какъ и постройку укрѣпленій, предписывалъ законъ устройство военныхъ дорогъ, мостовъ, плотинъ и каналовъ, снабженныхъ шлюзами; имѣя въ виду удобство путешествующихъ, онъ требовалъ, чтобы по дорогамъ были построены заѣзжіе дома и вырыты колодцы, а дороги обсажены деревьями. Всѣ эти общественныя постройки существовали, безъ сомнѣнія, издавна, такъ какъ о нихъ упоминается уже въ Рамайяшѣ (II, 61, 79, 62, 38 и слѣд.), при чемъ перечисляются и различные ремесленники, нужные для исполненія ихъ, какъ-то плотники, землекопы (поденщики съ телегами), машинисты и т. п.

Постройка „царскихъ дорогъ“ была поручена особымъ строителямъ. Несмотря на то, что протяженіе этихъ дорогъ было цѣлкомъ очень велико (какъ напр. дорога отъ Инды до Паталипутры) ², онѣ прокладывались по прямой линіи и имѣли вездѣ одинаковую ширину; вдоль ихъ, на извѣстныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, стояли путевые столбы (Strabo. XV, 1. Aggrian Ind. с. 3). Для наблюденія за чистотою и исправностью дорогъ и каналовъ назначались особые чиновники (Aggrian. Ind. с. 42).

Уцѣлѣвшіе остатки громадныхъ мостовъ (напр. остатки моста на рѣкѣ Кавери, состоящіе изъ нѣсколькихъ гранитныхъ устоевъ въ 20 фут. вышины, разставленныхъ такъ, что длину моста можно предполагать въ 600 фут.), описаніе мостовъ въ Рамайяшѣ (II, 75, 3. 76. 56) и рассказы Грековъ о каналахъ и шлюзахъ (отъ которыхъ тоже есть остатки), устроенныхъ для распредѣленія воды,—все это вмѣстѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ этомъ родѣ существовали въ древней Индіи замѣчательныя и даже грандіозныя сооруженія. ³

Въ видахъ украшенія страны, начальникамъ округовъ вѣнялось въ обязанности на полевыхъ межахъ сажать деревья, ставить жертвенники и устраивать водоемы (Manu, VII, 114 и слѣд.; VIII, 229 слѣд.) Строгіи пос-

¹ Ср. P. v. Bohnen II, 97 и слѣд. — ² P. v. Bohnen II, 109. Chr. Lassen. II, 523. Duncker II, 255.—³ Ср. P. v. Bohnen II, 111 и слѣд.

лѣдователь ученія Будды, царь Асока (ок. 240 г. до Р. Х.), ¹ прославился преимущественно тѣмъ, что, исполняя челоуѣколюбивыя предписанія своего учителя, онъ велѣлъ обсадить дороги тѣнистыми фиговыми и манговыми деревьями, и устроить близъ нихъ колодцы и мѣста отдыха „на пользу людямъ и животнымъ“. Эти мѣста отдыха называются въ Рамайяѣ (II 61, 49) arāpa (домъ питья) ² или chatvāri (чатвари — четырехугольникъ), изъ чего можно заключить, что это были четырехугольныя зданія, снабженныя водою, похожія на существующія нынѣ повсемѣстно въ Индіи „chaultri“ — четырехугольныя дворы съ навѣсами по сторонамъ, для отдыха путешественниковъ, которые, кромѣ бесплатнаго помѣщенія, получаютъ еще для освѣженія себя рисовую воду ³.

Кораблестроеніе.

Древнѣйшая письменность Индусовъ не сообщаетъ никакихъ достовѣрныхъ свѣденій о существованіи у нихъ мореплаванія и кораблестроенія. Между тѣмъ новѣйшіе изслѣдованія доказали ⁴, что Индусы съ незапамятныхъ временъ не только плавали по своимъ рѣкамъ, но даже пускались въ море, хотя о морскихъ ихъ судахъ никакихъ свѣденій нигдѣ нѣтъ. Греческія извѣстія говорятъ только о рѣчномъ судоходствѣ: изъ нихъ мы узнаемъ, что племена, жившія на Индѣ, плавали въ легкихъ челнокахъ изъ тростника или въ выдолбленныхъ древесныхъ пняхъ (Herod. III, 98), а у Индусовъ на Гангѣ были большія и малыя рѣчныя суда (Arrian. Ind. c. 12). Черезъ небольшія рѣки переправлялись на плоткахъ, или вплавъ, съ подвязанными мѣхами (какъ въ средней Азии) или даже наполненными воздухомъ глиняными сосудами (Arrian. Exr. Alex. III, 29; V, 9. 20. и Rāmāj. II, 66, 42.)

Принимая во вниманіе быстроту нѣкоторыхъ рѣкъ, преодолѣть которую были не въ состояніи даже греческіе тридцативесельныя суда, если дулъ противный вѣтеръ (Arrian. Exr. Alex. VI, 18), надобно предполагать, что и рѣчныя суда Индусовъ были построены особенно прочно; а тѣмъ болѣе тѣ суда, въ которыхъ они выходили въ море. Уже въ древнѣйшихъ писаніяхъ Риг-вѣды (I, 116, 5) говорится о стовесельныхъ судахъ ⁵, а въ Магабгаратѣ, о корабляхъ „небоящихся бури“. Суда эти были двухъ родовъ: транспорты (sangara) и быстроходы (kolandiophanta); о величинѣ ихъ можно судить потому, что на нихъ перевозили съ острова Цейлона на индійскій материкъ боевыхъ слоновъ (Plin. Hist. VIII, 4. Aelian. Hist. anim. XVI, 18). Не смотря, однакожъ, на прочность и величину, всѣ суда Индусовъ, по свидѣтельству Страбона (XV, 4), были неуклюжи и плохо оснащены; кромѣ того, на большей части ихъ не было закрытыхъ каютъ.

¹ Chr. Lassen. II, 239; 258.—² Ibid. 258, not 8.—³ P. v. Böhlen. II, 107.—

⁴ Heeren. Ideen etc. I (III), 359 и слѣд. P. v. Böhlen. II, 124; 140. Lassen II, 578. Duncker II, 241. Th. Kruse. 306.

Умозрѣнія браминовъ о таинственныхъ силахъ, проникающихъ вселенную и въ ней дѣйствующихъ, придали религіознымъ представленіямъ Индусовъ, сложившимся подъ вліяніемъ удивительной природы ихъ страны, такую чрезмѣрную фантастичность ¹, которая не допускала олицетворенія ихъ въ опредѣленныхъ формахъ; созерцательный и отшельническій характеръ образа жизни жрецовъ ² не вызывалъ потребности въ общихъ средоточіяхъ для обрядоваго отправленія богослуженія. Поэтому въ браминской Индіи не было ни капищъ, ни кумировъ ³. Изъ закона Ману противъ идолослуженія (III, 152), можно только заключить, что Индусы уже рано узнали идоловъ, которые могли быть занесены къ нимъ извнѣ; а встрѣчающіяся въ индійскомъ эпосѣ описанія „высокихъ, доходящихъ до облаковъ храмовъ“ (какъ въ поэтическомъ описаніи Айюды), слѣдуетъ съ тѣмъ большею вѣроятностью считать позднѣйшими вставками, что греческіе писатели, описывавшіе Индію какъ очевидцы, ничего не говорятъ ни объ индійскихъ храмахъ, ни объ идолахъ.

Въ древнѣйшія времена богослуженіе отправлялось, повидимому, на извѣстныхъ мѣстахъ, которыя считались почему-нибудь священными (tirtha) ⁴. Туда сходились поклонники, чтобы очистить себя омовеніями и жертвоприношеніями; поэтому, на всѣхъ такихъ мѣстахъ ставили камень для принесенія жертвы и близъ него устраивали водоемъ для омовеній.

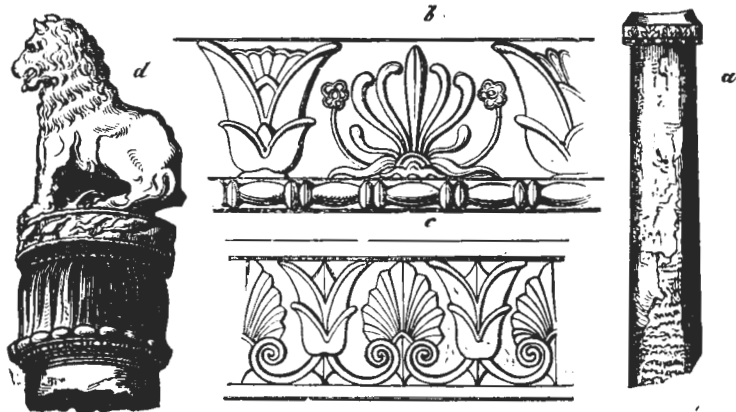
Впослѣдствіи, когда число посѣтителей этихъ священныхъ мѣстъ увеличилось, на нихъ были устроены, стараніями лицъ, желавшихъ заявить о своемъ благочестіи, крытыя помѣщенія, подобныя тѣмъ, какія строили на главныхъ дорогахъ (не были ли послѣднія подражаніемъ первымъ?). Такъ какъ истоки „священнаго“ Ганга уже съ незапамятныхъ временъ посѣщаются богомольцами, приходящими туда, чтобы—по господствующему повѣрью—выкупаться въ „средоточіи пяти сотъ рѣкъ“ ⁵, то, можетъ быть, тамъ и были выстроены первыя помѣщенія для богомольцевъ. Съ расселеніемъ арійскихъ поселенцевъ дальше на востокъ и на югъ, возросло и число священныхъ мѣстъ и построекъ при нихъ. Въ настоящее время вся Индія покрыта ими, особенно много ихъ по теченіи верхняго Ганга. „Еще и теперь каждый индусъ считаетъ богоугоднымъ дѣломъ предпринимать трудныя путешествія къ священнымъ мѣстамъ, напр. пробираться черезъ пропасти, горные потоки, или по колеблющимся тростниковымъ мостамъ къ истокамъ Ганга“ ⁶.

Постройка зданій, посвященныхъ культу, началась въ Индіи не ранѣе появленія въ ней Буддизма ⁷, и въ особенности, со времени признанія его государственною религіею царемъ Асокою, который посѣдшилъ заявить торжество новаго ученія, коего былъ ревностнымъ приверженцемъ, монументальными постройками въ честь Будды и въ воспоминаніе его реформаторской дѣятельности. Древнѣйшія изъ этихъ намятниковъ восходятъ до половины третьяго столѣтія до Р. X. На сколько мы ихъ

¹ Lassen I, 756 и слѣд. Dunker II, 17. и слѣд.—² Lassen I, 580 и слѣд.—
³ Ibid. I, 793.—⁴ Тамъ же стр. 585.—⁵ Lassen I, 556; 576. Dunker II, 89; 174.
⁶ P. v. Bohlen I, 281 и слѣд.—⁷ Fergusson, Handbook of Architecture I, 5 и слѣд.

знаемъ по описаніямъ и остаткамъ, это были большею частью высокія и тонкія ¹ колонны, сдѣланныя все по одному образцу и изъ одинаковаго матеріала (красноватаго песчаника). Вышина ихъ — 40 фут., толщина при осно-

Фиг. 206

ваніи 10 фут. и 6 фут. при вершинѣ. Постепенно утончающійся стержень покрытъ надписями; онъ заканчивается четырехугольною плитою, на которой поднимается, до 6 фут. вышины, капитель въ формѣ опрокинутой цвѣточной чашечки (какъ капители въ Персеполисѣ: фиг. 156, с), съ утвержденнымъ на ней сидящимъ львомъ—эмблемою Будды (по его родовому прозвищу „Сакјасинъ“). Кромѣ надписей, на стержнѣ высѣчены—иногда выше, иногда ниже капители—поперечныя полосы, составленныя изъ орнаментовъ, частью въ греческомъ (фиг. 206, с), частью въ древнеассирійскомъ (фиг. 177. е—г) стилѣ. Колонны эти назывались или „столбами добродѣтели“—*çilastambha* (по правоучительнымъ надписямъ, которыми онѣ покрыты): названіе это дано имъ Асокою; или „львиными столбами“—*sinhastambha* (по фигурѣ льва на капители); или также „столбами закона“—*dharmastambha*, потому что служили и для обнародованія царскихъ повелѣній ².

Фиг. 207.

Чрезвычайно массивная башня, остатки которой видны въ Бегарѣ, на юго-востоку отъ Патны (Патмавати), причисляется также ³ къ разряду буддическихъ памятниковъ (фиг. 207). Хотя мѣстное преданіе и относитъ постройку ея къ очень отдаленной эпохѣ (5 или 6 вѣковъ

¹ Lassen II, 215 и слѣд. Kugler Gesch. der Baukunst I, 447, —² Lassen. II, 207. Cp. Heeren Ideen. etc. I (II), 80 и слѣд.—³ Fergusson. Nandbook of Archit. I, 16.

раньше Будды), кажется, однакожь, что она была построена при царь Асокъ, и по всей вѣроятности, въ воспоминаніе какого-нибудь особенно важнаго политическаго или религіознаго событія ¹.

Благоговѣніе, которымъ послѣдователи Будды окружили его память дошло, наконецъ, до полнаго обоготворенія его личности. Съ тѣхъ поръ какъ буддизмъ одержалъ рѣшительный перевѣсъ надъ религіею браминовъ, личность его основателя стала въ глазахъ его приверженцевъ воплощеніемъ преподанной имъ мудрости и всякихъ добродѣтелей. Пренія эмблематическія памятники въ честь Будды не удовлетворяли уже благоговѣйнаго чувства его послѣдователей: имъ нужно было непосредственное созерцаніе его изображенія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ жилъ и училъ. А такъ какъ его человѣческой образъ, въ противоположность неопредѣленнымъ, фантастическимъ образамъ браминскихъ божествъ, былъ доступенъ чувствамъ, то его стали воспроизводить въ картинахъ и статуяхъ—хотя часто и придавали ему колоссальные размѣры. ² Болѣе, чѣмъ изображенія Будды, чествовались его смертные останки. Преданіе говоритъ, ³ что вслѣдствіе спора за тѣло Будды, оно было раздѣлено на 8 частей и каждая часть погребена въ особой каменной гробницѣ (топъ; stûpa). Семь изъ этихъ гробницъ были открыты по повелѣнію Асоки, ⁴ заключавшіяся въ нихъ священныя останки вынуты и раздроблены на множество частицъ (по преданію, на 84000), и каждая частица задѣлана въ коробочку изъ золота, хрустала, серебра и лазуреваго камня. Реликвиі эти были разосланы во все города Индіи, и всѣхъ надъ ними построены топы и при нихъ „вигары“, или храмы собранія.

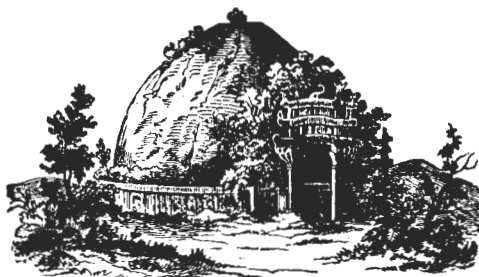
Ступы или топы—называемыя также и дагопъ (тѣлохранительницы)—занимаютъ между архитектурными памятниками Индіи важное мѣсто, какъ по своему количеству, такъ и по совершенно національному характеру своей архитектуры. Извѣстныя въ настоящее время топы относятся къ весьма различнымъ эпохамъ; онѣ разсѣяны группами по всему Индостану и островамъ. Главная группа находится въ горной странѣ Мальвы, въ окрестностяхъ древняго города Бидиша (цынѣ Бгильза) ⁵. Она состоитъ изъ 30 топъ, расположенныхъ въ пяти различныхъ мѣстахъ. Особенно замѣчательны двѣ топы близъ Санки. ⁶

Большая изъ нихъ (фиг. 208), построенная вѣроятно Асокою, представляется массивнымъ сооруженіемъ, состоящимъ изъ цилиндрическаго основанія въ 14 фут. вышины и возвышающагося надъ нимъ полукруглаго купола въ 40 фут. вышины. Нижній поперечникъ основанія, которое при соединеніи съ куполомъ образуетъ 6-ти футовой выступъ, равняется почти 120 футамъ. Вокругъ памятника, въ 10 футахъ отъ него, обведена каменная ограда, обдѣланная въ подражаніе досчатому деревянному забору. Во внутрь ограды ведутъ четыре каменные портала, обращенные на четыре страны свѣта. Каждый порталъ состоитъ изъ двухъ столбовъ въ 18 фут. вышины

¹ Lassen II, 267.—² Lassen, II, 426; 454.—³ Тамъ же стр. 77.—⁴ Тамъ же стр. 265 и слѣд.—⁵ A. Cunningham The Bhilsa Topes; or Buddhist Monuments of Central India etc. London 1854.—⁶ Lassen II, 1174. F. Kugler Gesch. der Baukunst I, 450. Ferguson, Handbook of Archit. I, 10 слѣд.

и утвержденной на них высокой прорѣзной перекладины. Всѣ четыре портала густо покрыты скульптурами; капители столбовъ обдѣланы въ формѣ

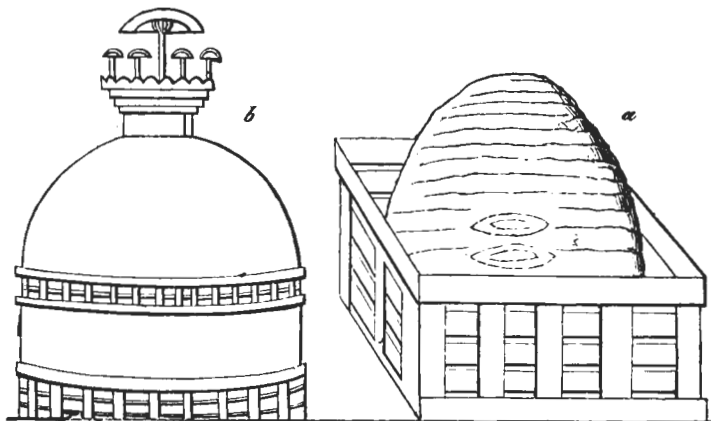
Фиг. 208.

различныхъ животныхъ (слоновъ, львовъ) и фантастическихъ человѣческихъ фигуръ. Передъ сѣвернымъ и южнымъ порталами возвышаются круглые столбы въ 33 фут. вышины, подобные вышеописаннымъ монументальнымъ столбамъ.

Величина топъ очень различна, ¹ но ихъ форма всегда одна и та же. Это объясняютъ тѣмъ, что полушарообразный куполъ топы есть подобіе водянаго пузыря, которымъ Будда символически обозначалъ быстротечность всего земнаго. Вершина купола обыкновенно увѣчана надстройкою въ видѣ жертвенника, съ зонтикоподобнымъ навѣсомъ надъ нею. Объ одной топѣ сказано, что „царь Асока убралъ ея драгоценными камешьями, зонтиками и флагами“.² На нѣкоторыхъ скульптурахъ Сапки³ есть изображенія топы, какъ старинныхъ, простой постройки, такъ и позднѣйшихъ, изъ временъ Асоки, съ обычными тогда украшеніями на нихъ (ср. фиг. 209, а, в).

Фиг. 209.

Остальныя изъ древнѣйшихъ топъ, сохранившіяся на индійскомъ материкѣ, были построены, можетъ быть, при второмъ преемникѣ Асоки, царѣ

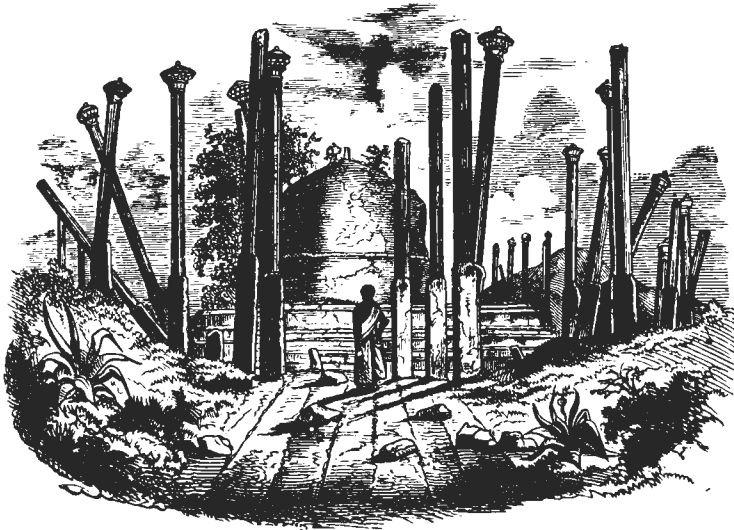
¹ () способъ ихъ постройки см. Lassen II, 517 и слѣд.—² Dunc ker II, 205. —
³ Cunningham The Bhilsa Pl. Topes. III и слѣд.

Дашаратъ. Въ такомъ случаѣ древность ихъ восходила бы къ началу второго столѣтїя до Р. Х. ¹ Большая же часть ихъ построена, кажется, въ первомъ столѣтїи до Р. Х. и позднѣе, даже до 6-го вѣка нашей эры, какъ напр. всѣ топы въ Кабулистанѣ.

Для дальнѣйшаго архитектурнаго развитїя буддійскихъ богослуженныхъ зданїй интересны, какъ образцы, Цейлонскїя топы. Новое ученіе начало распространяться на Цейлонѣ при современникѣ Асоки, царѣ Деванамприджа-Тишія, при сынѣ и наслѣдникѣ котораго, Душтагамани (около половины 2-го стол. до Р. Х.), оно было объявлено господствующею религіею ².

Куполь цейлонскихъ топъ выведенъ изъ желтой глины и покрытъ гипсовой массой въ родѣ стукко; основаніе ихъ большею частью изъ гранита. Нѣкоторыя изъ нихъ колоссальныхъ размѣровъ (до 200 ф. вышины) и обставлены тремя concentрическими рядами тонкихъ колоннъ или мачтъ. Такова напр. хорошо сохранившаяся топа въ Тупарамѣ (фиг. 210), построенная, вѣроятно, около половины 3-го стол. до Р. Х. ³.

Фиг. 210.

Уже при самомъ началѣ проповѣднической дѣятельности Будды многіе изъ его учениковъ сдѣлались постоянными его спутниками и оставались при немъ до конца его жизни. Эта первая община буддистовъ не разсыялась и по смерти Будды, но, напротивъ того, постоянно увеличивалась новыми членами. Начало общежителства всё болѣе и болѣе развивалось въ средѣ буддистовъ. Пока продолжалась борьба буддизма съ браманизмомъ, общины буддистовъ находили себѣ пристанища отчасти въ тѣхъ придорожныхъ гостиницахъ (*chaultri*), о которыхъ было говорено выше, отчасти въ естественныхъ пещерахъ, гдѣ такія были. Но когда новое ученіе, пере-

¹ Lassen II, 514; 1158; 1176 и слѣд. Duncker II, 206.—² Lassen II, 253 и слѣд.; 415 и слѣд. Duncker II, 239 и слѣд.—³ Fergusson, Handbook of Architecture, I, 42. Ср. рисунки въ Kugler, Gesch. der Baukunst I, 454.

смотрѣнное и очищенное на 3-мъ собраніи буддійскихъ учителей, было признано господствующимъ (въ 3-мъ стол. до Р. Х.), буддійскія общины получили правильную организацію и ихъ прежнія убѣжища постепенно превратились—одни, въ удобныя зданія съ террасами, платформами и отдѣльными кельями (vihāra—монастыри) ¹, другія—въ обширныя гроты тоже съ отдѣльными помѣщеніями. Зданія, построенныя царемъ Асокою подлѣ сооруженныхъ имъ топъ, были, вѣроятно, вигары; но все они исчезли безслѣдно, безъ сомнѣнія потому, что были построены изъ дерева и кирпича. Уцѣлѣли однѣ только пещерныя вигары, высѣченныя въ скалахъ. ² Древнѣйшія изъ нихъ лежатъ подлѣ Гайи на лѣвомъ берегу р. Фалгу. Ихъ семь; пять изъ нихъ были устроены по повелѣнію царя Дашараты, который отдалъ ихъ буддійскимъ жрецамъ для жительства. Онѣ высѣчены въ очень твердомъ камнѣ и внутри гладко обтесаны; входы въ нихъ узки и низки. Самая большая пещера имѣетъ 46 фут. длины и 19 фут. ширины. Въ одной пещерѣ поперечныя стѣны выведены полукругомъ; въ задней стѣнѣ другой пещеры сдѣлана ниша, напротивъ которой поставлена хаитья—похожій на топу памятникъ Буддѣ, но не содержащій въ себѣ частицы его останковъ. — Другая группа пещерныхъ вигаръ находится на горѣ Удаягири, въ Ориссѣ. Передъ входомъ въ эти пещеры устроены площадки, утвержденныя на столбахъ. Площадки эти различной ширины, отъ 6 до 10 фут., смотря по величинѣ пещеры и по числу келій въ ней. Передъ фасадомъ иныхъ пещеръ поставлено по 3 столба. Самая обширная изъ этихъ пещеръ углубляется внутрь скалы на 56 фут. и раздѣляется на 2 вѣтви, расходящіяся подъ прямымъ угломъ. ³—Внутреннія стѣны нѣкоторыхъ пещеръ покрыты барельефами, изъ коихъ одни—древнѣйшіе, представляютъ битвы, другіе, гораздо позднѣйшаго времени,—брамиискія божества.

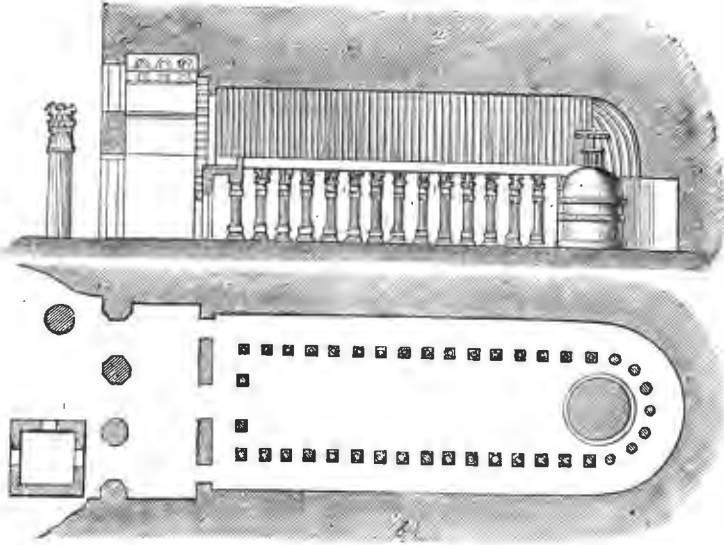
Хаитья въ одной изъ пещеръ показываетъ, что вигары не замѣнили обратиться въ настоящія храмы, въ которыхъ основателю буддизма воздавались божескія почести, передъ памятникомъ, посвященнымъ его имени, или передъ его собственнымъ изображеніемъ. Соотвѣтственно этому новому характеру вигаръ измѣнилась и самая наружность ихъ: гладкія стѣны ихъ украсились скульптурною обдѣлкою, которая была, можетъ быть, воспроизведеніемъ формъ древнѣйшихъ деревянныхъ построекъ. Такая обдѣлка встрѣчается въ пещерахъ Аганты (Угайянты), Бага и преимущественно въ пещерахъ—Хаитья, въ Карли, въ гатскихъ горахъ, на востокъ отъ Бомбея.

Самый обширный, лучше другихъ сохранившійся и вмѣстѣ, какъ полагаютъ, древнѣйшій изъ пещерныхъ храмовъ былъ сооруженъ во 2-мъ столѣтіи до Р. Х. ⁴ Онъ имѣетъ форму продолговатой залы, задняя стѣна которой выгнута полукругомъ. Два ряда колоннъ раздѣляютъ внутренность залы, по длинѣ ея, на три неравныя части, изъ коихъ средняя, самая широкая, покрыта высокимъ коробовымъ сводомъ (фиг. 211), обдѣланнымъ на подобіе деревянныхъ стропилъ. Длина залы нѣсколько больше 102 фут., ширина—45 фут. ⁵ Въ глубинѣ ея возвышается хаитья; ко входу ведетъ

¹ P. v. Bohlen I, 333 и слѣд.—² Lassen II, 514 и слѣд. Kugler Gesch. der Baukunst I, 457.—³ Ср. Lassen II, 1173.—⁴ По другимъ измѣреніямъ длина всего храма составляеть 146 фут., его ширина—46 фут. Сравни Lassen, II, 1171, not. 2. и Ferguson's Handbook etc. I, 24 и слѣд.

портикъ образуемый колоннами и антами. Всѣхъ колоннъ внутри залы 41; семь изъ нихъ, которыя стоятъ позади хаити, осмигранныя; остальные,

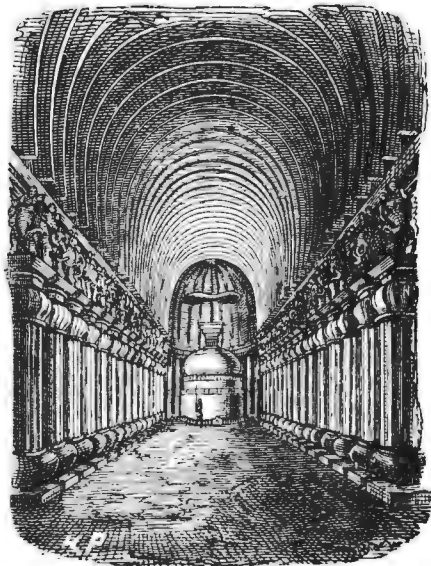
Фиг. 211.

неуклюжей формы, канелированы и поставлены на округленныхъ базахъ; капители ихъ, въ формѣ опрокинутого цвѣтка, закапчиваются скульптурными грушами, представляющими слона, стоящаго на колѣняхъ подлѣ человеческой фигуры (ср. фиг. 212.).

Всѣ буддійскіе пещерные храмы, сооруженные во время пятисотлѣтняго господства буддизма въ Индія, удержали основную форму продолговатой залы съ колоннами, представляя при этомъ чрезвычайное разнообразіе въ орнаментации, которая во многихъ храмахъ доходитъ до уродливаго излишества.—Когда и между послѣдователями браманизма стала чувствоваться потребность въ устройствѣ подобныхъ же богослужебныхъ зданій, они заимствовали у буддійскихъ храмовъ не только ихъ основной планъ, но и многія изъ архитектурныхъ украшеній. Мало этого, увлеченные прѣимствомъ буддистовъ, и они начали давать своимъ божествамъ человѣкоподобный образъ и убирать ихъ изваяніями и изображеніями внутренность своихъ храмовъ.

Фиг. 212.

Болѣ самостоятельныя браминскія сооруженія, постройку которыхъ полагаютъ возможнымъ отнести ко времени до Р. Х., сохранились лишь въ немногихъ развалинахъ, которыя всѣ находятся въ Кашмирѣ. ¹ Нѣкоторыя изъ нихъ — вольно стояція зданія, другія — высѣченные въ скалахъ гроты, небольшихъ размѣровъ и подъ греческія подходящихъ формъ. Самое замѣчательное изъ этихъ зданій — называемое Арабами Тахт-и-Сулейманъ (тропѣ Соломоновъ) — построено на холмѣ, близъ древней столицы Шринагары. Оно осьмиугольное; длина каждой его стороны равняется 15 фут., лица же внутренняго пространства только 20 фут. Вокругъ зданія, на разстояніи 7½ фут. отъ стѣнъ его, обнесена осьмиугольная же ограда со входомъ, къ которому ведетъ лѣстница въ 18 ступеней. Другой храмъ, называемый Бгаумаго, высѣченъ въ пещерѣ неподалеку отъ города Исламабада. Онъ имѣетъ 16 фут. вышины, 10 фут. длины и столько же ширины. — Наконецъ, третій храмъ, называемый по имени сосѣдней съ нимъ деревни Паякъ (Pájak), сложенъ изъ каменныхъ плитъ такихъ громадныхъ размѣровъ, что каждая стѣна храма состоитъ изъ одной плиты, а крыша его изъ двухъ плитъ. У него четверо воротъ; къ восточнымъ воротамъ ведутъ ступени. Ворота украшены изображеніями браманскихъ божествъ. Внутри храма устроена ниша, въ которой поставлена эмблема бога Шивы; ниша заключена между колонками, на капителяхъ которыхъ изваяны быки. — Храмъ этотъ построенъ, повидимому, не ранѣе третьяго столѣтія по Р. Х.

Собственно монументальныхъ гробницъ у Индусовъ, по всей вѣроятности, не было, хотя основная форма топы и указываетъ, повидимому, на противное. По обычаю Индусовъ, сжигать тѣла умершихъ, — обычаю, о которомъ уже и Греки говорятъ, какъ о повсемѣстномъ въ Индіи, кромѣ народа Такшашля, который ему не слѣдовалъ (Strabo XV, 1), — и ихъ взгляды на мертвое тѣло, какъ на предметъ, прикосновеніе къ которому оскверняетъ и должно быть очищено, ² — не могли не быть важнымъ препятствіемъ сооруженію гробницъ. Погребеніе совершалось безъ особенной торжественности. Покойника, завернутаго въ простыни, выносили за городъ и сжигали на отведенномъ для этого мѣстѣ; пепелъ бросали въ воду (Ramaj. II, 80. Argian. Ind. с. 10). Недавно открытыя на Малабарскомъ берегу надгробія на могилахъ, наполненныхъ урнами и разными погребальными принадлежностями, ³ не могутъ, за невозможностью опредѣлять ихъ давность, служить опроверженіемъ свидѣтельству Грековъ о господствовавшемъ у древнихъ Индусовъ обычаѣ — не ставить памятниковъ умершимъ.

Утварь.

Успѣхи ремесленности въ Индіи зависѣли, главнымъ образомъ, отъ общественнаго положенія ремесленниковъ, которое было почти такое же, какъ и въ Египтѣ (Diod. I, 74). Если, за неимѣніемъ такихъ наглядныхъ свидѣ-

¹ Lassen. II, 1179. F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 474. — ² Ср. въ особенн. Р. v. Böhlen II, 177 и слѣд. — ³ Transactions of the Literary Society of Bombay. Vol. III, Pl. 17 seqq.

тельствъ, какія представляютъ намъ изображенія на египетскихъ храмахъ и гробницахъ, мы и не въ состояннн съ точностью опредѣлить уровень, на которомъ стояли ремесла въ древней Инднн, то уже по самому сходству положенія ремесленного класса въ Египтѣ и Инднн, можемъ заключить, что инднйскнн ремесленники были не менѣе египетскихъ искусны во всѣхъ родахъ ремеслъ и притомъ уже съ давнихъ временъ. У Индусовъ не только не было недостатка въ сырыхъ продуктахъ всякаго рода, пригодныхъ для переработки, но они были даже гораздо богаче Египтянъ въ этомъ отношеннн. Съ увеличеннмъ потребностей должны были возрасти и познаннн, нужныя для цѣлесообразнаго употребленнн этого матернала, а съ тѣмъ вмѣстѣ и умѣннѣ перерабатывать его. Что это умѣннѣ рано достигло извѣстной высоты — объ этомъ свидѣтельствуютъ древнеинднйскнн письменные памятники; каково оно было въ то время, когда Греки узнали Инднн, можно судить, по крайней мѣрѣ вообще, по ихъ отзывамъ о различныхъ произведенняхъ инднйской промышленности (см. стр. 331).

Согласно постановленнямъ закона, инднйскнн ремесленники составляли особое замкнутое сословіе, дѣлившееся въ самомъ себѣ на корпорацнн, изъ которыхъ каждая занималась извѣстнымъ ремесломъ (Manu X. 6 seq.) Ядро этого сословія составляла каста судровъ. Покрайней мѣрѣ, ей было дозволено заниматься всякими промыслами, ремеслами и искусствами; и кромѣ того, она была закономъ освобождена отъ податей (Manu VII, 132. X. 120).¹ Въ эпосѣ упоминается уже о старшинахъ ремесленниковъ и цѣховыхъ старостахъ.² Изъ другихъ памятниковъ видно, что цѣховымъ старшинамъ, званнн которыхъ было наследственно, вмѣнялось въ обязанность охранять самостоятельность ихъ цѣха и не допускать захватовъ въ него со стороны другихъ цѣховъ.³

Съ такой правильной организацнн ремесленного сословія, которая сама по себѣ должна была содѣйствовать усовершенствованнн ремеслъ, независимо отъ ихъ наследственности, было, по всей вѣроятности, соединено и правильное распределеннн ремесленниковъ по различнымъ областямъ государства, сообразно величннѣ и значеннн послѣднихъ. Для небольшихъ мѣстечекъ достаточно было немногихъ ремесленниковъ. Въ настоящее время, число ихъ въ инднйскихъ деревняхъ ограничивается шестью: это — кузнецъ и плотникъ, выдѣлывающнн разную домашнюю утварь; горшечникъ — снабжающнн деревню посудой; мойщикъ — занимающннся чисткою платья; боролобрей, и серебрякъ, изготовляющнн недорогнн украшения для женщинъ и дѣвушекъ.⁴ Эти шестеро мастеровыхъ, потомъ — судья, сборщикъ податей, двое сторожей и астрологъ, или предсказыватель погоды, есть во всякой инднйской деревнѣ и содержатся на счетъ общнны.⁵ Только въ большихъ городахъ, особенно въ столицахъ (при дворахъ царя и князей),⁶ находили ремесленники возможность усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ. Неискусные въ добываннн металловъ и въ плавленнн ихъ,⁶ Инду-

¹ Ср. напротивъ того Strab. XV, 1. и Arrian. Ind. с. 12, гдѣ говорится, что только ремесленники, поставившія военныя принадлежности, и воробельщики были свободны отъ податей.—² Dupcker II, 104 и слѣд.—³ P. v. Bohlen II, 30 слѣд.—⁴ Тамъ же стр. 37.—⁵ Ремесленники и художники, не платившіе подати государю, должны были работать на него одинъ день въ мѣсяцъ. Manu VII. 138.—⁶ Ср. Strab. XV. 1.

сы были чрезвычайно искусны въ выдѣлкѣ изъ нихъ различныхъ мелкихъ вещей и утвари. И нынѣшній индійскій ремесленникъ умѣетъ при помощи очень незатѣйливыхъ инструментовъ выдѣлывать необыкновенно отчетливо и изящно разныя вещи изъ металла, дерева и камня. „Надобно удивляться“ рассказываетъ одинъ путешественникъ, ¹ „какія превосходныя работы выполняютъ Индусы самыми простыми орудіями; тонкость ихъ тканей чрезвычайна; ткачь устриваетъ себѣ станокъ изъ всего, что ему попадется подъ руку, ставитъ передъ нимъ чурбацъ и садится за работу гдѣ придется — въ саду, на дворѣ, ему вездѣ ловко. — Кто хочетъ заказать что нибудь къ узнелцу, тотъ покупаетъ на рынкѣ желѣзной руды и запасается наковальней, т. е. просто большимъ камнемъ; если камень слишкомъ тяжелъ, чтобы его перетаскивать, то кузница устривается подлѣ него. Когда она готова, приходитъ кузнецъ съ кузнечнымъ мѣхомъ на плечѣ и съ двумя клещами и молоткомъ въ рукахъ; очистивъ руду, онъ начинаетъ ковать ее и, въ концѣ концовъ, выдѣлываетъ заказанную вещь такъ же хорошо, какъ будто бы онъ учился своему ремеслу въ Парижѣ“. Путешественникъ Гафнеръ пишетъ, что нигдѣ не приводилось ему видѣть такихъ прекрасныхъ вещей съ инкрустаціей изъ слоновой кости, какъ въ Вицаганатнамѣ, на Орискомъ берегу; ибо тамъ, продолжаетъ онъ, „умѣютъ не только выкладывать слоновую костью мелкія и крупныя вещи, какъ напр. столы, стулья, диваны, паланкины, и обкладывать ихъ ею такъ, что снап между листочками кости совершенно незамѣтны, но также и рисовать на ней прочными красками цвѣты, ландшафты и фигуры“ ².

Послѣ всего сказаннаго, можно, кажется, допустить, что и древнеиндійскіе ремесленники были не менѣе нынѣшнихъ искусны въ своихъ ремеслахъ. Что касается формы древнихъ издѣлій, то при неподвижности индійскихъ привычекъ и вообще быта, можно предполагать, что она была в тогдѣ такъ же вычурна и обременена украшеніями, нерѣдко уродливо-фантастическими, какъ и теперь. Такъ какъ древніе авторы только упоминаютъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ индійской ремесленности, а не описываютъ ихъ подробно, то у нихъ мы не найдемъ никакихъ указаній относительно формы древнеиндійскихъ издѣлій, а должны будемъ обратиться къ архитектурнымъ орнаментамъ древнихъ памятниковъ. Какъ представители въ извѣстной мѣрѣ народнаго вкуса, эти орнаменты могутъ служить точкою опоры для приблизительнаго опредѣленія характера употребительнѣйшихъ современныхъ имъ формъ и украшеній вообще.

Домашняя утварь.

Нѣсколько циновокъ для снанья и сидѣнья, нѣсколько мѣдныхъ горшковъ и чашекъ для приготовленія пищи, и два—три сундука для храненія платья и другихъ пожитковъ, составляютъ весь домашній скарбъ нынѣшнихъ Инду-

¹ Perrin's Reise durch Hindostan. Bearb. von Hell. Lpzg 1810. Ср. Sonnerat. Reise nach Ostindien und China (1774—1781). Zürich 1783, съ рисунками работающих ремесленниковъ. — ² Haafner. Landreise längs der Küste Orissa und Koromandel. Deutsch von Ehrmann I, 37, и выписка изъ него у Th. Kruse Op. cit.

совъ, даже зажиточныхъ (напр. на Малабарскомъ берегу),—не говоря уже о бѣдныхъ, которые довольствуются еще меньшимъ. ¹ Такъ же не прихотлива была, безъ сомнѣнiя, и домашняя обстановка древнихъ Индусовъ ², и вся роскошь и блескъ, о которыхъ рассказываютъ древнiя поэмы, сосредоточивались—какъ и въ прочихъ восточныхъ монархiяхъ—вокругъ особы царя. Всё, что его окружало, было драгоценно и великолѣпно. Сосуды, изъ которыхъ онъ ѣлъ и пилъ, были изъ золота и серебра; изъ тѣхъ же металловъ были сдѣланы его умывальницы и ванны, въ которыхъ онъ каждое утро купался въ водѣ смѣшанной съ садаловымъ деревомъ (Râmâj. II, 50 7) ³.

По отзыву греческихъ писателей, сосуды Индусовъ не отличались изяществомъ формъ и не имѣли никакого художественнаго значенiя. Это зависѣло отчасти отъ свойствъ матерiала, изъ котораго они изготовлялись, отчасти отъ неумѣнья Индусовъ должнымъ образомъ обрабатывать металлы. Большую часть простой посуды, какъ-то: котлы, горшки, чашки, блюда—Индусы дѣлали изъ мѣди, которую однакожь не ковали, а выливали въ формы, отчего посуда ихъ, при всей массивности, была крайне ломка (Strab. XV, 4).

При раскрытiи нѣкоторыхъ изъ выше упомянутыхъ топъ и могилъ, найдены были въ нихъ нѣсколько глиняныхъ сосудовъ, которые могутъ служить образчиками гошчарныхъ работъ древнихъ Индусовъ. Сосуды, найденные въ топяхъ, имѣютъ нѣкоторое сходство съ урнами и перѣдко представляютъ весьма красивыя формы, приближающiяся къ греческимъ ⁴; сосуды, вынутые изъ могилъ,—горшки, чашки и блюда, съ разнообразными, но большею частью простыми украшенiями, — ничѣмъ не разнятся отъ сосудовъ искони употребляемыхъ на Востокѣ и не отличаются никакими особенностями, по которымъ ихъ можно было бы принять за индiйское издѣлiе, — кромѣ нѣ-

Фиг. 213.

сколькихъ составныхъ сосудовъ, въ которыхъ видна болѣе усовершенствованная обработка (фиг. 213, kk, cc).

¹ Th. Kruse, стр. 90.—² По законамъ Ману (III, 68), пять вещей должны быть въ каждомъ жилищѣ: очагъ, жерновой камень (ручная мельница), метла, ступа и вудинь.—³ P. v. Böhlen II, 54. Dupleker II, 127 и слѣд.; 231 и слѣд.—⁴ A. Cunningham. The Bhilsa Topes. Pl. XX; XXII—XXX.

Индусы не умѣли выдѣлывать стеклянной посуды: даже во времена Римлянъ, посуда эта привозилась въ Индію изъ чужихъ земель ¹. За то каменные сосуды были у нихъ въ употребленіи уже въ глубокой древности. Въ числѣ этихъ сосудовъ изготовлялись Индусами такъ называемые мурри-не-йскіе сосуды, за которые въ Римѣ платили баснословныя суммы. Они имѣли форму кубковъ, и, судя по тому, что о нихъ говорится у древнихъ писателей, выдѣлывались изъ плавикового (или полевого) и изъ известкового шпата ². Сосуды эти, привезенные въ первый разъ въ Римъ Помпеемъ (около 61 до Р. X.), доставлялись туда съ тѣхъ поръ александрійскими купцами, изъ портового города Баригаза, куда ихъ отправляли черезъ Пушкалу. Впослѣдствіи изъ того же минерала стали выдѣлывать тарелки, блюда, чаши, даже маленькіе столы и другую нарядную мебель.

Мебель.

Какъ было уже выше замѣчено, мебель въ собственномъ смыслѣ была принадлежностью однихъ только дворцовъ царя и знатнѣйшихъ вельможъ. Она состояла, вѣроятно, изъ дивановъ, покрытыхъ дорогими коврами, столовъ, небольшихъ деревянныхъ этажерокъ, ящиковъ и сундуковъ для храненія драгоценностей и пр.—словомъ, изъ тѣхъ же предметовъ, какими и нынче убрываютъ свои дома восточные народы вообще и въ особенности Индусы, не затронутые европейскими обычаями.—Мебель изготовлялась изъ дерева различныхъ сортовъ, которыми такъ богаты лѣса Индіи ³, изъ жесткаго тикового (ték) и легкаго бамбука. Для украшенія мебели употребляли цвѣтное дерево, доставляемое тѣми же лѣсами, слоновую кость, вывозъ которой изъ Индіи начался съ глубокой древности ⁴, черепаху ⁵, благородные металлы и драгоценныя камни (Strabo. XV. 1), такъ что въ изготовленіи богатой мебели участвовали мастера почти всѣхъ ремеселъ, начиная отъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ до столяровъ и кузнецовъ. „Въ Магабгаратѣ (II. 1813; 1836), царь Прагьотти приноситъ въ даръ мечи съ рукоятками изъ слоновой кости; цари восточные—дорогія сѣдалища, колесницы и ложа, убранныя золотомъ, драгоценными камнями и слоновою костью.“ ⁶ Въ Ману (IX, 292; X, 100) упоминается вмѣстѣ съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и столяръ; кузнецы, золотыхъ дѣлъ мастера, столяры и ткачи пользуются въ Индіи и нынѣ особеннымъ уваженіемъ передъ всѣми ремесленниками ⁷.

У древнихъ Индусовъ не было большихъ столовъ. На пирахъ, ⁸ передъ каждымъ гостемъ ставили особый небольшой столикъ и на немъ въ золотыхъ чашахъ рисъ и другую зелень. Такъ какъ Индусы были вообще весьма умѣренны въ нищѣ, то и количество ихъ столовой посуды было, вѣроятно, до-

¹ Lassen III, 48 и слѣд.—² Объ этихъ сосудахъ см. A. Becker. Janus oder römische Scenen aus der Zeit Augusts Lpzg. 1849. II, 276. II. Krause Angeiologie: Стр. 22, § 4. По мнѣнію Th Krause (Op. cit. 432, §. 10.) они были фарфоровые Ср. Lassen III, 47.—³ Lassen I, 252 и слѣд. Th. Kruse, 371. § 11. и слѣд. —

⁴ Lassen, I, 310.—⁵ Lassen III, 46 и слѣд.—⁶ Онъ же: I. not. 5.—⁷ O. h. Grueve стр. 152.—⁸ P. v. Bohlen, II, 159 и слѣд., 163.

вольно ограничено. Сравнительно скромное убранство столовъ восполнялось богатою отдѣлкою пиршественной залы.

Между роскошными сѣдалищами первое мѣсто принадлежало конечно царскому трону. Онъ былъ рѣзной изъ фигового дерева, обложенъ золотомъ и увѣшанъ дорогими покровами, испещренными драгоценными камнями; рѣзные львы служили ему подножіемъ; желтый зонтикъ, который держали надъ царемъ, когда онъ сидѣлъ на тронѣ, замѣнялъ балдахинъ. (Rāmāj. II, 1. 3, 14, 15, 17). Такъ же богато убраны были носилки (паланкинъ), въ которые царь садился, отправляясь на прогулку или въ дорогу.

Устройство древняго паланкина было вѣроятно такое же, какъ и нынѣшняго: родъ покойнаго кресла, прикрѣпленнаго къ шестамъ и сверху накрытаго навѣсомъ. Сидѣнье царскаго паланкина устилалось дорогими коврами, тигровыми шкурами и обкладывалось вышитыми подушками. Всѣ части паланкина, шести, навѣсъ, были, конечно, тоже богато украшены ¹.

Сидя въ такомъ паланкинѣ, вокругъ котораго толпилась блестящая свита, появлялся царь передъ народомъ при извѣстныхъ торжествахъ (напр. при общественныхъ жертвоприношеніяхъ). Длинная процессія сопровождала царскій выходъ: впереди шли музыканты съ литаврами и колокольчиками; за ними вели слоновъ въ отдѣланной золотомъ и серебромъ сбруѣ, прирученныхъ львовъ, тигровъ, пантеръ, буйволовъ; ѣхали колесницы, запряженные быками, и большія четырехколесныя повозки, везшія цѣлыя деревья съ вѣтвями и листвою, гдѣ сидѣли и порхали разнаго рода ручныя птицы, которыхъ держали или ради ихъ голоса, или ради красоты ихъ перьевъ. Для большаго блеска, выносили даже богатую царскую утварь: золотые сосуды, большіе котлы и чаши, имѣвшія около сажени въ поперечникѣ, столы, кресла, умывальницы изъ индійской мѣди, всё это выложенное драгоценными камнями—смарагдами, бериллами, и рубинами². Вездѣ раздавались звуки различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, улицы были усыпаны цвѣтами, дороги и дома убраны зонтиками, флагами и флагерами (ср. Rāmāj. II, 6. 16, 17. Strab. XV. 1 и слѣд.)

Музыкальные инструменты ³.

Они были, повидимому, довольно разнообразны. Въ эпосѣ ⁴ часто говорится о большихъ барабанахъ, о трубахъ и различнаго рода флейтахъ; упоминаются также колокольчики, литавры, или цимбалы, и нѣсколько родовъ струнныхъ инструментовъ, устройство которыхъ, однакожь, ближе не описано. Изъ древнихъ авторовъ (Plin. hist. nat. IX, 13. 1. Paus. VIII, 23, 6) намъ извѣстно, что древніе Индусы дѣлали себѣ лиры изъ цѣльныхъ щитовъ известной породы черепахъ; кромѣ того, мы знаемъ, что въ числѣ подарковъ, посланныхъ царю Арзаку⁵, находились и музыкальные инструменты⁶. Сравнивая еще и нынѣ употребляемые въ Индіи музыкальные инструменты⁶ съ представленными на древнеассирійскихъ и древнеегипетскихъ памят-

¹ P. v. Bohlen II, 109. О нынѣшнихъ паланкинахъ см. названныя выше (стр. 332 въ прилж.) сочиненія Ferrario, Doyley и друг.—² Dunsker. II, 262 и слѣд.
³ P. v. Bohlen II, 196.—⁴ Rāmāj. I 10, 36; 19, 4. Strabo. XV. 1.—⁵ Основателю Параянскаго царства и династіи Арзакидовъ (255 до Р. X.)—⁶ Lassen III, 51.—⁶ Рисунки у Ferrario, Doyley. См. также: Sonnerat. Reise. I, 86. № ч. 16, 17.

никахъ, нельзя не видѣть замѣчательнаго сходства между весьма многими изъ нихъ и не заключить отсюда, что въ древности это сходство было еще ближе. —

Индусы сопровождали всякое торжество, религиозное или свѣтское, музыкою и пляскою. Та и другая служили имъ средствомъ къ возбужденію въ себѣ какъ возвышеннаго, такъ и веселаго настроенія духа (*Rāmāj.* I. 63, 59).

Не меньше, чѣмъ музыку и пляску, любили Индусы и разнаго рода игры, особенно азартныя. Не смотря на строгіе законы противъ азартныхъ игръ и игорныхъ домовъ (*Маңу*, IV, 74. VII, 47. IX. 221 и слѣд.), не только народъ, но и высшія сословія, даже сами цари съ увлеченіемъ предавались игрѣ въ кости. О ней упоминается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ индійской письменности. Индусы считали её, впрочемъ, наравнѣ съ шахматною игрою (изобрѣтеніе которой тоже приписывается имъ), — искусствомъ, коему можно научиться. ¹ — Изъ народныхъ развлеченій особенно любимы были представленія фокусниковъ, фигляровъ и канатныхъ плясуновъ (*Rāmāj.* I. 15, 92. *Aelian. var. hist.* VIII, 7). —

Скажемъ мимоходомъ, что при той заботливости, съ какою высшіе классы пеклись о красотѣ своего тѣла, у нихъ, конечно, не могло быть недостатка въ туалетныхъ принадлежностяхъ всякаго рода. Въ *Рамаянѣ* (II, 67, 60) говорится объ умывальникахъ и купальняхъ (у царей — изъ благородныхъ металловъ), о гребняхъ для головы и бороды, о зеркалахъ, баночкахъ, ящичкахъ и флаконахъ для благовонныхъ мазей и различныхъ эссенцій.

Военные снаряды.

Постановленія, касающіяся веденія войны, причисляютъ къ военнымъ снарядамъ, кромѣ различныхъ военныхъ машинъ, — боевыя колесницы и боевыя слоновъ. Въ древнѣйшія времена — какъ видно изъ Вѣдъ — въ битвахъ употреблялись только колесницы ²; о слонахъ упоминается впервые въ эпосѣ.

Устройство и снаряженіе древнеиндійскихъ боевыхъ колесницъ ³ было, вѣроятно, сходно съ устройствомъ и снаряженіемъ ихъ у древнихъ среднеазійскихъ народовъ. Занесенныя на берега Гангеса, первыми арійскими переселенцами, колесницы Индусовъ походили, можетъ быть, сначала на древнеперсидскія, (фиг. 162), а позднѣе, подъ вліяніемъ греческимъ, измѣнили свою неуклюжую форму на болѣе легкую и изящную. Какъ украшеніе, по бокамъ колесницы прикрѣплялись на шестахъ треугольные значки, знамена, а иногда тигровыя шкуры ⁴. — Такъ какъ въ Индіи лошади были очень дороги, то ихъ старались по возможности беречь, ⁵ поэтому, во время похода, колесницы везли быками, а лошадей вели въ поводу и запрягали только предъ самымъ началомъ сраженія (*Rāmāj.* II 63, 61. *Strab.* XV, 1) Лошадей покрывали дорожными попонами и привязывали имъ между

¹ Ср. P. v. Bohlen II, 67, 176. Duncker II, 108, 109. — ² Duncker II, 27 и слѣд., 264. — ³ P. v. Bohlen II, 70 и слѣд. — ⁴ Lassen II, 549 и слѣд. — ⁵ Ср. Bohlen II 72 и Lassen III, 329 и слѣд.

ушей, какъ украшеніе, — хвостъ тибетскаго быка насаженный на вызолоченную ручку.

Боевые слоны ¹ часто называются въ индійскомъ эпосѣ „бронееукрашенными“. Вооруженіе ихъ, по греческимъ извѣстіямъ, состояло главнымъ образомъ въ довольно большой башнеобразной будкѣ, которая могла вмѣщать въ себѣ отъ 10 до 15-ти (по Плинію (VIII, 7), только 3—4) вооруженныхъ ратниковъ, и была укрѣплена на спинѣ животнаго широкими подпругами и цѣпями (Diod. XVII, 87. *Argrian. Exped. Alex. V*, 15). Иногда и хоботъ слона былъ снабженъ желѣзною цѣпью, которая усиливала разрушительное дѣйствіе его ударовъ. Вооруженные слоны ставились обыкновенно впереди пѣшаго войска, образуя передъ нимъ родъ крѣпостной стѣны.

Въ числѣ боевыхъ снарядовъ, упоминаемыхъ въ Рамаянѣ, говорится (I, 5, 14, 26, 13) объ „огнеметателяхъ“ и о „летающихъ шарахъ, производящихъ шумъ, подобный грому“. Это повело къ предположенію ², что древніе Индусы знали составъ, похожій на порохъ, и увеличивающіе его силу снаряды. Впрочемъ, однакожъ, предположить, что упоминаемая въ Рамаянѣ снаряды были, или большія зажигательныя стрѣлы, которыя пускали съ крѣпостныхъ стѣнъ изъ машинъ, можетъ быть въ родѣ огромныхъ арбалетъ, или разрывные шары, наполненные такъ называемымъ греческимъ огнемъ. (ср. *Manu*, VII, 90. *Aelian. Histor. anim. V*, 3. *Plin. Hist. IX*, 17).

Объ употребленіи древними Индусами осадныхъ орудій, какъ-то стѣнобитныхъ машинъ и т. п., намъ положительнаго ничего неизвѣстно. При миролюбивомъ характерѣ народа, особенно въ позднѣйшее время, едва ли могли выработаться у него подобныя наступательныя орудія, тѣмъ болѣе, что индійскіе цари весьма рѣдко рѣшались начинать завоевательныя войны, несмотря на то, что по закону были обязаны увеличивать свои владѣнія (*Manu VII*, 101 sq).

Обозныя повозки были большею частью о четырехъ колесахъ. Въ нихъ запрягали обыкновенно быковъ или муловъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ лошадей. Вельможи ѣздили не иначе, какъ четвернею (*Rāmāj. I*, 64, 19. II, 54, 23, 63, 61, 67. *Argrian. Ind. c.* 17).

Богослужебная утварь.³

Индо-арійцы, поселившіеся на Гангѣ, поклонялись, подобно древнимъ Персамъ, солнцу, какъ „родителю и питателю человѣка“, и духу огня (*agni; ignis*), какъ божеству питающему и дарующему богатство. Въ молніи исходитъ Агни съ неба на землю. Онъ раждается отъ тренія двухъ кусковъ дерева. Въ пламени очага, онъ—далековидящій домохозяинъ, гость и собиратель людей (*Samaveda I*, 1, 2. 2). Ему, также и солнцу и остальнымъ божествамъ, приносили въ жертву, особенно соответствовавшія его природѣ, маслянистыя вещества; а „божеству высокаго неба“—„молніеносному, многоорукому Индрѣ, громовержцу, котораго сила такъ же неизмѣрима, какъ не-

¹ P. v. Böhlen II, 69 и слѣд. Lassen I, 303; III, 330 и слѣд. Duncker II, 40, 264.—² Ср. объ этомъ P. v. Böhlen II, 63. Th. Kruse. 40. —³ Ср. M. Müller. Die Todtenbestattung bei den Brahmanen—въ *Zeitschrift der deutsch. Morgenländischen Gesellschaft. Bd. IX.* 995 (Lpzg 1855).

бо⁴ (Samaveda I. 2, 2, 3)—жертвовали преимущественно сокъ одного горнаго растенія—сомы¹, которая, подъ названіемъ „гаомы“, занимала важное мѣсто и въ культѣ Парсовъ, какъ растеніе и вмѣстѣ, какъ исцѣляющее божество. Сокъ сомы удваивалъ силы самихъ боговъ. Его предлагали имъ въ золотой чашѣ. Растеніе сначала растирали между двумя камнями, выжатый сокъ его пропускали черезъ сито, сдѣланное изъ волосъ отъ бараньихъ хвостовъ, въ сосудъ, и, смѣшавъ съ молокомъ, выливали въ жертвенную чашу.

Въ послѣдствіи, жертвоприношеніе сомы было вытѣснено жертвоприношеніемъ огню (сжигали коровье масло),² и отъ прежнихъ, хотя и въ древности весьма рѣдкихъ, животныхъ жертвоприношеній,³ было оставлено одно только (уже вышеупомянутое) привесеніе въ жертву коня. Чудовищная церемонія, сопровождавшая это жертвоприношеніе, усложняясь болѣе и болѣе, потребовала, вѣроятно, и умноженія жертвенной утвари. (Въ древнія времена, лошади были дѣйствительно приносины въ жертву (Rāmāj. I, 13, 34 ff. Māhāb. XIV. 89. v. 2644 ff); но позднѣе, убіеніе животнаго замѣнилось, можетъ быть, только посвященіемъ его божеству⁴).

Одни приготовленія къ этому жертвоприношенію были чрезвычайно многосложны:⁵ „Прежде всего выбирали для него удобное мѣсто—гдѣ либо на берегу рѣки, преимущественно на берегу Ганга. Назначенный царемъ жрецъ бралъ ванну съ кунджутомъ и шафраномъ; такую же ванну брала и жена этого жреца. Четыре брамина, выбраные въ помощники жрецу, привѣсившись къ предстоящей церемоніи постомъ, очищались омовеніями въ саудальной ваннѣ. Главный жрецъ, сѣвъ на высокое, украшенное драгоценными каменьями, сѣдалище, начиналъ обрядъ воззваніемъ отъ имени царя къ стихійнымъ божествамъ, обѣщая, ради прощенія его грѣховъ и очищенія всего народа, приносить Индрѣ ежедневныя жертвы въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ. За тѣмъ, при произнесеніи различныхъ молитвъ богамъ и привѣтствій каждой изъ жертвенныхъ принадлежностей, зажигали въ вырытой заранѣ ямѣ огонь. Около ямы ставили четыре арки и начинали жертвоприношенія Индрѣ. Число ихъ возрастало съ каждымъ днемъ, такъ что въ теченіи послѣдняго мѣсяца (6-го) ежедневно сжигалось 360 жертвъ, состоявшихъ изъ девяти сортовъ дерева, масла и меду. Въ послѣдній день послѣдняго мѣсяца являлся царь и совершалъ возліяніе. — Послѣ этого шестимѣсячнаго торжества въ честь Индры, начиналось другое, четырехмѣсячное, въ честь Ямы, бога смерти; оно состояло въ томъ, что жрецъ 1000 разъ ежедневно кидалъ на огонь чистаго масла. Затѣмъ слѣдовало пятимѣсячное жертвоприношеніе Варунѣ, сопровождавшееся церемоніей очищенія воды для крошенія. Когда всѣ эти 15-ти мѣсячныя приготовленія были счастливо окончены и жертвенное животное—жеребецъ мужскаго пола и совершенно бѣлый—найдено (въ чемъ проходили опять цѣлые мѣсяцы, даже годы), его тщательно вытирали масломъ съ саудаломъ, обвязывали золотымъ спуркомъ и, закрывъ бѣлымъ покрываломъ, выпускали на волю, на-

¹ Lassen I, 763, 789.—² Lassen I, 790 и слѣд.—³ Тамъ же стр. 792. прим. 4.—⁴ P. y. Bohlen I, 272.—⁵ Duncker II, 242.

правляя его бѣгъ къ сѣверу. Для охраненія жеребенка, за нимъ посылали отрядъ конныхъ воиновъ. Если въ теченіе года животное не возвращалось, то всё предшествовавшее считалось неудавшимся и церемонія начиналась съизнова и еще сложнѣе прежней. Если же лошадь приходила назадъ, то приступали къ самому жертвоприношенію. Сначала лошадь надлежащимъ образомъ очищали омовеніями и очистительными молитвами, и уже потомъ убивали: одинъ изъ браминовъ раскалывалъ ей жертвеннымъ ножомъ голову... По окончаніи жертвоприношенія, всю жертвенную утварь — какъ то чаши и пр. и даже одежды жрецовъ сжигали и пламя заливали „молокомъ изъ тысячи кувшиновъ“. Въ заключеніе торжества царь предлагалъ жрецамъ угощеніе, а самъ принималъ „ванну совершенія.“— Употреблявшіеся браминами при жертвоприношеніяхъ чаши возліанія получили впоследствии символическую форму лотоса, корабля и т. д. ¹.

Такъ какъ буддизмъ не признавалъ боговъ, то у буддистовъ не было ни жертвоприношеній, ни жертвенной утвари, кромѣ курильницъ, въ которыхъ они жгли благовонія передъ памятниками или изображеніями Будды. Въ буддійскихъ вигарахъ очень рано были введены въ употребленіе большіе металлическіе колокола, которыми сзывали на молитву, и длинные нитки бусъ, по которымъ считали молитвы ².

Какъ браманисты, такъ и послѣдователи буддизма подчиняли себя болѣе или менѣе строгой аскезѣ, въ которую входило также и истязаніе тѣла. ³ Средства, употребляемые ими для этой цѣли, какъ-то: постели утыканныя острыми, остроконечные бичи, цѣпи, кандалы и др. т. п. превосходили суровостью самыя жестокія наказанія, ⁴ которыми индійское правосудіе карало преступленія.

Китай. ⁵

Эта страна—крайнее звено въ цѣпи культурныхъ странъ Азіи—была едва извѣстна древнимъ народамъ Запада даже по имени. Упомяновеніе страны Синимъ у пророка Исаи (XLIX, 12), ⁶ названіе К'ина (K'ina), встрѣчающееся въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ Индусовъ, ⁷ и, наконецъ, извѣстія о торговыхъ сношеніяхъ этихъ послѣднихъ съ ихъ сѣверо-восточными сосѣдями—даютъ нѣкоторое основаніе догадкѣ, что по крайней

¹ P. v. Böhlen I, 273.—² Ср. P. v. Böhlen I, 339 и слѣд. Lassen. III, 369.—³ Duncker II, 174 и слѣд.—⁴ P. v. Böhlen II, 4, 58 и слѣд. Duncker II, 112, 118, 231, 260. Th. Kruse 93, 145.—⁵ I. Ferrario. Le Costume ancien et moderne ou Histoire du Gouvernement, de la Milice etc. de tous les peuples anciens et modernes (Fol.) Asie. II. v. Milan 1827. p. 367: «L'Inde au de là du Gange ou Indo—Chine» (съ рисунками).— G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit. Bd. VI: China und Japan. Lpzg, 1847.— C. Gützlaff. Geschichte des Chinesischen Reiches. Aus dem Englischen von Bauer. 2 Bde. Lpzg. 1836.— R. Kauffmann. Das chinesische Volk vor Abrahams Zeiten etc. Dresden 1850.— Th. Kruse Indiens alte Geschichte. Lpzg. 1856.— Относительно искусства у китайцевъ: F. Kugler, Handbuch der Kunstgesch. I. 326 и слѣд.; J. Ferguson, Handbook of Architecture I. 133 ff.—⁶ Ср. Winer Bibl. Realwörterbuch (8-te Aufl.) II, 473: Art: Sinim.—⁷ Chr. Lassen, Ind. Alterthumskunde. I, 320; 747; 856; и слѣд.

мѣрѣ въ Индіи и западной Азіи знали о существованіи китайскаго народа, хотя ни обычаи его, ни даже положеніе его страны не были извѣстны. Такъ же ничтожны были свѣденія Грековъ и Римлянъ о Китаѣ. Имъ было лишь извѣстно, что гдѣ-то на сѣверовостокѣ, на самомъ краю свѣта, есть страна Сина (Sina) и живетъ народъ Серовъ (Seri), отъ котораго получаютъ шелковыя (серійскія — serica) ткани, причемъ покупка и продажа совершаются безмолвно. Такъ какъ единственнымъ источникомъ свѣденій объ этомъ народѣ были рассказы торговцевъ, безъ сомнѣнія лживыя, то даже и позднѣйшее время имѣло о немъ самое фантастическое представленіе (Strabo. XV. 1). Мнимое посольство, которое будто-бы отправлялъ въ Китай Маркъ-Аврелій (около 166 по Р. Х.), не подтверждается никакими свидѣтельствами заслуживающими вѣроятія. ¹ Греческій географъ Птоломей, жившій во второмъ вѣкѣ по Р. Х., первый говоритъ (VI, 16), что жители страны Serica были извѣстны, какъ богатые торговцы шелковыми товарами, искусные рѣшники на камнѣ и серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера. Такъ же скудны свѣденія, сообщаемыя имъ о странѣ Синовъ—Sinae (Ptol. VII, 3). Подробнѣе другое, болѣе раннее, извѣстіе ² о народѣ Sēsatae, который описывается чертами, ясно указывающими на принадлежность его къ Монгольскому племени. „Ежегодно“ — говорится въ этомъ извѣстіи— „на границу Сины (Sinae) приходитъ нѣкоторый народъ, имѣющій сходство съ дикими народами: низкорослый, широколобый и плосконосый. Людей этихъ называютъ Sēsatae. Приходятъ они съ женами и дѣтьми и приносятъ съ собою въ корзинахъ большія связки камыша съ листьями. Изъ этихъ связокъ они устраиваютъ себѣ стаповища на границѣ своей и синской земель и живутъ тамъ нѣкоторое время, празднуя праздники, и затѣмъ уходятъ домой, въ свою землю. По удаленіи ихъ, жители Сины (Sinae) собираютъ оставленныя связки тростника и изъ его сердцевины и листьявъ приготовляютъ три сорта malabathrum, ³ который вывозится въ Индію“.

Свойственная Китайцамъ наклонность къ замкнутости—осязательно развившаяся въ постройкѣ такъ называемой китайской стѣны, существующей съ 214 г. до Р. Х. и впервые упоминаемой у Амміана (XXIII, 6)—предохраняла ихъ отъ всякихъ чужихъ вліяній. Только новѣйшему времени ⁴ удалось ближе познакомиться съ китайскою культурою.

Хотя отечественныя лѣтописи Китайцевъ отодвигаютъ начало ихъ исторіи въ самую глубь мионическихъ временъ, а съ воцареніемъ династіи Геа (около 2200 до Р. Х.) начинаютъ даже отмѣчать годы событій, тѣмъ не менѣе исторія Китайцевъ получаетъ нѣкоторую степень достовѣрности только со времени ихъ знаменитаго мудреца и законодателя Конфуція (Кон-фу-цзы), жившаго въ половинѣ 6-го вѣка до Р. Х. ⁵ Изъ сочиненій, имъ написанныхъ или ему приписываемыхъ, Шу-кин-гъ (книга лѣтописей) ⁶, сборникъ древ-

¹ P. v. Bohlen I, 71. — ² L. Georgi. Alte Geographie etc. I, 365. — ³ Ср. Chr. Lassen I, 283.—⁴ Первые основательныя свѣденія о Китаѣ сообщилъ венеціанецъ Марко Поло, посѣтившій его около 1272 г. Торговья сношенія Англичанъ съ Китайцами долгое время ограничивались однимъ Кантономъ; только послѣ мира, заключеннаго въ Нанкинѣ, въ 1842 г., европейская торговля пустила въ Китаѣ прочныя корни и открыла къ нему доступъ. См. H. Ungewitter. Gesch. des Handels etc. 2 Aufl. Lpzg 1851. S. 732.—⁵ Gützlaff Gesch. des chinesischen Reiches I, 45 и слѣд.—⁶ О различныхъ изданіяхъ Шу-кин-гъ (Schu-King) см. G. Klemm, Allgem. Culturgesch. VI 474; тамъ же и важнѣйшее о китайской литературѣ. Ср. Gützlaff. I. c. 96 и слѣд.

нихъ преданій, обработанный въ формѣ лѣтописи, самое важное. Содержащіяся въ этомъ и другихъ сочиненіяхъ Конфуція поученія и размышленія о достиженіи благополучія на землѣ и блаженства за гробомъ, не только свидѣтельству ютъ о глубокой древности китайской цивилизаціи, но и показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что уровень ея въ тѣ отдаленныя времена стоялъ, можетъ быть, гораздо выше нынѣшняго.

Конфуціева „книга лѣтописей“ начинается династією Яо (предположи тельно около 2357 до Р. Х.) и представляетъ Китай уже вполне благо устроеннымъ и цвѣтущимъ государствомъ. „По повелѣнію Гоанг-ти народъ былъ раздѣленъ на 4 сословія: ученыхъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ и кушцовъ (Шу-кинѣ 4, 20. § 12). Государство дѣлилось на 9 областей и производило въ изобиліи золото, серебро, желѣзо, олово, мѣдь, драгоцен ные камни, жемчугъ, черепаху, шовкъ, хлопчатую бумагу, коноплю, де ревя, растенія и животныхъ различныхъ породъ. Промыслы всякаго рода процвѣтали. Жители занимались выдѣлкою разноцвѣтныхъ шелковыхъ ма терій и цѣнныхъ тканей изъ конопли и хлопчатой бумаги, рисованіемъ ла ковыми красками и тонговымъ масломъ и т. д.—„Страну посѣщали иноземцы; рѣчное судоходство было обширно; жители острововъ платили дань звѣриными шкурами и одеждами. Народъ приносилъ жертвы Небу, горнымъ и рѣчнымъ божествамъ, и глубоко чтилъ память предковъ“ и т. д. (Шу-кинѣ 1—2).

Изъ этихъ и подобныхъ указаній, встрѣчающихся и въ другихъ книгахъ Китайцевъ, дѣйствительно нельзя не заключить, что развитіе гражданствен ности въ Китаѣ началось съ глубокой древности; сходство же, представляе мое многими сторонами этой древне-китайской гражданственности съ ны нѣшней, даетъ достаточное основаніе предположенію, что бытъ Китайцевъ, сложившись разъ, остался безъ измѣненій даже и во всехъ своихъ выш нихъ проявленіяхъ—одеждѣ, постройкахъ, утвари и пр. Хотя все эти про явленія стали намъ извѣстны въ ихъ настоящемъ, уже законченномъ видѣ и мы ничего не знаемъ о предшествовавшемъ ихъ развитіи, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не видѣть на нихъ отпечатка глубокой древности, дающаго имъ значеніе сохранившихся по преданію образчиковъ соотвѣстныхъ имъ принадлежностей древнѣшаго быта. ¹ Имѣли ли какое нибудь влияніе на образованіе ихъ издавна начавшіяся и въ послѣдствіи, можетъ быть, распространившіяся сношенія Китайцевъ и Индусовъ — мы рѣшить не въ состояніи. ² Впрочемъ, относительно одежды можно, кажется, принять, что какъ у всехъ вообще народовъ, такъ и у Китайцевъ, она преимущественно опредѣлялась климатомъ ихъ страны, суровымъ на сѣверѣ и перемѣннымъ на югѣ, гдѣ сильный жаръ смѣняется такимъ же холодомъ, и что поэтому вышншіи обычаи Китайцевъ обоюга пола — носить на себѣ по нѣскольку штукъ платья, наитыхъ одна на другую, ³ существуетъ у нихъ искони и былъ вызванъ климатическими условіями.

¹ Ср. противоположное мнѣніе W. Wachsmuth'a въ Allgemeine Kulturgesch. I, 142 (Lpzg 1850). Онъ говоритъ: „не ранѣ среднихъ вѣковъ вступилъ Китай въ тотъ пе ріодъ неподвижности, въ которомъ застало его повѣщее время“. — ² Th. K u s e (Indiens alte Gesch. S. 30 и слѣд.) выводитъ китайскую культуру изъ Индіи; Лассенъ напротивъ того замѣчаетъ (Ind. Alt. I. 856), что Индусы заимствовали отъ Китайцевъ свои астро номическія свѣденія. — ³ См. рисунки въ названныхъ выше сочиненіяхъ.

При своемъ преимущественно практическомъ складѣ ума, который выработался въ нихъ подъ вліяніемъ естественныхъ свойствъ страны, Китайцы были изначала неспособны къ чисто художественной дѣятельности. ¹ Своеобразныя формы окружавшихъ ихъ животныхъ и растений, даже самая очертанія ихъ родныхъ горъ, находясь у нихъ постоянно передъ глазами, направили ихъ вкусъ болѣе на странное и оригинальное, чѣмъ на истинно изящное. Обладая въ совершенствѣ техникую всякаго рода ремеслъ, они не произвели ничего, что выходило бы за уровень просто и с к у с н а г о, ни въ монументальныхъ сооруженіяхъ, ни въ мелкихъ издѣліяхъ. Индійское искусство проникло въ Китай, повидимому, вмѣстѣ съ буддизмомъ, который, какъ полагаютъ ², началъ распространяться тамъ при реформаторѣ Ши-гоан-ти (ок. 246 — 210 до Р. Х.) Между тѣмъ памятники, на которыхъ отразилось вліяніе этого искусства, построены все не ранѣе нашихъ среднихъ вѣковъ (извѣстная фарфоровая башня въ Нанкинѣ построена между 1412 и 1431 г. по Р. Х.). ³ Поэтому, своеобразность древнекитайской архитектуры сохранилась лишь въ общемъ типѣ этихъ зданій, а не въ ихъ частностяхъ. Тоже слѣдуетъ замѣтить и относительно такъ называемыхъ пэ-лу, или „воротъ воспоминанія“, воздвигаемыхъ въ честь людей, прославившихся какими нибудь важными дѣлами. Вѣроятно однѣ только гробницы удержали и до сихъ поръ свою древнѣйшую форму—высокаго конуса на цилиндрическомъ основаніи.

Обзоръ предшествовавшего.

Роскошь, процвѣтавшая въ Египтѣ при фараонахъ 17-ой и 18-ой династій, питалась главнымъ образомъ промышленностью переднеазиатскихъ народовъ (см. выше стр. 109). Изображенія и надписи на египетскихъ памятникахъ, изъ 2-го тысячелѣтія до Р. Х., дали основаніе предположить, что главнѣйшими изъ народовъ, снабжавшихъ Египтянъ предметами роскоши, были Финикійяне, жители о. Кипра, Филистимляне и Сирийцы (стр. 129 и слѣд.). Сходство одежды народа „Retennu“ (на тѣхъ же памятникахъ) съ одеждою древнеассирийскихъ жрецовъ, привело къ заключенію, что подъ Retennu Египтяне разумѣли не Каппадокійцевъ (какъ полагали до сихъ поръ), а народъ, близко родственныи Ассиріянамъ—можетъ быть даже самихъ Ниневитянъ—и что, слѣдовательно, они проникали до самой Ниневіи, отчего ихъ бытіе не осталось чуждъ и ассирийскому вліянію (стр. 131; 149.).

Въ противоположность Африкѣ съ ея хотя и разноплеменнымъ, но преимущественно негритянскимъ населеніемъ, Азія представляется намъ населенною—по крайней мѣрѣ въ историческое время—племенами, большая часть которыхъ обнаруживаютъ признаки высшей, ими всеми изъ одного общаго источника почерпнутой организаціи ⁴. Племена эти, въ отличіе отъ другихъ,

¹ Cp. Sch n a a s e, Geschichte der bild. Künste I, 100 ff.—² Th. Kruse Op. 166; cp. C. G ü t z l a f f Gesch. des chin. Reiches I, 43. — ³ J. F e r g u s s o n. Handbook of Architecture I, 136 seqq.—⁴ C. Ritter. Erdkunde etc. Asien I, 8: Большее (сравнит. съ Америкой) разнообразіе азіатскихъ земель, соединенное однакожъ съ большимъ разнообразіемъ климата, обусловило и большее внутреннее единство и болѣе согласное развитіе азіатскаго населенія, при безвонечномъ разнообразіи индивидуальных особенностей племенъ, его составляющихъ“.

менѣ одаренныхъ и умственно бездѣйствующихъ племенъ, причисляютъ къ дѣятельной, „активной“ расѣ ¹, которая изъ своей прародины—предполагаемой близъ истоковъ Океуса и Яксарта—распространилась прежде всего къ югу (стр. 111 и сл.). Когда и при какихъ обстоятельствахъ произошло это распространение активной расы надъ первобытною, до ея появленія повсемѣстно (?) жившею, „пассивною“ расою—объ этомъ исторія, конечно, ничего не знаетъ ².

Неисторическія, въ собственномъ смыслѣ слова, племена кочевыхъ Арабовъ, еще и донинѣ сохранившія въ своемъ образѣ жизни всю его первобытную простоту, могли быть удобно приняты за представителей доисторического быта всѣхъ народовъ передней и средней Азіи, а бытовая обстановка этихъ кочевниковъ, тоже оставшаяся почти безъ всякихъ перемѣнъ,—за первоначальный типъ, по которому сложилась она и у названныхъ народовъ. Исслѣдованія строительныхъ памятниковъ, оставленныхъ нѣкоторыми изъ этихъ кочевыхъ племенъ, вмѣстѣ съ древнѣйшими преданіями о постепенномъ переходѣ пришлого населенія отъ кочевой жизни къ осѣдой и затѣмъ къ государственной, показали, что зачатки прочнаго культурнаго развитія возникли прежде всего въ приморскихъ мѣстностяхъ и тигроевфратской равнинѣ и что однимъ изъ древнѣйшихъ центровъ этого развитія было старовавилонское царство, которое, однакожъ, исчезло безслѣдно еще въ доисторической мглѣ (стр. 135). Другія, менѣе удовлетворительныя указанія, привели къ предположенію о раннемъ образованіи торговыхъ государствъ на западномъ берегу Аравійскаго полуострова,—а уцѣлѣвшіе на этомъ берегу остатки построекъ, хотя и не имѣющіе сами по себѣ важнаго значенія, подкрѣпляли, повидимому, это предположеніе (стр. 123).

Первое неоспоримое свидѣтельство о существованіи въ западной Азіи организованныхъ народныхъ общинъ съ обширною промышленною дѣятельностью могли доставить только изображенія азійскихъ народовъ на египетскихъ памятникахъ. Надписи, сопровождающія эти изображенія, разъяснили, что большая часть этихъ азіяцевъ принадлежали къ племенамъ, жившимъ въ передней Азіи; а тѣ изъ нихъ, которые представлены вмѣстѣ съ различными издѣліями и произведеніями промышленности—повидимому уже значительной—были жители югозападнаго побережья и острововъ. На основаніи этого свидѣтельства, можно было предположить, что названныя страны и были самыми ранними средоточіями культуры и промышленности. Это предположеніе подтвердилось и историческими указаніями на несомнѣнное вліяніе, которое промышленное переднеазійское и островное населеніе уже въ глубокой древности оказывало на культуру и бытъ не только Египтянъ, но и Евреевъ (см. гл. 5.). Въ какой степени это вліяніе косну-

¹ G. Klemm. Allgemeine Kulturgesch. der Menschheit I, 196 и слѣд. — ² Тамъ же, стр. 202. C. Ritter Erdkunde Asien I, 1: „Азія есть прародина всѣхъ преданій о происхожденіи и распространеніи человеческого рода“; и стр. 84: „Только средняя Азія, а не какая либо иная страна, могла быть тѣмъ обширнымъ питомникомъ человечества, который былъ въ состояніи снабжать всѣ покидавшія его племена, какъ ни различны они были, необходимою домашнею утварью и надѣлять ихъ хлѣбными растеніями, питательными овощами, домашними животными, патриархальными обычаями, первобытными религіями, преданіями и т. д.—ибо всѣ эти дары могли снова приняты, пустаяь корни и расцвѣтаться только въ сродныхъ странахъ“.

лось другихъ восточныхъ народовъ, въ особенности Ассиріянь и Вавилонянь, съ достовѣрностью рѣшить было нельзя, по недостатку положительныхъ извѣстій; казалось, однакожь, весьма вѣроятнымъ, что промышленность прибрежнаго населенія покрайней мѣрѣ способствовала развитію промышленности среднеазійскихъ государствъ, такъ какъ измѣненія, которымъ подверглись у Ассиріянь одежда и вся бытовая обстановка западноазійцевъ, заключались, повидимому, только въ прибавкѣ къ заимствованнымъ формамъ нѣкоторыхъ особенностей, вызванныхъ мѣстными условіями, а не въ самостоятельной переработкѣ самыхъ формъ (стр. 175 и сл.). Господствовавшее въ западноазійскихъ земляхъ однообразіе политическаго устройства (последовательный рядъ народныхъ династій, изъ коихъ каждая подчиняла себѣ всю массу населенія) уже само по себѣ было неблагоприятно развитію индивидуальности. Поэтому бытовая обстановка, представленная на ассирійскихъ памятникахъ, могла быть разсматриваема, какъ образчикъ бытовой обстановки западноазійскихъ народовъ вообще и ея постепеннаго развитія у нихъ въ теченіе того періода времени, къ которому эти памятники относятся—т. е. отъ 900 до 600 г. до Р. X.

Когда же затѣмъ Персы покорили своей власти родственныхъ между собою по происхожденію и по образу жизни Ассиріянь и Мидянь, и обложили данью не только береговые народы, но и малоазійскія племена,—объединяющее вліяніе ихъ господства отразилось на развитіи внѣшнихъ формъ западноазійскаго быта привнесениемъ въ нихъ нѣкоторыхъ—національно-персидскихъ на этотъ разъ—особенностей, но не только не нарушило, а еще болѣе закрѣпило ихъ общность, которую онѣ и удержали до самаго паденія персидскаго царства.

На основаніи такой общности внѣшняго быта западноазійскихъ народовъ, въ развитіи его можно было бы отмѣтить четыре эпохи и къ первой эпохѣ, древнѣйшей (,,кочевой“), отнести внѣшній бытъ кочевыхъ арабскихъ племенъ. Дальнѣйшее развитіе его въ продолженіе втораго тысячелѣтія до Р. X. составило бы эпоху сиро-финикійскую, за которую слѣдовала бы ассиро-вавилонская эпоха (отъ 900 до 600 г. до Р. X.) и наконецъ—эпоха мидо-персидская, начинающаяся царствованіемъ Кира (около 550 до Р. X). И это дѣленіе не было бы произвольно: оно подтверждается какъ письменными, такъ и монументальными свидѣтельствами о развитіи и измѣненіяхъ внѣшняго быта Евреевъ — народа, рано вступившаго въ среду западноазійскаго населенія и подпавшаго разностороннѣйшимъ вліяніямъ (см. гл. 5.).

Для усовершенствованія внѣшняго быта западноазійцевъ вообще, и уже не только въ смыслѣ народности, но и въ смыслѣ изящества, художественности, было повидимому особенно важно господство Персовъ надъ малоазійскими землями. Усвоеніе западныхъ (греческихъ) культурныхъ элементовъ туземнымъ малоазійскимъ населеніемъ развило его вкусъ, давъ ему эстетическое направленіе, которое начало оказывать свое вліяніе и на восточные народы. Любимая ими пышность, доведенная особенно Ассиріянами даже до неуклюжаго обремененія украшеніями какъ одежды, такъ и построекъ и утвари, стала постепенно уступать мѣсто легкости и красоты формъ и большей связности частей (см. гл. 4.).

Хотя, какъ мы видѣли, весь малоазійскій полуостровъ могъ быть названъ какъ-бы разсадникомъ художественной обработки предметовъ внѣшняго быта, но главными пунктами, гдѣ эта обработка началась и откуда она распространилась, оказались прибрежныя области и острова (см. гл. 6.). Какъ бы ни было вліяніе мѣстныхъ и племенныхъ условій на развитіе художественнаго чувства въ малоазійскомъ населеніи, главнѣйшимъ факторомъ въ этомъ отношеніи постоянно являлось населеніе греческихъ колоній, надрѣленное отъ природы счастливою способностью, которой были лишены всѣ азіатскіе народы,—способностью придавать художественное значеніе всему, что ни переходило къ нему чужаго. Ему были обязапы восточный костюмъ измѣненіемъ своихъ неуклюжихъ украшеній въ изящныя; благодаря его вліянію и дѣятельному участію, господствовавшія въ восточныхъ постройкахъ массивность и произвольность уступили мѣсто правильному архитектурическому расчлененію, и преобладавшая въ восточной утвари аляповатость очертаній замѣнилась легкими и пріятными для глаза линиями.

Образовавшійся изъ смѣшенія кореннаго пассивнаго населенія съ вѣтвью арійской расы, народъ Индусовъ былъ призванъ выработать совершенно особую цивилизацію; но какъ-бы отрѣзанный топографическими условіями своей страны отъ культурныхъ народовъ Запада, онъ появился въ исторіи лишь тогда, когда эти народы почти уже сходили съ ея поприща, такъ что, въ сопоставленіи съ ними, онъ представляется, строго говоря, народомъ почти неисторическимъ. Поэтому, указаніе — по крайней мѣрѣ основанное на доказательствахъ — особенныхъ моментовъ въ развитіи внѣшняго быта Индусовъ до встрѣчи ихъ съ Греками, оказалось невозможнымъ. Но даже и вліяніе на нихъ Грековъ было въ этомъ отношеніи такъ слабо, что его почти не стоило принимать въ разсчетъ (стр. 329 и сл.).

Еще отчужденнѣе Индусовъ жили Китайцы, вырабатывая ту своеобразную культуру, съ какою они впервые сдѣлались извѣстными остальному міру лишь въ новѣйшее время. Совершенное отсутствіе достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, какъ складывался ихъ внѣшній бытъ, не допускаетъ никакого сужденія о немъ.—Даже при самомъ концѣ древней исторіи, страна Серовъ и Синовъ (*Serae* и *Sinae*)—Китай, почиталась еще сказочною, исполненною всякаго рода чудесъ странюю.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ ПО ИХЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Введеніе.

- Фиг. 1—5. P. Maxim. von Neuwied. Reise. Pl. 14; 21; 22; 12; 3; 14, Fig. 3; 21.
- 6. *a.* I. Hawkesworth. Reisen im Südmeer. (Нѣм. пер.) III, 82.—*b.* Klemm. Werkzeuge und Waffen. Fig. 18—*c.* Id. Fig. 75.
- 7. G. Klemm. Allgem. Culturgesch. Загл. рис.
- 8—9. Id. Bd. I, Taf. II, 6; Taf. VI, 6; Taf. V, c; Taf. VII, 6.
- 10. *a.* A. Sparrmann. Reise nach. d. Vorgebirde. Taf. III, 6 и Le Vaillant. Reise in das Innere (нѣм. пер.) Bd. II, Taf. 1.—*b.* Le Vaillant. Reise. Bd. I, Taf. VI.—*c.* Pierre Trémaux. Voyage au Soudan oriental. Pl. 5.
- 11. I. Ferrario. Costume etc. L'Afrique. Le Vaillant op. cit.
- 12. A. Sparrmann. Reise etc. III. 4.
- 13. *a, c.* Klemm. Werkzeuge u. Waffen. Fig. 302—305; 26.—*b, d, e, f.* Klemm. Allg. Culturgesch. III, Taf. VII, Fig. 9, 10, 7, 1, 2.
- 14. *a, c.* I. Ferrario Hist. du Costume. Afrique II. Pl. 56, 63, 39.
- 15. *a, c, e.* H. Lichtenstein. Reise im südl. Afrika. Fig. 14, 15, 5.—*b.* A. Sparrmann. Op. cit. Taf. III. Fig. 1, и Le Vaillant op. cit. I. Taf. VI.—*d.* G. Klemm. Allg. Culturgesch. III. Taf. VI. Fig. 7.
- 16. *a.* G. Klemm. Werkzeuge etc. Fig. 171, 172.—*b, c.* H. Lichtenstein. Reisen etc. Fig. 3; 2.

Египтянс.

- Фиг. 17. *a, b.* Rosellini. Monumenti dell'Egitto. I. Pl. XXIV, 35; LXII, 4.—*c.* Id. III, Pl. LIX.
- 18. *a, b, c, d, e, f, h, i, k, l, m, n.* I. Rosellini. Op. cit. II, Pl. XXXII, 1; L, 1; IV; XVIII; XXXII, 2; LXXXVIII, 8; CXVI, 7; CXVI, 3; LXXXV, CXX, CXXIX, 1; CXXV.—*g.* G. Wilkinson. Manners and Customs. 459 (10).
- 19. *a, c.* Description de l'Egypte. Antiquités. Vol. V. Pl. 62.
- 20. *a, g.* I. Rosellini. Monumenti. II. Pl. XXX; XXVII.—*b, e, f.* G. Wilkinson. Manners. 459 (11, 15, 14).—*c, d.* F. Caillaud. Recherches sur les arts. Pl. 48, 51.
- 21. G. Wilkinson. Manners etc. 459 (13).
- 22. I. Rosellini. Monumenti. II. Pl. LXV, 9; LVI, 1; XXIV.
- 23. *a.* E. Prisse d'Avennes. Monum. Egypt. Pl. XL.—*b, c.* Rosellini. Monumenti. II, Pl. XLVIII; CX, 5.

- Фиг. 24. *a*, I. Rosellini. Monum. II. Pl. IV; XXIV, 1; XXX, 4; XXXIII, 2.—*b*. G. Wilkinson. Manners. 461 (12—14).
- 25. *a*, *e*, I. Rosellini, Monum. I, Pl. CXLV; III, Pl. LVIII; II, Pl. LXV, 7; LXV, 1; LXV, 3.—*f*. G. Wilkinson. Manners. 466 (7; 8). Cp. Minutoli. Reise Taf. XXXIII. 28.
- 26. *a*, *f*. I. Rosellini. Monumenti. II, Pl. CXLI; LXXIX; XCVI, 4.—*g*. F. Caillaud. Recherches etc. Pl. 54; cp. Rosellini II, Pl. LXVIII.
- 27. Th. Hope. Costum of the Ancients I, 11.
- 28. *a*. R. Lepsius. Denkmäler, Abth. II. Pl. 19, 21, 3.—*b*, *d*. G. Wilkinson. Manners. 461 (2, 4, 5).—*c*. H. Minutoli. Pl. XXXI. Fig. 2.—*f*. Rosellini. Monum. II. Pl. CXXXIII. 3.—*g*. G. Wilkinson. Manners. 461 (17); cp. Lepsius. II, 16.—*h*. Ibid. 461 (16).—*i*. I. Rosellini. I. Pl. LXXVI, 1. cp. Pl. CL и III; Pl. LXIV; 2.—*k*. H. v. Minutoli. Reise. Pl. XXXVI.
- 29. I. Rosellini. Monum. II, Pl. XCV, 7; LXXVIII; LXXIX; CXXXIV.
- 30. *A*. I. Rosellini. Monum. I. Pl. XIX. 23.—*B*. G. Wilkinson. Manners. 469.—*C*. 156; 157.—*a*. Ibid. 470 (2).—*b*, *c*. I. Rosellini. Monum. III, Pl. LVIII.—*d*, *f*. Ibid. II. Pl. LXXXI, 1.—*g*, *h*. F. Caillaud. Recherches. Pl. 29. B. 10—14,—*i*, *m*. Wilkinson. Manners. 471.—*n*, *p*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. LXXXI, 23; 17; 21.—*q*, *z*. G. Wilkinson. Manners. 471.
- 31. *a*, *b*. R. Lepsius. Denkmäler. Abth. II. Pl. 21.—*c*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. CXXVI. 7.—*d*. Ibid. I. Pl. XVI.—*e*—*g*. E. de Rougé. Memoire sur l'inscription du tombeau d'Ahmes. Pl. II.—*h*, *i*. Rosellini. Monum. II. Pl. LXXX, 2; 1.
- 32. *a*—*d*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. CXXXVIII; CXXX; CXXXI.—*e*, *f*. G. Wilkinson. Manners. 484 (4); 485.
- 33. *a*, *b*. G. Wilkinson. Manners. 460 (3; 2); cp. I. Rosellini. Monum. I. Pl. XVII, 2.—*c*—*e*. I. Rosellini. Monumenti. I. Pl. XVII, 2.—*c*, *e*. I. Rosellini. Monumenti I. Pl. CXVIII, XVI, CLXII; 4
- 34. *a*. Description de l'Egypte. I. Pl. 27 (2).—*b*—*e*. G. Wilkinson. Manners. 460 (8; 9; 10); 460 (4).—*f*. Съ оригинал. наход. въ Лейденскомъ Музеѣ.—*g*—*k*. G. Wilkinson. Manners (простр. издание) Fig. 72 (3); 50, 80 (1).—*l*—*o*. I. Rosellini. Monumenti. I. Pl. XVIII, 15; XXXV.
- 35. *a*, *c*, *e*. I. Rosellini. Monumenti. I. Pl. XIX, 21, 24, 22.—*b*, *d*. G. Wilkinson. Manners. 274; 467 (1).
- 36. *a*, *b*. G. Wilkinson. Manners. 279 (4; 5); cp. J. Rosellini. Monum. I. Pl. XVIII. 17.—*c*. J. Champollion. Egypte Pl. 20; cp. Descript. de l'Egypte II. Pl. 60.—*d*. G. Wilkinson. Manners. (простр. изд.) Nr. 458. p. 28. Serie II (II).
- 37. *a*—*c*. J. Rosellini. Monumenti. I. Pl. XVI. 4; CVI; CXXVI.—*d*. Ibid. II. Pl. LXXX.—*e*. Ibid. I. Cl.—*f*—*k*. Wilkinson. Manners. 477 (1—3); 478.
- 38. *a*, *b*. Wilkinson. Manners. 283 (1—3).
- 39. *a*—*d*. Wilkinson. Manners. 286 (2; 4; 9) 282 (1).

- Фиг. 40. *a, c.* Wilkinson. Manners. 294; 293 (2).—*d.* J. Rosellini. Monum. II. Pl. CXVIII.—*e, f.* Wilkinson. Manners. 295 (1); 296.—*g, h.* I. Rosellini. Monum. II. Pl. CIII; CXVII.—*i-m.* Wilkinson. Manners. 289. Part. 2; 299 (11; 4); 298 (1).
- 41. *a, b.* I. Rosellini. Monum. II. Pl. CXVI. 6; CXXI. 19.—*c, d.* Wilkinson. Manners. 323 (3; 2).—*e, f.* I. Rosellini. Monum. II. Pl. CXVII. 3; 6.
- 42. *a, b.* Descript. de l'Égypte. Antiq. II. Pl. 8 (3; 4).—*c.* I. Rosellini. Monum. II. CXXI. 17.
43. *a, c, e, g, k, m-p.* Wilkinson. Manners. 302 (1); 289. Part. I; 306; 307; 308 (1); 309 (5; 2; 4); 310 (2); 355 (9); 311 (1; 2); 355 (4; 5).—*b, f, h, i, l.* I. Rosellini. Monum. II. Pl. CXXI. 25; I. Pl. LXXIX; II. Pl. CXVII; CXIX; CXXI. 28.
- 44. *a, e, g, i, l, n.* Wilkinson. Manners. 322 (2); 321 (3); 319 (6); 320; 355 (1); 318 (1); 315.—*f.* Rosellini. Monum. I. Pl. LXXIX.—*k.* Ibid. II. Pl. CXXI. 29.—*m.* Ibid. II. Pl. CXXII. 3.—*o, p.* Ibid. II. Pl. CXXI. 21; 28.—*q.* Descript. de l'Égypt. Ant. II. Pl. 88 (9).
- 45. *a-d, f-k.* Wilkinson. Manners. 391.—*e.* I. Rosellini. Monum. II. Pl. CXXI. 8.
- 46. G. Wilkinson. Manners. 325.
- 47. *A, B, C.* J. Rosellini. Monum. I. Pl. LXXXIII; LXXXI; CII.—*a.* Ibid. I. Pl. XVI.—*b-d.* Съ гипсового слѣпка съ оригин. наход. въ Туринскомъ Музееъ.—*e.* Rosellini. Monum. I. Pl. XCVI. B. 1.
- 48. G. Wilkinson. Manners. 18.
- 49. *a, b.* Ibid. X; 7 и 13.
- 50. *a, b.* Ibid. 1; 7.
- 51. I. Rosellini. Monumenti. II. PXVI. LIII. 1.
- 52. G. Wilkinson. Manners. 21.
- 53. *a, b.* Ibid. 10; 9; 8.
- 54. Ibid. I. Загл. рис.
- 55. Descript. de l'Égypte. Ant. III Pl. 46 (2).
- 56. *a, b.* Ibid. Pl. 6.
- 57. *a.* Ibid.—*b.* Ibid. I. Pl. 78 (7).—*c.* F. Kugler. Gesch. der Baukunst. I, 14.—*d.* Descript. de l'Égypte.—*e-f.* Ibid. Ant. III. Pl. 57 (9).
- 58. Descript. de l'Égypte. Ant. I. Pl. 18.
- 59. Ibid. Сравн. Gemälde von Aegypten nach Champollion. Pl. 4.
- 60-62. F. Kugler. Gesch. d. Baukunst. I, 22; 30; 35; 40.
- 63-65. Ibid. I, 40; 35; 39; 61.
- 66. Ibid. p. 33.
- 67. *a, b.* Сообщ. г. Бругшемъ.
- 68-69. Wilkinson. Manners. 351; 402.
- 70. I. Rosellini. Monum. II, Pl. CVII (2); ср. CVIII и Wilkinson.
- 71. *a-i.* I. Rosellini. Monum. II. Pl.; XLIV; XLIII; XLIV. Ср. Wilkinson. Manners. Fig. 392 395; 396; 398; 403;

- Фиг. 405; 407.—*k*. E. de Rougé. Memoire du tombeau p. 84.—*l*—*s*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. XLIII; LII; L; LI.—*t*. Wilkinson. Manners. 416 и Rosellini. Monum. II. Pl. XLVI.
- 72. *a*. G. Wilkinson. Manners. 361 (1).—*b*. Rosellini. Monum. II. Pl. XXXII.—*c*, *d*. G. Wilkinson. Manners. 359 (3); 370 (2).
- 73. G. Wilkinson. Manners. 191; 191. a; 192.
- 74. *a*—*l*. Ibid. 162 (6; 7; 10; 11; 13; 15); 166 (3); 167 (9); 162 (8, 19); 166 (4).—*m*—*o*. Gemälde von Aegypten nach Champollion. Pl. 61.—*p*. I. Rosellini. Monum. II, Pl. LVII. 29.—*q*, G. Wilkinson. Manners. 166 (2).
- 75. *a*—*c*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. LXII (1); LVIII (4).
- 76. *a*—*l*. G. Wilkinson. Manners. 71 (3; 4); 74 (4; 1); 69 (1); 71 (2); 70 (2); 66 (1); 70 (3); 69 (2); 71 (2).—*m*. G. Cailland. Recherches. Pl. 26 (1).—*n*, *o*. G. Wilkinson. Manners. 67 (3; 2).
- 77. *a*—*f*. I. Rosellini. Monum. Pl. XC. 3; XCI.
- 78. *a*, *b*. G. Wilkinson. Manners. 91 (1); 79 (3).—*c*. I. Rosellini. Monum. II. —*d*—*f*. G. Wilkinson. Manners. 78; 83.
- 79. *a*, *b*, *c*. G. Wilkinson. Manners. 473 (b; c; 7).—*d*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. LXXXI.—*e*, *f*. G. Wilkinson. Manners. 476 (2); 378 (2).—*g*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. LXI.—*h*—*l*. G. Wilkinson. Manners. 397 (1; 2; 5); 396 (g).
- 80. *a*. G. Wilkinson. Manners. 109 (1).—*b*. 145 (1); 150.—*c*. 112 (2).—*d*. 107 (3).—*e*. 142 (1—2).—*f*. 144 (3).—*g*. 113.
- 81. *a*, *b*. G. Wilkinson. Manners. 94 (1; 3).—*c*. 102 (2).—*d*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. XCVIII (2).—*e*. G. Wilkinson. Manners. 103 (2)—*f*. 91 (1).—*g*. 123 (1).
- 82. *a*, *b*. I. Rosellini. Monumenti. II. Pl. XCVII; ep. Descript. de l'Égypte. Ant. II. Pl. 91.
- 83. *h*. G. Wilkinson. Manners. 124 (2).—*i*. 133.—*k*. 124—*l*. 125.—*m*. 138.—*n*. 135.
- 84. *a*. I. Rosellini. Monum. II. Pl. XCIII. 2; G. Wilkinson. (простр. изд.) II. (1). 208.—*b*. Ibid. II. Pl. LXXV (2).
- 85. *A*. G. Wilkinson. Manners. 331.—*a*. I. Rosellini. Monum. I. Pl. LXXXIV.—*b*. G. Wilkinson. Manners. 327 —*c*. 329.
- 86. G. Wilkinson. Manners. 335 (2; 4).
- 87. *a*. J. Rosellini. Monumenti III. Pl. LV.—*b*—*d*. Wilkinson. Manners. 168 (1); 267 (a; c; 5).—*e*. J. Rosellini. Monum I. Pl. CXLV.
- 88. *a*. G. Wilkinson. Manners. 485.—*b*. 492.—*c*—*f*. 496 (9; 2; 7; 1).

Эфиопяне.

- Фиг. 89. G. Wilkinson. Manners. 13.
- 90. *a*. F. Caillaud. Voyage à Méroé. Pl. XVI.—*b*—*d*. Pl. XVII (1; 2).

- Фиг. 91. Ibid. Pl. XVII. 1.
 — 92. *a.* Ibid. (Naga) 2.— *b, c.* Ibid. (Assur). XLVI. 1; 3.— *d, e.* Ibid. (Naga) XVI.
 — 93. Ibid. (Assur). Pl. XLVI. 4.
 — 94. *a.* Ibid. (Barkal) Pl. LIII.— *b.* Ibid. (Assur). Pl. XLVI. 1.— *c—e.* Ibid. (Naga). Pl. XVI.
 — 95. R. Lepsius. Briefe. **Заглавн. рисунокъ.**
 — 96. G. Wilkinson. Manners. 338.
 — 97. F. Cailland. Voyage (Assur). Pl. XLVI. 3.
 — 98. *a.* J. Rosellini. Monum. I. Pl. CLXI.— *b.* I. Pl. CLIX. 4.

Аравитяне.

- Фиг. 99. *a—c.* J. Rosellini. Monum. I. Pl. LXVII.— *d, e.* Ch. Texier. Voyage en Perse Pl. 113 (3).
 — 100. *a.* C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien. Bd. I. Taf. LIV.— *b, c.* David Roberts. The Holy Land.
 — 101. *a.* Dav. Roberts. Op. cit.— *b.* H. Meyer. Genrebilder aus d. Orient. Taf. XLI. 30.— *c.* Prisse d'Avennes. Miroir de l'Orient. p. 5.— *d, e.* C. Niebuhr. Beschreibung von Arabien. Taf. II. E. G.
 — 102. *a.* Galerie royale des Costumes (Costumes algériens). 26.— *b.* W. Lane. Sitten u. Gebräuche der heutigen Aegypter. Bd. I. Taf. 20.— *c.* C. Niebuhr. Reisebeschreibung. Bd. I. Taf. XXIII. 48.— *d, e.* W. Lane. Op. cit. Bd. III. Taf. 64. (7; 5).— *f, i.* H. v. Meyer. Genrebilder etc. Taf. XXIV. 38; 43; 63; 64.
 — 103. *a.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 538. *b—e.* H. v. Meyer. Genrebilder. Taf. XVIII. 6; 9; 8; 41; 61.— *f, g.* Ibid. Taf. VI. 42; 43.
 — 104. D. Roberts. The Holy Land.
 — 105. *a.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 582.— *b.* H. v. Meyer. Genrebilder. Taf. XII. 19.

Народы западной Азии.

- Фиг. 106. *a—h.* J. Rosellini. Monumenti. I. Pl. XXVII; XXVI; CLVII; CLIX. 1; CLVI.
 — 107. *a.* Ibid. I. Pl. CLVIII.— *b.* II. Pl. LVIII. 5.— *c.* I. Pl. LXXX.— *d.* I. Pl. LXXXIII.— *e.* II. Pl. LVIII. 5.
 — 108. *a, b.* G. Wilkinson. Manners. p. 402. Fig. 2. 3.— *c.* J. Rosellini, Monum. I. Pl. CIII. B. 8.— *d.* G. Wilkinson. Manners. p. 391. Fig. 7. *a—e.* Ibid. Nr. 353 (1).
 — 109. *a—d.* J. Rosellini. Monum. I. Pl. CLIX; CLVII.
 — 110. *a—d.* G. Wilkinson. Manners. 342 (1—3); 301.— *e—g.* по J. Rosellini.
 — 111. J. Rosellini. Monum. I. Pl. CVII.
 — 112. *a—d.* J. Rosellini Monum. II. Pl. LVIII (2; 5); LIII. 16. G. Wilkinson. 164 (1); 160 (1).— *e.* G. Wilkinson. 165 (3).
 — 113. *a, b.* J. Rosellini. Monum. I. Pl. CXXVIII; CIII. B. 6.

Ассирияне и Вавилоняне.

- Фиг. 114. *a.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 339.— *b.* H. Glosse. Assyria. p. 547.

- Фиг. 115. *a.* J. Bonomi. Nineveh and its palaces. p. 201 (98).—*b.* H. Gosse Assyria. p. 450.—*c, d.* J. Bonomi. Nineveh. p. 267 (158).
- 116. *a—c.* H. Gosse. Assyria. p. 132; 135.
- 117. *a, b.* J. Bonomi. Nineveh. p. 275; 141. Cp. Botta et Flandin. Pl. 14. H. Gosse. p. 335; 440. A. Layard. op. cit. p. 150.
- 118. *a, b.* H. Gosse. Assyria. p. 459; 461.—*c.* A. Layard. op. cit. p. 150.
- 119. *a—d.* J. Bonomi. Nineveh (137) 219; (56) p. 134; p. 256; 292.—*e.* H. Gosse. Assyria. p. 98.—*f.* A. Layard. Nineveh. Fig. 78.—*g.* H. Gosse. Assyria. p. 98.—*h, i.* J. Bonomi. Nineveh. Fig. 186.
- 120. *a.* J. Bonomi. Nineveh. p. 218.—*b, c.* Ibid. 267; 265.—*d.* H. Gosse. Assyria. p. 101.
- 121. *a—h.* H. Gosse. Assyria. p. 458; 469; 270; 463.
- 122. J. Bonomi. Nineveh. p. 295.
- 123. *a—r.* Cp. Bonomi. Nineveh. p. 334 seq.; H. Gosse. Assyria. p. 470 seq.
- 124. *a—g.* H. Gosse. Assyria. p. 277; 278; 275; 301.—*h.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 21.
- 125. *a—d.* J. Bonomi. Nineveh. p. 332 и H. Gosse. Assyria. p. 295.—*e—h.* H. Gosse. Assyria. p. 288; 286; 298.
- 126. *a—l.* H. Gosse. Assyria. p. 246; 247; 249; 251; 256.
- 127. *a—c.* H. Gosse. Assyria. p. 268.—*d—f.* P. 265.—*g—k.* P. 258.—*l, m.* P. 263.—*n.* A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 34.
- 128. *a.* H. Gosse. Assyria. p. 346.—*b.* A. Layard. Nineveh and Babylon.—*c.* J. Bonomi. Nineveh. (187) 188.—*d.* H. Gosse. Assyria. p. 283.—*e.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 457.—*f.* Его же: Nineveh and its ruins. Fig. 49.
- 129. *a.* H. Gosse. Assyria. p. 240.—*b.* A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 55.
- 130. *a, b.* H. Gosse. Assyria. p. 311; 135.
- 131. *a.* A. Layard. Nineveh and its ruins.—*b.* H. Gosse. Assyria. p. 184.
- 132. *a, b.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 86; 647.—*c, d.* Его же: Nineveh and its ruins. Fig. 26; 89.—*e.* Nineveh and Babylon. Fig. 131.
- 133. J. Bonomi. Nineveh. Fig. 33; F. Kugler. Kunstgeschichte (3) I, 62.
- 134. *a.* H. Gosse. Assyria. p. 333.—*b—d.* A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 30. a; Fig. 32 a. b.
- 135. A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 251.
- 136. *a.* A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 63.—*b.* J. Bonomi. Nineveh p. 241.
- 137. *a.* H. Gosse. Assyria. p. 554; 557.—*b.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 593.—*c—g.* H. Gosse. Assyria. p. 554; 557.—*h, i.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 181.—*k.* H. Gosse. Assyria. p. 512.—*l.* J. Bonomi. Nineveh. p. 190 (112).—*m, n.* H. Gosse. Assyria. p. 512; 513.—*o.* J.

Bonomi. Nineveh p. 253.—*p.* H. Gosse 267.—*q.* Ibid.—*r.*, *s.* A. Layard. Nineveh and Babylon. 600; 593.

- Фиг. 138. *a—c.* H. Gosse. Assyria. p. 167; 447; A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 36.—*f.* Ibid. Fig. 38.—*g.*, *h.* H. Gosse. Assyria. p. 163.
- 139. *a—d.* H. Gosse. Assyria. p. 497; 522; 506; 165.—*e.* A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 39.—*f—h.* H. Gosse. Assyria. p. 609; 500.
- 140. *a*, *b.* H. Gosse. Assyria. p. 514.—*c—e.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 455.
- 141. *A.* H. Gosse. Assyria. p. 251.—*B.* J. Bonomi. Nineveh. p. 226.—*C.* H. Gosse. Assyria. p. 230.—*D.* Ibid. p. 148.—*E.* Ibid. p. 161.
- 142. H. Gosse. Assyria. p. 238.
- 143. *a*, *b.* Ibid. p. 300.
- 144. Ibid. p. 104.

Персы и Мидяне.

- Фиг. 145. Ch. Texier. Description de l'Arménie. Pl. 84.
- 146. *a*, *b.* Ibid. Pl. 99. Fig. 1, 2.
- 147. *a*, *b.* Ibid. Fig. 1. 2.—*c—e.* Ibid. Pl. 111—111 bis.
- 148. *a—c.* Ibid. Pl. 111.
- 149. *a—f.* H. v. Minutoli. Notiz über den in Pompeji aufgefundenen Mosaikfussboden. Berlin 1835. Ср.: R. Museo Borbonico; O. Müller. Denkmäler; J. Overbeck. Pompeji.
- 150. *a—c.* Ch. Texier. Description etc. Pl. 111; 98; 101.
- 151. *a.* Ibid. Pl. 114 bis, 1.—*b.* A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 210.—*c.* Ch. Texier. Description etc. Pl. 97.—*d.* Pl. 99. Fig. 1.—*e.* Pl. 101.—*f.* Pl. 114.—*g.* Pl. 125.
- 152. *a*, *b.* Ibid. Pl. 114 bis, 1.—*c.* Pl. 97.—*d.* Pl. 114 bis, 1.
- 153. A. Layard. Nineveh. and Babylon. p. 252.
- 154. J. Bonomi. Nineveh. Fig. 29.
- 155. Ch. Texier. Description etc.
- 156. *a—c.* Ibid. Pl. 104; 128.
- 157—158. J. Fergusson. Handbook of Architecture.
- 159. H. Gosse. Assyria. p. 324.
- 160. *a—c.* Ch. Texier. Description etc. Pl. 98; Pl. 99. fig: II; Pl. 114; Pl. 98; Pl. 99, fig. II.
- 161. *a—d.* Ibid. Pl. 113; 126; 114.
- 162. H. Gosse. Assyria. p. 224.

Евреи и Финикияне.

- Фиг. 163. A. Layard. Nineveh and Babylon p. 152.
- 164. *a*, *b.* H. Gosse. Assyria. p. 361.
- 165. *a*, *b.* Ibid. p. 392; 353.—*c*, *d.* J. Bonomi. Nineveh. Fig. 82; 83.—*e.* H. Gosse. Assyria. p. 357; J. Bonomi. Fig. 70.
- 166. E. Flandin et Coste. Voyage en Perse.
- 167. David Roberts. The Holy Land. II.
- 168. *a*, *b.* F. Kugler. Gesch. der Baukunst. S. 120; 121.—*c.* S. Munk. Palestine. Tab. 21 (3).

- Фиг. 169. *a*. J. Bonomi. Nineveh. Fig. 91.—*b*. A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 66.
 — 170. A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 64.
 — 171. *a*, *b*. Ibid. Fig. 65 *a*; 67.
 — 172. J. S. Buckingham. Travels among the arabian tribes. London. 1824. p. 174.
 — 173. L. de Laborde. Voyage en Arabie Pétrée. Paris 1830. Fol. B.
 — 174. *a*, *d*. A. Layard. Nineveh and Babylon. p. 547; 186; 526; 504.
 — 175. *a*. Ibid. p. 583.—*b*. H. Gosse. Assyria. p. 362.
 — 176. *a*, *b*. P. Bellori. Veteres arcus Augustorum triumphis insignes. Romae. 1690. N. 5.

Малоазійскіе народы.

- Фиг. 177. *a*, *b*. A. Böttiger. Kleine Schriften. (2) III. Taf. II *a*, *b*,—*c*, *d*. J. Bonomi. Nineveh. Fig. 265; 264,—*e*. J. Fergusson. Handbook of Architecture I. Fig. 120.—*f*. A. Layard. Nineveh and Babylon. p. XXIII.—*g*. J. Fergusson. Handbook. I. Fig. 120.
 — 178. *a—d*. Ch. Texier. Description de l'Arménie. Pl. 43 (1); 126 (5).—*e*. H. Gosse. Assyria. p. 548.
 — 179. *a*. O. Müller. Denkmäler der alt. Kunst. B. XXVII. Fig. 293; Th. Hope. Costume. I, 32.—*b*. J. Overbeck. Gallerie heroischer Bildwerke. Atl. Taf. XI. 4; C. Creuzer. Gallerie der alt. Dramatiker. Taf. 4.—*c*. Th. Hope. Costume. I, 23.
 — 180. *a*, *b*. Th. Hope. Costume. I, 19; 24.
 — 181. *a—c*. Th. Panofka. Dionysos und die Thyaden. Taf. II. 2. *a—d*. E. Gerhardt. Über die Vase des Midias. Taf. II. 1.
 — 182. *a—d*. Th. Hope. Costume of the Ancients. I. 29; 127; 129; 25.
 — 183. *a*, *b*. Ibid. I. 20.—*c*, *d*. Ibid. 21 (1; 2).—*e*. 17 (3).—*fg*. 30.—*h*. 17 (4).—*i*, *k*. 30.—*l*. 20.—*m*. 27.—*n—p*. 20.—*q*. 22.
 — 184. O. Müller. Denkmäler der alten Kunst. A. Taf. XLV. 210 (a).
 — 185. Ibid. A. Taf. VII. i.
 — 186. *a—d*. Th. Panofka. Bilder antiken Lebens. X. 10.
 — 187. J. Overbeck. Gallerie heroisch. Bildwerke. Taf. XXII. 8.
 — 188. *a*. A. Böttiger. Kleine Schriften (2) III. Taf. II. 6.—*b*. Th. Hope. Costume. I. 22.—*c*. J. Overbeck. Gallerie. Taf. XVII. 6.
 — 189. *a*, *b*. Ch. Fellow. Ausflug nach Kleinasien (въ нѣм. пер.). Taf. 9.
 — 190. *a*. J. Fergusson. Handbook. I. Fig. 153.—*b*. Ch. Fellow. Taf. IV.
 — 191. *a*. J. Fergusson. Handbook. I. Fig. 155.—*b*. J. Overbeck. Gallerie. Taf. IX. 8.
 — 192. *a—c*. J. Fergusson. Handbook. I. Fig. 148.
 — 193—194. J. Bonomi. Nineveh. Fig. 68; 187.

- Фиг. 195. *a, b.* Th. Panofka. Bilder antik. Lebens. XII. 6; XVII. 8. 9.—*c.* Th. Panofka. Winkelmann. 1853. Fig. 1.—*d, e.* Его же: Zufluchtsgottheiten III. 4; IV. 7.—*f.* E. Gerhardt. Archemerosvase. Taf. 1.—*g, h.* Th. Panofka. Bilder antik. Lebens. XVII. 1.—*i.* E. Gerhardt. Archemerosvase. Taf. 1.—*k.* Th. Panofka. Dionysos und die Thyaden. Taf. I (1).—*l.* Th. Hope. Costume etc. I, 137.—*m.* Th. Panofka. Bilder antik. Lebens. XVIII. 2.—*n.* Th. Hope. Costume. II. 203.
- 196. *a.* E. Gerhards. Vase des Midias. Taf. 1.—*b, c.* J. Overbeck. Gallerie. Atl. IX. 8.—*d.* Th. Panofka. Bilder antik. Lebens. III. 8.
- 197. *a—c.* Ch. Texier. Description de l'Asie mineure Pl. 72; 75; 79.
- 198. Dubois de Montpéroux. Voyage en Caucase. III. Série. Archéol. Pl. XXXIII.

Индусы.

- Фиг. 199. *a.* L. Langlés. Monuments anciens et modernes de l'Hindoustan.—*b.* Transactions of the Literary Society of Bombay. Vol. II. pl. V.
- 200. F. Kugler. Handbuch der Kunstgesch. (3.) I. 297.
- 201. *a, b.* A. Cunningham. The Bhilsa Topes etc. Pl. XIV.
- 202. *a—i.* Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain. Part. III. p. 451. Pl. 15.—*k—o.* Transactions of the Literary Society of Bombay. Vol. III. Pl. 17.
- 203. *a—c.* A. Cunningham. The Bhilsa Topes. Pl. XXIII. 3. 4. 13.
- 204. *a—d.* Ibid. Pl. XXXIII. 12; 2; 1; 7.—*c—m.* Ibid. 8 seq.—*n.* Ibid. Pl. XXII. 8.—*o—q.* Pl. XXXIII. 8.
- 205. *a—c.* Ibid. Pl. XV.
- 206. *a, b.* J. Fergusson. Handbook. I. Fig. 30 seq.—*c.* A. Layard. Nineveh and its ruins. Fig. 30. *e.—d.* I. Fergusson l. c.
- 207. J. Fergusson, l. c.
- 208. F. Kugler. Handbuch der Kunstgesch. (3.) I. 205.
- 209. *a, b.* A. Cunningham. The Bhilsa Topes. Pl. III.
- 210—211. J. Fergusson. Handbook. I.
- 212. F. Kugler. Geschichte der Bankunst. I.
- 213. *a—k.* Transactions of the Literary Society of Bombay. Vol. III. Pl. 15. Fig. 8; 9; 10; 12; 17; 18; 22; 23.

ПОПРАВКИ:

- Стран 81 рубрика: въѣсто: „посуда“ должно быть: сосуды.
— 170 стр. 4 снизу: въѣсто „400 кв. фут.“ д. б.: 160,000 кв. фут.
— 230 — 2 снизу и стран. 231 стр. 1-я сверху: навички ненужны.
— 305 — 4 въ прав. „двѣ“ не нужно.
— 313 — 12 снизу: въѣсто: „о Карійцахъ и Каунияхъ“ д. б.: о соплемен-
ныхъ Карійцамъ Каунияхъ.
— 317 — 6 снизу: „кавъ“ не нужно.
-

ИЗДАНИЯ Н. СОЛДАТЕНКОВА.

АФАНАСЬЕВА.....	Народныя русскія сказки. Выпускъ 1 и 2.	1 р.
	" " " Выпускъ 7...	1 р.
	" " " Выпускъ 8...	1 р. 50 к.
	Поэтическ. воззрѣн. Славянъ на природу. 3 т.	8 р.
БЕРГА.....	Записки объ осадахъ Севастополя. 2 части.	2 р. 50 к.
	Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ).	7 р.
ВОЛЬСКАГО.....	Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами-собственниками	2 р. 50 к.
ГЕТТНЕРА.....	Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣка. Т. III, Кн. I. Перев. А. Пыпина и А. Плещеева.	2 р.
ГРАНОВСКАГО.....	Сочиненія. 2 части.	2 р.
ЕШЕВСКАГО.....	Сочиненія. 3 части.	6 р.
ЗАБЪЛИНА.....	Опыты изученія русскіхъ древностей и исторія. Часть I-я.	2 р.
КАВЕЛИНА.....	Сочиненія. 4 части	5 р.
КАРРЬЕРА.....	Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы челоѣчества. Переводъ Е. Корша. Т. I и II.	6 р. 50 к.
КОЛЬЦОВА.....	Стихотворенія. Изд. 4.	50 к.
	Стихотворенія. Изд. 5.	20 к.
КЛЮЧЕВСКАГО.....	Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ	2 р.
КУГЛЕРА.....	Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. Часть I и II.	10 р.
ЛОТЦЕ.....	Микрокосмъ. Перев. Е. Корша. 3 части.	6 р. 50 к.
ЛЮБКЕ.....	Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Перев. В. Чаева.	6 р.
ОГАРЕВА.....	Стихотворенія. Изд. 3.	50 к.
ПОПОВА.....	Россия и Сербія. 2 части	4 р.
РИХТЕРА.....	Вліяніе целлулярной патологіи на практическую дѣятельность врача.	1 р.
ТАЦИТА.....	Лѣтопись. 2 тома. Пер. К. Кронеберга.	1 р. 50 к.
ТРАЧЕВСКАГО.....	Польское безкорольеве по прекращеніи династіи Ягеллоновъ.	3 р.
	Испанія XIX вѣка. Часть I я.	2 р. 50 к.
ТRENDELENBURGA.....	Логическія изслѣдованія. 2 части.	4 р.
ФЕТА.....	Стихотворенія. 2 части.	2 р.
ФЮСТЕЛЬ-КУЛАНЖЪ.....	Гражданская община античнаго міра. Переводъ Е. Корша	2 р. 50 к.
ФРИКЕНА.....	Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Ч. I-я.	1 р.
ЧИЧЕРИНА.....	Нѣсколько современныхъ вопросовъ.	1 р.
	Опыты по исторіи русскаго права	1 р.
	Очерки Англій и Франціи.	1 р.
	О народномъ представительствѣ.	3 р.
	Областныя учрежденія	3 р.
ШЕКСПИРА.....	Драматическія сочиненія. Переводъ Н. Бетчера. Часть 1—6-ая; за каждую.	1 р.
ШИЛОВА.....	Ключъ или дѣловитый указатель къ Исторіи Россіи С. Соловьева. Съ 6-ю родословными таблицами.	3 р.

 I-й и II-й томъ Исторіи всеобщ. литерат. XVIII вѣка Г. Геттнера изданы въ переводѣ А. Пыпина въ 1863 и 1865 годахъ.